И. В. Курукин

ЗАБЫТЫЕ ВОЙНЫ РОССИИ

Объединенная редакция
МВД России

Квадрига

Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова
Институт стран Азии и Африки

И. В. Курукин

Персидский поход Петра Великого

Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735)

МОСКВА
Квадрига
Объединенная редакция
МВД России
2010

УДК 94(47):355.48 “1722/1723”
ББК 63.3(2)511-68
К93

Научный редактор
кандидат исторических наук Т. А. Коняшкина

Курукин И. В.

К93 Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735) / И. В. Курукин. – М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. – 381 с. – (Забытые войны России).

ISBN 978-5-91791-046-8 (Квадрига)
ISBN 978-5-8129-0086-1 (Объединенная редакция МВД России)

Автор на новом архивном материале освещает поход Петра 1722–1723 гг. на Западный Каспий и Кавказ (территория нынешних Дагестана и Азербайджана), приведший помимо прочего, к завоеванию Северного Ирана. Не только военные действия, но и последующая судьба экспедиционного корпуса, а также политика России в этом регионе до конца XVIII века стали предметом углубленного исследования.

УДК 94(47):355.48 “1722/1723”
ББК 63.3(2)511-68

ISBN 978-5-91791-046-8
ISBN 978-5-8129-0086-1

© Курукин И. В., 2010
© Издательство «Квадрига», оформление, 2010
© Никулин А. Ю., дизайн переплета, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

«...Тако в сих краях, с помощию Божиею, фут получили, чем вас поздравляем», – писал на радостях Петр I в Петербург 30 августа 1722 года из только что открывшего ему ворота Дербента. Поход на Каспий стал в российской имперской историографии XIX – начала XX века отправной точкой «кавказских войн» – длительного процесса присоединения к России территорий от Кубани и Терека до сложившихся в это время границ с Турцией и Ираном. Неудивительно, что тогда же стали появляться первые исторические описания этого предприятия[1], полковые истории[2] и труды биографического жанра[3], порой содержавшие утраченные впоследствии или труднодоступные источники, и не потерявшие значения до нашего времени публикации документов[4].

---

[1] См.: *Туманский Ф.* Описание похода государя Петра Великого к лежащим при Каспийском море персидским провинциям // Российский магазин. СПб., 1793. Ч. 3; *Бутурлин Д. П.* Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1823. Т. 4. Ч. 2; Краткая летопись войнам, веденным русскими против персиян // Отечественные записки. 1827. Ч. 32. С. 53–93, 169–198 (другая публикация: Записки Одесского общества истории и древностей. 1879. Кн. 11. Смесь. С. 452–460); *Лебедев В. И.* Западный берег Каспийского моря при Петре Великом // Журнал Министерства народного просвещения. 1848. № 7; *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1;. *Соловьев С. М.* Петр Великий на Каспийском море // Вестник Европы. 1868. № 3. С. 163–202; *он же.* Соч.: В 18 кн. Кн. 9. М., 1993. С. 360–395; *Комаров В.* Персидская война 1722–1725 гг. М., 1867; *Мельгунов Г. В.* Поход Петра Великого в Персию // Русский вестник. 1874. № 3. С. 5–60; *Веселаго Ф. Ф.* Очерк русской морской истории. СПб., 1875. Ч. 1; *Потто В. А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах и легендах. СПб., 1885. Т. 1; *он же.* Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис, 1899; Утверждение русского владычества на Кавказе. К столетию присоединения Грузии к России. 1801–1901. Тифлис, 1901. Т. 1.

[2] См.: *Зиссерман А. Л.* История 80 пехотного Кабардинского полка. СПб., 1881; *Смирнов Я.* История 65 пехотного его императорского высочества наследника цесаревича полка. 1642–1700–1890. Варшава, 1890; *Богуславский Л.* История Апшеронского полка. 1700–1892. СПб., 1892. Т. 1; *Шеленговский И. И.* История 69 пехотного Рязанского полка. Люблин, 1909. Т. 1.

[3] *Шереметев П. С.* Владимир Петрович Шереметев. М., 1913. Т. 1.

[4] См.: Письма и указы государей: императора Петра Великого, императрицы Екатерины Первой, императора Петра Второго, императрицы Анны Иоанновны, императрицы Елизаветы Петровны и персидского шаха Тахмасиба к генерал-аншефу, сенатору и орденов Св. Андрея Первозванного и Св. Александра Невского кавалеру Василью Яковлевичу Левашову. М., 1808; Походный журнал 1722 г. СПб., 1855; Переписка на иностранных

Последовавшее в советское время сужение хронологических границ этого явления до 1817–1864 годов вывело поход Петра I и его последствия за рамки изучаемой проблемы, тем более что акцент делался на поиске черт «антифеодального и антиколониального движения» местного населения, с одной стороны, и на установлении «добровольного» и по крайней мере безусловно прогрессивного характера вхождения той или иной территории в состав России. В этом смысле исследование военных действий (и шире – роли армии в утверждении на «новоприсоединенных» землях нового государственного порядка) было неактуальным. Появлялись лишь отдельные публикации, среди которых можно выделить работу Е. С. Зевакина, собравшего материал о финансовом состоянии российских владений в Закавказье[5].

Тем не менее в 1951 году вышла первая и на данный момент единственная монография В. П. Лысцова, посвященная этому петровскому «проекту»[6]. Автор подробно рассмотрел предысторию и предпосылки этой военно-политической акции, ее ход, широко используя архивные документы. Однако он сразу же подвергся критике за стремление выявить «якобы имевшие место» экономические цели петровского похода, в результате чего, по мнению рецензента, продемонстрировал не «прогрессивный характер присоединения неиранских народов», находившихся «под турецким игом и персидским гнетом», а «стремление к захватам» со стороны России[7]. Добротно сделанная, эта монография, однако, далеко не исчерпывает всего имеющегося корпуса источников; к тому же ее содержание не выходит за рамки 1722–1724 годов. С тех пор в отечественной историографии отдельных исследований по теме не было, за исключением отдельных экскурсов в работах военно-исторической тематики[8] и трудах, посвященных внешней

языках грузинских царей с российскими государями от 1639 по 1770 г. СПб., 1861; Бумаги императора Петра I. Собраны академиком А. Ф. Бычковым. СПб., 1873; Приказы и инструкции императора Петра Великого генералу Матюшкину // Русский вестник. 1868. № 4. С. 590–615 (предыдущая публикация: Приказы и письма императора Петра Великого и императрицы Екатерины I к генералу Матюшкину во время войны с Персией // Отечественные записки. 1827. Ч. 30.); *Эзов Г. А.* Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898; О персидском походе при государе Петре Великом // Русский архив. 1899. № 12. С. 481–491.

[5] См.: *Зевакин Е. С.* Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации XVIII в. // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1927. № 5; *он же.* Азербайджан в начале XVIII в. // Труды Общества по обследованию и изучению Азербайджана. № 8. Вып. 4. Баку, 1929.

[6] См.: *Лысцов В. П.* Персидский поход Петра I: 1722–1723. М., 1951.

[7] См.: Вопросы истории. 1952. № 4. С. 106. С другой стороны, того же автора критиковали за недостаточное понимание «дружеских связей азербайджанцев с Россией», в силу которых первые не могли создавать «опасность для русского тыла» (*Абдуллаев Г. Б.* Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения его с Россией. Баку, 1965. С. 25).

[8] См., например: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII в.: Очерки. М., 1958; На пути к регулярной армии: армия и флот в эпоху Петра Великого. СПб., 2002.

политике России XVIII столетия[9]. В последнее время вышли публикации некоторых документов и ряд статей, характеризующие положение Низового корпуса[10].

Более подробно различные аспекты пребывания российских войск и администрации рассматривались в обстоятельных работах историков бывших советских союзных и автономных республик – как правило, под углом зрения истории данного региона и народа и преимущественно с позиций совместной борьбы против турецких или иранских притязаний[11]. Подобные исследования появляются и позднее[12], но уже с иными оценками: прежние «содействие экономическому развитию» и защита «от грабежей и насилий иранских захватчиков и турецких наймитов» именуются оккупацией, а «измены сепаратистски настроенных местных феодалов» – «антиколониальными выступлениями в русской оккупационной зоне». Былая

---

[9] См.: *Маркова О. П.* Указ. соч.; *Некрасов Г. А.* Роль России в европейской международной политике 1725–1739 гг. М., 1976; *Ананян Ж. А.* Основные этапы армяно-русских отношений (конец XVII – первая треть XIX в.) // История и историки. М., 1995. С. 61–77; История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона). М., 1998. С. 48–57, 150–154.

[10] См.: *Петрухинцев Н. Н.* Опальный фельдмаршал // Родина. 1993. № 12. С. 34–37; *Полиевктов М. А.* Выход к морю // Каспийский транзит. М., 1996. Т. 2. С. 527–534 (впервые опубликовано: Материалы по истории Грузии. Тбилиси, 1937. Вып. 4. С. 283–289); *Дуров И. Г.* Провиантское обеспечение русской армии и флота в Персидском походе 1722–1723 гг. // Кровь. Порох. Лавры: Войны России в эпоху барокко (1700–1762). СПб., 2002. Вып. 1. С. 37–44; *Курукин И. В.* Уроки «персидской глупости»: Из истории вопроса о мытье русских сапог в Индийском океане // Родина. 2001. № 5. С. 69–75; *он же.* «...Провинции в полное владение и состояние привести трудно (рапорт М. А. Матюшкина Петру I от 19 января 1725 г.) // Отечественные записки. 2005. № 4. С. 341–345.

[11] См.: *Арутюнян П. Т.* Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в. М., 1954; *Абдурахманов А. А.* Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в первой половине XVIII в. Баку, 1964; *Гаджиев В. Г.* Роль России в истории народов Дагестана. М., 1965; *он же.* Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов, между Астраханью и Курою находящихся» как исторический источник. М., 1979; *он же.* Петербургский договор 1723 г. (история заключения и значение). // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в. Махачкала, 1988. С. 66–83; *он же.* Вхождение Дагестана в состав России // Дагестан в составе России: Исторические корни дружбы народов России и Дагестана. Махачкала, 1990. С. 15–25; *Абдуллаев Г. Б.* Указ. соч.; *Пайчадзе Г. Г.* Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVIII в. Тбилиси, 1970; *Алиев Ф. М.* Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку, 1975; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 412–418; *Мамедова Г. Н.* Русские консулы об Азербайджане (20–60-е гг. XVIII в.). Баку, 1989; *Сотавов Н. А.* Северный Кавказ в кавказской политике Ирана, России и Турции в первой половине XVIII в. Махачкала, 1989; *он же.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991; История Дагестана с древнейших времен до наших дней. М., 2004. Т. 1. С. 421–430.

[12] См.: *Мустафазаде Т. Т.* Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. Баку, 1993; История Азербайджана с древнейших времен до начала XXI в. Баку, 1998. С. 249–250.

«помощь» со стороны той же России трактуется соответственно – как реализация собственных планов или стремление к «порабощению» закавказских народов[13].

Однако тема отнюдь не представляется «закрытой» с точки зрения актуальности в наше время. По печальному признанию одного из крупнейших специалистов, «прошлое народов Кавказа превращено в мозаику воюющих между собой национальных историй. Они исполнены мифами о "нашем" великом культурном и территориальном наследии, на которое якобы покушаются соседи – "варвары", "агрессоры" и "пришельцы"»[14]. Новые горизонты разработки темы открывает использование современных исторических подходов, выдвигающих на первый план новые «измерения» прошлого: военно-историческую антропологию, историю повседневности, изучение социальной психологии и представлений людей той эпохи.

Наконец, новое обращение к теме важно и потому, что имеющиеся работы освещают прежде всего военно-политическую сторону конфликта и сам поход 1722–1723 годов. Появившиеся в последнее время сочинения представляют собой беллетристические произведения[15] либо поверхностные обзоры, в которых идет речь, к примеру, о планах «завоевания Южного Кавказа» в духе так называемого «завещания» Петра I, о не имевших места в действительности занятии русскими Мазандерана и Астрабада, «мощных столкновениях» с турецкими войсками и убийстве российского посла[16]. Даже в научных работах можно встретить ошибки вроде утверждений о возвращении императора на юг в 1723 году и повторном занятии им Дербента[17], о захвате войсками корпуса Астрабада или даже «всего побережья Каспийского моря»[18].

Действия России на Востоке оцениваются в научной и педагогической литературе весьма различно – как «военное столкновение с Персией»[19],

---

[13] См.: *Вачнадзе М., Гурули В., Бахтадзе М.* История Грузии (с древнейших времен до 1801 г.). Тбилиси, 2004. С. 177, 188.

[14] *Дегоев В. В.* Социально-политические вызовы XXI в. и пути развития российского кавказоведения // Кавказ в российской политике: история и современность: Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У), МИД России. 16–17 июня 2006 г. М., 2007. С. 19.

[15] См.: *Ильин В. А.* Дела персидские. М., 1997; *Гордин Р. Р.* Петру Великому покорствует Персида. М., 1997; *Иванов В. И.* Последний поход императора. М., 1998.

[16] См.: *Ягудаев Г. Г.* Гео- и этнополитические приоритеты российской власти на Южном Кавказе (с 1722 по 1924 г.). М.; Пятигорск, 2006. С. 49, 50, 56; *Баддели Д.* Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860. М., 2007. С. 36, 41.

[17] См.: *Le Donne J.* The grand Strategy of the Russian Empire. 1650–1831. Oxford, 2004. P. 41.

[18] См.: *Бескровный Л. Г.* Указ. соч. С. 244; *Ша'бани Р.* Краткая история Ирана. СПб., 2008. С. 206.

[19] *Жильцов С. С., Зонн И. Е., Ушаков А. М.* Геополитика Каспийского региона. М., 2003. С. 37.

военная помощь шахскому Ирану[20], своевременное предупреждение турецкого вторжения[21], решение национальной задачи «обеспечения безопасности юго-восточных рубежей»[22] или «колониальное освоение захваченных территорий» с целью завоевания Закавказья[23] (при этом явно ошибочно сообщается, что иранский шах Тахмасп был «согласен на все условия России»). Не случайно, кажется, непроработанность этого сюжета приводит к «устранению» его не только из школьных учебников[24], но и из академических трудов[25].

Целью работы является документированный рассказ о первой большой внешнеполитической акции Российской империи за пределами традиционной сферы ее влияния – в регионах, принадлежавших к другому цивилизационному кругу. Персидский (или, как предлагали его называть некоторые историки, Каспийский) поход Петра I 1722–1723 годов стал масштабной попыткой реализации имперских задач внешней политики на Востоке. Нас интересует не столько сама эта военная операция (основные ее этапы более или менее изучены), сколько последующие усилия по «освоению» территорий, полученных в результате военных и дипломатических усилий.

России пришлось создавать военно-колониальную администрацию на землях современного Дагестана, в прикаспийских провинциях современных Азербайджана и Ирана, содержать экспедиционный контингент – Низовой, или Персидский, корпус и флот, строить отношения с местной знатью, накапливать опыт раличных форм взаимодействия с населением – от карательных экспедиций до приспособления к местным культурно-историческим традициям. Генералы и послы учились вести дипломатическую игру и осознавали на практике проблемы Кавказского региона, а офицерам, чиновникам и солдатам приходилось вступать в контакт с чуждым «басурманским» миром и укладом жизни сообществ, находившихся на иной стадии развития. Была предпринята попытка экономического освоения этих территорий (налаживание производства шелка, вина, пряностей, добыча нефти), проведен «эксперимент» по заселению завоеванных земель христианами – армянами и грузинами.

---

[20] См.: Россия и Восток: Учебное пособие. СПб., 2000. С. 159.

[21] *Павленко Н. И.* Петр Великий. М., 1994. С. 430–431.

[22] *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Первого. М., 1984. С. 408–413.

[23] *Анисимов Е. В.* Время Петровских реформ. Л., 1989. С. 428–429; История России с начала XVIII до конца XIX в. / Л. В. Милов, П. Н. Зырянов, А. Н. Боханов / Под ред. А. Н. Сахарова. М., 1996. С. 90.

[24] См., например: *Буганов В. И., Зырянов П. Н.* История России. Конец XVII –XIX в. М., 1997; *Павленко Н. И., Ляшенко Л. М. Твардовская В. А.* История России XVIII–XIX вв. М., 2003.

[25] См.: История Европы: В 8 т. М., 1994. Т. 4. С. 460 (речь идет о возвращении в 1735 г. Ирану территорий, об уступке которых России в 1723 году не сообщается).

Кроме того, петровский марш на Восток стал началом длительного процесса присоединения Кавказа. Не вдаваясь в споры о природе и содержании известных по любому учебнику событий «Кавказской войны» в ее привычных рамках, отметим, что нам кажется справедливым мнение о наличии не одной, а нескольких таких войн в период с 1722 года до подавления последнего большого восстания в Чечне и Дагестане в 1878 году, точнее, не столько собственно войн, сколько сцепления разнохарактерных и разновременных конфликтов, связанных с проблемами внутреннего развития горских обществ, их сопротивлением российскому продвижению на Кавказ, борьбой российских властей с набегами, межэтническими противоречиями и непрерывными усобицами, наконец, со столкновением различных цивилизаций и борьбой за раздел Закавказья между великими державами[26].

Об устойчивом интересе к данной проблематике говорят появившиеся в последнее время ученые диссертации по различным проблемам истории Кавказского региона и его взаимоотношений с Россией в XVIII веке[27]. Свидетельством того, что подобная задача назрела, стало исследование дагестанским историком Н. Д. Чекулаевым российского присутствия на берегах Каспия в 1722–1735 годах, проведенное на основе документов из фондов местных архивов[28].

---

[26] См.: *Лапин В. В.* К вопросу о хронологических рамках и типологии Кавказской войны XVIII–XIX вв. // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди: Сборник статей в честь Б. В. Ананьича. СПб., 2003. С. 99; *он же.* Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008. С. 10–11; *он же.* Новейшая историография Кавказской войны // Отечественная история. 2008. № 5. С. 182.

[27] См.: *Барышникова Н. В.* Кавказская политика Петра I: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 1999; *Касумов Р. М.* Каспийский поход Петра I и русско-дагестанские отношения в первой трети XVIII в.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 1999; *Андронова Е. В.* Русско-иранские торгово-экономические и дипломатические отношения в XVI – первой половине XVIII в.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2002; *Сотавов Х. Н.* Дагестан в кавказской политике России, Ирана и Турции в первой половине XVIII в.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 2002; *Магомедова Р. И.* Кавказская проблема в восточной политике Англии, России и Франции в первой половине XVIII в.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 2004; *Ашурбекова С. Р.* Прикаспийские области в международных отношениях 20–40-х гг. XVIII в.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 2006; *Саламова Н. А.* Кавказ и Причерноморье в русско-турецких отношениях: от Каспийского похода Петра I до присоединения Крыма к России (1722–1783 гг.): Автореф. дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 2007; *Гарунова Н. Н.* Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции: Автореф. дисс. докт. ист. наук. Махачкала, 2007; *Рахаев Ж. Я.* Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII в.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Нальчик, 2008; *Чекулаев Н. Д.* Российские войска в Дагестане в 1722–1735 гг.: Проблемы кавказской политики в регионе: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 2008.

[28] См.: *Чекулаев Н. Д.* Российские войска в Дагестане в контексте кавказской политики России (1722–1735 гг.). Махачкала, 2008; *он же.* Военный суд в крепости Святого Креста //

Наша же работа, не претендуя на исчерпывающее освещение темы, базируется на материалах центральных архивов, которые в значительной части еще не вводились в научный оборот и способны добавить новые штрихи в освещение и понимание масштабной военно-политической акции петровской эпохи.

Это прежде всего документы Архива внешней политики Российской империи (Ф. 77 – Сношения России с Персией), содержащие указы и рескрипты дипломатическим представителям и командованию Низового корпуса и их реляции и доношения о положении дел в завоеванных провинциях, переписку с турецкими и иранскими властями, рапорты о состоянии армии. Данные материалы дополняются и отчасти дублируются документами Российского государственного архива древних актов, хранящимися в фонде императорского Кабинета (Ф. 9); материалы Сената (Ф. 248) отражают процесс комплектования, снабжения и финансирования войск; книги Герольдмейстерской конторы (Ф. 286) включают сведения о службе офицеров Низового корпуса; дела из других коллекций (Ф. 5, 11, 15, 19, 20) содержат дипломатическую и частную переписку командующих В. В. Долгорукова, В. Я. Левашова, астраханского губернатора А. П. Волынского, посла П. П. Шафирова; сведения о доходах и расходах на завоеванных территориях, о выводе войск после заключения в 1732 и 1735 годах договоров с Ираном.

Документы Военной коллегии (Ф. 20) из Российского государственного военно-исторического архива содержат подробные данные о формировании контингента российских войск в Иране и их действиях по подавлению сопротивления местного населения. В РГАДА и РГВИА хранятся составленные военными инженерами XVIII века карты российских владений в Иране.

Помимо архивных материалов, источниками для нашей работы послужили хорошо известные фундаментальные публикации документов высших и центральных органов власти империи, определявших цели и средства российской политики на Кавказе[29]. Весьма ценными являются

Вестник Института археологии, истории и этнографии. Махачкала, 2005. № 1. С. 105–109; *он же.* Разрыв шамхала Адиль-Гирея с русскими властями, его причины и последствия // Там же. 2006. № 1. С. 26–36; *он же.* Расположение войск гарнизона крепости Святого Креста на Кавказе. 1722–1735 гг. // Военно-исторический журнал. 2007. № 7. С. 36–38; *он же.* Армянские эскадроны в составе русских войск 1723–1764 гг. // Там же. 2008. № 12. С. 76–77; *он же.* Управление Дербентским гарнизоном. 1725–1735 гг. // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 160–162.

[29] См.: Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726–1730 гг. / Под ред. Н. Ф. Дубровина. СПб., 1886–1898. Т. 1–8; опубликовано: Сборник Императорского русского исторического общества (далее – Сборник РИО). Т. 55, 56, 63, 69, 79, 84, 94, 101; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. 1731–1740 гг. / Под ред.

выпущенные в 1950–1980-х годах академические сборники документов, содержащие данные о сношениях российских властей с армянскими общинами и дагестанскими владетелями[30]; среди них находится и подробное описание российских владений на Востоке, составленное в 1728 году офицером Низового корпуса И. Г. Гербером[31].

Специфика источниковой базы состоит в том, что и автору, и читателю приходится иметь дело преимущественно с доношениями и рапортами командования Низового корпуса. Эти документы «генеральского» уровня адекватно передают масштаб происходивших событий и освещают направление (или изменение) политического курса в отношении «новозавоеванных провинций», но в гораздо меньшей степени отражают повседневную жизнь солдат и офицеров и их контакты с местным населением. Документация на уровне полковых штабов сохранилась хуже, тем более что многие из стоявших в Дагестане, Азербайджане и Гиляне полков были в XVIII веке расформированы, а их архивы утрачены. Практически не сохранились бумаги военных органов управления в Иране – местных провинциальных и судных канцелярий; после ухода в 1735 году российских войск с Кавказа и из Ирана они, скорее всего, были утрачены за ненадобностью. Содержавшиеся в них и интересующие нас сведения лишь частично входили в доношения вышестоящих лиц или прилагались к ним. Тем интереснее обнаружить в источниках свидетельства современников, позволяющие за сухими строками рапортов, дипломатических реляций и финансовых отчетов хотя бы отчасти увидеть опыт первой масштабной колониальной экспансии послепетровской империи в условиях непривычной природной и социокультурной среды с собственными традициями государственности (или отсутствия таковой), религии и культуры. Естественно, данные источники отражают восприятие и понимание событий российскими современниками, однако, к сожалению, сопоставимого с ними комплекса документов местного происхождения в нашем распоряжении нет, что неизбежно обедняет исследование.

А. Н. Филиппова. Юрьев, 1898–1915. Т. 1–4; опубликовано: Сборник РИО. Т. 104, 106, 108, 111; Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. СПб., 1875. Т. 2; Сенатский архив. СПб., 1895. Т. 7; Материалы для истории русского флота. СПб., 1867–1879. Т. 4–5, 7.

[30] См.: Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Ереван, 1964–1967. Т. 1–2; Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.: Документы и материалы. Махачкала, 1958; Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сборник документов. Махачкала, 1988.

[31] См.: *Гербер И. Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. М., 1958; *Гаджиев В. Г.* Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов, между Астраханью и рекою Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа.

Многие же события из жизни российских солдат и офицеров на Востоке вообще не фиксировались документально и оставались только в памяти их очевидцев и участников в виде семейных преданий, легенд и анекдотов. У поглощенных службой людей первой половины XVIII столетия еще не появилось потребности вести дневники и писать воспоминания; тем более ценными являются немногие подобные документы, исходившие от лиц с иным уровнем образования и культурными традициями, в частности, записки украинского подскарбия Якова Марковича[32].

[32] См.: Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. М., 1859. Ч. 1.

Глава 1
МОСКОВСКИЙ ПУТЬ НА ВОСТОК

Чаять ли персам в гости росийских героев?
Слава Российская.
Комедия 1724 г., представленная в московском гошпитале
по случаю коронации императрицы Екатерины I

Восточный бизнес

«И за море пришли з государевою казною в персидцкую землю, в шахову область. А пристали к Ширванской земли августа в 14 день на предпразньство Успения Пресвятеи Богородицы и святого пророка Михея на пристанище Низовую... А с пристани, от Низовой с версту, деревня велика Дербенской присуд. Тут седит дорога, а по нашему приказной человек. А над деревнею горы высоки, и с них снег и летом не сходит. А в деревни сады, яблока, изюм, орехи грецкие, чернослив, миндалы, дыни, арбузы, а хлебно – пшеница, пшено, арпа, а по рускому ячмень, а иного хлеба нет. А дворы в деревне глиняные, а в садех и сквозе дворы реки копаные текучие, а привожены из гор, а скота всякого много, а делают, и молотят, и орют и всякои запас возят на волах. А от Низовой ход в Шамаху по горам высоко и нужно, а ходят на конях, и на верблюдех, и на быках, и на вьюках, а тележного пути нет. От Низовой ходу до Шаврина четыре агача, а по рускому во всякой агачи по 5 верст. А итти полями и мокрым местом. А Шаврань город был одна стена, да башня каменнои, да розбит и на ниском месте. А храмы, и ряды, и дворы в городе; а за посады каменные. А та Шаврань, и Шамаха, и Дербень со всеми уезды, и с ыными городы, и с пригородки изстари была Ширваньская земля, а были те все городы под турским, да взял тое Шарванскую землю у турсково перской шах, по болши двадцати лет. А овощов тут всяких много» – так деловито описывал в 1623 году хорошо знакомый ему путь в Персию купчина Федор Котов[1].

Трансконтинентальный путь с берегов Балтики на восток по Волге и Каспию был проложен еще в IX веке; в обмен на меха и рабов в земли

[1] Записки русских путешественников XVI–XVII вв. М., 1988. С. 139–140.

восточных славян и скандинавов пошел поток арабских серебряных дирхемов – первой валюты Древней Руси. Но после распада Арабского халифата и сокрушительных походов монгольских армий торговая магистраль утратила прежнее значение, тем более что в XVI–XVII веках центр мировых деловых связей стал медленно, но верно перемещаться в Атлантический океан, связывающий Европу с Новым Светом. Но и старый путь на восток не заглох; с середины XVI столетия Волга стала великой русской рекой, и Российское государство стремилось закрепиться на новых южных рубежах, где уже давно делили сферы влияния две могучие ближневосточные империи – Османская Турция и Сефевидский Иран. Их подданные, «гости заморские арапляне и шамохейцы и кафинские большие люди», появились в Москве и других городах с восточными товарами – шелковыми и хлопчатобумажными тканями, красками.

В 1588 году в устье Терека появилась первая русская крепость на Северном Кавказе, и в 1590-х годах в титул русских царей было внесено добавление: «...государь Иверские земли карталинских и грузинских царей и Кабардинские земли черкасских и горских князей... государь».

Отношения с Ираном – основным соперником Турции в Закавказье – традиционно были дружественными. Шах Аббас I (1587–1629) обещал уступить России Дербент и Баку, как только отобьет их у турок. Борис Годунов в 1600 году отправил в Персию посольство, которое везло не только традиционные подарки («медведь-гонец, кобель да сука меделянские»), но и «два куба винных с трубами и с покрышки и с таганы». Царский самогонный аппарат стал первым известным нам случаем технической помощи восточному соседу[2]. Тот же Аббас I не только сразу признал новую династию Романовых, но выделил русскому правительству заем в семь тысяч рублей и прислал в 1625 году в дар царю Михаилу роскошный трон и реликвию – ризу Богородицы.

Во время войн между Ираном и Турцией дагестанские владетели (тарковские шамхалы, аварские нуцалы, кайтагские уцмии[3*]) не раз отправляли посольства к царю, а государи выдавали им жалованные грамоты как своим подданным. Одновременно те же правители получали подарки от

---

[2] См.: *Бушев П. П.* История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. М., 1976. С. 350, 352; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1898. Т. 3. С. 721–722.

[3] До конца XVIII века Дагестан оставался раздробленным на мелкие государственные образования: Тарковское шамхальство (шамхал – титул правителя кумыков, лакцев, даргинцев и других народов в Дагестане), Кайтагское уцмийство (уцмий – наследственный титул правителя Кайтага), Табасаранское майсумство (майсум – титул феодального правителя Южного Табасарана), владения кадия Табасарана (кадий – феодальный титул), Дербентское, Аварское, Казикумухское, Мехтулинское ханства и более 60 аварских, даргинских, лезгинских мелких объединений – союзов сельских обществ.

шаха и выставляли по его требованию конные отряды – таким образом, находились в «опчем холопстве», то есть одновременно признавали себя вассалами «белого царя» в Москве и иранского шаха. В 1639 году наступил мир: султан Мурад IV установил раздел Закавказья с шахом Сефи I, и земли современной Армении, Восточной Грузии и Азербайджана отошли к Ирану; связи шамхалов с Москвой по сравнению с первой половиной XVII века ослабли. В этих условиях дагестанские правители порой отправляли своих послов в Крым, добиваясь помощи султана Турции, и заявляли, что более не хотят «кизылбашенам в подданстве» быть[4].

Однако, несмотря на возникавшие конфликты (в 1651 году иранские войска предприняли поход против русского Сунженского острога), Россия и Иран жили мирно: «Трактатов, тако ж войны и ссор важных не было, а токмо с обоих сторон происходили пересылки о содержании дружбы, и особливо присыланы из Персии к великим государем знатные от шаха посольства с подарками» – так оценивала в 1723 году Коллегия иностранных дел состояние отношений между двумя державами в допетровское время. Среди наиболее ценных подарков числились Христова «риза в ковчеге», в честь которой был установлен ежегодный праздник Положения ризы Господней, и парадные троны – «кресла богатые»[5]; документы Посольского приказа называют в числе прочих презентов драгоценную конскую упряжь, седла, парадные луки, ковры, дорогие ткани[6]. Порой судьба заносила в Россию и других жителей соседней державы; некоторые из них принимали подданство и поступали на царскую службу, как дипломат и переводчик Посольского приказа Василий Даудов – царский посланник в Стамбуле и Бухаре или «солдацкого строю порутчик персицкой земли новокрещеной иноземец» Иван Касимов, участник Крымских походов В. В. Голицына и петровских Азовских походов[7].

В Иран регулярно отправлялись русские «купчины» с «государевыми товарами»: морем – из Астрахани до Низовой пристани между Дербентом и Баку, откуда шел путь на Шемаху, – или посуху (из Терского города «со вьюками» пять дней езды до Тарков и около восьми дней до Дербента). В Астрахани был построен Армянский двор для гостей из Закавказья;

---

[4] См.: *Умаханов М.-С. К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII в. Махачкала, 1973. С. 195.

[5] См.: Архив внешней политики Российской империи историко-документального департамента МИД РФ (далее – АВПРИ). Ф. 77. Оп. 77/7. № 15. Л. 1–4 об.

[6] См.: *Кологривов С. Н.* Материалы для истории сношений России с иностранными державами в XVII в. СПб., 1911. С. 123–134.

[7] См.: *Гухман С. Н.* «Выезд ис службы ис Персии стольника Василья Александровича Даудова» – литературный памятник конца XVII в. // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Л., 1989. Т. 42. С. 374–388; Челобитье персиянина Петру Великому // Русский архив. 1911. № 10. С. 317–319.

купцы другого астраханского двора – Индийского – везли в Россию сафьян, драгоценные камни, жемчуг.

Помянутый выше Федор Котов бывал не только в сказочной Шемахе. Он знал путь и на запад, «в турскую землю» – через древнюю Гянджу, Эривань и Эрзерум, и на восток – на Ардебиль, Зенджан, Султанийе, Казвин, священный город персов-шиитов Кум. Ему довелось побывать в тогдашней столице Ирана – Исфахане, откуда отправлялись караваны на Багдад и в «Мултанейское царство» – Индию. Он жил в просторных караван-сараях, наблюдал толчею на майданах, где «борцы борютца, и куклы играют, и живые змеи выпущают и в руках носят, и по книгам волхвуют, и всякого харчю и овощов на майдане продают много, и детей учат», и при этом замечал, какие товары привозят и продают «всякие люди: тезики, индейцы, турки, арапы, арменья, и аравляне, и жиды». И повсюду он встречал соотечественников – и в Терках, и в Шемахе, и в Исфахане, где в большом торговом ряду – Тынчаке – он насчитал 200 русских лавок.

Из России вывозились железные и деревянные изделия, кожи, льняные ткани, западные сукна и, конечно, меха. С Востока и из Закавказья шли шелковые и хлопковые ткани («киндяк»), шелк-сырец, составлявший монополию царской казны, сафьян, замша, нефть, марена, рис, пряности, драгоценные камни, «белый ладон»[8]; московские дворяне ценили исфаханские сабли.

Восточный бизнес манил, как созданный Пушкиным образ таинственной шамаханской царицы в «Сказке о золотом петушке». Он был прибыльным, но рискованным делом. На Волге купцов встречали лихие разбойники, не переводившиеся, несмотря на усилия властей; до конца XVIII века на берегах звучали их песни:

«Еще ходим мы, братцы, не первый год,
И мы пьем-едим на Волге все готовое,
Цветное платье носим припасенное,
Еще лих ли наш супостат злодей,
Супостат злодей, воевода лихой,
Высылает от Казани часты высылки,
Высылает все высылки стрелецкие,
Ловят нас, хватают добрых молодцев,
Называют нас ворами, разбойниками.
А мы, братцы, ведь не воры, не разбойники,
Мы люди добрые, ребята все поволжские,

[8] См.: Книги персидских товаров // Русская историческая библиотека. СПб., 1904. Т. 23. С. 1413–1582.

Еще ходим мы по Волге не первый год,
Воровства, грабительства довольно есть».

Донцы-молодцы плавали «за зипунами» по всему Каспийскому морю, хотя порой под давлением Москвы и принимали на кругу решения, чтобы никто «не ходил для воровства на Волгу; а ежели кто таковым объявится на Дону, и тому быть казнену смертью». В 1631 году полторы тысячи донских, запорожских и яицких казаков вышли в Каспийское море и ограбили несколько купеческих караванов. В следующем году донские казаки совместно с яицкими «ходили» уже по иранским берегам – «воевали под Дербенью, и под Низовью, и под Бакою, и Гилянскую землю и на Хвалынском море погромили многие бусы со многим товаром», а затем, вернувшись на Дон, торговали «кизылбашскими» товарами. На море у них были убежища на островах у устья Яика или вблизи туркменских и иранских берегов.

В 1636 году отряд Ивана Поленова захватил иранский город Ферахабад, после чего, объединившись с отрядом атамана Ивана Самары, нападал на торговые суда в Каспийском море и на Волге. В 1647-м казаки разграбили поселения по реке Куре. Отряд во главе с атаманом Иваном Кондыревым в 1649–1650 годах столь лихо действовал на Каспии, что прервал на время нормальные торговые сношения между Ираном и Россией. Самой знаменитой экспедицией стал рейд Степана Разина в 1668–1669 годах, когда казаки не только «гуляли» по всему южному берегу моря, но и разгромили в морском сражении шахский флот[9]. Но и в прочее время плавание по Волге было небезопасно: в 1660 году московские власти выговаривали донским атаманам, что казаки грабят «персицкого шаха купчин» и людей гостя Михаила Гурьева, и просили их принять меры, «чтоб они от воровства своего отстали»[10].

На Каспийском море торговым судам угрожали не только разбойники. Их разбивали или надолго задерживали «встрешные погоды великие». Отправившиеся сухим путем через Дагестан купцы вынуждены были платить пошлины при пересечении границ различных владений, при этом не имели никаких гарантий от грабежа со стороны вольных «горских людей» и самих своенравных правителей. Так, в 1660 году тарковский шамхал ограбил московских гостей Шорина, Филатьева, Денисова и Задорина на 70 тысяч рублей.

---

[9] См.: *Тушин Ю. П.* Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII век). М., 1978. С. 78–83.

[10] См.: Русская историческая библиотека. Пг., 1917. Т. 34. С. 693–696, 722–725, 754–757.

В настоящей, а не сказочной Шемахе торговцев ожидали не только горы товаров, но и иная деловая культура. Порой купцам приходилось жаловаться, что им «в Шемахе кизылбасские люди чинят насильство большое, товары насильством емлют, а деньги абасы дают худые, медные посеребрены. И держав у себя товары многое время и перепортя, приносят назад и мечют в лавку, а деньги назад правят сильно абасы добрые. И из Шемахи в иные города никуда не отпускают».

Купцы и даже послы могли столкнуться с алчными шахскими администраторами. К примеру, у отправленного в 1641 году в Кахетию князя Ефима Мышецкого власти сманивали слуг «в бусурманство», «и те... люди... с сносными животами бежали на двор к Арап-хану; копясь с иными бусульманы, которые русские люди преж их бусульманились, и с Арап-хановыми людьми, напився пьяны, приходили ко князь Ефиму на двор многожды поклепных своих животов просили...». Дело дошло до того, что русских послов «выволокши за ворота... били ослопы и вели через всю Шемаху рядами, а ведучи, били же». После такого оскорбления Арап-хан оправдывался: «...учинилось, что я был пьян, что делалось, того ныне не помню»[11]. В той же Шемахе в 1650 году власти захватили купецких людей и держали их под арестом несколько лет, нанеся убыток в 50 тысяч рублей.

Шелковый поток

И все же купцы рисковали – дело того стоило. В XVII веке Россия оказалась вовлечена в мировую торговлю шелком. Былое величие Великого шелкового пути к тому времени уже померкло. Торговые плавания стали привлекательнее опасных караванных путей: после распада державы Тимура Центральная Азия представляла собой арену непрерывной борьбы больших и малых ханств. Морское путешествие из Персидского залива в Китай занимало примерно 150 дней, в то время как караванный путь из Азова в Пекин – около 300; один корабль перевозил столько же грузов, сколько караван в тысячу верблюдов.

Но разрыв всей системы не означал упадка ее отдельных звеньев. Иран стал основным поставщиком тканей и шелка-сырца в Европу. Из Сицилийского королевства шелкоткацкое мастерство распространилось по Италии, Франции, Фландрии, Голландии, Германии. Французский король Франциск I в 1531 году освободил от налогов лионских ткачей, и

[11] Цит. по: *Полиевктов М. А.* Посольство князя Мышецкого и дьяка Ивана Ключарева в Кахетию. Тифлис, 1928. С. 167–172.

шуршание лионского шелка вошло в поговорку. Но производство еще не удовлетворяло спрос и зависело от поставки сырья.

В начале XVIII века модные дамские платья (robe volante) шить можно было только из плотной шелковой тафты, которую производили лионские ткачи. Знаменитая герцогиня де Помпадур предпочитала тафту chine и не признавала иных материй – в историю моды эта ткань вошла как «тафта Помпадур». В экономике шелк отчасти напоминал нынешнюю нефть: войны крупнейших морских держав Франции и Англии вызывали скачок цен на шелк, так что модницам приходилось заменять его ситцем и батистом. Помимо престижности и эстетических качеств шелк обладал одним немаловажным свойством – он препятствовал размножению паразитов.

Драгоценные «паволоки» были известны на Руси со времен первых князей, взимавших ими выкуп с византийцев. Парча (от персидского «парче» – материя), «оксамит», «порфира», «багряница» издавна использовались для пошива княжеских одежд, церковных покровов, священнических облачений. Наиболее распространенными в XVI–XVII веках шелковыми тканями были бархат, камка, атлас, объярь, зарбаф, тафта – всего русские документы называют более двадцати видов привозных шелковых материй.

Находившаяся на отшибе мировых торговых путей и только оправлявшаяся от потрясений Смуты Россия неожиданно приобрела выгодную позицию на этом рынке. По данным шведского резидента в Москве, проезд от Гиляна (эта прикаспийская провинция давала почти 50% всего иранского шелка) до Ормуза в Персидском заливе занимал 86–90 дней, каждый верблюд мог нести не более двух тюков и обходился в среднем в 2 рубля 63 копейки, а путь до Астрахани по Каспийскому морю занимал меньше времени, и тот же груз обходился в 1 рубль 50 копеек[12].

Часть восточных товаров шла транзитом на Запад, но европейские торговцы ездить в Иран через Россию не могли и имели дело с московскими гостями, державшими высокую цену. Конечно, западные державы пытались сами утвердиться на восточных рынках. Первыми морской путь в Персидский залив проложили португальцы, но уже в 1559 году экспедиция Лондонского купеческого общества положила начало англо-иранской торговле. В начале XVII столетия англичане основали в Иране свои фактории и поставили целью не только вытеснить из этого региона португальских конкурентов, но и изменить ход всей торговли с Востоком – оттянуть на юг весь торговый поток из Ирана в Турцию. В 1619 году шах Аббас I предоставил англичанам монополию на торговлю шелком, но одновременно дал

[12] См.: Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родеса // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских (далее – ЧОИДР). 1915. Кн. 2. С. 155, 157, 209.

торговые привилегии их главным соперникам – голландцам. Разгорелись не только торговые, но самые настоящие войны: в 1649 году голландский флот громил из пушек английскую факторию в Басре. Скоро в Иране обосновались и французы, также получившие привилегии и открывшие конторы в главном южном персидском порту – Бендер-Аббасе[13].

Иноземцы не оставляли попыток пробиться к персидскому шелку с севера, но в Москве их ждал вежливый, но твердый отказ. Сначала его получили англичане, несмотря на двукратное посольство Джона Мерика (в 1614 и 1620 годах), затем голландцы (в 1615-м), французы (в 1629-м), шведы (в 1662-м). Московские дьяки на переговорах объясняли запрет транзитной торговли убытками от нее как для казны, так и для самих купцов или требовали взамен помощи против неприятелей оружием и деньгами, что было невыгодно ни голландцам, ни англичанам.

Только посольству небольшого голштинского герцогства удалось в 1634 году заключить договор, по которому компания немецких купцов могла беспошлинно торговать с Персией и Индией в течение десяти лет, уплачивая за это ежегодно в царскую казну по 600 тысяч талеров (300 тысяч рублей). На обратном пути из Ирана один из членов посольства, Отто Бругеман, даже предложил московитам план захвата прикаспийских областей Персии (Гиляна, Мазендерана и Астрабада), чтобы получить контроль над большей частью иранского шелководства, а заодно над рыболовством, морскими пристанями и другими доходными статьями. Тогда в Москве на это авантюрное предложение не откликнулись – время еще не пришло. Да и сам герцог подтвердить договор отказался – требования казны оказались слишком велики, а прибыль еще надо было получить.

Однако уже тогда Москва стремилась направлять и контролировать экспорт иранского шелка через Россию, для чего прибегла к помощи купцов из Новой Джульфы – армянского пригорода Исфахана. Переселенные шахом Аббасом I с родины, армяне находились под его покровительством и в XVII веке прибрали к рукам шелковую торговлю не только в Закавказье, но и во всем Иране. В 1667 году представители этой компании Степан Ромодамский и Григорий Лусиков получили монополию на продажу шелка-сырца в Москве и право вывоза его за границу через пограничные и портовые города Архангельск, Новгород, Смоленск; при этом обратно они должны были возвращаться через Россию и покупать на вырученные деньги русские товары. За ввозимый в Россию шелк, начиная с Астрахани, налагались пошлина с продажи, не превышающая в общей сложности 15% его стоимости, и пошлина за провоз.

---

[13] См.: *Туманович Н. Н.* Европейские державы в Персидском заливе в XVI–XIX вв. М., 1982. С. 23–24, 32–35, 48–51.

Осуществить условия соглашения 1667 года помешало восстание Степана Разина. К тому же привилегии армянской компании вызвали недовольство русского купечества. Когда в 1673 году шахский посланник и член компании Г. Лусиков вновь появился в Москве, русское правительство потребовало у купцов преимущественного права покупки шелка для вывоза за рубеж и ограничило их выезд теми странами, с которыми у России не было «ссор». Но все-таки направить вывоз всего персидского шелка исключительно через Россию не удалось: купцы направляли в Москву максимум тысячу пудов в год, в то время как основная масса шла через Персидский залив или старыми караванными путями через Турцию. По подсчетам самого Лусикова, ежегодный вывоз персидского шелка в Европу исчислялся приблизительно в восемь тысяч тюков (в тюке было шесть пудов), то есть в 48 тысяч пудов; этот поток шел караванными путями в турецкие Алеппо и Измир (Смирну), а англичане и голландцы занимали в персидском экспорте господствующее положение[14].

Знали это и московские гости и обвиняли армян в том, что те не исполняли условий договора, «но прежними путями весь лучший шелк и ныне отпускают». Тем не менее подданных шаха (союзника против Турции) старались не обижать и по-прежнему разрешали им выезд с шелком за границу. В последней четверти XVII века столкновение с Турцией стало реальностью, и Россия из политических соображений допустила расширение транзита персидских товаров в Европу. Первым из соседей в 1679 году добился этого послабления для своей страны шведский посланник Л. Фабрициус, а в 1697 году право транзитной торговли с Ираном получила Пруссия. С 1687 года персидских армян стали пропускать через Новгород и Нарву в Швецию и далее на запад – такой путь в Европу был ближе, чем через Архангельск[15].

Не забывал об армянской торговле и Петр I. По указу Сената от 2 марта 1711 года льготные условия распространялись не только на членов джульфинской компании, но и на прочих армянских купцов и должны были содействовать первоочередной задаче «персидский торг умножить, и армян, как возможно, приласкать и облегчить, в чем пристойно, дабы тем подать охоту для их большого приезда».

Однако армянские купцы хотя и везли порой в Россию крупные партии шелка (2600 пудов в 1712 году), но, как и прежде, продолжали отправлять его и в Турцию. Выход к средиземноморским портам позволял дешево покупать западноевропейские товары, что было трудно сделать в России,

---

[14] Подробнее об объемах торговли шелком и о действиях английских и голландских торговцев в Иране см.: The Cambridge History of Iran. Cambridge. 1986. V. 6. P. 471; *Matthee R. P.* The politics of Trade in Safavid Iran. Silk for Silver. 1600–1730. Cambridge, 1999. P. 223–224.

[15] См.: *Зевакин Е. С.* Персидский вопрос в русско-европейских отношениях XVII в. // Исторические записки. М., 1940. Т. 8. С. 158–161.

где законодательство запрещало прямые контакты между европейскими и восточными купцами на своей территории. К тому же дорога до Балтики была неблизкой, а отечественные подьячие умели вымогать деньги не хуже своих восточных коллег, на что купцы часто жаловались[16].

Другой проблемой было положение российских торговцев в самом Иране. Сами же джульфинцы чинили им препятствия в закупке шелка. Отправленный туда послом (о чем пойдет речь ниже) Артемий Волынский отмечал, что «ни которой нации купцы так не утеснены, как росийские, которые в великом гонении и зело обидимы от персиан». Лихие люди могли разграбить их имущество. Им приходилось вручать «немалые дачи» местным властям за выгрузку товаров на берег и за то, чтобы их попусту не задерживали. Местные ханы и прочие «управители» могли вдруг «запечатать» их товары или отобрать для себя лучшие, но «малую цену заплатить», да и то спустя полгода. Они же выдумывали пошлины и поборы – например, брали налог за непроданные вещи, требовали платить «на мостах и на заставах» и в городах, куда товары вывезены.

Однако для проникновения на Восток царь не только надеялся на традиционную торговлю с соседями – его взор теперь простирался много далее.

Путь в Индию: пропавший «Бекович» и удачливый секретарь

Уже в XVII веке московских дипломатов привлекала далекая и богатая Индия, куда издавна стремились европейские мореплаватели и авантюристы. Тем более что с индийскими купцами в России были знакомы: в 1625 году в Астрахани был построен индийский гостиный двор и появилась небольшая индийская колония, а в 1645-м один из индийских купцов впервые прибыл в Москву[17].

Один путь в Индию вел через Каспийское море и Иран, другой – караванными дорогами Средней Азии. В Москве регулярно появлялись посольства из Хивы и Бухары. Среднеазиатские послы-«купчины» привозили пользующиеся неизменным спросом хлопчатобумажные ткани; в обмен они просили оружие, кожи, соболей, охотничьих птиц-кречетов и разные экзотические «товары» вроде пленных «немцев» и «девок черкасских», в каковых обычно хозяева учтиво отказывали.

---

[16] См.: *Куканова Н. Г.* Русско-иранские торговые отношения в конце XVII – начале XVIII в. // Исторические записки. М., 1956. Т. 57. С. 236–240.

[17] См.: *Гольдберг Н. М.* Русско-индийские отношения в XVII в. // Ученые записки Тихоокеанского института. М.; Л., 1949. Т. 2. С. 140–141.

Московские посольства в среднеазиатские ханства были редкими и всегда очень опасными: посланников подстерегали бури на Каспийском море, свои и чужие пираты, «огневая болезнь» (горячка), бесконечные междоусобные войны и набеги кочевников-туркмен. Своим долгом русские послы считали выкупать и вывозить с чужбины захваченных и проданных в Среднюю Азию русских пленников.

Посланникам в Иран и Среднюю Азию (посадскому человеку Анисиму Грибову и купцу Никите Сыроежину в 1646 году, дворянину Богдану Пазухину в 1669-м) поручили разведать путь в Индию и выяснить, какие там нужны товары и «сколь сильна Индеянская земля ратными людьми и казной». Послы привезли первые точные сведения о караванных путях в Индию через Пешавар и Кабул. «Из Бухары, – сообщал Б. Пазухин, – ехать через Балх до Индейских гор и до последнего Балховского города Хеджона, а оттуда до первого Индийского города Парвана в обход вдоль гор... четыре недели, а затем на города Чарыкар, Кавыл (Кабул. – *И. К.*), Большой Чарыкар, Пешаур (Пешавар. – *И. К.*), Ратас, через реки Джилим, Ченову и города Малый Гужерат, Лагор (Лахор), Салтанпур в Джанабат (Шах-Джеханабад. – *И. К.*)». Этот путь занимал от пяти до девяти недель, но пройти им и выполнить задание послы так и не смогли из-за постоянных войн, которые велись на территории Афганистана. Неудача постигла и миссию другого российского посла-купца, Юсупа Касимова: в 1676 году он достиг Кабула, но вынужден был повернуть.

Сухопутный путь через Иран считался еще сложнее: «...ход де ис Кизылбашские земли в Ындейское государство все сухим путем степью и горами. И на сей де было дороге в одном месте завалились в горах щели каменьем и проходу из Балхинского государства в Ындею и из Ындеи в Балхинское государство не было многие лета. И индейские де люди тое дорогу чистили лет с пять и болши, и, прочистя, тое дорогою проходили из индейские земли под Балх воинским обычаем и <в> Балху было засели». Опасная дорога от Мешхеда до Агры требовала 111 дней хода на верблюдах[18].

Только «купчина гостиной сотни Семен Мартинов сын Малинков» (Маленький) в 1695 году смог добраться до Индии, но сделал это морским путем по Индийскому океану, для чего ему пришлось предварительно пересечь весь Иран. Маленький стал первым русским, который был принят при дворе Великого Могола шаха Аурангзеба. Купчина с выгодой распродал царские и свои товары (красную юфть, «рыбью кость» – моржовые клыки, голландские и английские сукна) и, осмотрев Агру и Джеханабад, в январе

[18] См.: *Зевакин Е.* Роспись торгового пути из Астрахани в Индию в середине XVII в. // Новый Восток. 1925. № 8–9. С. 147–150.

1701 года отплыл из порта Сурат обратно в Персию, погрузив закупленные товары (краску «лавру», «сахару леденцу чистого», «инбирь в патоке» и пр.) на два корабля. Но здесь удача от него отвернулась. На обратном пути через Персидский залив его дважды «пограбили» пираты на сумму 18 519 рублей 15 алтын 5 денег. Купцу так и не удалось рассказать молодому царю Петру о богатствах Востока – в Шемахе, почти на пороге родной страны Семен Маленький и его племянник Сергей Аникеев умерли. Однако царь о них вспомнил и в 1716 году затребовал к себе «в поход» оставшуюся в московских приказах документацию о миссии С. Маленького – но к тому времени она уже оказалась утраченной в очередном пожаре[19].

Северная война еще не была закончена, но царь уже знал, что военная мощь Швеции сломлена, и искал новые цели внешней политики на Востоке. Планы Петра I вышли за пределы Европы, на океанские просторы и древние торговые пути Центральной Азии. Искать предлог не пришлось – послы хивинских ханов в 1700 и 1703 годах просили о принятии хивинцев в подданство, на что царь тогда же изъявил согласие. Подобные просьбы, как правило, на деле означали лишь расчеты на покровительство в спорах с соседями и предоставление привилегий собственным «купчинам». Но теперь Петр смотрел на это предложение иначе.

В 1714 году прибывший через Астрахань в Петербург туркмен Ходжа Нефес с полуострова Мангышлак рассказал, что в давние времена Амударья впадала в Каспийское море, пока хивинцы не перегородили реку плотиной. Если эту плотину разрушить, река вновь потечет по старому руслу. Ходжа Нефес, видимо, полагал, что могущество царя позволит вновь привести воду на засушливые земли туркменов. Но для Петра предложение повернуть течение великой среднеазиатской реки означало в первую очередь возможность установить беспрепятственную «коммуникацию» с далекой Индией, тем более что на европейских картах XVI–XVII веков Аму-дарья как раз изображалась впадавшей в Каспий.

Осенью 1714 года поручик гвардии Александр («Бекович») Черкасский (поступивший на русскую службу выходец из кабардинского княжеского рода Бекмурзиных) вышел в море во главе флотилии из двух шхун, 27 больших стругов, одной бусы, имея 1744 человека пехотинцев и казаков, 33 артиллериста при 19 орудиях и 100 моряков. Кроме того, с ним плыли 14 астраханских дворян, 4 подьячих, переводчик и сам Ходжа Нефес. Потеряв в штормах несколько стругов, Черкасский вернулся в Астрахань, но в следующем апреле двинулся к заливу Тюб-Караган у Восточного побережья Каспия. Здесь местные туркмены обещали показать прежнее русло Аму-

[19] См.: *Байкова Н. Б.* Роль Средней Азии в русско-индийских торговых связях (первая половина XVI – вторая половина XVIII в.). М., 1964. С. 74–75.

Дарьи. Посланный на разведку Ходжа Нефес со спутниками добрался до начала низменного дола, который, по словам туркменов, продолжался до самого Каспийского моря и являлся древним руслом Аму-Дарьи, и после трехдневного следования по нему вернулись обратно. Так были получены первые определенные сведения о древнем протоке, действительно связанном с Аму-Дарьей, – Узбое.

Руководитель экспедиции писал царю, что сам он «...доехал до места, званием Актам, где текла Аму-Дарья река в море Каспийское. Ныне в том месте нет воды, понеже не в ближних местах, для некоторых причин, оная река запружена плотиною на урочище Харакое, от Хивы в четырех днях езды. От той плотины принуждена течь оная река в озеро, которая называется Аральское море»[20]. После чего он успел проплыть на юг до Астрабадского залива, а сопровождавшие его морские офицеры положили на карту часть Восточного побережья Каспия.

В 1716 году Черкасский лично доложил о результатах своих поисков Петру I. Нетерпеливый царь пожаловал офицера новым чином и вновь отправил его в путь. Указ капитану от гвардии князю Черкасскому от 14 февраля 1716 года гласил: «1. Надлежит над гаваном, где бывало устье Аммудари реки, построить крепость человек на тысячу. 2. Ехать к хану Хивинскому послом, а путь иметь подле той реки и осмотреть прилежно течение оной реки, тако ж и плотины; ежели возможно, оную воду паки обратить в старой ток, к тому ж прочие устья запереть в Аральское море и сколько к той работе людей потребно. 3. Осмотреть место близ плотины или где удобно на настоящей Аммударе реке для строения ж крепости тайным образом, а буде возможно будет, то и тут другой город сделать. 4. Хана Хивинского склонять к верности и подданству, обещая наследственное владение оному, для чего представлять ему гвардию к его службе и чтоб он за то радел в наших интересах... 7. Также просить у него (хана. – *И. К.*) судов и на них отпустить купчину по Аммударе реке в Индию, наказав, чтоб изъехал ее, пока суда могут идти, и оттоль бы ехал в Индию, примечая реки и озера и описывая водяной и сухой путь, а особливо водяной к Индии тою или другими реками, и возвратиться из Индии тем же путем или, ежели услышит в Индии еще лучший путь к Каспийскому морю, то оным возвратиться и описать... по сим пунктам господам сенату с лутчею ревностию сие дело как наискорее отправить, понеже зело нужно»[21].

Указ разом ставил на редкость масштабные задачи: строительство крепостей, организацию грандиозного строительства для прокладки водного

[20] Цит. по: *Берг Л. С.* Очерки по истории русских географических открытий. М.; Л., 1949. С. 284.

[21] Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Т. 5. № 2993.

пути и приведение к «подданству» не только хивинского, но и бухарского хана, которые равно «бедствуют от подданных». Гарантировать лояльность подданных и должны были российские гвардейцы, чье содержание среднеазиатские правители должны были оплачивать из собственных средств. Для завоевания плацдарма для броска в Индию Петр считал достаточным 4,5 тысячи регулярной пехоты и двух тысяч казаков. Подготовка похода обошлась казне в 341 тысячу рублей[22]. Разведчиком «под образом купчины» царь в тот же день назначил лейтенанта Александра Кожина.

В 1716 году Черкасский заложил три крепости на восточном берегу Каспийского моря; главная из них находилась вблизи устья Узбоя. Отправив посольство в Хиву, Черкасский с частью своих войск вернулся в Астрахань посуху и сразу стал готовить завершающий поход. Он не обратил внимания ни на предостережения калмыцкого хана Аюки об отсутствии на маршруте сена и воды, ни на сообщения своих послов из Хивы о том, что хан не собирается переходить в русское подданство и ведет военные приготовления. Враждовавший с Черкасским Кожин известил Сенат, что сухое русло не исследовано (и, вероятно, руслом вовсе не является), а войско под командой Бековича обречено на гибель, и отказался выступить в поход.

Летом 1717 года Черкасский повел в степь три тысячи человек: эскадрон шведских драгун на русской службе, две роты солдат, посаженных на коней; артиллеристов, добровольцев из дворян, мурз и ногайских татар и две тысячи яицких и гребенских казаков. С отрядом шли караваны купцов, рассчитывавших на охрану военных в опасной степи.

По июльской жаре войска совершили тяжелый переход в 1350 верст и достигли урочища Карагач, около которого по плану, составленному для экспедиции Петром I, Черкасскому надлежало построить крепость. Но к укрепленному лагерю уже подходило 24-тысячное войско хивинцев. Все его атаки были отражены огнем, но против мирных предложений хана Черкасский не устоял. Мир был заключен, русский отряд в окружении хивинских войск подошел к столице ханства и, повинуясь командиру, был разделен на части – якобы для облегчения их расположения на постой. Затем последовало внезапное нападение, закончившееся гибелью большинства солдат и казаков; самого Черкасского и его офицеров изрубили саблями перед шатром хана Ширгазы. Хивинское духовенство отговорило хана от массовых казней русских, но оставшиеся в живых пленные были проданы на невольничьих рынках Хивы[23]; многие из них навсегда остались в рабстве на чужбине.

---

[22] См.: *Ш-ий А.* Двухсотлетие приступа к петровским военно-разведочным экспедициям в Среднюю Азию // Военно-исторический сборник. 1915. № 2. С. 122, 125.

[23] См.: Там же. С. 23–33.

После получения известий о гибели отряда оставленные Черкасским на побережье гарнизоны были срочно эвакуированы в Астрахань. Однако хан Ширгазы понимал, что разгром отряда Черкасского надо каким-то образом загладить. В 1720 году он отправил к царю своего посла Вейс-Магомета с подарками – лошадью и обезьяной – и письмом, в котором обвинял в случившемся самого Черкасского: мол, тот оскорбил хана «противными и бесчинными словами» и первым открыл стрельбу по его подданным. Прибыв в Петербург, посол заявил, что у его повелителя находится две тысячи русских пленных. Хан, вероятно, хотел что-то выторговать за их жизни. Но царь был слишком разгневан. Вместо переговоров хивинцы в марте 1721 года были отправлены в Петропавловскую крепость, где Вейс-Магомет через несколько дней умер; остальные члены его миссии отправились на каторгу в Рогервик.

Одного из людей посла отпустили с грамотой канцлера Головкина о немедленном отпуске всех пленных. Она была не слишком любезной – хан ответа не прислал[24]. Свидетелем ханского гнева оказался вышедший в январе 1722 года «из полону» яицкий казак Василий Иванов. Будучи взят в плен при разгроме отряда Черкасского, он вместе со своим хозяином Ярмет-аталыком как раз был во дворце и видел, как Ширгазы «топтал обои письмы ногами и отдал играть малым ребятам». Попавшему в рабство Иванову удалось бежать с калмыцкими купцами; на пути караван был разгромлен и «порублен» каракалпаками, но казаку все-таки удалось добраться до российской границы[25].

Менее трагичной была судьба другого российского посольства – секретаря Коллегии иностранных дел Флорио Беневени. Уроженец Дубровника оказал немалую помощь русскому послу в Стамбуле П. А. Толстому в качестве переводчика «языков ориентальных» (он владел турецким, татарским, персидским и итальянским) и с подачи своего патрона был избран Петром в качестве посланника в Бухару. Отправляя Беневени на Восток, Петр уже знал о судьбе Черкасского. Выданная посланнику в июле 1718 года инструкция не ставила перед ним задачу немедленного приведения в подданство бухарского владетеля. Беневени надлежало прежде всего разведать информацию о путях на Восток, водных и по суше, «как можно» расширить русскую торговлю и только потом попытаться склонить хана к военному союзу с Россией и предложить ему русских солдат в гвардию[26].

---

[24] См.: АВПРИ. Ф. 125. Оп. 125/1. 1724. № 1. Л. 1–25; 1730. № 1. Л. 1–4.

[25] Там же. Ф. 77. Оп. 77/1. 1722. № 3. Л. 2–3.

[26] См.: Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. М., 1986. С. 137.

Путешествие было долгим: вместе с бухарским послом итальянец отправился в Иран, но в условиях внутренних персидских неурядиц надолго задержался в Шемахе, а затем в Тегеране. Только в ноябре 1721 года путники въехали в Бухару. На этот раз миссия была вполне мирной, но далеко не легкой. Посылаемые с редкими оказиями донесения и «Краткой журнал посланника... Флория Беневени, в Бухарах бывшего» говорят о том, что дипломат «во всех... странах какие городы... положения мест, какие большие и малые реки... какие фортеции... и то все он... по возможности... сам видел и присмотрел, а иное от других и чрез нарочные посылки верно разведывал и в мемории записал».

Но установить хоть какое-то российское политическое влияние в Бухаре оказалось невозможно по причине непрерывных усобиц между узбекскими родами, на которых бессильный хан вынужден был опираться: «Хану бухарскому... за непостоянство его он, посланник, не посмел никакого числа воинских российских людей в гвардию... представить». За все время пребывания в Бухаре Ф. Беневени даже не мог встретиться с ханом Абул-Фейзом наедине, без свидетелей. А окружавшая правителя знать была враждебно настроена по отношению к России, и «стали явно оные озбеки посланника клеветать и шпионом называть и самому хану не единократно внушали, чтоб приказал его, посланника, ограбить и убить али де в полон взять, следуя образцу, как хан хивинской учинил над князем Черкасским». В итоге Беневени пришел к выводу о невозможности военного соглашения с Бухарой: «...а ежели б... та ханская и всего его двора и всех озбеков к тому склонность была совершенная, и то в дело поставить невозможно ж для того, что оной народ по природе весьма непостоянный и обманливый и что в первом часу говорит, на другой час от того запирается»[27].

Не удалось дипломату и уточнить географические сведения о Средней Азии. Выезд из города оказался невозможным, «для того что озбеки между собою драку имеют и везде на дорогах грабят». Пользуясь сведениями из чужих рук, Беневени подтвердил ошибочный вывод о том, что «оная река Дарья идет из Индианской земли из гор от города Кабула мимо некоторых индианских городов», и явно преувеличил рассказы о золотых россыпях по ее берегам. Но ни о каком «водяном пути» в Индию он даже не слышал, а посуху уже «четвертый год тому караваны не ходят в индейские страны на Кабул, Лахор и протчие городы». Поэтому перспектив российской «коммерции» посланник не видел – в условиях постоянных усобиц и при бессилии центральной власти «оная… николи заведена быть не может,

[27] Посланник Петра I на Востоке. С. 21, 128, 133.

разве тогда, как хан получит соврените», – писал он в своих донесениях 1722–1723 годов[28].

Еще труднее оказалось выбраться из Бухары. Дипломата не желали отпускать и едва не убили при попытке уехать обратно через иранскую границу. Однако враг Бухары, хивинский хан Ширгазы, желая загладить вину, тайно обещал посланнику помощь и «свободной проезд с пристойною честию и с провожатыми до границ российских». Беневени рискнул бежать в Хиву – и сумел уйти от бухарцев и относительно спокойно выехать из самой Хивы. После 23-дневного марша по «небезопасным» степным дорогам итальянец прибыл в Астрахань в сентябре 1725 года и был доставлен в столицу. Но к тому времени ситуация на южных границах России принципиально изменилась.

Уже после отправления Беневени усилиями морских офицеров в 1720 году была составлена первая достоверная карта Каспийского моря, включившая в себя все прежние съемки и представленная от имени царя Парижской академии наук[29]. Предполагаемого устья Аму-дарьи на ней уже не было, тем более что и побывавший в этих же местах лейтенант В. А. Урусов его не обнаружил, после чего царь усомнился в достоверности карты Черкасского и она была надолго забыта[30]. В итоге Петр отказался и от мысли повернуть течение великой среднеазиатской реки, и от планов немедленного установления российского протектората над Средней Азией. Были ликвидированы построенные на восточном берегу Каспия крепости и пункты базирования флота на полуострове Мангышлак и Балханском заливе. Сюда российские моряки и солдаты вернулись только через полтора века в качестве вспомогательных сил для основного направления покорения Средней Азии – с севера, через казахские степи.

«Персида давно пропадает»: посольство Артемия Волынского

Теперь внимание царя все больше привлекал слабевший Иран, из которого вернулся его посол – знаменитый впоследствии Артемий Волынский. 27-летний подполковник летом 1715 года возглавил миссию из

[28] Посланник Петра I на Востоке. С. 23, 71, 74, 76, 84.

[29] О работах по описанию Каспийского моря см.: *Берг Л. С.* Указ. соч. С. 283–299; *Лебедев Д. М.* География в России петровского времени. М., 1950. С. 214–216; *Андреев А. И.* Гидрографические работы и исследовательские экспедиции русского флота. 1696–1725 гг. // Путешествия и географические открытия XVI–XIX вв. М.; Л., 1965. С. 34–35; *Княжецкая Е. А.* Петр I – организатор исследования Каспийского моря // Вопросы географии петровского времени. Л., 1975. С. 24–39.

[30] См.: *Княжецкая Е. А.* Судьба одной карты. М., 1964. С. 86–87, 62–63.

72 человек – посольских дворян и чиновников, солдат конвоя, учеников «латынских школ», посланных для обучения восточным языкам. В числе спутников Волынского оказался врач Джон Белл, оставивший подробные записки о странствиях по Востоку, и двадцатилетний крепостной астраханского коменданта, «зело искусный» в восточных языках Семен Аврамов – ему предстояло стать первым российским резидентом в Иране. С грузом ценных подарков (кречетами, соболями, «мамонтовой костью» и зеленым чаем) посольство неторопливо – с зимовкой в Казани – достигло Астрахани и после трехнедельного плавания высадилось в Низовой пристани.

За время путешествия по Ирану с долгими остановками в Шемахе и Тебризе посольство наблюдало повсеместное ослабление центральной власти и произвол местных правителей, у которых «никакова суда не можно сыскать». Посланцы русского царя были свидетелями бунтов городской бедноты во время зимовки в Тебризе и в самой столице Исфахане, куда добрались весной 1717 года.

Задачи посольства были изложены в инструкции, лично исправленной и дополненной Петром I. Царь четко ориентировал посла «проведывать» экономические и географические особенности северных прикаспийских провинций Ирана, узнать «все места, пристани и городы и прочие поселения и положения мест», а также получить информацию, «есть ли на том море и в пристанях у шаха суды военные или купеческие» и «какие где в море Каспийское реки большие впадают». К последнему указанию Петр добавил: «...и до которых мест по оным рекам мочно ехать от моря и нет ли какой реки из Индии, которая б впала в сие море...» Еще царя интересовало, «какие горы и непроходимые места... отделили Гилян и протчие провинции, по Каспискому морю лежащие, от Персиды». Но получить все эти сведения надо было «так, чтоб того не признали персияне».

Столь же важной задачей был сбор информации об укрепленных городах и вооружении шахских войск: «...тщательно ль или слабо в том всем поступают, и не видят ли силу российских обычаев ныне». Особо интересовали Петра отношения соседей с Османской империей: Волынский должен был «сколко мочно им, персам, добрыми способы внушать, какие главные неприятели они, турки, их государству и народу суть, и какова всем соседям от них есть опасность». Если бы оказалось, что иранские власти желают «против их, турок, для безопасности своей с кем в союз вступить», послу предоставлялось право начать переговоры об антитурецком военном союзе.

Другие пункты инструкции предписывали заключить торговый «трактат» для обеспечения благоприятных условий деятельности русских негоциантов в Иране: «Домогаться... чтоб позволено было росийским

купцам во всей Персиде свободной торг и повелено б было покупать всякие товары, как и у его царского величества в землях. А особливо трудится ему пристойными способы, чтоб во области его шаховой в Гиляне и в протчих провинциях позволено было росийским купцам шолк сырец покупать и... вывозить, в чем до ныне от шаха росийским купцам по проискам армянским весма заказано». Шаха же надлежало «склонить» к тому, чтобы он повелел армянским торговцам «весь свой торг с шолком сырцом обратить проездом в Росийское государство, в чем им поблизости пути и в безопасном проезде великая будет польза». Ради «пресечения» караванной торговли Ирана со средиземноморскими турецкими портами обычно скуповатый царь даже был готов предоставить послу нужную сумму для взятки «шаховым ближним людям». И по-прежнему Петра волновало, «не возможно ль чрез Персиду учинить купечество в Индию, и о том пути, и о торгах, какие у них, индейцов, с персами, оные обретаются; и какие товары им потребны и от них вывожены быть могут».

Наконец, Волынский должен был связаться с сидящим под арестом бывшим грузинским царем Вахтангом Леоновичем и осведомиться о положении армянского народа («в которых местех живет и есть ли из них какие знатные люди из шляхетства или из купцов, и каковы они к стороне царского величества») и по возможности склонить его «к приязни»[31].

Поставленные перед Волынским задачи как будто свидетельствуют о том, что, отправляя посольство для заключения торгового договора, Петр уже наметил направления своих действий в отношении южного соседа. Повышенное внимание к прикаспийским провинциям с развитым шелководством, поддержка и использование в своих целях христианских народов Закавказья, заключение военно-политического союза с Ираном против Турции – все эти меры будут более или менее удачно реализовываться во время Персидского похода 1722–1723 годов и впоследствии. И опять-таки интересовал царя не столько сам Иран, сколько поворот «шелкового потока» от Алеппо и Смирны на Волгу и установление через персидскую территорию «коммерции» с Индией – «водяным путем» (в 1715 году Петр еще верил в возможность использовать для этого Аму-Дарью) или сухопутным.

У Волынского начались трудные переговоры с главным фаворитом и первым вельможей шаха Султан-Хусейна – «эхтима-девлетом»[32] Фатх Али-ханом Дагестани. С одной стороны, сыпались «обнадеживания» в «крепкой его царского величества дружбе и приязни»; с другой – восточная

[31] См.: *Бушев П. П.* Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг. (по русским архивам). М., 1978. С. 24–27.

[32] Э'темад од-доуле *(перс.)* – канцлер или первый министр со всей полнотой власти.

утонченная вежливость сменялась недипломатичным отказом в шахской аудиенции, изоляцией посла и его людей, бесконечными протокольными придирками.

В конце концов упорство посла в сочетании с обходительностью и – в нужный момент – угрозами прервать дипломатические отношения позволили добиться искомого результата, хотя и не в полной мере. Волынский был принят шахом, а переговоры завершились заключением 30 июля 1717 года торгового договора. Волынскому не удалось добиться права строить в Иране православные церкви для купцов и учреждения нового порта на Каспии вместо неудобной Низовой пристани, не говоря уже о претензиях на отправку всего гилянского шелка через Россию. Но договор дозволял русским купцам свободную торговлю на всей территории Ирана с уплатой обычных пошлин и давал им право закупать в любом количестве шелк без уплаты лишних сборов за вывоз, ограждал их от злоупотреблений чиновников, которые раньше брали у них товары даром или по крайне дешевой цене, и обязывал персидские власти предоставлять им охрану и не навязывать недобросовестных переводчиков[33]. На основании договора в 1720 году в Исфахане и Шемахе появились русские консулы. Они должны были собирать относящиеся к торговле сведения, выдавать паспорта русским подданным, заверять их обязательства, завещания и сделки, а в случае смерти купца описывать и сохранять его имущество для передачи наследникам.

1 сентября 1717 года посольство Волынского, за исключением оставленного при шахском дворе толмача Семена Аврамова, отправилось в обратный путь. Для следования посол избрал маршрут на Гилян и далее по побережью Каспийского моря на Кескер, Астару и Муганскую степь на Шемаху – через те земли, которые особенно интересовали царя. Путь занял три месяца и 16 дней, не считая вынужденной месячной остановки в Тебризе. Волынский не торопился – и потому успел выполнить еще одно задание: ознакомиться с состоянием приморских провинций.

Путевой «журнал» посла обстоятельно описывал главный город Гиляна Решт с его площадями, базарами и пятью тысячами домов. Волынский собрал информацию о развитой шелкоткацкой промышленности, выделывавшей «парчи изрядные» – не случайно Гилян давал шахской казне, «как нам сказывали, тысяч по триста, а времянем и больше», всяких сборов и пошлин. Ниже посол подчеркнул, что там не только «множество родится шолку», но и «здешний шолк выше протчих», и уточнил доход провинции: «Шолку... зело оного родитца много, с которого только одних пошлин

[33] Текст договора см.: *Бушев П. П.* Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг. С. 274–277; ПСЗРИ. Т. 5. № 3097.

(как слышал я сам от эхтадевлета шахова) собирается в казну шахову до 900 000 рублей, кроме иных доходов. Также и пшена (риса. – *И. К.*) зело много родитца, и такова во всей Персии нет, откуды весь дом шахов довольствуетца».

Шелк и лучший во всем Иране рис, по мнению Волынского, стали основой благополучия жителей, которые «все особливо богаты, и некоторые персианы не так денежны, как гилянцы». Однако посол был вынужден отметить и менее приятные особенности столь богатых земель. В 1717 году Гилян был охвачен эпидемией – «поветрием», от которого умерло, «как сказывают... с 60 000 человек здешних жителей, кроме приезжих, которые приезжают для покупки шелка из Алепа, из Вавилона и из протчих мест из Арабии; также и от Константинополя, как турки, так и греки и армяне». Места в Гиляне «зело сырые и непрестанно ложатця от гор великие туманы и мглы, от которых зело нездоровый и заразительный воздух; и редкой год, чтоб поветрия не было». В другом месте посол сообщал, что города и селения провинции расположены «в великих лесах и в болотах, где ни малых поль (полей. – *И. К.*) нет, токмо болота и непроходимые леса». Поэтому гилянцы, «мощно сказать, что вне света живут, в пропастях».

Следуя далее, Волынский отметил богатство Ширванской и других пограничных с Турцией провинций, которые «не малой интерес Персии приносят, ибо великие караваны турецкие по нескольку сот верблюдов для купечества туда приходят». В самом Ширване же «и лесов довольно... и скотом довольны и рабами, лутчей интерес их шолк, которого довольно везде родитца, и редкая деревня, где б не было шолковых заводов»[34].

Посланный защищать интересы российской торговли, Волынский полагал необходимой постоянную консульскую службу для содействия купцам, но в то же время был не слишком высокого мнения о деловых способностях и моральном облике соотечественников. Во-первых, потому, что «компании нет тамо; не токмо посторонние мешают, но и сами между собою один другому пакости чинят. Также ежели где кому и обида случитца, другие ему никогда не помогают, разве которые общие товары имеют». Во-вторых, сами торговые люди «так гнусно и мерско живут, что никоторый народ; так и между собою чинят повседневные ссоры и драки напився, и с чего больше поношение и стыд приносят всему отечеству». Зато они умеют вывозить товары, экспорт которых был запрещен без особого разрешения: «...сталь, железа, тазовая и протчая медь, олово, свинец; и хотя оные и заказано провозить, однако ж оных вещей провозят немало».

[34] Цит. по: *Бушев П. П.* Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг. С. 186–187, 255.

Понятно, что столбовой дворянин Волынский не мог высоко оценивать нравы «торговых мужиков», но едва ли он сознательно принижал уровень отечественной коммерции.

Намного больше посол верил в возможность своего государства прибрать к рукам доходные провинции южного соседа. На протяжении всего своего «отчета» он последовательно убеждал его главного читателя в слабости и иранской монархии и ее неспособности обеспечить порядок в стране. «Сколько я персидских мест видел – нет крепости ни одной», – сообщал Артемий Петрович и высказывал сомнение в том, что подданные шаха вообще «умели крепости делать». В другом месте он даже удивлялся бессилию Иранского государства: «Я бы не мог поверить никому о войсках персидских и не мнил бы, что они так бессильны». «Немалая» персидская артиллерия на деле небоеспособна, поскольку пушки были без лафетов, да и «персеяня ни малого искуства в ортилерии не имеют». Воевать без денег невозможно – а казна пуста, шах даже приказал перелить на монеты дворцовую посуду и «ободрать» гробницы «прародителей своих» в Куме.

Держава пока не рухнула и иранцы, пожалуй, «еще сщасливы, что против их бестия, а не люди воюют», то есть что шахская администрация имеет дело с бунтовщиками, а не с настоящими военными-профессионалами. Но даже и с «бестиями» она справиться не может: лезгины открыто творят разбой, захватывают мирных жителей в плен и к «великому удивлению и смеху» на базаре в Шемахе открыто их «продают персианом, которые так великодушно с ними поступают, что не токмо оных арестовать, но за власных своих подданных якобы за правдивых чюжестранцев полоняников платят им настоящую цену бесспорно».

Горцы-«шамфкальцы» (подданные тарковского шамхала) «к войне имеют склонность», но и те, по мнению посла, не могли одолеть несколько десятков русских драгун из посольской охраны (возвращавшихся через приморский Дагестан с даром шаха – слоном) и были способны лишь на «великие пакости» по отношению к купеческим караванам. Только грузины с их военачальниками с военной точки зрения пригодны. Волынский полагал: если бы грузинские «принцы» «имели добросогласие между собою, поистине б не токмо от подданства персидского могли себя освободить, но еще б и от них многие места без великого труда завоевали, понеже... персианя инфатерии никакой не имеют, а кавалерия их против грузинцов, хотя б она была числом и втрое больше, однакож никогда стоять не будет». Обзор военных сил Ирана завершал однозначный вывод: «Ежели б регулярных штадронов 20 к ним (грузинским войскам. – *И. К.*) присовокупить, то б смело мошно чрез всю Персию с ними без всякого страха пройтить».

Столь же определенно звучал и анализ политической ситуации в стране: «И кто видел и мог приметить непорядки и нынешнее состояние здешнего государства, то иначе и сказать не может, кроме сего, что самая воля Божия спеет к конечному падению сея монархии». Волынский был удивлен, как могли побывавшие до него в Иране послы не заметить, что «Персида давно так пропадает»: «Мнил и я сначала и чаял, что во время нужды могут тысяч сто войск своих к обороне поставить. Однако ж нынешняя беспутная война мне их подлиннее показала, понеже и по се время не собралось всех войск тритцати тысяч к шаху»[35].

Выводы были сделаны не на пустом месте. Волынский был очевидцем кризиса, завершающего правление династии Сефевидов. Он уже знал о захвате иранского Бахрейна султаном Маската, отметил неповиновение жителей Муганской степи, которые отказались принять назначенного шахом хана «и в протчем во всем уже учинили указам шаховым противность». При нем в том же 1717 году «учинился бунт» в Гиляне и началась «беспутная война» – восстание афганских племен, разгромивших шахское войско и захвативших Герaтскую провинцию. Помимо афганцев, «со всех сторон как езбеки (узбеки. – *И. К.*), так и протчие в свою волю воюют, но не токмо от неприятелей, но и от своих ребелизантов[36] оборонитца не могут. И уже редкое место осталось, где бы не было ребелей». На его глазах недовольные дороговизной исфаханцы ворвались в покои шахского дворца, и сам правитель прятался от восставших в гареме. О бунтах «лезгов», «авганов» и белуджей в 1719–1720 годах писал из Ирана в Петербург и Ф. Беневени; сходными были и его оценки ситуации: «Нынешнее персицкое состояние при великом разорении состоит»[37].

Безвольного шаха Волынский считал главным виновником плачевного положения государства. В донесении от 8 июля 1717 года он писал канцлеру Г. И. Головкину: «Трудно и тому верить... что... он не над подданными, но у своих подданных подданной. И чаю, редко такова дурачка мочно сыскать и между простых, не токмо ис коронованных. Того ради сам ни в какие дела вступать не изволит, но во всем положился на своего наместника ехтема девлета». А тот, по мнению посла, был еще хуже: «...всякова скота глупее, однако же у него такой фидори (фаворит. – *И. К.*), что шах у него из рота смотрит и что велит, то делает. Того ради здесь мало поминаетца имя шахово, только ево, протчие же все, которые при шахе не были поумнее, тех всех изогнал... И тако делает, что хочет, а воспретить никто не смеет, а такой дурак, что ни дачею, ни дружбою, ни рассуждением

[35] Цит. по: Там же. С. 228, 256–259.

[36] От rebel *(англ.)* – бунтовщик.

[37] Посланник Петра I на Востоке. С. 38, 40.

подойтись невозможно, как я уже пробовал всякими способами, однако ж не помогло ничто»[38].

Столь яркие и однозначные характеристики очевидца можно бы считать безусловно достоверными, тем более что прогноз Волынского – «сия корона к последнему разорению приходит, ежели не обновитца иным шахом» – оказался верным. Однако стоит обратить внимание на то обстоятельство, что знакомые с европейским «обхождением» петровские посланцы смотрели на людей Востока как на «варваров» и плохо понимали «язык» восточной дипломатии. Громкие военные победы на Западе внушали превосходство над «нерегулярными» войсками Востока, но мешали увидеть устойчивость местных социальных и государственных структур и традиций.

Флорио Беневени, проезжая в Бухару через Иран, докладывал о «глупости лезгинцев», не сумевших сразу захватить Шемаху и грабивших ее «без всякого порядку». Персидских министров и придворных он характеризовал как «людей самых лгунов и весьма в слове не постоянных», а порядки Бухары и Хивы – как «варварское и без оснований управительство», где подданные «все дженерально между собою драки имеют», и «оный народ по природе весьма непостоянной и обманливой»[39].

Итальянца можно было понять – при «варварских и непостоянных» среднеазиатских дворах он на самом деле «смертельные страсти претерпел». Однако и счастливо завершивший свою миссию Волынский откровенно презрительно оценивал всю иранскую элиту: «Истинно не знают что дела, и как их делать. А к тому ж и ленивы, что о деле часа одного не хотят говорить, и не токмо посторонние, но и свои у них дела так же идут безвестно, как попалось на ум, так и делают безо всякого рассуждения». Отнюдь не безгрешного Волынского раздражало высокомерие персидских вельмож в сочетании с ожиданием подарков при решении государственных вопросов. Когда, например, чиновник эхтима-девлета в духе судьи Ляпкина-Тяпкина из гоголевского «Ревизора» объяснял, что его господин взяток у посла не примет – разве что если «есть хорошие соболи, то б несколько сороков отослал, а деньгами или иным ничего не возьмет» – как можно?[40]

Справедливости ради надо заметить, что и сам посол в денежных делах оказался не вполне чист. До самой его смерти тянулась тяжба с посадским Егором Бахтиным, который заявлял, что Волынский в Иране занял у его

---

[38] Цит. по: *Бушев П. П.* Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг. С. 155.

[39] Посланник Петра I на Востоке. С. 51, 57, 75, 79.

[40] См.: *Бушев П. П.* Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг. С. 155, 171.

дяди Анисима Федотова и не вернул 2600 рублей. Ответчик же полагал, что платить должна казна, поскольку иранские власти не давали денег на содержание посольства и он вынужден был их занимать. Он насчитал, что ему следовало получить 768 червонцев, 15 956 рублей и три с половиной копейки, из которых на «презенты» употреблено 613 червонцев и 6189 рублей (не считая данных ему на подарки казенных мехов на 3500 рублей). Петр I, по-видимому, усомнился в столь значительных расходах и в 1720 году приказал выдать Волынскому в счет жалованья только шесть тысяч рублей. Волынский же долг Бахтину признал и даже выдал расписку с обязательством вернуть деньги, однако, если верить истцу, выманил у него в 1737 году «мировую запись» с отказом от тяжбы, но отдал всего 150 рублей. Очевидно, у посадского не хватило сил тягаться с могущественным тогда вельможей. После казни Волынского он опять стал добиваться уплаты долга, но Сенат, исходя из наличия «мировой», отказал[41].

С позиции Волынского вполне рациональным представлялось стремление тем или иным образом получить в свое распоряжение богатые и плохо управляемые прикаспийские провинции Ирана, где царский дипломат не видел достойных противников: «Народ гилянской зело крупен, точию весьма невоенной, и ружья никакова не имеют, и самой народ – дикой и робкой. И живут все в розни, и редкую деревню мошно сыскать, чтоб дворов по пяти или по десяти, разве по два и по три». Доказательством «дикости» и «робости» он искренне полагал нежелание пускать к себе посольских людей: «Кажной рад последнее отдать, нежели ково в дом свой пустить, и сами в ыные места мало ездят». Как же было упустить лежащие втуне среднеазиатские золотые и серебряные руды, которые, по мнению Беневени, нерадивые «озбеки» принципиально не желают разрабатывать, а «рудокопцев» живыми закапывают в землю?[42] Можно представить, каково было это читать страстно стремившемуся развивать отечественную промышленность Петру I.

Волынский с раздражением воспринимал задержки в пути и патетически обращался к государю: «...а ежели уже в моей смерти подлинно донесено вашему (величеству будет... по смерти моей последнее награждение мне всемилостивейше изволите учинить воздаянием отмщения над здешними варварами за мою погибель». В том, что «отмщение» будет делом нетрудным, он не сомневался. «...Помощью вышнего и без великого кровопролития великую часть к своей державе присовокупить можете с

[41] См.: Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 248. Оп. 110. № 266. Л. 389–398.

[42] Цит. по: *Бушев П. П.* Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг. С. 187; Посланник Петра I на Востоке. С. 74, 84.

немалым интересом к вечной пользе без страха, ибо разве только некоторые неудобные места и воздух здешней противность покажут войскам вашего величества, а не оружие персицкое», – убеждал посол царя. Похоже, что слава победителей Карла XII несколько кружила голову не только бравому подполковнику Волынскому, но и вполне «штатскому» секретарю Беневени – тот указывал, что иранские власти «нас также боятся, и ежели бы было самой малой вид противности показать или замахнуться токмо, а не ударить, то б весьма здрогнули». Он же рассказал, как лихо без «конвою» преодолел опасный путь из Ирана в Бухару, так что «все генерально русской кураж и смелость похваляли»[43].

В итоге посол прямо призывал царя в поход на Персию, и «хотя настоящая война наша нам и возбраняла б, однако, как я здешнюю слабость вижу, нам без всякого опасения начать можно, ибо не токмо целою армиею, но и малым корпусом великую часть к России присоединить без труда можно, к чему нынешнее время зело удобно». В Петербурге он представил Петру доклад, к которому был приложен «Журнал на персидскую карту с кратким описанием провинций и городов и где есть какие пути удобные или нужные к проходам армии».

Накануне похода

Однако международная обстановка не располагала к подобным акциям. Россия пока не могла завершить уже выигранную Северную войну из-за противодействия вчерашних союзников росту ее могущества. Начавшиеся мирные переговоры были прерваны после гибели Карла XII. В 1719 году английская эскадра пришла на помощь Швеции в Балтийское море; в том же году были разорваны отношения с Австрией, и она вместе с Саксонией и Ганновером заключила антироссийский по духу союз[44].

Пока же Петр I под видом изучения торговых путей на Каспии отправлял туда морских офицеров (М. Травина, К. П. фон Вердена, В. А. Урусова, Ф. И. Соймонова), которые обследовали все побережье от Волги до Гиляна, Астрабада, Мазендерана и устья Куры. «Польза общих торгов, – вспоминал Соймонов, – служила тогда наружным видом сего предприятия, и назначенному в оную посылку офицерам предписано было в инструкции, чтоб они сие намерение везде распространяли, хотя другие словесныя и тайныя приказания до купечества не подлежали»[45].

[43] Цит. по: *Бушев П. П.* Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг.. С. 228; Посланник Петра I на Востоке. С. 57–58, 120.

[44] См.: *Никифоров Л. А.* Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959. С. 242–243.

[45] *Соймонов Ф. И.* Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний яко часть истории государя императора Петра Великого. СПб., 1763. С. 33.

Моряки не только составляли карту берегов, но и искали удобные места для пристаней. Лейтенант Соймонов и капитан Верден установили, что береговая линия от Терека до Куры годна для вытаскивания плоскодонных судов, и всюду имеются «якорныя места», «однако незакрытая с моря, кроме двух хороших гаваней, а именно: в Апшероне и Баку»; «в Апшероне гавань хороша и в колодезях вода пресная», а в Баку «гавань очень хорошая про всякия суда и от всяких ветров», и от Апшерона до Баку можно ходить «мелкими и большими судами». Именно эти порты являлись, по мнению моряков, единственными на Каспийском море местами, «в коих суда от всех ветров стоять могут безопасно».

На западном берегу моря Петра особенно интересовало устье реки Куры: поручику князю Урусову в 1718 году было приказано при описании этих мест «прилежно осматривать гаванов и рек, а особливо Куры реки»; в следующем году его обследовали Верден и Соймонов. По мнению Соймонова, царь «хотел при устье реки Куры заложить большой купеческий город, в котором бы торги грузинцев, армян, персиян, яко в центре, соединялись и оттуда бы продолжались до Астрахани»; намереваясь «привлечь» в этот город «все купечество из Грузии и Ширвани» и тем сделать его «первым купеческим городом для всего западного берега Каспийскаго моря»[46].

Координация всей «персидской» политики на месте была поручена А. П. Волынскому, пожалованному в полковники и генерал-адъютанты и назначенному астраханским губернатором. В марте 1720 года Петр, находившийся тогда на первом отечественном курорте – Олонецких «марциальных водах», собственноручно указал ему отправить в Шемаху офицера «бутто для торговых дел», а на деле – чтобы тот «туда или назад едучи сухим путем от Шемахи верно осмотрел пути» и особенно «неудобной» участок возле Терков. Самому губернатору этим же указом предписывалось поддерживать контакты с царем Картли Вахтангом VI, чтобы он «в потребное время был надежен нам», а также «при море зделать крепость» с «зелейным анбаром» (пороховым погребом) и «суды наскоро делать прямые морские и прочее все, что надлежит к тому по малу под рукою готовить, дабы в случае ни за чем остановки не было, однако ж все в великом секрете держать»[47].

Последнее распоряжение царь в декабре отменил – точнее, велел подождать со строительством «до предбудущего 1722 году», но зато пот-

[46] См.: *Лысцов В. П.* Указ. соч. С. 83–87.

[47] См.: РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. № 17. Л. 11–12; *Корсаков Д. А.* Артемий Петрович Волынский (биографический очерк) // Древняя и новая Россия. 1877. Т. 1. № 1. С. 94; *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. Кн. 9. С. 360.

ребовал от губернатора «для пробы» образцы верблюжьей шерсти, «персидских кушаков» и «гилянских рогож». Кроме того, Петра интересовали иранские изюм и шафран, которые он предполагал сбывать в соседнюю Польшу – наблюдательный царь, как опытный коммерсант, заметил, что шляхетский стол не может обойтись без этих «специалов»[48]. Волынский доставил в Петербург «шафранное коренье», и царь повелел посадить его у себя в оранжерее в надежде получить «плод». Губернатору предписывалось купить в Гиляне и разводить в Астрахани померанцевые, лимонные, цитронные, гранатовые и самшитовые деревья, а жителей приучать выращивать виноградную лозу, закупленную в Дербенте и Шемахе. Но климат помешал добиться фруктового изобилия, а почва оказалась непригодной для производства качественных вин.

У царя были и более обширные планы. Стремясь развить по Каспийскому морю торговлю с восточными странами, он хотел поручить организацию этого дела знаменитому парижскому банкиру и генеральному контролеру французских финансов Джону Лоу, который во Франции ввел в обращение бумажные деньги и успешно распространял акции своей Индийской компании. Петр прочитал перевод книги Лоу «Рассуждения о деньгах и торговле» и решил пригласить его на русскую службу.

В январе 1721 года он лично отредактировал наказ находившемуся на русской службе французу, асессору Берг-коллегии Габриелю Багаре де Пресси. Император приглашал «господина Ляуса» в Россию и обещал ему княжеский титул, 200 дворов крепостных, право основать свой город и населить его «иностранными мастеровыми и ремесленными людьми», разрешал иметь 100 человек личной гвардии. При этом Петр рассчитывал, что «господин Ляус» в «восточной России около Каспийского моря» построит города и села, организует заводы и мануфактуры, привлечет иностранных колонистов. Если же Лоу согласится поступить на русскую службу и «российские рудокопные дела також и Персидскую торговую компанию в Российском государстве сам сочинить и учреждать намерен», Петр I готов был сделать его обер-гофмаршалом двора и действительным тайным советником и наградить орденом Андрея Первозванного. Подобных условий русское правительство до того не предоставляло никому из иностранцев, что явно свидетельствовало и о серьезности намерений развивать восточную «коммерцию», и о впечатлении, произведенном на Петра успехами Лоу в начале его карьеры во Франции. Однако планам царя не суждено было осуществиться: к тому времени банк и компания

[48] См.: РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. № 17. Л. 21, 22 об.

Лоу лопнули, и де Пресси встретился с шотландцем, когда тот уже покинул Францию[49]. Реорганизация восточной торговли не состоялась.

Но Петр не упускал из вида и военную подготовку продвижения на Восток. В декабре 1720 года решено было отправить консулом в Исфахан «зело искусного» Семена Аврамова, а в Шемаху – капитана Алексея Баскакова с геодезистами. Официально они должны были добиваться от местных правителей «всякого вспоможения» российским купцам на предмет беспрепятственной покупки и вывоза шелка-сырца в Астрахань на употребление царского двора. А неофициально им надлежало собирать сведения военного и политического характера, а также установить, «коликое число в тех провинциях (Шемахе и Гиляне. – *И. К.*) купечества и поселян, и от чего болше пожитки имеют, и в чем их интерес состоит, и что с них собираетца шаху в год доходов». Баскаков получил еще и указание выяснить все о реке Куре: «...откуды течет и как велика и глубока, и ходят ли по ней какие суда и до которых мест, и по той реке какие живут народы»[50].

Одновременно шла и дипломатическая подготовка будущей кампании. В сложной дипломатической игре при стамбульском дворе российскому посланнику А. И. Дашкову удалось убедить турок в опасности для них антироссийского союза Австрии и Саксонии и при поддержке французского посла заключить в ноябре 1720 года «вечный мир». Его условия повторяли старые и тяжкие для России обязательства Прутского мира 1711 года. Единственное, что удалось выторговать, – это разрешение на пребывание в Стамбуле постоянного российского резидента. В июне 1721-го договор был ратифицирован султаном: Россия на время получила свободу рук на юге. Турки даже надеялись на возможный союз с Петром против Австрии[51].

На реальное ослабление Ирана и возросший интерес к прикаспийскому региону со стороны России отреагировали и местные владетели. В 1717 году тарковский шамхал Адиль-Гирей в обращении Петру I выразил готовность по образцу своих «отцов и прародителей» как «покорный раб ваш, всегда с придержанием во услугах ваших пребывати и с союзными и друзьями вашими в дружбе и в союзе быть, а с неприятелями вашими противиться от сердца» и сообщил: «Ныне все в краях наших пребывающие кумыки, и кайтаги, и казикумуки, и их сильные князи и начальники и старшины здесь суть согласившись, вашу службу приняв, поддались». Вслед за шамхалом к России обращались уцмий Кайтага, эндереевский, аксаевский и другие владетели Дагестана[52].

---

[49] См.: *Троицкий С. М.* «Система» Джона Ло и ее русские последователи // Франко-русские экономические связи. М., 1970. С. 117–119.

[50] См.: *Мамедова Г. Н.* Указ. соч. С. 16; *Лысцов В. П.* Указ. соч. С. 46, 85, 117–118.

[51] См.: *Никифоров Л. А.* Указ. соч. С. 325–332; *Маркова О. П.* Указ. соч. С. 23–24.

[52] См.: История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. С. 416–417.

Петр принял Адиль-Гирея «под оборону нашу и подданство», но действовал осторожно и не спешил объявлять о том, что шамхал состоит ныне «в стороне его царского величества», учитывая только что заключенный с Ираном договор. Тем более что «подданство», как и ранее, носило номинальный характер и ни к чему не обязывало; тот же кайтагский уцмий Ахмед-хан получал от шаха жалованье в одну-две тысячи рублей и подарки (лошадей, халаты, дорогие сбруи), но «воинскую службу» нести отказывался: «Усми даром служить никому не должен... – говорили его подданные возвращавшемуся в 1718 году из Ирана с дареным слоном А. Лопухину, – шаха мы не боимся»[53].

Шаха здесь не боялись уже давно. Еще в 1711 году восставшие жители Джаро-Белоканских вольных обществ вступили в Ширван и подняли местное суннитское население на борьбу против иранцев-шиитов. Повстанцев возглавил «родом мужик простой», энергичный и предприимчивый Хаджи-Дауд (или Дауд-бек), к которому примкнул уцмий Кайтага Ахмед-хан и правитель Казикумуха Сурхай-хан. Объединенное войско разгромило силы наместника Ширвана и других местных ханов, а в 1712 году разграбило Шемаху. Только в 1719 году Хаджи-Дауда удалось схватить, но вскоре он бежал из дербентской крепости. В это же время началось восстание афганских племен абдали и гильзаев; наследственный вождь последних, Мир-Вейс-хан, захватил Кандагар, а предводитель абдали Абдулла-хан поднял бунт в Герате. Несмотря на все попытки правительственных войск, вернуть утраченные провинции не удалось, и в 1720 году Махмуд, сын Мир-Вейс-хана, начал набеги на Иран.

Шах обратился за помощью к кавказским владетелям, но те не спешили с ее оказанием, а Ширван был вновь был охвачен брожением. Хаджи-Дауд рассылал по горским обществам Дагестана письма с призывом подняться против Сефевидов. «Ныне нам время себя людьми поставить и обогатиться; нежели мы сей случай из рук упустим, на то мы достойны, чтобы весь свет нас дураками признал, ибо сила в наших руках, шах от Мирмахмута утеснен, и ничто мешать не может», – писал он Сурхай-хану. Одновременно он обращался и к русским властям в Астрахани: объяснял, что движение вызвано «обидами» со стороны персов-«кызылбашей», обещал «дружелюбие иметь» и даже «великому государю под руку иттить, также и юрты (владения. – *И. К.*) свои отдать».

Волынский в июне 1721 года поначалу обнадежил «бунтовщика» и даже «секретно» передал ему, что российскому государю «не противно,

[53] См.: *Гаджиев В. Г.* Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. С. 126–127.

что он с персианами воюет»[54]. Но в то же время особых иллюзий в отношении нового «приятеля» он не питал: «Кажется мне, Дауд-бек ни к чему не потребен; посылал я к нему отсюда поручика (как я перед сим вашему величеству доносил), через которого ответствует ко мне, что конечно желает служить вашему величеству, однако ж чтобы вы изволили прислать к нему свои войска и довольное число пушек, а он конечно отберет городы от персиан, и которые ему удобны, те себе оставит (а именно Дербент и Шемаху), а также уступит вашему величеству кои по той стороне Куры реки до самой Гиспогани (Исфахана. – *И. К.*), чего в руках его никогда не будет, и тако хочет, чтоб ваших был труд, а его польза»[55].

Дауд приглашал русских торговых людей приезжать – «мы и волосом их не тронем», но едва ли был в состоянии реально контролировать «грубых бунтовских мужиков» и пустившихся в поход горцев[56]. Объединившиеся против «еретичного персианского ига» повстанцы во главе с Хаджи-Даудом и Сурхай-ханом совершали набеги на Ардебиль и Баку, угрожали Дербенту. В августе 1721 года они вновь взяли Шемаху. Беглербег города Хусейн-хан был убит вместе с сотнями других горожан; при грабеже гостиных дворов русские купцы были «обнадеживаемы, что их грабить не будут, но потом ввечеру и к ним в гостиный двор напали… иных убили, а товары все разграбили, которых было около 500 000, в том числе у одного Евреинова на 170 000 рублей персидскою монетою»[57]. По более точным сведениям «экстракта ис поданных доношений о том, коликое число было у купецких людей товаров в Шемахе и кого имяны», ущерб оценивался «на персицкие деньги 472 840 рублев на 29 алтын»[58].

Волынский послал в Шемаху своего представителя, переводчика Дмитрия Петричиса, но переговоры окончились безрезультатно. Предводитель мятежников откровенно заявил гонцу: о возмещении убытков «и думать не надобно, чтоб назад было отдано для того, что у них обычай в таких случаях: ежели кто что захватит, того назад взять невозможно», признав,

---

[54] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 54. Л. 625 об.

[55] Там же. Л. 640–642; *Гаджиев В. Г.* Сочинение И. Гербера… С. 232–234.

[56] В современной дагестанской литературе деятельность Хаджи-Дауда оценивается весьма различно: утверждения о его роли вождя «народно-освободительной борьбы» (см.: *Бутаев А. А.* Народно-освободительное движение на Восточном Кавказе под руководством Хаджи-Давуда Мюшкюрского. Махачкала, 2006. С. 26–29) соседствуют с указаниями на его грабительские действия в отношении крестьян (см.: *Гасанов М. Р.* Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994. С. 232) и его оценкой как предводителя, «использовавшего широкие народные массы в корыстных целях» (см.: История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. С. 420).

[57] Цит. по: *Гаджиев В. Г.* Сочинение И. Гербера… С. 234–235.

[58] Цит. по: *Мамедова Г. Н.* Указ. соч. С. 19.

что даже ему, Дауд-беку, не удалось получить на свою долю того, что он пожелал, из разграбленного имущества шахского наместника[59].

В донесении от 10 сентября 1721 года Волынский сообщил, что к нему явились ограбленные в Шемахе купцы; двоих из них, Филиппа Скокова и Василия Скорнякова, губернатор сразу же отправил к царю, чтобы Петр получил сведения из первых рук. Однако грабеж русских купцов стал для Волынского принципиальным аргументом в пользу начала военных действий. «По намерению вашему к начинанию законнее сего уже нельзя и быть причины», – убеждал он царя, что такое вторжение теперь будет выглядеть выступлением «не против персиян, но против неприятелей их и своих». Он призывал Петра выйти в поход следующим летом, поскольку, «что ранее изволите начать, то лутче, и труда будет менее». Напористый губернатор был уверен: «...невеликих войск сия война требует, ибо ваше величество уже изволите и сами видеть, что не люди – скоты воюют и разоряют». Он даже подсчитал, что для успешной операции необходимы максимум десять пехотных и четыре кавалерийских полка вместе с тремя тысячами «нарочитых казаков» – «толко б были справная амуниция и доволное число провианта»[60].

Волынский и прежде был сторонником активных действий на Кавказе. В августе 1721 года он убеждал Петра I «учинить отмщение андреевцам (жителям селения Эндери. – *И. К.*) за набеги на казачьи городки на Тереке и призывал его построить новую крепость на Тереке.

Поход на «андреевцев» царь разрешил. Губернатор сам прибыл на границу с двумя пехотными батальонами и тремя ротами драгун и послал тысячу донцов с атаманом Аксеном Фроловым за Терек. В сентябре–октябре 1721 года казаки дважды ходили «в партию на кумыцкую сторону» и громили «андреевские нагайские аулы». В бою погиб «горский князь Атов Баташев», было отбито немало «рогатого скота», верблюдов и три тысячи овец, которых победители при отходе «потопили»[61]. По сведениям пленных, «андреевский» владетель Айдемир желал мира. Но Волынский на дагестанских князей в качестве верных слуг не рассчитывал: «И мне мнится, здешние народы привлечь политикою к стороне вашей невозможно, ежели в руках оружия не будет, ибо хотя и являются склонны, но только для одних денег, которых <народов>, по моему слабому мнению, надобно бы так содержать, чтоб без причины только их не озлоблять, а верить никому невозможно»[62].

---

[59] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 54. Л. 682.

[60] Там же. Л. 645–646 об.

[61] См.: Там же. Ф. 248. Оп. 7. № 380. Л. 430–431; Ф. 9. Отд. II. № 54. Л. 656–659.

[62] Там же. Ф. 9. Отд. II. № 54. Л. 640–642. См. также: *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. Кн. 9. С. 361–362.

Губернатор призывал Петра поддержать «грузинского принца» – царя Картли Вахтанга VI и отправить к нему на помощь пять-шесть тысяч российских солдат, поскольку царь «без того вступить в войну опасен», но с таким подкреплением и при условии одновременного российского «десанта» в Иране готов дойти «до Гиспагани самой, ибо он персиян бабами называет»[63*]. Волынский, правда, не указывал, что положение самого царя Картли на троне непрочно; сам же Вахтанг в 1721 году писал послание к Петру на латинском языке и передал его через католических священников, «по той причине, что мы никому другому не доверяем»[64].

С другой стороны, донесения российского консула Семена Аврамова рисовали картину разложения шахской армии, бессилия правительства, которое рассчитывало в борьбе с мятежниками только на помощь самих же горских князей и Вахтанга VI, и давали неутешительный прогноз: «Персидское государство вконец разоряется и пропадает»[65]. Осенью 1721 года повстанцы Дауд-бека разгромили силы гянджинского и ереванского ханов и осадили Гянджу[66].

Призывая Петра I в поход, Волынский от кабардинских князей уже знал, что Хаджи-Дауд и Сурхай-хан через крымского хана обратились к турецкому султану, «чтобы он их принял под свою протекцию и прислал бы свои войска для охранения Шемахи». Но губернатора это не пугало, хотя ему и не было известно, что посланцев Дауда в Стамбуле встретили милостиво, но отпустили без определенного ответа[67]. Он логично полагал, что Дауду и Сурхаю «надобно сыскать безопасный и основательный фундамент», а потому «они, конечно, будут искать протекции турецкой», тем более важно было опередить турок. Едва ли стоит объяснять колебания

---

[63] * *Вахтанг VI* (1675–1737) был многоопытным политиком; к тому времени он уже дважды принимал ислам и возвращался в православие. С 15 лет он находился заложником в Иране, участвовал в восстании против царя Ираклия I и в 1703 году стал наместником Картли при своем дяде Георгии XI (Гурген-хане), а после его гибели от рук восставших афганцев – царем. Он сумел создать относительно боеспособное войско, под его руководством был создан свод законов («Уложение царя Вахтанга»), которое действовало во всей Грузии, а некоторые законы – и после ее присоединения к России. В 1709 году по его инициативе в Тбилиси была основана первая грузинская типография, в которой вместе с церковными книгами печатались учебники и была издана поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» с комментариями самого царя. Заточенный в крепость за отказ вновь перейти в ислам, он в 1719 году сумел вернуть себе престол и рассчитывал с помощью России освободить Грузию.

[64] Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 по 1770 г. С. 139–140.

[65] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 54. Л. 661–662; *Мамедова Г. Н.* Указ. соч. С. 31, 33.

[66] См.: *Тамай А.* Восстание 1711–1722 гг. в Азербайджане // Ученые записки Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. Махачкала, 1957. Т. 3. С. 87–88.

[67] См.: *Lockhart L.* The Fall of Safavi dynasty and the Afghan occupation of Persia. Cambridge, 1958. P. 216.

«ребелизантов персидских» сугубо «классовыми и национально-религиозными интересами феодалов-суннитов». После учиненного в Шемахе разгрома рассчитывать на поддержку российских властей им уже не приходилось. Устремления же Волынского отражали имперские черты внешней политики России в ее крайнем, так сказать, «кавалерийском» проявлении, но вместе с тем учитывали реальный кризис системы международных отношений в регионе.

«Фундамент» относительной кавказской стабильности базировался на утвердившемся без малого сто лет назад, по договору 1639 года, разделе сфер влияния Османской Турции и Сефевидского Ирана. Быстрое ослабление Ирана и наметившийся интерес России к восточным делам разрушал баланс сил и заставлял политиков действовать, а многочисленные местные государственные образования и общины – выбирать политическую ориентацию. Позднее Хаджи-Дауд и Сурхай-хан станут одними из самых упорных противников российской «протекции» над Дагестаном и головной болью для русской военной администрации. Но в это время их действия позволили Петру I выступать в качестве гаранта наведения порядка в крае против «бунтовщиков шахова величества».

Сторонниками России в это время являлись тарковский шамхал Адиль-Гирей и аксаевский правитель. Северокумыкские (эндереевские) владетели находились вблизи российской границы, но враждовали с кабардинцами, считавшими себя царскими подданными. Буйнакский владетель Муртуза-Али, ранее получавший жалованье из российской казны на правах старшего представителя рода, соперничал с шамхалом Адиль-Гиреем и занимал по отношению к русским скорее враждебную позицию, как и казанищенский владетель Умалат. Находившийся под влиянием кайтагского уцмия утамышский правитель Султан Махмуд позволил себе напасть на российское посольство – отряд А. Лопухина[68].

Однако и Россия должна была учитывать последствия перемены подданства, пусть даже и номинального. В «пророссийскую» Кабарду весной 1720 года вторгся крымский хан Саадет-Гирей III с сорокатысячным войском и потребовал от ее князей перейти на сторону Крыма, угрожая, что иначе он «первых знатных велит перерубить, а достальных переведет на житье на Кубань». После отказа хан разорил ряд селений, отогнал большое количество скота и провозгласил старшим князем лидера протурецки настроенной части кабардинской знати Ислам-бека Мисостова. Его противники во главе с Арслан-беком Кайтукиным укрылись в горах и обратились к царю с просьбой о помощи. В январе 1721 года они одержали

[68] См.: *Сотавов Н. А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. С. 49–51.

победу над крымцами и их союзниками, а прибывший позднее на Терек Волынский принял у Арслан-бека Кайтукина присягу на верность России и доложил в Петербург, что «вся Кабарда ныне видитца под рукою вашего величества». Однако утверждение российского влияния в Кабарде могло вызвать опасные осложнения в отношениях с Крымом, а следовательно, и с Османской империей. В 1722 году Россия признала эти территории крымской «сферой влияния» после того, как турецкий посланник, миралем (хранитель знаков власти и султанского знамени Каладжи Мустафа-ага в марте подал императору ноту протеста, в которой требовал не строить в Кабарде крепостей, запретить российским подданным, казакам и калмыкам, ходить на кабардинцев и вообще не вмешиваться в их дела, «понеже они, подданные хану крымскому», и Петр I согласился на эти условия[69].

Если брать в расчет распоряжение Петра I А. П. Волынскому от 13 декабря 1720 года о переносе сроков строительства крепости «при море» к «предбудущему 1722 году»[70], то можно предположить, что уже тогда царь наметил для себя время будущего похода. Но и после начала переговоров в Ништадте он не был уверен в их благополучном окончании и в июле 1721 года писал М. М. Голицыну о предстоящей зимовке флота в Гельсингфорсе, если мира не будет[71]. Масштабные приготовления к восточной кампании могли начаться только после заключения Ништадтского договора, обеспечившего спокойствие на Западе. Нужно было в короткий срок построить транспортный флот, подготовить к походу и перебросить на юг войска, обеспечив их продовольствием, снаряжением и боеприпасами.

В ответ на призывы Волынского к «начинанию» военных действий Петр 5 декабря 1721 года шифром сообщил ему, что «сего случая не пропустить – зело то изрядно», и «довольная часть войска» уже марширует к Волге на зимние квартиры, чтобы весной по воде прибыть в Астрахань[72]. Следующим письмом в январе 1722 года царь вызвал губернатора к себе – за усердие тому полагалась награда: 18 апреля Петр женил Волынского на своей двоюродной сестре Александре Нарышкиной.

Донесения французского посла Жана Кампредона и письмо Петра Вахтангу VI в том же 1722 году свидетельствуют о колебаниях в правящем кругу: царь писал об имевшемся «рассуждении», «чтоб сие лето еще не начинать сего дела, но токмо б вышеписанные препарации учинить, а в будущем бы году зачать, но опасались того, понеже ребелизанты персид-

[69] См.: *Сотавов Н. А.* С. 42–43; *Рахаев Ж. Я.* Указ. соч. С. 23–24.

[70] Согласно делопроизводственной записи оно было сделано Петром устно 13 декабря 1720 года на ассамблее у канцлера Г. И. Головкина (см.: РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. № 17. Л. 22 об.).

[71] См.: Там же. Ф. 9. Оп. 1. № 14. Л. 61 об.

[72] См.: *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. Кн. 9. С. 364; РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. № 17. Л. 35.

ские просили протекции турецкой, того ради поспешили, дабы хотя фут в персидских рубежах получить»[73].

Очевидно, что риск новой большой войны с Турцией осознавался окружением Петра, тем более что урок проигранной кампании на Пруте в 1711 году и последующая сдача Азова и потеря позиций на Азовском море были на памяти. Однако принятие принципиального решения о вступлении в борьбу за Каспий было ускорено конъюнктурными факторами – нараставшим развалом Сефевидской монархии и угрозой захвата ее прикаспийских провинций турками. Выбор был сделан.

[73] Цит. по: *Лысцов В. П.* Указ. соч. С. 114.

Глава 2
«НА СТЕЗЯХ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО»: ПЕРСИДСКИЙ ПОХОД 1722–1723 годов

И помнит Дагестан в подножье гор
Над Каспием походный твой шатер.
Расул Гамзатов

От Москвы до Астрахани

26 ноября 1721 года последовал указ о новом рекрутском наборе[1]. Зимой 1721/22 года была сформирована экспедиционная армия – будущий Низовой корпус, в состав которого входили все рода войск: регулярная пехота, драгунская конница, донские и украинские казаки, артиллерия. Для операций на приморском театре нужны были войска, имевшие опыт подобных боевых действий. Поэтому другой указ, от 2 декабря, повелел выделить из состава каждого полка Финляндского корпуса, который в течение ряда лет вел успешные десантные действия против Швеции, половину личного состава, начиная с капральств. Выделенные половины капральств были затем объединены в четыре роты, которые составили сводный, или «скомандированный» батальон, который должен был двинуться в Центральную Россию «ради облегчения здешних мест в квартирах».

Согласно доношению Военной коллегии в Сенат от 19 октября 1722 года в «низовом походе» участвовали сводные батальоны от 20 пехотных полков: 1-го и 2-го гренадерских, Воронежского Троицкого, Нижегородского, Московского, Санкт-Петербургского, Тобольского, Копорского, Галицкого, Шлиссельбургского, Казанского, Азовского, Сибирского, Псковского, Великолукского, Архангелогородского, Вологодского, Рязанского и Выборгского[2]. 13 июля 1722 года перед отплытием из Астрахани Ф. М. Апраксин при определении порядка движения частей на марше указал в их числе три гвардейских батальона, два батальона Астраханского полка и по одному

[1] См.: ПСЗРИ. Т. 6. № 3856.

[2] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. № 380. Л. 144–145 об.; *Смирнов Я.* Указ. соч. С. 76–77; Примечания. С. 5.

батальону Ингерманландского, Московского, Тобольского, Галицкого, Выборгского, Сибирского, Рязанского, Санкт-Петербургского, Копорского, Троицкого, Нижегородского, Псковского, Воронежского, Великолукского, Шлиссельбургского, Вологодского, Казанского, Азовского, Архангелогородского полков, а также четыре гренадерских батальона без указания их полковой принадлежности – всего 28 пехотных батальонов[3].

В состав конницы, кроме регулярных Московского, Архангельского, Рязанского, Ростовского, Новгородского, Астраханского и Казанского драгунских полков, должны были войти украинские и донские казаки и калмыки. 7 февраля 1722 года Петр дал указ Сенату немедленно «близ салдатцких квартир» строить эверсы и «романовки» в Казани и большие так называемые «островские лодки» (вместимостью по 40–50 человек) силами отряженных в поход батальонов. Всего предстояло построить примерно 200 лодок и 45 ластовых судов[4]. В Москве и поволжских городах Угличе, Твери, Ярославле, Нижнем Новгороде, Казани развернулось строительство транспортных ластовых судов; такелаж и паруса для их оснащения брали с кораблей на Балтике, оттуда же перебрасывали моряков и мастеров[5].

В марте 1722 года для ускорения работ в Тверь был отправлен майор гвардии (имевший и чин генерал-майора) Михаил Афанасьевич Матюшкин, которому царь поручил общее наблюдение за строительством флота. 12 апреля он докладывал Петру I о постройке 27 ластовых судов. Бригадиры В. Я. Левашов в Угличе, и И. Ф. Барятинский в Ярославле силами находившихся в их распоряжении батальонов строили островские лодки[6]. Главной тыловой базой стал Нижний Новгород, куда был послан майор гвардии Г. Д. Юсупов. Здесь заготавливались снаряжение (порох, боеприпасы, бочки для воды, ложки) и провиант (сухари, мука, вино, пиво, вяленая рыба, сбитень)[7]. Для обслуживания судов было приказано взять соответствующее число «морских служителей» с Балтийского флота.

Подготовка шла в спешке: не хватало парусного полотна; армейские органы не успевали подвезти «аммуницию» – палатки, ружейные ремни, сукно для мундиров, водоносные фляги, котлы и прочее. Местные власти не могли заготовить необходимые материалы и инструменты. «На те лодки лесу в привозе нет, и работников и подвод по требованию моему, такова числа сколько я требовал, мне не дано и до сего числа», – жаловался на

[3] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 59. Л. 10.

[4] См.: Сборник РИО. Т. 11. С. 452–453; *Веселаго Ф. Ф.* Указ. соч. Ч. 1. С. 368.

[5] См.: Материалы для истории русского флота. СПб., 1867. Т. 4. С. 300–301, 303, 305; РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. № 15. Л. 22 об. (указ об отправке в Казань «ботового мастера» Шипилова).

[6] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 60. Л. 641, 645 об–646.

[7] См.: *Дуров И. Г.* Указ. соч. Вып. 1. С. 39.

ярославских «управителей» командир Рязанского полка Андрей Юнгер 10 апреля 1722 года. Матюшкин, не успевая к намеченному сроку – 20 мая, отправлял в Нижний неоснащенные «корпусы» ластовых судов, но даже при таких темпах в Твери к 25 мая осталось пять неготовых кораблей[8]. Солдаты не были квалифицированными мастерами; они не умели конопатить корабли, и это обстоятельство самым серьезным образом сказалось во время похода, когда сам царь в письме к генерал-адмиралу Апраксину беспокоился о «гнилых досках» и прочих «неисправностях» на выстроенных в Твери судах[9].

Волынский перед отъездом в Москву 28 января 1722 года радовался, что государю наконец «руки удалось свободить», и извещал, что вернулся из экспедиции «с Гребеней», в результате которой кабардинские князья теперь «под протекцией» России. Он докладывал о предстоящей постройке пятидесяти лодок для экспедиции, а о будущих дагестанских подданных отзывался пренебрежительно: аксайский правитель Султан Магмут – «пустая голова и поссорился с эндиреевским владельцем Айдемиром, а шамхала он и раньше не раз называл «прямым плутом». Однако в свете грядущих побед эти обстоятельства казались губернатору несущественными[10].

Победа над шведской военной машиной и превращение в великую европейскую державу имело для России и оборотную сторону – повышенное внимание иностранных правительств к внутри- и тем более внешнеполитическим акциям петербургского двора, грозящим непредсказуемыми изменениями в системе международных отношений. Англия и Франция были обеспокоены военными приготовлениями царя. Французский посол в Петербурге уже в январе 1722 года знал о вооружении русского флота и предстоящем походе на Шемаху, а в апреле мог назвать и примерную численность экспедиционного корпуса. Официальные заявления о наказании «бунтовщиков» дипломата не обманывали: Кампредон писал в Париж, что Петр I «хочет иметь для безопасности своей торговли порт и крепость по ту сторону Каспийского моря и желает, чтобы шелка, которые посылались обыкновенно в Европу через Смирну, шли отныне на Астрахань и Петербург. Здесь даже льстят себя надеждой, что шах, испугавшись войны, согласится уступить все это русским за обещание их помочь в подавлении восстания»[11].

На практике эти опасения вылились в интриги в Стамбуле, где распространялись слухи об отправке стотысячного русского войска в Персию и

[8] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 60. Л. 658.

[9] См.: *Шеленговский И. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 136–137, 139; Собрание собственноручных писем государя императора Петра Великого к Апраксиным. М., 1811. Ч. 2. С. 141.

[10] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 59. Л. 424–431.

[11] Сборник РИО. Т. 49. С. 25, 83–85, 93–94.

увеличении армии на Украине с целью спровоцировать очередной русско-турецкий конфликт. Молодой российский резидент при султанском дворе Иван Неплюев в апреле 1722 года доложил о появлении в турецкой столице посольства «лезгинцев», которые оправдывались за прошлогодний погром в Шемахе и просили о покровительстве султана.

В донесении от 18 июня того же года Неплюев сообщал: английский посол заявил визирю, что Россия усиленно готовится к войне против Турции. В ответ русский резидент получил указание, чтобы он «то и другое подобные тому впредь случившиеся разглашения опровергал и уничтоживал и внушал Порте о всех противных короля английского к его императорскому величеству поступках, которые каким образом от оного начались и доныне продолжаются, а для того Порта никаким представлениям и внушениям с английской стороны веры не подавала». Осведомленный французский посол в Стамбуле Жан Луи д'Юссон маркиз де Бонак прямо рекомендовал русскому правительству ограничить завоевания «только прикаспийскими провинциями» и ни в коем случае не приближаться к турецким границам. «Так всегда говорят вначале», – сказал он Неплюеву в ответ на уверения, что император «не желает разрушения персидского государства», и посоветовал молодому коллеге не делать подобных заявлений официально и тем более письменно, «потому что нынче обяжетесь на письме, а завтра явятся такие обстоятельства, которые заставят совершенно иначе действовать»[12].

Со своей задачей Неплюев все же справился – дипломатического разрыва между Турцией и Россией не произошло, и де Бонак писал в Петербург Кампредону: «Однако же кажется мне, что Порта зело довольная обнадеживаниями, которые царь велел ей учинить о желании, дабы упредить всякие ссоры на границе. Министры султановы обретаются в той же диспозиции». Турки заявили о невмешательстве в иранские дела, и султан обещал, что он, «будучи в мире с Персией, не окажет помощи бунтовщикам», хотя и «почитает» шаха-шиита «за еретика». Но тем не менее бессилие персидской державы и вмешательство в ее дела России не могли оставить Стамбул в бездействии.

Однако на ход начавшейся кампании повлиять уже не могли ни турецкая позиция, ни имевшиеся в окружении Петра «разногласия» и даже «колебания» самого императора, о которых также сообщал Кампредон[13]. Пехота Низового корпуса была сосредоточена в Москве, Ярославле и других городах и в мае 1722 года двинулась вниз по Волге на судах. Царь, как следует из его именных указов, торопил подчиненных со строительством кораблей и хотел видеть их готовыми к 1 мая; но работы задерживались, и 6 мая Петр

[12] Цит. по: *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. Кн. 9. С. 381–382.

[13] См.: Сборник РИО. Т. 49. С. 93.

повелел Матюшкину отправлять вниз по Волге недостроенные корабли и лодки, с тем «чтоб дорогою доделать»[14]. Военная коллегия разрешала брать годные для транспортировки армии суда «у хозяев» с последующей оплатой. Недостающих до комплекта рекрутов также брали по дороге[15]. В апреле двинулись и драгунские полки: большую часть личного состава доставляли до Царицына и Астрахани по воде; оставшиеся с полковыми лошадьми шли берегом Волги. Казаки с Украины и Дона двигались сухим путем. Император поручил Волынскому собрать в Астрахани 700 телег и купить 300 верблюдов для обоза[16].

На 10 июля 1722 года в Астрахани пехота (с гвардейцами) насчитывала 21 069 человек, из которых часть находились «в отлучках», были больны или состояли при больных; высаженные на берег 31 июля части насчитывали 18 602 человека[17]. На новую войну отправилась половина личного состава указанных выше двадцати полков и часть Ингерманландского полка; Астраханский полк (1505 человек) двинулся в поход в полном составе[18]. С Петром пошли на юг и гвардейцы – в Астрахани перед отплытием собрались два батальона (1719 человек) преображенцев и батальон (847 человек) семеновцев. Командование сводными частями Петр возложил на генерал-майоров М. А. Матюшкина, Г. Д. Юсупова, И. И. Дмитриева-Мамонова, Ю. Ю. Трубецкого и бригадиров В. Я. Левашова и И. Ф. Барятинского.

Точное количество кавалерии назвать сложнее – она не была собрана в одном месте, и сводных данных о ее численности перед походом нам найти не удалось. Однако исходя из поступавших к царю донесений от командиров можно утверждать, что генерал-майор Гаврила Семенович Кропотов повел на юг четыре драгунских полка (Московский, Архангелогородский, Рязанский и Ростовский); другой корпус под командованием бригадира Андрея Ветерани включал три полка – Новгородский, Астраханский и Казанский; с ним же двигались донцы и «чугуевские калмыки». Согласно донесению генерал-адмирала Ф. М. Апраксина, в команде драгунских полков на 1 января 1723 года насчитывалось 7656 человек. В период от середины июля 1722 года, когда начался поход, до 1 января 1723-го драгунские полки потеряли 944 человека. Кроме того, 186 человек были отставлены от службы и направлены в распоряжение Военной коллегии. Таким образом, к началу Каспийского похода численность драгунских

[14] См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. № 15. Л. 53, 69.

[15] См.: *Шеленговский И. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 138.

[16] См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. № 15. Л. 35 об.

[17] См.: Там же. Отд. II. № 60. Л. 1019, 1035.

[18] Указание на участвовавшие в походе драгунские и пехотные полки находится в доношении Военной коллегии Сенату от 19 октября 1722 года (см.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7 № 380. Л. 143, 145–145 об.).

полков составляла 8786 человек. Принимая во внимание больных, можно полагать, что в Каспийском походе участвовало около восьми тысяч драгун[19]. Подсчеты Н. Д. Чекулаева дают примерно ту же цифру – 8720 человек[20]. Какая-то часть драгун прибыла на судах в Аграханский залив уже во время возвращения царя из Дербента, и 8 сентября он приказал не высаживать их, а везти обратно в Астрахань[21].

Что же касается иррегулярных войск, то С. М. Соловьев писал о «20 000 козаков, столько же калмыков, 30 000 татар», что в итоге составило – вместе с «регулярными» солдатами и драгунами – более ста тысяч человек, что едва ли возможно; однако эта явно преувеличенная цифра до сих пор встречается не только в сочинениях XIX века, но и научных работах[22]. Впервые эти данные появились в труде И. И. Голикова, но сам автор указал, что взяты они из иностранных «известий» и за их достоверность «ручаться невозможно»[23].

П. Г. Бутков без указания на источник называл цифру в 64 тысячи человек, Л. Г. Бескровный насчитывал всего 25 тысяч драгун и иррегулярных войск и десять тысяч калмыцкой и горской конницы, а автор на сегодняшний день единственной монографии о походе В. П. Лысцов справедливо указывал, что в нем, помимо драгун, участвовали 12 тысяч украинских и 4300 донских казаков и около четырех тысяч калмыков, но при этом отмечал, что часть драгун и калмыки подошли позднее и в военных действиях не участвовали[24]. Вместе с драгунами шла команда «чугуевских новокрещеных калмык» (поселенных на рубеже века в Слободской Украине под крепостью Чугуевым) с мурзой Данилой Бухаренином и ротмистром Андреем Бормотовым, участвовавшими в бою под Эндери; жалованье получили в августе 1722 года 104 человека[25].

Для действий против крепостей из Москвы были отправлены две пудовые гаубицы, одна пятипудовая и четыре двухпудовые мортиры, 12 шестифунтовых мортирок и 177 пушек разных калибров, не считая уже

---

[19] См.: На пути к регулярной армии: армия и флот в эпоху Петра Великого. С. 192.

[20] См.: *Чекулаев Н. Д.* Российские войска в Дагестане в контексте кавказской политики России (1722–1735 гг.). С. 71.

[21] См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. № 15. Л. 112.

[22] См.: *Мельгунов Г. В.* Указ. соч. С. 35; О персидском походе при государе Петре Великом С. 483; *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. Кн. 9. С. 367; *Ашурбекова С. Р.* Указ. соч. С. 20.

[23] См.: *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1789. Ч. 8. С. 209.

[24] См.: *Бутков П. Г.* Указ. соч. Ч. 1. С. 14; *Бескровный Л. Г.* Указ. соч. С. 240; *Лысцов В. П.* Указ. соч. С. 116. В сентябре 1722 года при раздаче жалованья калмыкам налицо имелось 3727 человек (*Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста, 1995. С. 37).

[25] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. № 384. Л. 960–960 об., 962; Ф. 9. Отд. II. № 59. Л. 1041–1042.

имеющихся в войсках. Для них предназначались 59 472 ядра, 2874 бомбы разных калибров, 29 820 гранат, 10 080 картечных зарядов и 12 579 пудов пороха. Личный состав артиллерии насчитывал 369 человек во главе с майором Иваном (Иоганном Густавом) Гербером.

Таким образом, общая численность войск, предназначенных Петром I для участия в Каспийском походе, составляла около 50 тысяч человек, однако непосредственно в марше от места высадки до Дербента участвовало несколько меньше – порядка 40 тысяч солдат, офицеров и иррегулярных войск (с учетом отставших и оставшихся в лагере)[26]. Для перевозки армии, ее снаряжения и провианта был построен целый флот – 47 парусных и 400 гребных судов, которые должны были обеспечить перевозку и высадку войск и снабжение их всем необходимым на берегах Каспийского моря.

Сам Петр 13 мая выехал из села Преображенского на Коломну, а оттуда четыре дня спустя отправился на галере по Оке и Волге, известив адмирала К. Крюйса: «Сего момента мы идем в путь свой». Ехал он быстро, требуя по пути от местных воевод казенных мужиков «для гребли» и «для тянутья бечевой». Царя сопровождал конвой – 900 гвардейцев и сотня солдат и офицеров Астраханского и Ингерманландского полков. Плыли весело – с гудошниками и бандуристом, а также «со вдовой Авдотьей Истленьевой, которая для увеселения их величества взята в Казани на галеру... и отпущена в Казань» с вознаграждением в десять рублей. Царь по дороге успевал и заниматься делами (встретился с калмыцким ханом Аюкой в Саратове, осмотрел верфи и другие предприятия, а также развалины древнего города Булгара у Тетюшей), и развлекаться: «...коломнятенке посадской вдове... за свинью, которую загрызла собака Левик, полтина... баронов Строгановых человеку Максиму Гремзалову за две свиньи, которых травили собаками в Нижнем, дву рубли». В Нижнем Новгороде Петр пробыл два дня и отметил свой день рождения. Местный магнат, барон Строганов, не только потешил государя богатым обедом, но и приготовил в подарок 470 ведер сбитня для солдат[27].

---

[26] Указанная Л. Г. Бескровным общая численность корпуса в 46 тысяч человек с возможным превышением этого количества за счет калмыков и кабардинцев наиболее часто встречается в литературе (см.: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 3. С. 339; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 413; *Павленко Н. И.* Указ. соч. С. 431; История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. С. 422). В последней работе Н. Д. Чекулаева на основании архивных изысканий указано 40 530 человек в составе регулярных и иррегулярных войск. Эта цифра кажется нам наиболее близкой к действительности, с учетом того обстоятельства, что она характеризует не реальный, а списочный состав полков (см.: *Чекулаев Н. Д.* Российские войска в Дагестане в контексте кавказской политики России (1722–1735 гг.). С. 71–72).

[27] См.: *Шереметев П. С.* Указ. соч. Т. 1. С. 247–249; *Шеленговский И. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 140.

19 июня император прибыл в Астрахань, где отпраздновал очередную годовщину полтавской победы. Здесь 25 июня он дал инструкции консулу Семену Аврамову для разговора со «старым» или «новым шахом». Дипломат должен был доходчиво объяснить, что русский царь знает о тяжелом положении осажденного восставшими афганцами Исфахана, и в этих условиях поход русского войска на Шемаху осуществляется «не для войны с Персиею, но для искоренения бунтовщиков, которые нам обиду сделали». Петр предлагал соседу «при сем крайнем их разорении» помощь в изгнании «всех их неприятелей... ежели они нам уступят за то некоторые по Каспийскому морю лежащие провинции, понеже ведаем, что ежели в сей слабости останутца и сего предложения не примут, то турки не оставят всею Персиею завладеть, что нам противно, и не желаем не только им, ни себе оною владеть». Далее царь предлагал немедленно прислать «к нам посла своего (с полною мочью, с кем о том договоритца), где мы будем обретаться у Каспийского моря»[28].

Аргументы представлялись бесспорными: «...какая им польза может быть, когда турки вступят в Персию, тогда нам крайняя нужда будет береги по Каспийскому морю овладеть, понеже, как выше писано, турков тут допустить нам невозможно; и так они, пожалея части, потеряют все государство»). Другое дело, что отторжение прикаспийских провинций оказалось куда более сложным, чем только что состоявшееся присоединение бывших шведских Лифляндии и Эстляндии.

Однако военная машина была уже запущена. Сам царь по обыкновению лично участвовал в подготовке армии и флота: по словам солдата Никиты Кашина, он, «бывши в Астрахани, ходил, ездил, осматривая работ и оснастки судов для приуготовления в Персию Каспийским морем, и для летнего жару в матросском бостроке, бархатном черном, на голове платок бумажный красный, шляпа маленькая»[29].

При этом государь не забывал и о дипломатии. 20 июня 1722 года из Коллегии иностранных дел был отправлен рескрипт Неплюеву с предписанием объявить турецкому правительству о походе русских войск и намерении «учинить сатисфакцию» за погром в Шемахе, как уже было объявлено побывавшему в Санкт-Петербурге турецкому посланнику Мустафе-аге[30].

---

[28] Цит. по: РГАДА. Ф. 9. Отд. I. № 30. Л. 151–152. См. также: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723. № 4. Л. 1–3 об. В сборнике документов «Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.» (С. 32) инструкция ошибочно датирована 25 июля 1722 года, а в других работах (*Абдурахманов А. А.* Указ. соч. С. 27; *Мамедова Г. Н.* Указ. соч. С. 34) – соответственно октябрем и июнем 1721-го.

[29] Цит. по: Петр Великий. М., 1993. С. 134.

[30] См.: *Мустафазаде Т. Т.* Из истории русско-турецких отношений в 20-х годах XVIII в. // Отечественная история. 2002. № 2. С. 18.

2 июля Петр лично составил письмо Вахтангу VI о скорой встрече с ним «на персицких берегах». При этом он особо просил, чтобы находящиеся под турецкой властью христиане «никакого б движения не делали» – туркам ни в коем случае нельзя было давать повод для вмешательства в иранские дела. В письме Петр не называл место встречи, но в «словесном приказе» отправлявшемуся в Грузию полковнику русской службы Борису Туркистанову (Баадуру Туркистанишвили) уточнил, что ожидает нападения грузинского царя и его войска на лезгин и надеется увидеться с ним его «на Тарках» или у Дербента, и просил не «разорять»их жителей. В тексте было первоначально намечено, чтобы Вахтанг «с нами случился в Шемахе», но затем этот пункт был из «приказа» вычеркнут – возможно, царь уже не рассчитывал на бросок в сторону от Баку[31]. Более далеких планов (например, похода после занятия Баку на иранский город Ардебиль или создания на базе подчиненных Ирану христианских областей Закавказья «надежного для России плацдарма»), о которых сообщается в литературе[32], имеющиеся в нашем распоряжении документы не содержат.

5 июля был объявлен приказ по войскам, «чего надлежит остерегатца в сих жарких краях»: прежде всего «от фруктов ради их множества», а также от соленого мяса и рыбы; солдатам и офицерам запрещалось находиться на солнце без шляп с девяти часов утра до пяти часов вечера, спать на голой земле, не подстелив травы или камыша, и рекомендовалось «не гораздо много пить, не в самую сыть»[33]. Судя по документам Кабинета, 13 июля официальный главнокомандующий генерал-адмирал Ф. М. Апраксин наметил порядок движения войск на марше и их возможное построение для «баталии»[34].

Перед самой отправкой, 15 июля 1722 года, в походной типографии был опубликован написанный бывшим молдавским господарем, а ныне российским тайным советником и сенатором Дмитрием Кантемиром манифест на «татарском, турецком и персидском языках» о начале похода. Он был обращен ко всем персидским подданным – как к «командирам», так и к «почтеннейшим имамам, и муазилам, и протчим церковным служителям, и в деревнях начальствующим и купецким людям, и ершам-башам и лавошникам, и мастеровым людям, и цементерам, и подмастерьям с их учениками, и всем». Российский император объявлял: он вступил с войсками на земли своего «страшнейшего великого друга и соседа» исключительно

[31] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. I. № 30. Л. 181–186.

[32] См.: *Абдурагимов Г. А.* Кавказская Албания – Лезгистан: история и современность. СПб., 1995. С. 156; *Ананян Ж. А.* Указ. соч. С. 64.

[33] РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. № 15. Л. 94.

[34] См.: Там же. Отд. II. № 59. Л. 7–10.

для того, чтобы наказать «возмутителей и бунтовщиков», которые осмелились у «российских народов, которые по нашей по древнему обычаю в вышепомянутой город (Шемаху. – *И. К.*) для купечества ездили, безвинно и немилостиво побив, пожитков и товаров их ценою всего около 4 миллиона рублей пограбя, взяли». Было обещано, что во время акции по наказанию виновных «святыми и умирительными нашими ружьями» и «отыскании сатисфакции» мирным жителям и приезжим купцам «никому ниже единой убыток и трата учинитца, и самим им, и имением их, и селам, и деревням никто руку не положит, о чем для сего случая военачальникам нашим и всего войска как от ковалерии, так и от инфантерии офицерам и другим командирам и всему войску генерально крепко приказано и повелели, дабы никому ниже какого озлобления и похищения не чинили». Но в то же время обывателей предупреждали, чтобы они «в своих жилищах и в провинциях по дружески пребывали, не опасались под грабежем вещей своих и, имения из домов своих не вынашивая, не разбрашивали». В случае, «ежели иначе о противном поступке вашем услышим и уведомимся, а именно тем безсовестным, и хищникам, и многообидящим присовокупляясь, или им явно и тайно помогать деньгами или провиантом, воспоможение учините, или сего нашего императорского милостивого обнадеживания почитать не будете и из домов своих, и из деревень выезжая, побежите, то принуждены мы вас всех, в неприятельском счислении счисляя, немилостиво мечем и огнем на вас наступать»[35].

18 июля с крепостной стены раздался артиллерийский залп; генерал-адмирал Апраксин поднял вымпел на флагмане – гукоре «Принцесса Анна» и дал сигнал к выступлению. В путевом журнале императора было записано: «В осьмом часу пополудни весь наш флот, во имя господне путь свой воспринял в море в 274 судах». Опытный военный и моряк, Петр I в последний раз вел в поход свою армию и флот в качестве «адмирала от красного флага». Наверное, в те дни он был счастлив, наблюдая запомнившуюся и другим очевидцам картину ночного рейда у острова Четырех Бугров, куда из Астрахани «следовали галиоты рек, боты и тялки, и ластовые суда, и островские лодки, и вышед в море, стали на якорь, и в ночи было огненное видение от фонарей и стрельба из пушек»[36].

Командуя «авангардией», Петр с женой и губернатором Волынским шел на боте «Ингерманланд»; на других судах находились его спутники: неразлучный с царем кабинет-секретарь А. В. Макаров, формальный

[35] Цит. по: Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.: Документы и материалы. С. 244–245.

[36] Цит. по: Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 134.

главнокомандующий генерал-адмирал Ф. М. Апраксин; действительный тайный советник, выдающийся дипломат и по совместительству глава политического сыска (он и в поход прихватил бумаги Тайной канцелярии) П. А. Толстой вез на чрезвычайные расходы три тысячи золотых и на 12 тысяч рублей «мягкой рухляди». Царя сопровождали знаток восточных языков (кроме турецкого и персидского, он владел арабским, греческим и латынью) Д. К. Кантемир; обер-сарваер (главный кораблестроитель) и генерал-майор И. М. Головин, дальний родственник Петра I, майор Преображенского полка М. А. Матюшкин – будущий командир Низового корпуса и завоеванных провинций; три других гвардейских майора – А. И. Румянцев, И. И. Дмитриев-Мамонов и Г. Д. Юсупов. Обязанности генерал-квартирмейстера исполнял генерал-майор В. Д. Корчмин. Во главе походного духовенства обер-иеромонахом флота был поставлен архимандрит Воскресенского Новоиерусалимского монастыря Лаврентий Горка. Рекомендуя его, Феофан Прокопович писал императору, что Горка сможет описать поход «с надлежащими обстоятельствами», но «без всякого украшения, простым стилем». Запечатлеть победы российского оружия должен был живописец Луи Каравак (кстати, «за писание их величеств в нынешнем низовом походе» живописец получил 150 рублей [37]).

Десантные корабли шли вдоль берега, периодически ожидая отстававшие гребные суда; грузовые ластовые суда направлялись прямо к острову Чечень. Возможно, именно тогда Петр появился в районе старого Терского городка (еще в начале XX века местные жители хранили предание, как русский царь, «вытащив из-за пазухи карту», спрашивал их предков о нанесенных на нее местных названиях[38]). К сентябрю 1722 года в Терках и казачьем городке Курдюкове были созданы запасы продовольствия для двигавшихся обратно «сухим путем» войск[39].

Войдя в Аграханский залив, флотские офицеры долго выбирали место для высадки. Рано утром 27 июля 1722 года, в годовщину сражения при Гангуте, нетерпеливый царь, не дожидаясь праздничного молебна, приказал доставить себя на берег. Гвардейцы на руках вынесли своего полковника по мелководью на низкий песчаный берег, где он выбрал место для лагеря. «Объявляю вам, что сюды мы прибыли в 27-й день и лагар зделали

---

[37] См.: *Собко Н. П.* Французские художники в России в XVIII в. // Исторический вестник. 1882. № 4. С. 142.

[38] Упоминание об этом сохранилось в написанном в историческом сочинении 1915 года «Тарихи Кызларкала» (см.: *Шихсаидов А. Р., Айтберов Т. М., Оразаев Г. М. Р.* Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. С. 222–223). Царь мог посетить эти места (старый «кизлярский городок») и на обратном пути (см.: *Васильев Д.* Загадка старого Кизляра // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала, 1974. Вып. 1. С. 53–54).

[39] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 60. Л. 454.

на том же мысе, которой имянуеца Уч, не доходя Аграханского устья верст с 7, и по двух или трех днех пойдем в путь свой землею. И для того всем судам, которые от вас пойдут с правиантом и артилериею, велите иттить к Чеченю острову и там стоять до указу и дать о себе знать в Тереке, сколко судов и кто пришол...» – писал император капитану Ф. Вильбоа[40].

После богослужения началась высадка. Суда могли подойти к берегу только на 150 метров, и люди должны были, по пояс в воде, переносить снаряжение и продовольствие. Чтобы обезопасить высадившиеся войска от возможного нападения, Петр приказал построить укрепленный лагерь – Аграханский ретраншемент. В тот же день на корабле генерал-адмирала Апраксина праздновали Гангутскую победу. Государь был весел – вместе со свитой окунался в Каспийское море со спущенных с корабля досок.

Однако начало кампании оказалось небезоблачным. Русская армия стала нести потери задолго до первого столкновения с неприятелем: уже в Астрахани от болезней скончались 150 солдат, а 40 бежали. Намеченный график похода задерживала конница, пересекавшая северокавказские степи. По замыслу царя, драгуны должны были прийти к Аграханскому заливу раньше пехоты, добиравшейся морем, и обеспечить высадку десанта постройкой пристаней и прикрытием от возможного нападения противника, о чем Петр еще 7 июля отдал приказ бригадиру Андрею Ветерани[41].

Конница, однако, в срок не поспевала. Г. С. Кропотов со своими полками только 5 июля форсировал Волгу у «Селитренного городка» и через три недели еще не дошел до Терека. 30-го числа он рапортовал, что встал лагерем у «Кизлярского озера» и двигаться быстрее не может: «Лошеди драгунские весьма худы от великих степных переходов и от худых кормов, а паче от жаров, от соленой воды»[42].

Корпус Ветерани, двигавшийся из Царицына, 16–17 июля форсировал Терек и вынужден был ждать подвоза пороха и свинца из Терского города, а потому его командир уведомлял царя, что сможет выйти в дальнейший путь только в ночь на 21-е. В том же рапорте бригадир сообщал и еще одну неприятную новость: у двигавшихся за ним украинских казаков полковника Апостола на пути оказалась «горелая степь», падают лошади и закончился запас провианта[43].

Ветерани должен был занять «Андреевскую деревню» (селение Эндери) и обеспечить высадку десанта в Аграханском заливе. К нему присоединились владельцы Большой Кабарды Эльмурза Черкасский (поручик

[40] РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. № 15. Л. 104 об.
[41] См.: Там же. Л. 94 об–95.
[42] Там же. Отд. II. № 60. Л. 373.
[43] См.: Там же. № 59. Л. 449–449 об.

русской службы, младший брат погибшего в Хиве А. Черкасского) и Малой Кабарды Асламбек Комметов. Эндереевские владетели Айдемир и Чапаншефкал пытались оказать сопротивление и на подходе к селению напали на двигавшиеся походным порядком полки. После упорного боя 23 июля драгуны прорвались к Эндери и уничтожили его, но потеряли 89 человек убитыми, а 115 человек были ранены[44].

Петр сначала получил известие о победе и написал в Астрахань, как его драгуны «провианта довольно достали, а хозяевам для веселья деревню их фейрверком зделали»[45], но после сообщения о потерях радость сменилась досадой. Царь понимал, как важно – и для своих, и для «неприятелей» – успешно начать кампанию; не случайно он приказывал Ветерани быть осторожным и действовать «без озарду, дабы в начатии сего дела нам не зделать безславия». Теперь он отыгрался на тех, кого посчитал виноватыми.

Много лет спустя Артемий Волынский составил черновик документа, озаглавленного им «Оправдание о персицком деле» и оказавшегося впоследствии среди его конфискованных во время следствия в 1740 году бумаг. Бывший астраханский губернатор рассказал, что во время купания в Каспийском море не захотел лезть в воду, «поупрямился в том, понеже тогда был припьян, и тем своим упрямством его в<еличество> прогневал». По словам Волынского, когда Петр узнал о потерях Ветерани, Апраксин и Толстой направили царский гнев на него, «будто я причиною был начинанию персидской войны» и неверно информировал царя о трудностях. Разошедшийся государь «изволил наказать меня, как милостивой отец сына, своею рукою», а потом уехал с адмиральского корабля на свой, вызвал к себе губернатора «и тут гневался, бил тростью, полагая вину ту, что тот город (Эндери. – *И. К.*) явился многолюднее, нежели я доносил». От дальнейших поучений «милостивого отца» Волынского избавила императрица…[46]

Однако ускорить события царская дубинка не могла. В аграханском лагере войска простояли неделю, поджидая кавалерию; 31 июля царь даже командировал ей навстречу гвардейского сержанта Дубровина, чтобы как можно быстрее «пригнать» подводы для артиллерии. Царю Вахтангу 3 августа было отправлено письмо, в котором Петр извещал союзника о своем прибытии и надежде на встречу с грузинским войском «между Дербени и Баки». В ответном письме Вахтанг VI выразил радость по случаю полу-

[44] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 59. Л. 451–452 об.

[45] Там же. Оп. 1. № 15. Л. 105.

[46] Там же. Ф. 6. Оп. 1. № 276. Ч. 2. Л. 86–87. См. также: *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. Кн. 10. М., 1993. С. 246–247.

чения долгожданного известия о начале похода русских войск и обещал к 20 августа быть в Гяндже со своим войском[47].

Петр не терял надежды на успех. Во время одной из поездок по побережью в это время произошел разговор императора с капитаном Ф. И. Соймоновым об открытии и освоении морских путей. Моряк убеждал государя, что до «Апонских, Филипинских островов до самой Америки на западном берегу остров Калифорния, уповательно, от Камчатки не в дальном расстоянии найтиться может, и потому много б способнее и безубыточнее российским мореплавателем до тех богатых мест доходить возможно было против того, сколько ныне европейцы почти целые полкруга обходить принуждены». Но Петр торопился получить доступ к богатствам Востока иным путем. «И хотя я намерился о том еще в разсуждение доносить, как та дальность за способное от чего быть может, – вспоминал Соймонов, – но его величество и одного слова мне выговорить позволить не изволил и скоро изволил мне сказать: "Был ты в Астрабатском заливе?" И как я донес: "Был", – на то изволил же сказать: "Знаешь ли, что от Астрабата до Балха и до Водокшана и на верблюдах только 12 дней ходу? А там во всей Бухарин средина всех восточных комерцей. И видишь ты горы? Вить и берег подле оных до самаго Астрабата простирается. И тому пути никто помешать не может"»[48]. В действительности задача оказалась сложнее.

Марш на Дербент

Ветерани пришел в лагерь только 2 августа 1722 года, но лошадям нужно было дать отдых. 5-го числа, оставив в Аграханском ретраншементе 300 солдат и 1500 казаков (у них царь распорядился забрать 600 лошадей), армия двинулась на юг вдоль побережья моря; «в сем походе государь император изволил верхом ехать пред гвардиею». Из сохранившейся среди бумаг Кабинета схемы этого марша следует, что пехота (гвардия и армейские батальоны) двигалась колоннами, охраняемыми с обеих сторон конницей[49].

На подходе к реке Сулаку к армии присоединились украинские казаки с наказным гетманом, миргородским полковником Даниилом Апостолом. Неглубокий Сулак оказался трудным для переправы из-за илистого дна. Опять пришлось задержаться, чтобы приготовить паромы; лодок и бочек для них не хватало, и солдаты переправлялись на камышовых плотах.

---

[47] См.: Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Ереван, 1967. Т. 2. Ч. 2. С. 8–9; *Пайчадзе Г. Г.* Указ. соч. С. 48.

[48] Цит. по: *Гольденберг Л. А.* Федор Иванович Соймонов (1692–1780). М., 1966. С. 42–43.

[49] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 59. Л. 7.

5 августа в лагерь на Сулаке прибыл тарковский шамхал Адиль-Гирей, о чем отсутствовавшему в этот момент Петру доложил генерал-адмирал Апраксин, продемонстрировавший гостю русские полки. На следующий день шамхал был принят царем и передал войскам 600 быков в упряжках и 150 на провиант, а царю подарил трех персидских лошадей. Следом явились костековский и аксаевский владетели и посланцы эндереевцев с просьбой о прощении и «принеся свое подданство, на которое и дали присягу, включив в оное и подданных своих чеченцев».

Люди и «тягости» перебирались через Сулак не менее пяти дней – с 7 по 11 августа: «Сия переправа зело трудна была, ибо только люди, артиллерия, амуниция провиант и рухлядь <были на плотах>, а лошади, волы и верблюды, телеги и коляски вплавь все; а и люди до пояса раздеты были ради разлития реки... чего для до паромов доходить посуху было невозможно, также на камышовых плотах для мокроты оных едва не по пояс люди стояли».

Вскоре после этой переправы была составлена недавно обнаруженная и датированная карта-схема маршрута вдоль берега Каспия. На нее нанесена идущая параллельно берегу пунктирная трасса похода от Сулака до реки «Гараман» (на полпути до Тарков) с пятью «препятствиями», отмеченными условными знаками и надписями. В этом документе царь указал армии «остановитца у колодезей» и дал распоряжение: «...у пролива Коиса надобно нагатить и чтоб о том послать указ х казакам: понеже и стоят блиско», – то есть заранее навести переправу через топкую лощину с ручьем, названную «проливом»[50].

11 августа начался марш по безводной местности. Царь приказал «аригардии», переправясь, дождаться Кропотова; но его драгуны прибыли в Тарки только 15 августа «пред полуднем», тогда как Петр с армией был там уже 12 -го; бригадир же Шамордин с Астраханским полком, как следует из его донесения от 14-го числа, еще только подошел к Тереку. Под Тарками Адиль-Гирей встретил Петра и проводил его в подготовленный для русских войск лагерь. Петр посетил резиденцию шамхала – Тарки, отдарил хозяина золотыми часами, позаимствованными для этого случая у камер-юнкера Вилима Монса, и «серым аргамаком» и предоставил ему почетный караул из 12 солдат[51]. Пока подходили все полки, в Тарки прибыли депутаты из Дербента, заверившие Петра, что получили царский манифест «со удовольствием и покорным благодарением» и готовы принять

[50] См.: *Гусарова Е. В.* «Астраханские» материалы из картографического собрания ОР БАН // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. СПБ., 2006. С. 53–60. Карта опубликована: Астраханский край в истории России XVI–XXI вв.: Сборник документов и материалов. Астрахань, 2007. С. 64.

[51] См.: История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. С. 422–423.

русские войска «с радостию» (это было подтверждено пришедшим оттуда 12 августа посланием). 10 августа Петр послал в Дербент подполковника Г. Наумова с «командой» из 271 солдата «для осмотрения пути, дабы в переправах продолжения в марше не было». Кроме того, Наумову было приказано передать дербентским жителям, что царь «идет с войском своим для их обороны».

Шамхал заранее вырыл на пути следования армии более десятка колодцев, однако воды в них оказалось «зело мало и вода мутная, и тако армея почитай сутки была вся <без воды>, понеже мало ее получали». Поэтому, выступая из лагеря под Тарками, Петр отправил вперед доверенного подьячего Ивана Черкасова – разведывать про «воды», переправы и «уские места» и искать удобные «станы» для армии. В незнакомых краях Черкасов не сразу сориентировался, и царь сделал ему выговор за то, что армии пришлось ночевать «на соленой речке». Но затем подьячий поставлял информацию исправно – 17 августа Петр остался доволен лагерем «у старого Буйнака»[52]. Много лет спустя сын петровского механика Андрея Нартова поместил в книге отцовских рассказов солдатское предание о том, как царь делил со своими молодцами трудности этого похода и ободрял их: узнав, что солдаты страдают от укусов змей, Петр якобы разыскал траву «зорю» (которую гадюки боятся и «испускают» в нее свой яд) и вышел к ним со змеями в руках: «Я слышу, что змеи чинят вам вред, но от сего времяни того не будет. Не бойтесь, видите же, что они меня не жалят», – а полезную траву велел раскладывать по палаткам[53].

Встречи и подарки вовсе не означали признания российской власти всеми «горскими владельцами». 19 августа армия была атакована отрядом утемышского султана Махмуда. Перед этим к вышедшим на реку Инчхе русским частям явился посланец от султана Утамыша, сказав, что три казака в его присутствии были умерщвлены. «Султан приказал ему передать государю, что с каждым из его людей, которые попадут в руки султана, будет сделано то же самое. Что касается же конференции (встречи. – *И. К.*), то они готовы ее иметь с саблями в руках, – описал этот эпизод Питер Генри Брюс, двоюродный племянник знаменитого генерала Якова Вилимовича Брюса и капитан русской армии в 1722 году. –19-го показались татары на стороне гор, приблизительно 12 тысяч человек и хотели исполнить свои угрозы. Наши ядра не доставали их, так как они находились на возвышенности. Тогда государь сам повел в атаку 8-й дивизион драгун, а за ними пошли казаки. Враг, не выдержал нашей атаки... В итоге в сражении погиб-

[52] РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. № 15. Л. 107.

[53] См.: *Нартов А. А.* Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи). СПб., 2001. С. 27, 86.

ло 600–700 их бойцов, 40 было взято нами в плен. Между ними находилось несколько сановников и также магометанский священник, который был одним из их предводителей и который не отклонил жестокое убийство тех казаков... Их тела нашли впоследствии драгуны вблизи султанского дворца, насаженные на кол»[54]. Начались первые карательные акции, о которых позднее царь сообщил в письме Сенату: «...для увеселения их сделали изо всего его владения фейерверк для утехи им (а именно сожжено в одном его местечке, где он жил, с 500 дворов, кроме других деревень, которых по сторонам сожгли 6».

Петровским солдатам, недавно противостоявшим шведам, теперь пришлось познакомиться с иным противником и другими приемами ведения войны. «Зело удивительно сии варвары бились: в обществе нимало не держались, но побежали, а партикулярно десператно бились, так что, покинув ружье, якобы отдаваясь в полон, кинжалами резались, и один во фрунт с саблею бросился, которого драгуны наши приняли на штыки», – отмечал «Походный журнал» Петра[55].

По поводу убийства посланных к султану казаков один из пленных «ответил решительно, что он поступил бы точно так же со всяким из наших людей, которого он бы получил в свою власть, чтобы отомстить нам за наши действия при Андрееве (при взятии Эндери. – *И. К.*) с его друзьями и союзниками. Главное и превыше всего остального они считаются свободной нацией, и никогда не будут поклоняться чужому князю. Адмирал (Ф. М. Апраксин. – *И. К.*) спросил у него, как смели они атаковать правильно обученную и многочисленную армию, которая превосходила все силы, которые они могли выставить, и всю возможную помощь, которую они могли бы ожидать от всех своих соседей. Священник ответил, что они совершенно не боятся нашей пехоты, не особенно высоко ценят способности казаков и лишь драгуны смутили их своей доселе не виданными в здешних краях дисциплиной и военным талантом. После этих слов священник отказался о чем-либо еще отвечать. Другой пленник, когда был подведен к шатру, не хотел отвечать ни на один вопрос, которые ему предложили; тогда отдали приказ его раздеть и бить плетьми. Он, получив первый удар, вырвал шпагу у стоящего рядом офицера побежал к шатру адмирала и, наверное, убил бы его, если бы два часовых, стоявших у палатки, не вонзили ему свои штыки в живот. Падая, он вырвал зубами из руки одного часового кусок мяса, после чего его убили. Когда император

[54] *Брюс Г.* Извлечение из дневника участника похода Петра I на Дагестан // www.dolalay.com/forum/viewtopic.php?pid=1726. Документ опубликован в газете «Молодежь Дагестана» (3.03.2006 г.) З. Гаджиевым.

[55] Походный журнал 1722 г. С. 11.

вошел в палатку, адмирал сказал, что он не для того пришел в эту страну, чтоб его пожрали бешеные собаки, во всю жизнь еще ни разу так не испугался. Император, улыбаясь, ответил: "Если б этот народ имел понятие о военном искусстве, тогда бы ни одна нация не могла бы взяться за оружие с ними"»[56]. Через два дня 26 пленных были казнены в отместку за гибель посланных к утемышскому султану казаков.

В других случаях инциденты удавалось вовремя улаживать. Как гласила не сохранившаяся до нашего времени надпись на стене мечети в Карабудахкенте, местная община после одного из нападений на конный разъезд встретила отряд петровских драгун хлебом и солью и восстановила мир[57].

Кайтагский уцмий не препятствовал проходу армии – но и не спешил прибыть с покорностью. А страдавшие от набегов лезгин жители Дербента и его окрестностей явились сторонниками «партии шафкальской»; они впустили в город прибывшего 15 августа отряд подполковника Наумова. В это время со стороны моря показалась русская эскадра капитана Вердена в составе 25 судов. Появление посланца Петра и русских кораблей повлияло на итог переговоров: наиб Дербента Имам кули-бек принял Наумова и договорился о сдаче города, к его воротам был поставлен караул из русских солдат.

За девять переходов главная армия преодолела более двухсот верст от места высадки до Дербента. 23 августа наиб Имам кули-бек поднес императору серебряный ключ от города. Отдохнувшие части парадом вошли в древний город; приказ государя требовал, чтобы «бороды были выбриты, галздуки чтобы у салдат были вычещены и рубашки и щиблеты чтоб были белые». Под грохот пушечного салюта армия продефилировала через Дербент и расположилась за стенами в садах. Теперь царь настрого приказал своему воинству не обижать жителей и «не ломать виноградов»[58].

В Дербенте Петр I провел три дня: осмотрел цитадель и крепость, наметил место для строительства гавани, посетил дом наиба и устроил пир у себя в шатре. (Еще во второй половине XIX века путешественники посещали это место, вокруг которого в 1848 году была возведена ограда с надписью «Первое отдохновение Петра Великого»[59].) Он беседовал с несколькими жителями Баку и Шемахи, которые выражали готовность принять российское покровительство или по крайней мере отправить своих представителей, «чтобы мы, узнав желание вашего величества, поступать

---

[56] *Брюс Г.* Указ. соч.

[57] См.: *Федоров Г. С.* Некоторые эпизоды из истории похода Петра I на Кавказ // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в. С. 86.

[58] См.: *Шеленговский И. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 146.

[59] См.: От Астрахани до Баку // Всемирный путешественник. 1871. № 14. С. 217.

могли»[60]. Император был доволен приемом – 30 августа он писал сенаторам: «...сии люди нелицемерною любовию приняли и так нам ради, как бы своих из осады выручили. Из Баки такие же письма имеем, как из сего города (Дербента. – *И. К.*) прежде приходу имели, того ради и гварнизон туда отправим, и тако в сих краях с помощию Божиею фут получили, чем вас поздравляем. Марш сей хотя недалек, только зело труден от бескормицы лошадям и великих жаров»[61].

22 августа царь получил письмо из Баку – ответ на выпущенный перед походом манифест. В нем бакинцы приветствовали намерение царя «наказать разбойников», которые угрожали и их городу, и одновременно изъявляли «повиновение и покорность такому справедливому императору» и намерение поддерживать с ним «дружеские отношения»; однако согласия на прием «гварнизона» в письме не было[62]. Тем не менее с той же миссией, что и Наумов в Дербент, в Баку был командирован лейтенант флота Осип Лунин. В Дербенте же к Петру I явились посланцы уцмия, кадия и майсума Табасарана с просьбой принять их в подданство России.

26 августа состоялся торжественный молебен «за получение фута в сей земле», а наутро войска двинулись дальше. Петр планировал идти до Баку и далее, возможно, до устья Куры, «если случай попустит». 28 августа он приказал генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину выяснить «о дороге, как удобнее с так «великою армеею дойтить в оба места, то есть в Шемаху и в Баку». Об этих планах А. В. Макаров сообщил в Москву 10 июля 1722 года. И. И. Голиков указывал, что план кампании включал в себя занятие Дербента и Баку, после чего должно было последовать движение к устью Куры, где царь собирался заложить город и порт, а затем марш в Грузию до Тифлиса и возвращение на Терек; но при этом он ссылался не на документы, а на утверждение Ф. И. Соймонова, что о таких намерениях ходил «слух во всей армии»[63].

Получив известие о вступлении русской армии в персидские владения, Вахтанг VI с двадцати- тридцатитысячным войском 22 сентября соединился у Гянджи с восьмитысячным отрядом армянского католикоса Гандзасара

---

[60] См.: *Абдурахманов А. А.* Указ. соч. С. 29; *Алиев Ф. М.* Указ. соч. С. 49–50.

[61] См.: Бумаги императора Петра I. С. 494–495; *Лысцов В. П.* Указ. соч. С. 121–123; *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. Кн. 9. С. 369. Автограф этого письма и копии с него для рассылки по учреждениям и представителям «генералитета» (Н. И. Репнину, И. Ф. Ромодановскому, казанскому губернатору А. П. Салтыкову и прочим см.: РГАДА. Ф. 9. Отд. I. № 30. Л. 218–219 и далее.

[62] См.: *Алиев Ф. М.* Письмо бакинцев Петру I в 1722 г. // Доклады Академии наук Азербайджанской ССР. Баку, 1964. Т. 20. № 7. С. 57–58.

[63] См.: Материалы для истории русского флота. Т. 4. С. 318; *Голиков И. И.* Указ. соч. Ч. 8. С. 263–264; *Соймонов Ф. И.* Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний яко часть истории государя императора Петра Великого. С. 99.

Исайи (Есаи Хасан Джалаляна). Предводители грузино-армянского войска предполагали, что после объединения с русскими они смогут овладеть «всеми землями до Еривана и... взять самый Ериванъ»[64].

Судя по всему, Вахтанг ожидал, что русские войска двинутся к нему и далее на запад. До него не дошло письмо Петра от 3 августа, в котором тот предлагал союзнику «поиск учинить» над Хаджи-Даудом или идти на соединение с сусской армией «между Дербени и Баки». Точными сведениями о местонахождении русских грузинский царь не располагал и в письме к Туркистанову от 4 октября сетовал: «Мы ныне в Ганджу... пришли и уже третьего человека к вам посылаем... А мы по сие время здесь стоим и не знаем, что делать, буде назад возвратиться, как возвратиться, буде же стоять, у чего стоять, По сие время никакова известия от вас не имеем». Петру же он писал, что идти к Шемахе не может, поскольку боится нападения своего противника - «кахетского хана», но надеется на приход царских войск и совместные действия по овладению землями до самого Еревана[65].

Совместные военные действия требовали четкой координации, однако прямой «коммуникации» между Гянджой и русским лагерем не было – гонцы добирались по территориям, подчиненным враждебным местным владетелям. Обходной же маршрут через Кавказский хребет и Кабарду занимал месяц, поэтому известие о походе Вахтанга к Гяндже Петр получил от посланца Туркистанова только 19 сентября, когда на обратном пути подходил с армией к Сулаку[66].

Возможно, Вахтанг боялся отдаляться от собственных владений, которым угрожали турки и соседний «кахетинский хан» Константин (он же Мухаммед кули-хан) – или, как заявил сын царя, Вахушти, медлил, «чтоб вывесть себя из сомнения у бусурманов», то есть опасался откровенно перейти на сторону России, ведь шах только что назначил его тебризским беглербегом и приказал «иттить войною на лезгов» (восставших лезгин)[67]. Но и Петр не смог двинуться ему навстречу – желаемого «случения» союзников так и не произошло.

Победное отступление

Вышедшие из Дербента войска стали лагерем на берегу реки Рубаса (Миликента). Но в это время успехи сменились неприятностями. Спешно

[64] См.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954. С. 610.

[65] Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 по 1770 г. С. 142–143.

[66] См.: *Пайчадзе Г. Г.* Указ. соч. С. 50; *Маркова О. П.* Указ соч. С.105–106.

[67] См.: Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Т. 2. Ч. 2. С. 9, 12.

построенные корабли оказались «ненадежными»; многие из них «потекли», поскольку «конопать от погоды выбило», и их приходилось разбирать; такой приказ генерал-адмирал Ф. М. Апраксин отдал капитану фон Вердену 4 августа 1722 года[68]. О низком качестве ластовых судов сам Петр писал 5 августа из аграханского лагеря корабельному мастеру Филиппу Пальчикову[69]. 27–28 августа 13 груженных мукой судов из эскадры Вердена разбило штормом недалеко от Дербента. Судя по данным Кабинета, потери не были катастрофическими: из находившихся на судах 6384 кулей удалось спасти 5289, хотя и в подмокшем виде[70]. Хуже было то, что армия лишилась поддержки флота с моря. На состоявшемся военном совете только бригадир И. Ф. Барятинский и Дмитрий Кантемир выступили за осаду Баку. Остальные единодушно советовали остановить поход и только по прибытии эскадры капитана Ф. Вильбоа с провиантом «дойтить до Низовой всей армеи и до Баки»[71].

Сохранившийся автограф поданного генерал-адмиралу Апраксину мнения Петра показывает, что царь 29 августа уже примирился с мыслью о «будущей кампании» на следующий год, но еще надеялся дойти с армией до Низовой пристани и занять Баку, отправив туда десант на кораблях; таким образом, о Шемахе и даже устье Куры речь уже не шла[72].

Однако 17 кораблей Вильбоа, следовавшие из Астрахани, в первых числах сентября были застигнуты непогодой у Аграханского полуострова; одни суда были разбиты; другие дали течь, и экипажам пришлось выбросить их на берег; удалось спасти только часть провианта, а корабли пришлось пустить на дрова[73]. По получении 5 сентября этого известия невозможность дальнейшего похода стала очевидной, тем более что прибывший из Баку на шняве «Святая Екатерина» Осип Лунин доложил, что местные власти его в город не пустили и принять русский гарнизон отказались[74]. Вполне вероятно, что такой ответ Лунину дала «партия» бакинского султана Мухаммед-Гуссейна, ориентированная на сближение с Дауд-беком[75]. Врученного ему властями Баку письма нам обнаружить не удалось, но оно было признано обидным и «посмеятельным»; впоследствии русское командование попомнит бакинцам это оскорбление.

---

[68] Материалы для истории русского флота. Т. 4. С. 321, 324.

[69] См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. № 15. Л. 106.

[70] См.: Там же. Отд. II. № 60. Л. 1046.

[71] См.: Походный журнал 1722 г. С. 139–154.

[72] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. I. № 30. Л. 207–208.

[73] См.: *Веселаго Ф. Ф.* Указ. соч. Ч. 1. С. 373; *Дуров И. Г.* Указ. соч. С. 40.

[74] См.: Походный журнал 1722 г. С. 13, 76.

[75] См.: *Лысцов В. П.* Указ. соч. С. 125–126; *Алиев Ф. М.* Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. С. 47–49, 62.

Выгруженного на берег и наличного продовольствия в полках имелось на месяц, а подвезти новые запасы было не на чем. Кроме того, кавалерия продолжала терять лошадей от жары и бескормицы, а непривычный климат вызвал болезни у солдат: по рапортам от 4–5 сентября, у И. И. Дмитриева-Мамонова имелось 296 больных из 2112 человек, а у А. И. Румянцева – 296 из 2271. Данных об общем количестве умерших подобные документы не содержат; но последующие рапорты от 13 сентября сообщают о смерти в день подачи четырех солдат у Дмитриева-Мамонова и пяти у Румянцева и о «прибавлении» больных – соответственно 12 и 14 человек[76]. Объявленный перед выступлением приказ разъяснял, «чего надлежит остерегаться в сих жарких краях»: дынь, слив, шелковицы и винограда, от которых начинаются «тотчас же кровавой понос и протчие смертные болезни», но едва ли служивые строго следовали ему.

В лагере на реке Рубасе – крайней южной точке похода 1722 года – Петр выдал жалованную грамоту жителям Дербента (и отдельно – наибу Имам кули-беку с пожалованием ему своего портрета «с алмазами» и тысячи червонных) о содержании их в «милости» и «защите» и о свободном «отправлении купечества». В срочно построенных с юга и с севера от города укреплениях и в самом Дербенте были оставлены гарнизоны, а главные силы армии 6 сентября 1722 года повернули обратно вслед за императором, выехавшим днем раньше. Отбывая из Дербента, хозяйственный Петр распорядился охранять «Хаджи Аслан-бека огород, в котором мы ныне стояли», и оставил там «мастера» – разводить виноград[77].

Отход стал сигналом для всех недовольных появлением русских и показал, как быстро может меняться ситуация на Кавказе, где только что горские предводители «все вели смирно» и демонстрировали «приятность». 20 сентября комендант Дербента Андрей Юнгер доложил, что воины Хаджи-Дауда, уцмия, казикумухского Сурхай-хана и утемышского султана захватили русский редут на реке Орта-Буган (в шестидесяти верстах от Дербента) «и люди караульные от неприятеля побиты». По сведениям дербентского наиба, трехдневный штурм обошелся нападавшим в 400 погибших, но из гарнизона в 128 солдат и шесть казаков спаслись в камышах лишь три человека[78]. 19 и 21 сентября горцы штурмовали «транжамент» у реки Рубаса; нападение было отбито, но в укреплении обвалилась стена, и гарнизон пришлось вывести в город. В октябре сам Хаджи-Дауд подхо-

[76] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 60. Л. 1055, 1056, 1058, 1059.
[77] См.: Там же. Оп. 1. № 15. Л. 111 об.
[78] См.: Там же. Отд. II. № 61. Л. 863–863 об.

дил к стенам Дербента, под которыми несколько дней вел перестрелку, но штурмовать не решился и отступил[79].

Генерал-майор Кропотов доложил, что воины Султан Махмуда и уцмия напали на его арьергард под Буйнакском. Дороги стали настолько опасными, что командир аграханского укрепления полковник Маслов получил 28 августа приказ не посылать никого к армии, поскольку «проехать землею от горских народов невозможно»; в его «транжаменте» скопились курьеры с бумагами из Сената, Коллегии иностранных дел и других учреждений[80]. О тех же опасностях сделал запись в дневнике служащий Генеральной канцелярии гетманской Украины Николай Ханенко: сам шамхал 24 августа 1722 года «объявил нам, что сухим путем к Дербене проехать невозможно для татар противных товлинцев и слимчевцов, все дороги заступивших». Ханенко, посланному с известием о смерти гетмана Скоропадского, удалось не без приключений добраться до ставки Петра под Дербентом только на курьерском судне: «Противный ветер зиюйд встал, который не толко ехать, но и реидовать за превеликими волнами нам не допустил, але назад судно погнал, и прибил против Тарков, где о килко верст од черней, замеривши лотом глубини, кинулисьмо на якорь о 5 сажень в глубь. И тут чрез целий сей день як гори волни на судно наше были, отчего не тилко в страх великий, но и в болезнь многие, отчаеваючись жития своего, пришлисмо барзе и, когда ночь наступала, коло судна зась при том великом штурме многие тулене, то есть небы собаки морские, плавали»[81].

Даже когда нападений не было, отступающие войска должны были держаться настороже. «Посол из Дербента принес известие, что султан Махмуд в союзе с персидским усмием набрал 20 тысяч человек и задумал на нас напасть ночью, из-за чего мы целую холодную ночь до другого дня оставались под ружьем, потому что неприятель все время шнырял у нас перед глазами. Несмотря на это, мы поднялись и прошли еще 12 верст, встречая беспрестанно неприятеля, который старался несколько раз во время пути напасть на нас, но при нашем приближении каждый раз убегал, но часто оставаясь вблизи нас, и взял в плен 2-х казаков, а мы взяли 3-х татар. Еще одна бессонная ночь, ночные стычки, несколько сот отравившихся лошадей. 14-го мы прошли 24 версты, и неприятель постоянно был перед глазами. Еще одна бессонная ночь. Армия сделалась негодной к службе. Несмотря на слабость, мы прошли 25 верст до Тарку. Отсюда были

[79] См.: *Шеленговский И. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 155–156.

[80] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 60. Л. 742–743.

[81] *Ханенко Н. Д.* Дневник 1719–1724 и 1754 гг. // http://litopys.org.ua/khanenko/khan.htm.

посланы два трубача (в том числе «трубач его величества» Брант. – *И. К.*) и два казака, чтобы известить шамхала о нашем прибытии, которых мы при въезде в город нашли мертвыми. Их платья и лошади были найдены у семи дагестанцев принадлежавших Тарку, которых мы поймали и в присутствии шамхала и жителей города четвертовали, и куски их тел для примера повесили на возвышенных местах. Государь упрекал шамхала как в убийстве "послов", так и по поводу его мошеннического соединения с его врагами во вред армии. Этот шамхал уверял государя, что касательно этого он не виноват, а его брат и двое сыновей во главе <неприятельского> корпуса были поставлены по злонамерению народа и действовали против него» – таким запомнил этот переход капитан Брюс[82]. После похода в плену у горцев оказались 12 солдат. Кроме них, у «шевхалских людей» и узденей в 1723 году находились еще 144 русских, захваченных или проданных ранее[83].

Не все обстояло гладко и с выразившими покорность «владельцами». Многие из них стремились использовать новую силу исключительно к своей выгоде. Старший брат шамхала Муртаза-Али просил сделать шамхалом его, поскольку Адиль-Гирей свой «чин» получил от шаха, «утаивал» царских изменников и не дал заложников-аманатов. А «шамхал горской», в свою очередь, был недоволен тем, что царь пожаловал его брату селение Казанище, сетовал на постоянные «обиды» от русских войск, просил жалованье и военную помощь, чтобы «управитца» с подданными-кумыками, которые от него «лица отвратили»; наконец, желал получить под свою власть слободы вблизи Терского городка, населенные выходцами из Кабарды, Чечни и Ингушетии, а также «в надзирание» Дербент и еще не завоеванный Баку, на благосостояние которых якобы «имение мое все истратил», и «5 деревень в Мескурской земле, одна деревня в Ширване и одна в Баку», данные ему и «служителям дагестанским» по указу шаха даны, власть над которыми они утратили: «...и чтоб повелено было ему Адиль-Гирею те деревни по прежнему возвратить во владение». В августе 1722 года шамхал жаловался на калмыков и донских казаков, что «они в походе... чинили нападение на людей владения его и из них 8 человек убили, а других ранили, ограбили они же в Буйнаках 12 человек, вконец разорили, побрав у них все пожитки, и 10 человек взяли в плен, сверх того у брата его Афуя 200 баранов отогнали, и просил те пожитки, ясырей и прочее возвратить». Затем он подал жалобу на солдат, которые явились в Тарки и «взяли ясырей у визиря моего 3 человека, да у дворецкого 4 человека, да у кого два и по одному, итого будет

[82] *Брюс Г.* Указ. соч.
[83] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 63. Л. 691–692.

32 ясыря, может быть, и больше насильно отняли, да войска, которые остались здесь, разорили наши деревни при Тарках, а именно Турхаль Кенди, Амирхан Кенди, также в Тарках разорили несколько дворов, из тех дворов, из тех деревень скот забрали, отчего я в великом разорении нахожусь», и просил его императорское величество «за взятые из домов вещи, и за скот, и за ясырей чтоб соблаговолили указать цену заплатить». 7 сентября он доносил Петру I, что насильно взяли ясырей 28 человек из Тарков у его визиря, и просил возмещения деньгами. 14-го числа шамхал сообщал, что русские люди приехали в Тарки, отняли двух ясырей и учинили грабеж имущества его визиря. 27 сентября калмыки и казаки напали на деревни: в Карабудаге убили шесть человек и ранили восемь, в Буйнаках убили троих, взяли в плен пятерых и угнали 200 баранов. 1 октября в Карабудаге были убиты восемь человек и несколько ранены, учинен грабеж; в Тарках русские разорили несколько человек, в Буйнаках у 12 жителей отняли их имущество и 10 человек взяли в плен, а у брата шамхала угнали 200 баранов[84].

В походных условиях реквизиции, а то и явное мародерство были явлением обычным, тем более что солдаты и казаки не всегда разбирались в том, кому принадлежат бараны или освобождаемые пленники. Тем не менее командиры, когда это было в их силах, находили виновных и возмещали ущерб. Сложнее было с пленными: русские власти соглашались возвращать уроженцев тех земель, которые признавали верховную власть царя. Что же касается «ясырей», то есть пленников, захваченных кавказцами в набегах, в большинстве женщин и детей, то русская армия вернуть их назад в рабство (особенно если они были христианами) отказывалась, хотя этого требовали их хозяева.

Кроме того, Адиль-Гирей просил возмещения за предоставленные продовольственные, фуражные, гужевые поставки для армии. За арбы и быков Петр I заплатил 1308 рублей (то есть за каждую из шестисотповозок, поставленных для похода к Дербенту, шамхал получил половину золотого червонца, за вола – по три рубля), а на обратном пути пожаловал «в награждение 2500 червонных». Царь поручил Толстому «обнадежить» капризного вассала: «…когда Баку получим, то его все ему давано будет», – но просил представить «имянную роспись» трат на благо Дербента и других городов. За взятую солдатами «скотину» он велел заплатить, а за освобожденных невольников – нет; их бывшим владельцам было предложено подать «имен-

[84] См.: Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сборник документов. С. 32–33, 35, 36, 38–39, 42–43; Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.: Документы и материалы. С. 248–253, 269–274; *Чекулаев Н. Д.* Разрыв шамхала Адиль-Гирея с русскими властями, его причины и последствия. С. 26–28.

ные росписи» с указанием, каким образом те им достались[85]. По доносу шамхала его брат Муртаза-Али был арестован[86].

«Для поиску и разорения» мятежников двинулась карательная экспедиция из только что пришедших на Сулак четырех тысяч калмыков Бату тайши, внука хана Аюки, и тысячи казаков под командой лихого донского атамана Ивана Матвеевича Краснощекова – он был лично известен Петру и за действия в Финляндии награжден в 1721 году серебряным ковшом[87]. Позднее атаман будет еще дважды водить казаков на Кавказ – в 1727–1728 и 1733–1734 годах – и заслужит известность и у своих, и у горцев, которые станут называть его «Аксаком»[88].

Из реляции о действиях казаков и калмыков следует, что с 26 по 30 сентября отряд громил владения Махмуда утемышского: «В 26 день в 7-м часу по полуночи помянутые казаки и калмыки от Сулаку пришли к Буйнакам и от тех мест вступили в неприятельския места, и были в неприятельских местечках и деревнях, кои прежде сего разоряли, а неприятели паки их строением снабдили, и оные все разорили без остатку и к тому еще 4 приселка, которые в прежнем были не разорены, потому ж все разорили. Неприятельских людей побито с 500 человек и более, а заподлинно объявить не можно, для того, что действо чинилось в скорости да в разных местах. В полон взяли с 350 человек. Скота рогатого взято около 7000 да с 4000 овец. И потом помянутые донские казаки и калмыки, сентября 30 числа, возвратились к Аграханскому заливу счастливо... всяких вещей и драгоценностей казакам досталось»[89] (Ведомость полковника Д. Ефремова подтверждает указанное в «Походном журнале» количество угнанного скота, но «ясырю» насчитывает только «сто с полчетверта» человек[90].) В этом походе бравые казаки успели ограбить не к месту оказавшихся на их пути турецких купцов из Кафы, за что позднее их атаман угодил под арест. Во время этого рейда соказаки потеряли убитыми 47 человек, в том числе есаула, и еще 30 «померло» в пути[91].

---

[85] См.: Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сборник документов. С. 39; Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.: Документы и материалы. С. 251–253, 273–274; *Чекулаев Н. Д.* Разрыв шамхала Адиль-Гирея с русскими властями. С. 28.

[86] См.: *Бутков П. Г.* Указ. соч. Ч. 1. С. 32.

[87] См.: *Богаевский Л.* Бригадир Иван Матвеевич Краснощеков // Сборник областного Войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1902. Вып. 3. С. 4–8.

[88] См.: Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Новочеркасск, 1894. Т. 2. Ч. 1. С. 98; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1733. № 5. Л. 98.

[89] Походный журнал 1722 г. С. 15, 82–85; *Шереметев П. С.* Указ. соч. Т. 1. С. 256–257; Бумаги императора Петра I. С. 498.

[90] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 59. Л. 28–28 об.

[91] См.: Там же. Л. 26.

Петр I приказал 28 сентября выдать донцам жалованье, по пять рублей на человека, и заплатить им пять тысяч рублей за взятых для драгун и под обоз казачьих лошадей[92].

18 сентября армия вышла обратно к Сулаку, а затем разделилась: пехота была перевезена по морю в Астрахань, а конница пошла сушей. 20 сентября Петр I заложил на левом берегу Сулака, в двадцати километрах от устья, небольшой ретраншемент, где должна была зимовать часть армии. На этом месте предполагалось построить мощную шестибастионную крепость Святого Креста – главную российскую «фортецию» на Северном Кавказе[93].

Здесь «у нового транжемента» на борту своей яхты он встретил вернувшегося из Грузии Туркистанова и 28-го числа отправил его обратно к Вахтангу VI вместе с сыном П. А. Толстого, бомбардирским подпоручиком Иваном Толстым. Посланник должен был объяснить причины отступления русской армии и предложить грузинскому царю склонить шахского наследника Тахмаспа к заключению союзного договора с Россией и уступке прикаспийских провинций. В случае успеха этой миссии царь мог рассчитывать на то, что «дана ему будет власть над всеми тамошними христианы» и это будет закреплено в договоре с Ираном.

При этом Петр понимал, что грузинскому государю и его стране грозят серьезные осложнения, если шах решит заключить соглашение с Турцией, уступив ей Закавказье за помощь в борьбе с «бунтовщиками»: «И что ж из того может быть (от чего Боже сохрани), чтоб из-под ига варварского в тяжчайшую варварскую работу переведенным быть. Ибо натурально есть, который варвар сильнейше, тот тяжчайше христиан озлобляет и угнетает». Поэтому Петр рекомендовал, чтобы Вахтанг, наружно сохраняя верность шаху, «всякие поиски чинил над бунтовщиками лезгинцами и протчими горскими махометанскими народы и оным вредил и искоренял, пока его императорского величества войска во оные страны прибудут». Толстой должен был «накрепко обнадежить ево, принца, чтоб они в том на милость его императорского величества были весьма благонадежны, и что его величество никогда их не оставит», и сообщить о намерении Петра I взять Шемаху в кампанию 1723 года[94]. На следующий день император отбыл на яхте в Астрахань. Царское плавание прошло успешно, но другие возвращавшиеся из похода суда попали в тяжелое положение: 12 октября

[92] См.: Бумаги императора Петра I. С. 495–496.

[93] См.: *Гаджиев В. Г.* Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. С. 68–69.

[94] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723. № 4. Л. 6–7 об.; Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Т. 2. Ч. 2. С. 11, 343; *Пайчадзе Г. Г.* Указ. соч. С. 51–52.

губернатор Волынский доложил о восьми кораблях, которых из-за течи пришлось посадить на мель[95].

Отсюда 16 октября Петр сообщил Сенату о причинах окончания похода: «По принятии Дербеня намерились мы итить далее и отошли к реке Милюкенти в 15 верстах от города, где провиант выгружать и печь стали, понеже там лесу довольное для дров; тогда учинился великой штурм, которым тринадцать судов ластовых, которые деланы в Твери, в том же числе и две тялки, разбило, которое несчастие принудило нас дожидатца капитана Вилбоа, которой шел в семнадцати таких же судах; потом к великому недоволству получили ведомость, что и ему тож случилось; к тому ж так лошади мерли, что в одну ночь умерло тысяча седмьсот лошадей, також провианту не имели более как на месяц; того ради принуждены поворотитца, посадя в Дербени доброй гварнизон. И идучи назад, нашли место на реке Сулаку зело изрядное, крепкое и пажитное, где зделали крепость и имяновали Святого Креста, которое место лутче того места, где первой транжамент, а Терка сто раз удобнее. Тут же прибыли к нам калмыки, которых мы, и с ними тысячю казаков, купя им у калмык лошадей, послали на усмея, котораго намерены были сами посетить, но, за скудостью и худобою оставших лошадей, того учинить не могли, которые, слава Богу, там нарочито погостили, чем прилагаем при сем реляцию. Потом, отправя конницу сухим путем, сами морем с пехотою прибыли сюды, слава Богу, все в добром здоровьи»[96].

В результате кампании 1722 года русские войска заняли Аграханский полуостров и приморский Дагестан до Дербента, крепость которого контролировала единственную сухопутную дорогу вдоль побережья. Однако хорошо подготовленная военная операция показала, что установить российское господство на прикаспийских территориях будет непросто даже при отсутствии равноценного противника для 40-тысячной закаленной в боях армии.

На Кавказе русские войска не имели надежных коммуникаций, не располагали (за исключением Дербента) опорными пунктами и не чувствовали себя в безопасности на дорогах и переправах; уступавший им по боевым качествам противник имел возможность легко уходить в горы и оттуда наносить удары. Флот же не обладал безопасными гаванями и оказался не в состоянии обеспечить снабжение армии. Фрукты, ягоды и овощи не могли заменить нормального армейского провианта, а заготовить его на

---

[95] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 59. Л. 474–474 об.

[96] Цит. по: *Шереметев П. С.* Указ. соч. Т. 1. С. 256. См. также: Бумаги императора Петра I. С. 497–498.

месте и обеспечить содержание значительной по размерам полевой армии оказалось невозможно.

Трудно было определить и «неприятеля»: российская администрация впервые непосредственно столкнулась с дробностью местных этнических и политических структур, с каждой из которых надо было налаживать отношения, учитывая их взаимное соперничество. В этих условиях всякий более или менее самостоятельный «владелец» мог из принесшего присягу подданного обратиться в «изменника» – и при этом не чувствовать себя таковым перед лицом иноверной власти и по давней традиции фактического неподчинения шаху. Не случайно персидский «эхтима-девлет» в 1717 году отверг требование Волынского о возвращении купцам товаров с разбитых морем у берегов Дагестана кораблей – они считались законной добычей горцев.

Самым же страшным «неприятелем» для российских войск оказались непривычные природные условия и «вредительный» климат. Отступление победоносной армии совершалось отнюдь не «в добром здоровье», как сообщал император. Ничтожные боевые потери не шли в сравнение с уроном от болезней. На 14 октября в команде А. И. Румянцева скончались 125 человек; на 16 октября, в команде В. Я. Левашова – 250. Согласно рапортам от 16 октября бригадир И. Ф. Барятинский потерял 194 человека, Г. Д. Юсупов – 176, Ю. Ю. Трубецкой 22 октября доложил о смерти 199 человек. 25 октября 1722 года М. А. Матюшкин рапортовал, что по прибытии в Астрахань в его команде имеется 7023 здоровых и 2050 больных; в походе умерли 1294 человека и 127 бежали. У И. И. Дмитриева-Мамонова на 3121 здорового приходилось 188 больных, 303 умерших и 74 дезертира. К примеру, из вышедших в поход 1719 солдат и офицеров Преображенского полка умерли 138 и еще двое пропали без вести; таким образом, безвозвратные потери составили в полку 8% при отсутствии боевых действий. Всего же, согласно этим данным, пехотные части только умершими потеряли 2541 человека. Эти же рапорты извещали о наличии в общей сложности 3936 больных, многих из которых оставляли по дороге – в Дербенте, Терках, построенном у места высадки «транжаменте»[97].

Положение конницы было не менее тяжелым. Царь приказал отдать драгунам в августе и сентябре две тысячи казачьих лошадей[98], но эта мера не помогла. Отправленный посуху в обратный путь с драгунами и казаками Г. С. Кропотов 8 октября доносил, что провианта на дорогу до Астрахани получил очень мало, лошади падают, а потому он вынужден по дороге оставить больных и часть амуниции в Курдюкове – казачьем городке на

[97] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 60. Л. 1065–1068, 1079, 1109; *Бобровский П. О.* История лейб-гвардии Преображенского полка. Приложение ко 2 тому. СПб., 1904. С. 118.

[98] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 59. Л. 26 об.

Тереке. 16 октября он сообщал Макарову, что еды осталось на сутки, а 19-го со стоянки на реке Куме – что «лошеди стали», а люди от голода «безвременно помрут», если провиант немедленно не будет доставлен[99]. В декабре же вернувшиеся из похода кавалерийские полки насчитывали 6075 здоровых и 850 больных драгун и всего 956 лошадей; еще 588 драгун остались в гарнизонах кавказских крепостей[100]. Наименьшие потери как будто понесли донские казаки: по недатированной ведомости они составили 47 человек убитыми и 32 умершими в пути[101].

Даже из этих отрывочных данных можно сделать вывод, что короткая экспедиция обошлась армии более чем в три тысячи умерших – с учетом того, что далеко не все из больных вернулись в строй; во всяком случае, именно на этот поход можно отнести большую часть умерших (а также «побитых», утонувших и без вести пропавших) в 1722 году во всех полевых и гарнизонных полках 5064 человека[102]. 24 января 1723 года оставленный в качестве командующего Низовым корпусом Матюшкин рапортовал, что после ухода основных сил в его подчинении находилось 10 967 здоровых и 1896 больных солдат и офицеров, и просил как минимум трехтысячного пополнения[103].

Для эффективных действий необходимо было иметь на Каспийском море большее количество кораблей, строить крепости с пристанями и продовольственными складами и действовать не многотысячной армией, а отдельными отрядами одновременно в нескольких местах. Так отныне и будут поступать российские военачальники.

Падение Исфахана

Персидский поход оказался слишком коротким и не оказал существенного влияния на трагические события в сердце державы Сефевидов. Иранская монархия стремительно рушилась – политика шаха-«дервиша» Султан-Хусейна привела страну к катастрофе.

За проведенной в 1698–1701 годах переписью населения и источников налогообложения (пашни, виноградники, сады, скот, ремесленные мастерские и пр.) последовал сбор недоимок за три предшествовавших года; кроме того, были введены новые налоги: за пользование водой, на расходы шахских сыновей, «шеш-динар» (шесть динаров) в пользу казны, – которые

[99] См.: Там же. № 60. Л. 364–367.

[100] См.: Там же. № 59. Л. 37.

[101] См.: Там же. Л. 26.

[102] См.: Там же. Ф. 177. Оп. 1 1729. № 55. Л. 71. За указание на этот документ выражаем признательность С. Г. Нелиповичу.

[103] См.: Там же. Ф. 9. Отд. II. № 63. Л. 615.

нещадно выбивались из населения. Обычной практикой было избиение палками, а когда это не помогало – выкалывали глаза, обрезали уши и носы[104]. «Однако ж и сверх сего оклада управители обыкновенно вдвое или втрое кажной год собирают и по своим карманам делят...» – писал Волынский в 1717 году после ознакомления с состоянием финансов страны. Впрочем, местные ханы делили и то, что полагалось шаху, – забирали собранные деньги себе «в жалование» и не предоставляли отчетов о доходах и расходах, как это делал, например, бакинский султан, «посчитанный» после занятия города российской администрацией.

Шах проводил время в беседах с богословами, доверил дела придворным евнухам и царствовал, как писал в «Истории Петра» А. С. Пушкин, «изнеможенный вином и харемом». Дворцовые интриги, коррупция, борьба придворных группировок ослабляли центральную власть и, соответственно, усиливали позиции провинциальных ханов и вождей, в чьих руках оставалась львиная доля собранных средств. Ханы племен, владевшие на правах тиуля – временного и обусловленного службой держания – обширными земельными массивами, целыми округами и областями, стремились теперь превратить свои владения в собственность. В казне же не было средств даже на выплату жалованья войску. «Понеже ныне казенные палаты стали пусты, – отмечал Волынский, – и войскам платить нечем, того ради, как сказывают, что спасалар (главнокомандующий. – *И. К.*), который ныне в Тавризе, сколько ни навербует войску, то паки все разбегутца, оттого что жалования не дают». Разорение мелких хозяев вызвало скачок цен, а обнищание и озлобление крестьян и кочевников дало почву для охвативших страну мятежей.

По внушению шиитских богословов Султан-Хусейн отказался от политики веротерпимости, проводившейся при его предшественниках, и начал гонение на суннитов на Кавказе, в Курдистане, Афганистане и других областях. В Ширване (Северный Азербайджан) суннитские мечети осквернялись или обращались в конюшни, духовенство подвергалось казням. Преследования распространились и на «неправоверных» дервишей-суфиев, и на шиитские секты, вызывавшие подозрения у власти. Шахское правительство не без оснований опасалось, что распространенное на восточных и западных окраинах государства суннитство может стать знаменем для сепаратистских движений, что вскоре и случилось. Суннитское духовенство Азербайджана, Дагестана и Афганистана вдохновляло движения против шахской власти. Однако недовольно было и шиитское духовенство: доходы мечетей упали в результате введения нового налогового законодательства.

[104] См.: *Гусейнов Ш. З.* Последствия налоговой политики шаха Султан Гусейна и Надир-шаха для экономики Азербайджана // Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Серия общественных наук. 1961. № 4. С. 11–15.

В 1720 году начались восстания в Луристане и Курдистане; вторгшиеся в южный Иран белуджи в 1721 году разграбили порт Бендер-Аббас. Объявил себя независимым губернатор Туна Мелик-Махмуд. Самым крупным из восстаний стало выступление афганского племени гильзаев. В 1709 году под руководством вождя Мир-Вейса они захватили Кандагар и отложились от шаха. Сын Мир-Вейса, энергичный и смелый Махмуд (1717–1725), не только отстоял независимость, но и сумел организовать своих воинов на войну с шахом. В конце 1721 года его 20-тысячное войско двинулось на Исфахан. Сражение при Гюльнабаде 25 февраля 1722 года закончилось разгромом шахской армии, в бою погиб один из ее лучших полководцев – Ростом-мирза, брат царя Вахтанга VI. Во время атаки была захвачена шахская артиллерия афганцами. После этого афганцы взяли населенный армянами пригород столицы – Новую Джульфу и наложили на нее контрибуцию в 120 тысяч туманов. Махмуд предложил шаху мир на условиях уступки гильзаям, помимо Кандагара, еще Систана и Хорасана, выплаты контрибуции в 50 тысяч туманов и женитьбы Махмуда на шахской дочери.

Упрямый шах со своим советом отверг эти предложения. Тогда завоеватели начали осаду иранской столицы, продолжавшуюся семь месяцев – с марта по октябрь 1722 года. Прибывший в июле 1723 года из Казвина с караваном в занятый русскими войсками Решт «грузинец Осип Абесаламани» подробно рассказал о последних днях иранской монархии. Сам он в это время находился в столице на службе у одного из членов французской дипломатической миссии и был свидетелем того, как осаждавшие Исфахан афганцы не смогли взять крепость, но «дороги отняли» и за семь месяцев довели жителей до «великого голода» и людоедства. Старый шах обещал Махмуду миллион туманов, город Мешхед с округом и свою дочь в жены – но завоеватель теперь уже требовал его короны.

12 октября 1722 года павший духом шах приехал в лагерь своего противника и после унизительного ожидания вручил Махмуду корону, кинжал, саблю и прочие знаки царского достоинства со словами: «Отдаю тебе свой престол и царство». Через два дня афганский караул занял дворец, и Махмуд вступил в город по драгоценной парче, устилавшей улицы. Бывшего шаха поместили под стражу; победитель милостиво оставил ему три жены – остальных забрал себе, а шахских дочерей выдал замуж за своих приближенных. К этому рассказу Осип добавил, что удачливый афганский вождь не собирается возвращаться назад, но намерен «утвердить себя совершенным шахом», и в декабре к нему уже прибыл турецкий посол от багдадского паши[105].

[105] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 63. Л. 477–482.

Столица пала, и в Иране на несколько лет воцарилась афганская династия во главе с завоевателем Махмудом. Только третий сын шаха, Тахмасп, еще в июне 1722 года сумел выбраться из Исфахана и обосновался в Казвине. Здесь его и застал Семен Аврамов. 7 сентября он доложил, что был принят Тахмаспом и передал ему предложение о союзе. Однако просить об уступке провинций дипломат не рискнул, видя, что восемнадцатилетний принц «молод и ни х каким делам не заобыкновен», а его окружение исполнено «замерзелой спеси и гордости».

На второй аудиенции наследник милостиво согласился отправить в Россию посла – мехмандара Измаил-бека. 30 октября он провозгласил себя шахом, назначил нового «эхтима-девлета», министров и губернаторов провинций. Но у нового правителя не было ни денег, ни армии, и при приближении афганского войска Мустафы-хана он вынужден был, бросив «пожитки», бежать из Казвина сначала в Тебриз, а потом в Ардебиль[106]. Да и подчиняться «шаховичу» были готовы не все. «В то время, когда потрясенная страна персов раздиралась смутами, начальники областей после падения ее обширной монархии, восставая друг на друга, находились в тревоге и всю страну ударами меча и пленениями приводили в полное запустение» – так описал ситуацию в Иране тех лет армянский летописец[107].

Петр I к тому времени уже был далеко и деятельно готовился к новой кампании. Оставшиеся на Сулаке части (1355 человек) обустраивали новый форпост: к 22 ноября 1722 года здесь была изгородь, ворота с флагштоком; построено 117 изб «ис хворосту в два плетня, а между теми плетнями сыпана земля и накрыты землею ж»[108]. По прибытии в Астрахань он дал указание о постройке в Астрахани, Нижнем Новгороде и Казани кораблей к будущей навигации. В последние два города вновь отправлялись гвардейские майоры Г. Д. Юсупов и А. И. Румянцев. Сенату надлежало изыскать средства на «покупку лошадиную» и 33 500 рублей для губернатора Волынского на приобретение быков, верблюдов и повозок. Дербентскому коменданту Юнгеру предстояло силами казаков гарнизона строить гавань[109]. М. А. Матюшкин распоряжался заготовкой провианта и отправкой его в Дербент, поскольку наиб и жители жаловались на недостаток «съестных припасов» из-за нападений людей Хаджи-Дауда на окрестности города[110].

---

[106] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723. № 4. Л. 4–5, 13 об.–15, 20.

[107] *Ереванци А.* История войн 1721–1736 гг. Ереван, 1939. С. 11.

[108] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 61. Л. 308 об., 312 об.

[109] См.: Материалы для истории русского флота. Т. 4. С. 332–333; Походный журнал 1722 г. С. 90–92; *Шереметев П. С.* Указ. соч. Т. 1. С. 257–258; РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. № 17. Л. 50 об.

[110] См.: Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.: Документы и материалы. С. 270; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 63. Л. 601–602, 613.

Однако комендант Дербента А. Юнгер докладывал, что не всегда эти усилия приводили к успеху: на открытом ветрам дербентском рейде шторм крушил и выкидывал на берег суда с мукой и солью[111].

4 ноября 1722 года Петр поручил генерал-майору Матюшкину по весне направить назад ушедшие на зимние квартиры под Царицын войска: одной части драгун и казаков надлежало строить новую крепость на Сулаке и плотину (чтобы повысить уровень воды в другом протоке – Аграхани и по нему снабжать крепость всем необходимым с моря), другой – разорять «усмея и утемышевского владельцов, кои нам противны и причины разорения шемаханского». Волынскому же царь в тот же день поручил заготавливать материалы для будущей плотины. При этом командующий войсками должен был выполнять требования губернатора и оказывать ему «вспоможение» в постройке судов и в прочих делах – Волынский пожинал плоды своей инициативы[112]. Отдав эти распоряжения, царь выехал из Астрахани в Москву. В дороге под Царицыном он распорядился вновь отправить ранней весной в Дагестан 10 тысяч украинских казаков[113].

Утром 18 декабря император торжественно вступил в старую столицу через триумфальные ворота, «к которым теперь прибавлены были разные новые украшения и девизы, относившиеся к победам, одержанным в Персии». Впереди маршировали гвардейцы «в новых мундирах, в касках, обвитых цветами, с обнаженными шпагами и при громкой музыке. За ними ехали, верхом же, разные генералы и другие кавалеры, все в великолепнейших костюмах. Затем следовали придворные литаврщики и трубачи, за которыми шел офицер, несший на большом серебряном блюде и красной бархатной подушке серебряный ключ, который был вынесен навстречу его величеству императору из Дербента, изъявившего тем свою покорность. После того ехал сам государь, верхом, в обыкновенном зеленом, обшитом галунами мундире полковника гвардии, в небольшом черном парике (по причине невыносимых жаров в Персии он принужден был остричь себе волосы) и шляпе, обложенной галуном, с обнаженною шпагою в руке. Позади его ехало верхом еще довольно много офицеров и кавалеров. Наконец, несколько эскадронов драгун заключали процессию. В это время звонили во все колокола, палили из пушек и раздавались радостные восклицания многих тысяч народа и верноподданных»[114].

Сенаторы в Петербурге «за здравие Петра Великого, вступившего на стези Александра Великого, всерадостно пили». Феофан Прокопович от-

---

[111] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 63. Л. 603 об.

[112] См.: Приказы и инструкции императора Петра Великого генералу Матюшкину С. 594; РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. № 15. Л. 130–130 об.

[113] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 29. № 1766. Л. 93.

[114] Неистовый реформатор / Иоганн Фоккеродт. Фридрих Берхгольц. М., 2000. С. 499.

кликнулся на победу специальной речью, в которой обыграл этимологию имени Петра: «каменный» царь покорил «челюсти Кавказские», овладел «вратами железными» и отворил России дверь «в полуденныя страны». Встречая победителя, Феофан вспомнил «страну полунощную» – Швецию, взятие «Ноттенбурга» – «Ключ-града»; и северные, и южные крепости покорились российскому императору, и врученные ему ключи уподобляют его «тезоименному Петру» – апостолу: «И не без Божия смотрения на вход твой отверзлися: тамо и зде Петр».

Менее торжественно подводились иные итоги. 19 декабря Штатс-контор-коллегия доложила Сенату, что расходы на провиант по данным Камер-коллегии составили 320 048 рублей, а перед тем указала и чрезвычайные расходы по Адмиралтейству в размере 323 057 рублей. Возможно, последние не полностью были связаны с подготовкой похода на Каспий, все же это была значительная часть указанной суммы. Позднее, в 1731 году, Военная коллегия подсчитала, что на жалованье, артиллерию, амуницию, покупку судов и прочих припасов (без провианта) для похода 1722 года было истрачено 681 574 рубля[115]. Таким образом, получается, что короткая военная экспедиция на Кавказ обошлась казне минимум в миллион рублей, не считая обычных расходов на армию.

Точную же стоимость военной операции установить едва ли удастся, однако ясно, что она была еще выше. В числе сверхсметных расходов Штатс-контора указала подарки калмыцкому хану Аюке (тысячу золотых и меха на пять тысяч рублей) и его калмыкам (25 тысяч рублей), направленные в Стамбул к Неплюеву восемь тысяч золотых и меха на 9500 рублей. Камер-коллегия известила о поставке смолы в Астрахань на 1413 рублей, а Медицинская канцелярия в 1731 году сообщила, что в 1722-м ею было отпущено в Низовой корпус лекарств на 13 512 рублей[116]. Именно военные расходы стали главной статьей рекордного роста трат «сверх окладу», составивших в 1722 году 1 684 960 рублей против 290 259 рублей в 1720-м и 580 272 рублей в 1721-м. Значительную часть указанной итоговой суммы составила выплата компенсации Швеции по договору 1721 года в размере 639 960 рублей[117]. Кроме того, в 1722 году в России состоялись два рекрутских набора – в армию было взято 25,5 тысячи человек[118].

Что думали «многие тысячи» народа о добытых дорогой ценой в далеких краях успехах, неизвестно, но сам царь на достигнутом останавливаться не собирался. В октябре он в письме Вахтангу VI обещал взять

---

[115] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. № 380. Л. 153 об., 222 об.; Оп. 8. № 437. Л. 691, 699.

[116] См.: Там же. Оп. 7. № 380. Л. 153 об.–154; Оп. 8. № 437. Л. 702.

[117] См: Там же. Оп. 7. № 380. Л. 152, 153, 222 об.

[118] См.: *Бескровный Л. Г.* Указ. соч. С. 28.

в следующем году Шемаху[119]. Вахтанг в ноябре возвратился в Тбилиси и согласился начать переговоры с шахом, но в их успех не верил, полагая, что только присылка русских войск в Закавказье может вынудить того к уступкам. В письмах он просил императора занять Шемаху или хотя бы Баку, тем более что шах приказал ему выступить с грузинским войском на помощь[120].

Петр намеревался занять в этом году Баку и посадить там правителем сына шамхала Адиль-Гирея, но пока в Астрахани его дожидались, Волга покрылась льдом, и начинать операцию зимой русское командование опасалось[121]. Поэтому Толстой вынужден был сообщить Вахтангу, что отправка войск в Баку состоится только весной.

Но в это время другая экспедиция сумела утвердиться на южном берегу Каспия. Осенью 1722 года гилянские власти сами обратились за помощью к астраханскому губернатору. Визирь писал, «что тамошние жители от бунтовщиков весьма утеснены и ничего так не желают, как чтоб пришло российское войско и приняло их в защищение»[122]. Упустить шанс занять одну из богатейших провинций Ирана Петр не мог.

«Счастливой приход»: гилянская экспедиция

4 ноября 1722 года царь перед отъездом из Астрахани лично проводил в море эскадру капитан-лейтенанта Ф. И. Соймонова. На четырнадцати кораблях находился полностью вооруженный и экипированный (вплоть до дров, сбитня и чеснока) десантный отряд полковника Петра Михайловича Шипова. Данная ему инструкция предписывала войти в Энзелийский залив и взять под контроль столицу провинции Гилян, Решт, «выбрав удобное место близ города… и ежели неприятель придет, оборонять сие место до последней возможности». Властям и обывателям полковник должен был объяснить, что прибыл «для их охранения», и обходиться с ними «зело приятельски и несурово, кроме кто будет противен, но ласкою, обнадеживая их всячески, а кто будет противен, и с тем поступать неприятельски». Наконец, когда жители привыкнут – «тогда помалу чинить знакомство со оными и разведывать не только что в городе, но и во всей Гиляни какие товары…»[123].

---

[119] См.: Материалы для истории русского флота. Т. 4. С. 332.

[120] См.: Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Т. 2. Ч. 2. С. 12–13; *Пайчадзе Г. Г.* Указ. соч. С. 52–53.

[121] См.: *Лысцов В. П.* Указ. соч. С. 127; Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.: Документы и материалы. С. 23–24.

[122] Цит. по: *Лысцов В. П.* Указ. соч. С. 128.

[123] Цит. по: *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. Кн. 9. С. 371.

Зимнее плавание вдоль всего Каспийского моря продолжалось целый месяц и прошло удачно – потери составили шесть человек, смытых во время шторма. 5 декабря корабли Соймонова вошли в Энзелийский залив – «озеро на 20 или больше верст в обширности», – соединенный с морем узким проливом; в залив впадала маленькая речка Перибазар, в устье которой корабли стали на якорь у селения с тем же названием.

Высадка в заливе труда не составила – побережье не было защищено. Ситуация не изменилась даже через сто лет, когда в 1827 году офицеры Генерального штаба составили описание персидских владений: «Во всей Гилянской области нет ни одной крепости, и со стороны моря вход в оную открыт совершенно. Леса, которыми сия область изобилует, составляют природную и единственную ее защиту. Областное войско состоит большей частию из земской пехоты и не в состоянии противопоставить большого препятствия десанту. В местечке Зинзили нет никакого укрепления; однако ж там постоянно находится семь артиллерийских орудий и принадлежащая к ним команда, состоящая из 80 человек разного сброда людей. Ими начальствует персиянин хан, не имеющий ни малейшего понятия по этой части»[124]. Только в XVIII веке батареи у входа в залив не было.

Рапорт Шипова от 29 декабря 1722 года рассказал о дальнейших событиях. Рештский визирь Мамед Али-бек ответил посланному для переговоров офицеру, что без шахского указа не может разрешить русским высадку. Оставаться на кораблях отряд Шипова не мог, и, «оставя визирские слова», в течение 8–12 декабря занял берег и выгрузил имущество. Но дальше дело не пошло: находившиеся в чистом поле солдаты и офицеры терпели «великие дожди и грязи», а везти провиант и прочие «припасы» восемь верст до города было не на чем.

Мамед Али-бек стал собирать войско. Но тут, к счастью, подоспел выехавший из ставки Тахмаспа консул Семен Аврамов. Застав в Реште «смятение», он сумел упокоить перепуганных жителей и покинувшего было город визиря. Тот прибыл к войскам со свитой и поинтересовался, «есть ли собственно его величества указ о вступлении его для защищения Гиляни от бунтовщиков. Ибо если сие подлинно на таком основании, то ему легче будет в том ответствовать пред своим государем, что он пустил российское войско в Рящ». Полковник перед строем солдат «тот указ показал визирю, который, приняв его, поцеловал с великим почтением и возвысил над своею головой». В результате переговоров командир десанта лично явился в город и выбрал место для размещения своей команды. Отряд вступил в город: «Бесчисленное множество народа смотрело на идущих в

[124] Заметка о Персии в отношении политическом и военном // Военный сборник. 1860. № 6. С. 328.

преизрядном порядке и при играний музыки наших солдат. Напротив того, наши удивлялись величине города, который вдоль и поперек простирался на пять верст мерою, а никаким не окружен крепостным строением»[125].

Часть своих солдат Шипов оставил в Перибазаре, чтобы держать под контролем единственную дорогу к морю и охранять суда. Остальные были размещены в русском караван-сарае на краю города «между дорог Казвинской и Гилянской», быстро приспособленном к обороне. Предосторожности оказались не лишними – население не выражало особой радости, тем более что ему приходилось давать своих лошадей для перевозки имущества, а российские служивые валили окрестные деревья на дрова. В результате обыватели «ухоранивали» лошадей и арбы, а солдатам объявляли: «Мы вас не звали», – и принимали российские деньги «копейку за деньгу», то есть вполцены, считая их серебро низкопробным. Визирь же отнекивался, что жители-де его «не слушают». Силы Шипова таяли: в январе 1723 года в составе десанта находились 795 здоровых и 315 больных солдат и офицеров; боевых потерь не было, но от болезней скончались три офицера, капрал, 28 рядовых, профос и денщик[126].

Несколько месяцев назад гилянская знать готова была на все, чтобы найти помощь против афганцев-завоевателей. Но со временем страхи поутихли – небольшое афганское войско было не в состоянии контролировать весь Иран. В занятом было им Казвине вспыхнуло восстание; захватчики были изгнаны с большими потерями, и завоеватель Ирана Махмуд в ярости велел казнить всех сефевидских принцев, что объективно укрепляло позиции Тахмаспа. В таких условиях решткий визирь и владетели Кескера и Астары стали созывать в столицу провинции «вооруженных персиан», что не могло остаться незамеченным.

Известие о занятии Решта «без великой противности» пришло в Петербург только в марте 1723 года. На радостях сам Петр I объявил о нем горожанам с яхты во время начала навигации; «счастливой приход» отмечался торжественным молебном в Троицкой церкви, артиллерийской пальбой и веселой гульбой государя в «вольном дому».

На месте же ситуация была совсем непраздничной. В конце февраля 1723 года Мамед Али-бек и ханы объявили Шипову, «что они не могут терпеть

---

[125] Эти подробности имеются в составленном в последней четверти XVIII века описании похода 1722 года (см.: *Муравьева Л. Л.* Военно-исторический плакат XVIII в. о Персидском походе Петра I // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962. С. 407–408; предыдущее издание: Описание похода государя императора Петра Великого к лежащим при Каспийском море персидским провинциям // Русский вестник. 1867. №. 4. С. 579), однако указанный ниже рапорт командира десанта их не упоминает.

[126] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723. № 8. Л. 9–12 (рапорт П. Шипова М. А. Матюшкину от 29 декабря 1722 года); РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 63. Л. 621–623, 672 об.

более пребывания его с войском в их земле, а в состоянии сами защищать себя от своих неприятелей, того ради и вышел бы сам, пока его к тому не понудят, на что требовали у него ответа». Боевой командир возразил, что не двинется с места «без именного его императорского величества указу», но предложил «сперва послать на судах в Дербент все тягости и по возвращении судов идти мне самому с войском», если приказ все-таки поступит.

Тем временем в Решт прибыл назначенный иранским послом в Петербург Измаил-бек. Шах и его министры согласились было принять помощь со стороны России и вести переговоры о вознаграждении, но очень скоро изменили позицию. В то время как Измаил-бек находился в Гиляне на российском корабле и ожидал отплытия русских судов, чтобы отправиться в Астрахань, к нему был прислан указ шаха, отменявший и посольство, и обращение за помощью к русским. Другое распоряжение предписывало рештскому визирю, а также кескерскому и астаринскому ханам собрать войска и принудить Шипова покинуть Гилян.

Положение вновь спас находчивый консул Аврамов. Он перехватил шахского курьера в одной из деревень на пути в Решт, зазвал в гости, узнал о полученных распоряжениях и угощал его, пока Шипов действовал: полковник написал капитану Соймонову об отзыве шахом своего посла и необходимости, пока Аврамов «удержал» гонца, как можно «скоряе вывесть» посла и остерегаться подпускать к кораблям персидские лодки.

В результате этой дипломатической операции ни о чем не подозревавший Измаил-бек 17 марта 1723 года отправился на русских судах выполнять свою миссию под надзором Аврамова. 20 апреля капитан доложил Ф. М. Апраксину: 18 марта он «от Зинзилей пошел с 9-ю судами и в Астрахань сего апреля 15-го благополучно пришел. А в Гиляне оставлены гукор и эверс с морскими служителями». Вместе с послом отправился в путь и консул Аврамов – в мае он лично доложил царю о положении дел и отбыл обратно в Решт.

По пути в Астрахань Соймонов должен был вновь идти к устью Куры – царь Петр не оставлял намерений сделать это место центром всей «восточной коммерции». При обследовании устья Куры, докладывал капитан, «осматревал и протоку Куры-реки, которая впала в тот гавонь, нашел только оноя устьем мелкая, тако ж и места как на самом устье, так и по сторонам и вверх по протоке верст около 15 ниския и мокры, и лесу только что по берегам протоки, и местами по комышам ивняк». К донесению была приложена «Карта устьям реки Куры», которая, к сожалению, до сих пор не обнаружена. Проведенные съемки убедили Соймонова в том, что удобного места для гавани в устье Куры отыскать невозможно[127].

[127] См.: *Гольденберг Л. А.* Указ соч. С. 46.

Оставшийся в Гиляне Шипов и не думал отправлять свою артиллерию – и оказался прав. 12 мая он доложил, что после отъезда посла визирь и ханы потребовали от него немедленно «выслать» войска под угрозой их «выбить», а «доброжелательных» к русским местных жителей стали арестовывать. Полковник отвечал, что отправляться ему не на чем – корабли ушли, выйти из Решта в Перибазар он тоже не может – у солдат нет палаток для полевого лагеря, а на угрозы заявил, что с теми, кто попытается их исполнить, будет «поступать как с неприятелем»[128].

4 апреля переговоры закончились: «великое множество неприятелей» осадило «резиденцию» гарнизона, но она к тому времени была превращена в надежную крепость. Ночная вылазка трех рот закончилась разгромом толпы: больше тысячи человек, «отчасти на месте пред караван-сараем, отчасти на побеге, побито, и чрез несколько минут место сражения очистилось, а за бегущими чинена погоня по всем улицам города»[129]. Неудачей закончилось и нападение на русские суда в Энзелийском заливе – моряки капитан-лейтенанта Золотарева расстреляли поставленные «бунтовщиками» под руководством кескерского хана батареи и потопили их лодки.

Относительно легко одержав победу, небольшой отряд Шипова тем не менее оставался против намного превосходящих сил «неприятеля». Но Соймонов уже спешил обратно с подкреплением: Петр I повелел отправить в Гилян пополнение под началом бригадира Левашова[130*], которому предстояло сменить Шипова на посту «главного командира».

При отправлении он получил инструкцию: в ней значилось, что по прибытии в Гилян командиру надлежало не только обеспечить порядок в занятой части Ирана, но и «приластить» афганского правителя Махмуда, чтобы тот «в турецкую протекцию себя не отдал». Левашов должен был послать новому шаху письмо, якобы от себя: поздравить с вступлением на престол, объяснить, что не собирается чинить ему «никаких неприятельств», и предложить направить к нему, Левашову, своего представителя «для лучшего содержания дружбы». Дружить предлагалось за счет иранцев, поскольку требовалось объяснить Махмуду: русские явились для

---

[128] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 63. Л. 710–711; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723. № 8. Л. 96.

[129] Цит. по: *Муравьева Л. Л.* Указ. соч. С. 409; Описание похода государя императора Петра Великого к лежащим при Каспийском море персидским провинциям. С. 581.

[130] *Василий Яковлевич Левашов* (1667–1751), как и многие из современников Петра, военную службу начал рядовым, участвовал в Азовских походах 1695 и 1696 годов, где выказал личное мужество и удаль кавалериста-«поединщика». Затем он прошел школу Северной войны, начиная от памятного сражения под Нарвой 1700 года и кончая рейдами у берегов Швеции в 1720-м; сражался под Шлиссельбургом, Полтавой, Ригой. Там же он стал боевым и распорядительным штаб-офицером, умевшим, как показало время, быть не только «отцом-командиром», но и дипломатом, разведчиком и хозяйственником.

получения законной «сатисфакции» и охраны прикаспийских территорий, «чтоб те народы (дагестанцы-«бунтовщики» Дауд-бека. – *И. К.*) или б кто другой из чужих, оными не овладели»[131].

Эскадра капитана Мятлева вышла в море 20 апреля 1723 года с двумя тысячами солдат и офицеров и 24 орудиями на борту[132]. Моряки, как и Соймонов, имели задание обследовать устье Куры, поэтому добрались в Энзели только 28 мая. Левашов 9 июня рапортовал о прибытии войск на место, а через месяц уже подробно доложил о начале строительства крепости на Шемахинской дороге, несмотря на протесты визиря, и о своих первых впечатлениях о новообретенных подданных Российской империи.

Бригадир возмущался действиями визиря, который упорно не желал признавать новую политическую реальность и призывал жителей быть «верными шаху и бусурманской вере», отчего последние «канфузятца и в развращении еще великом». О местных обывателях Левашов отозвался критически: «Народ зело пустоголов, а наипаче лжив, однако, признаваетца, нас не так опасны, как своих боятся». Он видел, что затянувшееся безвластие стимулировало внутренние усобицы и обычную уголовщину, когда «партии» бродяг и прочих деклассированных личностей-«лотов» устраивали в Реште грабежи и убийства. Признавая, что «мы здесь ненавидимы», однако уже мог рассчитывать на «доброхотных» из местных жителей, которые предупреждали русских о намерениях своих противников[133].

Молодой дипломат Семен Аврамов оценивал ситуацию несколько иначе. Находясь вместе с подопечным послом Измаил-беком в Петербурге, он 7 июня 1723 года в специальной записке подробно описал основные доходные статьи гилянского экспорта (рис, шелк и ткани – парчи, «кановаты», «объяри», «бохчи» – «платки кановатные з золотом» и серебром), которые обычно продавались турецким купцам в обмен на английские и французские сукна; по данным консула, полученным от рештского визиря, казенные сборы от гилянского торга составляли 130–140 тысяч рублей.

Далее консул сообщал начальству, что военные вели себя не вполне корректно с точки зрения государственного интереса. Так, например, жители опасались русских, потому что, оказалось, хорошо помнили явившихся «за зипунами» казаков Стеньки Разина, а Шипову «ласковое» обхождение явно не давалось. Не желал полковник и «знатца» (поддерживать отношения) с местными властями. «Кофе и чаю не пил и к нам в гости не ездит», – жаловался визирь Мамед Али-бек, который сам к Шипову приезжал не раз, но

---

[131] Письма и указы государей… Василью Яковлевичу Левашову. С. 8–11.

[132] См.: Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 20. Оп. 1/119. № 63. Л. 9.

[133] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 63. Л. 719–720 об.; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723. № 8. Л. 62, 106–108.

ответного визита не дождался. Аврамов долго убеждал местных купцов в выгоде торговли с Астраханью, а командир явно не понимал важности перенаправления товарного потока на Россию и отмахнулся от просьб рештских купцов грузить их товары на российские суда, которые порожняком возвращались в Астрахань: «Этот де интерес невелик». категорически не желая. В результате торговцы собрались отправлять их привычным караванным маршрутом через «турецкую землю» к Средиземному морю[134].

Левашов не только оказался боевым командиром, но и не повторил ошибок своего предшественника. Выбор царя оказался верным – бригадир на долгие годы стал разумным и предусмотрительным колониальным администратором – и одним из главных героев нашего повествования. Пока же он только входил в дела: строил крепости; завел отношения с местными армянами и стал получать от них достоверные сведения о положении в других провинциях Ирана. Один из его помощников, Петр Сергеев (Петрос ди Саргис Гиланенц), стал в том же году командиром армянского конного отряда на русской службе[135].

Левашов старался вести себя более дружелюбно по отношению к местным жителям, так что даже заслужил упрек в нерешительности со стороны Петра: «Что же пишите, что действительной силы употребить не смеете, понеже в указе повелено ласкою поступать, но инструкция ваша имянно гласит, чтоб налог, тесноты и грубости никакой не казать тем, кои добро обходятся, а противным противное, и хотя то о противности воинской яснее гласит, однако ж и всякую противность в том разуметь надлежит, и всеми мерами, как возможно, старайтесь, дабы сия провинция разорена не была; також с сими народы временем и к случаю надлежит гордо и отчасти грознее поступать бодро; понеже они не такой народ, как в Европе». Император приказывал продолжать строить крепости, однако употреблять силу таким образом, «дабы сия провинция разорена не была»[136].

К концу года бригадир освоился в новой обстановке, однако его беспокоили небоевые потери. Еще в июне экспедиционный корпус в Реште включал 3313 здоровых, 17 раненых и 162 больных; но уже в ноябре Левашов докладывал, что количество «больных салдат зело умножилось, и много помирает», и особенно просил прислать «лекарей» и «писарей» для ведения документации[137]. Император помнил о «заразительном» гилянском климате и в июле 1723 года распорядился «дослать рекрут»

---

[134] Автограф записки Аврамова см.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 62. Л. 142–144 об; другой вариант: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723. № 4. Л. 27–28.

[135] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 63. Л. 721–722.

[136] Письма и указы государей... Василью Яковлевичу Левашову С. 18. Автограф Петра I см.: РГАДА. Ф. 9. Отд. I. № 30. Л. 389–390.

[137] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 63. Л. 755, 787–788.

к Левашову (тысячу человек сразу и еще тысячу – «в запас»), «ибо там не без болных и умерших будет». К концу года командующий в Гиляне получил пополнение в более чем тысячу молодых солдат; всего же за первые шесть месяцев 1723 года, по данным Военной коллегии, в новые владения России отправились 5497 рекрутов[138]. Они требовались не только для Гиляна – следующим шагом по утверждению на берегах Каспия стала отложенная экспедиция на Баку.

Завершение кампании: взятие Баку и Петербургский договор 1723 года

Данная Матюшкину еще 4 ноября 1722 года инструкция предписывала продолжение кампании на будущее лето. Генералу надлежало заготовить «магазины» для снабжения 20-тысячной армии в крепости Святого Креста и Дербенте на два месяца, а в не взятом еще Баку – на год; последнее, вероятно, свидетельствует о назначении Баку главной операционной базой для действий в Закавказье в кампанию 1723 года. В этих же пунктах требовалось открыть и лазареты на семь тысяч больных и раненых – Петр I явно предполагал в будущем большие потери. По весне драгунские полки и пехота с казаками вновь направлялись в крепость Святого Креста для ее строительства, причем драгунам на этот раз предстояло зимовать уже непосредственно в крепости или на берегах Терека, казакам же надо было объявить, что их не отпустят домой, пока они не «отделают» крепость. Требовалось также отправить пополнение в Гилян.

Главной же задачей командующего было «при самом вскрытии льду» двигаться на Баку с двухтысячным десантом и «конечно тот город достать, яко ключ всего нашего дела». Петр, помня полученный им в Дербенте ответ бакинцев, указал: «Ежели без противления сдадутся, отпустить со всеми пожитки их, кроме пошлин шаховых, которыя у них взять надлежит за те лета, за которыя они не посылали, а делили между себя. Буде же не пожелают выйтить, то однакож велеть им, дав некоторый срок, объявя ту причину, что их оставить не надлежит, понеже в последнем письме чрез Лунина посмеятельно ответ и лживо учинили и доброхотством, так как дербентцы, не отдались, и так верить им невозможно; а оставить только тех, которые знают все зборы, также ходят за виноградом и прочее, что нужда требует».

При попытке сопротивления горожан надлежало выселить без оружия, а в случае штурма всех уцелевших жителей отправить в Астрахань и «раз-

[138] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. № 699. Л. 140–141 об.

делить по себе» их имущество[139]. Драгунам же и дербентскому гарнизону предстояли летние экспедиции во владения уцмия «и всех противных» и строительство еще одной крепости под Дербентом для пресечения «коммуникаций… усмею и прочим с Дауд Беком».

Но уже в феврале 1723 года император прислал командующему дополнительные пункты, сокращавшие российское военное присутствие на Кавказе из-за позиции турок («ради турецкого дела»), о которой речь пойдет ниже. Провиант теперь требовался только на 12 тысяч человек, карательные походы на горцев и строительство новой крепости отменялись, а зимовать оставлялись только те драгунские части, «которые пойдут от Астрахани». Однако Баку и уже занятые города Дагестана и Гиляна належало укреплять – «прибавить» в их гарнизоны солдат и пушек. После взятия Баку Петр I все же намерен был воплотить свою идею о строительстве международного города-порта в устье Куры, где требовалось построить крепость, «дабы неприятель не захватил»[140].

Зима и весна прошли в строительстве новых судов и заготовке припасов. Полковник А. И. Тараканов должен был закупить у калмыков и в «низовых городах» восемь тысяч лошадей; А. П. Волынский – приобрести две тысячи верблюдов, тысячу быков и 500 повозок-арб. Командующий Матюшкин рапортовал о снабжении провиантом, по сути, блокированного «партиями» враждебных России горских владельцев Дербента (это было нелегко: зимние штормы разбивали и выбрасывали на берег суда с мукой и солью), о ремонте и строительстве ластовых судов, об отправке пополнений в Дербент и высылке драгун в крепость на Сулаке[141].

24 апреля 1723 года ее гарнизон пережил сильное землетрясение. К лету там были сконцентрированы, помимо зимовавшего гарнизона, восемь драгунских полков (примерно 10,5 тысячи человек); в августе подошли украинские казаки под командованием лубенского полковника Андрея Марковича (из 9192 человек, вышедших в поход, 232 бежали, 239 умерли, а оставшиеся «не все дошли» до места назначения: часть осталась в Астрахани, где не было судов для их перевозки)[142].

Однако боевых задач перед ними не ставилось – за исключением несостоявшейся грузинской экспедиции, о которой будет речь ниже. Донесения командующего корпусом, старого боевого генерала Гаврилы Се-

---

[139] См.: Приказы и инструкции императора Петра Великого генералу Матюшкину. С. 594–598; *Лысцов В. П.* Указ. соч. С. 212.

[140] См.: Приказы и инструкции императора Петра Великого генералу Матюшкину. С. 598–600.

[141] См.: *Лысцов В. П.* Указ. соч. С. 210; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 63. Л. 601–603 об., 613; РГВИА. Ф. 24. Оп. 1/119. № 63. Л. 9–9 об.

[142] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 63. Л. 402 об., 420.

меновича Кропотова, показывают, что войска занимались заготовкой сена для лошадей и возведением крепости Святого Креста по выполненному подполковником Андреяном де Бриньи и утвержденному царем плану. Ее строительство, начавшееся 12 июня, сразу же натолкнулось на трудности: пригодный лес находился за 10–20 верст, и его доставка требовала немалых усилий. Большую же часть стройматериалов приходилось доставлять с большими трудностями и перебоями морем из Астрахани. Недовольный Кропотов 14 июля доложил царю, что до зимы крепость поставить не удастся по причине непоставки требуемого леса из Астрахани[143].

Задержка подвоза провианта и леса в августе вызвала царский гнев в адрес губернатора – тому опять пришлось оправдываться, отговариваясь кознями «неприятелей», и вновь прибегать к помощи Екатерины. Волынский просил рассмотреть все его действия и на этот раз, кажется, был прав: его донесения 1723 года полны хозяйственных сводок об отправленных на Сулак бревнах, досках, гвоздях, топорах и прочих необходимых вещах. Однако заготовка леса шла в Казани и Симбирске, плоты запаздывали, и у губернатора порой просто не было требуемых на строительство пятисаженных бревен. Однако без заступничества императрицы все же не обошлось: та сообщила губернатору, что на него действительно «сумнения были» по докладу генерала Еропкина, но доноситель был признан не правым[144].

Но больше всех царь торопил Матюшкина. В марте он надеялся, что генерал «уже пошел» к Баку; в мае – опасался, что двинувшиеся, по его сведениям, к Шемахе турки займут город первыми, и приказывал «сколько есть судов… отправить с людьми в Баку», чтобы опередить их и завязать с жителями переговоры до подхода основных сил. Однако Матюшкин смог выступить в поход только после отправки Левашова в Гилян. Разделенная на три части эскадра капитан-лейтенантов В. А. Урусова, П. К. Пушкина и Ф. И. Соймонова вышла в море 20 июня и без осложнений вошла в Бакинскую бухту 17 июля. В тот же день Матюшкин отправил в крепость майора Нечаева с письмом посла Измаил-бека к бакинскому султану. Оно содержало предложение принять привезенный провиант и открыть ворота русским войскам, прибывшим «для охранения города Баки». В своем обращении генерал напомнил бакинцам, как они «посмеятельно и лживо учинили» отказ царскому посланцу в прошлом году, и выразил надежду, что теперь они поступят иначе. Однако бакинский султан Мухаммед-Гуссейн

[143] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 63. Л. 397–398.

[144] Выговор Петра I Волынскому, его оправдания и письмо Екатерины см.: Там же. Ф. 5. Оп. 1. № 17. Л. 84, 102, 115; ведомости о снабжении крепости Святого Креста и оправдания Волынского см.: Там же. Ф. 9. Отд. II. № 62. Л. 739–741, 765–767; письма Волынского и его жены к императрице Екатерине 1723 г. с просьбой о заступничестве см.: *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. Кн. 9. С. 642–643.

отказался допустить русских в Баку «без указу шахова», о чем 19 июля заявили его посланцы.

Осада была недолгой. Утром 21-го числа началась высадка десанта на берег. Эта операция была произведена так быстро, что гарнизон не успел оказать сопротивления. Только после ее окончания вышедшая из города конница попыталась атаковать русские войска. Но они к этому времени уже успели построить на берегу батарею и открыли «скорую стрельбу». Не выдержав артиллерийского огня, бакинские конники поспешно устремились к городу.

Затем открыли огонь орудия с семи гекботов. Бомбардировка города двухпудовыми мортирами вызвала пожары, а 12-фунтовые пушки стали бить по крепостной стене со стороны моря. Ответные действия оказались неэффективными: маленькие крепостные орудия не смогли соперничать с корабельной артиллерией, а конные атаки на батареи успешно отражались русскими войсками. В результате обстрела в крепостной стене была пробита брешь, но до штурма дело не дошло.

27 июля Матюшкин отправил в Баку письмо с «последней резолюцией» о сдаче, и среди осажденных произошел раскол. В пять часов утра следующего дня бакинцы, от имени которых выступили начальник гарнизона юзбаши Дергах Кули-бек и его брат Хаджи-Эмин, согласились открыть ворота и заявили, что сопротивляться их принуждали «некоторые противники». В три часа пополудни русские войска уже вступили в город, а жители приветствовали их «хлебом и солью», музыкой и пляской «по персицки»[145]. Городские власти преподнесли Матюшкину ключи от городских ворот. Вступив в город, войска заняли посты на башнях, стенах, у ворот, пороховой казны и пушек; вслед за тем в город были доставлены с судов 14 пушек, продовольствие и амуниция. Солдаты заняли два караван-сарая – армянский и индийский, а в «знатнейшей мечети» командование учредило гауптвахту[146].

Вступив в Баку, Матюшкин стал наводить порядок последовательно, но осторожно. Жители города 15 августа обратились к командующему с письмом, в котором жаловались, что султан и его братья связывались с Дауд-беком и были инициаторами сопротивления русским войскам, после чего Мухаммед-Гуссейн был «отставлен» от всех дел, его «пожитки» описаны, а самого бывшего султана и трех его братьев Соймонов вывез в Астрахань.

---

[145] См. донесение М. А. Матюшкина от 30 июля 1723 года: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 63. Л. 739–742.

[146] См.: *Алиев Ф. М.* Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. С. 61.

Одновременно генерал докладывал царю, что «Дергах Кули-бек и прочие обыватели являются к стороне вашего императорского величества склонны и как видица, во всем оные показывают доброжелательство». Большую часть гарнизона, состоявшего из семисот солдат под командованием юзбаши, приняли на русскую военную службу. В том же доношении Матюшкин почтительно объяснил, что не считает полезным выполнять пункт данной ему инструкции о высылке из города его жителей-мусульман, а в настоящее время занят сбором сведений о состоянии налоговых поступлений, значительная часть которых находилась на откупе у того же султана. Кроме того, командующий был озабочен отсутствием вблизи города «конских кормов» и состоянием временно бесхозных нефтяных колодцев[147].

Следом за занятием Баку предстояло овладеть сильно интересовавшей царя Курой, тем более что к тому времени сальянский наиб Гуссейн-бек и талышский владелец Мир Аббас-бек успели заявить о своей покорности. Отправленный морем из Баку батальон полковника Зембулатова (Зенбулатова) высадился в устье реки и на одном из островов устроил укрепленный лагерь. Овладение Сальянами не только давало возможность контролировать устье Куры, но и пользоваться местными пастбищами, рыбными промыслами, пашнями и лесами, тогда как в Баку запасы продовольствия, «конские корма» и дрова отсутствовали: в октябре того же года туда пришлось завозить муку и дрова на русских кораблях из Астрахани[148].

Император в ответ на известие о занятии Баку собственноручно написал Матюшкину: «Письмо ваше через адъютанта Вульфа я 4-го сего месяца получил, с великим довольством, что вы Баку получили (ибо не без сомнения от турков было); за которые ваши труды вам и всем при вас и оном деле трудившимся благодарствуем и повышаем вас чином генерала-лейтенанта, что же при сем случае вам чинить, о том прилагается указ». «Не малое и у нас бомбардирование того вечера было тогда сия ведомость получена», – добавил он в том же письме о состоявшемся в Петербурге пушечном салюте в честь занятия Баку.

Вопрос о «выводе» из города «противных» российской администрации обывателей царь передал на усмотрение командующего, однако полагал полезным «сколько может быть без вреда оттоль их людей убавить, понеже хотя о турках у меня мягки ведомости, но намерение их глубоко, чего опасаться надлежит», а на российской службе оставить «для знания мест, например, человек сто конных с ружьем, а прочим от службы отказать, понеже своих имеем»[149].

---

[147] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 63. Л. 744–747 об.

[148] См.: Там же. № 62. Л. 735.

[149] Приказы и инструкции императора Петра Великого генералу Матюшкину. С. 605 (письмо от 14 сентября 1723 года).

Петр имел основания быть довольным. В отличие от 1722 года, когда 40-тысячная армия после изнурительного марша смогла прочно удержать только один Дербент, в теперешнюю кампанию сравнительно небольшими отрядами без потерь были заняты стратегически и экономически важные пункты на западном и южном берегах Каспийского моря. В июне 1723 года Петр, по-видимому, рассчитывал, что шаху уже ничего не остается, как согласиться на все его условия. Царь даже предложил Волынскому склонить Тахмаспа к выезду в Россию, но осторожный губернатор объяснил, что на такой вариант «надежды нет»[150].

Радовали и «мяхкие ведомости» из Стамбула: турки не собирались вступать в военный конфликт с Россией и как будто склонялись к договоренности за счет Ирана. Осенью 1723 года Петр надеялся, что Неплюеву скоро удастся договориться с турками об «армистиции или унятии оружия» и о том, чтобы обеим державам «более прогрессов в тех краях ни под каким претекстом не чинить». Но самое главное –двухлетние усилия благополучно завершились необходимой формальностью. «При сем поздравляю со всеми провинциями по берегу Каспийскаго моря лежащия, понеже посол персидский оные уступил, с которого трактата прилагаем копию», – сообщил царь своему генералу 17 сентября 1723 года.

Вовремя вывезенный Аврамовым и Соймоновым персидский посол Измаил-бек как будто не подозревал о связанной с его миссией интриге, но, надо полагать, был доволен, поскольку успел погрузить на суда свои собственные товары для продажи в России. Дипломат благополучно прибыл в Астрахань, и встретивший его Волынский 30 марта 1723 года доложил в Петербург, что посол надеется на защиту своей страны русскими войсками и готов подписать трактат «на каких кондициях ваше величество изволит»[151]. В Астрахани Измаил-бек написал упоминавшееся выше письмо к жителям Баку с предложением сдать город русским.

Царь распорядился не привозить посла в столицу до своего возвращения с флотом. Измаил-бека надлежало доставить из Новгорода на Ладожское озеро на подводах и далее везти в Петербург на «удобнейших судах». В столицу высокий гость прибыл 22 августа из Шлиссельбурга излюбленным петровским способом – по Неве на яхте[152]. Он представился государю в сенатской аудиенц-каморе и произнес прочувствованную, со слезами, речь, в которой сравнил Петра со светилом: «Всевышний Бог сотворил ваше величество подобием солнца, которое осиявает и освещает всю вселенную...» А затем посол сразу же попал на трехдневный маскарад по

[150] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 62. Л. 681.
[151] См.: Там же. Л. 656.
[152] См.: Там же. Ф. 248. Оп. 29. № 1767. Л. 629, 714.

случаю празднования второй годовщины Ништадтского мира[153]. 3 сентября 1723 года во дворце Меншикова «его величество был одет совершенно как католический кардинал, но вечером в саду снял этот костюм и явился опять в своем матросском... Около 9 часов вечера император получил с курьером радостное известие из Персии, что находящиеся там войска его заняли важный укрепленный порт на Каспийском море, город Баку, которым его величество уже давно желал овладеть, потому что он очень хорош и особенно замечателен по вывозу из него нефти. С этим известием он отправился тотчас к императрице и показал ей не только полученные им письма, но и приложенный к ним план крепости. Радость его была тем более велика, что, по его собственному уверению, он ничего больше и не желал приобрести от Персии. Ее величество в честь этого события поднесла ему стакан вина, и тут только началась настоящая попойка».

5 сентября по этому случаю состоялся торжественный молебен, а завершилось празднование весельем «в огороде ее величества» с фейерверком, «состоявшим из ракет, швермеров, огненных колес, водяных шаров и большого девиза из белого и голубого огня с изображением покоренного города Баку и его бомбардирования... Персидский посол смотрел вместе с другими на этот фейерверк и показывал вид, что очень восхищается им. По окончании его он имел с императором продолжительный разговор наедине, которым, по-видимому, также остался весьма доволен» – по крайней мере так показалось автору этих колоритных описаний, камер-юнкеру голштинского герцога Фридриху Берхгольцу[154].

9, 10 и 11 сентября гостеприимный хозяин сопровождал Измаил-бека в Адмиралтейство и Кунсткамеру. 11-го царь распорядился одарить посла: Измаил-бек получил золотую парчу на кафтан в 100 рублей, «сорок соболей» в 300 рублей, десять аршин лучшего сукна, пятифунтовый серебряный кубок и 1500 золотых червонных; к ним Петр распорядился прибавить еще пять тысяч рублей, а людям посла выдать 500 рублей и мехов на 200 рублей, а также отпускать им «корм с прибавкою»[155].

Пока шли все эти мероприятия, царь и его советники еще раз 29 августа обсудили вопрос «о персицком вспоможении»: сколько требуется держать солдат на юге и «чем содержать» корпус. Собравшиеся опасались возможной войны с турками – но от завоеванных провинций отказываться не думали[156]. 12 сентября посол Измаил-бек подписал договор, состоявший

[153] Даты и места пребывания посла в Петербурге см.: Походный журнал 1723 г. СПб., 1855. С. 21–23, 38; *Голиков И. И.* Указ. соч. Ч. 8. С. 360–361.

[154] Юность державы / Фридрих Берхгольц. Геннинг Бассевич. М., 2000. С. 140–141, 143.

[155] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. № 384. Л. 936, 944, 950–950 об.

[156] См.: Бумаги императора Петра Великого. С. 519.

из пяти статей. В преамбуле повторялась изложенная в распространенном перед походом манифесте версия о начавшихся в Иране «великих замешаниях», во время которых мятежники» учинили убийство» и разграбили имущество российских подданных. Не желая допустить выступивших против шаха бунтовщиков «до дальнего расширения и приближения к российским границам» и «Персидского государства последней погибели», русский император предпринял поход, и «некоторые города и места, на берегах Каспийского моря лежащие, которые от тех бунтовщиков в крайнее утеснение приведены были, от них оружием своим освободил и для обороны верных его шахова величества подданных войсками своими засел». После низложения шаха его законный наследник Тахмасп прислал в Россию «своего великого полномочного посла из ближних и верных слуг» с прошением о помощи. Прибывший «почтенный и пречестнейший» Измаил-бек заключил с российским императором «ненарушимый трактат», в котором тот обещал Тахмаспу «добрую и постоянную свою дружбу», обязался отправить против бунтовщиков «потребное число войск конницы и пехоты» и восстановить шаха «на персидском престоле».

За эту помощь по второй статье договора «его шахово величество уступает его императорскому величеству всероссийскому в вечное владение города Дербент, Баку со всеми к ним принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами, такожде и провинции Гилян, Мазондран и Астрабат; и имеют оные от сего времени вечно в стороне его императорского величества остаться». Эти земли отходили к России «в награду... дабы оными содержать войско», направленное для оказания помощи шаху. Территория приморского Дагестана к северу от Дербента в договоре вообще не упоминалась – видимо, к тому времени Петр и его министры уже считали ее жителей во главе с принявшими присягу владетелями не персидскими, а своими подданными[157].

Последующие статьи оговаривают предоставление персидскими властями «лошадей, как для конницы, так и под артиллерию и амуницию и под багаж и провиант» по определенной цене, «чтобы свыше 12 рублев не было, а верблюды под багаж его шахово величество сколько будет потребно без найму и безденежно дать в своих границах обещает». Кроме того, иранская сторона брала на себя обязательство «хлеб, мясо и соль в пути везде приготовить, дабы в том скудости не было», но за провиант Россия должна была платить по «уговоренной цене». В заключительных 4-й и 5-й статьях провозглашались между государствами «вечно добрая дружба»

[157] См.: *Гаджиев В. Г.* Петербургский договор 1723 г. (история заключения и значение). С. 81.

и союз против «неприятелей», а их подданным разрешалось свободно «купечество свое отправлять»[158].

Скорость заключения столь важного трактата очевидно, показывает, что Петр и его дипломаты добились поставленных целей без особых усилий – обычно согласование позиций сторон занимало долгие месяцы. «Почтенный и пречестнейший» Измаил-бек оказался человеком сговорчивым; по-видимому, повлияли и теплый прием в Петербурге, и убежденность самого посла в необходимости помощи со стороны северного соседа, пусть и на нелегких условиях.

Измаил-бек, в отличие от других восточных вельмож, сумел оценить военное могущество России и проявил интерес к техническим и культурным новациям. Берхгольц отмечал, что персидский дипломат – «человек необыкновенно любознательный и ничего достопримечательного не оставляет здесь без внимания, за что император его очень любит»; другой голштинец, министр Геннинг Бассевич, обратил внимание на ловкость и светскую обходительность посла, сумевшего вызвать расположение Петра и Екатерины[159]. Российская дипломатия, в свою очередь, не только юридически закрепила за собой каспийское побережье, но и сочла непризнанного шаха Тахмаспа более удобным партнером, чем завоевателя Махмуда, склонного к союзу с Турцией.

Через два дня после заключения договора Петр дал послу прощальную аудиенцию. Измаил-бек «получил словесное уверение, что заключенный трактат будет свято исполнен»; в честь столь важного события в крепости палили из пушек, а батальон преображенцев «делал в присутствии персидского посла разные военные эволюции, при которых находился сам император и на которые смотрели также императорские принцессы». В ответ Измаил-бек 16 сентября устроил обед, во время которого ознакомил гостей с блюдами персидской кухни, и «во все время обеда прислуживал и постоянно стоял за стулом императора. Пить вино персиянам хотя и запрещено, однако ж он брал его и сам начинал провозглашать все тосты. Незадолго перед тем, когда ему у великого канцлера в первый раз поднесли вина, он сказал, что по закону своему не может пить его, но что из благоговения перед императором забывает этот закон и выпьет за здоровье его императорского величества, что и сделал».

---

[158] Текст договора см.: ПСЗРИ. Т. 7. № 4298; Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869. С. 175–180. См. также переиздание: Договоры России с Востоком политические и торговые. М., 2005. С. 191–194. Текст был напечатан в 252 экземплярах, часть из них направлялась русским дипломатическим представителям за границей (см.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723. № 15. Л. 32).

[159] Юность державы. С. 152, 413.

На этом, однако, «трактования» дорогого гостя не закончились. 18 сентября посол с государем посещали Петергоф, 19-го – Кронштадт; 28-го отмечали спуск на воду новой шнявы и победу под Лесной. В процессе обязательного угощения гвардейцами всех гостей «простым» солдатским вином Измаил-бек никак не соглашался на исключение из правил «и убедительно просил, чтоб ему дали водку. Получив ее, он встал и сказал во всеуслышание, что из уважения и любви к императору готов пить все, что только можно пить; потом, пожелав еще его величеству всевозможного счастья и благополучия, осушил чашу»[160]. Такая приверженность к модернизации явно была симпатична царю, и он не торопился отпустить гостя: 2 октября он показал послу свою токарню в Зимнем дворце, подарил ему образцы своего творчества и «две трубки зрительные». Только 8-го числа Измаил-бек покинул гостеприимный Петербург, куда в это время уже прибыл его подарок – доставленный из Астрахани слон.

Петр мог быть довольным удачным завершением своих военных усилий, но надо было еще убедить шаха ратифицировать договор. Для этого царь в том же сентябре указал срочно отправить в Иран резидентом прапорщика гвардии Рена и секретаря Аврамова с надлежащими полномочиями и ценными мехами на три тысячи рублей. Однако дипломатический триумф отнюдь не укрепил влияние России в Закавказье. Молодая империя вторглась в ту зону, которая в течение тысячелетий была ареной битв великих восточных держав. Появления там нового игрока никто не желал – ни на Востоке, ни на Западе, а его возможности были существенно ограничены. Персидский поход показал трудности содержания большой полевой армии в непривычных условиях. Осенью 1723 года в Гааге о крупных потерях и расходах поведал бывшему английскому послу в России лорду Чарльзу Уитворту неформальный глава российской дипломатии в Европе князь Б. И. Куракин[161]. Кроме того, у царя не было на тот момент надежных союзников среди европейских держав, а сам он не желал ссориться с Турцией.

Дипломатическая пауза: мир с Турцией 1724 года

Петр I понимал, что любые «прогрессы» России на Каспии неизбежно вызовут осложнение отношений с Оттоманской империей, и стремился заранее смягчить позицию турок. Перед выступлением, 20 июня 1722 года, резиденту Неплюеву был отправлен рескрипт с предписанием объ-

[160] Юность державы. С. 151–152.

[161] См.: *Black J.* Anglo-Russian relations 1714–1750: A Note on Sources // The Study of Russian history from British archival sources. L., 1986. P. 75.

явить турецкому правительству о походе русских войск на Кавказ с целью «учинить сатисфакцию» за шемахинский погром. Чтобы завоевать доверие османского двора, Петр I даже предложил турецкой стороне прислать в прикаспийские провинции своего комиссара[162]. Расчет оказался верным: короткий бросок в Дагестан состоялся без каких-либо осложнений с турецкой стороны, хотя в некоторых работах указывается, что поход был прерван в том числе из-за протеста турок[163]. Неплюев же еще в августе 1722 года передал, что турки допускают движение российских войск «не далее Шемахи», но категорически возражают против принятия «под державу» России грузин и армян[164].

Однако появление в Дагестане русской армии во главе с Петром I в любом случае дало османским властям повод к подозрениям. Великий визирь Дамад Ибрагим-паша Невшехирли пригласил к себе Неплюева и спросил его, почему царь вступает в области, зависящие от Турции. По Стамбулу ходили слухи о появлении русских войск в Грузии и об их вторжении в Ширван. В свою очередь, Неплюев, возражая по поводу сомнений в искренности намерений царя, предложил визирю отправить в Россию специального курьера. Визирь согласился, и капычи-баши («глава стражей») Нишли Мехмет-ага был послан для получения разъяснений русского правительства. Одновременно последовали указания крымскому хану воздержаться от каких-либо решительных действий.

Однако в то же самое время эрзерумскому наместнику Ибрагиму-паше был направлен указ о походе в Грузию даже в том случае, если тамошний царь будет находиться под защитой русского императора. Неплюев в октяб-

[162] См.: *Мустафаев Т. Т.* Из истории русско-турецких отношений в 20-х годах XVIII в. // Отечественная история. 2002. № 2. С. 18.

[163] В. П. Лысцов, О. П. Маркова и Т. Т. Мустафаев в данном случае имеют в виду дипломатический демарш визиря Дамад-Ибрагима паши в Стамбуле (см.: *Лысцов В. П.* Указ соч. С. 133; *Маркова О. П.* Указ. соч. С. 27; *Мустафаев Т. Т.* Указ соч. С. 17). Другие исследователи со ссылкой на турецких авторов указывают на прибытие в лагерь Петра под Дербентом султанского представителя, потребовавшего прекратить поход под угрозой начала войны (см.: *Lockhart L.* Op. cit. P. 186; *Сотавов Н. А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. С. 60; *Ашурбекова С. Р.* Указ. соч. С. 20). Р. И. Магомедова считает, что в ставку Петра прибыл посол Нишли Мехмед-ага (см.: *Магомедова Р. И.* Указ. соч. С. 16). Имеющиеся в нашем распоряжении указы и прочие бумаги из Кабинета Петра I не содержат информации о прибытии в русский лагерь кого-либо из турецких дипломатов; не поднималась эта тема и в мнениях генералитета на состоявшемся в лагере «консилиуме». Стамбул только в октябре получил точные сведения о походе, а отправленный в Россию Нишли Мехмед-ага прибыл в Москву уже к началу 1723 года и тогда же был принят возвратившимся с Кавказа императором. С. Р. Ашурбекова и Н. А. Сотавов ссылаются на исследование турецкого историка C. Gokce, но на указанных страницах его книги также нет свидетельств о прибытии в ставку Петра I турецкого посла с подобным требованием (Gokce C. Kafkasya ve Osmanli imparatorlugunun Kafkasya siyaseti. Istanbul, 1979. S.30-31).

[164] См.: *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. Кн. 9. С. 382–383.

ре 1722 года сообщил, что 50-тысячная армия должна вторгнуться в «персицкую Жоржию», поскольку ее жители «забунтовали» и делали набеги на «лязгов» (лезгин. – *И. К.*), то есть по тому же поводу, по которому вышел в поход Петр I. А посольство от «лязгов», добавлял дипломат, уже явилось в Стамбул и «подавает себя» в турецкое подданство. Ситуация осложнялась тем обстоятельством, что прибывший к Неплюеву переводчик как бы от себя рассказал резиденту: туркам известно, что царь к «жоржианам» писал, «дабы они поддалися под протекцию к нему», и визирь имеет в том «немалое подозрение»[165].

Недовольство османского двора подогревал английский посол в Стамбуле Абрахам Стэниен. По его мнению, захват русскими Закавказья и Северного Ирана грозил ликвидацией турецкой транзитной торговли. А государственный секретарь Англии Картрайт считал, что планы Петра I по установлению экономических связей между Россией, Ираном и Индией приведут к упадку британские фактории в Индии. Визирь же сначала предложил заключить оборонительный и наступательный союз двух империй – но уже в ноябре потребовал вывести все русские войска из персидских владений. «Турецкие дела и слова непостоянны», – жаловался Неплюев, который в то время настолько считал войну возможной, что стал уничтожать посольские документы, а своего сына поручил заботам французского посла[166].

Российские дипломаты заняли твердую позицию. 30 октября 1722 года Коллегия иностранных дел в своем «рассуждении» указала, что «для приведения своих земель в надлежащую безопасность и содержания свободного купечества» занятые территории «удержать» необходимо, без них «его императорскому величеству пробыть и свои действа там оставить невозможно». Однако можно предложить туркам: если они захотят себе нечто «присовокупить» из иранских владений, царь готов «с Портою о том согласитца»[167].

Предложения о взаимном прекращении наступления, о нежелании России нарушать мир с Турцией и о возможном разделе Ирана были сделаны и явившимся в Москву зимой 1722/23 года послу султана Нишли Мехмет-аге и «везирскому посланнику» Осман-аге. Царь заявил, что «для поставленной вечной дружбы по прошению Порты оружие свое удержать изволит против ребелов лезгинцов, которых Порта в протекцию приняла». Но зато он намерен удержать некоторые порты и территории в Прикаспии и не собирается воевать там ни с Османской империей, ни с какой-либо

[165] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 59. Л. 719–719 об., 721–722.
[166] См.: *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. Кн. 9. С. 383–384.
[167] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 59. Л. 716.

другой державой. В ответ на заявления о принятии турецкого подданства Дауд-беком и другими предводителями и требования об оставлении русскими Дагестана послу были предъявлены письма жителей Дербента и Баку и дагестанских владетелей с одобрением прихода российских войск[168].

Турецким дипломатам был оказан любезный прием с выдачей 1080 рублей только «на корм»; в Москве им выделили покои, на ремонт которых ушла еще тысяча рублей. Сразу при встрече на азовской границе российским комиссаром полковником Иваном Тевяшовым была принята их претензия по поводу грабежа казаками Краснощекова турецких купцов. Атаман признал грех, но указал, что его донцы поживились не на требуемые турками сто тысяч левков (66 666 рублей), а всего-то на 15 тысяч (10 тысяч рублей); но так как все полученное казаки уже давно разделили и потратили, то и взыскать с них нечего; после этого царь сразу же согласился уплатить туркам последнюю сумму в счет будущего казацкого жалованья. Посланцам с избытком выдавали «кормовые деньги» и подарили «соболей добрых» на тысячу рублей; кроме того, 16 и 23 февраля 1723 года Петр I распорядился срочно доставить в Коллегию иностранных дел «на некоторую секретную дачу» 2 тысячи золотых[169]. Но вопрос о войне и мире решался в Стамбуле, и царь в январе 1723 года в грамоте на Дон предупредил казаков о возможном турецко-татарском вторжении после возвращения османского посла в турецкую столицу[170].

В декабре 1722 года канцлер Г. И. Головкин писал Петру I: «Порта требует, дабы ваше величество все свои войска вывел, и приготовления военные неотменно продолжает». Однако положивший много сил на упорядочение финансов и сокращение расходов Турции Дамад Ибрагим-паша не был склонен к тяжелой и дорогостоящей войне с северным соседом. В этом его поддерживал французский посол маркиз де Бонак, к посредничеству которого сразу же прибегнул Петербург. Мир с Россией соответствовал французским интересам: надо было удержать турок от войны на Востоке, чтобы иметь возможность с их помощью угрожать главному сопернику Франции в Европе – австрийскому императору; к тому же в Петербурге велись переговоры о заключении союза с Францией и браке дочери Петра с сыном французского регента, герцога Орлеанского.

Русское правительство со своей стороны также приложило усилия для мирного разрешения ситуации, чему способствовал выход российской армии из Дагестана. Визирь на некоторое время успокоился. Но на оче-

[168] См.: *Lockhart L.* Op. cit. P. 222; *Маркова О. П.* Указ. соч. С. 27.

[169] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. № 384. Л. 47, 63, 65–74.

[170] См.: Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Новочеркасск, 1891. Т. 1. С. 300.

редной встрече с резидентом 10 февраля 1723 года он заявил о принятии в подданство Хаджи-Дауда и скором «поддании» афганского вождя Махмуда и своем настоятельном предупреждении: Россия вправе для наказания виновных на какое-то время занять некоторые территории, однако оставлять их за собой не должна, поскольку они населены мусульманами[171]. Посредничество де Бонака помогло разрядить ситуацию. 16 февраля 1723 года Петр написал Неплюеву «пункты», в которых обозначил базу для достижения соглашения.

Император объявлял, что Россия согласна «руку отнять от тех, которые не х Каспийскому морю владении имеют, и на то согласитца, что хотя оные и пот турецкою властию останутца, однакож бы войск своих туды не посылали; а напротив того, чтоб и турки от грузинцов також руку отняли, а мы також туды войска не пошлем». В случае если турки будут упорствовать, Неплюеву разрешалось предложить линию раздела прикаспийской территории «шестью часами землю одну уступили от Каспиского моря. А чтоб берег отдать, того учинить весма невозможно». Таким образом, Россия получала полосу земли на шесть часов езды от моря, то есть приморскую коммуникацию вдоль побережья Дагестана и прибрежную часть Ширвана – Дербент, Мушкур, Низабад, Баку и Сальяны. Уступать эти земли Петр не собирался ни на каких условиях; населявшие мусульмане «турецкого закона» (сунниты) должны были либо перейти в российское подданство и состоять в нем на условиях, согласованных с Турцией, либо переселиться. Дамад Ибрагим-паша предложил несколько иной вариант: Турция получает весь Ширван и почти весь Дагестан, и только территория между Тереком и Сулаком отходит к России[172].

Эти предложения были для России неприемлемы, однако усилиями заинтересованных в мире сторон наметился если не компромисс, то по крайней мере основание для затяжного торга. Участие в нем принял и посол Тахмаспа, которому турки также предложили помощь, но на аналогичных русским условиях уступки ряда западных провинций[173].

Турецкая сторона требовала, чтобы Россия оставила города Дербент и Баку, а также дагестанские земли, так как на побережье Каспийского моря она не имеет никаких прав. Неплюев ответил, что такое требование он даже не смеет сообщить царю, поскольку имеет точный указ о том, что «Россия от Дербента и Баку и помянутых князей руки своей не отнимает ни по единому образцу». Если же султан, зная намерения русского им-

---

[171] См.: *Мустафаев Т. Т.* Указ соч. С. 20.

[172] См.: *Лысцов В. П.* Указ. соч. С. 136–137; *Сотавов Н. А.*. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях. С. 63.

[173] См.: *Lockhart L.* Op. cit. P. 227.

ператора, все же прикажет своим войскам приблизиться к Каспийскому морю, то «явно подаст тем русской стороне подозрение». Резидент твердо держался сделанных 16 февраля предложений, тем более что к этому его призывал и канцлер Г. И. Головкин. 9 апреля 1723 года тот писал Неплюеву, что российские интересы требуют не допускать Турцию к Каспийскому морю; а если же османское правительство захочет из-за этого нарушить мир, то Россия к войне готова.

В 1723 году оборонительные мероприятия проводились вдоль всей южной границы от Волги до Днепра. Петр I назначил командующим на Украине одного из лучших российских полководцев генерал-аншефа князя М. М. Голицына; ему были подчинены все находившиеся там войска, Малороссийская коллегия, Войско Донское, воронежский губернатор и белгородский и севский воеводы. 4 апреля император распорядился увеличить численность украинской ландмилиции до шести полков; в иррегулярные полки офицерами должно было определять не только русских дворян, но и поступавших на русскую службу уроженцев Валахии и Сербии. Были даны указы об устройстве сигнальных маяков (пирамид), о сосредоточении у турецкой границы 70-тысячной регулярной армии и устройстве там дерево-земляных укреплений; отданы распоряжения о строительстве судов в Воронеже и Брянске для воссоздания Донской и создания Днепровской речных флотилий.

Тянувшиеся в мае – августе 1723 года в Стамбуле при посредничестве французского посла русско-турецкие переговоры не дали положительных результатов, но как будто вполне устроили обе стороны. Турецкие уполномоченные не приняли предложения о приостановке военных действий в Закавказье и Иране, и резидент заявил, что далее он не имеет права продолжать переговоры. Тогда по предложению де Бонака их отложили на три месяца, до получения Неплюевым новых инструкций. В это время турецкие войска беспрепятственно вступили в Восточную Грузию. На состоявшемся в августе диване с участием султана было принято решение прежде возобновления переговоров с русскими захватить еще не занятые ими земли, в том числе побережье Каспийского моря. Как видим, Петр I не напрасно торопил Матюшкина с подготовкой экспедиции в Баку.

В этой ситуации в самом незавидном положении остался Вахтанг VI, оказавшийся со своей страной между могущественной Османской империей, уже ослабевшим Ираном и еще недостаточно сильной и влиятельной на Востоке Россией. Судя по ноябрьской инструкции Матюшкину, Петр I был намерен летом 1723 года опять явиться на Кавказ с новыми силами и, опираясь на Баку, двинуться далее – возможно, именно на Шемаху. Однако после турецкого демарша такая операция была уже невозможна без риска

большой войны – не случайно новые инструкции Матюшкину от 17 февраля 1723 года, отменявшие сосредоточение годового запаса провианта на 20 тысяч человек в Баку, Петр направил после бесед с турецким послом и на следующий день после составления рескрипта Неплюеву о готовности «отнять руку» от ряда дагестанских владельцев и «грузинцов». Впрочем, печальный опыт расчета на поддержку местных христиан у царя уже был по Прутскому походу 1711 года.

Сам же «ориентальной Иверии король» по возвращении вынужден был отвечать на предложение о «протекции» со стороны турок и отбиваться от нападения пока еще верного вассала шаха – «кахетинского хана» Константина (после перехода в ислам – Мехмед-Кули-хана). Вахтанг VI вновь осенью и зимой 1722 года ждал Петра «яко входа Христова в Иерусалим» и безуспешно просил двинуть войска к Шемахе или прислать ему «порядочный отряд конницы». С просьбой о скорейшем занятии Шемахи обращались и армянский архиепископ Тбилиси Минас Первазян в декабре 1722 года, и армянские мелики (предводители карабахского ополчения) весной 1723-го[174].

Вахтанг в отправленном царю 30 декабря письме сообщал, что готов «вспоможения просить у турок». Пользуясь временным затишьем на дипломатическом фронте, Петр сделал попытку помочь союзнику – 17 апреля дал приказ Матюшкину отправить две тысячи драгун в Грузию; этого было достаточно для борьбы Вахтанга с его противниками, но не с турками. Несколько позднее в Карабах отправился специальный представитель – числившийся в русской службе Иван Карапет с «высочайшей грамотой». Но было уже поздно. «Царь картлинцов» прислал очередное послание, в котором признал: «Мы велели сказать султану, что мы покоряемся ему». Однако это не помогло – 4 мая 1723 года Вахтанг VI был разбит Константином и покинул Тбилиси.

«Махмад Кули-хан обещал лезгинам серебро многое, (взял их с собой, и напали они на царя в Тбилиси. [И] смотри измену, ибо воинов было много, Мтквари (река. – *И. К.*) прибавил сильно, и мост <был> узким. Но находящийся там Свимон не разобрал моста, засады тоже не укрепил и картлийцы также оставили царя в руках вражьих и, видя такое положение, ушли все. Видевший это конюх подвел коня к царю, а также к Бакару, и ушли они. Тогда доблестно вел себя Ростом Палавандишвили, защищая царя и не подпуская лезгин. А лезгины побили картлийцев и кахов многих и подступили к городу. А царь прибыл в Мцхета, и Бакар направился в

[174] См.: Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 по 1770 г. С. 141–143, 149–151; Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Т. 2. Ч. 2. С. 21–23, 26–31.

Душети, чтобы подоспеть с войском в Тбилиси, однако Гиорги эристави отпустил его без коня.

А Махмад Кули-хану отдали город, и вошли лезгины, разорили и многих пленили. Вышли также татары, защитники крепости, и подожгли <собор> Сиони и разбили икону Пресвятой Богоматери. И сколько девиц и истинных матерей и монахинь было растлено злодеями, и кровь праведных пролилась <от рук> неверных, лета Христова 1723...» – с горечью описывал усобицы побочный сын Вахтанга Вахушти Багратиони в своей «Истории царства Грузинского»[175].

Отправившийся было выполнять царское поручение капитан Алексей Баскаков был остановлен на пути из Астрахани в крепость Святого Креста возвращавшимися И. П. Толстым и князем Б. Туркистановым. Они-то и сообщили, что грузинский царь был «выбит» из своей столицы и ушел в Имеретию и далее в «Цхинвалну». Оттуда Вахтанг прислал письмо с последней просьбой к царю: «учинить вспоможение или к себе взять»[176].

Получив это известие, Матюшкин и Волынский устроили в Астрахани совет и приняли решение осуществить операцию по эвакуации лишенного престола царя. Баскаков вновь отправился в крепость Святого Креста и оттуда с отрядом в тысячу конных и тысячу пеших солдат двинулся к терским казачьим городкам и далее к ущельям Главного Кавказского хребта, чтобы в «удобном месте» встретить Вахтанга. Но отряд так и не дождался царя. 31 июля 1723 года Баскаков доложил императору, что встретил посланного Вахтангом «князя Зурапа», который сообщил, что «выехать ему... невозможно». В Астрахани гонец рассказал, как явившийся с войсками эрзерумский паша вошел в Тбилиси и приказал арестовать Константина – но тот бежал и со своими людьми стал нападать на турок. На престоле остался сын Вахтанга, Бакар, находящийся ныне «в турецких руках» – поэтому-то царь и не смеет выехать. От себя же посланец добавил: если царь Петр двинет свое войско в Шемаху, то «собрався, грузинцы всех турков, конечно, ночми побьют»[177].

Естественно, подобный план в условиях турецкого вторжения и вражды среди самих грузинских «принцев» (Бакар на царстве не удержался и вынужден был бежать от принявшего ислам дяди Иесе) был нереальным, тем более что к концу года обострилась ситуация на переговорах в Стамбуле. Неплюев в декабре получил указ возобновить консультации с турками и де Бонаком. Но в итальянских газетах внезапно появилась публикация

[175] Цит. по: www.vostlit.info/Texts/rus6/Wachushti/text4.phtml?id=244.

[176] См.: Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 по 1770 г. С. 148; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 63. Л. 680, 684–685.

[177] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 62. Л. 250–250об.

полученного из Вены текста русско-иранского договора – раньше, чем сам резидент получил его из Петербурга.

Неплюев только что успел договориться об «армистиции» – исключении столкновений русских и турецких войск на территории Ирана и добился обещания, что «Порта на берегах Каспийского моря оружие удержит», то есть не будет претендовать на захват побережья, о чем и сообщил 12 декабря[178]. Но теперь разгневанные турки стали угрожать войной – визирь даже пообещал резиденту «почетное» место в обозе отправлявшейся в поход турецкой армии. 15 января 1724 года собравшийся диван уже было объявил ее – но по предложению самого Дамад-Ибрагим-паши и главного драгомана (переводчика) Порты все же решил продолжить переговоры [179].

В противовес обещавшему английские субсидии на войну с Россией Стэниану и предложению украинского гетмана-эмигранта Филиппа Орлика поднять украинских казаков, свою роль сыграл де Бонак: он терпеливо разъяснял туркам, что статьи договора им не угрожают и не содержат упоминания о провинциях, куда вошли турецкие войска. Неплюев также не терял времени – в марте Коллегия иностранных дел затребовала от Сената «на некоторые секретные дачи» в Стамбуле 7200 червонных и «мягкую рухлядь» – соболей и горностаев, а в июле Петр распорядился выслать к Неплюеву дополнительно «четыре меха соболей пластинчатых» по тысяче рублей каждый[180].

Кроме того, осенью того же года войска Ибрагим-паши вели неудачные бои под Гянджой с отрядами местных жителей, армянских ополченцев и грузин под командованием царя Константина. «Вашему превосходительству доносим, что повелитель турской своим злым умышлением мирные договоры ныне нарушил и учинил на страну нашу воинское нападение, в провинции Иреванской разорил христианскую церковь Святые Троицы и пресек христианскую веру, а из наших мечетей зделал конюшни. И после того прислал семьдесят тысяч войска с пашами, с артиллериею, и с пушками, и с бомбами для взятия города Гянджи. И мы имели с ними жестокий бой осемнадцать дней, и многих из них погибли великих пашей, и шествием его императорского величества оное войско весьма разбили... турецкий повелитель готовятца паки на нас для отмщения победы нашей, и мы надеемся в том на его императорское величество, что его величество всегда государю нашему чинит вспомощение...» – писали гянджинцы бакинскому коменданту князю И. Ф. Барятинскому, у которого они просили

[178] См.: Там же. Ф. 15. Оп. 1. № 37. Ч. 1. Л.48 об.

[179] Перипетии этих переговоров см.: *Lockhart L.* Op. cit. P. 228–232; *Маркова О. П.* Указ. соч. С. 28–30; *Сотавов Н. А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях. С. 66–67; *Мустафаев Т. Т.* Указ соч. С. 24–27.

[180] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 31. № 1936. Л. 13, 34.

прислать им, как российским подданным, войск «на оборону провинции Генджинской»[181].

Не удалось турецким властям и сплотить против русских Дагестан. Хаджи Дауд не мог выполнить поставленную перед ним задачу – захватить «принадлежащие к Ширвану ближние персидские провинции» и тем более «выгнать российский гарнизон из Дербента и всяких тамошних краев». Султанский указ о передаче под его власть богатого Ширвана имел обратный результат: местные владетели не признали нового правителя и на встрече в урочище Худат договорились, чтобы «быть Шемахе и Баке городу за шамхалом, да Мюскер, Шабран за Даудом, де Кубе и Калхан за усмеем, а городу Дербени за майсумом». Выгнать из Шемахи Дауд-бека, которого поддерживал турецкий отряд, они не могли, но и турки не располагали на Кавказе надежными союзниками: Сурхай-хан казикумухский не смог учинить «конфузий» ни над шамхалом, ни над русскими гарнизонами, а весной–осенью 1723 года владетели Аксая, Эндери, Эрпели, Кайтага, Табасарана и кабардинский князь Арслан-бек Кайтукин в знак верности отдали российской администрации заложников-аманатов. Сам Сурхай в июле того же года обратился в Коллегию иностранных дел с заверениями, что «дружба и пароль, которой я вам дал, и ныне оное содерживается, и кто вам недруг, и мне недруг, а кто вам друг, тот и мне также друг»[182].

Предложение осталось без ответа. Зато прибывший в Москву с «разными прошениями» осенью того же года представитель лояльного Дербента Мухаммед Юсуф-бек встретил теплый прием. Сам Петр I 21 октября рассмотрел просьбы наиба и повелел выдавать жалованье ему (тысячу рублей), его подчиненным командирам, в том числе и Юсуф-беку (150 рублей), а также шестистам их воинам (по пять рублей и по пять четвертей хлеба на человека). Дербентские торговцы в Астрахани должны были платить пошлины в том же размере, что и русские купцы. После торжественного «отпуска« посланника ждал еще подарок в пять тысяч рублей, а Аврамову царь приказал выдать 3500 рублей, которые Юсуф-бек «занял» у него по пути и едва ли вернул в казну. Только претензия Имам Кули-бека на получение якобы недоданного ему персидскими властями жалованья из бакинских доходов в размере 9980 рублей была оставлена без внимания[183].

Надо полагать, что все эти обстоятельства повлияли на поворот позиции турок. Уже 17 января 1724 года визирь предложил заключить франко-русско-турецкий союз, а затем – новый и более реалистичный вариант раз-

[181] Цит. по: *Алиев Ф. М.* Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. С. 65.

[182] См.: *Сотавов Н. А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях. С. 64–65.

[183] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. № 384. Л. 818–821 об., 831, 944.

граничения в Иране: русские получали бы территорию до слияния Аракса и Куры. Французский посол умело играл роль посредника и удостоился шутливой похвалы визиря за то, что действует, как мудрый турецкий судья при разделе спорного наследства, но, к сожалению, лишен полагающегося в таком случае десятипроцентного вознаграждения. Племянник де Бонака, Д'Аллион, отвез новые предложения турок в Россию. Петр I поручил своему резиденту оставить Тебриз за шахом Тахмаспом и только в крайнем случае был готов его уступить с условием, чтобы сохранить за Ираном Ардебиль, поскольку этот город отделял бы турецкие владения от русских в Гиляне. Царь допускал дискуссию о разделе территории Ширвана, но категорически отказывался обсуждать вопрос о принадлежности побережья и морского пути.

После возвращения гонца переговоры возобновились и проходили в изматывающих спорах, доходивших до угроз разрыва «негоций», о принадлежности Тебриза и Ардебиля, границах в Ширване и признании турками шаха. 12 июня 1724 года состоялся их последний раунд. Каждая из сторон составила свой текст трактата, который дипломаты «сводили» до полной «готовности... дабы отчаянным образом разменится». Многоопытный де Бонак сам чертил на карте линию границы. Неплюев же был разочарован его посреднической ролью (или, возможно, тем, что сам выглядел в глазах турок фигурой второстепенной), но и он вынужден был признать: «Больше того ныне без войны получить было нельзя»[184].

Окончательный вариант договора состоял из введения, заключения и шести основных статей. Во вводной части обе стороны признавали, что вторжение афганского вождя Махмуда привело к свержению законной династии и «разорению Персии», а потому Турция и Россия ввели в Иран свои войска «для отобрания всех потребных... мест». Однако российские приобретения были зафиксированы договором с Тахмаспом, и турецкая сторона формально признала переход в российское владение Дербента, Баку, провинций Гилян, Мазандеран и Астрабад.

Первая из статей договора объявляла Ширван самостоятельным ханством в составе Османской империи и содержала сложную процедуру разграничения его территории с российскими владениями. Расстояние от Шемахи до Каспийского моря делилось по времени езды («прямою дорогою среднею ездою ехать») на три равные части, и по вычислении двух третей в сторону Шемахи надлежало поставить разграничительный знак. Другой знак ставился на пути от Дербента внутрь материка на 22-м часе езды. Эти знаки соединялись прямой линией, которая продолжалась

[184] См.: *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. Кн. 9. С. 391.

до места слияния Аракса и Куры, которое становилось конечным пунктом раздела.

Согласно второй статье, турки не имели права укреплять Шемаху и вводить туда свои войска, за исключением «бунта» правителя или прочих «непорядков» – но с непременным уведомлением российской администрации и обязательством вывести их.

Третья статья определяла размеры и границы турецкой «порции», которая включала Тебриз и большую часть его провинции (отстоять его русским дипломатам не удалось), всю Ереванскую провинцию, Хамадан и Керманшах; Ардебиль оставался во владениях шаха и должен был служить «барьером», отделявшим российские приобретения от турецких. Но вся Грузия теперь принадлежала Турции.

Четвертая статья обязывала российского императора употребить «медиацию» (посредничество) для признания Тахмаспом состоявшегося раздела – «или волею, или с общего совместного принуждения». Если последний на уступку провинций не согласится, то Россия и Турция «по согласию» утверждают на иранском престоле какого-либо «законного государя» или, как предусматривала статья шестая, «наидостойнейшего из персиян», но не «узурпатора» Махмуда. Если же Тахмасп соглашается с данным договором – то, согласно его пятой статье, султан признает его законным и суверенным шахом и может участвовать в совместных действиях по изгнанию афганцев[185].

Таким образом, после долгих и трудных переговоров, в которых немалую роль сыграло французское посредничество, соглашение было подписано. Константинопольский договор, в отличие от заключенного девятью месяцами ранее русско-иранского, стал не «виртуальным», а вполне реальным актом: обе стороны добились поставленных целей (пусть и не всех – но дипломатия и есть искусство возможного), и взаимная ратификация состоялась без каких-либо осложнений.

Договор, конечно, стал успехом русской дипломатии, поскольку Россия получила признание своих новообретенных владений на Каспии, почти превращавших это море в российское «озеро». Интересно, что договор не упоминал о лимитировании границы к северу от Дербента, что можно расценивать как фактическое признание прав России на эту часть Дагестана. Турция же на данном этапе отказалась от намерений покорить Персию и готова была признать ее суверенитет под скипетром слабого шаха Тахмаспа.

Однако и цена успеха была немалой. Договор не остановил турецкое наступление на восток, хотя и ввел его в «законные» рамки. Но в любом

[185] См.: ПСЗРИ. Т. 7. № 4531.

случае сохранялась угроза тонкой полосе российского побережья и проходящей по ней коммуникации. Восточная Грузия и армянские земли признавались турецкими владениями – на долю России оставались лишь вынужденный покинуть родину в том же году царь Вахтанг VI и надежды грузин и армян на освобождение от иноземного и иноверческого господства.

Зато оказавшиеся по разделу в российской «порции» и населенные мусульманами земли Ширвана и Гиляна еще надлежало привести «в тихое состояние». Однако они были связаны с остававшейся за сотни верст метрополией крайне несовершенными путями сообщения и представляли собой разрезанные «по-живому» части относительно единой и древней социокультурной общности. Расчеты же на скорое крушение Иранской державы оказались преждевременными. В Дагестане российской администрации предстояло иметь дело с множеством соперничавших государственных образований и горских обществ, недоступных для прямого контроля.

Наконец, выход России в качестве новой политической силы в Закавказье заставлял ее строить отношения (и отнюдь не по освоенным европейским военным и дипломатическим канонам) не только с центральными властями Ирана и Турции, но и с иными партнерами – практически самостоятельными ханами и визирями иранских провинций, азербайджанскими горожанами, духовными и светскими властями армянских общин, вольными дагестанскими владетелями и горскими обществами. Конечно, опыт отношений с не слишком надежными вассалами (украинскими гетманами или калмыцкими ханами) имелся, но теперь масштабы таких связей явно возрастали – при сложности оперативного реагирования и управления ими из Петербурга и трудности согласования противоречивых интересов.

Глава 3
«С ВЯЩЕЮ СИЛОЮ В ПЕРСИИ ДЕЙСТВОВАТЬ...»

...До толикой славы купно и пользы возрасло российское оружие, что и далечайшыя народы протекции и защищения у нас требуют: прибегает о том бедная Иверия, просила и просит корона Персидская, горские же и мидские варвары, единым оружия нашего зрением устрашени, одни покорилися, другие разбежалися.

Феофан Прокопович

«Новозавоеванные провинции», год 1724-й

На рубеже нового 1724 года европейская пресса обсуждала перспективы российских действий в Персии и будущую войну с Турцией, тем более что Коллегия иностранных дел рассылала своим дипломатам за рубежом печатные известия о военных успехах в Иране[1]. Австрийский резидент в Стамбуле, по сведениям издававшейся в силезском Бреслау газеты, был уверен в том, что турки начнут войну, «дабы русских от дальних прогрессов на персицких границах удержать»; амстердамские «Куранты» сообщали о турецких вооружениях, гамбургский «Северный Меркуриус» и венский «Рейхспострейтер» были уверены, что «великий султан царю конечно войну объявит». «Лейпцигские куранты» информировали читателей об изменении планов Петербурга: «вместо того, чтоб намерено было войну в Персии всею силою распространять, ныне намерено тамо точию оборонительно действовать, а наибольшая сила против турок на Украине употреблена быть имеет»[2].

Однако длительные переговоры в Стамбуле и последующее заключение мира на какое-то время устранили опасность прямого военного столкновения двух империй. Россия получила необходимую паузу для закрепления

[1] См., например: РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. № 37. Ч. 1. Л. 6.

[2] Данные извлечены из переводов иностранных газет в Коллегии иностранных дел: АВПРИ. Ф. 11. Оп. 11/1. № 54. Л. 7–8 об., 16, 17, 26–26 об.

своего присутствия в бывших иранских владениях. Укрепленный Дербент и мощная крепость Святого Креста должны были обеспечить контроль над приморскими коммуникациями, а относительно спокойное принятие горскими князьями (хотя и не всеми) во главе с тарковским шамхалом российского подданства на первый взгляд облегчало задачу интеграции этих территорий в состав империи.

Поначалу как будто так и было – местные владетели стремились приспособиться к новой ситуации. Еще в апреле 1723 года владелец Эндери Айдемир дал аманатов; вместе с братьями он принес присягу на Коране, обещая «никакого воровства впредь людям, живущим в новопостроенной крепости, отнюдь не чинить, и лошадей и скоту не отгонять, и людей в полон не брать»[3].

Осенью того же года Петру «били челом» табасаранские кадий и майсум. Дербентцы при поддержке российских солдат отправились в поход на владения нападавшего на город и его окрестности уцмия Ахмед-хана. Первая такая экспедиция в сентябре разгромила деревню Митяги: «...со всех сторон зажгли и всю разорили», но на обратном пути в лесу выдержала тяжелый бой в лесу, в котором погибли 40 рядовых и капитан. Боевые потери вынудили Матюшкина даже запретить запланированный поход на другую деревню – Магерку. Потери противника учесть не смогли, поскольку горцы уносили своих убитых, а о погибших в самом селении «знать было им (русским участникам боя. – *И. К.*) не можно, понеже все были в ызбах и в погребах, в которые места метали гранаты»[4].

Следующий, декабрьский, поход, согласно донесению коменданта полковника Юнгера, оказался более удачным – победители не только «отогнали скотину» без ущерба для себя, но и привезли трофеи – «головы отрубленные, в том числе одна голова племянника усмеева»[5]. Ахмед-хан прислал российским властям письмо с просьбой «отпустить прошедшие вины», оправдываясь тем, что военные действия против дербентцев и русских вел не он, а его «противники из лезгинского народу» во главе с «чугутанским владельцем» Магдабеком и Гайдабеком Кубадашским[6]. Он обещал «вседушевную службу» с заверением, что «таких верных людей, как мы, не сыскивалось», после чего присягнул и дал аманатов[7].

Весной 1724 года вновь обратился к российским властям Сурхай-хан Казикумухский: в письме к Юнгеру он заявлял, что помирился с бакинским комендантом Барятинским и предпринял усилия для поимки Хаджи-Дауда,

[3] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723. № 8. Л. 30–30 об.
[4] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 63. Л. 775–776 об.
[5] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723. № 8. Л. 13 об.–14.
[6] Там же. Оп. 77/5. 1724. № 2. Л. 1.
[7] См.: Там же. Оп. 77/1. 1724. № 4. Л. 2, 7–8.

но тот вовремя «из оной провинции к туркам уходом ушел». Сам же он как человек миролюбивый отказался от совместного с уцмием и шамхалом похода «для розарения Генже» и приглашал в свои владения купцов из Дербента и Баку[8].

Эти обращения могли бы только радовать российские власти, однако ныне они происходили в несколько иных условиях, чем раньше. Прежнее, по сути номинальное, подданство практически ничем не связывало свободу того или иного владельца, включая его право на «опчее холопство» царю и шаху одновременно. Ныне же формальная присяга сопровождалась появлением в Дагестане и Ширване российских гарнизонов и крепостей, уже реально ограничивавших действия независимых прежде владетелей и к тому же налагавших на них определенные обязательства.

Порой даже в высшей степени «подданнические» инициативы ставили командование в трудное положение. Так, в 1723 году к российскому императору постоянно поступали просьбы о помощи от армянских патриархов Есаи и Нерсеса и меликов Карабаха[9]. В марте 1724-го «собрание армянского войска» просило коменданта Баку Барятинского занять Шемаху и оказать им поддержку против турок людьми и оружием; к нему же обращались жители Гянджи и изгнанный из Грузии Константин (Мухаммед Кули-хан), чтобы прислал русских солдат для защиты этого «ключа Персии»[10]. Тогда же отправленный царем в Карабах Иван Карапет умолял послать в город хотя бы тысячу или две солдат, «токмо б имя их было»[11].

Однако пойти на такой шаг было невозможно. В выданной 3 июня 1723 года грамоте армянскому народу царь лишь призвал уехавших ранее армян приезжать для «купечества» в новоприобретенные провинции, чтобы они, «если пожелают, во оных городех и в их уездех, где и прежде всего жилища свои имели, селились и жили и торги свои свободно и без всякого препятствия отправляли»[12]. Следующей весной Петр I не планировал активных действий в Закавказье: в Стамбуле шли тяжелые переговоры с турками; к тому же надо было дождаться ратификации шахом Петербургского договора 1723 года, для чего к нему были направлены резидент Борис Мещерский и знаток местных условий Семен Аврамов. К тому же в феврале 1724-го умер старый калмыцкий хан Аюка и надо было срочно организовывать выборы нового правителя, чтобы избежать

[8] См.: Там же. № 4. Л. 55–57.

[9] См.: Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Т. 2. Ч. 2. С. 26–31, 49–50, 68–69.

[10] См.: РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. № 37. Ч. 1. Л. 274–275 об., 294; Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Т. 2. Ч. 2. С. 103.

[11] См.: Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Т. 2. Ч. 2. С. 89.

[12] Цит. по: Там же. С. 36–38.

затяжных распрей в ханском семействе и «беспокойств» от кочевников в прикаспийских степях.

На землях, формально уже занятых, следовало прочно обосноваться. В апреле 1724 года Петр отправил сержанта гвардии Матвея Дубровина ускорить доставку строевого леса из Казани в Астрахань и далее в крепость Святого Креста, а также осмотреть готовность последней[13]. Гвардейский комиссар оказался расторопным, и уже в августе бригадир В. П. Шереметев докладывал в Кабинет Макарову из Астрахани о том, что на Сулак доставлено «бревен, брусьев и досток девять тысяч четыроста семдесят одно» и более пока не требуется[14]. «1. Крепость Святого Креста доделать по указу. 2. В Дербенте цитадель сделать к морю и гавань делать. 3. Гилянь уже овладена; надлежит Мозендарат также овладеть и укрепить, а в Астрабадской пристани ежели нужно сделать крепость и для того работных людей, которые определены на Куру, употребить в выше писанные дела. 4. Баку укрепить. 5. О Куре разведать, до которых мест мочно судами мелкими идтить, чтоб подлинно верно было…» – такую программу действий царь наметил 22 мая 1724 года в указе М. А. Матюшкину[15]. Неплюев в декабре просил императора не продвигаться далее «на восточной стороне Каспийского моря»[16]; однако Петр все же решил овладеть Астрабадом: этот город с его портом входил в число уступленных по договору 1723 года иранских провинций.

Однако далее на восток русские полки не двинулись. С лета 1723 года развернулось строительство главного российского форпоста на Кавказе – крепости Святого Креста. В январе 1724-го Г. С. Кропотов сообщил в Петербург Макарову о том, что надеется закончить строительство к осени, но только при условии наличия не менее пяти тысяч рабочих; в марте он рапортовал о постройке плотины на Сулаке (царь-инженер в 1723 году лично давал указания по ее сооружению[17]), после чего уровень воды в Аграхани поднялся и можно было снабжать крепость всем необходимым по воде с прибывавших из Астрахани судов[18]. Однако, несмотря на усилия военных властей, завершить строительство крепости Святого Креста в 1724 году так и не удалось. Спешка же повлекла за собой дефекты: военный инженер А. де Бриньи в декабре докладывал, что сооруженная плотина имеет «фундамент некрепкой» и не способна регулировать уровень воды,

[13] См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. № 17. Л. 46 об.

[14] Цит. по: *Шереметев П. С.* Указ. соч. Т. 1. С. 268.

[15] Цит. по: Приказы и инструкции императора Петра Великого генералу Матюшкину. С. 606. См. также: Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в. С. 52–53.

[16] РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. № 37. Ч. 1. Л. 49 об.

[17] См.: *Веселаго Ф. Ф.* Указ. соч. Ч. 1. С. 377–378.

[18] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 67. Л. 211–211 об. и далее.

поскольку «река течет сердито, с ылом, и никогда отпирать и запирать от наносов будет невозможно». Он же писал о неоконченном строительстве крепости еще в августе 1726 года[19].

Сенатские ведомости свидетельствуют, что на Кавказ из Центральной России перебрасывалась масса «воинских припасов», хозяйственных грузов, инструментов и строительных материалов: «для дела фортеций» отправлялись веревки, канаты, кожи, хомуты, гвозди, проволока, котлы, корыта, деготь, мешки, зубила, клещи, мотыги, кирки, ломы, пилы, топоры, буравы, листовое железо. Как уже говорилось, особая нужда имелась в строительном лесе «на бастионы под пушки» – добротных брусьях и досках, которых постоянно не хватало. Туда же направлялись тысячи пудов пороха, свинец для литья пуль, пушки, фитили, ядра, бомбы, картечь, сукна, холсты, портупеи и другие необходимые для обмундирования вещи, включая медные пуговицы и «козлиные штаны»[20]. В Астрахани для перевозки войск и грузов была к 1724 году создана флотилия, состоявшая из 104 парусных и 158 гребных судов; правда, большинство из них составляли «шлюпки» и лодки, негодные для серьезных морских путешествий и не приспособленные к плаванию в штормовую погоду[21].

К пушкам и ружьям требовались все новые «канониры» и «фузелеры» взамен умерших. По данным Военной коллегии, к июлю 1723 года на юг было отправлено 5947 рекрутов[22]. Пополнений хватало для возмещения убыли в строевых частях, но задуманное царем масштабное преобразование края требовало постоянных рабочих рук. Помимо ежегодно отправлявшихся на Кавказ донцов, Петр в августе 1723 года решил перевести на Сулак гребенских казаков; однако те царский указ саботировали и даже стали уходить за Кубань[23].

3 декабря 1723 года царь из своего «Зимнего дома» в Петербурге распорядился обеспечить будущие стройки рабочей силой. Новую крепость в Баку и город на Куре предстояло возводить мобилизованным рабочим «из подлых самых татар» – жителей Нижегородской, Казанской и Астраханской губерний. В апреле следующего года Петр указал включить в их число работников «из служилой мордвы и чюваши», не трогая ясачных плательщиков. 2500 человек из украинских «черкас» должны были возводить

[19] См.: Там же. Л. 263; Сборник РИО. Т. 56. С. 345–346.

[20] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. № 699. Л. 334–340; № 708. Л. 2–10.

[21] См.: О каспийской флотилии в 1724 г. // Морской сборник. 1853. Т. 9. С. 506–510.

[22] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. № 699. Л. 141–141 об.

[23] См.: Там же. Л. 344 об.; *Козлов С. А.* На кровоточащем рубеже России. Терско-Гребенское казачье войско в XVII – первой четверти XVIII в. // Военно-исторический журнал. 1994. № 9. С. 48–51; *он же.* Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII вв.). СПб., 2002. С. 58.

бастионы крепости Святого Креста и 2000 – строить дербентскую гавань[24]. (Согласно подготовленной смете, стоимость рабочей силы с доставкой и «кормовыми деньгами» в размере десяти алтын в месяц составляла 49 431 рубль[25].) В 1723 году последних повел лубенский полковник Андрей Маркович; в 1724-м – гадячский полковник Михаил Милорадович. Указы требовали отправлять ежегодно своим ходом через северокавказские степи по десять тысяч «черкас»; на деле выходило несколько меньше: за вычетом 57 умерших по дороге и 211 бежавших Милорадович привел в крепость Святого Креста 7024 человека[26]. Наконец, охрану новых поселений вместо гребенцов пришлось нести донским казакам: в феврале 1724 года царский указ повелел отправить с Дона «с пожитками и скотиной сухим путем» 500 семей на Аграхань и другие 500 на Терек; в итоге всех новопришедших расселили по Аграхани и Сулаку[27].

Первоначально присутствие русских за Тереком как будто не вызывало осложнений, и Кропотов в марте 1724 года доложил, что нападений на его подчиненных нет и отношения с местным населением «благополучно состоят». Более того, присутствие войск оказалось для жителей небезвыгодным. В числе прочих дел Кропотов писал Макарову и о том, что войсковой гевалдигер (офицер, отвечавший за соблюдение порядка в расположении войск. – *И. К.*) Сомов требовал от солдат покупать съестные припасы только у «маркитентеров», а не у продающих их дешевле «татар», так что командиру пришлось вмешаться в конфликт и открыть неподконтрольный гевалдигеру рынок для ногайцев и кумыков[28].

Однако уже вскоре военно-колонизационная активность вызвала беспокойство главного союзника – шамхала, тем более что его претензии на руководящую роль в Дагестане под номинальной властью российского государя не реализовались. Весной 1724 года Адиль-Гирей жаловался на Кропотова, который стремился подчинить местных ногайцев и не помогал шамхалу, рассчитывавшему, что «здешние бояря и городы мне были послушны», для чего «от других отпал и к стопам вашего императорского величества припал в такой надежде, что все народы здешние у меня судимы будут». Но указанные «бояря» подчиняться шамхалу не спешили и, по его утверждению, требовали от него жалованье, каковое он и просил выдать ему из бакинских доходов[29].

---

[24] См.: Бумаги императора Петра I. С. 525–526.

[25] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. №708. Л. 11 об.–12, 14 об.

[26] См.: Там же. Л. 64–65, 74 об.–75, 151 об.–152.

[27] См.: Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 1. С. 308; *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества. С. 59.

[28] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 67. Л. 256–257.

[29] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1724. № 4. Л. 69–69 об.

Требуемого Адиль-Гирей не получил – в отличие от более надежного дербентского наиба Имам Кули-бека: из «астраханских доходов» последнему выдали тысячу рублей, еще тысячу заплатили дербентским «начальным людям» и 600 рублей – солдатам[30]. Шамхал все же не стал реальным правителем в российской «порции» бывших иранских владений: царская жалованная грамота от 21 сентября 1722 года провозглашала его «по-прежнему над дагистанцы шамхалом» и предоставляла «по чину его над дагистанцы подчиненными ему правление свободно иметь и всякие дела по достоинству исправлять». Однако из занятых территорий шамхалу был предоставлен только Утемыш – владение непокорного Махмуда. А кочевавших вокруг крепости Святого Креста ногайцев сам царь в сентябре 1723 года велел Матюшкину принять «в нашу службу», поскольку они обеспечивали снабжение гарнизона мясом и рыбой[31].

Шамхал решил действовать самостоятельно. Имам Кули-бек в июне 1724 года сообщал Матюшкину: Адиль-Гирей и уцмий Ахмед-хан отправились в поход на Шемаху, разоряли окрестные деревни, отгоняли скот, вымогали деньги и якобы заявляли при этом, что «они такое дело чинят по его императорского величества указу»[32]. Сам шамхал в беседе с отправленным к нему из Баку переводчиком-татарином Китаем Режеповым признал, что действовал без указа, желая взять город «для его императорского величества, а туркам де в Шемахе быть не для чего и дела им до Шемахи нет». Грабежи закончились, как только шемахинцы согласились принять «наипами» сыновей шамхала и уцмия[33].

Такая самодеятельность новых подданных не могла обрадовать русское командование, тем более что Шемаха по русско-турецкому договору 1724 года должна была принадлежать Хаджи-Дауду и относилась к турецкой сфере влияния. Однако прекратить подобные действия российские генералы не имели возможности. Главный идеолог петровской монархии Феофан Прокопович в своей проповеди 1725 года заявлял, что «горские и мидские варвары единым оружия нашего зрением устрашени, одни покорилися, другие разбежалися», но информированные люди знали, что это далеко не так.

Когда Адиль-Гирей решил выступить против русских, сказать трудно. Н. Д. Чекулаев полагает, что это произошло уже в апреле 1724 года[34]; од-

---

[30] См.: Там же. Оп. 77/5. 1724. № 2. Л. 40.

[31] См.: Приказы и инструкции императора Петра Великого генералу Матюшкину. С. 604.

[32] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1724. № 4. Л. 190 об.

[33] См.: Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.: Документы и материалы. С. 294.

[34] См.: *Чекулаев Н. Д.* Разрыв шамхала Адиль-Гирея с русскими властями, его причины и последствия. С. 31.

нако его утверждение о причастности шамхала к нападению на посланных к шаху российских дипломатов Б. Мещерского и С. Аврамова некорректно, поскольку они ехали из Решта в Ардебиль и во владения шамхала не вступали; неизвестна и степень воздействия на шамхала турок. Однако взаимное недовольство достигло такой степени, что в октябре 1724 года указ Коллегии иностранных дел предписал Кропотову шамхала «каким-нибудь способом поимать, и держать ево в крепости Святого Креста за крепким присмотром в аресте до тех мест, пока возможно будет оного водою в Астрахань переслать». Для успокоения подданных Адиль-Гирея надлежало объявить, что он «за его великую неверность взят и что в прочем оной народ по-прежнему в милостивой его императорского величества протекции содержан будет, и другой шефкал на его место из их народов немедленно взять определится», и ни в коем случае «пожитков де ево, шафкаловых, ни градских жителей отнюдь не касаться»[35].

Выполнить поручение оказалось не так-то просто. Генерал послал в Тарки своего флигель-адъютанта с приглашением шамхала на совет. Но Адиль-Гирей объяснил посланцу, что ему «в крепость Святого Креста ехать невозможно, войско де ево и тавлинцы все в собрании и пишут к нему, чтобы он к ним выехал сего ноября 23 дня, а ежели де не выедет, то хотят отложитца и итти в Шемаху, а ис Шемахи в Баку, в Дербень и на крепость Святого Креста войною, а он де не допуская их к тому намерению, как верной слуга его величества, хочет ехать с ними в Шемаху, которую хочет привести под руку его величества». На уговоры явиться для получения грамоты императора, в которой якобы «милостиво вас его величество похваляет и признавает в горах первым и поверенным человеком, и повелено с тобою во всем советовать и чинить обще, а без совету вашева ничево делать не повелено», шамхал поддался – но только с условием встретиться с генералом «на половине дороги от Тарков к урочищу Дурвасу».

Для переговоров тарковский владелец прислал своего визиря Имамверди и советника Аджи Будая, перед которыми Кропотову пришлось разыграть спектакль с предъявлением подложной царской грамоты и «учинением» присяги в том, что «шемхалу задержания не будет», которой, по мнению генерала, гости поверили и обещались, дабы шемхала к тому весма привлечь». Однако и на этот раз шамхал не поехал, передав, что его подданные самовольно «намерены быть войною на донские новостроящияся казачьи городки, а буде тое ночи не будет, то на другой день к ночи всеконечно будут быть, а на крепость Святого Креста поидут ли, или нет, о том якобы не известен». Русскому командованию пришлось

[35] Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сборник документов. С. 53.

срочно отправить на помощь поселенцам отряд драгун, но горцы так и не появились. А сам Адиль-Гирей, по сведениям «куртумкалинского князя Мурзы Амилатова сына», отправился на встречу с уцмием, «а какая у них дума, того не ведает».

Игра в кошки-мышки оказалась безрезультатной. Кропотов должен был признать: «...буде по тем моим призывом реченной шемхал сюда не прибудет, то другими способами доставать ево, не толико бы з детми и одного, будет весьма трудно, ибо ежели с ним поступат по силе вышеизображенного, присланного ко мне из государственной Иностранных дел коллегии и его императорского величества указу, чтоб вызвать ево в которое место под претекстом для каких дел, то он малолюдством никогда не поедет, к тому ж у него везде есть кораулы и розъезды и, ежели хотя малые покажутца наши люди, то от них зажигают маяки во всех местах и многие их народы збираютца в одно место, которых может одним часом до десяти тысеч или более собратца, к тому ж нынче имеется известие, что их горских народов лезгинцов, тавлинцов, кумык и протчих есть в собрании восемдесят тысеч и оное от него, шамхала, посыланному от меня адъютанту объявлено, с которого ево объявления при сем покорне приложенною копиею объявлено, и за таким случаем никоими делами поимать ево на дороге не возможно, а буде следовать к нему в Тарки для того, чтоб ево там и з детми поимать и того весма учинить не можно, понеже в команде моей весма малолюдно»[36].

В декабре 1724 года в его распоряжении имелись лишь четыре тысячи «регулярных» войск (при 756 больных). Боевой генерал, похоже, даже пал духом, жаловался на отсутствие толковых штаб-офицеров и просил у Макарова отозвать его по причине «тяшкой каменной болезни»[37]. Кропотов отказался выполнить приказ командующего об отправке части находящихся в его распоряжении войск в Гилян. 20 декабря он доложил, что подданные Адиль-Гирея «непрестанно и едва не по вся дни и ночи нападают на новопоселенных донских козаков городки и как у них, так и у малоросийских козаков лошедей отгоняют и людей ранят, до смерти побивают и в полон берут»: «... а они от себя отпору дать не могут, для того что из донских сюда прибыло настоящих козаков весма немного, а протчие являютца помещичьи беглые, которые к военному делу весма незаобыкновенны, а козаков черкас сколько сюда прибыло с ружьем и без ружья, оному покорне при сем приобщаю ведомость, а прибывшие люди весма самые плохие, между которыми есть малолетные и престарелые, а действительных козаков очень не довольно... и от помянутых неприятельских непрестанных нападеней в

[36] Цит. по: *Шереметев П. С.* Указ. соч. Т. 1. С. 282–288.
[37] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 72. Л. 164–166.

разные месяца и числа перестрелено и отогнато лошадей у донских 822, у молоросийских 394, всего 1216, да и впредь от непрестанных их набегов спокойства всегда быть не надеюсь, ибо ныне уже нисколько тысеч в лесу приуготовленных фашин и колья позжено, и, ежели приходящую весною 1725-го году пехотные три баталиона отсюда в Гилянь взяты будут, всепокорне прошу, дабы указом его императорского величества повелено было сюда в прибавок прислать к весне регулярных две тысечи, без которых здесь, за объявленным от неприятельских людей неспокойством, никоими делы обойтись не возможно и за малолюдством не толико бы полевой отпор чинить, но и гварнизоны содержат будет неким»[38]. У драгун имелось лишь 434 «годных» лошади, а у казаков – 858.

Кропотов беспокоился не зря, хотя и преувеличивал военные возможности противника. Его уже не раз предупреждали о враждебной позиции шамхала. Так, в декабре уздени аксайского владельца Султан-Магмута объявили, что нападения на русских устроил сын шамхальского советника Аджи-Будая и во время одной из стычек погиб в бою; мстить за него отправился сын шамхала Казбулат, чьи люди убили 16 казаков. «Адел-Гирей вам неприятел, не изволте ему ни в чем верить, и что он к вам пишет, то все вас обманывает», – уверял в начале января «костековский князь» Руслан-бек[39].

В Гиляне ситуация была еще более напряженной. 30 января 1724 года Левашов докладывал царю, что прошедшее «тяшкое лето» унесло жизни многих солдат, и к ноябрю 1723-го у него осталось только 600 здоровых бойцов. Командир приказал подчиненным, чтобы «изнеможение наше сколко возможно от персиян таили, а умерших по ночам хоронили» – следы русского кладбища близ крепости были видны больше столетия спустя[40]. Купечество как будто стало «умножатца», в Решт прибыли караваны из Вавилона и Тебриза с тремя тысячами вьюков разных товаров. Русские власти нашли с торговцами общий язык и с помощью их «извозчиков» даже перевезли в город провиант из Перибазара. Прибывшие купцы во главе с рештским даругой (чиновником, ответственным за сбор налогов) пожелали осмотреть российские корабли. Левашов устроил им экскурсию с «ласковым приемством» и последующим банкетом, во время которого гости «веселились и были шумны и силны зело»[41].

Однако рештский визирь Мамед Али-бек (или, по другим документам, Мухаммед Али) и кескерский Мир Азис заняли по отношению к «союзни-

[38] Цит. по: *Шереметев П. С.* Указ. соч. Т. 1. С. 290–292.

[39] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 72. Л. 167, 172.

[40] См.: *Мельгунов Г.* Записки о южном береге Каспийского моря // Записки Академии наук. 1863. Т. 3. Кн. 2. С. 212.

[41] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 67. Л. 402, 410 об.

кам» недружественную позицию. В окрестностях занятого русскими Решта местные «воинские собрания» строили укрепления и захватили команду и пассажиров выброшенного бурей на берег русского эверса. Понимая, что бездействие будет воспринято как признак слабости, Левашов вывел отряд в 300 человек и лихой атакой захватил «шанцы» на берегу Энзелийского залива, взяв в плен защищавшего их Делевар-бека и два десятка его людей. Демонстрация силы имела успех: персияне сразу же освободили пленных и отправили их в Решт в «парчовых халатах». Тем временем подошли подкрепления из Астрахани, и в начале 1724 года Левашов располагал 3226 солдатами и офицерами (из них 882 больных); кроме того, на русской службе появилась конная армянская команда из 50 человек[42].

Ситуация еще более обострилась, когда царь приказал бригадиру обнародовать заключенный с Измаил-беком договор и «объявить тем провинциям, что они уступлены; того ради во имя Господне вступай рядом во все дела, и ежели станут говорить, чтоб подождать, пока шах ратификовать будет, не слушать, но приниматься за полное правление как следует, а кто противиться будет, силою поступать с разсуждением по делу и времяни смотря».

Левашову предписывалось «власть и правление визирское взять на себя... визирю объявить, что ему и его служителям уже делать нечего, того ради чтоб он ехал куда похочет и с добрым манером его отправишь; буде же скажет, что он не смеет ехать без указу шахова, то его силою не высылать, только б ни во что не вступался, и ничего не делал; также и квартиру свою визирскую уступил вам, а ежели что станешь противное делать, тогда его выслать». В том же указе царь требовал немедленно отправить посольство к шаху для ратификации договора и наладить сбор налогов; наметил программу освоения природных ресурсов Гиляна, «где что родится», в том числе селитры, меди и свинца. В отношении других уступленных, но еще не занятых русскими войсками территорий Петр был более осторожен – распорядился «к весне тебе обстоятельно к нам отписать, какие места и провинции своими людьми содержать и управлять можешь».

Другим предназначенным для всеобщего известия указом бригадир назначался «верховным нашим управителем в Гиляне и над всеми по обеим сторонам лежащими провинциями, кроме Дербента, Баки и Астрабада» с теми же полномочиями, «как прежние от шахова величества тамо бывшие управители управляли и чинили»[43].

---

[42] См.: Там же. Л. 396–400, 402–403.

[43] Цит. по: Письма и указы государей... Василью Яковлевичу Левашову. С. 19–25; См. также: ПСЗРИ. Т. 7. № 4301 (инструкция Левашову от 16 сентября 1723 года).

В базарный день 23 февраля 1724 года новый «управитель» объявил полученные им повеления вместе с увещевательными «письмами» посла Измаил-бека новым царским подданным; по окрестным селениям их разносили гонцы-армяне. Реакция оказалась неутешительной: гилянская верхушка, по мнению Левашова, была возмущена «лишением лакомств», но оказалась «разномысленной»; тем не менее «военные собрания» вокруг Решта умножились, «дороги заступили и на реках крепости построили и всякими мерами народ развращают и стращают».

Располагавший четырехтысячным гарнизоном бригадир решил не дожидаться объединения «бунтовщиков». Отряд полковника Шипова разогнал их «партию» на реке Пасахани. Вслед за тем Левашов сумел договориться с кескерским визирем – отряд под командованием майора В. Нейбуша без боя занял находившийся в 45 верстах от Решта Кескер, а затем разгромил противника под этим городом: 26 человек было «побито», а в качестве трофеев русским достались 13 пушек, 13 лошадей, брошенные пищали, порох и сабли. На Кескерской дороге от Энзелийского залива была возведена новая крепость, получившая название Екатеринполь. В июле подполковник Капрев во главе отряда в 700 человек после удачного боя занял селение Куч-Испогань и город Лагиджан[44].

Однако на этом успехи закончились. В июне Левашов признал: «ребелизанты» в бою уступают войскам, но дальнейшее «разширение» российских владений на южном берегу Каспия невозможно. Для дальних экспедиций возможностей не было, а жаркое лето и «нездоровый воздух» подрывали силы войск гораздо больше, чем мизерные боевые потери. 16 июля 1724 года у Левашова из 4706 солдат и офицеров 1270 были больны, а согласно рапорту от 16 сентября, на 1603 здоровых приходилось уже 2264 больных. За два месяца от болезней умерло 853 человека[45].

Результаты военных действий 1722–1723 годов так и не получили дипломатического завершения. В апреле 1724-го прибывшие в Решт «резидент» унтер-лейтенант флота Борис Мещерский и Семен Аврамов отправились к шаху. Дипломатический вояж превратился в серьезное испытание. Уже по дороге посольскому конвою пришлось выдержать настоящее сражение с четырьмя сотнями повстанцев на переправе у местечка Кесма. В качестве извинений рештский визирь объявил: «Ребята де играли, не изволь гневатца, мы де, сыскав их, жестоко накажем».

Затем послы в течение месяца вели безуспешные переговоры в Ардебиле. Тахмасп в беседе с ними уважительно называл Петра I «дядей», однако расчет царя на уступчивость находившегося в безвыходном

[44] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 67. Л. 417–421, 426, 454–455.

[45] См.: Там же. Л. 454, 470.

положении непризнанного шаха-изгнанника не оправдался. Эхтима-девлет и другие министры заявили, что Измаил-бек не имел полномочий на заключение подобного договора, и категорически «отреклись» от его ратификации. «На предложения наши такие дают ответы аки люди умалишенные», – докладывал Мещерский Левашову. К шаху же, которого его слуги «повседневно спаивают», ему пробиться так и не удалось. Ничего не добившись, 24 мая посланцы с трудом выбрались из Ардебиля. Едва они отъехали от города, как их нагнали шахские «приставы» и стали пугать окрестными разбойниками; и «по отъезде их несколька минут спустя, человек с 40 или болше ширванцов конных наскакали и кричали, чтоб они без мучения головы дали себе отсечь». Дипломаты и их охрана четыре часа отстреливались от нападавших и в конце концов пробились; но и далее в нескольких «узких местах» на дороге в них не только стреляли, но и «с гор каменья великие пущали»[46]. Прибывший в июне в Решт с почетом и закупленным в России товаром Измаил-бек ехать к своему государю категорически отказался, предпочитая оставаться на содержании под русской охраной.

Повстанцы стали преследовать тех, кто сотрудничал с русскими, а увещаниям российских властей противопоставляли свои воззвания. 5 июня 1724 года в Решт явился с отрезанным ухом купец Дарбыш Мамес и рассказал, что в двадцати верстах от города в деревне Белесабан был «принародно» избит, ограблен и едва избежал казни. Он и доставил такую «бунтовскую» прокламацию, переведенную на русский язык в канцелярии Левашова: «Старшие и редовые рященские и фуминские и кучеиспоганские. Ведайте вы, которые люди исполняют бригадира бека прихоти и ему служат и в деревнях к старостам ради объявления кто пойдет, и тому кара такая»[47].

В сентябре Левашов вынужден был доложить, что «весьма все провинции и деревни бунтуют, и при них все дороги засекли, и приезд всем пресекли, и во многих местах собрание умножаетца». В ответ начались репрессии. Русские «партии» стали расправляться с пленными. «...некоторые повешены, а некоторые четвертованы, а иные на колья посажены и в розных местах несколько дворов бунтовщичьих созжено и разорено, в которых в стенах бойницы поделаны», – докладывал генерал Петру 5 октября 1724 года. Тем не менее, «кумуникации от Ряща до Перебазара и до новой крепости и от Катеринполя до Кескера с нуждою и з боем со-

[46] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1724. № 4. Л. 197, 206–207. Выписку из путевого журнала послов см.: Там же. № 12 а. Л. 1–10.

[47] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 67. Л. 436–436 об.

держатца», а подчиненные Левашова могут передвигаться по гилянским дорогам только отрядами не меньше ста человек[48].

В рапорте Матюшкину российский управитель признавал: «...домы свои оставя, <местные жители> в леса уходят, но и натуры здешних мест, рвы и коналы и беспутные уские дороги в том им помогают, а полкам беглецов сыскать невозможно. И зима по здешним теплым краям быть им в лесах не возбраняет – не так, как в других краях стужа из лесов выгоняет». «А особливо, по многим резоном как видно, под высокою державою его императорского величества быть весьма не желают и в том намерены состоять», – делал он неутешительный вывод[49].

На 1 октября 1724 года командующий располагал 13 515 здоровыми и 4651 больным солдатами и офицерами; количество выбывших из строя не восполнялось прибывшими 2800 новобранцами[50]. С началом осенних штормов доставить подкрепление стало невозможно. Выступления же против русских начались и в других местах. 2 октября только что вернувшийся из Москвы в Астрахань Матюшкин доложил о трагедии, случившейся на Куре с высадившейся там командой из шестисот солдат и офицеров подполковника Зембулатова: 31 августа «наип сальянской из оных, зазвав к себе в гости реченного подполковника Зембулатова и с ним были капитан и два порутчика и подпорутчик, кондуктор да 15 человек салдат, которых всех порубили, потом напали на лагирь, где стояли салдаты против ево наипова двора на другой стороне Куры реки; и был бой, и видя их сильное неприятельское нападение, убравши из лагора на бусы, отошли от них отводом» и ушли в Баку[51]. Сразу же после убийства русских офицеров и солдат в Сальяны вступил отряд, направленный Тахмаспом. Лазутчики, посланные бакинским комендантом в Сальяны, по возвращении сообщили, что шахские войска численностью в четыре тысячи человек под командованием бывшего дербентского султана Алхаса прибыли в город. Они слышали, что шах собирается отправить на помощь бакинскому Дергах Кули-беку отряд из пятисот человек во главе с сальянским наибом. Наиб Гуссейн-бек послал своих людей «засесть у нефтяных колодезей», чтоб не допустить туда русских.

Волнения начались и в городе. «Изменником» оказался выступивший в прошлом году за сдачу Баку русским юзбаши Дергах Кули-бек, который ранее разоблачил действия бывшего бакинского султана, ведшего переписку с Хаджи-Даудом. Полковник Остафьев, в сентябре 1724 года сменивший

[48] См.: Там же. Л. 468–468 об.; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1724. № 6. Л. 4; № 4. Л. 265.
[49] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1724. № 4. Л. 222 об–223.
[50] См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 4. Л. 23 об.–24.
[51] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1724. № 4. Л. 218 об.–219.

на посту бакинского коменданта бригадира Барятинского, сообщил, что Дергах Кули-бек 4 сентября тайно послал своего слугу в Баку – передать жителям, чтобы те покинули город семьями. В тот же день к Остафьеву пришли местные жители Гаджи Селим и Селим-хан, которые сообщили, что Дергах Кули прислал за людьми из-за «случившегося в Сальяне несчастья». Сам же Дергах Кули-бек 5 сентября писал Остафьеву, что он выехал из города по своим делам, а узнав о случившемся в Сальянах, решил, что его могут заподозрить в сговоре с сальянским наибом. Полковник Остафьев арестовал в Баку четырех офицеров-юзбаши, 258 служивых и торговых людей, подозреваемых в подготовке антирусского выступления. Недовольство бакинской знати было связано с ограничением их прав при комендантском управлении, а также с приказом отдать нефтяные колодцы на откуп в пользу русской казны (раньше местные правители значительную часть этих доходов оставляли себе)[52].

Матюшкин дал полковнику Остафьеву указание: всех арестованных бакинцев, кроме индийских купцов, допросить «об умыслах их и из оных для страху над винными чинить экзекуцию, а дворы и пожитки переписав, запечатать, и старатца ево юзбашу Дергах Кули-бека самого поймать». Султанство в Баку было временно упразднено, и власть в городе и окрестных селениях полностью сосредоточилась в руках коменданта. Участник Персидского похода и взятия Баку майор Иоганн Гербер в своем описании новых российских провинций указал: «...в следующем 1724 году открылася конспирация сего Дерла Гули беки (Дергах Кули-бека. – *И. К.*), которой с Хаджи-Даудом согласился, чтоб ему к тому назначенному дню несколько войска из Шемахи к Баке прислать, которого помощию и с своими подчиненными кызылбашами он российский гарнизон вырубить хотел и с городом под турецкую власть поддаться. Как сие открылось, то он с тремя главнейшими спасся и в Шемаху уехал»[53]. Русский же гарнизон Баку страдал от отсутствия «конских кормов» и дров, используя в качестве топлива нефть.

Жители стали покидать город, «забрав жен и детей». Чем именно было вызвано возмущение, сказать трудно. Возможно, ему способствовали высылка в Астрахань бывшего султана и произведенное по указанию царя (данному в резолюциях на доклад М. А. Матюшкина от 29 мая 1724 года) сокращение числа бакинских «служивых людей» из местных «обывателей» с 300 до 100 человек и урезание их жалованья[54]. Петр распорядился

[52] См.: *Мустафазаде Т. Т.* Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. С. 149–150.

[53] Цит. по: История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архивные материалы. С. 98.

[54] См.: Приказы и инструкции императора Петра Великого генералу Матюшкину. С. 608–609.

отправить бывшего султана на каторгу «в Рогорверк», то есть Рогервик (не в «Рогочевск», как ошибочно указано в публикации документа)[55]. Комендант, полковник Остафьев, принял решительные меры: 262 человека были «забраны под караул», и командующий приказал «из оных для страху над иными чинить экзекуцию, а дворы их и во оных пожитки, переписав, запечатать». Даже в лояльном Дербенте было неспокойно: армянский епископ Мартирос объявил Юнгеру, что, по его сведениям, уцмий, шамхал и Сурхай-хан договорились с наибом «собратца и вырубить руских и армян»; к счастью, эта информация не подтвердилась[56].

Тревожной оставалась и международная обстановка. Заключенный в Стамбуле договор обеспечил признание турками российских приобретений в Закавказье, но, в свою очередь, активизировал их стремление утвердиться в бывших иранских владениях. После провала попытки захватить Гянджой летом 1723 года новое наступление оказалось более удачным: в мае 1724 года турецкая армия вошла в город Хой в Южном Азербайджане, а в июне захватила упорно сопротивлявшийся Ереван. Правда, под Тебризом она потерпела поражение, но к осени все же заняла Нахичевань, Ордубад и область Борчалы.

Вахтанг VI окончательно проиграл борьбу за свое царство и вынужден был просить Петра предоставить ему убежище. 15 мая 1724 года император разрешил ему «ретироваться» в Россию. Кропотов начал «спасательную» операцию: посланная из крепости Святого Креста команда полковника Андрея Лицкина встретила покинувшего Грузию царя 17 августа «при терских вершинах близ снежных гор» Малой Кабарды. Свиту Вахтанга составляли 1185 человек: его семья, шесть епископов, 14 архимандритов, монахи, грузинские «бояре» и «шляхетство» и их слуги[57]. Первоначально Петр как будто желал оставить Вахтанга в Эндери[58] – очевидно, для привлечения под его знамена других выходцев из Армении и Грузии, но затем все же решил вовсе убрать его с Кавказа.

Ситуация в «новозавоеванных провинциях» и вокруг них стала предметом обсуждения в Петербурге. Как свидетельствуют бумаги Коллегии иностранных дел, Петр совещался с министрами Г. И. Головкиным и П. А. Толстым 11 октября в Шлиссельбурге. В результате было решено:

---

[55] См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. № 17. Л. 60; Приказы и инструкции императора Петра Великого генералу Матюшкину. С. 608.

[56] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 67. Л. 644–645 об; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 4. Л. 19–21.

[57] См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. № 17. Л. 54 об.–55; Отд. II. № 67. Л. 244.

[58] Указ Петра I Кропотову от 24 сентября 1724 года см.: Там же. Ф. 9. Оп. 1. № 17. Л. 84 об.

войск на Кавказе «прибавить», пожаловать посла Измаил-бека двумятысячами рублей, неверного шамхала «искусными и пристойными способы поимать», а к шаху больше не обращаться, чтобы он не потребовал от России помощи против турок и завоевателей-афганцев. На Тахмаспа теперь должны были воздействовать царь Вахтанг и Измаил-бек, чтобы склонить упрямца к принятию договора 1723 года и прибытию в расположение российских войск[59]. Петр как будто рассчитывал на приезд шаха, о чем писал 14 октября Матюшкину[60].

Однако поданное (без подписи) 18 октября мнение предлагало Левашову вновь отправить посланца к шаху с объяснением «дружеского и доброжелательного радения» российского императора о его интересах и обещанием, в случае ратификации договора, «восставить» его на престоле; в случае же неудачи предстояло договариваться с турками «об уставлении персицкого государства потребных мерах». Еще одно заседание «тайного совета» в самой Коллегии иностранных дел состоялось 13 ноября – его итогом стали указы Кропотову о строительстве крепости и действиях по отношению к горцам. Судя по сохранившимся известиям, единства в оценке ситуации не было, однако об отступлении из Ирана никто не мыслил: на обоих совещаниях речь шла о «поимании» шамхала и «умножении войск», прежде всего за счет иррегулярных частей[61].

20 ноября канцлер империи Г. И. Головкин обратился с официальным письмом к эхтима-девлету Тахмаспа, в котором пенял коллеге за прием российского посольства «с великим ругательством» и заверял, что договор с турками заключен в интересах самого Ирана и предусматривает «восстановление Персидского государства» и российскую «медиацию» в отношениях со Стамбулом. Если же шах опять неблагоразумно отвергнет сотрудничество – русские и турки станут «поступать соединено…»[62]

Петр был явно обеспокоен осложнением ситуации в Дагестане, Азербайджане и Гиляне и в указе от 22 октября сделал выговор Матюшкину, который не спешил выехать из Астрахани к войскам и испрашивал дополнительные инструкции: «Для чего ты в Астрахани задержался, но к великому удивлению сие слово “до указу нашего”! И что для отправления задержался – то делом, а что до указу, не знаем как разсудить. Какой тебе более указ надобно, ибо на все имел полную инструкцию, также велено делать по тамошним конъюкторам смотря, а ехать самому велено, и ежели пропустишь зиму, ответ дашь, а что замешание там сделалось, то

[59] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1724. № 12. Л. 5 об.–6; РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. № 37. Ч. 2. Л. 229 об.–230.

[60] См.: РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. № 37. Ч. 2. Л. 241.

[61] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1724. № 12. Л. 1–3.

[62] См.: РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. № 37. Ч. 2. Л. 344–345.

оттого, что Мещерского выслали, и опасаться гораздо нечего, ибо у шаха людей нет, как Мещерский сказывал, также и прежде сего ведали о том подлинно».

Еще больше, чем гилянские «замешения», царя волновала «измена» в Баку. Он вновь приказал генералу «бакинских жителей выслать в Астрахань и оттоль сюда, оставя там сколько потребно, ежели без оных пробыть нельзя. И смотреть над женами и детми, чтоб не ушли, а когда сие будет крепко, мужи жен и детей не покинут. На дербентцев также смотреть крепко надобно, и ежели кто явится в подозрении – велеть казнить, буде же замешение какое будет, или общее зло во всех или большой части – увидя то, учинить с ними тако ж, как о бакинцах писано, впрочем как всегда писали, так и ныне чинить по тамошним конъюктурам, понеже дальность описки не терпит, а что надобно какой прибавки о том немедленно писать»[63].

Выбывших в результате таких мер «персов» царь рассчитывал заменить более лояльными подданными-христианами. На эту роль больше всего подходили армяне и грузины, земли которых подверглись турецкому нашествию и которым Петр при всем желании иным способом помочь не мог, не рискуя непрочным миром с Турцией. Грамота императора армянскому народу от 10 ноября 1724 года была дана в ответ на «прошение» прибывшей накануне в Петербург депутации армян «карабахской и капанской провинций»: «...дабы мы вас с домами и фамилиями вашими в высокую нашу императорскую протекцию приияли и для жилища и свободного вашего впредь пребывания в новополученных наших персидцких провинциях, по Каспийскому морю лежащих, удобные места отвесть повелели, где б вы спокойно пребывать и хриспанскую свою веру без препятия по закону своему отправлять могли». Грамота предписывала российским властям на Кавказе переселенцам «с домами и фамилиями в новоприобретенных персицких провинциях для поселения удобные места отвесть и в протекции <их>содержать»[64]. Матюшкину же надлежало как можно скорее доставить армянских посланцев с царской грамотой на родину.

Кроме того, грамота на Дон от 2 декабря 1724 года требовала дополнительно отправить в Гилян две тысячи казаков (в октябре донцам уже было приказано выставить в крепость Святого Креста тысячу казаков и 500 калмыков); правда, Военная коллегия считала это количество недостаточным[65]. Поначалу радовавшая Петра картина преображения прикаспий-

---

[63] РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. № 17. Л. 88об.–89; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1724. № 3. Л. 2–2 об.

[64] Цит. по: *Эзов Г. А.* Указ. соч. С. 392.

[65] См.: Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 1. С. 318–319.

ских владений и превращения их в новый центр «азиатской» коммерции становилась призрачной.

«В полное владение и состояние привести трудно»

Подгоняемый царским указом командующий Низовым корпусом генерал-лейтенант и гвардии майор Михаил Афанасьевич Матюшкин отправился вместе с капитаном Федором Соймоновым из Астрахани по бурному Каспийскому морю 10 ноября 1724 года. Отважный воин, генерал, по наблюдениям его спутника, испытывал сильный «страх от морской езды» и потому приказал кораблям идти вблизи берега. Вопреки опасениям плавание прошло успешно: в Дербенте Матюшкин отдохнул, осмотрел собранный в «новозаведенных садах» шафран и оценил изготовленное присланными из Венгрии «винными мастерами» из местного сырья вино, которое оказалось заметно лучше обычного кавказского «чихиря». Остальные новости были менее приятными. В Баку командующий узнал об отступлении отряда Зембулатова из Сальян и гибели его командира – и решил «приготовления к строению города» на Куре отложить «до другого удобного времени»[66].

24 декабря Матюшкин вместе с привезенным пополнением прибыл в Решт, осмотрел находившиеся там войска и сообщил их командиру Левашову о произведении его в генерал-майоры. Но скоро прямо в столице провинции развернулись боевые действия: 6 января повстанцы атаковали укрепленный русскими караван-сарай и построенную ими «Новую крепость» на Казвинской дороге (она находилась к западу от Решта за рекой Гургевер[67]). Залп гранатами из мортир разогнал неприятельскую конницу, а батальон солдат и три роты драгун опрокинули в панике отступившую пехоту. Через три дня состоялся второй «приступ», а за ним и последующие[68]. Все они были отражены легко, так что командиры не отряжали для «отогнания» неприятеля больше двух рот, но повсеместные волнения практически парализовали управление провинцией и сбор налогов.

Ознакомившись с ситуацией на месте, Матюшкин вынужден был доложить императору, что его планы по освоению приобретенных территорий нереальны. Его донесение от 19 января 1725 года приводится ниже полностью как известный итог Персидского похода и последующих усилий российской политики в «новозавоеванных провинциях»: «Всепокорне

[66] *Соймонов Ф. И.* Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний яко часть истории государя императора Петра Великого. СПб., 1763. С. 182–186.

[67] См.: *Мельгунов Г.* Записки о южном береге Каспийского моря. С. 212–213.

[68] *Соймонов Ф. И.* Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний яко часть истории государя императора Петра Великого. С. 199.

вашему императорскому величеству рабски доношу. Будучи от Астрахани в назначенной мне путь, заезжал я в Дербень, в котором все благополучно, и по указу вашего императорского величества крепость приказал я делать; а гавен делают, и на дело оной берут с босурманских могил каменья. И зделано от зюйдовой стороны семдесят четыре сажени, глубины полдвенатцати фута; от нордовой тритцать сажен, глубины полсема фута. Токмо прошедшею осенью великим и силным штормом попортило на зюйдовой стороне пять сажен, на нордовой пятнатцеть сажен, и каменья длиною десяти футов шириною четырех футов брасало от того места, где лежали, сажен по осми и по девяти.

Тако ж был я и в Баке, в которой как салдаты, так и работные люди цынготною болезнию немогут, и на всякой день человек по пятнатцети и по дватцати умирает. И в бытность мою чрез шесть дней померло ундер афицеров и рядовых и неслужащих семдесят пять человек.

А декабря 24 дня прошедшего 724 году в Гилян я прибыл и о здешних замешателствах усмотрел, что по указу вашего императорского величества исполнить и здешние правинции в полное владение и состояние привести трудно, понеже из Ряща лутчие люди и с пожитки вышли, а осталось малое число и то подлые и скудные, и тем не надлежит быть верным. Да торговых людей армян дватцать три человека, индейцов пятдесят девят человек, и те живут на постоялых кром сараях, а домов своих и жен не имеют. Жидов семдесят пять человек, живут з женами и своими домами. Всего армян, индейцов и жидов сто пятдесят семь человек. А в Кескере ни одного жилого двора не осталось, тако ж и уездные реченных мест, оставя домы свои, все вышли и соединились з бунтовщиками мусулскими, шафтенскими и кесминскими обыватели, тако ж с казылбашами, с талышинцами, с тарымхалханцы, с софиляры и з горским служилым народом, имяуемом омберлю, и стоят в собрании около Ряща и Кескера по всем дорогам.

А над реченными народы командирами: меж Кескера и Ряща в десети верстах рящинской везирь мирза Мамадали; меж Кескера и Перебазара к Зинзилинскому озеру в местечке Мухал сардаров родной брат Мамат Дали хан; меж Ряща и Перебазара в деревне Посавиша помянутой деревни староста Молласайт, которые пресекают малые дороги, дабы в Рящ нищем не ходили. Близ Кескера на теврискоЙ и шемахинской дорогах Миразис хан кескерской, родной брат кезелагацкого наипа Мир Абаса; на канбинской и кутумской дорогах, где приходят дороги от Вавилона, от Амадана, от Испагани и от Кашана, в месте Кутуме кутумской хан Усейн хан; меж Рящи и Лагажана на дорогах мизандронской и астрабацкой темижанской салтан, лагажанской везир да над персидцким войском сардар или командир Мамат Кули хан.

З бунтовщиками и с вышеписанными народами и по другим около Ряща и Кескера и Катеринполя болшим и малым дорогам собрании, по которым дорогам из лесов и из-за каналов многою стрелбою наших людей ранят и, приходя по ночам к Ряще, дома зажигают. А от Ряща до Перебазара и от Кескера до Катеринполя посылающимся за правиантом без конвою проехать невозможно, и для того посылаетца салдат в конвои человек по сту и по и по полтараста на всякой день.

По прибытии моем в сюды неоднократно с собранием к Ряще, к Новой крепости и х Кескеру приходили, и как против оных наши люди ходили, тогда все в лесу разбежались. Посылал я партии в те места, где их собрании, и, нашед на них, с тех мест збивали и ходили для публикации с листами в деревни их (дабы они к бунтовщикам не приставали, а жили б в своих жилищах в подданстве вашего величества), в которых никого не находили, однако ж те листы, прибив в деревнях, оставляли. А когда возвращались реченные партии, тогда находили дороги засечены, и в тех местах из лесов по них стреляли, а по неприятелям за частыми здешними лесами и каналами стрелять и за ними гнатца невозможно. И много помагают им здешние частые леса по каналам, которой лес подобен терновнику. А от Ряща до Кескера дорогу во многих местах лесом завалили, по которой ныне ездит невозможно, а ездят наши люди от Ряща до Перебазара, а от Перебозара водою на Катеринпол Зинзилинским озером, а от Катеринполя в Кескер сухим путем. А сколко при вышепомянутых командирах в собрании людей, о том подлинного известия не имеетца, понеже с роспросов и с пыток взятые языки объявляют разно: сказывают тысячи по три, по пяти, по осми и по десяти, а иные по тысяче и по пятисот, а подлинно никто не сказывает.

Публиковал я здесь тако ж и в Кескер послал и по дорогам при пристойных местах прибивали листы, дабы здешние и деревенские жители к бунтовщикам не приставали и жили в своих домех, а которые з бунтовщиками явятца и поиманы будут, тем учинена будет смертная казнь; а ежели станут в домех своих жить, такие будут от бунтовщиков защищены, о чем и до приезду моего им от господина брегадира Левашова публиковано ж. И по публикации, которые были поиманы, те кажнены: вешаны, головы рублены и на колья сажены; а невинные по-прежнему отпускиваны в их домы, и листы для публикации им даваны, дабы они о том ведали и жили в домех своих по-прежнему, тако ж и другим объявляли. Однако ж ничто не успевает; не хотят слышеть, чтоб быть в подданстве, а к тому ж еще возбуждают их от везиря, от сардара и от протчих возмутителные лживые писма, с которых при сем прилагаю копии.

Что же по указу вашего императорского величества повелено мне, освидетелствов, прислат сахар, фруктов сухих и цытронов в сахаре, а о

меди подлинное свидетелство учинить, тако ж осмотрет сколко в Гиляни и в Мизандроне ходят за шелком и, если невеликое число, то б помалу своих обучать, и о поселении здесь росийской нации, на которое сим моим покорнейше доношу. Людей росийской нации поселит здесь ныне за замешательствы здешними трудно. А фрукты в Гиляни родятца в садах: помаранцы и то кислые, цытроны армиды, винные ягоды и виноград, груши шапталы, гранаты лесные и мелкого роду, а которые гранаты к вашему величеству присылалис, и те были привозные. А ныне в Рящ нищем не ходят, а хотя б кто и пожелал, но собрании по дорогам проехат сюды не допущают.

И чтоб здешнею командою таких бунтовщиков унять и собрании их розогнат, так же и знатные места Гилянской и Мизандронской правинцей овладеть трудно, как изволит ваше величество усмотреть из табели. А здешней народ ни по которому образу в подданство привесть малолюдством невозможно, понеже здесь правинции немалые и людные, разстоянием от Ряща до Астрабата езды со вьюками шеснатцать дней, а в другую сторону от Ряща ж до Куры десять дней, а в езде в лесах жило и двор от двора живут по версте, по две и по три. Того ради прошу вашего императорского величества повелеть прислать сюда полков пять пехоты да нерегулярных, которым повелено быть в Гиляни по присланному ко мне из Правителствующего Сената указу донским, яицким, бунчюжным казакам и калмыком, чтоб я здешние правинции мог в подданство вашему величеству привесть.

Бывший при Низовом корпусе инженер капитан Далансон сего генваря 11 дня в Ряще умре, и ныне здесь инженера не имеетца. А для строения как в Гилянской, так и в протчих правинциях крепостей в инженерах нужда немалая. Того ради прошу вашего императорского величества повелеть прислать сюда человек двух инженеров, ибо без оных обойтитца здесь невозможно.

По указу вашего императорского величества, присланному ко мне из Правителствующего Сената, персицкому послу Измаил беку денег две тысячи рублев дано, которыми весма доволен и благодарит ваше величество; от двора своего о выезде никакого указу не имеет. А о шахе слышно, что в Ардебиле, токмо пишут сардар или командир над войски Магамет Кулия сагдинской да кутумской хан и протчия, выманивая ево отсюда, а особливо чтоб он пожитки свои прежде себя отправил, по которым видит он, посол, что хотят обмануть. А по прибытии моем писал к нему рященской житель купецкой человек Мухаммет Гади, объявляя, чтоб он ехал отсюды и что он для следования ево пришлет несколко подвод с людми и сам с тысячным числом людей встретит и привести без опасения обещает, также чтоб отправил наперед несколко багажу своево. И оной посол,

опасаяс, ко двору своему уехат не намерен, а просит протекции вашего величества; и подал мне два писма запечатанные и подписанные на имя вашего величества, ис которых со одного перевод, тако ж и с вышереченных сардарского, ханского и рященского жителя Махамет Гади с писем копии при сем моем всепокорнейшем прилагаю. При сем же прилагаю известие о камандированных партиях, которые в бытность мою отправлялис для разорения неприятелских по лесам крепостей и войску собраней и для публикации с листами.

Вашего императорского величества
нижайший раб маеор Матюшкин
Из Ряща 19 генваря 1725 году»[69]

Петр I получить это донесение не успел – когда оно достигло Петербурга, император уже умер. Впрочем, оно едва ли его обрадовало бы – Матюшкин однозначно заявил, что находившимся в его распоряжении силам (по январской ведомости в Низовом корпусе числилось 20 234 солдата и офицера) не удалось даже овладеть всей провинцией Гилян: пятитысячный отряд смог занять только ее столицу – Решт и несколько укрепленных пунктов: крепость и редут под Рештом, Перибазар, Кескер, Екатеринполь. Предстояло думать не о путях в Индию, а об установлении реального контроля над полосой в 50–100 верст по западному и южному берегам Каспия.

Рапорт командующего показал, что в Гиляне началась партизанская война. Коммуникации русских войск беспрестанно прерывались; окрестные деревни приходилось «приводить в подданство» карательными экспедициями, проходившими в непривычных условиях («по неприятелям за частыми здешними лесами и каналами стрелять и за ними гнатца невозможно») – и сто лет спустя лесные канавы в дождь прекращали сообщение с окрестностями Решта[70]. Меры по «увещеванию» населения результата не приносили – персидские «подлые» люди оказались «к шахом своим любительны и верны». Этому способствовал и бывший визирь Мамед Али-бек: он обещал скорое прибытие шаха с верными войсками, когда всем «отпадшим и неверным» в худшем случае «жилы вытянуты будут», а в лучшем – их имущество будет «отдано на грабеж»[71].

«Вредительный воздух», лихорадка и дизентерия косили войска: из приведенной выше общей численности корпуса почти 21% (4241 человек) были больны. В другой январской ведомости 1725 года значилось, что из общих безвозвратных потерь армии (очевидно, с начала военных действий)

[69] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 72. Л. 652–657.
[70] См.: *Мельгунов Г.* Записки о южном береге Каспийского моря. С. 233.
[71] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 72. Л. 646–647.

в 7595 человек в боях «побито» всего 113, «померло» 7333, «утонуло» 13, «повесилось» четверо, «бежали» 100 и пропал без вести 31 человек[72].

Тем не менее логика военных решений приводила Матюшкина к убеждению, что «все бунты прекращены быть имеют» – необходимо только присылать новые пополнения, о чем просили все находившиеся вместе с ним генералы. Однако и с имевшимися в его распоряжении войсками командующий действовал активно. В январе–феврале 1725 года из Решта против «бунтовщиков» были отправлены «партии» майора Колюбакина, капитанов Путятина и Шеннинга. В коротких стычках «неприятельские люди» несли потери и уступали поле боя; но победителям, как докладывал Матюшкин 30 мая в Петербург, доставались «деревни пусты и разбиты», а обыватели, как и прежде, «ко успокоению не приходят и склонности к подданству е объявляют».

Генералы дружно требовали присылки не только пополнений, но и попов для поднятия боевого духа, чем беспокоили астраханского епископа. Он жаловался в Синод, что отправил в войска уже восемь священников, из которых двое «в разбиенном корабле на море потонули». Руководство церкви решило впредь отсылать за море безместных («крестцовых») московских батюшек[73]. Началась высылка «изменников»: в мае–июне 1725 года Матюшкин выслал 36 человек из Баку, и еще 35 «бунтовщиков» и «подозрительных» были отправлены Левашовым из Гиляна. Всего же в этом году российские власти выслали 83 человека из Баку и 73 из других мест – им предстоял долгий путь на каторжные работы в балтийский порт Рогервик[74].

В апреле 1725 года командование и Низовой корпус «с великой горестию» узнали о смерти Петра I и принесли присягу его наследнице – Екатерине I. Генерал доложил новой императрице об очередных победах. «Отставленный» решгский визирь собрал в городке Лашемадан отряд в 500 человек и построил укрепление на переправе у реки Пасахани. Посланная против них армейская «партия» 22 мая с ходу штурмовала крепость, захватила ее и заняла город: «Конные казаки, грузинцы и армяня за ними гнали даже до Лашемадану; потом приспела наша пехота и вошли в Лашемадан, и в Лашемадану от неприятельского собрания против наших было супротивление и стрелба, однако ж при помощи Божии наши оных из Лашемадану выгнали и за Лашемадан прогнали, где оные неприятели все по лесу разбежались». «Бунтовщики» потеряли пять пушек и 50 человек убитыми при минимальных потерях «партии» (два убитых армянина

[72] См.: Там же. Л. 731.

[73] См.: *Шереметев П. С.* Указ соч. Т. 1. С. 272–273.

[74] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1725. № 5. Л. 47; № 18. Л. 7–9, 16–16 об.

и два раненых солдата)[75]. В другом сражении, 4 июня, отряд полковника Чернцова разгромил повстанцев под «местечком Фумином»[76]. Матюшкин не без гордости доложил о трофеях победителей: за полгода они составили 16 пленных, 31 пушку, 259 ружей, 185 пудов свинца, 45 сабель, а также луки со стрелами, щиты, литавры, бубны и «тулумбасы» (ударные музыкальные инструменты – литавры или барабаны. – *И.К.*)[77].

Успехи были отнюдь не безусловными; прибывший из Гиляна в Баку Матюшкин вынужден был признать, что не в состоянии контролировать соляные промыслы и нефтяные колодцы в двадцати верстах от города. Но со временем тон донесений несколько изменился. Еще весной Левашов и Аврамов в письмах Остерману из Решта оценивали ситуацию скептически: «Покорнейше доношу вашему превосходительству, что в Гиляне бунты не утихают, хотя и ведают, что со все стороны неприятель есть, и мочи их к обороне уже нет; и Бог у них правое рассуждение отнел. Хотя и все государство уже в крайнее разорение пришло, однако ж пакоритца не хотят, и, кроме силной руки, усмирить их не надеюсь». Ему вторил Левашов: «Весма здешней развратной, а особливо отдаленной народ в совершенное покорение и послушание приводить трудно, но разве только умножением людей сие укротить можно. А впредь в содержании может многого числа людей и неудобно, но ныне ко утвержению бес того быть не можно»[78].

Но уже в письме тому же Остерману от 17 июня генерал отметил некоторые обнадеживающие признаки: «...чрез девятимесячной бунт мало что во отменах видим, и нескольких деревень обыватели к записке и присяге приходить начели и по публикациям ружье, которое им под смертью объявлять велено, приносить почели. И великая в том нужда имеетца, чтоб у здешних ружье перевесть, но сие дело их сумнительно, понеже сходственно прежнему; не во иное время, но в работную пору, чтоб им не мешать то чинить начали»[79].

Донесения командующего также как будто свидетельствуют о том, что сопротивление стало ослабевать: в местах, где побывали российские «партии», «обыватели» приходили «с покорностию» и «по своему закону учинили присяги»; покорившиеся сдавали оружие под угрозой смертной казни. Левашов в августе докладывал, что после посылки новых отрядов из 88 деревень, «разумеетца под страхом наших партий, обыватели к записке являютца» и предоставляют русским властям «окладные списки» налогооб-

[75] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 9. Л. 1–1 об.
[76] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 72. Л. 689.
[77] См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 9. Л. 7–8.
[78] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1725. № 10. Л. 1–1 об.; № 9. Л. 8–9.
[79] Там же. № 9. Л. 14–14 об.

ложения[80]. Судя по этим донесениям, перелом в настроении «обывателей» был вызван не только репрессиями: уставшие от военных тревог и поражений крестьяне не могли бросить свои хозяйства и пашни и вынуждены были демонстрировать лояльность – сдавать оружие и даже начать платить подати. Очевидно, сыграло свою роль и разочарование «бунтовщиков» в обещании их предводителей о помощи со стороны шаха; Тахмаспа с войсками в Гиляне так и не дождались, и прошел слух о его пленении афганцами.

«Приводить в послушание» свободное и воинственное население Дагестана было тем труднее, что строительство российских укреплений воспринималось как покушение на их земли. Отдельные нападения на солдат и рабочих перешли в настоящие боевые действия.

Начало Кавказской войны

10 января 1725 года отряд горцев в несколько тысяч человек атаковал «верхней городок» донских казаков на Сулаке в десяти верстах от крепости Святого Креста. В бою погибли 24 поселенца. Нападению подверглись и другие казачьи городки (в них находилось по 50–100 семей) по Аграхани и Сулаку, «гетманской лагар» и обоз с провиантом, двигавшийся из Аграханского ретраншемента к главной крепости. «Верхнему городку» вовремя пришел на помощь из «транжамента» отряд в две сотни человек пехоты и конницы во главе с прапорщиками Исаевым и Барановым. Они же помогли обеспечить проход в крепость Святого Креста провиантского обоза. Сражение было жестоким: по свидетельству участников, нападавшие «необычайно рубили и резали, и у многих глаза выколупаны, и головы в черепья изрублены, и кишки тянуты, и все обнажены».

В этих боях войска потеряли 80 человек убитыми; обоз лишился сотни коров и 203 лошадей; у гетманских казаков и старшин угнали 1216 коней – об этом Г. С. Кропотов доложил кабинет-секретарю Макарову[81]. Потери неприятеля оценивались примерно в 400 человек, но подсчитать их было невозможно – горцы увозили тела павших на захваченных у солдат арбах.

Нападение стало тяжелым ударом, тем более что повстанцы «путь занели» – перерезали сообщение главной квартиры с прочими городками. Однако ни одной крепости нападавшие захватить не смогли, как и дезорганизовать командование войсками. Между тем генералы уже коечему на Кавказе научились и имели информацию о состоянии и планах противника. Адиль-Гирей располагал внушительными на первый взгляд, силами – около 20 тысяч человек; однако его войско было слишком разно-

[80] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 72. Л. 690, 696, 704 об.–706.
[81] См.: Там же. Л. 182–185 об.

родным (в него кроме личной дружины шамхала входили ополчения его союзников – акушинцев, койсубулицев и других вольных обществ) и не отличалось сплоченностью, а у самого шамхала имелось немало врагов и соперников, готовых оказывать помощь русским – до тех пор, пока это соответствовало их интересам.

Представители ногайских «еманчеевских аулов» Тангат и Едигер сообщили Кропотову, что в нападении участвовали сын шамхала Хамза и племянник Салтан-бек, а также владельцы Кумтуркалов, Эрпелей, Капчагая и Капыркумык; при этом в бою был тяжело ранен казанышский князь Алкас. Впоследствии Едигер еще не раз рисковал, привозя ценные сведения. Он же выступал и своего рода посредником: рассказал командованию, что в январских боях погиб предводитель ополчения «деревни Кунбек» Увар, который своих людей «важывал каждой год» в Грузию; теперь односельчане готовы за тело «славного воина» отдать «лутчего грузинского ясыря» (было ли это предложение принято, неизвестно). Среди «лазутчиков» оказался и Алтютар, «дядька» Айдемира – сына недавнего противника; он несколько раз ездил в Кумтуркалы и узнал от «приятелей», что против русских ходили «ауварцы, атлукцы, сырчажцы, аккученцы, казыкумытцы»[82]. В апреле 1725 года брат шамхала Алыпкаш вывез из Тарков и отпустил захваченного там купца; пленный, астраханский посадский человек Петра Мясников, поведал о том, что перебежчик (какой-то «ортилерии писарь») убеждал горцев напасть на русских в праздник Благовещения, когда «никаких дел не работают»; сами же они уже знают о смерти Петра I и по этому поводу «в великом веселии состоят»: «Ныне де некому их от нас охранить»[83].

Однако, по словам того же Мясникова, горцев еще больше вдохновляло известие о том, «что у нас великой мор». Это было правдой: 15 апреля Кропотов рапортовал, что из всего его корпуса в 8947 человек солдат, драгун и казаков были больны 5606 и каждый день умирали по 20–30, а иногда и по 50 служивых. Особенно тяжелой зимовка оказалась для украинских казаков – от болезней скончались 1450 человек. Согласно другому донесению, от 21 мая, за полтора месяца (с 1 апреля по 16 мая) от цинги скончались 587 «регулярных» и 2204 казака – при одном убитом в бою и трех умерших от ран[84].

Пока небоеспособный гарнизон отсиживался в осаде, набеги продолжались. «А сего маия 11-го дня получил я от него, генерала маэора Кропотова, писмо, в котором пишет, что минувшего де марта 15, 17 и 18-го чесел горские неприятелские люди подбегали собраниями и верхнему Сулацкому казачьему городку х крепости Святого Креста и под нижней Сулацкой городок и отогнали драгунских лошадей сто тритцат семь, волов

[82] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 72. Л. 173–173 об., 175 об., 176 об.–177 об.
[83] Там же. Л. 230.
[84] См.: Там же. Л. 228, 234.

сто пят, штап и обар афицерских лошадей сто четыре, волов и коров пятнатцат, у казаков лошадей восемдесят шесть, рогатой всякой скотины сто семдесят четыре, да собственных ево генерала маэора коров и волов без остатку и несколько лошадей и з будущими де при табунах для прикрытия регулярными при прапорщике с сороку человеки рядовых стрелялись, где наших драгун и салдат побито девят человек, нестроевых пять, афицерской служитель один, безвестно пропало драгун два, казаков малоросийских четыре, афицерской служитель адин и того побито и безвестно пропало дватцать два человека; ранено: реченной прапорщик, рядовых четыре, афицерских служителей два, итого семь человек», – докладывал в Петербург Матюшкин в том же донесении, в котором описал победу русских под Лашемаданом и другие удачные действия в Гиляне.

Еще через неделю, 25 марта, «тавлинцы, кумыки и нагайцы великим людством приступали конницею и пехотою к сочиненному близ Аграханского транжамента редуту», наскоро возведенному у самого берега моря и укрепленному, за неимением других материалов, «кулями с мукой». Когда у оборонявшей редут команды капитана Бориса Глазатого после интенсивной пальбы почти закончился порох, комендант «транжамента» подполковник Маслов и наказной нежинский полковник Константин Генваровский рискнули с отрядом всего в 150 солдат и украинских казаков атаковать осаждавших, «и усмотря де неприятели сикурс в малолюдстве, напали на оных, и в то число выступил из редута к ним на сикурс капитан с ротою, от которых неприятели отступили с упадком» – под стенами крепости остались 62 убитых горца.

Единственным пленным оказался «раненой тавлинец владенья Айдемирова, которой в допросе объявил, что приходило неприятелей конницы и пехоты з дватцет пять тысяч или более, а камандирами де у них были Аделгирей шемхал з детми, андреевской владелец Айдемир и другие горские многие князья, и оные де неприятели были тамо не все, а стояли с такою половиною з дватцетью пятью тысячами Чапан шефкал (племянник Адиль-Гирея. – *И. К.*) и Салтан Мамут и другие князья»[85].

Если пленный не лгал, то шамхал уже тогда решился открыто выступить против русских. Однако, возможно, он еще колебался и выступил сам позднее. Дербентский комендант Юнгер доложил Матюшкину: «16-го дня апреля 725-го году пришел в Дербень калмык Амса Верде ис Тарков, которой послан был из Дербена в крепость Святого Креста с письмами, и оной калмык допрашиван, а в допросе сказал: как де я от шамхала поехал, и шамхал де мне приказал сказать в Дербене полковнику и каменданту, что которых де нагайцов государь отдал мне во владенье и оных де нагайцов генерал у

[85] Цит по: *Шереметев П. С.* Указ. соч. Т. 1. С. 299–300. О награждении за эту «акцию» казаков и К. Генваровского см.: Сборник РИО. Т. 63. С. 31–33.

меня отнял, также де государь велел мне взять у него, генерала, войска и пушки и со всеми неприятелми управитца, и он де, генерал, мне ни войска, ни пушек не дал же; и ныне меня не послушали горские жители, приступали х крепостям по Сулаку и к Бучю, и все горские жители мне не верят, что я бутто с российскими заодно; и стал ни к той стороне, ни к другой; и ныне вздумал я, чтоб быть на стороне з горскими и быть российским неприятелем, что будет всем горским, то де и мне будет». Другой информатор, прибывший из Тарков в Дербент 21 апреля торговец Садык Азисев, рассказал: «...как де шамхал приехал в Тарки и тогда де тавлинцы по 100 и по 200 человек после приступу ездили на Сулак и скотину отгоняли, и которые российские люди человек з дватцать везли провиант в крепость Святого Креста, тех де на пути порубили и провиант взяли сколько было, а ныне он, шамхал, послал людей своих в горы и велел всем горским жителям збиратца».

Адиль-Гирей «торговых людей, которые от российской стороны у него в Тарках торговали российские армяня и татары, всех побрал под караул, а товар их и деньги обрал себе», но в то же время «салдат с капралом 30 человек, которые у него, шамхала, были на карауле, призывал к себе и сказал им, что ныне де государя не стало, а вы де мне от государя отданы, и вы де живите по прежнему, не опасайтес ничего, авос либо будет другой государь». Видимо, известие о смерти могущественного императора породило надежды на уход российской армии с Кавказа. Как заявил шамхал, «писал де я к генералу в крепость Святого Креста, чтоб он мой заклад на сто тысяч, которой у него обретается, отдал, также и оманатчиков моих дву человек отдал же, а сам бы он, генерал, с войском отсюда пошел в свою сторону, а ежели он итти не смеет, то я ево провожу до самых Терек, как я сюды их привел, так и выведу...»[86]

Встревоженный командующий вновь, как и в приведенном выше донесении от 19 января, просил дополнительно пять полков пехоты; однако регулярные части еще предстояло перебросить из других мест или заново создать. Но в Петербурге уже получили доклад Кропотова и о «великих беспокойствах» на Кавказе и в Гиляне знали. 11 апреля Сенат принял соответствующее решение, и отправленный к Матюшкину указ повелел «завладение Мизандрона и Астрабата впредь до времяни отложить». Генералу следовало прежде привести гилянцев «в послушание», для чего надлежало «лесные места вырубить»; в Баку же необходимо было «завладеть», наконец, нефтяными колодцами, «чтоб доходы с нефти возставлены были»[87]. Всего сенаторы в мае 1725 года предполагали собрать 13 500 «нерегулярных» казаков и калмыков[88].

---

[86] *Шереметев П. С.* Указ. соч. Т. 1. С. 303–304.

[87] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 10. Л. 39; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1725. № 3. Л. 5 об.–7.

[88] См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 10. Л. 27 об.

Другой сенатский указ, от 18 мая 1725 года, предписывал генерал-майору В. П. Шереметеву собрать наличные в Астрахани части Низового корпуса и срочно перевезти их «на морских судах, или на бусах, к Аграханскому транжаменту» и восстановить «коммуникацию» этого важного для снабжения гарнизона пункта с крепостью Святого Креста. Туда же морем должен был отправиться капитан гвардии Василий Нейбуш, которому предстояло набирать солдат в городах Астраханской губернии, и один драгунский полк из четырех стоявших на Царицынской линии. Всего же к декабрю 1725 года в Низовой корпус прибыли 2648 рекрутов и находились в пути еще 1469 человек[89]. В Дагестан было приказано идти и шести тысячам калмыков во главе с бригадиром Леонтьевым.

Кропотову было отправлено письмо «на чегодаевском языке от обретающегося в аманатах горского владельца Мусала Муртазалеева, которой шамхалу Адел-Гирею племянник родной, х кумыцким князьям и знатным людям свойственникам и друзьям ево», которое можно было использовать в качестве пропагандистского средства: в письме племянник шамхала сообщал о своем «добром содержании и довольстве»; генералу же предстояло передать его адресатам и «старатца их всякими образы к верности интересам ея императорского величества склонят, и дабы они прежняго шефкала Адил Гирея отдали нашим войскам в руки или б ево убили, тогда в шафкалы прислан к ним будет помянутой Мусал Муртазголеев»[90].

Выполнить это поручение генерал так и не смог, но двухтысячное подкрепление из солдат и драгун из Астрахани прибыло в крепость 13 июля. Донцы и калмыки в это время уже подходили к Тереку; степью на Царицын и Астрахань шли три тысячи слободских и «бунчуковых» казаков под командой Семена Лизогуба. Добраться удалось не всем, но к сентябрю русское командование собрало на юге внушительные силы – в общей сложности там находилось 30 тысяч человек[91]. В июле гарнизон Дербента предпринял поход против «бунтовской» деревни Мараги. Отряд полковника Лукея (900 солдат, 470 казаков, 300 дербентских конников и столько же пеших армян и грузин) отобрал захваченный скот, ограбил и сжег деревню. Устрашенные жители «били челом» – полковник получил от них письмо с заверением, «что будучи во оной деревне, от моей команды обиды им никакой не учинено»[92]. Потери отряда Лукея составляли семь раненых; со стороны противника в деревне насчитали 15 погибших, и еще шесть человек были сожжены в домах.

---

[89] *Шереметев П. С.* Указ соч. Т. 1. С. 309–310; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 18. Л. 279 об.

[90] Там же. С. 313–314.

[91] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. № 708. Л. 280–281.

[92] Там же. Ф. 9. Отд. II. №74. Л. 842–843.

Пока войска подтягивались, прибывший в крепость Матюшкин вел переписку с шамхалом. 20 июля генерал поставил его в известность о нападении «неведомых людей» и просил «благородного и высокопочтенного господина» Адиль-Гирея «уведомить меня, кто над реченным неприятелским собранием главными были и такие неприятелские поступки чинили, а наипаче по верности вашей к ея величеству государыне императрице изволите ваше благородие сами со мною свидетца и персонально о том переговорить». Шамхал отвечал, что сам он императрице «никогда противником не будет», но ее «бояра владения моего аулных татар отнели, лошадей и скот у них отогнали, також жен и девок в полон брали, и приятелем приятства, а неприятелем неприятства не учинили» и к тому же задержали его судно с товаром в Дербенте, и предложил командующему «розыскать, хто виноват и хто не виноват», для чего прислать к нему «добрых и поверенных людей». Воевать же против русских собрались его буйные подданные, которые «меня не слушают, и одному мне никакого дела чинить не возможно». В ответ Матюшкин вновь любезно уговаривал князя «со мною видетца и как об обидах вам учиненных, так и о протчем со мною переговорить персонально, тогда я о всем том при вас могу учиненные вам обиды отискать и над винными учинить наказание, что же изволите писать, что одно ваше судно с тавары и торговыми людми взято и содержитца в Дербене, на которое вам объявляю: судно також и люди ваши одержаны в Дербене, понеже сказывал мне наип дербенской, что де в Тарках одержаны ево наиповы люди, и для того просил он, наип, чтоб то судно и торговых людей одержать, дабы тем были ево люди освобождены, а о протчем, как изволите ваше благородие сами со мною свидетца и о всем пространно меня уведомить, тогда немедленная резолюция на все учинена будет»[93].

Адиль-Гирей дипломатично уклонялся от встречи с «главным надо всеми камандиром». Однако создание ударного кулака позволило перейти от увещаний к действиям. Прибывший туда из Баку Матюшкин созвал «консилиум»; там и было принято решение о карательной экспедиции «над супротивными и недоброжелательными ко империи Российской», в которую под командой генерал-майоров Г. С. Кропотова и Вл. П. Шереметева отправились 11,5 тысячи человек, в том числе 7421 пригодных для отражения набегов и «поисков» трудноуловимого неприятеля казаков и калмыков[94]. Поход продолжался с 27 сентября по 13 октября 1725 года; по возвращении корпуса был составлен подробный журнал его действий, который и приводится ниже:

---

[93] Цит. по: *Шереметев П. С.* Указ соч. Т. 1. С. 316–319.

[94] См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 9. Л. 13.

«Тракт от крепости Святого Креста в горы со описанием верст и коликое число шамхалского владения и каким званием деревни созжены и что во оных жилых дворов имелось и где какие действа происходили.

месяц	числа		№ квартерам	версты	дворы	№ деревням
сент. 1725	27	В 8-м часу по полуночи восприяли марш от крепости Святого Креста и имели ночную квартеру в урочище Очиозет; в том месте воды не было, и трава имелась худая, а растоянием от крепости	1	17 верст		
		Того ж числа в 7 часу пополудни камандрован в партию Архангелогороцкого драгунского полку капитан Павлов з двутысечным числом нерегулярных к Таркам для отгону скота.				
	28	Имели ночную квартеру подле канала, которой пущен с водою из речки Юзени, и по нем имеется трава хорошая, от прежней квартеры верст	2	17		
		И на новой квартере возвратно с командою прибыл посланной капитан Павлов и репортовал, что не дошед означенных Тарков версты за 3, под деревнею Иссису, напали на него с командою неприятелей конных и пеших человек с тысечю, с которыми он, капитан Павлов, имел бой часов с шесть или семь, и на оном бою убито неприятелских людей четырнатцеть человек и шесть лошадей, да в протчих местах убито татар три человека, которые стояли от них на карауле; а с нашей стороны команды оного капитана Павлова побито калмык один, ранено донских казаков два, яицких шесть, калмык три; убито лошать одна и ранено казацких и калмыцких лошадей тритцать. Да на оной же баталии взято татарских лошадей четыре, седел три, ружей два, а скота под вышеписанными деревнями никакова не наехал, и объявил, что на тракте имеятся великая грязь и коналы, где никоими меры телегами итти невозможно.				
	29	Пошед с помянутой квартеры к деревне Кумтуркалам и не дошед до оной верст с пять, в 12-м часу по полуночи увидели неприятелских людей, едущих от Тарков к означенной деревне малое число, с которого места камандровали для поиску над оными донских казаков и калмык две тысечи да малороссийских четыреста. И помянутые неприятелские люди соединились под деревнею				

месяц	числа		№ квартерам	версты	дворы	№ деревням
		Кумтуркалами тое деревни з жителми, и всех их было з две тысечи человек и со оными казаками начали стрелятца в 1-м часу пополудни, и было той стрелбы с обеих сторон один час, и тем временем стало неприятелей умножатца, и, усмотря то, что их имеется в собрании немало, камандровали к вышеписанным казакам в прибавок казаков же тысечу, и, соединясь, бились с четверть часа, где неприятель весьма силно действовал. И оные казаки стали от них отступать к регулярным ближе, которые командрованы к ним на сикурс, кавалерии шесть сот да пехоты четыреста человек, а при оных были командиры: камандрованного драгунского полку полковник Аракчеёв да Астрабацкого пехотного полку маэор Глазатой, с которыми регулярными начался огонь по полудни во 2-м часу в 35 минуте, а окончался по полудни ж в пятом часу в 5 минуте. И в то время побито с неприятелской стороны шездесят человек, взято в плен аулной татарин один, тавлинец один, взято ж лошадей дватцеть деветь, а неприятель ушел в ущелья, которое имеет великую тесноту, где всех их достать было не можно, однако ж несколко человек побито. И как наши следовали возвратно к нашему лагару, и в то время приказано зжечь строение в помянутой деревне Кумтуркалах, которая и созжена, а во оной имелось жилых дворов			200	1
		И созжа означенную деревню Кумтуркалы, пришли в лагарь пополудни в 5-м часу и имели ночную квартеру, промеж речки Юзени,	3			
		а сено брали из оной деревни и с поль, которого было доволное число; от прежней квартеры растоянием		10		
октября	1	С помянутой ночной квартеры от деревни Кумтуркалов пошли чрез речку Юзень в 7-м часу по полуночи к деревне Таркам и перешед имели ночную квартеру под деревнею Исису, которая разстоянием до Тарков, а во оном месте лошадям травы не имелось, а воду брали в деревне ис колодезей, которой весма было мало, и лошадям сено из оной же деревни.	4	17 3		
	2	От деревни Сису пошли с ночной квартеры в 7 часу по полуночи и прошли деревни Туркалы и Амерхалкину, а в девятом часу по полуночи пришли к Таркам и остоновились близ оных лагаром.	5			

месяц	числа		№ квартерам	версты	дворы	№ деревням
		И в то время камандировали в 3-м часу пополудни для сжения и раззорения Тарков, которые и сожжены; и во оных было строения			1200	2
		Да того ж числа камандрован капитан и порутчик со сто регулярными и тремя стами казаков для сжения и раззорения помянутых деревень Исису, Туркалов и Амерхалкина, которые сожжены и раззорены, а во оных было жилых дворов				
		в Сису			200	3
		в Туркалах			90	4
		в Амерхалкине			60	5
октября	3	Посланы были калмыки по ту сторону Тарков к Дербене для зажигания деревень, а имянно Албирю и Канибуру, да в горах в ущелье Аганкула, которые сожжены и раззорены, а в них имелось жилых дворов				
		в Албуре			60	6
		в Канибуре			200	7
		в Аганкуле			100	8
октября	4	Восприяли марш от Тарков в 7-м часу по полуночи и, идучи по полям, сожжено скоцких дворов 6 да гумен с хлебом 3. И прошед верст		17		
		повернули в ущелье, которым переправы и бугры, однако ж пехоте итти было можно, а кавалерия следовала через переправы в две лошади, а в прочиих местах по бугром взводами и фрунтом. И пришли весма к болшой горе,				
		где остоновились лагаром в 4-м часу пополудни. И оттуда командировали в деревню Караптак, которая разтоянием от того места кавалерии четыреста при секунд маэоре камандрованного полку Неклюдове да казаков пеших и конных 500. И как оной секунд маэор, сошед с помянутой болшей горы к означенной деревне, где течет речка Мунас, перебрався оную реку, и начался у наших с неприятелем огонь и был полчаса, которого огня неприятели не вытерпя, побежали садами позади ре-ченной деревни на гору. И оных неприятелей помянутой секунд маэор с командою, догнав, многих наповал побил и дву человек в плен взял. И оттуда оной секунд маэор возвратился в наш лагарь пополудни в 8-м часу,	6	3 ½		

месяц	числа		№ квартерам	версты	дворы	№ деревням
		а имели ночную квартеру на вышеозначенной крутой горе промеж буяраками; лошадям корм был, а имянно сено с поль и из деревни и ячмень из деревни ж доволно.				
	5	Со оной ночной квартеры восприяли марш в 6-м часу пополуночи и сходили с помянутой болшей горы весма с трудностию, однакож благополучно и, переправясь реку Мунас, отошли от деревни Караптака и остоновились лагарам и оттуда камандировали для сжения и раззорения помянутой деревни камандированного полку порутчика Чюбукова з двутысечным числом казаков, которой ту деревню выжег и раззорил, а имеющияся при оной деревне самые болшие и весма изрядные разных дерев сады подсачивали, а протчие жгли и рубили. В которой деревне имелось каменных и протчих дворов и на вышереченном месте имели ночную квартеру, где было сена и ячменю лошадям доволно, которое брали из вышеозначенной деревни Караптака, а разстоянием от помянутого места	7	2	790	9
	6	В 8-м часу по полуночи вверх по речке Мунасу пошли и прибыли к деревне Илям, которая растоянием от той ночной квартеры и оную деревню зажгли во 12-м часу по полуночи да того ж часу зажжена деревня Барыкент, а промеж оными деревнями по полям созжено скоцких дворов и хлебов множество, а во оных деревнях имелось дворов в Ылях в Барыкенте И прошед означенные деревни, например верст а не дошед деревень Дюргелей и Ченгутей верст за остоновились на оной речке Мунасе на поле, в 5-м часу пополудни. И с той квартеры послано было казаков конных пятьсот для проведывания о реченных деревнях и о тракте, которым нам можно было с полками благополучно следовать. И как помянутые казаки прибыли к деревне Дюргелям, учинилась с неприятелем стрелба, и в то время наши, спешась, учинили неприятелю отпор, которые, не вытерпя огня, побежали. А наши казаки, спешась же, а протчие и на конях, в догонку немалое число побили. Которую стрелбу услыша, камандировали из лагару на сикурс Московского	8	11 5 5	400 400	10 11

месяц	числа		№ квартерам	версты	дворы	№ деревням
		полку капитана за маэора Чирикова с 400 стами кавалерии; и как оной с помянутыми казаками совокупился, в то время и наипаче неприятеля гнали к деревне Ченгутеям до самого болшого лесу, в которой неприятели собрались, а далее того за ними нашим гнать было не можно, ибо пришли великие буяраки, где, гнав за неприятелем несколке регулярные и нерегулярные по тракту, брали пожитку и скота доволно. А прибыв, помянутой капитан Чириков в ведомости объявил, что на оной акции неприятелей было с 700, ис которых побито с 60 человек. А как оттуда к лагару следовал, в то время деревню Дюргели выжег и раззорил, в которой имелось жилых дворов а на оной квартере лошадей кормили сеном и немолоченым жатым просом, которого было доволное число.			200	12
октября	7	Со означенной ночной квартеры пошли с полками во 8-м часу пополуночи вниз по речке Мунасу, мимо выше означенной созженой деревни Барыкенту и от оной повернули влево к деревне Болшим Казанышам и, не доходя до Казаныш верст за пять, прибыли в 3-м часу пополудни к речке Губдень и на оной имели ночную квартеру в котором месте лошадям сена было доволно. И со оной ночной квартеры посылано было несколко казаков в деревню Губдень, которые, прибыв туда, тою деревню сожгли и раззорили, в которой имелось жилых дворов а от прежней квартеры растоянием	9	10 ½	200	13
	8	В 7 часу пополуночи восприяли марш к деревне Болшим Казанышам и, переправясь речку Губдень, следовали на гору, а потом з горы, которой было версты с три, и не дошед до оной деревни Казаныш сажен за 200, остоновились в урочище Юзени лагаром а ростоянием от прежней квартеры	10	5		
		И в 9-м часу пополуночи, как прибыли к деревне Нижним Болшим Казанышам и усмотря знак от неприятеля к склонению даговора, с капитаном Архангелогороцкого драгунского полку Павловым, которой в то время был при казаках, посылан астраханский перевотчик Ибраим Уразаев для известия. И оной имел с ним разговор междо рекою и болшим буяраком, где никоими делы к поиманию				

месяц	числа		№ квартерам	версты	дворы	№ деревням
		их поиску учинить было невозможно, которому шамхалской узден Анкас объявил, что вину свою ея императорскому величеству в своих противностях приносят и обещает шамхал отдать детей своих и знатных узденей в аманаты и чтоб быть им всегда ея императорскому величеству в верности, и просит он, шамхал, чтоб деревни обои Казаныши не жечь.				
		Вторично послан был Архангелогороцкого драгунского полку капрал Калинин, которому приказано при помянутом капитане Павлове объявить, что дается им срок на два часа, дабы тем времянем Адел Гирей шамхал з детми для даговору приехал, и оному с их стороны объявлено, что они к шамхалу с тем известием в деревню Верхние Казаныши послали и надеются, что междо оным временем шамхал з детми прибыть сможет. Того ж часу посылан был к ним подполковник Соймонов с таким объявлением: ежели они имеют твердое намерение к склонности, дабы междо тем времянем до прибытия шамхалского дали нам дву знатных узденей, тогда два часа умедлеем, а ежели оных не дадут, то им сроку ни на минуту часа не даетца. И на то от них объявлено, что того без воли шамхалской учинить не могут и просили сроку, дабы дождатца шамхала. Паки реченной подполковник Соймонов к ним послан был, дабы шамхалу подтверждали, чтоб немедленно прибыл, а междо тем временем наши войска приступят ближе к деревне, но токмо оную, тако ж и сена и хлеб жечь не будут, и чтоб с того они страх не имели. С котораго объявления реченные неприятели, бывшие на договоре, сказали: ныне мы де уже в ваших руках, что хотите, то над нами и чините, и потом от того места отъехали далее. Во 12-м часу пополуночи посылан к ним еще подполковник Соймонов уведомитца, скоро ли к ним шамхал будет и привезет с собою дву человек узденей в аманаты, а затем будет и договор, и чтоб на том предложить. Однако ж оной на положенной термин не прибыл, чего ради принуждены были того ж часу с словесной кансилии генералитета и штап афицеров итти на ту сторону деревни и там остоновитца, ожидая от них еще известия, но оного не получили. И затем помянутые деревни оба Казаныша целые судки не жгли. А как усмотрили, что оные показали себя войною, в то время жечь начали, в которых имелось дворов			1000	14

месяц	числа		№ квартерам	версты	дворы	№ деревням
	9	Оттуда в 2 часу пополуночи камандрован Астрабацкого полку маэор Глазатой с 400 кавалерии и с 400 ж пехоты при дву пушках, при котором было казаков конных и пеших 2000; и повелено оному следовать для прикрытия нерегулярных, посланных для зжения означенной деревни, которым повелено жечь Верхние Казаныши, и оные от Болшого Казаныша расстоянием 5 которому приказ был: ежели услышет стрелбу или нападение от неприятеля на посланных для зжения казаков, чтоб не умедля с командою своею оных сикурсовали. И того ж числа во 8-м часу в 35 минуте услышел он стрелбу в левой руке от Казаныш верстах в 3-х, взяв от своей команды 100 человек или более, к реченным казакам на сикурс камандовал Рязанского драгунского полку при капитане Якобие, которой неприятеля чрез два великия буярака, спешась с коней, прогнал, и пришед к лошадям возвратно с командою, остоновился и с тем известием послал от себя к реченному маэору и требовал куда ему повелено будет идти. На что ему ответствовано, чтоб следовал х команде, и в то время он пошел х команде. А потом неприятеля паки стало умножатца из-за гор и из лесов по 100 и более и набралось с 4000 или более, в которое время помянутой маэор Глазатой с командою своею к нему, капитану Якобию, в совокупление прибыл, и в то время было от неприятеля силное наступление, что видя, реченной маэор Глазатой в 9-м часу в 56 минуте приказал палить ис пушак с ядрами и картечьми, и усмотря, что неприятел огня от себя умножает, в 10-м часу по полуночи в 5 минуте присылал паки х команде для требования в прибавок сикурсу. Того ж часу в 15 минуте отправлено на сикурс конных драгун 200, и когда оные стали приближатца, то усмотря, неприятель от великой стрелбы пушечной и оружейной отступил далее. И потом, собрався, учинил окрик, где их побито многое число. В том же часу реченной маэор, видя неприятеля еще в действии своем весма силна, присылал для требования в прибавок сикурса, чего ради в 25 минуте послано в прибавок драгун конных 100 да пеших драгун и салдат 100 ж, при которых для имения надо всеми, как				

месяц	числа		№ квартерам	версты	дворы	№ деревням
		прежде посланными при маэоре Глазатом, так и при протчих командах, отправлен Астрабацкого пехотного полку полковник фон Стралан. В 11-м часу в 5 минуте, не дождався помянутого полковника, реченной маэор Глазатой того ж часу в 7 минуте присылал для требования в добавок патронов, х которому отправлено 5 ящиков с патронами при удобном канвое. И по прибытии полковника фон Стралана посылан был реченной капитан Якобий на сикурс посланного для учинения поиску над неприятелем Астраханского драгунского полку капитана Деонета, которого неприятел, видя в малолюдстве, силно оступил, и оного сикурсовал и х команде возвратился и помянутого неприятеля реченною всею командою при помощи Божии збили, а стрелба с нашей стороны пушечная и оружейная от регулярных кончилась в 11-м часу пополуночи в 35 минуте, а нерегулярные и после того часа з два перестреливалис. Того ж числа ис команды полковника фон Стралана послан для зажигания Верхних Казаныш капитан за маэора з 200-м числом конных драгун да с толиким же числом пеших драгун и салдат; и оная деревня зазжена того ж числа в 25 минуте, в которой имелос в жилых а Болшие Казаныши зазжены 9 числа во 2-м часу пополудни в 45 минуте.			300	15
	10	Во 8-м часу пополуночи в 25-й минуте пошли от Болших Казаныш вниз по речке Юзеня и Губденя, междо которым растоянием А речка Губдень впала в Юзень ниже деревни Масилим аул под деревнею Капыр Кумык и которая растоянием от Болших Казаныш И идучи маршем, деревня Масилим аул зазжена в 9-м часу в 3-й минуте, в которой было жилых А деревня Шури шамхалского сына Будая была в левой стороне, где растоянием от дороги 3 версты, и оная зазжена того ж числа в 9-м часу в 15-й минуте, в которой было жилых Деревня Капыр Кумык зазжена того ж числа пополудни в 10-м часу в 10-й минуте, в которой строения было жилых Деревня Халимбек аул растоянием от Капыр Кумык чрез речку Юзень Оная зазжена в том же часу и минуте, в которой было жилых		3 5 2 ½	30 100 100 60	16 17 18 19

месяц	числа		№ квартерам	версты	дворы	№ деревням
		Пополудни в четвертом часу в четвертой минуте, не дошед деревни Кипчагай, которая в ущелье Кумтуркалинском, имели ночную квартеру и 11 числа оная зазжена, в которой имелось жилых а растоянием от деревни Капыр Кумык	11	1 15	50	20
	11	Пополуночи в 7-м часу в 5-й минуте пошли с помянутой квартеры мимо реченной деревни Кипчагай, шли ущельем, где в трех местах имели уские места, а с обеих сторон необычайные высокие каменные горы. Того ж числа в 10-м часу в 30 минуте вышли к Кумтуркалам, которую прошед, в левой стороне речки Юзеня имели на горе ночную квартеру а от прежней квартеры	12	8 7		
	12	Пополуночи в 7-м часу в 5 минуте пошли от Кумтуркалов до урочища Очиозет и перешед имели ночную квартеру без воды.	13	20		
	13	Пополуночи в 7 часу в 10 минуте пошли от урочища Очи озет, от которого растоянием до крепости Святого Креста а прибыли в крепость Святого Креста в девятом часу пополуночи в 10 минуте.		12		
		Итого	13	190 ½	5640	20

Гаврила Кропотов»[95].

Суховатый походный журнал зафиксировал первый опыт большой войсковой операции против непокорных «горских народов» Кавказа. Целый корпус (11,5 тысячи человек) под командованием двух боевых генералов за две недели совершил по владениям шамхала поход по маршруту в виде своеобразной «петли»: выйдя из крепости Святого Креста, разорил столицу Тарки и окрестные селения, затем двинулся на юг по приморской равнине (примерно так сейчас проходит трасса современного шоссе Ростов – Баку), а затем повернул в горы на Караптак (нынешний Карабудахкент) и далее на Дургели, Дженгутай, Нижние и Верхние Казанища и вышел обратно через селения в районе современного Буйнакска по долине реки Шураозень.

[95] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Л. 44–52 об. С некоторыми изменениями и ошибками этот текст опубликован: *Шереметев П. С.* Указ соч. Т. 1. С. 331–341.

Пехоте и коннице пришлось действовать не только на равнине, но и в горных условиях с «ускими местами», переправами через реки, крутыми подъемами и спусками, густым лесом. Матюшкин рапортовал об успехе: его подчиненные отразили неприятельские атаки, разорили и сожгли 20 деревень с 5640 дворами, а сверх того «в разных местах созжено дворов, а по басурманскому названию кутанов, где пригонялось скотины, 2000; мелниц 400». 10 горцев были взяты в плен, а 38 захваченных в набегах «розсиян и грузинцов» освобождены; некоторые из них, как донской казак Самсон Екимов или пензенский крестьянин Василий Калинин, будучи не раз «проданы во многие места», провели в рабстве более десяти лет.

Прочие трофеи – посуда, ковры и иное имущество – в рапорте не указаны, хотя походный журнал и записки Марковича о них сообщали, а Кропотов в другом донесении писал о захвате войсками «скота немалое число, и тем оные доволствовались». В боях были убиты «кумтуркалинской князь», четыре «знатных узденя» и 634 «протчих» («босурманы по их обыкновению» успели многие тела увезти), тогда как потери русского отряда были незначительными – «побиты» капрал, солдат, 63 казака и 111 лошадей, ранены 15 драгун и 67 казаков[96].

Шамхал Адиль-Гирей, судя по всему, не сумел возглавить организованный отпор и, похоже, продолжал колебаться (если только переговоры о сдаче у Нижних Казанищ не были уловкой, чтобы дать возможность уйти жителям). Во всяком случае, российский корпус беспрепятственно совершал рискованные переходы в ущельях, где можно было без труда организовать нападение на него. Судя по показаниям пленных, воины шамхала были «им не очень довольны»; он не смог получить поддержки других «князей» – противоречия между «горскими владельцами» были слишком сильны.

Но в то же время горцы не только обороняли свои селения, но и крупными силами оказывали карателям упорное сопротивление под Исису, Кумтуркалами, Верхними Казанищами и сами переходили в атаку. Российские командиры вынуждены были отметить, что «неприятель весьма силно действовал», – приходилось отражать его натиск с помощью регулярных войск и картечных залпов артиллерии. В победный рапорт не вошли записанный Марковичем эпизод, когда перед Кумтуркалами погнавшиеся за якобы отступавшими «неприятелями» казаки попали в засаду, или признание драгунского полковника Еропкина, что находившиеся в его подчинении казаки уступают в бою противнику и «без регулярных тысячею

[96] См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 9. Л. 16; Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. Ч. 1. С. 135, 137–138.

против ста человек стоять никогда не будут, что я уже многократно видел, а в один случай на первой акции по деревнею Кумтуркалами едва меня неприятелю в полон не отдал»[97].

В открытых столкновениях войска одерживали верх благодаря координации действий и превосходству массового огня, после чего проводили «сжение и раззорение» деревень, но их жители, как правило, успевали уйти «в далние горы еще до прибытия помянутой команды», унеся наиболее ценные вещи и отогнав скот. Только благодаря указаниям русских «выходцев» из плена удавалось отыскать и захватить спрятанное или «на арбах сложенное» в лесу имущество беглецов. Победителям не удалось ни «достать» самого шамхала, ни уничтожить его силы – «прогнание» их в горы едва ли можно признать таковым. Разорение жилищ, вырубка садов и уничтожение запасов зерна и сена вряд ли способствовали лояльности новых подданных, тем более что репрессии могли задевать тех, кто был непричастен к нападениям на российские крепости.

Правда, командование уже старалось учитывать этот момент. Приведенный выше журнал не сообщал о сожжении после боя деревни Ченгутей (Дженгутай), а дневник Марковича назвал тому причину: «...потому что оный не шафкалского владения»[98]. Еще до возвращения в крепость Святого Креста Кропотов послал с пленным Махметом Сурхаевым объявление «горским владельцам и прочей старшине», что его войска не тронули селения тех из них, кто согласия с шамхалом не имел, «и впредь ежели от них каких противностей не будет, то никогда разорены не будут, но токмо имеют содержатца в высокой ея императорского величества милости и во всякой соседственной дружбе, а хотя оной Адел Гирей шамхал и протчие князья и старшина к помянутым противностям были и точны, признав себя, вины свои ея императорскому величеству принесут и для утверждения в крепость Святого Креста х камандиром прибудут и в аманаты детей своих в верности оддадут, то надеюсь, что ея императорское величество изволит указать в прежную своего величества высокую милость принять и в тех же местах, где прежде жительство имели, изволит указать селитца»[99].

Но все же поход не достиг цели – через три недели относительного спокойствия горцы опять стали нападать на караулы у крепости. Новая экспедиция против «бунтовщиков» состоялась 15–19 ноября 1725 года: четыре тысячи драгун, донских и украинских казаков и калмыков под командова-

[97] Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. Ч. 1. С. 131; Сборник РИО. Т. 55. С. 184.

[98] Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. Ч. 1. С. 135.

[99] Цит. по: *Шереметев П. С.* Указ соч. Т. 1. С. 345–347.

нием полковника Еропкина отправились в Тарки и другие близлежащие «разоренные шамхальские места для осмотру и поиску». Столица шамхала была найдена опустевшей, но, как доложил Кропотов, майор Архаров со своей командой «наехал на лугах скота и на пашнях босурман, ис которых несколко побито да взято в полон 5 человек и одна женка; пищалей 4, рогатого скота болшого и малого 208, буйвалов 8, ишеков б, лошадей 20; поколото от нерегулярных рогатого скота 253, овец 255»[100].

Пленный «кумыченин Ибраим Алин» показал, что в лагере неприятеля начались колебания и союзные ополчения покидают шамхала; представители «старшины» уговаривают Адиль-Гирея сдаться и доказывают, что от русских купцов «они имели немалой прибыток»[101]. Шамхал хотя и просил у заехавшего к нему турецкого посланца помощи, но все же «с своими подвласными и аулными татары намерен под протекцию ея императорского величества склонитца и з детми своими ехать в крепость Святого Креста, но опасается, чтоб ево оттуда не послали в Москву». Среди его окружения были и сторонники, и противники такого решения: «...а паче отговаривает ему эрпелинской князь Будайша, представляя пример, как Айдемир задержан был. Такожде и подвластные шамхалские князья, непрестанно приходя ко оному, просят, дабы всеконечно под протекцию империи Россиискои склонялся, а ежели де не склонится, то они намерены искать и одни протекции ея императорского величества».

Однако нападения на солдат и казаков близ крепости не прекращались, а Адиль-Гирей так и не «склонился» признать свое поражение. 12 декабря началась новая карательная экспедиция, столь же внушительная, как и первая: в ней участвовали 3793 солдата и драгуна и 5452 человека из «нерегулярных» под командой генерал-майоров Г. С. Кропотова и Вл. П. Шереметева. Ее маршрут лежал не к Таркам, а через разоренные прежде Кумтуркалы к селению Эрпели. И на этот раз серьезных столкновений с противником не было: «...неприятеля в деревнях никого не наехали (кроме того что под деревнею Болшими Эрпелями показали себя войною и несколько часов с нашими стрелялись, где у них во оборону зделан был небольшей круг деревни ров поставлен полисадом, ис которого выгнаты), ибо они до прибытия нашего о том, что мы к ним идем, узнав чрез андреевских жителей, выбрались со всеми пожитки и з женами и детми в горы и в леса, протчие до прибытия нашего за неделю, а другие за один день». Генералы вновь рапортовали о том, что «где неприятеля найти могли, при помощи Божии и ея императорского величества счасливым оружием збили и в горы загнали,

[100] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 9. Л. 56 и далее; *Шереметев П. С.* Указ соч. Т. 1. С. 354–355.

[101] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 72. Л. 277–279.

и вновь три деревни, а четвертая называемая Шура, которая в бытность в прежную компанию зажжена была нерегулярными, токмо не вся выгорела, ныне раззорили и сожгли». «Пожитков» же «взято столько, сколько могли на бывших при наших лошадях к лагарю довести».

Примерно такими же, как в прошлый раз, оказались и потери сторон: «...неприятелей побито: мужеска полу 207, женска полу 5; итого 212. Взято в плен: мужеска полу 43, женска полу 52; итого 95. Всего мужеска и женска полов бито и в плен взято 307; лошадей побито 13, взято 9; скота взято: волов и коров 1536, буйволов 2, овец 3133, верблюдов 27; итого 4698. Ружья 5, сабель 4, седел 6, значек 1, копей 2. Созжено деревень и имелось в них дворов: Верхние Эрпели 1100, Нижние Эрпели 300, Медичан 300; итого 1700. Вышло ис плена грузинского народа: мужеска полу 19, женска полу 4; итого 23. С российской стороны убыло регулярных: безвестно пропал 1, от ран померло 2; итого 3. Нерегулярных: побито 6, ранено 14, безвестно пропало 4, утрачено ружье 1. Лошадей: побито 11, ранено 23, за усталью брошено 37»[102].

Об этих событиях современники, кажется, в то время еще не ведали; только в академическом «Календаре» на 1727 год были помещены известия о победах русского оружия «в Персии над неприятелем» при Эрпелях, Фумине, Лашемадане и Тарках. Зима прервала военные действия; очевидно, разорения заставили непокорных князей быть уступчивее, тем более что договориться о совместных действиях они не сумели, а расчеты на турецкую поддержку оказались несостоятельными. В январе 1726 года в крепость явился племянник шамхала Чопан и привел внука в качестве аманата, затем Сурхай-хан Казикумухский известил, что по его просьбе Адиль-Гирей с приближенными «желают вины свои принести и быть под протекцыею высокого монарха». В русский лагерь поступали сведения, «что якобы намерены эрпелинской, губденской и карабудацкой князья и кадарская старшина дать для утверждения бытности под высокою ея императорского величества протекциею аманатов и что якобы оные князья и старшина единогласно говорили Алдигирею шамхалу, чтоб он всеконечно принес свою винность ея императорскому величеству и для утверждения дал в аманаты сына своего, а ежели того не учинит, то де смерти предан от них или, поимав, отвезен к росиским камандиром будет»[103].

В феврале вышедшие из плена, яицкие казаки Филипп Телятников и Кузьма Порунов сообщили, в каких местах они видели стада шамхала. На непокорных «татар» отправились еще две «партии» – полковников Петра

[102] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 9. Л. 73 об. и далее; *Шереметев П. С.* Указ соч. Т. 1. С. 361–364.

[103] Цит. по: *Шереметев П. С.* Указ соч. Т. 1. С. 388.

де Бриньи и Дмитрия Еропкина; последняя экспедиция едва не захватила сына Адиль-Гирея, угнала 564 лошади, 150 голов «рогатой скотины», 186 овец «да порезано овец с пятьсот» – добыча была поделена между участниками; в ходе «поиска» убито 85 «татар» и двое взяты в плен[104].

Подготовка очередного похода сломила упорство шамхала: через эндереевского князя Айдемира завязались переговоры о «принесении вины». 18 мая из крепости Святого Креста во главе с теми же генералами отправились 4000 регулярных войск и 5200 казаков, а уже 21 мая в ущелье под Кумтуркалами Адиль-Гирей, получив заверения в сохранении ему жизни, сдался Шереметеву. Вслед за шамхалом и прочие «владельцы горские, которые еще не были в крепости, дургелинский, кудбенский и другие, присягали на верность ея величеству при том ущелье, откуда шафкал выехал»; прочие князья выдали аманатов: «...присланы от горских дагистанских князей подвластных Алдигирея шамхала дети и при них уздени в лагар при деревни Кумтуркалах во аманаты, а имянно: деревни Кумтуркалов князя Мурзы Амалатова сын Амалта, при нем уздень дятка Казий з женою Атиею, да служителница Бактим. Деревни Капыр Кумык князя Бакана Аксакова сын Чогук, при нем дятка Асан Умаров да нянка Барамгыз. Деревни Верхних Эрпелеи князя Будайчи Сурхаева сын Пирбудак, при нем дятка уздень Чегем Бахматов. Деревни Нижних Эрпелей князя Гирея Смаилова сын Буташ, при нем дятка уздень Карчалай Ала Вердеев да нянка Марьян»[105]. Прибыл к присяге «буднацкий владелец» Мадий, «караптацкий» князь прислал в аманаты сына, а табасаранский майсум доставил своего отпрыска прямо в Дербент[106].

Без какого-либо сопротивления корпус двинулся пройденным в 1722 году путем к Дербенту. Удачный поход поднял настроение; господа офицеры осматривали по пути достопримечательности и устраивали пирушки, «где все и шумны были». Даже непредсказуемый уцмий Ахмед-хан после переговоров согласился дать присягу, хотя и наотрез отказался прибыть в лагерь, «приводя в пример задержку шафкала» и требуя обязательств, «что дела до него никому не будет и города тут русские не построят». После того как к его владениям двинулся отряд в 4600 человек, уцмий стал сговорчивее. 19 июня Ахмед-хан и давний противник русских Махмуд Утемышский принесли присягу на Коране и выдали детей в аманаты. Командир отряда полковник фон Лукей и представитель дербентских властей обещали, что уцмию «от них впредь... никакой обиды не будет»[107].

---

[104] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 78. Л. 214–214 об.

[105] Цит. по: *Шереметев П. С.* Указ соч. Т. 1. С. 396.

[106] См.: Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. Ч. 1. С. 164–165, 168, 172.

[107] См.: Там же. С. 172–181.

По завершении своей миссии без боя и потерь войска вернулись прежней дорогой к Таркам и далее в крепость Святого Креста. 30 июня императрица Екатерина I на банкете в честь нового любимца, «имянинника камергера своего графа Петра Сапеги», получила реляцию, в которой Матюшкин извещал ее о покорении «первого бунтовщика» шамхала: «Ныне силным ея императорскаго величества оружием принужден своею волею в руки отдатся; також и другои великои противник князь Усмей присылал просить прощения в своих противностях, то уже от ныне по милости Божией имеет быть в тамошнем краю покой и свободность, как в житье, так и в проездах»[108].

За усмирение «бунта» генерал-лейтенанту Матюшкину и генерал-майору Кропотову был пожалован только что учрежденный орден Александра Невского. Возможно, командующий действительно верил, что обеспечил мир «новым поселениям». Однако Персидский поход Петра I и последующие события стали только началом длительного и болезненного процесса присоединения Кавказа. Не вдаваясь в суть многолетних споров о природе и содержании известных по любому учебнику событий «Кавказской войны» в ее привычных хронологических рамках, отметим, что нам кажется более справедливым мнение о наличии не одной, а нескольких таких войн в период с 1722 года до подавления последнего большого восстания в Чечне и Дагестане в 1878 году, а еще точнее – не столько собственно войн, сколько сцепления разнохарактерных и разновременных конфликтов: внутреннего развития горских обществ, их сопротивления российскому продвижению на Кавказ, борьбы российских властей с набегами, межэтнических столкновений и непрерывных усобиц, наконец, соприкосновения различных цивилизаций и борьбы за раздел Закавказья между великими державами[109].

Войска страдали от непривычных климатических условий и болезней: только за март 1726 года в крепости Святого Креста умерло около 500 человек. Генералам удавались показательные походы на опустевшие селения, и они считали победой то, что они «прогнали неприятеля в далние горы». Кажется, что многие временно «камандированные», как тот же Яков Маркович, своим «неприятелем» особо не интересовались. Украинского подскарбия больше занимали вести из Петербурга, с родины и даже из Парижа; туземное же население он не различал – все «тавлинцы» (они же «дагистанцы»), дружественные и враждебные, были для него «аульными татарами»; исключение представлял только шамхал, происхождением

[108] Цит. по: *Шереметев П. С.* Указ соч. Т. 1. С. 408.

[109] См.: *Лапин В. В.* Указ. соч. С. 99; *он же.* Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. С. 10–11; *он же.* Новейшая историография Кавказской войны. С. 182.

власти которого Маркович заинтересовался. Из экзотического похода автор дневника привез купленного за семь рублей и окрещенного «татарчука» и был искренне удивлен хитроумным устройством мельниц в горных селениях и уровнем благоустройства шамхальской столицы: «Строение изб их не худо и подобно иноземному»[110].

Столичные сомнения

Именные указы Петра I последнего года его жизни показывают, что царь считал необходимым не только удержать занятые территории, но и не оставлял надежды на освоение их природных ресурсов. Вынужденный отказ от продвижения в земли Грузии и Армении он рассчитывал компенсировать переселением «христиан» в российскую зону. В дополнение к указанному выше плану действий администрации от 22 мая 1724 года командующему Матюшкину рекомендовалось «тщиться всяким образом, чтоб армян призывать и иных христиан, ежели есть, в Гилянь и Мазендаран и ожилять, а бусурман зело тихим образом, чтоб не узнали, сколько возможно убавливать, а именно турецкого закона».

Петр держал дела на юге под постоянным контролем. В мае он составил инструкцию Матюшкину и распорядился о встрече бежавшего из Грузии царя Вахтанга; в июне – приказал Сенату отправить в иранские провинции русских учеников и «приставливать» их к местным мастерам-шелководам. В сентябре император дал указания: Румянцеву подговаривать турецких армян к переезду в Гилян, Матюшкину – строить «горнверк» для охраны плотины на Сулаке, Левашову – оказать помощь Измаил-беку, потому, что он «человек зело умной и верной своему отечеству», в чем царь убедился лично во время бесед с послом[111]. В октябре Петр повелел двинуть в Дагестан три тысячи донских, две тысячи «бунчуковых», тысячу яицких, тысячу слободских казаков и 500 калмыков, а в ноябре сделал выговор замешкавшемуся в Астрахани командующему[112].

Смерть Петра в январе 1725 года, борьба придворных группировок за престол с последующим созданием новой властной конфигурации отодвинули «персидские» дела на второй план, тем более что молодая империя, потеряв своего основателя, сразу столкнулась с серьезными внешнеполитическими проблемами.

---

[110] См.: Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. Ч. 1. С. 118, 123–124, 126, 169–170, 181.

[111] См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. № 17. Л. 54 об.–55, 57 об.–58, 60 63 об., 71, 82–82 об., 83, 84 об.

[112] См.: Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 2. Ч. 1. С. 5; РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. № 17. Л. 88 об.–89.

При Екатерине I «голштинский вопрос», прежде бывший орудием дипломатического нажима на Швецию, Данию и другие державы, стал основной целью русской внешней политики. Императрица стремилась возвести дочь и зятя, герцога Карла Фридриха, на шведский престол и во что бы то ни стало вернуть им Шлезвиг, не останавливаясь перед неизбежным международным конфликтом. Неуклюжая дипломатия Екатерины I добавила российской внешней политике, и без того стоявшей перед выбором, новую проблему. Образование в 1725 году двух лагерей (Ганноверский союз Англии, Франции и Пруссии против Венского союза в составе Австрии и Испании) заставляло дипломатов обеих сторон искать расположение России как державы, способной изменить баланс сил в европейской политике. В последние месяцы жизни Петр размышлял над проектом союзного договора с Францией, но «никакой резолюции оному доныне не учинено», как сообщил 23 января 1725 года канцлер Головкин послу в Париже Б. И. Куракину.

Проблема состояла в том, что условием союза французская сторона выдвигала заключение соглашения также с Англией, с которой у России отношения были близки к враждебным. Для России же главной задачей союза являлось получение международных гарантий для ее владений в Прибалтике и содействие российской политике по отношению к Польше и Турции, в то время как Османская империя была главным стратегическим партнером Франции в борьбе с империей Габсбургов. Поэтому параллельно переговорам в Париже о союзе с Францией русский посол в Вене Ланчинский вел такие же переговоры с австрийскими министрами. При этом глава французской дипломатии граф Морвиль о них знал. В свою очередь, австрийская сторона проводила свои консультации с Англией и Францией, не ставя российского дипломата о них в известность[113].

Сложности в отношениях с французами отозвались в Стамбуле, куда в качестве чрезвычайного российского посланника (и «комиссара» при последующем разграничении российских и турецких владений в Иране) отправился Александр Иванович Румянцев[114]. В качестве бригадира и

[113] См.: АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1725. № 5. Ч. 2. Л. 403 об.–404; Оп. 32/1. 1725. № 5. Л. 20 об.

[114] Отец знаменитого екатерининского фельдмаршала и сам сделал неплохую карьеру: начав службу «с дворянами из недорослей» под Нарвой, молодой солдат уже в 1703 году стал гвардейцем, за несколько лет походов дослужился от рядового до капитана Преображенского полка и в 1715 году уже командовал самостоятельной бригадой в Финляндии. Помимо боев и «акций», офицер приобретал дипломатический опыт «во многих знатных посылках к их величествам королям прусскому, польскому и дацкому, двоекратно в Константинополь к российским послам и имел разные важные коммисии», самой известной из которых стала операция по розыску и возвращению укрывшегося в австрийских владениях царевича Алексея.

майора гвардии он «был с его императорским величеством в низовом походе при взятье города Дербента», то есть не понаслышке представлял те приобретения, по поводу которых он оказался в Стамбуле. На аудиенции у султана в январе 1725 года он принял «грамоту и ратификацию» заключенного в 1724 году договора[115]. Успех стоил дорого; за несколько месяцев пребывания в турецкой столице Румянцев потратил около 14 тысяч червонных – на подарки турецким чинам и бесчисленным «служителям»: музыкантам, янычарам-охранникам, «арапам», лодочникам, «шербетникам» и т. д.; платить пришлось даже за парчу, в которую была завернута ратификационная грамота[116].

Маркиз де Бонак за свои услуги получил «кавалерию» Святого Андрея Первозванного и тысячу червонных – в расчете на дальнейшую помощь. Турки показывали, что «к содержанию дружбы склонны», но не спешили приступать к разграничению, а пришедшая весть о смерти Петра I только ускорила турецкое наступление на восток, тем более что в июле в Стамбуле узнали о гибели афганского завоевателя Махмуда, убитого собственным родственником Эшрефом. В марте 1725 года турецкие войска заняли город Хой; в июле и августе пали Тебриз и Хамадан. В декабре турки захватили Ардебиль, который должен был, согласно прежним договоренностям, быть предоставлен шаху Тахмаспу. Однако новый французский посол Д'Андрезиль без указаний от своего двора отказался вместе с русскими выражать протест в «сильных предложениях».

В октябре 1725 года Б. И. Куракин констатировал провал переговоров с Францией: ее дипломаты отказались не только помогать России против Турции и предоставить голштинскому герцогу «эквивалентное» возмещение за Шлезвиг, но даже гарантировать присоединение Украины – и в то же время настаивали на российской гарантии договоров Франции с другими европейскими странами[117]. Послу приказали все же «протянуть» переговоры в расчете на новые французские «пропозиции», которые так и не последовали.

В подобной ситуации единственно возможным партнером среди великих держав оставалась империя Габсбургов; в этих обстоятельствах противоречия между российскими министрами, о которых сообщали дипломаты (в частности, Кампредон докладывал в Париж о сторонниках союза с Францией Меншикове, Апраксине, Толстом – и его противниках Ягужинском, Остермане, Головкине, В. Л. Долгорукове, Репнине[118]), ничего не могли

[115] См.: ЧОИДР. 1861. Кн. 1. Смесь. С. 187–188.

[116] См.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1725. № 6. Л. 160, 181–198.

[117] См.: Там же. Ф. 93. Оп. 93/1. 1725. № 5. Ч. 2. Л. 402–406 (реляция Б. И. Куракина от 29 октября 1725 года).

[118] См.: Сборник РИО. Т. 58. С. 233–234, 238, 254, 258, 285.

изменить. Французский посол в ноябре 1725 года поставил в известность свое правительство: именно австрийцы «одни только могут помочь ей (России. – *И. К.*) и в самом деле выполнить то, что с другой стороны обещается». Выбор был сделан и в Петербурге: в сентябре русский посол в Вене Ланчинский получил полномочия на заключение договора. Итогом долгих и сложных переговоров стало заключение в августе 1726 года союзного договора, определявшего взаимные гарантии европейских границ, условия совместных действий против Турции и сохранение неизменным государственного строя Речи Посполитой. Одновременно был подписан (на тех же условиях относительно границ и статуса Польши) договор России с Пруссией, а чуть позже – австро-прусский договор.

Дела в заморских владениях, кажется, интересовали императрицу меньше, чем судьба дочери и зятя. Петр I регулярно наставлял своих генералов, а Екатерина только в апреле 1725 года именным указом сообщила Матюшкину, что отныне ответы на его доношения будут даваться из Сената[119]; орден Александра Невского он получил не сразу, а только в июне. Не случайно задержавшийся в походе генерал стал просить (пока безрезультатно) о своем отзыве.

23 октября 1725 года в Коллегии иностранных дел состоялся «тайный совет» с участием коллежских членов и П. А. Толстого для обсуждения положения на юге. Судя по его итогам, был избран прежний, «наступательный» вариант действий. 5 ноября императрица утвердила состоявшееся «рассуждение», которое предусматривало «с вящей силою в Персии действовать, нежели доныне». Совет решил увеличить Низовой корпус на затребованные Матюшкиным пять полков пехоты и «несколько сот» кавалерии, чтобы «все возможные действа учинить в сторону Мизандронскую и Астрабатскую»; кроме того, надлежало «на Куре реке весьма укрепиться и некоторую крепость построить». Новобранцы должны были заменить в крепости Святого Креста старослужащих, которые уже «к тамошнему воздуху попривыкли», – последним предстояла переброска в Гилян. Гарнизон же главного российского форпоста должен был составлять не менее 12 тысяч человек – его надлежало «употребить для усмирения тех народов, которые в порции российской в Дагистане обретаютца», и для охраны новой границы с Турцией[120].

Сенат немедленно повелел Военной коллегии сформировать пять новых полков, «чтоб оные полки, как скоро весною лед вскроется, оттуда отправить в Астрахань без всякого замедления», и обеспечить их транспортом, провиантом, «мундиром и аммуницией». Скомплектованные из рот, выде-

[119] См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. № 18. Л. 21.

[120] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1725. № 16. Л. 2–5.

ленных от всех пехотных полков, новые части были собраны к весне 1726 года[121], но отправиться за море так и не смогли: зимний шторм на Каспии уничтожил 22 корабля, стоявшие в дельте Волги у выхода в море[122].

Для достройки новой крепости (в 1725 году был заложен бастион у моря) и гавани в не защищенном природой от морских бурь Дербенте Матюшкин требовал шесть тысяч каменщиков и 700 кузнецов. Эти требования Военная коллегия сочли уж слишком завышенными, тем более что на работах там уже были задействованы 2510 украинских и донских казаков. Согласно решению Верховного тайного совета для осмотра фортификационных работ был послан опытный инженер, генерал-майор Адриан де Бриньи; данная ему инструкция предписывала определить место для строительства портов на Аграхани, в устье Куры, в Дербенте, Баку и Гиляне и составить смету, но таким образом, чтобы предусмотреть использование местных строительных материалов, а не доставлять их из России[123]. Де Бриньи выехал на юг в январе 1726 года, но перед отъездом не сумел найти необходимых инструментов (астролябии и ватерпаса) даже в императорском кабинете. Вернулся он только в марте 1727-го и привез с собой «модели» построенных российских укреплений в Гиляне, Баку и Дербенте[124]

Напряженность в европейских делах заставляла Петербург осмотрительнее действовать на Востоке. В январе 1726 года Кампредон докладывал о близкой войне с Данией, а в феврале вопрос о подготовке к весне флота и сухопутной армии обсуждался на заседании только что учрежденного Верховного тайного совета. Министры не возражали желавшей этой войны государыне, но в то же время указывали на предпочтительность «негоциаций», печальное состояние финансов и возможность вести будущую кампанию только при поддержке Австрии и Швеции.

8 февраля Екатерина I и ее светники слушали вопрос «о персидских и голштинских делах». Собравшиеся поначалу считали возможным не только активно отстаивать – вплоть до ведения военных действий – интересы герцога, но и расширять владения на Кавказе, несмотря на возможный конфликт с Турцией. На следующем заседании, 13 февраля, было решено назначить «главным командиром» Низового корпуса старого боевого генерала В. В. Долгорукова, которому по этому случаю был возвращен чин генерал-фельдмаршала, отнятый Петром во время расследования дела царевича Алексея. На следущий день новый командующий явился в

[121] См.: *Зиссерман А. Л.* Указ. соч. С. 13–17.
[122] См.: Материалы для истории русского флота. СПб., 1875. Т. 5. С. 193.
[123] См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 11. Л.8, 92–93.
[124] См.: Там же. Л. 126.

Совет и был информирован об ответе министров на просьбу «армянского собрания» о помощи: карабахских жителей извещали, что на Кавказ прибудет генерал «с немалыми войски». Министры полагали, что в результате успешного турецкого продвижения в Иран слабый шах скоро явится под защиту российской армии, и рассчитывали принять Тахмаспа «с честию» и даже выделить 10 тысяч рублей на его содержание[125].

Последующие известия умерили этот оптимизм. Адмирал М. Змаевич доложил о недостатке денег и рекрутов в Адмиралтействе; Матюшкин требовал увеличить объем провианта для Низового корпуса и доносил о гибели кораблей на Каспии от «великого шторма». После этого сам светлейший князь А. Д. Меншиков признал, что доставить в новые провинции пять полков «чаять не можно», и на заседании 3 марта уже предложил уступить весь Гилян (вплоть до Баку) Тахмаспу за деньги или даже только за «обязательное письмо» таковые заплатить. Однако перехваченные и присланные в Петербург Левашовым письма шаха показали, что он по-прежнему не собирался сотрудничать с русскими, а рассчитывал на помощь Франции и австрийского «цесаря»[126].

На очередном заседании Совета 18 марта звучали уже иные предложения. Зять императрицы, голштинский герцог Карл Фридрих, призывал не нарушать мир с Турцией, а главные дипломатические усилия сосредоточить на том, чтобы добиться-таки признания шахом договоров 1723 и 1724 годов, для чего рекомендовал пообещать отдать шаху в будущем те «уступленные» России провинции, которыми ей реально овладеть до сих пор не удалось, да и едва ли было нужно, поскольку обошлось бы втрое дороже, «нежели они чего стоят».

Выступление герцога в качестве «миротворца» было объяснимо, поскольку его собственные интересы заключались прежде всего в возвращении своих владений, а конфликт с могущественной Турцией мог только ослабить российский нажим на Данию. Но затем выступил А. И. Остерман с куда более продуманным анализом событий на юге; на предыдущих заседаниях он предусмотрительно не присутствовал, но в нужное время предложил собравшимся развернутое и аргументированное «рассуждение о персидских и турецких делех».

Опытный вице-канцлер четко выделил основные пункты своей позиции. Прежде всего он предлагал подумать, следует ли начинать новую тяжелую войну с Османской империей, если она сама «войны вдруг с Россиею не желает». На основании поступивших от дипломатов реляций Остерман показывал, что турки пока «склонны»к поддержанию мира: согласны на

[125] См.: Сборник РИО. Т. 55. С. 29, 32–33.
[126] См.: Там же. С. 39, 46, 66–67, 74–75, 89.

разграничение владений в Персии и готовы совместно с русскими поддержать шаха при условии признания им договора 1724 года или устранить его и посадить на престол иную фигуру. Даже на первый взгляд опасное продвижение турок вглубь Ирана, доказывал Остерман, также на руку России, поскольку желавший новых завоеваний султан будет нуждаться в помощи против афганцев и того же шаха или по крайней мере в благожелательном нейтралитете со стороны русского командования. Отказ же от договора покажет не силу, а слабость России, а туркам «претекст и способ подается толь скорее дела свои в Персии по желанию своему окончить, еже интересам нашим видится непотребно».

Главная проблема заключалась в том, что «российской интерес не позволяет, чтоб турков к Каспийскому морю и в соседство с персидской стороны допустить». Тогда необходимо «как наискорее искать шаха Тахмасиба в нашу сторону привесть» с помощью «грузинского принца» Вахтанга. Бывший вассал Персии должен «какими ни есть образы и способы шаха к принятию того с турками заключенного трактата склонить», для чего «может оный принц шаху надежду учинить против заплаты некоторой суммы денег, или иным образом (и безденежно) к некоторому уступлению из наших провинций, или, смотря по случаям, и действительно нечто, например, сперва Мезандрон, Астрабат уступить».

Возможно, считал Остерман, стоит пообещать отдать и уже занятый Гилян, но при этом необходимо «войск не отводить», а для подкрепления позиций в дипломатической борьбе «к персидскому корпусу рекруты туда отправить, и особливо те, которые в Гилянь потребны, с принцом вместе или тотчас за ним туда послать, и то для славы, что будто оный принц с каким войском приехал; и можно при том слух пустить, что другие еще за ними немедленно следовать имеют». Столь же необходимо по-прежнему держать в готовности значительные силы в крепости Святого Креста, заменив при этом украинских казаков на более годных к службе донцов, а для снабжения войск – строить новые суда взамен вышедших из строя[127].

Продуманная записка Остермана произвела должное впечатление. Члены Верховного тайного совета не нашли возражений и, хотя и решили по этому предмету «еще вящее рассуждение иметь», но на заседании 28 марта 1726 года постановили: «...понеже персидские провинции и места все содержать не токмо весьма трудно, но и, почитай, невозможно – того ради чтоб искать по малу из тех персидских дел выйти, однакоже на таком основании, чтоб по всякой возможности стараться, дабы турки в тех местах не могли утвердиться». Все предложения вице-канцлера были утверждены и конкретизированы: в Гилян предполагалось отправить не

[127] См.: Сборник РИО. Т. 55. С. 109–117.

менее тысячи рекрутов; надлежало построить не менее десяти транспортных судов, обеспечить войска Низового корпуса провиантом, закупить для кавалерии десять тысяч лошадей; «Малой России казаков» более в поход не посылать, а брать с них вместо этого по три рубля с человека, чтобы платить вольнонаемным рабочим или занятым на строительстве солдатам и драгунам. 31-го числа мнение Совета было доложено императрице, которая его одобрила[128].

Но достижение желанного мира и почетный выход из прикаспийских провинций оказались в ближайшее время неосуществимыми, и русскому командованию в Иране волей-неволей пришлось выступать в роли колониальной администрации.

[128] См.: Сборник РИО. Т. 55. С. 147–150, 161–162.

Глава 4
«ДЕЙСТВА» И ЖИЗНЬ НИЗОВОГО КОРПУСА: АРМИЯ НА ВОСТОКЕ

Видали ль в Персии Ширванский полк?
Уж люди! Мелочь, старички кривые,
А в деле всяк из них, что в стаде волк,
Все с ревом так и лезут в бой кровавой.

А. С. Пушкин

Если ищешь смерти – езжай в Гилян.

Персидская пословица

Командиры и подчиненные

14 февраля 1726 года императрица Екатерина I по рекомендации только что образованного Верховного тайного совета назначила «главным командиром» Низового корпуса 58-летнего князя Василия Владимировича Долгорукова. В прошлом он показал себя отличным офицером: успешно сражался со шведами на полях Северной войны, громил восставших казаков-булавинцев на Дону; в качестве доверенного майора гвардии расследовал злоупотребления Меншикова и других проштрафившихся фигур из окружения царя и показал себя способным дипломатом, заставив вольный Данциг (Гданьск) прервать торговлю со шведами.

Скоро князь стал одним из наиболее приближенных к царю лиц и членом противостоявшей Меншикову «партии», в которую входили фельдмаршал Б. П. Шереметев, сенаторы Я. Ф. Долгоруков и Д. М. Голицын. Участие в ней едва не привело его на плаху: в 1718 году Долгоруков был арестован по делу царевича Алексея, и, кажется, не только за нелицеприятные отзывы о государе. Складывавшаяся вокруг царевича «оппозиция» (включавшая, кроме названных вельмож, адмиралтейца А. В. Кикина, генерала М. М. Голицына, царевича Василия Сибирского) была готова возвести Алексея на престол или утвердить его регентом при единокровном

младшем брате Петре Петровиче[1]. Осторожный царь не стал преследовать всех замешанных в дело, и Василий Владимирович по меркам того времени отделался легко – лишением чинов и ссылкой в Казань, а затем был прощен, хотя и понижен в чине до бригадира. Вступившая на престол Екатерина пожаловала старого служаку опять в генералы, но в то же время отправила его подальше от дворца на хлопотную должность.

Долгоруков принял назначение (вместе с чином генерал-аншефа!), но указал, что в новом статусе обязан обладать соответствующим «екипажем», «столом» и «трактовать» разных иностранных особ, и попросил «для крайней нищеты моей» компенсацию за конфискованные при аресте «движимые вещи» и деньги[2]. Последние давно были потрачены на нужды Тайной канцелярии, а вотчины князя проданы за 6600 рублей, но императрица распорядилась вырученную сумму отдать отправлявшемуся в иранские провинции полководцу «вместо деревень»; фельдмаршал также получил обратно свои книги и даже ордена[3]. Жалованье командующего составляло три тысячи рублей[4]. В декабре 1726 года министры предоставили ему на особенные расходы еще тысячу рублей, а в феврале 1727-го повысили денежное содержание до шести тысяч рублей как полномочному послу «в иностранном государстве» (правда, дополнительные суммы должны были поступать «из персидских доходов»)[5]. Генерал взял с собой племянников – гвардейского прапорщика Юрия и Ивана Юрьевичей Долгоруковых – в качестве членов своего «штапа».

Сборы несколько затянулись, но затем новый командующий время не тратил: в июне он прибыл в Астрахань, где принял командование от больного Матюшкина и закупил у местных «татар» тысячу лошадей для армии. В конце июля генерал вышел в море и 10 августа, после двухнедельного плавания «за противным ветром», прибыл в крепость Святого Креста.

Долгоруков остался недоволен состоянием дел во вверенных ему войсках. Он сообщал Макарову, что еще не видел столь «слабой команды» при «весьма слабом» командире (старик Кропотов был болен и удручен потерей жены, умершей в крепости Святого Креста в январе 1726 года)[6].

---

[1] См.: *Ефимов С. В.* Политический процесс по делу царевича Алексея: Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб., 1997. С. 11. См. также не слишком информативный биографический очерк: *Болтунова Е. М.* Василий Владимирович Долгорукий // Армия и общество в российской истории XVIII–XX вв. Тамбов, 2007. С. 55–61.

[2] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 77. Л. 117–118.

[3] См.: Там же. Ф. 7. Оп. 1. Ч. 5. Л. 16; Ч. 7. Л. 31.

[4] См.: Там же. Ф. 9. Оп. 5. № 2. Ч. 26. Л. 65.

[5] См.: Сборник РИО. Т. 63. С. 5, 8–9, 122, 129, 134.

[6] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 77. Л. 1122–1123. О смерти генеральши Устиньи Кропотовой сообщает Я. Маркович (см.: Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. Ч. 1. С. 152).

Императрица в ноябре того же года лично подобрала ему замену в лице кавалерийского генерал-майора Артемия Загряжского, и Кропотов, не дождавшись прибытия Долгорукова из Гиляна, сдал команду В. П. Шереметеву и отбыл домой. Командующий счел поведение подчиненного «немалой обидой» и приказал астраханскому губернатору вернуть генерала[7]. (В итоге Г. С. Кропотов был отставлен в феврале 1728 года с чином генерал-лейтенанта[8].)

После январского шторма, повредившего многие суда, их не хватало, чтобы переправить в Гилян подошедшие к Астрахани пять полков; пришлось требовать начала строительства новых и указывать на «оскудение немалое в морских офицерах и протчих служителях»[9]. Новый морской «командир» капитан-командор З. Мишуков в 1727 году докладывал о строительстве морских судов, число которых было доведено до 78. Тем не менее по предложению В. В. Долгорукова Верховный тайный совет указал в феврале 1728 года заложить еще 30 шхерботов[10].

Долгоруков немедленно отправил в Баку полковника фон Лукея и майора артиллерии Гарбера – им надлежало ехать к А. И. Румянцеву, назначенному российским «комиссаром» при разграничении российских и турецких владений по договору 1724 года. 24 августа князь по вступлении в Дербент доложил, что отныне «сухопутный путь безопасен», а хлеб на рынке дешев – по 80 копеек за четверть. Лукея он назначил комендантом вместо Андрея Юнгера, который «обеднял» и давно просил «перемены». Командующий вручил прибывшему царю Вахтангу присланный из столицы орден Святого Андрея Первозванного и передал письмо, в коем императрица заверяла его в своей «неотменной протекции» и обещала «всегда вашу светлость и высокую вашу фамилию в особливой нашей милости и защищении содержать», после чего отправил Вахтанга морем в Гилян[11]. Затем он встретился с приехавшим из Шемахи А. И. Румянцевым и его турецким коллегой, послал с ними «линею делать» 400 драгун и 500 казаков и сообщил в Петербург, что работы по разграничению успешно начались и турки к миру «зело склонны»[12].

Императрица не слишком интересовалась политикой на юге – ее больше волновало, цела ли еще «каменная пирамида», сложенная солдатами при участии Петра I и ее собственном у Тарков в 1722 году[13]. Кажется,

[7] См.: Сборник РИО. Т. 56. С. 353, 356.
[8] См.: Сенатский архив. Т. 7. С. 636.
[9] См.: Материалы для истории русского флота. Т. 5. С. 239.
[10] См.: Там же. С. 395–396, 546.
[11] См.: РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. №. 286. Л. 4–4 об.
[12] См.: Там же. Л. 1126–1127 об., 1128–1129, 1132–1133 об.
[13] См.: Там же. Ф. 9. Оп. 5. № 2. Ч. 26. Л. 115.

Долгоруков на этот вопрос так и не ответил – у него было много более важных дел. В Дербенте командующий провел два месяца, а уже 10 ноября прибыл в Решт, где проходили «конференции» Вахтанга с прибывшим от шаха доверенным вельможей – корчибаши (начальником его личной охраны). Здесь Долгоруков задержался надолго; к тому времени закончилась переброска провианта и войск: два вновь сформированных полка доставлены на судах из Астрахани в Гилян и три – на Куру, где прибывший с ними генерал-лейтенант фон Штаф начал строительство новой русской крепости – Екатеринбурга.

Это подкрепление генерал все же считал недостаточным и желал бы «прибавить» в Дербент еще два полка пехоты, но, понимая, что вряд ли министры на это сейчас пойдут, не настаивал. В Петербурге же считали нужным посылать на юг «нерегулярных», содержание которых обходилось дешевле. В 1726 году на Кавказ были снова отправлены украинские казаки; императрица простила содержавшихся под арестом за грабежи донских старшин Ивана Краснощекова и Данилу Ефремова – и послала их обратно в Дагестан вместе с 3500 казаками[14].

В распоряжении командующего в 1727 году находилось семь драгунских полков (Московский, Новгородский, Архангелогородский, Ростовский, Астраханский, Рязанский и Казанский[15]) во главе с полковниками Андреем Лицкиным, Иваном Чернцовым, Алексеем Таракановым, Тимофеем Чириковым, Иваном Сомовым, Леонтием Соймоновым и Иоганном Пицем. Долгоруков заметил плохое состояние кавалерии: при отсутствии хорошей травы, «кроме осоки», лошадей приходилось кормить соломой и даже дорогим пшеном, так что содержание одной лошади обходилось в 40 рублей, а стоили они здесь вдвое дороже, чем в Дагестане. Но в отличие от пехоты драгунские полки иногда выводились в Россию на «винтер-квартиры» (под Симбирск, Пензу, Казань, Самару или на Царицынскую линию) или заменялись другими[16]. (Так, в 1733 году с Царицынской линии в Дагестан были

[14] См.: Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 2. Ч. 1. С. 12, 14.

[15] В 1723–1726 годах в составе корпуса имелось то восемь, то девять драгунских полков (см.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 63. Л. 401; № 78. Л. 706; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 18. Л. 209; Сборник РИО. Т. 63. С. 88); к осени 1726-го их осталось семь (см.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 77. Л. 1144 об.), но к маю 1727-го и в 1728 году снова стало восемь (см.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1727. № 8. Л. 40; Сборник РИО. Т. 94. С. 565). Поданная в Сенат ведомость Военной коллегии от 17 мая 1736 года утверждает, что с 1727 по 1732 год в составе корпуса находилось семь драгунских полков, но при перечислении частей и времени их вывода называет только шесть: Архангелогородский, Ростовский, Новгородский, Московский, Астраханский и Рязанский, а также посланные туда в 1733 году Нижегородский, Псковский и Казанский полки (см.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. № 440. Л. 100–100 об). Однако Казанский полк упоминается в документах корпуса 1727 года. Периодически в состав корпуса включался и Астраханский губернский драгунский полк.

[16] См.: Сборник РИО. Т. 69. С. 19–20.

отправлены Нижегородский, Псковский и Казанский драгунские полки; два последних уже воевали на Кавказе, но были оттуда выведены[17].) Кроме того, имелись конные «шквадроны» армян и грузин (о них речь пойдет в следующей главе), а в 1730 году к драгунам добавился сербский гусарский полк в 459 сабель во главе с майором Иваном Албанезом, присланный по указу императрицы Анны Иоанновны в числе пополнения из 5259 человек[18]. (Майор Албанез умер в Низовой в конце 1731 года[19].)

Прибывшие в 1722 году с покойным императором пехотные батальоны были к середине 1725-го сведены в девять полков, получивших имена новых российских владений: Астрабадский, Бакинский, Дагестанский, Дербентский, Зинзилинский, Гирканский, Мизандронский, Рященский и Ширванский[20]; к концу года к ним добавился Кескерский полк[21]. Позднее были образованы Куринский и Тенгинский полки; точное время их формирования неизвестно, однако скорее всего эти названия получили доставленные в Баку и крепость Святого Креста летом 1728 года два гарнизонных полка из Казани и Воронежа, которых Верховный тайный совет повелел считать отдельными полками[22].

Вновь сформированные в Москве и прибывшие на место в 1726 году пехотные полки вначале получили названия по фамилиям командиров: 1-й – фон Девица, 2-й – Вединга, 3-й – Дубасова, 4-й – Маслова, 5-й – «фон-Лукеев». В составе Низового корпуса (при императрице Анне Иоанновне он стал именоваться «Персидским») они долго сохраняли свои названия, «для того, понеже де оные полки с прочими полками по указу мешать не велено; оные ж де имеются на подушном окладе, а прочие из Гилянских доходов на жалованьи». Однако в 1731 году они были переименованы, поскольку, как объяснил свое решение В. В. Долгоруков в рапорте в Военную коллегию, «во всех де полках уже прежние полковники неоднократно

---

[17] См.: *Потто В. А.* История 44 драгунского Нижегородского полка. СПб., 1892. Т. 1. С. 73.

[18] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 8 № 437. Л. 67–68.

[19] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1732. № 5. Л. 11.

[20] Перечислены в ведомости от 1 июня 1725 года (см.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 18. Л. 264 об.). К концу 1728 года в составе корпуса опять находилось восемь драгунских (включая Астраханский губернский) и десять пехотных полков (см.: Сборник РИО. Т. 94. С. 565).

[21] См.: *Юдин П.* К истории петровских полков на Кавказе // Военно-исторический сборник. 1912. № 2. С. 20.

[22] См.: Сборник РИО. Т. 94. С. 518–522. А. Л. Гизетти полагал, что они были выделены из состава прибывших в 1726 году пяти полков (см.: *Гизетти А. Л.* Хроника кавказских войск. Тифлис, 1896. С. 2). Но в мае 1728 года в корпусе числилось только десять «старых» полков и пять «новых», прибывших в 1726-м (см.: Сборник РИО. Т. 94. С. 565); кроме того, в июне 1729 года в состав Низового корпуса был послан «ландмилицкой» полк, который В. В. Долгоруков получил разрешение расформировать (см.: Сборник РИО. Т. 94. С. 676; Т. 101. С. 43).

переменилися и помянутые полки именами новых полковников называются, а иные де полки умерших полковников именами именуются, и впредь полковники переменяться будут, и что новый полковник прибудет, то полку новое имя переменится, и от чего де полкам звании основательны быть не могут и происходят конфузии и о взысканиях в прежних делах чинятся помешательства, чего ради для лучшего исправления помянутые полки наименовал он, генерал и кавалер, не переменными званиями, а именно: фон-Феникбиров полк первый – Ранокуцкой, Ступишин второй – Ленкоранской, Дубасов третий – Кергеруцкой, Маслов (а ныне Барыков) четвертый – Астаринской, фон-Лукеев пятой – Аджаруцкой»[23].

Так появились 17 пехотных полков Низового корпуса, которые оставались на юге до конца существования там российской администрации. Численность корпуса постоянно колебалась, что отражалось в ведомостях и рапортах, представленных его командованием в Кабинет и в Военную коллегию [24]. Данные некоторых из них приведены в таблице:

дата	общее количество войск	регулярных	нерегулярных	Здоровых / больных (среди регулярных)
октябрь 1724		20 975		16 324 / 4 651
январь 1725		20 324		16 083 / 4 241
сентябрь 1725	30 053		7383	
ноябрь 1725		22 569		18 039 / 4 530
февраль 1726	28 017	20 217	7800	15 423 / 4 794
апрель 1726	26 697	18 507	7956	15 199 / 3 308
декабрь 1727		11 630		9 133 / 2 497
январь 1728		12 709		10 537 / 2 172
сентябрь 1730	30 875	25 680	5195	
июнь 1732	(22 440)	17 297	5143	15 467 / 1 830

Можно отметить, что после первых успехов и заключения договоров количество солдат и офицеров начало снижаться, затем опять стало расти – иначе поддерживать контроль над коммуникациями и обеспечивать относительную лояльность местных ханов и прочих владельцев было бы

[23] Цит. по: *Зиссерман А. Л.* Указ. соч. С. 18. См. также: *Орлов Ф. Ф.* Очерк истории Санкт-Петербургского гренадерского короля Фридриха Вильгельма III полка. СПб., 1881. С. 6–7.

[24] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 67. Л. 644 (1724 год); № 72. Л. 714 об.–715 (1725 год); РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 18. Л. 279 об., 280–281 (1725 год); Ф. 9. Отд. II. № 78. Л. 706 (1726 год); РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 9. Л. 98 об.–100 (1726 год); № 19. Л. 191–191 об. (1727 год); АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1728. № 4. Л. 18 (1728 год); РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. № 437. Л. 675 об. (1730 год); АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1732. № 5. Л. 322 об.–323 (1732 год).

невозможно. В сентябре 1731 года большая часть пехоты располагалась в Гиляне (семь полков: Рящинский, Астрабадский, Мизандронский, Гирканский, Зинзилинский, Кескерский и Ранокуцкий) и Астаринской провинции (четыре полка: Ленкоранский, Кергеруцкий, Астаринский и Куринский); два полка составляли гарнизон Баку (Ширванский и Бакинский), два – Дербента (Дербентский и Дагестанский). Все семь драгунских полков и Тенгинский пехотный полк находились в крепости Святого Креста.

Однако командующего больше беспокоило не количество, а качество войск корпуса. Командиров частей, стоявших на Сулаке и в Дербенте, Долгоруков считал «безнадежными» и сожалел об отсутствии «достойных полковников». Он понимал, что служивые отнюдь не рвутся в далекие южные края и командование присылает в Низовой корпус далеко не лучшие кадры.

После знакомства с состоянием войск князь объяснял императрице и Военной коллегии, что в «новозавоеванных провинциях» царит «безмерная дороговизна», генералы и офицеры «без прибавки жалования пропитать себя не могут» и от невыносимых условий уже один майор и три капитана «с ума сбрели»[25]. Один из этих несчастных, капитан Яков Похвиснев, «на многих со шпагою бросался и поколол подполковника Колюбакина, а потом, сидя в Астрахани под арестом, изрезал ножом обретающегося при нем на карауле салдата Щоголева» и произнес – на свою удачу – «непристойные слова» по политической части, после чего был отправлен в Военную коллегию и в 1730 году официально признан невменяемым[26].

Ехать в Низовой корпус хотели не все. Направленный было в конце 1728 года на смену умершим начальникам в Иран генерал-майор Густав Оттон Дуглас, несмотря на все его «сердечное возбуждение и охоту к службе», покорнейше просил его «от оного похода освободить» (несмотря на то, что участие в походе принесло бы ему повышение в чине), поскольку никогда не командовал пехотой: «...яко старший генерал-маеор при всей армии, а именно при кавалерии вашего императорскаго величества обретаюсь. Сверх же того я, нижайший, за всегдашним моим слабым здравием, в состоянии не обретаюсь такой дальний путь туда производить и фамилию свою, которая, по благодати Божией, приумножилась, с собою взять, а здесь потому ж оставить не можно, ибо никаких деревень не имею и о конечном моем и фамилии моей разорении весьма опасатися принужден».

Долгоруков не возражал. Знакомый с местными «конъектурами» бывший начальник Низового корпуса понимал, что «командующие в персидских местах народ персидский, который весьма непостоянный и шаткий, не

[25] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 77. Л. 1142–1142 об.; Сборник РИО. Т. 63. С. 88–89, 135.
[26] См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 2. № 31. Л. 6.

одним воинским искусством и силою оружия в подданстве и в покорности содержать могут, но больше особливыми искусными с ними поступками и обхождением, и для того очень нужно таких знающих выбирать, на которых бы можно безопасно в том положиться и который бы в потребном случае, ежели в Гиляни генерал-лейтенант Левашов умрет (что в таких опасных местах легко случиться может), мог, по близости от Гиляни место его, до прибытия другого командира, заступить». На такую должность требовалось «способную особу выбрать, на которую б можно верно положиться». Выходец же из шведской службы, взятый в плен в Полтавской битве, в глазах князя «искусным обхождением» не обладал; посредственного служаку не стоило направлять туда, где «в главном правлении наивящшая сила зависит»; тем более что «помянутый генерал-маеор при всей армии старше и в Персию инако, как генерал-лейтенантом, отправить его невозможно, а в Персии два генерал-лейтенанта и в добавку третей не требуется»[27]. Командировка Дугласа была отложена, но вступившая вскоре на престол Анна Иоанновна в 1731 году отправила-таки его, уже получившего к тому времени генерал-лейтенантский чин и небольшое имение, в Иран, несмотря на слезные просьбы его супруги[28].

Весной 1727 года под началом пожалованного в генерал-лейтенанты Долгорукова состояли генерал-лейтенант фон Штаф, генерал-майоры А. И. Румянцев, В. Я. Левашов (в этом году они также были произведены в генерал-лейтенанты), А. И. Загряжский и Н. Шипов и два бригадира – Штерншанц и Юнгер. В этом же году Штаф и Шипов умерли на Куре; в 1728-м скончался Штерншанц. Участник похода 1722 года и первый комендант Баку бригадир Иван Барятинский покинул город в июле 1724-го и прибыл в Москву совершенно больным. «Жестоко стражду и едва по избе временем могу пройти», – писал он своему «патрону» Меншикову в декабре. В Иран Барятинский больше не вернулся, но болел долго, так что даже не смог занять предназначенное ему еще Петром I место члена Военной коллегии[29].

Долгоруков рекомендовал министрам при «командировании» в Низовой корпус «очередь с определением срока учинить, понеже некоторые персоны высокою вашего величества милостию пожалованы в генерал-маеоры из младших бригадиров и из полковников и оную вашего величества милость еще не заслужили». Но в то же время он понимал, что частая смена командующих вредна: «Буде кого послать из генерал-лейтенантов, дав

[27] Сборник РИО. Т. 94. С. 6–8.

[28] См.: Там же. Т. 104. С. 83–84; *Михневич В. О.* Черты быта и нравов XVIII столетия // Исторический вестник. 1898. № 9. С. 901–903.

[29] См.: *Адамович Б.* Князь Иван Федорович Барятинскский // Русская старина. 1904. № 8. С. 449–450.

чин генерала полного, то генерал-лейтенантам Левашову и Румянцеву будет не малая обида, понеже оные там уже многое время и всегда в воинских обращениях и в безпокойстве находятся и порядочными своими и искусными в воинских делах поступками к интересу вашего величества многие знатные заслуги показали, которыя их дела от вашего величества милостивно апробованы».

В июле 1729 года Верховный тайный совет повелел «переменять» генералов корпуса через три года, и в дальнейшем ротация командного состава происходила регулярно. На смену выбывшим в том же году приехали генерал-майоры Ю. И. Фаминцын и Т. фон Венедиер. Первый в 1731 году просил о смене, поскольку «стал быть дряхл и от ран немощен, особливо же имеет каменную болезнь и ноги пухнут», но, так и не дождавшись «усмотрения» командующего, умер в Астаре. Второй благополучно отбыл и получил назначение в Прибалтику. В 1730 году на службу в корпус были отправлены генерал-майоры А. Б. Бутурлин (отпущен в 1733 году) и Д. Ф. Еропкин; последний уже служил на юге в 1725–1727 годах в «поисках» против шамхала и при комиссии «для разграничения с турками персидских земель», отбыл больным, но после отпуска и повышения в чине вновь был направлен на Кавказ на замену переведенного на Царицынскую линию Загряжского. В 1731-м в Иран посланы генерал-майоры П. де Бриньи и упомянутый Г. О. Дуглас. В 1732-м на короткое время был отозван даже бессменный Левашов, и корпусом стал командовать генерал-лейтенант Людвиг Гессен-Гомбургский вместе с генерал-лейтенантом М. И. Леонтьевым и генерал-майором И. И. Бибиковым[30].

В неменьшей степени волновал Долгорукова и состав офицерского корпуса. Еще в 1723 году Петр I разрешил не вычитать у служивших в Низовом корпусе четверть жалованья[31], но эта «прибавка» была явно недостаточной. В 1727-м князь добился для «своих» офицеров повышения жалованья и увеличения провиантского довольствия[32]. Это повышение обошлось казне в 241 077 рублей, которые было велено изыскать из «не положенных в штат» доходов и «остаточных» средств[33]. В 1728 и 1729 годах, уже вернувшись с юга и став фельдмаршалом, Долгоруков по-прежнему официально «курировал» Низовой корпус и требовал соблюдения указа от 4 декабря 1725 года, предписывавшего «переменять» офицеров

[30] Указы о назначениях генералитета см.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. № 3400, 3479, 3743, 3744, 3843, 3848, 4068, 4325, 4335; Сборник РИО. Т. 84. С. 169-170..

[31] ПСЗРИ. Т. 7. № 4299.

[32] См.: Сборник РИО. Т. 63. С. 88; Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. № 2008, 2056.

[33] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. № 437. Л. 33.

через два года тяжелой службы, поскольку «генеральские персоны и штаб и обер офицеры с начала, без перемены, оболели и охоту потеряли к службе вашего величества, и кои отсель посылаются, те причитают себе за ссылку, что и правда есть резон – без перемены до смерти быть в Персии походило на ссылку; а ежели с переменою двугодною, учиня справедливую очередь, не надеюсь, кто б мог отговариваться». В таком случае, по мнению фельдмаршала, не нужно будет и платить повышенное жалованье «по табели 1720 года», – ведь офицеры на таких условиях, «как выше упомянуто, с одним жалованьем, а не вдвое с радостию поедут». Но при этом он считал нужным «на перемену штаб и обер офицеров треть или сколько за благо разсуждено будет наперед отправить, а как туда прибудут, то тогда толикоеж число из тех, которые с начала там и в особливых трудных местах обреталися, отпущены быть могут, ибо когда наперед оттуда отпускать, то долгое время продолжится, пока другие прибудут, и оттого не малое оскудение в офицерах будет, чего состояние тамошних дел не терпит»[34].

Документы Верховного тайного совета свидетельствуют, что эти обращения подействовали: в 1728 году в Низовой корпус были направлены 124 офицера («полковников 2, подполковников 3, маеоров 2, капитанов 3, поручиков 10, подпоручиков 7, адъютант 1, прапорщиков 96») с повышением в чине[35]; в 1730-м – 74 драгунских офицера[36]. Возвращавшимся же по решению Верховного тайного совета 1729 года предоставляли годичный отпуск[37]. В том же году «верховники» утвердили «мнение» Долгорукова о перемене штаб и обер офицеров через три года «по третям каждого чина»; генералы же должны были отслужить по три года полностью[38].

Однако не всем повезло смениться через означенный срок. В заморских полках держали в строю ветеранов – таких как беспоместный драгунский капитан Никита Уваров, прошедший Северную войну и «турецкую акцию» 1711 года; он несколько лет ходил «в партии» под Кумтаркалами и в другие места вместе с сыном-поручиком, о чем 64-летний офицер рассказал в 1730 году в Герольдмейстерской конторе. Вместе с ним прибыл с аттестатом от Долгорукова такой же беспоместный 57-летний герой Нарвы и Полтавы, израненный полковник Гирканского полка Александр Маслов, отслуживший в Дагестане пять лет в экспедициях против «горских татар» и при обороне «Аграханского транжамента». Это под его командованием гарнизон отстоял крепостцу от шамхальского войска в 1725 году, за что он был награжден

[34] Сборник РИО. Т. 94. С. 9, 416.

[35] См.: Там же. С. 416.

[36] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. № 437. Л. 740. О замене офицеров в 1728–1729 годах см.: Там же. Л. 54–55.

[37] См.: Сборник РИО. Т. 94. С. 672.

[38] См.: Там же. Т. 101. С. 41–42.

100 рублями. Неграмотный 59-летний капитан Астраханского драгунского полка Иван Порошин прибыл вместе со своей частью на Кавказ в 1723 году, будучи еще прапорщиком, и служил там «без перемены» семь лет; 56-летний капитан Ширванского полка Борис Глазатой – тот самый, который оборонял в 1725 году «транжамент» и ходил в «партию» на шамхала, – оставался пять лет[39]. Когда Маслов вышел в отставку, у него не было ни детей, ни крестьян. Борис Афанасьевич Глазатой в 1730 году был майором отставлен «в дом до указа»; после отпуска назначен воеводой Черевококшайска, а в 1738-м – к сбору «адмиралтейской доимки» в Воронежской губернии и только в марте 1740 года вышел в «чистую» отставку[40].

55-летний Андрей Солдатов за годы службы с 1722 года стал из прапорщика капитаном своего Зинзилинского полка. Дослужившийся до полковника и коменданта Баку 52-летний Богдан Киселев оставался в Иране с 1723 года по 1731-й и был отпущен, но продолжил служить и вышел в отставку в 1743 году с целым букетом тяжелых болезней; однако у него хотя бы имелись вотчины в Арзамасском и Пензенском уездах с 565 душами крестьян. А воевавший с 1700 года капитан Ранокуцкого полка Иван Соловьев отставку получил в 1730 году , но «деревень и пропитания своего не имел»[41].

Рядом с русскими в рядах имперской армии исправно служили офицеры-иностранцы – моряки, как Карл фон Верден; инженеры, как полковник, а затем генерал-майор Адриан де Бриньи, «сочинявший» чертежи и модели крепостей; артиллеристы, как майор Иоганн Гарбер, оставивший подробное описание «новоприобретенных провинций»; полковники Андрей Девиц, Александр Фразер, Яков фон Голтен, Яков фон Стралон, Леопольд де Беаусобри; подполковники Андрей Девсон и Франсуа ле Шапеле де ла Саренс, майор Филипп Гнам. Сын «старых выездов иноземца» и участник всех войн петровского царствования «полковник иноземец Андрей Томасов сын Юнгер» с 1722 по 1726 год был комендантом Дербента, а затем оберкомендантом Астрахани[42]. В Дербенте нес службу и скончался «от ран» пожалованный из полковников в бригадиры фон Лукей, а в Астаре умер ставший из бригадиров генерал-майором Иоганн фон Штерншанц.

---

[39] См.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. № 108. Л. 93–93 об., 94, 175 об., 185, 255, 260–260 об.; о выдаче А. Г. Маслову награды см.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 77. Л. 708.

[40] См.: Сенатский архив. Т. 7. С. 657, 693.

[41] См.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. № 117. Л. 125, 153, 175. О судьбе Богдана Трофимовича Киселева см.: Сенатский архив. Т. 7. С. 659.

[42] Биографию А. Т. Юнгера см.: *Бабич М. В.* Андрей Юнгер или о предках Эраста Фандорина в эпоху Петра Великого и его преемников // Петровское время в лицах. 2005. СПб., 2005. С. 38–49. Но нужно уточнить, что А. Т. Юнгер был назначен в Астрахань не в 1730-м, а в марте 1728 года (см.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. № 2905).

Так как к новому месту службы ехать желали не все, иных отправляли «за караулом», как, например, кондукторов Н. Желтухина и К. Корсакова и учеников И. Брюхова и П. Татарникова – за «буйство» и прочие «упущения по службе»[43]. В декабре 1727 года подполковник Ингерманландского полка Никита Ступишин подал в Военную коллегию прошение, в котором указал, что с 1700 года «был на многих баталиях и акциях и в партиях, и в морском галерном флоте и на стекголмской стороне и при оном полку был всегда безотлучно». Ветеран просил не посылать его с рекрутами «на Низ» и от службы уволить по причине «параличной болезни», по причине каковой он плохо владеет рукой и ногой. После обследования болезнь была констатирована, но Ступишин все равно в августе 1728 года был отправлен на службу, в утешение получив чин полковника[44]. В 1733-м он был назначен комендантом Дербента[45].

А один из инициаторов «персидского похода», генерал-майор А. П. Волынский, к месту назначения так и не прибыл – правда, скорее всего потому, что находился в 1730 году под следствием по поводу злоупотреблений в бытность его казанским губернатором. Волынский принес императрице Анне Иоанновне «повинную», был в следующем году прощен и в Иран уже не отправлен[46].

Среди офицеров-иностранцев не удалось избежать нежеланной командировки не только генерал-майору Дугласу. Другой «немец» – генерал-майор Томас фон Венедиер – потребовал себе «полный генерал-маиорский трактамент» и не выплаченное с 1726 года жалованье, которое он получал по прежнему бригадирскому чину, но назначение принял. Настойчивый генерал добился-таки выплаты ему 3857 рублей, с которыми и отбыл к месту службы и, по отзыву Левашова, показал себя «трудолюбивым»[47].

Другим способом повышения офицерского «куража» Долгоруков считал производство отличившихся на службе. В 1727 году он не раз в своих доношениях подчеркивал «ревность» и способности генерал-майоров Румянцева и Левашова. После смерти фон Лукея Долгоруков настоял на назначении командиром Дагестанского полка подполковника Ильи фон Феникбира, а на место ушедшего в отставку полковника Гирканского полка А. Маслова – подполковника Михаила Барятинского, зарекомендовавших

---

[43] См.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. № 3742; Сборник РИО. Т. 84. С. 218.

[44] См.: РГВИА. Ф. 20. Оп.1/47. №19. Л. 162; Сборник РИО. Т. 84. С. 288–289.

[45] См.: *Чекулаев Н. Д.* Российские войска в Дагестане в контексте кавказской политики России (1722–1735 гг.). С. 121.

[46] См.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. № 3919, 4050.

[47] См.: Сборник РИО. Т. 101. С. 254–256.

себя «в партиях, акциях и в походах». Он же представил к повышению в бригадиры служившего на Кавказе с 1722 года полковника Рязанского драгунского полка Леонтия Соймонова, который, «как до прибытия моего в Персию, так и при мне, во исправлении своего чина весьма себя искусным и к пользе вашего величества интереса ревнительным показал»[48]. Такой протекции удостаивались далеко не все: герой сражений с горцами в январе 1725 года прапорщик Архангелогородского драгунского полка Федор Исаев писал самому Макарову в Кабинет, чтобы получить повышение, – и в том же году был пожалован в капитаны[49]. Кроме того, он сумел получить разрешение на определение своих детей в гвардию[50].

Однако в состав корпуса попадали не только заслуженные боевые офицеры, но и те, чья карьера в столице не задалась. В 1728 году в Иран поехал бывший обер-комендант Петербурга Юрий Фаминцын, потерявший место после «падения» своего «патрона» – Меншикова; в 1731-м он безуспешно просил о переводе и в том же году умер в Астаре[51]. В 1729 году был удален от слишком тесной близости с цесаревной Елизаветой камергер ее двора красавец Александр Бутурлин – в армию на Украину, а затем в Низовой корпус; Румянцев ему поначалу не доверял и желал «опробовать» в деле. Оставленный в Дербенте Бутурлин жаловался на «неисцельные» хвори; в 1732 году комиссия во главе с комендантом полковником М. Барятинским его освидетельствовала и признала наличие гнойной раны («фемеры») на ноге, припадков «ипохондрии» с жаром, рвотой и кашлем с кровью, но, несмотря на это, молодой генерал отбыл с Кавказа только в декабре следующего года[52].

Туда же «в разные чины» военные суды отправляли преступников, подобно разжалованному «в профосы вечно» за растрату «комиссару» Афанасию Худеяровскому. На запрос Сената Адмиралтейств-коллегия представила список из шести десятков отосланных с 1725 года «для обращения в персицкие полки» проштрафившихся служивых; туда попадали на срок от пяти до десяти лет за побеги, кражи «казенных мяс» и другого имущества, «блуд» и насилие, безудержное пьянство. К примеру, на Кавказ отправился искупать грехи прогулявший казенный мундир и «не унявшийся» и после этого этом канонир Степан Сипов[53]. Военная коллегия в июне

[48] См.: Сборник РИО. Т. 94. С. 418; Т. 101. С. 259.

[49] См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. № 18. Л. 20 об.

[50] См.: Там же. Отд. II. № 72. Л. 238, 243–244.

[51] См.: Сборник РИО. Т. 84. С. 647; Т. 94. С. 415, Т. 104. С. 27; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. № 7. Л. 263 об.

[52] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. № 399. Л. 668–672; Сборник РИО. Т. 106. С. 613.

[53] См.: РГВИА. Ф. 8. Оп. 1/89. № 180. Л. 1 и далее; РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. № 165. Л. 35–41.

1726 года согласилась с мнением командующего Низовым корпусом, что совершивших здесь преступления солдат и офицеров следует не отправлять на каторгу в Россию, а оставлять в Гиляне, где всегда «в работных людях имеетца нужда»[54].

Наконец, в ведении князя находились моряки Астраханского адмиралтейства («конторы над портом»), основанного Петром I в 1722 году. В его состав входили «адмиралтейское строение» в самом городе, пристань с земляной крепостцой и провиантскими магазинами на выходе в море у острова Четырех Бугров (после шторма 1726 года она была перенесена на остров Седлистый). Строились новые суда (гекботы, галиоты, эверсы, шнявы, шхерботы) в Нижнем Новгороде и Казани; в Астрахани они ремонтировались и оттуда выходили в море, доставляя пополнения и провиант гарнизонам Низового корпуса. Команда флотилии в 1725 году состояла из 1050 моряков и портовых мастеровых. До 1726 года ее возглавлял голландец капитан Карл фон Верден, затем – контр-адмирал (шаутбенахт) Иван Сенявин, а после его смерти в 1727-м – капитан-командоры Захар Мишуков и Федор Кошелев (с 1730 года)[55].

Моряки в боях не участвовали, но так же часто рисковали жизнью, пускаясь в плавание по коварному Каспию. В 1726 году фон Верден рапортовал о том, что в предыдущие годы погибли и пропали без вести: в 1723-м – 12 кораблей, а в 1724-м – шесть[56]. На склоне лет старый капитан Иван Грязнов вспоминал, как в 1722 году молодым гардемарином ходил на тялке с мукой в Дербент, где стоял с армией Петр I, и по бурному осеннему морю в Гилян с батальонами Шипова; весной 1723-го он вез туда же рекрутов, потом ходил с командующим Матюшкиным брать Баку, а оттуда вновь в Гилян, где пришлось зимовать и участвовать в военных операциях «на Кескерской стороне»; запись обо всех этих приключениях уместилась в нескольких скупых и бесстрастных строк. Особо запомнился лишь ноябрьский шторм под Тарками, «обломавший» мачту и «оборвавший» паруса у судна, на котором ехала к мужу отважная «пассажирка подполковница Фанлукейша», да жестокая зимовка 1724/25 года на «Учинской косе» в Аграханском заливе, когда моряки «нужду имели в пище и опасны были

---

[54] См.: РГВИА. Ф. 8. Оп.1 /89. № 183. Л. 1. Н. Д. Чекулаев приводит данные о ссылке проштрафившихся солдат из России в гарнизон Дербента (см.: *Чекулаев Н. Д.* Российские войска в Дагестане в контексте кавказской политики России (1722–1735 гг.). С. 120).

[55] См.: *Чубинский В.* Историческое обозрение устройства управления морским ведомством в России. СПб., 1869. С. 78; *Кистенев В. В.* Создание казанской верфи и астраханского порта в Среднем и Нижнем Поволжье в первой четверти XVIII в. // Вестник Самарского университета. 2007. № 5/2 (55). С. 113–114. К сожалению, сведения о количестве и классах построенных для обслуживания Низового корпуса судов в научных работах отсутствуют (см.: История отечественного судостроения. СПб., 1994. Т. 1. С. 175).

[56] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1726. № 4. Л. 10–10 об.

от неприятеля»[57]. О произошедшем летом 1725 года кораблекрушении автор даже не рассказывал – только отметил: «...отданы мы были под суд за потеряние судов». Такие случаи действительно рассматривались военным судом: в 1726 году в «потоплении» гекбота «Гиркань» обвинялся капитан-лейтенант Петр Пушкин; гекбота «Св. Петр» – унтер-лейтенант Петр Юшков, а гекбота «Апшеронь» – мичман Петр Головин. Все эти моряки были признаны невиновными в крушениях и сделавшими все возможное для спасения своих судов[58].

В суровых условиях морской службы быстро становилась ясна пригодность к ней. Одним из лучших каспийских капитанов стал Федор Соймонов – именно ему петербургское начальство поручило вновь «описать восточной берег Каспиского моря достовернее, и возвращаяся назад, все оное море объехать». Выйдя в море в мае 1726 года на трех судах с лейтенантом Осипом Луниным и командой в 140 человек, Соймонов подробно исследовал восточный берег. От Красноводского залива экспедиция направилась на юг к Астрабадскому заливу, в котором из-за «противных» ветров простояла на якорях девять дней, но на берег ее участники «съехать не осмелились». С борта корабля Соймонов хорошо видел город Фарабат (Астрабад), его окрестности, гору «Демован» и оставил красочное описание южного берега, заключая, что «такого приятного к виду человеческому места, нам тогда показалося, лутче быть не может».

На пути в Гилян русские корабли в течение недели перехватили 14 персидских бус и «их людей и товары брали на свои суда»(все военные корабли арестовывали суда, не имевшие «паспортов» от российских командиров, и таких «призов» немало скопилось в Баку, Дербенте и Астрахани)[59]. Достигнув через 12 дней Гиляна и оставив там пленных, Соймонов из-за постоянных штормов с трудом довел свои корабли до Баку. Там он посетил «места, где огни горят», а затем, минуя Дербент, Аграханский и Кизлярский заливы, вернулся в Астрахань и «чрез некоторое время всего того нашего мореплавания, учиня надлежащие картины и с содержанными журналами в государственную Адмиралтейц-коллегию отправили». Материалы картографических съемок каспийского побережья получили высокую оценку, и в том же году по именному указу Екатерины I велено было «обретающагося ныне в Астрахане от флота капитан-лейтенанта Федора Соймонова за долговременную ево в Астрахане службу написать в капитаны 3 ранга и быть ему тамо до указу»[60].

---

[57] Записная книга И. М. Грязнова // Щукинский сборник. М., 1907. Вып. 6. С. 17–18.
[58] Материалы для истории русского флота. Т. 5. С. 301.
[59] См.: Там же. С. 189–190.
[60] Цит. по: *Гольденберг Л. А.* Указ. соч. С. 51–55.

Рядом с Соймоновым так же отлично служили капитан-командор Жан Рентель, капитан-лейтенанты Василий Урусов и Василий Мятлев. Другие же, как лейтенант Потап Мусин-Пушкин и унтер-лейтенант Егор Мещерский, долго не задерживались – по той причине, что постоянно «находятся в шумстве и к содержанию в службе быть неудобны»[61].

Сухопутные командиры обычно в морские дела не вмешивались, но трения все же возникали – особенно после отъезда влиятельного Долгорукова, который отметил, что моряки по отношению к Румянцеву и Левашову «не так послушны им, как при мне были». В 1729 году нехватка «морских служителей» заставляла Мишукова обращаться к генералам, но те не отдавали морскому ведомству солдат (которых и так не хватало), так что Долгоруков в итоге вынужден был требовать присылки настоящих матросов с Балтики. Левашов, в свою очередь, жаловался, что Адмиралтейство не присылает ему шхерботов, тогда как «в Зинзилинском заливе банк весь обмелел», а потому морские корабли не могли в него войти и требовались разгрузочные суда для доставки грузов на берег[62].

Конфликт был разрешен следующим образом: Верховный тайный совет потребовал от главного командира над портом Мишукова исполнять требования генералов, которые «до Низового корпуса принадлежат». Новые корабли спускались по Волге, однако, будучи наскоро построенными, быстро выходили из строя и пускались на дрова (в 1726 году фон Верден докладывал о 85 судах, за два года оказавшихся «в росходе).

Некомплект моряков и работников оставался хроническим явлением: Мишуков в 1730 году безуспешно требовал у Адмиралтейств-коллегии работников, а его преемник Ф. Кошелев в следующем году просил выделить ему не менее двух тысяч солдат для «работ адмиралтейских» под угрозой срыва поставок провианта войскам. Судя по донесениям из Астрахани, эти проблемы сказывались на состоянии флотилии: в мае 1727 года Мишуков докладывал об имеющихся в наличии 78 морских судах, в 1728-м – 96, но в феврале 1730-го насчитал только 43 корабля[63]. Дальше ситуация только ухудшалась: в 1731 году нужды корпуса обеспечивали 38 судов, в 1732-м – 36, в 1733-м – 33; нехватка транспортных средств приводила к постоянному «недовозу» провианта, исчисляемого десятками тысяч кулей[64]. В тревожном 1733 году, когда крымские татары прорвались в Дагестан с севера, нехватка матросов и кораблей заставляла морских командиров отряжать на работы солдат, чему категорически противились генералы[65].

---

[61] См.: Материалы для истории русского флота. СПб., 1879. Т. 7. С. 584.
[62] См.: Сборник РИО. Т. 101. С. 68–69; 257–258.
[63] См.: Материалы для истории русского флота. Т. 5. С. 395–396, 825; Т. 7. С. 31, 212.
[64] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. № 439. Л. 476–477 об.
[65] См.: Сборник РИО. Т. 106. С. 439–441.

За годы пребывания в прикаспийских провинциях Низовой корпус так и не смог обеспечить себя продовольствием за счет местных ресурсов. Весь необходимый провиант приходилось доставлять морем, что, в свою очередь, требовало значительного количества судов и ставило под угрозу снабжение армии. В том же 1733 году сводки о доставке провианта имели такое же значение, как донесения о ходе боевых действий. Генерал-кригскомиссариат докладывал Сенату, что для «удовольствия» войск требуется 89 541 куль муки, 5594 куля крупы, 1495 кулей соли, 52 024 куля овса, и представлял данные об их завозе[66].

Попытка перейти на местное снабжение была предпринята в декабре 1733 года, когда Сенат повелел узнать, нельзя ли с тамошнего населения «вместо обыкновенных податей хлебом брать». Однако успеха эта инициатива не имела. В следующем феврале командующий Левашов сообщал, что хлеб для армии имеется лишь «в Шебранских и Мушкурских магалех», но «вместо подати обыватели пшеницей и пшеном сорочинским (рисом. – *И. К.*) давать отказались»; заставлять же их генерал не рекомендовал, ибо «забунтовать или розбежатца могут». Что же касается возможных закупок, то Левашов извещал о местных ценах на хлеб, но не знал, во что обойдется провиант из России «в подряде и с провоза» и предоставлял столичным властям прерогативу решать, как выгоднее обеспечивать продовольственное снабжение армии[67]. В том же году «натуральные» сборы в Бакинской, Сальянской и Низовой провинциях дали немного: 31 фунт шафрана, 1 пуд 35 фунтов шелка, 1,25 фунта табака, шесть четвертей риса и 598 четвертей ячменя, который был частично отдан поселившимся армянам и пущен в продажу[68].

«Работы великие, партии непрестанные»

Долгорукову нельзя отказать в храбрости и энергичности – он не собирался сидеть в Реште, чтобы «персияне» не думали, «бутто мы только можем держатца по гварнизонам и за бессилием больше не можем никаких действ в Персии казать». В марте 1727 года он с отрядом из 800 драгун и солдат проделал посуху нелегкий путь из Решта на Баку, оттуда прибыл в Дербент, а в июне уже писал доношения из крепости Святого Креста.

За короткий срок генерал ознакомился с состоянием войск и успел «в совершенное нам владение надлежащие места привести». «В ефте лета зачел жить калмыцким манером», – похвалился командующий в письме Макарову 5 апреля. «Дорога зело злая и студеная была», – сообщил он о своем рейде по прибрежным и горным тропам, где проехать можно было

[66] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. № 439. Л. 263.
[67] См.: Там же. № 439. Л. 328, 342; № 440. Л. 37.
[68] См.: Там же. № 439. Л. 349 об.–350.

только верхом «на вьюках», а «телегами невозможно». У моря путь преграждали устья десятков больших и малых рек. Русский путешественник спустя сто с лишним лет после Долгорукова описал горную дорогу под Астарой: «...воздух становится холоднее, вид закрывается лесами, дорога изгибается по ребрам гор и скал, народонаселение прекращается. Нельзя пожаловаться, чтоб нашему пути не доставало живописности, но это живописное соединяется по временам с некоторой опасностью: узкая тропинка только что способная для одной лошади, извивается по обрыву скалы над зияющей бездной; достаточно одного неверного шага, чтобы погибнуть горестно в этой пропасти»[69]. В конце XIX века российские военные, совершавшие поездки с разведывательными целями по приграничным областям южного соседа, из всех путей, проходивших по прикаспийским территориям Ирана, только направление из Решта на Казвин считали более или менее пригодной «колесной дорогой», остальные же коммуникации по-прежнему представляли собой горные тропы[70].

Решительность князя Долгорукова возымела нужное «действо» – местные жители вместе с большими и малыми «владельцами» не только не обнаружили «противности», но и «великую мне учтивость показывали и послушание как больше быть невозможно, как в провианте, фураже и подводах с великим довольством давали с радостию; сверх всего под драгун презентовали 660 лошадей», как следует из его доклада в Петербург. Князь гордился тем, что «привел в подданство ее императорскому величеству правинции... с которых будет ее императорскому величеству доходу около ста тысяч рублев»[71]. Правда, эти доходы еще надо было получить.

Об спехах решено было известить российских подданных. Опубликованная 7 мая 1727 года в Петербурге «Реляция» гласила: «Сего мая в 1 день получена ведомость от генерала господина князя Долгорукова, аншефт командующего над войски ее императорского величества, обретающимися в Персии, из Дербента от 5 числа апреля сего 1727 года, что он имел свой марш из Гиляни до Дербента с некоторою частью кавалерии и, будучи в том марше, привел ея императорскому величеству в подданство персидския провинции, лежащия по берегу Каспийского моря, а именно Кергеруцкую, Астаринскую, Ленкоранскую, Кызылагацкую, Уджаруцкую, Сальянскую, також и степные народа Муганской, Шегсеванской, Мазаригской провинции пришли в подданство ж. И во время сего его маршу помянутых провинций владельцы ханы, султаны и другие управители великую показывали ему учтивость и послушание, и в провианте, в фураже,

[69] *Березин И.* Путешествие по Северной Персии. Казань, 1852. С. 4.

[70] См.: *Артамонов Л. К.* Персия как наш противник в Закавказье. Тифлис, 1889. С. 191.

[71] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 9. Л. 131–132.

и в подводах великое он имел от них довольство, и давали все с радостью; и сверх того под драгун презентовали шестьсот шестьдесят лошадей, и в верности ее императорскому величеству подданство учинили присяги и обещали платить на каждый год в казну ее величества податей по сту тысяч рублев: також и армяня из собрания Саганацкого прислали к нему своих депутатов с прошением, чтоб им всем быть в вечном ее императорского величества подданстве, и дать бы им места для поселения в провинциях, принадлежащих ее императорскому величеству, которые им показаны; и они, армяне, видя те места, довольны оными явились, понеже оные места изрядные, хлебородные и лесные, и желают на оные переходить. Також персиане тех провинцией, которые по трактату достались под владение турецкое и которые под владением персидскнм остались, просят в подданство ее императорского величества; понеже от турков им великия озлабления, разорения и тиранства учинены. И тако с помощью Божиею дела ея императорского величества в Персии благополучно идут»[72].

Энергично действовали и другие местные командиры: в феврале 1726 года «при урочище Шембебазар» был разгромлен мятежный отряд «Мамад Али хана сардара»[73]. Однако кроме привычных уже деревенских «бунтов» появилась и другая опасность. Вслед за турецко-афганским миром последовали неприятельские действия. Афганский военачальник Сайдал-хан с четырехтысячным отрядом из соплеменников и вспомогательным персидскими частями объявился на границе Гиляна. 20 декабря 1727 года под Лагиджаном его встретил майор Кескерского полка Иван Юрлов с командой всего из 200 солдат, 20 драгун, 20 казаков и 50 конных грузин и армян. Привыкший побеждать персидские войска Сайдал-хан бросил на горстку людей свою конницу в «панцирех» и «железных шишаках», но встреча с регулярной частью закончилась для нее плачевно. Афганцы были встречены залповым огнем, повернувшая назад конница затоптала свою же пехоту, и нападавшие все вместе бежали с поля боя от штыковой атаки. Отряд Юрлова потерял в бою пять человек убитыми и 28 ранеными; со стороны неприятеля было «побито и потопло в реке» 600 человек[74].

В феврале 1728 года князь докладывал об успехах другого командира – полковника Василия Озерова, который со своим отрядом «за Кесмою» трижды разбил повстанцев, объединившихся под знаменем самозванца, провозгласившего себя сыном шаха Султан-Хусейна, умершего или убитого в афганском плену осенью 1727 года. В марте «шахович» был разгромлен еще раз и «пешком ушел в горы», потеряв убитыми 150 человек. Его

[72] Цит. по: *Алиев Ф. М.* Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. С. 79–80.

[73] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 78. Л. 711.

[74] См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 19. Л. 192–193; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1728. № 4. Л. 2.

потери могли бы быть и больше, но, объяснял командующий, «здешнего неприятеля за легкость чрез меру много побить невозможно»[75].

В донесении из Дербента 8 октября 1727 года генерал с гордостью, хотя и не без некоторого преувеличения, подводил итог своих усилий:

«И как я сюда прибыл, то в великой слабости и опасности были здешние дела, а именно: из крепости Святого Креста версты без конвоя не смели выступить; в Дербенте тако ж на поля за сады не смели выехать, а коли и езживали, то обще собравши с наипом человек по двести и больше; в Ряще без конвоя офицеры из квартиры в квартиру друг к другу не хаживали; а чтобы от Сулака до Дербента и от Дербента до Баку отнюдь не смели сухим путем коммуникацию учинить – и не думали о сем, чтобы могла статься коммуникация. И так наши люди были в робости и в отчаянии, и в великой слабости все наши дела в Персии обращались, о чем обстоятельно известен Верховный тайный совет.

И, будучи я здесь, сколько мог с усердным моим прилежанием вашему императорскому величеству в здешних краях службу показывал, а именно: в какой бодрости все люди ныне обретаются и какая комыуникация сухим путем от крепости Святого Креста и до Ряща учинена, о чем обстоятельно вашему императорскому величеству известно, с какою отвагою и с великим азартом с двумя стами конвоем от Ряща и до Дербента прошел, и какие сильные действа учинил, и какой неприятелям страх показал, отчего покиня турки Остаринскую, Кергеруцкую, Ленкеранскую провинции, ретировались в Ардевиль, в которых провинциях свои гарнизоны учинил и другие провинции многие в подданство привел, о чем прежде сего с обстоятельством вашему императорскому величеству доносил, с которых доходу будетъ не малая сумма»[76].

Долгоруков мог гордиться своими успехами, хотя степень «бодрости» его подчиненных измерению не поддается; солдат, офицеров и казаков ожидали, по словам командующего, «работы великие, партии непрестанные». Генерал был уверен, что все «бунты прекращены быть имеют», но все же в мае 1727 года писал в Петербург, что продолжать «прогрессы» и даже занять уже формально принадлежавший России по Петербургскому договору Астрабад невозможно без присылки дополнительных войск, поскольку «злые и непостоянные народы» не желают признавать себя российскими подданными[77].

Уже в июне Левашов докладывал своему начальнику, что после его успешного похода на Баку на дорогах Гиляна вновь появились «завалы,

[75] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 19. Л. 201, 206 об.–207.
[76] Сборник РИО. Т. 79. С. 121–122.
[77] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1727. № 8. Л. 43.

перекопы и шанцы»[78]. «Куммуникации» в русских владениях прерывались; уже покоренные земли опять приходилось «приводить в подданство»; но эти усилия требовали присылки все новых войск. Местные ханы и султаны боялись российских солдат и их начальников, но при их отсутствии перебегали во владения шаха или к туркам, как доложил Долгоруков, по причине «персидской самой глупости и слабой надежды и суеверия».

Как будто уже усмиренные «злые и непостоянные народы» по мере роста сил и успехов шаха вновь обнаруживали неповиновение. После побед иранцев над афганцами и турками «почали являтца развратные и возмутительные письма, и народы шатаютца», как докладывал Левашов летом 1730 года.[79] В разных местах вспыхивали восстания; так, в 1730 году «забунтовал» под Астарой Джафар-салтан; затем отряды «бунтовщиков» появились в Ленкоранской провинции, но «партиею маэора Вульфа разбиты и несколько деревень их сожжено»[80].

Против непокорных отправлялись воинские «партии». Одну из них, выступившую из Астары и наводившую порядок «по волостям», возглавил полковник Никита Ступишин – тот самый, который так не хотел ехать в Иран. «Декабря 16 дня 730 году помянутая партия в марш вступила и чрез великие грязи, и воды, и ущельи, и горы, за которыми в надежде бунтовщики обретались, шли 17 верст» – так начал он рапорт о действиях своего отряда в 500 человек против «бунтовщиков» из «Кергеруцкой волости» во главе с неким Кара-беком, «развращавших» окрестные деревни и устраивавших завалы на дорогах. На этих дорогах, даже самых больших, отмечал на пути из Энзели в Решт в 1893 году ротмистр русской армии Бельгард, были «постоянным ступанием вьючных лошадей и лошаков выбиты возвышения и углубления, не допускавшие другого движения, как шагом»[81].

Экспедиция оказалась нелегкой:

«17 декабря в марше при деревне Чикаш бунтовщика Карабека з гор чрез великие ущелья по росийской партии бунтовщики чинили великую стрельбу; и помянутые бунтовщики от партии стрельбою же отбиты, и двор помянутого бунтовщика Карабека и при том мужичьих 9 дворов сожжены. И во оной деревне только найдены две скотины и отданы солдатом. По разогнании помянутых бунтовщиков партия пришла к мусахановой деревне, называемой Тигу, от первого начлегу 25 верст, где з гор по партии великая же стрельба велась.

Декабря 18 при помянутой деревне ночью во дворах бунтовщиков намножилося; и из дворов, и из гор, и из лесу великая ж стрельба учинена

[78] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 9. Л. 139–141 об.

[79] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1730. № 14. Л. 23 об.

[80] Там же. Л. 137 об.

[81] Маршрут Энзели – Решт – Казвин // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 62. СПб., 1895. С. 292–293.

была, на которых бунтовщиков командрован был Ступишина полку капитан Княжников, порутчик 1 да прапорщик 1 во 100 гранодерах и фузелеах и з 20 казаками. И в помянутой деревне собравшихся бунтовщиков отоковал, где бунтовщики жестокую стрельбу чинили, чего ради еще на оных бунтовщиков кумандрован был в помочь Дубасова полку капитан Рыбушкин и порутчик 1 во 100 фузелёрах. И по сообщении обоих команд помянутых бунтовщиков из помянутой деревни выбили и гнали за ними до гор верст з две и, возвратяся, помянутую деревню выжгли, а по оставшей команде с полковником з гор стрельба же была немалая.

В помянутой акции побито и ранено с неприятельской стороны (как видно было) много и переловленых повешено 10 человек. С нашей стороны побито: капрал 1, салдат 4, кананер 1, казак 1 – итого 7; раненых капитан Княжников 1, сержант 1, капрал 1, салдат 12, казаков 2.

Против 19 декабря в ночи при горах во дворы намножилося вновь бунтовщиков немало, на которых декабря 19 дня командрован был Бакинского полку капитан Чюбаров да порутчик 1, подпорутчик 1, прапорщик 1 во 160 человеках салдатах. И оная каманда чрез многую стрелбу неприятеля из дворов выбили и гнали за ними до гор три версты, а вышепоказанные дворы все выжгли.

При оной акции побито и ранено с неприятелской стороны немало же; повешено 10 человек. С нашей стороны побито: порутчик 1, салдат 9 человек; ранены подпорутчик 1, капрал 1, салдат 22»[82].

После этого рейда местные старшины-калантары пришли с повинной.

Это лишь одна из многочисленных реляций, стекавшихся к командующему в Гиляне Левашову. И в других местах российские командиры отряжали подобные «партии», которые форсировали горные теснины, откуда «из ущелей из гор учинена была от неприятеля стрельба великая; боролись с «сильным грабительством» на дорогах и засадами на переправах, атаковали расположенные «в крепком месте» деревни, где приходилось действовать «наступательно с примкнутыми штыками».

В том же 1731 году Левашов рапортовал об удачном походе отряда из 300 солдат и казаков капитана Бундова «в Пуминском махалле» на гнездо мятежников «в крепком месте в урочище Рукура»: крепость была разорена, и в плен попал «главный бунтовщик Мелик Магамет»; капитан Гомзяков действовал в деревне Хararут под Лагиджаном; майор Вульф со своим отрядом вновь был послан на «бунтовщика Карабека»; капитан Гремякин в Фуминском «уезде» усмирил деревню Ширезиль, а в лесу под Кескером разогнал «бунтовское собрание» и сжег «шалаши» повстанцев[83].

---

[82] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1.1731. № 6. Л. 145–146.

[83] См.: Там же. Л. 336 об., 337, 338, 382.

Боевые потери, как правило, были минимальными, и гилянские «мужики» быстро уступали поле боя регулярным войскам; но порой им удавалось, пользуясь внезапностью и численным перевесом, одержать верх, и тогда расходившиеся слухи о победах мятежников были опаснее, чем их реальные силы. Так, 26 мая 1731 года на «великой акции» погиб усмиривший не одну деревню капитан Бундов вместе со своим подпоручиком, двумя капралами, 36 солдатами и 20 местными «скороходами». Вспыхнула вся Кергеруцкая провинция, куда были направлены отряды из Кескера и Кесмы во главе с полковниками Шваном и Шенингом[84]. Многоопытный Левашов хорошо понимал, что победы над «бунтовщиками» относительны: неорганизованные возмущения легко подавляются, но «под пеплом искры тлеются», докладывал он императрице Анне Иоанновне 6 декабря 1730 года.

Частые «командировки» в гилянских леса и горы изматывали солдат и офицеров. Относительно безопасной была жизнь больших гарнизонов в городах и крепости Святого Креста.

Гарнизонная жизнь

Богатые офицеры имели возможность покупать необходимое у «маркитентеров» или выписывать «столовый запас» из дома. В свите главнокомандующего Матюшкина имелись музыкант-гусляр и даже шут – мичман Егор Мещерский, жестоко наказанный губернатором Волынским и аттестованный им как «дурак и пьяница»: «для того он, Мещерский, и жил в доме генерала Матюшкина в прямых дураках, где многих бранивал и бивал, также многие и его бивали и, напоя пьяного, и сажею марывали, и ливали ему на голову вино, и зажигали».

Генералы и штаб-офицеры могли и в неблагоустроенной крепости Святого Креста, и в полевом лагере рядом с ней устраиваться с некоторым комфортом: мыться в бане, ездить в гости, хотя и в сопровождении конвоя; организовывать вечеринки с «подпитием», карточной игрой в ломбер и пикет. Судя по дневнику Якова Марковича, устраивались и более изысканными развлечения:

«Генварь. 1. Суббота. Рано были у генералов для поздравления с новым годом; обедал дома; по обеде были у нас многие. Вечером был фейерверк, и отлетевшая в сторону ракета убила вахмистра Ростовского полка…

2. Был у генералов, обедал у Кочубея; перед вечером приходили к нам Гамалей и прочие; потом все были у лекаря Маса, где забавлялись долго танцами.

3. Вечером были у капитана Нагеля и поручика Корфа, где играли в фанты»[85].

[84] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1.1731. № 6. Л. 381.

[85] Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. Ч. 1. С. 142.

Многие полковые дамы, как и жены Матюшкина и Кропотова, сопровождали супругов в походе; сам же Кропотов даже взял с собой карету, которой пользовался для нанесения визитов. К сожалению господ офицеров, набор развлечений был невелик – приходилось наблюдать за солдатскими учениями с пальбой и за «экзекуциями» над дезертирами и преступниками.

Обходилась такая жизнь дорого. Маркович, описывавший в дневнике эти походные радости, подсчитал, что отъезд из Астрахани «на фронт» с массой вещей и слуг на специально построенной для него бусе обошелся молодому «значковому товарищу» в 1896 золотых – при том, что провизию и запасы французского и рейнского вина он вез с собой в обозе из восьми возов, а затем получал из дома. На этом фоне потраченные им за несколько месяцев лагерной жизни 185 рублей можно было считать безделицей. Тем не менее украинский подскарбий не только не понес убытка, но и успешно торговал привезенными из собственных имений водкой и табаком, конкурируя с казенными водкой и «чихирем». Уезжая домой после десятимесячной «командировки», он оставил в Астрахани слуг с наказом «купить за морем мальчиков», а также серебряный кальян, пуд шафрана, пуд шелка и «перлин (жемчужин. – *И. К.*) великих»[86].

Далеко не все офицеры и даже генералы могли себе позволить такой вальяжный образ жизни; иным приходилось придумывать способы, как не разориться или даже поправить благосостояние во время дальней и опасной командировки. Умерший в Астаре генерал-майор Иоганн Штерншанц пожелал перед смертью оправдаться от, очевидно, имевших место упреков в том, что «нажил здесь имение». В завещании он рассказал, что, получив свое жалованье (934 рубля) и захватив все имевшиеся деньги (две тысячи рублей), выехал из Москвы на купленном корабле, «ибо всякой должен был ехать на своем судне»; проезд обошелся ему в 50 рублей. По пути генерал накупил «снесных припасов» на 300 рублей, «и тако известно вашему превосходительству, что вверху около Синбирска что можно купить за 40 и 50 или 60 копеек, оное можно в Ряще за 3, за 4, даже за 5 рублев продать. И тако и о сем хощу правду рещи, что в то время нажил я тысечу двести рублев...»[87].

В городах Гиляна солдаты были сосредоточены в новопостроенных крепостях или, как в Реште, в укрепленном караван-сарае (остатки этой крепости еще сохранялись во второй половине XIX века). Летом там стояла жара, а зимой, при проливных дождях, сырость, и при отсутствии печей приходилось греться у жаровен с углями. В древнем Дербенте русский

[86] См.: Там же. С. 70, 104, 107, 188, 212.
[87] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1728. № 8. Л. 103 об.

гарнизон занимал цитадель Нарын-кала; в апреле 1729 году землетрясение сильно повредило городские стены и солдатские «квартеры»[88].

Большинство солдат и офицеров впервые видели большой восточный город, который и спустя сто лет не радовал глаз европейца: «...неправильно переплетенные улицы, нередко безвыходные, содержимые в большой нечистоте, немощеные, наводят скуку серыми стенами домов, идущих под один ряд; вместо ворот служат лазейки, в которые не пройдет лошадь» [89].

По улочкам двигались скрипящие арбы, сновали носильщики и работали ремесленники; на «мейдани-базаре» служилые дивились россыпям невиданных заморских «фрухтов» и посещали харчевни с неизменным пловом. Рис и фрукты были дешевы, но цены на другие продукты иногда становились недоступными: в 1731 году прибывший для ведения переговоров с шахом П. П. Шафиров отмечал дороговизну в Реште, когда баран стоил три рубля, а «плохая» курица – 30–40 копеек[90]. Столица Гиляна была окружена «диким лесом и тутовыми садами (которым листьем шелковых червей кормят) так, что ни малых поль нет, кроме лесов»; таким увидел город побывавший в нем в 1717 году Артемий Волынский. Лес, кстати, пришлось вырубить, чтобы не давать возможность местным «партизанам» скрытно подбираться.

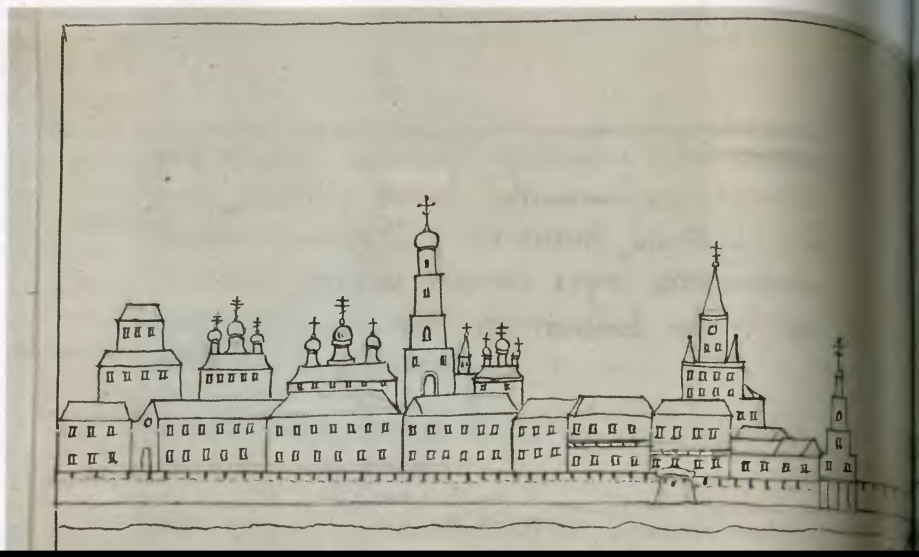
Другие городки Гиляна выглядели иначе. «Кескер имеет место положения равное, как и протчие гилянские места. Однако ж кругом оного есть некоторые и поля небольшие, и хотя и называется сие место город, однако ж и знака такова нет, понеже толко и строения один двор ханской и тот не огорожен, да три или четыре каравансарая (или гостиных двора) и при том несколько лавок пустых, в которых жители, приходя из лесов, в уреченные дни в неделе по два раза торгуют», – описывал это место Волынский в 1717 году. В Астаре он насчитал 50 «домов мужичьих», в Ленкорани – 200, а в Кызыл-Агаче – всего 30 и «поселение самое убогое». Сельские же «обыватели» «поселение свое имеют в лесах и в болотах, и хотя жило и часто, однако ж все живут розно, и редкую деревню можно сыскать, чтоб в которой дворов 5 или 10 было, разве по два или по три, и те от дороги по сторонам в непроходимых местах, и так можно назвать, что живут вне света в пропастях, а к тому ж и воздух так сыр, что мало не по вся дни мглы и туманы, отчего страна сия зело не здорова и редко без поветрия бывает»[91].

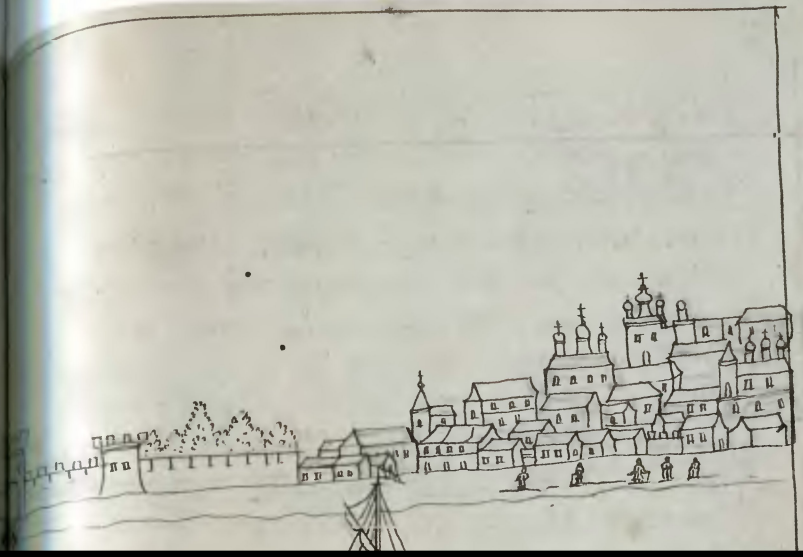
Командиры худо или бедно учились общаться с местными обывателями и привыкали к восточному обхождению в учтивых беседах: «Хороши ли обстоятельства вашего благородства? – По вашей благосклонности. А в

[88] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1729. № 7. Л. 46 об.–47.
[89] *Березин И.* Указ. соч. Казань, 1852. С. 18.
[90] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. № 7. Л. 59.
[91] РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1715–1718. № 2. Л. 572, 573 об.–574.

Персидский шах Ахмет III (1703–1730)
и один из его сыновей

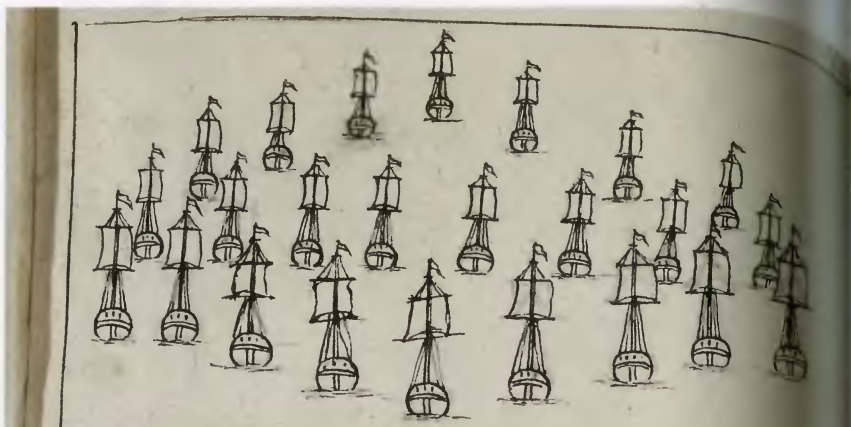

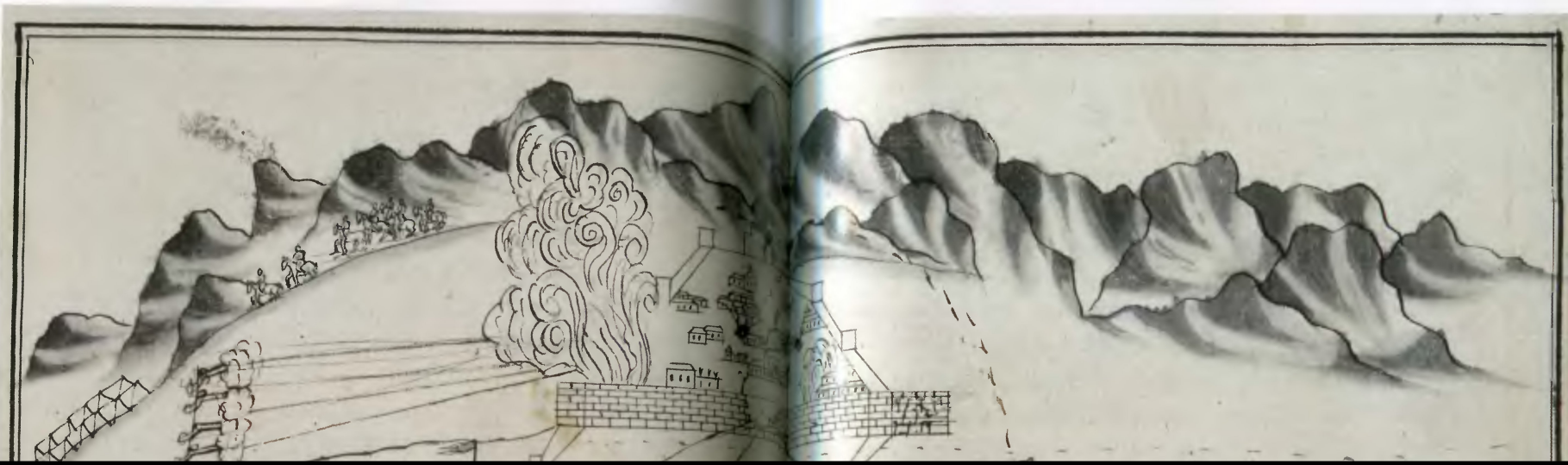

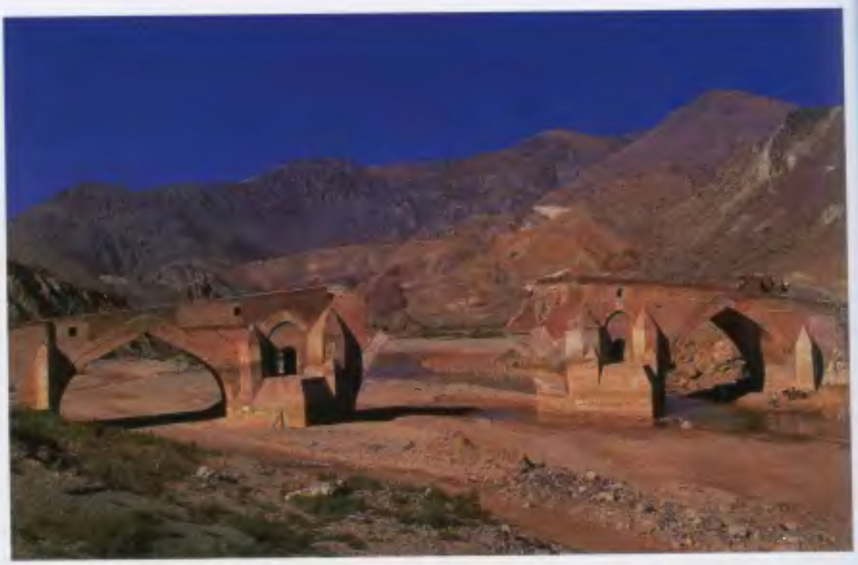
Атака персидских повстанцев на русский гарнизон г. Решта (1725).
Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря... РГАДА. Ф. 181. Д. 45. Л. 126

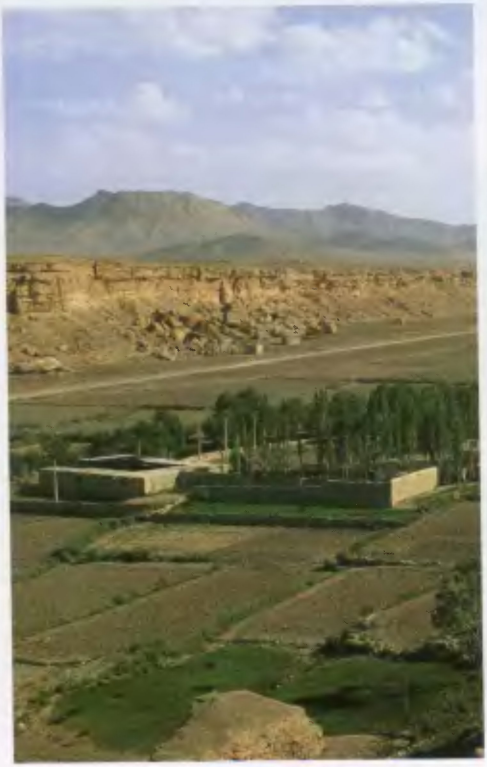
Жилой дом XVIII века. *Современное фото*

Каправан-сарай на дороге между городами Кум и Исфахан.
Современное фото

Мост через р. Занджан. *Совремнное фото*

Дорога около г. Йезд.
Современное фото

порядке ли ваше блаженство? – По вашему благосердию...» Офицеры, долго стоявшие вместе со своими частями «на квартерах» в Гиляне, брали себе прислугу из местных жителей, в том числе «девок женского полу», (например, поручик Мизандронского полка Афанасий Рокотов и капитан Гирканского полка Григорий Кисленский). Всего же, по данным командующего в Гиляне Левашова, у его офицеров в 1731 году «в услужении» находилось 137 мальчиков, «баб и девок» от пяти до 20 лет.

Других гарнизонная жизнь на краю света томила безысходностью. Дела военного суда крепости Святого Креста говорят о столкновениях, когда сослуживцы по полку в «безмерном шумстве» обнажали шпаги, называли друг друга «вором» и другими «бранными и поносительными словами» или не могли вернуть взятые в долг деньги. Часто дело кончалось примирением сторон, начальственным выговором, отсидкой на гауптвахте или посылкой «на караул бессменно на неделю». Однако в случае явных служебных проступков виновные наказывались строже: поручик Сулацкого полка Афанасий Феласов за нахождение дома в отпуске сверхположенного времени был разжалован в солдаты, а поручик Дагестанского полка Герасим Зорин «за утрату казенного вина и безмерное шумство» – в капралы. 29 апреля 1731 года была казнена жена поручика Новгородского драгунского полка Федора Толдубина за убийство своей служительницы[92].

Рядовым и казакам приходилось еще хуже. Из российских широт они попадали в кавказское предгорье или гилянскую низменность с ее лесами, болотами и залитыми водой рисовыми полями-«чалтыками», над которыми тучами носились комары и прочая мошкара. Им случалось терпеть палящий зной и холод, «вредительный» климат, нести тяжелую службу в необустроенных местах, отправляться в разъезды и «партии», трудиться на тяжких «гаванных работах» в Дербенте. Купить продукты и прочие необходимые «припасы» часто было не на что; Долгоруков писал в Петербург, что жалованье войскам не выдавалось 11 месяцев.

Лишения и суровая лагерная жизнь провоцировали столкновения, когда за бранью следовала драка с ударом ножа «в титку». Извозчик Архангелогородского драгунского полка Влас Ильин без причины заколол ножом гобоиста того же полка Никифора Щеголева, а казак Семен Лукьянов – своего же товарища Алексея Аленя, за что оба виновника лишились головы. В 1731 году солдат Дербентского полка Антон Гусев вместе со слугой майора Дагестанского полка Коптева Поликарпом Сомовым неизвестно за что убили украинского казака Ивана Михайлова и в наказание были биты кнутом 100 раз и сосланы «в вечную работу» в Гилян.

---

[92] См. *Чекулаев Н. Д.* Военное судопроизводство в Низовом корпусе (1722–1735 гг.) по данным ЦГАРД // www.academa.ru/voennoe-sudoproizvodstvo-v-nizovom-korpuse-1722-1735-gg.-po-dannyim-tsgard.html; *он же.* Военный суд в крепости Святого Креста. С. 109.

Длительная совместная служба, честолюбие и близость начальства делали донос удобным средством для продвижения по службе и сведения счетов. Служивые – со злобы на обидчика, стремясь избавиться от тяжкой службы, избежать наказания или просто спьяну – объявляли о якобы известном им политическом преступлении. Стоило капитану драгунского Архангелогородского полка Петру Тросницкому в 1727 году перед строем обругать «чертом» невнятно читавшего императорский указ солдата, как «имевший с ним ссоры» поручик Никифор Сурмин заявил: «Тут де чорта не написано», – и побежал докладывать о предосудительном поведении однополчанина. Тросницкому повезло: обвинение было признано неосновательным, и офицера вернули в часть[93]. Слуга генерала А. И. Загряжского в сентябре 1728 года объявил, как некий Дмитрий Иванов признес «непотребные слова в адрес цесаревны Елизаветы, но с пытки признался, что доносил в «пьянстве и беспамятности»[94]. Часто и другие заявители на допросе ничего внятного рассказать не могли и за «ложное сказывание ее императорского величества слова и дела» несли наказание батогами или шпицрутенами и возвращались в строй.

Солдаты отлучались с караулов, таскали со склада казенный провиант, били и грабили маркитантов, крали деньги и вещи у своих товарищей и офицеров; казаки предпочитали воровать лошадей. На первый раз можно было отделаться штрафом, затем следовало вразумление шпицрутенами, когда человека, смотря по тяжести вины, прогоняли несколько раз через строй батальона или целого полка. Иные проштрафливались по глупости; так, молодой солдатик Астраханского полка Иван Бушуев 17 мая 1730 года отправился из крепости на рынок, выпил, уснул и не явился в часть, а потом с испуга убежал, был пойман дагестанцами и отведен в крепость. Были и неисправимые нарушители, как не раз уличенный в воровстве солдат Дербентского полка Василий Дементьев. Вновь попавшись на том, что, покинув свой пост, продал в городе местному жителю 22 патрона с пулями (свои и украденные у других солдат) по копейке за патрон, он получил 70 ударов кнутом и с вырезанными ноздрями был сослан на «вечную работу» в Гилян[95]

За год – с декабря 1724-го по ноябрь 1725-го – трое рядовых покончили с собой, 18 пропали без вести, 12 человек отправились на каторгу, трое попали в плен и 60 бежали[96]. Иные дезертировали сознательно; так, в октябре 1725 года пойманный извозчик Дербентского полка Клементий Евдокимов на допросе заявил, что покинул свою часть потому, что желал

[93] См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 234. Л. 2–2 об.; Сборник РИО. Т. 63. С. 779.

[94] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1729. № 7. Л. 88–91.

[95] См. *Чекулаев Н. Д.* Военное судопроизводство в Низовом корпусе (1722–1735 гг.) по данным ЦГАРД; *он же.* Военный суд в крепости Святого Креста. С. 106.

[96] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 78. Л. 707.

жить среди дагестанцев. Другие покидали свои части со страху. В декабре 1731 года из Дербентского полка в Кайтаг ушел гренадер Никита Красильников, чтобы избежать наказания за совершенное преступление. Кайтагцы его укрывать не стали – и выдали военным властям, за что подданный уцмия Рамазан Магомедов получил вознаграждение в два рубля. Во владениях табасаранского майсума был пойман в 1733 году бежавший солдат Нашебургского полка Степан Баженов, укравший деньги и вещи у полкового лекаря. Азир Аминов, доставивший беглеца в Дербент, также получил вознаграждение[97].

Посланным против горцев «партиям» порой приходилось ловить своих же беглых, которые, по ходившим в армии слухам, «сделали крепость» во владениях уцмия близ знаменитого селения Кубачи[98].

За первый побег, как и за открытое «умышление к побегу», полагались шпицрутены – три прогона через полковой строй. Рецидивистов ждали сначала кнут, а затем смерть: в 1725 году восемь человек были казнены за дезертирство и другие преступления:

«26. Екзекуция чинена была сбегшим солдатом: 2-х повесили, а нескольких били кнутом и ноздри вырвали.

28. Колесовали 4-х солдат и клали живцем на колесах за убийство маркитантов, также и 2-х донцов, за то, что ведали про убийство и умолчали»[99].

Прочих виновных подвергали публичным наказанием – например, сажали верхом на пушку.

Особенно отличались на криминальном поприще ни Бога, ни черта не боявшиеся моряки и заброшенные на край света работные. В 1730 году «кригсрехт» в Реште рассматривал дело лоцмана Ефима Мельникова, организовавшего пиратскую шайку. Беглый «крестьянский сын» с Рязанщины успел до того пожить на вольном Дону, потом более десятка лет плавал на Каспии, а прибыв со своим эверсом в Решт, подобрал команду, куда вошли подьячий Петр Турчанинов, дезертир Алексей Каюров, бывший посадский Андрей Крапивин, работный из Нижнего Новгорода Егор Соколов, «ясачный алатырец» Фадей Простяков и другие «музуры» – судовые рабочие и матросы. С ними Мельников выходил в море на разбой в духе Стеньки Разина, и некоторое время все сходило им с рук, пока армянский приказчик с его же эверса не донес на пирата, совершившего в августе 1729 года уж очень дерзкое преступление: Мельников со своей шайкой, «напившись чихирю», вышли на лодках в море, атаковали персидский «киржим» «и, догнав, нападши оный разграбили, а посажиров мухаметанцов человек с

[97] См.: *Чекулаев Н. Д.* Российские войска в Дагестане в контексте кавказской политики России (1722–1735 гг.). С. 119.

[98] См.: Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. Ч. 1. С. 170, 175.

[99] Там же. С. 115.

15 мужска и женска полу всех в море побросали». Видимо, не все были согласны с этой расправой, и Мельников тут же убил и утопил пять человек из своей команды, «чтоб языку не было». Расследовавший дело Левашов не решился казнить «гражданских» преступников без указа и послал доклад о «многом смертном убивстве» в Москву, сетуя на то, что «в судовых работных людей мало добрых»[100].

Менее виновные сидели в гарнизонной тюрьме. В 1732 году среди 52 арестантов крепости Святого Креста находился драгунский поручик Карл Бланкер, в ссоре выстреливший из пистолета в прапорщика соседнего полка Валутина; задержанные по неизвестному «секретному важному делу» каптенармус Петр Буравов и рядовой Николай Полуграбленой; уличенные в «делании оловянных копеек» предприимчивые солдатики Тимофей Буров и Семен Рыбников. Их соседями были попавшиеся на воровстве горцы; «костековцы уздени» Казбулат Алиев и Урдаша Карактенов, которые «российских людей продавали тавлинцам»; плененные во время набега кубанские татары вместе с невесть как оказавшимся в их рядах запорожским казаком Василием Соломкой и казаком-некрасовцем Андреем Зиминым, сданным под караул кабардинскими князьями[101].

Среди нехитрых солдатских радостей были награды. За успешную оборону крепости от войск шамхала в 1725 году унтер-офицеры получили по рублю, а капралы и рядовые – по полтине[102]. Добыча, взятая во время «партий», когда солдаты и казаки забирали «пожитки» горцев (медную посуду, ковры и прочее), тут же переходила в руки «маркитентеров» – у крепости Святого Креста раскинулся шумный базар, где «имеется торгование с приезднымы купцами российскими, армянами, горскими чеченцами, татары и протчие»[103]. Служивые развлекались азартными играми, по праздникам устраивались фейерверки и выдавалась казенная водка,. Тогда и море казалось им по колено, но попытки появиться за пределами лагеря оканчивалась для гуляк гибелью или пленом: «Пушкаря полкового, который напившись, поехал в поле, татары изрубили»[104]. Впрочем, гулять многим было не на что: вино из лагерного казенного кабака стоило в 1724 году очень дорого – по три-четыре рубля за ведро, отчего Сенат, к радости оборотистого Марковича, разрешил «черкасам и казакам, которые там обретаются, вино и табак провозить и продавать свободно повольною ценою». Но уже в 1726 году казацкие выгоды уменьшились – товара было привезено

[100] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1730. № 13. Л. 34; № 14. Л. 24 об.

[101] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. № 439. Л. 996–999.

[102] См.: *Бутков П. Г.* Указ. соч. Ч. 1. С. 81.

[103] *Гербер И. Г.* Указ. соч. С. 63.

[104] Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. Ч. 1. С. 151.

много, и служивые могли покупать ведро водки по «указной цене» в 1 рубль 40 копеек, а местный чихирь и того дешевле – по 80 копеек.

Цена побед

Самой же страшной бедой были болезни. Маркович в дневнике писал о смерти лишь своих знакомых и сослуживцев, но однажды указал убыль «из команды обозного Прилуцкого чрез один сей месяц (март 1726 года. – *И. К.*) 284 человека». За период с декабря 1724-го по ноябрь 1725 года общие потери Низового корпуса составили 6237 человек; из этого количества в боях погибли только 74 человека; 13 утонули, а 5097 солдат, офицеров и казаков «померли»[105]. Долгоруков на личном опыте почувствовал местный «злой и язвителной нездоровой воздух»; в официальном письме Макарову прорывается его боль: «Толко у меня одно радование было, и то Бог отнял» (в Дербенте скончался его племянник Иван).

Высокой смертности способствовало «скудное пропитание» солдат, состоявшее, по словам князя, практически из «хлеба и воды», да и те были далеко не лучшего качества[106]. В донесениях Долгорукова из Гиляна содержится составленная штаб-лекарем при корпусе Антонием де Телсом записка о состоянии гарнизона. Из нее следует, что летом войска страдали от «жаров превеликих и яко бы огнем палящих», а осень и зима были «зело дождевые с мерной теплотою», и только весна являлась относительно благоприятным временем года для пришельцев из «холодного климата». «Туманной и болотной воздух» зимой и осенью способствовал порче провианта, состоявшего в основном из муки и крупы; червивое мясо и местные фрукты вызывали у солдат «кровавые поносы» и «преострые бещисленные лихорадки», которые «в кратком времени житие их в смерть превращают»[107].

Согласно рапортам Левашова, за пять месяцев (с 1 июня по 1 ноября) 1725 года из его «команды» в Гиляне умерли 1425 человек (почти целый полк!); за четыре месяца (с 1 июля по 1 ноября) 1726 года – 648 человек (в июле 71, в августе 110, в сентябре 184 и в октябре – 283), а из оставшихся 7125 солдат и офицеров регулярной армии больными числились 2504, то есть 35 процентов[108]. Доктор и сам долго не выдержал здешних условий – в июне 1727 года «о себе объявил, что он имеет многие болезни и невозможность, от которой имеет опасность от здешних воздухов», и отбыл в Астрахань; командующий должен был требовать его замены.

---

[105] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 78. Л. 707.

[106] См.: Там же. № 77. Л. 1169–1169 об.

[107] См.: Там же. Л. 1178–1181 об.

[108] Подсчеты наши по рапортам В. Я. Левашова: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1726. № 4. Л. 98; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 77. Л. 1172–1775.

Ввиду отсутствия иных кандидатур князь просил назначить штаб-лекарем полкового врача Ростовского драгунского полка Ефима Маса[109]. Для сравнения можно привести данные о смертности в полевых войсках на Украине: в 14 драгунских полках за сентябрь–ноябрь 1723 года скончались 70 человек. В самой худшей ситуации оказались страдавшие от «лихорадки и поноса» Кроншлотский и Олонецкий полки, в первом было 16 умерших и 151 больной; во втором – 19 умерших и 213 больных[110].

«Превращение в смерть» облегчалось отсутствием медицинской помощи и лекарств: в крепости Святого Креста не было какого-либо помещения для больных, и они вынуждены были «в палатках лежать без всякого надлежащего покоя и прочего довольства», пока в 1733 году не был получен указ о создании госпиталя[111]. В ноябре этого года прапорщик Астраханского драгунского полка и лазаретный комиссар Артемий Хотянцев докладывал о проделанной работе: «Имеется в лазарете под больными постели и подушки холстяные, набитые сеном, которые меняли по 2 раза, а порции даются больным на день каждому человеку: вина по 1 чарке, пива по 1 осьмухе, мяса в мясные дни на неделю по 5 фунтов, масла по 48 золотников; получают также калачи, а тяжело больным в пост доктор дает мясо и масло, а на припарку и на спирт больные и раненые получали вино и уксус»[112].

Даже в самом большом лазарете в Астрахани, куда отправляли больных с Сулака и из Баку, работал всего один врач. Да и квалификация персонала была недостаточной: в Дербенте лекарь Рифтер был отдан под суд за то, что без врачебного консилиума ампутировал солдату ногу, которую можно было вылечить. В марте 1727 года Верховный тайный совет обсуждал вопрос о посылке в Гилян «оптеки с медикаментами» и лекарей. Первую смогли отправить в войска только летом следующего года, а в отношении персонала Медицинская канцелярия оказалась бессильной помочь – в ее распоряжении не было опытных специалистов, и Верховный тайный совет мог только направить в войска «подлекарей» из числа учеников при Московском «гошпитале»[113].

О состоянии корпуса весной и летом 1727 года свидетельствует приводимая ниже «Табель», отправленная его командующим в Верховный тайный совет[114].

---

[109] См.: Сборник РИО. Т. 63. С. 623–624.

[110] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. № 385. Л. 270–310.

[111] См.: Сборник РИО. Т. 106. С. 456.

[112] Цит. по: *Чекулаев Н. Д.* Российские войска в Дагестане в контексте кавказской политики России (1722–1735 гг.). С. 166.

[113] См.: Сборник РИО. Т. 63. С. 194, 388–389, 392; Т. 79. С. 491.

[114] См.: Там же. Т. 69. С. 384–388.

Табель о состоянии Низового корпуса полков, коликое число обретается в вышеозначенных местах генералитету, штаб, обер и унтер офицеров, капралов, драгун, солдат и нестроевых на лицо здоровых и больных и в дальних отлучках, и что надобно в добавку в полный комплект явствует ниже сего. Августа 11 дня 1727 года

Команды / Чины		В Гилянской провинции мая по 1-е число 1727 г:																Итого по Гилянской провинции	Июня по 1-е число 1727 г. в Баке		
		В Раше			В новой крепости и редуте пехотных полков			В Перебазаре			На Кескерской косе устроения траншамента и в Зинзилинском проливе у судов на карауле			В крепости Катеринполе пехотных полков			В Кескере пехотных полков		В Астаре и в Джилской крепости					
		Драгунских	Пехотных	Итого	Драгунских	Пехотных	Итого	Драгунских	Пехотных	Итого	Драгунских	Пехотных	Итого	Драгунских	Пехотных	Итого	Драгунских	Пехотных	Итого	Драгунских	Пехотных	Итого	Драгунских	Пехотных	Итого
Здоровых	Генерал-лейтенант	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–
	Генерал-майоров	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1
	Бригадир	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	Штаб-офицеров	–	5	5	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	10	–	2	2	–	6	6	6
	Обер-офицеров	5	63	68	3	–	3	4	4	8	–	4	4	2	2	4	13	100	–	4	6	42	42	42	42
	Унтер-офицеров	21	122	143	2	2	2	6	150	158	1	124	125	69	1	78	17	180	2	4	6	65	67	67	67
	Капралов, драгун и солдат	63	1104	1167	112	8	120	150	158	158	1	124	125	69	1	78	419	2215	16	105	165	1031	1047	1047	1047
	Нестроевых	26	315	341	12	–	12	36	36	36	–	14	14	6	6	6	64	507	2	29	34	177	179	179	179
	Итого	115	1610	1725	130	10	140	196	206	206	1	145	146	78	9	515	3013	20	144	213	1322	1342	1342	1342	
Больных	Штаб-офицер	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–
	Обер-офицеров	2	7	9	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	11	–	–	–	3	3	3	3
	Унтер-офицеров	3	21	24	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	25	–	–	–	12	12	12	12
	Капралов, драгун и солдат	72	646	718	–	–	–	–	–	–	–	6	6	6	6	6	102	860	10	12	28	200	210	210	210
	Нестроевых	3	25	28	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	30	–	1	1	10	10	10	10
	Итого	80	700	780	–	–	–	–	–	–	–	6	6	6	6	6	106	927	10	13	29	225	235	235	235
Всего здоровых и больных		195	2310	2505	130	10	140	196	206	206	1	151	152	84	15	621	3940	30	157	242	1547	1577	1577	1577	

Команды / Чины		В Ширванской провинции августа по 6-е число 1727 г.						В крепости Святого Креста июля по 1-е число 1727 г.			В Аграханском траншаменте июля по 1-е число 1727 года			У переписи и у свидетельства мужска пола душ и у строения вечных квартир драгунских полков	В Астрахани июня по 19-е 1727 года			В дальних отлучках			Всего
		В Дербенте пехотных полков	В городке Дедилях и в Каласуаре			В Худате драгунских полков	Итого по Ширванской провинции	Драгунских	Пехотных	Итого	Драгунских	Пехотных	Итого		Драгунских	Пехотных	Итого	Драгунских	Пехотных	Итого	
			Драгунских	Пехотных	Итого																
Здоровых	Генерал-лейтенант	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
	Генерал-майоров	–	–	–	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2
	Бригадир	1	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
	Штаб-офицеров	2	–	2	2	2	6	7	3	10	–	–	–	–	–	–	–	8	–	8	40
	Обер-офицеров	39	4	17	21	36	96	106	19	125	-	1	1	20	1	4	5	23	5	28	417
	Унтер-офицеров	47	7	19	26	45	118	141	33	174	-	3	3	13	6	10	16	10	–	10	581
	Капралов, драгун и солдат	1336	171	855	1026	1332	3694	2613	776	3389	9	195	204	156	64	29	93	79	9	88	10886
	Нестроевых	160	6	39	45	113	318	713	99	812	1	4	5	27	4	9	13	59	12	71	1932
	Итого	1585	188	932	1120	1528	4233	3581	930	4511	10	203	213	216	75	52	127	179	26	205	13860
Больных	Штаб-офицер	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
	Обер-офицеров	6	–	–	–	–	6	5	1	6	–	–	–	–	1	2	3	–	–	–	29
	Унтер-офицеров	4	–	–	–	–	4	19	2	21	–	–	–	–	2	1	3	–	–	–	65
	Капралов, драгун и солдат	245	–	–	–	3	248	434	141	575	–	–	–	–	133	71	204	–	–	–	2097
	Нестроевых	9	–	–	–	–	9	75	7	82	–	–	–	–	31	11	42	–	–	–	173
	Итого	264	–	–	–	3	267	533	151	684	–	–	–	–	167	85	252	–	–	–	2365
Всего здоровых и больных		1849	188	932	1120	1531	4500	4114	1081	5195	10	203	213	216	242	137	379	179	26	205	16225

Пяти командированных полков мая по 1-е число 1727 года

Команды / Чины		В Гиляни	В Астаре и в Джилской крепости	На Куре	В Астрахани	В дальних отлучках	Итого	В добавку надобно	
Здоровых	Бригадир	–	1	–	–	–	1	Подполковник	1
	Штаб-офицеров	2	2	5	1	1	11	Маиоров	2
	Обер-офицеров	22	13	72	5	3	115	Капитанов	7
	Унтер-офицеров	30	28	83	13	3	157	Поручиков	3
	Капралов и солдат	429	463	1738	608	68	3306	Полковой квартирмистр	1
	Нестроевых	91	122	334	17	9	573	Адъютант	1
	Итого	574	629	2232	644	84	4163	Подпоручиков	5
Больных	Обер-офицеров	2	3	10	5	–	20	Прапорщиков	7
	Унтер-офицеров	6	1	14	12	–	33	Аудитор	1
	Капралов и солдат	115	71	348	199	–	733	Полковой обозный	1
	Нестроевых	27	10	23	84	–	144	Фискалов	2
	Итого	150	85	395	300	–	930	Провиантмейстер	1
Всего		724	714	2627	944	84	5093	Полковых священников	3
								Полковой писарь	1
								Полковой профос	1
								Ротных писарей	13
								Рядовых	1569
								Провиантмейстерский подьячий	1
								Кондуктор	1
								Капельмейстер	1
								Нестроевых	61
								По Табели надлежит, ежели повелено будет извощиков	257
								Итого	1940

В добавку надобно	Драгунских	Пехотных	Итого
Полковников	–	4	4
Подполковников	4	–	4
Капитанов	2	13	15
Полковых квартирмистров	–	3	3
Поручиков	2	22	24
Адъютантов	1	1	2
Подпоручиков	–	11	11
Прапорщиков	10	17	27
Аудиторов	1	6	7
Полковых обозных	–	8	8
Фискалов	–	3	3
Провиантмейстеров	–	4	4
Полковых священников	4	5	9
Полковых писарей	–	2	2
Полковых профосов	–	1	1
Ротных писарей	37	55	92
Рядовых	1629	4249	5878
Капельмейстеров	2	4	6
Трубачей	2	–	2
Полковых лекарей	–	2	2
Подлекарей	–	2	2
Нестроевых	448	254	702
Подьячих коммисарских	3	4	7
Подьячих провиантмейстерских	7	4	11
По Табели надлежит извощиков, ежели повелено будет	–	559	559
Итого	2152	5233	7385

По данным другой «табели», в мае 1727 года экспедиционный корпус насчитывал 4257 больных из 22 160 человек, то есть 19,2 процента. Ситуацию усугубила эпидемия «моровой язвы» – чумы, обнаружившейся уже в начале 1727 года и, несмотря на все принятые меры, перекинувшейся с больными солдатами в Астрахань. В городе пришлось выселять жителей из города «в поле в особые места под караулом» и сжигать дома заболевших – но тем не менее только в июне 1728 года от чумы погибло 1300 человек; всего же жертвами эпидемии пали около 18 тысяч жителей губернии [115].

В Астрахани и под Царицыном в том же году были созданы карантины, в которых по шесть недель выдерживались все прибывавшие из-за моря, включая и курьеров с донесениями; бумаги переписывались и только тогда доставлялись в Петербург. Шедшие же вниз по Волге суда с пополнением и «амуницией» должны были следовать прямо в море, не приставая в

[115] См.: Сборник РИО. Т. 84. С. 222; Астраханский край в истории России XVI–XXI вв. С. 27.

Астрахани. Капитан Афанасий Юшков, явившийся 27 сентября 1727 года с рапортами командующего прямо в присутствие Верховного тайного совета, напугал министров тем, что не имел при себе подорожной с отметкой о пребывании в карантине, и получил приказ немедленно покинуть Петербург и жить карантинный срок в деревне или на «загородном дворе» до получения дальнейших распоряжений[116]. Купцы с шелком и другими товарами из Ирана, неизвестно как оказавшиеся в Москве в августе 1728 года, также были высланы обратно[117]. Только возвращавшегося командующего В. В. Долгорукова Верховный тайный совет в марте 1728 года посчитал возможным избавить от карантина на заставе – под его же ответственность[118]. Новая, хотя и менее сильная вспышка опасной болезни отмечается документами в 1729 году, и только в 1729-м «царицынская застава» была ликвидирована[119].

При увеличении количества больных Военная коллегия не могла предложить ничего лучше, как затребовать от самих войск сведений, чем их лечить. На это совет офицеров стоявших на Куре полков в июле 1727 года ответил: «Первое, что военная коллегия заблагорассудила о вине горячем, оное, разумеется, к здешним воздухам потребно, к тому ж и перец, которое по утрам надлежит солдатам давать по одной чарке, а больным от поноса с перцом; второе, имеет в присылке быть здесь овсяная мука, которую не сеяв присылать, дабы могла больше времени терпеть, понеже в здешних горячих краях сеянная может скорее прогоркнуть, и из помянутой овсяной муки делать сырой для питья солдатам, вместо квасу, и оное, мнится, питье здоровое и жажду человеке утоляет, ибо в питье солдаты здесь нужду имеют, а паче в жары. Квасы скоро окисают, так что и пить нельзя, а вода в реке зело мутна и пить весьма нездорово; из помянутой же овсяной муки потребно солдатам, а паче больным, варить горячий кисель, в который помалу класть масла коровья. Того ради и масла надлежит в присылке быть; а и студеный кисель из помянутой же овсяной муки делать для пищи солдатской и употреблять с сырым хорошо и, мнится, оная пища легкая, а паче больным, кои хлеба есть не могут. Третье, потребно здесь для вредительного воздуха и чеснок давать солдатам, по небольшому, по утрам, хотя б с переменою – в день по чарке вина, а на другой чесноку; и признаваем, тем может вредительный воздух отбивать; четвертое, надлежит быть в присылке котлов для отваривания воды, бочек или чанов, в чем иметь ту воду, понеже здесь в реке вода всегда бывает мутна, с илом

[116] См.: Сборник РИО. Т. 69. С. 374–375.
[117] См.: Там же. Т. 84. С. 354.
[118] См.: Там же. Т. 79. С. 260.
[119] См.: Там же. Т. 101. С. 156–157, 457–458.

и густа, якобы жидкий кисель, от которой и не без повреждения людям, а колодезей копать не можно, ибо все имеются солончаки... Но токмо здесь, на Куре, место весьма нездорово, понеже низко и земля так наполнена водою, – хотя вершок вскрыть, вода пойдет, а в других местах в крепости и собою выступает, а все соленая; к тому ж от реки и от морских заливов кругом крепости водою заливает и стоит выше рвов, от апреля месяца и по сие число мало не убывает; и от такой сырости, от жаров и от низкого места, разумеется, вред людям не малый»[120].

Из лекарств в войсках в наличии имелись лишь уксус и вино, да и того не хватало; поэтому в декабре 1727 года Верховный тайный совет указал: «...в новозавоеванные персидские провинции в Гилянь, на Куру и в Баку для тамошнего злого и вредительного воздуха людям и тяжкой болезни в Низовой корпус отпускать на всякой год по 6000 ведр вина от Камер-коллегии безденежно»[121]. Левашов просил у командующего разрешения истратить на покупку вина «на припарку» деньги из собранных налоговых сумм, и Долгоруков не только позволил, но и приказал из этих же средств выдавать жалованье «персицкой монетой»[122].

Командующий сам побывал на Куре и убедился в том, что это «весьма место злое и неудобное и не менши Гиляни утеря людей». В крепости «все без остатку больны и лежат при смерти», так что лишь «некоторые из урядников и салдат с великою нуждою караул содержат и живут в великом страхе и умирают в сутки ис трех полков человек по 20 и больше». Генерал приказал вывести солдат из крепости «в шалаши». Но и эта мера мало помогла, поскольку «от жаров и от воды духота стала быть; и во многих местах выступает из земли вода, а все солончаки». Войска косили «горячки, лихорадки и цынгота»: в июне заболели 785 человек и умерли 86, в июле – соответственно 877 и 178.

Возможности прилично обустроиться не было: «...и солдатам казарм никоим образом удобных сделать не из чего, понеже лесу нет, и дрова верстах в семидесяти и в восьмидесяти берут с великим трудом и те пенья выкапывают из земли и посылают на щерботах вверх по Куре, и конвой не малый для дров определяется; и воздух зело худой и безмерно жаркий, отчего вышеписанного несносного обстоятельства умножается болезнь и утрата людям»[123].

В 1727 году в лагере на Куре скончались 1804 человека; из 2636 имевшихся налицо солдат и офицеров 1496 были больны. (Согласно другим

[120] Сборник РИО. Т. 69. С. 914.

[121] ПСЗРИ. Т. 7. № 5213.

[122] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 77. Л. 1169–1169 об., 1176–1177.

[123] См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 19. Л. 67–67 об., 114–114 об; Сборник РИО. Т. 69. С. 913.

данным, на Куре от болезней погибли 3360 человек[124].) Некому было командовать: умерли прибывший с полками генерал-лейтенант Штаф, генерал-майор Никита Шипов, два полковника, три майора, 16 капитанов, восемь поручиков, восемь подпоручиков, восемь прапорщиков, полковые квартирмейстер, поп и лекарь. Остававшийся по чину старшим бригадир Штершанц командовать не мог, поскольку «стар и не умеет по-русски», а заменить его было некем. «...ис полковников ни одного такова нет, на кого б мошно надеятца», – сокрушался Долгоруков[125]. В сентябре пришлось начать вывод войск с Куры, где был оставлен лишь небольшой гарнизон в 400–500 человек; так была похоронена мечта Петра I о создании в этих краях нового центра «восточной коммерции». Долгоруков с горечью писал, что императора ввели в заблуждение: «А повелено на Куре крепость построить, ради опасения турок, – чаяли, турки захватят на Куре, и крепость учинят, и морских судов умножат, что все не так донесено блаженные и вечно достойные памяти императорскому величеству: не токмо морских судов строить, и дров нет». А потому можно оставить на этом месте «небольшую крепостцу на баталион, и щерботам но препорции людей при них быть, для коммуникации и для укрепления Сальянской провинции и степей, а достальных всех людей вывесть в другие места»[126].

Постоянно тяжелой оставалась ситуация в Гиляне. «Лихорадка свирепствует здесь круглый год, в особенности же около весеннего равноденствия и в июле и августе месяцах. Здоровым временем года считаются месяцы от апреля до июля. Сами туземцы почти все страдают этой болезнью или ее последствиями. Достаточно иногда одного или двух пароксизмов, чтобы свести в могилу самого здорового человека» – так описывали этот край русские географы в середине XIX века[127].

Сырую прибрежную низменность покрывали леса, а дорогами служили тропы для вьючного скота, проложенные сквозь чащи и болота. «Вследствие частых осадков с гор стекают в море многочисленные реки. В сухую погоду они немноговодны, но в половодье превращаются в бешеные потоки, все сокрушающие на своем пути. В низовьях они утрачивают свою стремительность и на побережье образуют внутренние стоячие озера, окруженные непроходимыми трясинами, заросшими камышом и осокой, называемые здесь морцами или мордабами (мертвая вода). Во время засух обнажившиеся трясины начинают гнить, распространяя зловоние и порождая мириады мошек и комаров, которые являются источниками

[124] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1727. № 8. Л. 40, 89.

[125] См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 19. Л. 99, 109 об.; Сборник РИО. Т. 79. С. 110–112.

[126] Сборник РИО. Т. 69. С. 913.

[127] *Рисс П. Ф.* Общие замечания о южном береге Каспийского моря // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Тифлис, 1864. Кн. 6. С. 59.

малярии. Также порождают злокачественные лихорадки возделываемые на побережье рисовые поля (чалтыки)», – предупреждали о климатических особенностях этого участка «персидского театра военных действий» военные специалисты уже в XX веке[128].

Все эти условия отражались на состоянии сравнительно небольшого русского корпуса в Гиляне, данные о котором приводятся нами ниже на основании рапортов В. Я. Левашова в относительно спокойные 1730–1732 годы[129]:

Период	Солдат и офицеров	Из них больных	Выздоровели	Заболели	Бежали	Умерли	Убиты
1 января – 1 июля 1730 г.	6145	886	310	396	13	259	-
1 июля – 1 сентября 1730 г.	5748	1463	132	319	-	190	-
1 ноября 1730 г. – 1 января 1731 г.	6270	1326	213	256	-	494	-
1 января – 1 марта 1731 г.	6632	1354	159	196	-	371	14
1 марта – 1 мая 1731 г.	6960	1120	?	?	?	167	-
1 мая – 1 сентября 1731 г.	7321	1518	306	337	6	232	43
1 сентября 1731 г. – 1 января 1732 г.	7000	1612	111	100	4	753	2
1 января – 1 апреля 1732 г.	7780	1094	389	312	-	1476	-

Напоминаем, что речь идет только о регулярных войсках, а помимо них командующий располагал в Гиляне конницей от 800 до тысячи человек из казаков и конных армян и грузин, но потери среди них не всегда фиксировались.

Для сравнения можно указать, что в расположенных на Украине 14 драгунских полках, примерно в два раза превышавших по численности гилянский отряд, потери от болезней за сентябрь – ноябрь 1723 года составили 70 человек и 150 лошадей. Только в двух особенно страдавших от «лихорадки и поноса» частях имелось значительное число больных – 151 в Кроншлотском драгунском полку (с 15 сентября по 1 января 1724 года умерли 16 человек) и 213 в Олонецком (за тот же период умерли 19 человек); в остальных полках, подавших сведения о заболевших, таковых насчитывалось по 20–30 человек[130].

[128] *Корсун Н. Г.* Персия: Курс лекций по военной географии. М., 1923. С. 25–26.

[129] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1730. № 14. Л. 69–72, 213–215; 1731. № 6. Л. 220–222 об., 430–435; 1731. № 7. Л. 10–12, 265–268; 1732. № 5. Л. 19–23, 288–292.

[130] Ведомости, поданные полковыми командирами, см.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. № 385. Л. 270–310.

В каждом из указанных выше рапортов Левашов просил прислать от семи до десяти тысяч человек, которых никогда не получал, а прибывавшие пополнения едва могли поддерживать прежнюю численность войск. Не хватало и полковых попов – их приходилось присылать «сверх комплету». В октябре 1731 года в Реште имелся только один здоровый священник, а остальные «больны при смерти», «больным в потребах служить не могут, и люди уже давно помирают бес покояния»[131].

1727 год был самым тяжелым для Низового корпуса. Болезни унесли жизни едва не половины его солдат и офицеров, и Долгоруков требовал для покрытия «великого некомплекта» присылки 8135 человек, не считая офицеров и извозчиков[132]. Всего же по ведомости 1731 года[133] тогдашнего командующего В. Я. Левашова убыль унтер-офицеров и рядовых «регулярных» войск корпуса составила:

годы	умерли	утонули	убиты	бежали	отставлены	потери за год
1722	2779	32	176	93		3080
1723	3752	5	37	75		3869
1724	3652	24	41	52	400	4169
1725	4737	9	72	61		4879
1726	4191	36	13	90	958	5288
1727	7692	11	15	64	552	8334
1728	2644	3	48	38	308	3041
1729	2101	11	5	37		2154
1730	3252	6	21	62	402	3743
1731	1845	7	78	24		1954
Итого*	36645	144	506	596	2 620	40511

*Подсчеты наши. – *И. К.*

Но и в другие годы убыль была настолько велика, что не покрывалась пополнениями: по данным на ноябрь 1728 года реальный состав пехотных полков корпуса составлял от 400 до 700 человек, то есть меньше половины штатной численности[134]; таким же он оставался и в 1731 году.

Реальные потери были больше, поскольку генеральские ведомости учитывали лишь «кадровых» военнослужащих. Об убыли в «нерегулярных» частях их начальники сообщали не всегда (правда, иногда они, напротив, намеренно преувеличивали ее размеры: в январе 1732 года донской казачий

[131] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. № 7. Л. 263 об.
[132] См.: Сборник РИО. Т. 69. С. 381.
[133] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. № 7. Ч. 2. Л. 361–365.
[134] См.: Сборник РИО. Т. 94. С. 565.

полковник Белогородцев был разжалован в рядовые за то, что за взятки писал своих подчиненных умершими, и казаки таким образом отправлялись домой)[135]. Очень высокие потери несли украинские полки – в том числе и потому, что использовались на строительных работах. Как следует из представленных в Совет документов, из находившихся в 1724–1725 годах на Кавказе десяти с половиной тысяч казаков «от цынготной и другой тяжкой болезни повалились и от татар в сулацком городке и в Аграханском транжаменте на боях и нападениями в разных местах побито и умерло 5183 человека»; более 900 были больны. Оставшиеся, докладывал в августе 1725 года полковник Михаил Милорадович, «платья, обуви и других харчевых вещей, кроме хлебного жалованья, давно лишились»[136]. Обращавшийся к командованию за выплатой неполученного жалованья донской атаман Иван Краснощеков писал о смерти 455 из трех тысяч казаков, посланных в 1726 году , потому что их жены и дети просили о помощи[137]. Из тысячи отправившихся в поход в 1725 году слободских казаков через два года осталось в живых 599 человек[138].

Хуже всего, пожалуй, пришлось отправленным в 1724 году по указу императора «для строения крепостей» татарам, мордвинам и чувашам. К февралю 1726 года, согласно донесению М. А. Матюшкина, из пяти тысяч человек 110 бежали, а 3747 умерли, остальные продолжали работать в Баку (336 человек) и в Реште (536 человек)[139]. Верховный тайный совет разрешил вернуть больных и тех, кто уже не мог работать; но только через два года В. В. Долгоруков отпустил оставшихся в живых по причине «немалого нам подозрения от тамошних народов, ибо из тамошних народов призываем в свою протекцию, а своих в такой нищете и работе мучим». Еще раньше, в 1726 году, он предложил отправить домой находившихся на крепостных работах «бунчуковых» казаков; старому воину было «жалко смотреть» на бедных «рабетишек», которые умирали «без всякой ползы государственной»[140]. Отпустили, однако, не всех. О судьбе оставшихся В. Я. Левашов известил в 1730 году: в Гиляне из «командрованных» осталось только 119 человек, которых он использовал для «посылок» и сбора податей[141].

Несмотря на усилия военного ведомства, ситуация в дальнейшем принципиально не изменилась. Полки вывели с низовьев Куры (там осталась лишь маленькая крепость), но в Гиляне болезни косили армию по-прежнему. С января по ноябрь 1730 года там скончались 943 человека (в боях

[135] См.: Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 2. Ч. 1. С. 52.
[136] Сборник РИО. Т. 55. С. 149–150; РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. № 708. Л. 169.
[137] См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 24. Л. 115.
[138] См.: Сборник РИО. Т. 69. С. 612–613.
[139] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1726. № 4. Л. 127 об.; Сборник РИО. Т. 55. С. 188.
[140] См.: Сборник РИО. Т. 55. С. 181; Т. 84. С. 295; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 77. Л. 1130.
[141] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1730. № 13. Л. 112.

погибли два казака); за 1731 год при боевых потерях в 59 солдат заболели и умерли 1523 человека (целый полк!) и почти столько же – 1476 ушли из жизни только за три месяца 1731 года[142].

На смену выбывшим приходилось постоянно присылать новые контингенты рекрутов и солдат из армейских и гарнизонных полков. По составленной в сентябре 1731 года ведомости[143] в Низовой корпус были доставлены:

годы	рекруты	солдаты
1722	466	1678
1723	394	3184
1724	414	2419
1725	314	4200
1726	201	2238
1727	521	2183
1728	337	631
1729	627	2886
1730	314	5766
1731	302	2314
Итого:	3890	27 499

Последняя ведомость явно не полна, поскольку приведенное в ней количество пополнений не могло компенсировать потери и поддерживать численность войск в указанных выше размерах. Не случайно сам Левашов позднее объяснял, что точных цифр численности корпуса по годам привести не может, а Долгоруков жаловался на отсутствие квалифицированных подьячих для ведения отчетности, так что «уже ныне офицеры вместо писарей отправляют». Из доклада самой Военной коллегии от 19 июня 1732 года[144] следует, что в «новозавоеванные провинции» отправились:

годы	рекруты и солдаты	всего
1723–1725	16 929 рекрутов и солдат	16 929
1726	4430 рекрутов и 6520 солдат	10 950
1728	3740 солдат и 143 офицера	3883
1729–1730	10 890 рекрутов и солдат	10 890
1731	7665 рекрутов и солдат	7665
Итого		50 317

[142] Подсчитано нами по рапортам В. Я. Левашова (см.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1730. № 14. Л. 71 об., 214 об.; 1731. № 6. Л. 221 об.; 430–435; № 7. Л. 12, 265–268; 1732. № 5. Л. 23, 288–292).

[143] См.: Там же. 1731. № 7. Ч. 2. Л. 358–360.

[144] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. № 437. Л. 361–367.

Последняя цифра кажется нам более близкой к реальности, хотя также несколько заниженной. В марте 1726 года Верховный тайный совет оценивал количество отправленных рекрутов в 27 тысяч (очевидно, с учетом взятых в 1722 году)[145]. К итоговому числу следует добавить 524 солдата и 2600 рекрутов, прибывших, согласно донесению В. В. Долгорукова, в 1727 году[146]. Кроме того, только в 1729 году Верховный тайный совет приказал доставить на юг 10 312 гарнизонных солдат[147], но точное количество прибывших на место нам неизвестно.

По данным из архива кизлярского коменданта, с 1722 по 1725 год на юг было отправлено свыше 20 тысяч рекрутов и солдат. Так, в 1722-м было командировано в персидские провинции воинских чинов: из Москвы – 2387, Нижнего Новгорода –1417, из Казани – 41; в следующем году из Москвы отправлено 1297 солдат и рекрутов, из Нижнего Новгорода – 986, из Казани – 2673 и из Воронежа – 750 человек; в 1724-м из Москвы – 202, из Казани – 1000, из Воронежа – 912, из Киева и Глухова – 1745 человек. Наконец, по требованию генерала Матюшкина было послано в июне 1725 года из Киевского и Глуховского гарнизонов по 1050 солдат, из Казани 900 солдат и 657 рекрутов и из Москвы 419 человек. Кроме того, «по особому наряду излишних сверх табели в городах Астраханской губернии 2120 чел. велено комплектовать того низового корпуса полки»[148].

По подсчетам Коллегии иностранных дел, в 1722–1731 годах в Иран было направлено 61 090 человек, включая оставшиеся там после завершения похода 1722 года войска[149]. Доклад Военной коллегии от 19 июня 1732 года дает более точную цифру – 70 665 солдат и офицеров[150]. Таким образом, получается, что через Низовой корпус за десять лет прошла целая армия – более 70 тысяч служивых, и почти половина из них сложили в «жарких краях» головы не в сражениях, а от «вредительного воздуха». Вместе с ними за эти годы несли службу примерно 24 тысячи донских и яицких казаков (по данным Военной коллегии, в 1722 году на юг были отправлены пять тысяч казаков; в 1723-м – тысяча в Дербент; в 1724-м – тысяча на поселение на Аграхань, в 1725-м – три тысячи в крепость Святого Креста и тогда же – тысяча яицких казаков[151]; в 1726 году было послано 3500 донских казаков, в 1728-м – две тысячи донцов и 200 калмыков, в

[145] См.: Сборник РИО. Т. 55. С. 161.

[146] См.: Там же. Т. 69. С. 381.

[147] См.: Там же. Т. 94. С. 521.

[148] Цит. по: *Юдин П.* Указ. соч. С. 21.

[149] См.: *Зевакин Е. С.* Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации XVIII века. С. 10.

[150] См.: ПСЗРИ. Т. 8. № 6097.

[151] См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 10. Л. 92.

1730-м – тысяча, в 1731-м и 1732-м – по три тысячи и в 1733 году – 1650 донских и 250 яицких казаков[152]) и около 20 тысяч «малороссийских черкас» (в 1722–1726 годах). Армейское начальство признало, что точное число отправленных в разные годы на юг украинцев ему «неведомо»[153]. По указу Верховного тайного совета от 26 сентября 1726 года было решено впредь украинских казаков в поход не посылать, а брать с них на военные расходы по три рубля с человека и передавать деньги В. В. Долгорукову[154]. Однако слободских казаков продолжали отправлять в Низовой корпус и в 1727 году (тысячу человек), и в 1728-м[155].

Еще нужно помянуть гибель моряков, строивших суда Каспийской флотилии и перевозивших пополнение, провиант и снаряжение, а также пять тысяч «работных людей», из которых почти все погибли. Точное число их боевых и небоевых потерь установить невозможно, однако приведенная в работе Н. Д. Чекулаева итоговая цифра в 200 тысяч умерших представляется явно завышенной, тем более что она не подтверждается имеющимися в нашем рапоряжении источниками[156].

Неудивительно, что в такой ситуации командующий постоянно просил присылать все новых и новых солдат. Однако пополнения приходили далеко не в лучшем состоянии. Согласно доношению астраханского губернатора фон Менгдена, в 1728 году в прибывшей с полковником Шваном команде из 365 рекрутов по дороге померли или бежали 35 человек; у прапорщика Федорова прибыли к месту назначения 498 из 539 рекрутов. Прапорщик Нагаткин потерял по пути 65 человек из 500 и едва спасся сам: следовавшие с ним новобранцы «забунтовали», и 52 рекрута сбежали, убив четырех солдат охраны и жестоко избив его самого. Расследование инцидента показало: возмущение было вызвано тем, что рекрутов везли в трюме «под палубою» и прапорщик не только не выпускал их на воздух, но и хотел посадить недовольных в колодки[157].

Особенно же не хватало квалифицированных кадров: Долгорукову нужны были два-три толковых генерала и не менее 70 штаб- и обер-офи-

---

[152] См.: Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 2. Ч. 1. С. 14, 30–31, 43, 55, 67.

[153] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 10. Л. 92 об.

[154] См.: Сборник РИО. Т. 56. С. 108–109.

[155] См.: Там же. Т. 69. С. 612–613; Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. № 3196.

[156] См.: *Чекулаев Н. Д.* Российские войска в Дагестане в контексте кавказской политики России (1722–1735 гг.). С. 169. В качестве источников автор указывает мемуары адъютанта фельдмаршала Миниха Манштейна и соображения П. Г. Буткова, однако первый сообщает о неизвестно кем сделанных расчетах, где фигурируют 130 тысяч погибших (см.: Перевороты и войны / Христофор Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. Неизвестный автор. М., 1997. С. 44), а второй – о подсчетах историков XVIII и начала XIX века (см.: *Бутков П. Г.* Указ. соч. Ч. 1. С. 141).

[157] См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 19. Л. 176–176 об.

церов. Князь имел право производить в чины до подполковника, но не мог восполнить нехватку писарей, провиантмейстеров, аудиторов, лекарей, инженеров, артиллеристов, переводчиков. В 1729 году остался невыполненным указ Верховного тайного совета о составлении карты приобретенных провинций – ни у кого из генералов не было необходимых специалистов, а единственный армейский инженер Федор Пирия умер. Министры распорядились выслать с этой целью на юг инженера и двух кондукторов, но инженер-майор Людвиг Гартунг прибыл в Гилян только в следующем году и при отсутствии установленных границ сразу запросил начальство, «как далеко» надлежит ему описывать территорию[158].

Сам Долгоруков тоже долго не выдержал – уже летом 1727 года стал просить об «отпуске» его с Кавказа по причине резкого ухудшения здоровья. «А ныне от здешнего несносного, злого воздуха пришел в слабость здоровья своего и в безпамятство. К тому ж и за старостию и зрение тупо, одним глазом почитай не вижу, а и другой худ, о чем известны архиатор Блюментрос, которому я при отъезде своем казал левый глаз, что и в те поры на зрачке было пятно, а ныне и больше прибавляется; также и доктор Захарий о моем глазе сведом же, понеже он меня пользовал», – жаловался князь в очередной просьбе об отставке в сентябре 1727 года.

Поначалу министры не сочли возможным отпустить Долгорукова – указ «верховников» повелел ему зимовать на юге и обещал перемену к весне; в качестве утешения князю вернули конфискованные в 1718 году имения, «которые ныне не в раздаче». Однако после свержения Меншикова Верховный тайный совет, в котором теперь преобладали Голицыны и Долгоруковы, 7 февраля 1728 года разрешил генералу вернуться[159]. «Его императорское величество указал: генералу князю Долгорукову, для сущей его болезни, быть в Москву, а команду свою приказать ему по Куру генерал-лейтенанту Румянцеву; в Гиляни, по прежнему, генерал-лейтенанту Левашову, оставя им инструкции, а на его место главного командира выбрать другого, знатную особу, и представить его величеству», – гласил формальный указ императора Петра II от 7 февраля 1728 года. Вслед за тем старый воин получил увенчавший его военную карьеру чин генерал-фельдмаршала и 30 марта отбыл из Баку в Астрахань.

Пожилой фельдмаршал так и остался главным «куратором» Низового корпуса – через него в Верховный тайный совет поступали доношения с юга и проекты решений тех или иных вопросов; князь, не являясь до января 1730 года членом Совета, присутствовал на его заседаниях, посвященных

[158] См.: Сборник РИО. Т. 101. С. 544; РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. № 437. Л. 58.

[159] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1727. № 7. Л. 146 об., 152; Сборник РИО. Т. 69. С. 531, 534–535; Т. 79. С. 120.

обсуждению «персидских дел»[160]. Он докучал министрам своими представлениями о повышении суммы содержания офицеров и добился выплаты задержанного жалованья донским казакам, что было совсем не легко: Военная коллегия не только не платила денег, но иногда даже не представляла размера полагавшегося казакам денежного и хлебного жалованья[161]. (Явившиеся на службу в крепость Святого Креста в 1726 году три тысячи донцов и 500 калмыков под командованием атамана И. М. Краснощекова оставались там до 1728 года без оплаты, так что В. В. Долгоруков вынужден был выдать им из «персицких доходов» по два рубля на человека. Указ Верховного тайного совета от 31 декабря 1727 года о выдаче денег оставался неисполненным: Военная коллегия обращалась в Камер-коллегию, а ее чиновники адресовали к доходам астраханской рентереи или петербургской «акцизной камеры»; астраханский же губернатор отвечал, что о выплате «ниоткуда указа не имеет». В конце концов недостающая сумма в 30 515 рублей была разыскана в московской рентерее в 1729 году[162]. В 1731 году история повторилась: в Гилян к В. Я. Левашову явился донской атаман П. Михайлов, чтобы добиться выплаты жалованья, которого его казаки не получали с 1728 года. Генерал на свой страх и риск распорядился выдать им 800 рублей из «персицких доходов», так как сенатский указ от 5 февраля 1731 года запрещал платить казакам из этого источника; остальные 11 666 рублей он безуспешно пытался вытребовать от астраханской губернской канцелярии[163].)

Командование на месте он сдал двум старшим по чину офицерам: генерал-лейтенант Румянцев должен был отвечать за владения России от Терека до Куры, а в Гиляне с такими же полномочиями оставался генерал-лейтенант Левашов; каждому из них надлежало быть готовым взять на себя и обязанности другого, если тому «смертный час случится». В прощальной инструкции остававшимся генералам князь сформулировал основные задачи: обеспечить корпус провиантом и заполнить вакансии хорошими офицерами, «очистить» крепость на Куре, внимательно следить за «поступками турецкими», для чего нужны были не только войска и крепости, но и надежные информаторы; необходимо было также привлекать на свою сторону и «жаловать» местных владельцев, без участия которых трудно было бы рассчитывать на лояльность населения[164]. В июле 1728 года Верховный тайный совет наградил обоих командиров «по чину»:

---

[160] См.: Сборник РИО. Т. 79. С. 485, 492; Т. 84. С. 232–233, 239–240; Т. 94. С. 429.

[161] См.: Там же. Т. 84. С. 639.

[162] См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 24. Л. 1–132.

[163] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. № 742. Л. 561–565.

[164] См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 19. Л. 210–212об., 218 об.–219.

фельдмаршал Долгоруков был пожалован 20 тысячами, а Левашов – двумя тысячами рублей «из гилянских и бакинских доходов»[165].

Убедившись на практике в неудобстве «разделения властей» (тем более что морское начальство в Астрахани не склонно было подчиняться двум генералам), Долгоруков в 1729 году посчитал необходимым отменить свое решение о назначении двух равноправных командующих: «генерал-лейтенанта Левашова пожаловать чином и учинить в том корпусе главным командиром, понеже тамошний народ, для знатных и искусных его в воинских делах поступках, в великом почтении его имеют; генерал же лейтенанта Румянцева, також и оного Левашова, для излишних в тамошних краях по их рангам расходов, снабдить награждением»[166]. Долгоруков признал Левашова наиболее способным к должности и к «обращению со злым и проклятым народом». Его мнение было услышано: Румянцев за труды «при турском дворе и в Персии» получил в марте 1729 года 20 тысяч рублей «из персидских доходов»[167], а Василий Яковлевич Левашов в следующем году стал командующим войсками на юге и фактически российским наместником «новозавоеванных провинций». Ему и предстояло выполнять намеченную программу действий.

[165] См.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. № 3149.

[166] Сборник РИО. Т. 94. С. 419.

[167] См.: Там же. С. 260.

Глава 5
БУДНИ КОЛОНИАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Во всех поморских краях милостью вышнего и вашего императорского величества высоким сщастием во всех местах в благополучии обстоит.

В. Я. Левашов

Генерал, курьеры и канцеляристы

Имеющиеся в нашем распоряжении источники скупо свидетельствуют о самом интересном – как именно российские военные власти осуществляли управление занятыми провинциями. Как уже говорилось, в архивах неплохо сохранились переписка командующих Низовым корпусом генералов, адресованные им указы и рескрипты, а также документы военного и дипломатического ведомств и подсчеты расходов, сделанные Сенатом. Однако повседневная документация, которая велась на уровне гарнизонных канцелярий и полковых штабов, представлена намного хуже и только фрагментарно входила в доношения вышестоящих лиц.

Вероятно, в 1722 году офицеры и солдаты петровской армии едва ли представляли себе образ жизни горцев Кавказа, бакинских горожан, гилянских «мужиков» или персидских чиновников. Можно только предполагать, что туземцев отчасти воспринимали так же, как уже более или менее знакомых российских «мухаметанцев» – оседлых татар или полукочевых башкир, которые (не без сопротивления с их стороны) все же постепенно интегрировались в имперскую структуру и заняли в ней свое место в качестве подданных российских государей – плательщиков ясака или иррегулярной конницы.

Но ни в походе, ни после него оставшиеся на Кавказе и в Закавказье генералы не встретили таких готовых к переходу под державу российскому императору подданных. «Князья» и «владельцы» Дагестана могли принимать присягу, но считали ее лишь основанием для выплаты им жалованья без какой-либо «службы» с их стороны и отнюдь не желали исполнять

приказы российских командиров без очевидной для себя выгоды. Однако «горские народы» все-таки воспринимались как «варварские» и свободные, тем более что на контроль над нагорьями Большого Кавказа российская военная администрация не претендовала. А поведение населения, хотя и «мухаметанского», но все же более укладывавшегося в привычные представления о сословном делении, – крестьян, горожан и «знатных особ» – их озадачило: русская армия избавила «персиян» от анархии и набегов «лезгин», их государство развалилось на глазах под ударами соседей, бессильный правитель официально «уступил» их земли России по договору 1723 года, а неблагодарное население иранских провинций не желает присягать и бунтует; «знатные» же то демонстрируют преданность, то «изменяют» без всякого основательного повода.

Сформулированная в 1723 году в Коллегии иностранных дел официальная позиция гласила, что виной всему – бывшие персидские начальники, которые, «лишась лихоимственного их лакомства, стали развращать людей разновидными страхами и привели их в такое замешательство, что российские командиры принуждены были приводить оных в покорность вооруженною рукою»[1].

Уже освоившись в Гиляне, В. Я. Левашов в послании вице-канцлеру А. И. Остерману 28 апреля 1725 года недоумевал: «Народ здешней по премногу развращен, и яко аспиды глухи, затыкающие уши, с нашей стороны и к совершенству дела ниже слышать хотят. И наше им внушение и разглашение, и обнадеживание, и ограждение, и наказание, и смертные казни, и злу началных бунтовщиков домов огнем спаление ничто пользует; и многовременное наше увещание не на благую землю, но на камень падает и не укореняетца… и весма здешней развратной, а особливо отдаленной народ в совершенное покорение и послушание приводить трудно, но разве только умножением людей сие укротить можно»[2]. Ему вторил Матюшкин – в январе 1726 года писал из Астрахани в Коллегию иностранных дел о том, что «народ непостоянства, лжи и недоброжелательства наполнен»[3]. Сменивший Матюшкина В. В. Долгоруков также не понимал «персидскую самую глупость и слабую надежду и суеверие»: отчего они довольны победами афганцев над турками, но не желают принять «протекции российской»[4]?

На некоторое время ситуация с открытыми «бунтами» несколько смягчилась, однако успехи войск шаха в борьбе с афганцами и турками вновь

[1] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723. № 20. Л. 2.
[2] Там же. 1725. № 9. Л. 8–9.
[3] Там же. 1726. № 4. Л. 3.
[4] Там же. 1727. № 8. Л. 4 об.

вызвали волну неповиновения. Под влиянием новых восстаний Левашов пребывал «не без удивления… о персицком народе». «…чрезмерно к шахом своим любительны и верны. Оное от прежних умных шахов политическо введено», – рассуждал генерал в письме Румянцеву в августе 1730 года; он полагал, что эту верность в народе воспитали «духовные». «Бунты» успешно подавлялись, но генерал понимал, что российское господство в Иране непрочно. «Под пеплом искры тлеютца», – писал он в декабре 1730 года императрице Анне Иоанновне[5].

С 1728 года Левашов остался «главным командиром» на Куре и в Гиляне и свои обращения к местным владельцам подписывал как «в поморских краях над войски генерал-аншеф и кавалер и над поморскими провинциями верховной правитель и полномочный министр». Он успешно справлялся с нелегкими обязанностями, «претерпевая зной и вар и моровые времена, и без мало не повсечасные внешние и внутренние неприятельские и бунтовские злобедственности и болезни, и не по мере ума моего отяхчен несносными мне военными и иностранными, и гражданскими делами», как указывал он в 1729 году в просьбе об отзыве, «пока жив»[6].

Генерал жаловался на одолевшие его цингу, «флюсы» и «несносные тлетворные воздухи», лечился пиявками (отчего «весьма изнемог»), в 1730 году вновь умолял об отзыве, поскольку «такая тяжелоносность весьма мне неудоботносная и невозможная»; но его прошения оказывались напрасными – более удачной кандидатуры на его место не нашлось. В признание заслуг Левашова в 1727 году императрица Екатерина I приказала выдавать ему «сверх настоящего нашего по чину… жалования» 500 рублей «из гилянских доходов»[7]. Тот, естественно, государыню благодарил, но в письме к канцлеру Г. И. Головкину высказал обиду на то, что Румянцев пожалован надбавкой в тысячу рублей; у него же, Левашова, доходов с подведомственных провинций «больше бывает» и расходы выше, поскольку приходится принимать послов и других «чужестранных гостей»[8]. При Петре II его военные и дипломатические заслуги одобрил Верховный тайный совет и произвел его в генерал-лейтенанты и командующие «на Куре и в Гиляни»; при этом выяснилось, что имение боевого генерала составляет всего 30 дворов, и министры в июне 1728 года пожаловали Василию Яковлевичу орден Александра Невского и еще 300 дворов – Новоалександровскую слободу в Симбирском уезде из конфискованных владений Меншикова[9].

---

[5] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1730. № 14. Л. 335 об.

[6] Там же. 1729. № 7. Л. 14–14 об.

[7] См.: Письма и указы государей… Василью Яковлевичу Левашову. С. 32–33.

[8] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1730. № 13. Л. 113.

[9] См.: Письма и указы государей… Василью Яковлевичу Левашову. С. 37–39; Сборник РИО. Т. 79. С. 486; Т. 84. С. 123.

Не забывал генерал и о сослуживцах. «Подчиненные, во всю его бытность в том нужном и бедственном краю, паче от тяжкого воздуха и всегда в осторожности с неприятелем, его благосклонною командою были довольны и с крайнею благодарностию о имени его хвалу произносили», – много лет спустя отозвался о заслугах Левашова майор гвардейского Измайловского полка Василий Нащокин[10].

Анна Иоанновна в августе 1730 года сделала Левашова генерал-аншефом и «главным командиром в Персии»[11]. Через два года она наконец заменила его сначала генерал-лейтенантом П. Лефортом, а затем назначила на его место майора гвардии и генерал-лейтенанта принца Людвига Груно Гессен-Гомбургского; но амбициозный «немец» прибыл к войскам только весной следующего года и оказался для тонких восточных «конъектур» малопригодным. Возвращавшийся из затянувшейся командировки Левашов успел доехать только до Тамбова, когда государыня потребовала его возвращения на юг. В условиях надвигавшейся войны с Турцией нужен был не только мир с Ираном, но и союз с ним, чтобы «персы против турков войну со всею силою продолжали»; «но понеже к произведению сего важного дела, как для производимых иногда в тех сторонах военных операций, так и для соглашения и содержания доброго согласия с персы потребен человек искусной и тамошние краи и обычай знающий и у персов и тамошних народов знакомой и кредит имеющей, того ради рассудили для нашей службы за потребно паки вас туда отправить, и вам по-прежнему над Персидским корпусом нашим главную команду вручить», как гласил императорский указ от 27 июля 1733 года. Так Василий Яковлевич вновь занял свой пост, который и сохранил до самого окончания российского присутствия в Закавказье в 1735 году[12].

Генерал сумел использовать свои дипломатические способности и в делах внутренних. Он отродясь не был придворным, но вкусы новой повелительницы представлял: в 1730 году он приобрел для императрицы «арбабского народу три человека» (по 77 рублей каждого), а затем отправил ей четырех «девок женского полу» и «арапского» происхождения, для которых купил «шитые штаны»[13]. Генерал из персидского далека отчетливо понимал столичный политический расклад: уже в октябре

[10] Империя после Петра. 1725–1765 / Яков Шаховской. Василий Нащокин. Иван Неплюев. М., 1998. С. 279.

[11] См.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. № 3848.

[12] См.: Сборник РИО. Т. 104. С. 347–348, 369; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1732. № 4. Л. 97, 111–111 об.; 1733. № 5. Л. 15; Письма и указы государей... Василью Яковлевичу Левашову. С. 58–59.

[13] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. № 7. Л. 141 об.

1731 года он личным письмом благодарил обер-камергера и фаворита императрицы Эрнста Иоганна Бирона за свое производство в «полные» генералы и рекомендовал к услугам своего сына, поручика Рештского полка Семена Левашова. После «падения» клана Долгоруковых и ареста самого фельдмаршала в 1731 году командующий стал докладывать тому же Бирону (который стал кем-то вроде заведующего личной канцелярии императрицы) о состоянии дел на юге и отправил ему в мае 1732 года «в малой презент» «персицких аргамачьих жеребцов и кабылиц» из бывшей шахской конюшни вместе с роскошными «конскими уборами». От фаворита же генерал ждал «о награждении меня от ее императорского величества деревнями милостивого заступления». Таких ценных лошадей доставляли из-за моря с «великим бережением». Барон Шафиров мог мерзнуть в степи по дороге, а лошадей Бирона студеной зимой не отправляли, а держали в теплых конюшнях в Царицыне.

Как известно, фаворит был страстным лошадником; высматривал и покупал породистых животных где только возможно: в Дании, Германии, Италии, даже в Стамбуле, откуда И. И. Неплюев сообщал цены на арабских жеребцов. Левашову же поручались особо важные заказы – например, в сентябре 1733 года Бирон наказал ему добыть персидских «аргамаков одношерстых ровных, чтоб в цук годны были». Генерал поручение исполнил: в том же году ко двору были отправлены три жеребца и 13 кобылиц. Однако он заботился не только о благополучии своего семейства; именно Бирона Левашов в феврале 1735 года просил пожаловать донца Ивана Краснощекова в войсковые атаманы, чтобы «бедной человек с печали не умер»; тем более что ветеран был уже «старой» и жить ему оставалось недолго.

Гордый Бирон заботился о том, чтобы конюхов-сопровождающих после доставки лошадей с должным вниманием отправляли на родину. В 1733 году он лично выписал паспорт одному из них: «Я, Эрнст Иоанн фон Бирон, рейсхграф, ее императорского величества обер камергер и орденов Святого апостола Андрея, Белого орла и Александра Невского кавалер, объявляю сим обще всем, кому о том ведать надлежит, что <…> персианин Артемей Саркович, которой прислан ко мне был от его превосходителства господина генерала Левашова <…>, по желанию ево отпущен от меня по прежнему в Персию и с товарыщем своим. Того ради в губерниях господ генералов, губернаторов, вице губернаторов, обер камендантов и камендантов, в провинциях воевод, а на заставах стоящих офицеров и протчих чинов прошу: да благоволить оного персианина с товарыщем ево с ых пожитками до его родины пропускать везде без задержания, чего ради, во уверение, дан ему сей пашпорт за моею ручною печатью».

Однажды в 1734 году некие «обносители» шепнули фавориту, что самых лучших коней Левашов оставляет себе, а ему присылает оставшихся; он в ярости приказал обследовать конюшню в имении генерала и забрать якобы утаенных от него красавцев. Донос не подтвердился; генерал-аншеф с облегчением писал, что «безумен был, когда бы вашему высокографскому сиятельству не лучшими лошадьми служил», и радовался тому, что взятые с его собственной конюшни лошади «явились годны» Бирону[14]. Будь иначе – страсть Бирона к лошадям могла стоить карьеры одному из самых способных российских генералов.

Вместе с Левашовым продолжал работать отправленный на юг еще с Долгоруковым секретарь Исаак Павлович Веселовский. В 1727 году он отбыл в отпуск, во время которого попал под следствие по «делу» кружка княгини А. П. Волконской, выступавшего против всевластного в ту пору Меншикова. (В «факцию» княгини входили ее братья-дипломаты А. П. и М. П. Бестужевы-Рюмины, «арап» А. П. Ганнибал, камергер С. Маврин, кабинет-секретарь И. А. Черкасов и член Военной коллегии Е. И. Пашков. Они опирались на австрийскую помощь и стремились окружить мальчика-императора Петра II и его сестру Наталью преданными людьми[15].) Улик против секретаря не нашлось, но из столицы он на долгие годы отправился на юг – сначала в Гилян, а затем в Дербент и в 1732 году выслужил чин коллежского асессора[16].

В канцелярии командующего работали толмачи и более квалифицированные переводчики, которых постоянно не хватало; в 1727 году Левашов даже был вынужден отсылать получаемые письма к командующему для перевода[17]. После жалоб Долгорукова в корпус были присланы новые кандидаты на эти должности из числа татар, но в 1730 году. Левашов докладывал, что из присланных четырех десятков человек 25 «померло», а несколько человек отпущены и осталось всего десять, которых надо еще обучать «персицкой грамоте», так что приходится нанимать местные кадры[18].

Особо же генерал выделял своего личного переводчика Муртазу Рамазанова сына Тевкелева, служащего Коллегии иностранных дел и родственника известного Кутлумухаммеда (Алексея Ивановича) Тевкелева – «старшего переводчика в секретных делах» Петра I в Персидском походе 1722 года, а затем посла к казахскому хану Абулхайиру[19]. Муртаза

[14] Переписку В. Я. Левашова с Бироном см.: РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 610. Л. 1–1 об.; № 484. Л. 4–5,11–12, 17, 27–28 об., 45.

[15] Судьба этой группировки прослежена в биографии А. П. Ганнибала. См.: *Леец Г. А.* Абрам Петрович Ганнибал: биографическое исследование. Таллин, 1984. С. 55–65.

[16] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1732. № 16. Л. 1–2.

[17] См.: Сборник РИО. Т. 101. С. 380–381.

[18] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1730. № 14. Л. 9.

[19] См.: *Ханыков Я. В.* Сведения о роде Тевкелевых и о службе генерал-майора Алексея Ивановича Тевкелева // Временник Общества истории и древностей российских. М., 1852. Кн. 13. Смесь. С. 20.

не только переводил для своего начальника необходимые документы, но и расспрашивал и записывал показания прибывавших с донесениями российских «шпионов»; сам участвовал в ответственных миссиях с посольствами к афганскому предводителю Эшрефу в 1728 году и к шаху Тахмаспу в 1730-м. Позднее Тевкелев перешел на работу в Коллегию иностранных дел и в качестве асессора ее «восточной экспедиции» участвовал в 1737 году в переговорах о мире с турками на Немировском конгрессе. Другой специалист, служивший в крепости Святого Креста Ибрагим Уразаев, погиб в сентябре 1729 года, участвуя вместе с казаками в боевой операции по возвращению захваченного горцами скота.

Отбывая из Баку в Москву в марте 1728 года, Долгоруков оставил в Баку при Румянцеве еще одного опытного переводчика, Тимофея Бицына (Байцына), и канцеляриста Коллегии иностранных дел Вощажникова[20]. Из этой же коллегии на время присылались и другие работники – например, секретарь Игнатий Тельс, переводчики с персидского и грузинского языков Лев Змеев (или Залеев), ездивший в Иран с П. П. Шафировым, и Константин Рум[21].

Важной проблемой для администрации на протяжении всего времени существования Низового корпуса оставались его «коммуникации». Изучавший путешествия русских послов в Закавказье в XVII веке М. А. Полиевктов, сравнивая их продолжительность с затратами времени на прохождение тех же маршрутов в 1920-х годах, утверждал, что при первых Романовых «Северный Кавказ отстоял от Москвы почти в 35 раз дальше, чем в наши дни»[22]. В петровские времена ситуация едва ли сильно изменилась. Не случайно князь Долгоруков гордился тем, что наладил почтовую гоньбу и бумаги из Баку приходили в Решт за семь – десять дней; однако это почтовое сообщение осуществлялось благодаря поддержке муганского хана Али Гули и астаринского Мусы-хана и зависело от их верности. Со столицей же поддерживать сношения было намного труднее: почта из центра шла только до Царицына – дальше надо было полагаться только на себя, особенно зимой, когда даже император, пускаясь в путь, сильно рисковал. «Мы замерзли не дошед до Царицына за 113 верст», – писал Петр I Апраксину на пути из Астрахани в Москву 28 ноября 1722 года[23].

Опытный чиновник и дипломат П. П. Шафиров, отправившись зимой 1730/31 года в Иран, был поражен открывшимися перед ним «великими пустотами и степями» на окраине империи. «Минувшего декабря 23 дня

---

[20] См.: Сборник РИО. Т. 79. С. 343.

[21] См.: АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. № 2663. Л. 26, 30–31.

[22] *Полиевктов М. А.* Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. Тифлис, 1932. С. 10.

[23] Собрание собственноручных писем государя императора Петра Великого к Апраксиным. Ч. 2. С. 145.

приехал я в Астрахань, – писал он императрице Анне Иоанновне, – в котором пути моем, а особливо от Саратова в нынешнее зимнее время немалой имел труд в степных проездах, ибо от Саратова до Астрахани на деветистах верстах, кроме трех мест, никакова жилья не имели и принуждены были со всеми при мне начевать на степях; между чем немалые были стужи и жестокие ветры, от чего захолодился и зело ослаб в здоровье своем и принужден был для того принимать лекарства и пускать кровь»[24].

Дальше путешествие оказалось еще труднее: в январе дипломату и его свите пришлось преодолеть «блиско пятисот верст» от Астрахани на юг, страдая «от стужи и вьюги в степи голой и больши нежели на трехстах дватцети верстах никакого жилища, а на сте дватцети ни воды, ни камышу, а не то что какого лесу имеющей». В письме Остерману, отосланном 8 января 1731 года из одного из гребенских казачьих городков, барон передал: «...последней в Гилянь с указами отправленной и вчера сюда приехавшей офицер сказывал мне, что 2 недели от Царицына сюда, где только пятьсот верст обретаетца, в пути был, ибо все де почитай пешком шел от неполучения лошадей, и которые получил, и оные были так худы, что не ходили». «А из Гиляни, – продолжал Шафиров, – привезены при сей реляции моей приложенные от господина Левашова письма от 22 ноября, а пришли сюда вчерашнего числа. И то тако ж зело медленно, ибо слышу, что по всей дороге отсюда до крепости Святого Креста на четырехстах верстах только одна перемена отсюда в трехстах дватцети верстах, а за 80 верст до той крепости. А оттуда до Дербеня, от Дербеня ж до Низовой, а оттуды до Баки и до Рящя ездят по 200 и по 300 на одних лошедях»[25]. Кроме того, дорога была опасной, и гонцы попадали в плен к калмыкам либо погибали от рук горцев. Даже и спустя сто лет путешественники преодолевали путь от Астрахани до Кизляра за две недели под охраной конвоя[26].

В самом лучшем случае депеши из Ирана прибывали в Петербург за месяц; но, например, донесение Левашова от 27 февраля 1728 года было получено в Коллеги иностранных дел ровно через пять месяцев, 27 июля. Коллежские чиновники считали путь от Москвы до Астрахани в 1760 верст (от Петербурга – еще больше), так что отправлявшимся курьерам приходилось выдавать немалые деньги, ведь только прогоны от столицы до крепости Святого Креста на две подводы составляли 22–23 рубля; кроме того, посланцам порой выдавали на руки жалованье за два месяца и еще пять или десять рублей на непредвиденные расходы[27].

---

[24] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. № 6. Л. 12.

[25] Там же. Л. 10–11 об.

[26] См.: *Заблоцкий П.* Путевые заметки из Астрахани чрез Кизляр в Баку в 1835 г. // Журнал Министерства внутренних дел. 1838. № 7. С. 1–22.

[27] См.: АВПРИ. Ф. 15. Оп. 15/3. 1725. № 19. Л. 44, 63; Оп. 15/4. № 3. Л. 20; РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. № 384. Л. 510; Сборник РИО. Т. 106. С. 348.

Морской путь был более коротким, но и более опасным и непредсказуемым, поскольку, как указывал тот же Шафиров, корабли «по месяцу за противным ветром и на одном месте стоять принуждены». К фельдъегерской работе привлекалось огромное количество служилого люда, прежде всего армейские солдаты и офицеры. Жизнь многих из них так и проходила на бесконечных дорогах империи, где иные из гонцов пропадали «безвестно». Поэтому, кстати, отправителям корреспонденции приходилось одновременно другим путем посылать «дупликаты», «трипликаты» и даже «квадропликаты» своих распоряжений и доношений.

В XVIII столетии почта двигалась со скоростью десять верст в час, то есть при непрерывной езде гонец в сутки мог одолеть 240 верст. Только в следующем веке некоторое улучшение дорог позволило фельдъегерям Николая I достичь максимума скорости – 300–350 верст в сутки со страшным напряжением сил и опасностью для жизни. «Приходилось в степях, при темноте, сбиваться с пути, предоставлять себя чутью лошадей. Случалось и блуждать, и кружиться по одному месту. По шоссейным дорогам зачастую сталкивались со встречным, при этом быть только выброшенным из тележки считалось уже счастием. Особенно тяжелы были поездки зимою и весною, в оттепель; переправы снесены, в заторах тонули лошади, рвались постромки, калечились лошади...» – вспоминал тяготы службы старый фельдъегерь в середине XIX века[28].

О «гражданских» чиновниках и тем более «канцеляристах» колониальной администрации нам почти ничего не известно, за исключением многочисленных жалоб начальников на отсутствие необходимого числа «писарей». Эти персонажи выходили из тени, только если в рутину казенных дел врывались страсти, заставлявшие обращать на них внимание самого высокого начальства. Так, осенью 1731 года несшие тяготы службы на гиблом южном берегу Каспийского моря канцеляристы Алексей Попов и Андрей Пырьев не придумали ничего лучше, как явиться к Левашову с доносом «по первому пункту» на жену «студента иностранной коллегии» Алексея Протасова (можно предположить, их более удачливого сослуживца), обвинив ее в оскорблении «превысокой чести ее императорского величества». По словам доносителей, Вера Протасова якобы заявила: «У нас и во дворце то как сама, так и все бляди».

Однако поставленной цели – «отбыть из Гиляни» – друзья не добились. Следствие выяснило, что на них самих уже имеются доносы подпоручика А. Чиркова и переводчика Л. Змеева в том, что оба чиновника – «люди подозрительные»: служат плохо, «пьют безобразно», а своего начальника

[28] Цит. по: *Николаев Н. Г.* Столетие фельдъегерского корпуса. СПб., 1896. С. 116.

П. П. Шафирова, посланного на переговоры из Петербурга, «бранили всякими ругательными словами». После проведенных на месте «трех застенков» Пырьев сознался в оговоре. Тем не менее информация об их доносе была отправлена начальнику Тайной розыскных дел канцелярии А. И. Ушакову и Анне Иоанновне, и обоих канцеляристов в апреле 1732 года приказано было пытать. Оба показали, что их «побуждал и наставливал» к доносу подполковник Астрабадского полка Лев Брюхов. Вытребованный в Петербург офицер по дороге умер в бакинской тюрьме, а неудачливым доносчикам по решению военного суда отрубили головы на площади Решта[29].

Другие же, менее амбициозные чиновники годами безропотно тянули служебную лямку. В 1735 году, уже по выходе армии из Ирана, армейский писарь Прохор Бухвостов и подьячий Нестер Семенов, прибывшие из Астрахани вместе с генерал-провиантмейстером-лейтенантом Полянским, дерзнули «для скудости и долгов» обратиться в Военную коллегию за недоплаченным им в командировке жалованьем. Коллегия отправила просителей в Сенат, поскольку Низовой корпус финансировался не военным ведомством, а Штатс-конторой. Сенаторы же просьбу рассмотрели и в процессе переписки выяснили, что Бухвостов служил на юге вместе с двумя другими чиновниками – писарями Петром Тарасовым и Петром Киселевым – с самого похода 1722 года и все это время получал 25 рублей в год вместо 40 (по табели 1720 года). Кроме денег, состоявшему «при провиантских делах» писарю полагалось ежемесячно два четверика (29 килограммов) муки и гарнец (два килограмма) крупы. Недоплата жалованья на всех троих с 1724 года составила 371 рубль; но, поскольку проситель Бухвостов о столь давнем долге казны даже не упоминал, то ему и насчитали, согласно прошению, только задержанное с 1732 года: за обязательным вычетом «на гошпиталь» к выдаче получилось 74 рубля 25 копеек Бухвостову и 30 рублей 69 копеек Семенову. Этим и закончилась их колониальная эпопея (если, конечно, они не сумели поправить свои дела за счет российских солдат и местных обывателей)[30].

Бухвостов, кажется, был на хорошем счету и даже «правил должность канцелярскую». Другие же отправленные на юг «писари», скорее всего, были не лучших достоинств, но других кадров в распоряжении командования не было, если не считать военных, которым приходилось вершить дела гражданские – и не только на юге, но и в своем отечестве.

[29] См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 266. Ч. 1. Л. 25–28; № 263. Л. 4–5 об., 8–8 об., 10 об., 143–146 об.

[30] См.: Там же. Ф. 248. Оп. 7. № 400. Л. 438–445.

Правосудие по-персидски: судьи и «бунтовщики»

За несколько лет военным властям удалось навести на приобретенных землях относительный порядок. Российские владения на южном берегу Каспия к 1732 году именовались провинциями – Лагиджанской, Гилянской, Кескерской, Астаринской, Кергеруцкой, Аджеруцкой, Ленкоранской, Кызылагачской. Далее к северу на территории исторического Ширвана располагались Сальянская провинция, «уезды» Джават (на Куре), Гулахан, Бакинский, Курали (на реке Самур). К Дербентскому владению относились «уезды» Мушкур, Низават, Шебран, Рустау, Бермяк, Шеспара; здесь (во всяком случае, до 1728 года) должность правителя-наиба, по-видимому, исполняли российские офицеры или местные «дараги», «юзбаши» и старосты-«кавхи»[31]. Названные в сочинении Гербера провинции Верхний и Нижний Дагестан фактически состояли под властью больших и малых владельцев; «уезды» Гулахан и Куба были отданы кубинскому хану.

Иранские провинции делились на «уезды» или «волости», которые, вероятно, были не нововведенными, а названными по-русски прежними административными единицами – «магалами»; так, например, Гилянская провинция имела в составе «уезды» Рящинский, Фуминский (или Пуминский), Кесминский, Кучеиспоганский и Тулынский; а Кергеруцкая – «волости» Секердаш, Дюмик и Хавбесер.

В провинциальных и уездных городах Гиляна находились гарнизоны с российскими комендантами. Комендант командовал гарнизоном и следил за состоянием крепости. Он же ведал сношениями с окрестными «владельцами», выдавал купцам паспорта и выделял в случае надобности воинский конвой. Кроме того, дербентский комендант следил за тем, чтобы купцы не продавали оружие и боеприпасы местным жителям[32].

В других «уездах» могло и не быть российских войск, но командующие в Баку, Дербенте, Низовой и крепости Святого Креста сохраняли за собой контроль над оставленными на своих местах местными правителями. В перечне правителей прикаспийских российских владений, составленном фельдмаршалом В. В. Долгоруковым в мае 1730 года (в этом году они приносили присягу императрице Анне Иоанновне), содержатся такие характеристики:

«В Астаринской и Кергеруцкой провинциях ханом Мухаммед Муса – надобно и верно.

В Уджарцкой провинции салтан Мухаммед Джафар – верной и надобной.

---

[31] См.: *Бутков П. Г.* Указ. соч. Ч. 1. С. 93, 94; *Гербер И. Г.* Указ. соч. С. 88, 90, 91.

[32] См.: *Чекулаев Н. Д.* Управление Дербентским гарнизоном. 1725–1735 гг. С. 160.

В Муганской Шахсеванской, Мазаригской степях ханом Али Кули – верно и надежно.

В Баке салтаном Дергах Кули: надобно наградить против первостатейных.

В Кубинской провинции и в Шебране и Кулагане и Мушкуре ханом Хусейн Али бек малолетный, однакож надлежит его наградить и наиба его Афрасяба, который зело верно и надобно.

В Сальянской провинции наиб Голь Ахмедхан – добро и верно.

В Муганской шагисеванской Мазаригской степей наибом Муса юзбаша – верно, добро и надобно.

В Дербенте наибом Имам Кули бек, о верности его известно всем.

В Ленкоранской провинции ханом Мир Азиз – посредственно.

В Казылагацкой провинции салтаном Келбеали – посредственно.

В Баке наибом Абуразак – посредственно, однакож верно»[33].

Поведение одних вполне соответствовало характеристике командующего; другие надежд не оправдали, как «забунтовавший» в том же году султан Джафар. «Сумнительных в верности» отрешали, как рештского визиря, или заставляли давать заложников, как астаринского Мусу-хана, который сначала выступал против русских, но в 1727 году обещал Долгорукову доход в размере 55 тысяч рублей, выдал «безденежно» провиант и 300 лошадей и обязался «крепость своими людми сделать без найму»[34]. Однако опытный генерал называл хана «великим плутом», и его сыновья находились в аманатах у генерал-майора Фаминцына. Местная знать – «юзбаши и беки» – сохраняла при условии лояльности свои земли, и иногда и посты: в той же Астаре состояли на службе местные «даруги» Шепелян и Рустем-бек.

На низовом же уровне административные функции по-прежнему исполняли старшины, старосты и другие должностные лица союзов сельских общин и городских кварталов. Столичный Решт российская администрация делила на три «слободы» (одна из них именовалась Жидовской) и имела дело с выборными от них представителями, взимая с их помощью подати.

Как свидетельствует сохранившаяся книга капитанов Соболева и Кафтырева о сборе денег в «поморских провинциях» за 1727 год, новых порядков в этой сфере российские власти не устанавливали, а использовали прежние разнообразные «оклады». Имели место и поголовный налог в два рубля (в Жидовской слободе Решта), и фиксированная подать с бывших

[33] Цит. по: *Алиев Ф. М.* Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. С. 92–93.

[34] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 85. Л. 412 об.

шахских деревень, и откупная система (с продажи нефти, с 16 караван-сараев, с рыбных ловель) и прочие разнообразные пошлины – «с варения бараньих голов», «с чюрешных пекарен», «с конской площатки», «зерновой игры» в караван-сараях, «с продажи терьяку», а также традиционно взимаемые поборы «сверх окладу». Доходы собирались («Деревни Тигамрая пять рублев, деревни Кахгир Калая пять рублев, деревни Кияку три рубли, деревни Гулярудбар пятнатцать рублев...»), но далеко не в ожидаемых количествах, ввиду повсеместных недоимок и реального сокращения числа дворов за прошедшие годы: в Кергеруцкой провинции в «волости» Секердаш из 272 дворов осталось 148, а в «волости» Хавбесер – только 313 из 639[35].

В 1730 году российская администрация провела перепись населения с целью установления налогообложения по «старым окладам» с учетом произошедших во время смуты изменений. Объявленный указ предписывал выделить от каждой махалли по шесть человек, которым и надлежало провести перепись жителей и «податных жеребьев», а также «пашен и лугов и шелковых садов и заводов». Подданным разъясняли, что в отношении должностных лиц у переписи «взятки и подарки отрешены и отрешаютца», а освобожденные от налогов лица («маафы») обязаны представить «самые оригиналы» соответствующих жалованных грамот[36].

Там, где управленческие функции были изъяты из рук местных ханов и визирей, появились новые административные органы. В столице Гиляна, Реште, находились «провинциальная» или «судная» канцелярия, а также ведавшая дипломатическими отношениями «канцелярия персидских дел»; в других провинциальных центрах, как в Кескере, имелись свои «судные канцелярии».

С какими процедурами отправлялось правосудие «по-персидски», неизвестно, однако российским офицерам явно приходилось сталкиваться с восточной спецификой. Приводившееся выше завещание покойного генерала Штерншанца показывает, что его автор был несколько озадачен отношением являвшихся на его суд подданных: «А потом, как я в ети провинции прибыл, и тут мне росходу про обиход мой не имелось, понеже обычай такой в здешних местах имеетца. Когда обыватель приходит к своему камандиру, то всегда что-нибудь с собой принесет, например, барана, вола, курицу, масла, яиц и протчее сим подобное. И понеже здесь много имеетца знатных людей, юзбашей и беков, того ради един или другой из оных мне презенты давали лошадьми, каторми (мулами. – *И. К.*) и рогатою скотиною. Когда же такие презенты от них и

[35] См.: РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. № 10. Л. 20, 24–25, 65–66, 102–108, 158.
[36] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1730. № 13. Л. 77–83 об.

принимать не хотел, что сначала и учинил, тогда оные были печальны и, отходя к Муса хану и предлагали ему, якобы я к ним немилостив. Потом Муса хан приходил ко мне и предлагал, что оные люди весьма печальны, что их презентов не принял, и тако говорил мне, чтоб я принял, понеже у них обычай такой...»[37]

Возможно, честный немец Штерншанц и был смущен простодушием восточных обычаев, но знакомые с российской традицией воеводского «кормления» русские офицеры, скорее всего, воспринимали подношения «рогатой скотиной» более естественно, хотя здесь таковые порой отличались экзотикой: в 1730 году некий Ходжа Магомет поднес Левашову в дар «трех зверей дикобразов». Впрочем, Штерншанц вскоре тоже освоился («и за такие презенты собрал я тысячу рублев»), но в завещании все же счел нужным очистить совесть.

Подавляющая часть делопроизводства «судных канцелярий» до нашего времени не дошла; сохранились лишь отдельные упоминания о тех или иных делах в донесениях командующих-генералов, сведения о раскладке и сборе налогов и несколько записных книг сбора различных пошлин и штрафов, которые командование считало нужным иметь для финансовой отчетности.

Из них явствует, что российские «командиры» судили обывателей – разбирали дела о воровстве, драках и завладении чужой землей. В 1730 году сам Левашов рассматривал уголовные дела: жители деревни Кошкасал, разграбившие выброшенное на берег русское судно, поначалу «заперлись», но были изобличены и заплатили по 50 рублей; такими же оказались штрафы за неумышленное убийство и за отказ платить налоги «в казну ее императорского величества».

Помимо более или менее обычных случаев воровства и драк, военные власти как-то разбирались и с более сложными вопросами – например, решали, кому из наследников принадлежит спрятанный покойным хозяином дома кувшин с 400 рублями, по нормам восточного права вершили судьбу «девки» Зейнели и «женки» Ризахани, которые «были зговорены», но выходить «замуж не похотели»; наказывали «мужика» Мумина Али из деревни Чюкал за то, что «жил блудно з безмужнею женкою» 20 рублями, или брали едва ли понятный русскому человеку штраф в три рубля с компании гуляк, «которые будучи в ночное время тайно пили чихир и были пияне»; регулярно взимали сборы «с обывателей, которым по прошениям приказано женитца на спорных за другими мужиками девках»[38].

---

[37] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1728. № 8. Л. 103об.

[38] Эти и другие примеры взяты из приходно-расходной книги штрафов и всяких сборов за 1730 год (см.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. № 7. Л. 116–160).

Перед русским судом представали разные люди: крестьяне, купцы, иностранцы и даже местное духовенство. Так, мулла Измаил Гадиев на базаре «показал неучтивство» поручику Григорию Панафидину и заплатил за это 30 рублей; его коллега Сафы Абасов незаконно завладел казенной землей, а еще один служитель Аллаха, Сумиян Багиров, был передан в руки закона жителями деревни Дилеганен и был оштрафован на 15 рублей за то, что «жил блудно с девкой». «Бакинский переводчик» Имамгули Сефиев разбойничал на море и топил своих же «мухаметан»; два предприимчивых рештских жителя умудрились изготавливать мелкие местные монеты («казбики») «под российской герб».

Приходилось наказывали и самих российских служивых – когда, например, полковой фискал Матвей Звягин по службе донес «о наготе Зинзилинского полка от капитана и каменданта Шеншина». Дербентский комендант защищал местное население от противоправных действий со стороны российских военных чинов. В 1724 году попал под следствие капрал Никита Пименов за употребление «на поделки» могильных плит из верхней крепости Дербента; в мае 1727 года гренадер Дербентского полка Иван Кречетов ночью ушел с караула на рынок и поломал лавку местного жителя, за что был наказан прогоном шпицрутенами через полк по разу в течение трех дней; год спустя есаул, сотник и семь донских казаков попались на воровстве «пожитков басурманских и были высланы из города в «дальные» сады. 22 мая 1733 года по приказу Бутурлина вышедшим на сенокос солдатам было строго приказано, чтобы «в армянские и магометанские деревни не ходили и тамошним обывателям обид и разорения не чинили»[39].

Самому Левашову пришлось разбирать случай с рештцем Идаятом Агасейновым и двумя его друзьями, которые «в ночное время… пили чихир и имели содомство», за каковое удовольствие поплатились штрафом в 50 рублей каждый, а еще десять рублей заплатил хозяин гостеприимного дома. В другой раз он решал конфликт внутри индийской общины Решта, когда один из ее членов, некий Багир Ругаев, «обусурманился» и «ел с мухаметанами чурека», после чего другие индийцы его «от себя отрешили и пить и есть с ним не стали»[40]. А ранее, в 1725 году, М. А. Матюшкин был обеспокоен «ссорой» дербентских армян и их епископа с местными мусульманами. Поводом к ней, докладывал комендант Юнгер, послужила судьба купленной наибом за 350 рублей «девки ясырки черкески», которую он «хотел везти в подарок его величеству государыне императрице»; однако некий проворный армянин «свел» пленницу со двора наиба и укрыл

[39] См.: *Чекулаев Н. Д.* Управление Дербентским гарнизоном. 1725–1735 гг. С. 160.
[40] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. № 7. Л. 123 об., 124 об.

в «погребе» у епископа Мартироса. В результате наиб пожаловался на армян, которые, по его словам, «будут и жен наших уводить», а армяне грозились уйти из Дербента[41].

Конечно, наиболее частыми «гостями» военной юстиции были «бунтовщики». Для них в «новозавоеванных провинциях» организовали привычную систему «розыска» по уголовным и политическим делам: подозреваемые бывали «пытаны, биты кнутом и сжены огнем», хотя, конечно, до этого дело доходило не всегда , а в основном в случаях явных выступлений с оружием против русских властей или обычного разбоя.

Самыми же частыми наказаниями были денежные штрафы. Они взимались за «необъявление бунтовщиков», «хранение пожитков бунтовщика», «необъявленное ружье», что обходилось виновному в приличную сумму – 25–30 рублей, Иногда с самих «ребелизантов» брали меньше (очевидно, учитывая их платежные возможности); например, явившийся «бунтовщик Амады» отделался штрафом всего в 17 рублей и 40 копеек, «оговоренные» же, но так и не признавшиеся в «переносе ведомостей» повстанцам «мужики» отдали всего по десять рублей. Платить приходилось и родственникам; так, под стражу угодили и за 50 рублей были отпущены две «бунтовские женки», чьи мужья были «на акциях от россиян побиты», очевидно, не стеснявшиеся в выражениях в адрес русских властей.

Впрочем, кажется, многие из попавшихв тюрьму долго не сидели. Цитируемая книга сбора штрафов неоднократно упоминает, что подследственные платили «за скорое освобождение» от 15 до 50 рублей – и выходили на волю. Жителю Лашемадана Усейну пришлось заплатить целых 200 рублей – но и вина его была немалой: в 1731 году он подкупил «российского шпиона» Держиду и приказал тому «привесть в Лашемадан бунтовщиков и зажечь дом скороходского старосты», служившего русским; еще на 300 рублей были оштрафованы крестьяне деревни Пишегураб – за то, что знали про подкуп, но не донесли[42].

Штрафам подвергались целые селения. В том же 1730 году «за необъявление следующих через оные деревни бунтовщиков» жители шести сел должны были заплатить огромную сумму – 1513 рублей. С другой стороны, верноподданных власть поощряла; сам Левашов выдал «премию» в 500 рублей «обывателям», которые осмелились напасть на повстанцев.

У более серьезных «бунтовщиков» конфисковывалось движимое и недвижимое имущество (например, дома или караван-сараи), которое затем описывалось офицерами и, как это было принято в России, прода-

[41] См.: Черкешенка для императрицы Екатерины I // Русский архив. 1911. № 6. С. 293–296; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1726. № 4. Л. 85–86.

[42] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. № 6. Л. 250.

валось с торгов или сдавалось на откуп. Наиболее опасных предводителей после соответствующих «розыскных» процедур казнили; так, в начале 1729 года на площади Решта был повешен за ребро местный «главный бунтовщик и всенародной развратник» Хаджи Мухаммед. «Удивительно о поганом здешнем народе! – сокрушался в донесении к Долгорукову по этому поводу Левашов. – Ведая оного плута по достоинству к наказанию, со всех сторон многое множество народу собралося, и многие, утаеваяся под боязнию, вздыхали и плакали, ибо всех поморских краев якобы о избавлении от России надежда на оного была»[43]. Казненный, похоже, был «бунтовщиком» убежденным и, по словам генерала, брал пример с атамана Стеньки Разина, который якобы гостил у его отца, а самого Мухаммеда называл «сыном».

Российской администрации пришлось столкнуться и с феноменом самозванства, знакомым по собственному отечеству. В 1726 году некий Измаил (по турецким данным, дервиш) провозгласил себя сыном покойного шаха Султан-Хусейна и утверждал, что сумел уйти из осажденного Исфахана в Багдад, а оттуда явился в Гилян. Он рассылал воззвания и повсюду возил с собой самодельную «печать шахову» и письмо «отца», якобы пославшего его продолжать борьбу за освобождение Ирана[44].

Воинские «партии» неоднократно громили «шаховича»; в мае 1730 года это сделали капитан Патцын и муганский хан Али Гули: «...более ста человек их потонуло в Араксе, когда от наших бежали, с тритцеть человек побито, да пять человек в полон взято, которых тамо велел повесить, а отогнатой скот наших весь возвращен и хозяевам отдан»[45]. Но каждый раз Измаил ускользал, а затем вновь появлялся, собрав вокруг себя две-три тысячи приверженцев, пока, наконец, в начале 1731 года известный мятежник, «в волости Мусулинской первой старшей Мирфазыл», не убил самозванца, после чего явился к русским с повинной и был прощен – правда, вскоре «от лехкомыслия вновь изменил».

В январе 1727 года, объезжая порученные ему владения от Решта до Дербента, князь Долгоруков доносил императрице Екатерине I: «Во всех провинциях, коими я ехал, с великою радостью меня встречали ханы, солтаны и все старшины, по их обычаю, с своими музыками и во всем меня довольствовали; не токмо которые в нашу порцию достались, но которые по трактату и не в нашей порции, все... просят меня, чтобы я их принимал в протекцию российской империи... И так весь здешний народ, желая вашего императорского величества протекции с великою охотою, видя, какая от

[43] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1729. № 7. Л. 10–10 об.
[44] См.: Там же. 1726. № 6. Л. 69; 1729 № 7. Л. 31 об.
[45] Там же. 1730. № 6. Л. 49 об.

нас справедливость, что излишнего мы с них ничего не требуем и смотрим крепко, чтоб отнюдь ни мало им обиды от нас не было, и крепкими указы во все команды от меня подтверждено под жестоким штрафом; а которые в турецком владении, так ожесточены, вконец разорены, и такое ругательство и тиранство турки делают, как больше того быть нельзя. И так все народы, как христиане, так и басурманы, все против них готовы, только просят, чтоб была им надежда на нас»[46].

Однако генерал явно приукрашивал ситуацию, его подчиненные были несколько иного мнения. «Яко овцы посреди волков находимся», – писал начальнику в октябре того же года Левашов[47]. Недовольство турецкими набегами не означало безоговорочного признания российской «протекции». Волнениям в российской «порции» Ирана способствовали и репрессии против «подозрительных», и «мнимые друзья» – турки, укрепившиеся в Ардебиле. К ним бежали недовольные российской администрацией местные «владельцы», чиновники, «старшины», в том числе и те, которые прежде служили «добро и верно». Так, например, сдавший Баку «доброжелательный» Дергах Кули-бек сначала разоблачил перед русскими своего султана, но уже через год стало известно о его измене. «...открылася конспирация сего Дерла Гули беки, которой с Хаджи Даудом согласился, чтоб ему к тому назначенному дню несколько войска из Шемахи к Баке прислать, которого помощию и с своими подчиненными кызылбашами он российский гарнизон вырубить хотел и с городом под турецкую власть поддаться. Как сие открылось, то он с тремя главнейшими спасся и в Шемаху уехал. А из других бакинских обитателей несколько были казнены, а другие в Россию в ссылку посланы, кроме немногих из простых людей, которые не имели в том участия», – указал в своем политико-экономическом описании приобретенных провинций майор артиллерии Иоганн-Густав Гербер в 1729 году[48]. Об «измене знатных» в Баку писал в сентябре 1727 года В. В. Долгоруков[49].

В апреле 1725 года бакинский комендант Остафьев докладывал, что «мужики градские и деревенские Бакинского уезду, которые увезены были по неволю з бывшим юзбашою Даргою, из Сальян возвращаютца в прежние свои бакинские деревни и в домы многие пришли, а он Дарга живет в Сальянах». По их заверениям, все они «дожидаютца тепла и хотят итти в Баку просить прощения в вине своей, такожде и Дарга думает хануму и

[46] Цит. по: *Алиев Ф. М.* Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. С. 79.

[47] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1727. № 14. Л. 21 об.

[48] *Гербер И. Г.* Указ. соч. С. 98.

[49] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1727. № 8. Л. 114.

наипа (виновников гибели отряда Зембулатова. – *И. К.*) убить и головы их привесть в Баку и просить прощения ж»[50].

Как сообщал Гербер, «в 1727 году вышеписанной Дерла Гули бек просил прощения и, оное получа, ушел только из Шемахи и стал опять быть под российскою властию и в подданстве». В 1729 году Левашов сообщал, что от турок вернулся в Астару сбежавший ранее Айдар-хан и еще четыре «салтана», которых простили и приняли. Наиболее авторитетных из них, как Дергах Кули-бека, русское командование считало полезным держать на службе. «Умняе его не вижу», – писал Румянцев в Москву в 1730 году. В том же году Дергах Кули-бек вновь «ушел» – теперь уже на службу к шаху; однако спустя два года получил прощение, возвратился и жил в своем дворце в селении Маштага на Апшероне, но уже никаких должностей не занимал[51].

В 1727 году муганский султан Рамазан и сальянский наиб Гардалибек вели переписку с шахом Тахмаспом и Хаджи-Даудом. «Счастливому командующему, нашему Аджи Давуд хану, ныне указ шахова величества Тахмасиба на имя мое и Муса беку прислан а особливо вашей милости, а как сие письма получив и в скорости брата своего Мамед хан бека в деревне Жевать вышли, чтоб мне с ним видеться, а со мной ныне русских людей только десять человек, а другие с бригадиром и вы себя содержите без опасения; пожалуй времени не упущай и скоро суды приезжай», – писал Рамазан, но его гонцы в Шемаху были перехвачены. Султан был разоблачен наибом Али Гули, который сообщил русским властям: «Рамазан солтан сего апреля месяца обещал 200 лошадей дать под драгун и в своем слове не устоял, а я, нижайший, усмотрел за ним, что он неприятелем является, и я несколько людей своих по всем дорогам разставил, которые указ за печатью шаха Тахмасиба и письма от Хаджи Дауд хана за печатями достались и в мое руки отдали... Да к прежнему наибу, который в Сальянах убил подполковника, Мамед Усейна беку писал Гардалибек, и оное письмо попалось мне за печатью его, Гардалибека, и отнес в крепость и счастливому полковнику отдал. Да еще от Хаджи Дауд хана к Гардалибеку письмо, которое ему же, полковнику, отдал...»[52]

Другие беглецы с отрядами своих сторонников нападали на мирные деревни и лояльных к русским должностных лиц. В 1729 году на сторону турок перешел некий «старшина» Вейсал из Астаринской провинции, а затем начал бесчинствовать: «...марта 29 дня... присыланы были люди ево

---

[50] Цит. по: *Шереметев П. С.* Указ. соч. Т. 1. С. 293.

[51] См.: *Ашурбейли С. Б.* Очерк истории средневекового Баку (VIII – начало XIX в.). Баку, 1960. С. 259–260.

[52] Цит. по: *Алиев Ф. М.* Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. С. 81–82.

в деревню Мусаханову Еджекеж и пограбили рогатой скотины и лошадей немалое число и убили петь человек мужиков»; «...мая 4 дня бунтовщика Вейсала партия, пришед в деревню Сенебин, разорили и выжгли и несколько мельниц и других деревень разорили и выжгли же и скотину отогнали»[53]. В следующем году в той же провинции «старшины» Авзал Алигул, Али Мамет и Гул Ахмет разгромили дома «даруги» Рустем-бека, а другой «астаринской даруга», Шепелян, сам «забунтовал», «отъехал в турки» и со своим отрядом «в российских провинциях деревни многие разорял»[54]. В конце концов и сам Муса-хан «изменил» и ушел в горы, хотя и обещал сдаться при условии замены Фаминцына.

Правда, турецкая администрация по другую сторону установленного договором 1724 года «барьера» была в том же положении, и их недовольные подданные так же устраивали «бунты» и переходили к русским. Поскольку турки беглых не выдавали, то и российские министры велели Левашову (в рескрипте от 8 ноября 1728 года) поддерживать с ардебильским пашой наилучшие отношения, но на беглецов от турок «яко сквозь пальцов смотреть» и принимать таким образом, «бутто вы про тот их прием и не знаете ничего»[55]. Левашев находился на связи с предводителем отрядов сопротивления туркам Беджеан Султаном и обещал ему в случае неудачи предоставить убежище[56].

Уличенных в «бунте» или подозреваемых в нем высылали – но уже в Россию. Первые высылки начались уже в 1723–1724 годах и продолжались позднее. Практика эта касалась как влиятельных и потенциально опасных лиц вроде бакинского султана или тарковского шамхала, так и рядовых «бунтовщиков» – гилянских крестьян или бакинских горожан, почему-либо показавшихся подозрительными. Среди 35 человек, высылаемых Левашовым из Решта в июне 1725 года, оказались, к примеру, «армянин Комейт Тагиров города Капина из-за Тевриза; служил в персицком войске за свою волю; при акции пойман с ружьем», «бусорман Рягим Фуминского уезду деревни Сянкабузу; при оной же акции пойман с ружьем», или даже не бунтовавший, но оказавшийся «в подозрении» Дилявер Авербеков «того ж Фуминского уезду деревни Калям; взят в лесу», или «Шариф хан Мирза Шарифов того ж уезду деревни Арбан», не к месту очутившийся в «бунтовавшем» городе Лашемадане[57]. О других известны только имена: Садых-Ширбат, Мустафи, Мурат Маамет, Амет-бек, Мирза Кари, Жемшит

[53] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1730. № 14. Л. 125, 126.

[54] Там же. 1730. № 14. Л. 128.

[55] Там же. 1728. № 8. Л. 132 об.

[56] См.: *Алиев Ф. М.* Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. С. 90.

[57] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1725. № 9. Л. 11.

хан значатся среди 67 человек, отправленных Матюшкиным в том же году, где уже начальство решало, кто из преступников пойдет на каторгу в Рогервик, а кто окажется на Украине. Высылая ненадежных людей, «которые явились и были при собраниях з бунтовщиками и в других подозрениях, Матюшкин напоминал, что «из вышереченных персиян многие знают за шелком ходить, и ежели государственная коллегия иностранных дел соблаговолит за благо разсудить из оных персиян знающих для розводу шелковых заводов послать на Украину, тутовый лист есть, чем червей кормят, а семен, из чего черви родятца, можно отсюда послать доволное число без труда»[58].

Судьба этих людей была печальной. Последнюю партию арестованных, «больных и безодежных», принял в Астрахани прапорщик Андрей Сунфельт; в Петербург он доставил только десятерых, остальные же, согласно рапорту, «померли в дороге от воли Божии, а не от него, прапорщика, каким нерадением». В декабре того же 1725 гда ведавшая делами высланных Коллегия иностранных дел определила прибывших арестантов (83 человека) на каторжные работы в Рогервик; из следующей партии в 73 человека двоих сразу отправили к следствию в Преображенский приказ, восемь человек – в Военную коллегию, а среди остальных чиновники пытались выискать мастеров-ткачей, но обнаружили только четырех «художников» и послали их в Мануфактур-коллегию. Остальных ждала каторга. Но тут морское ведомство потребовало, чтобы коллегия кормила заключенных «своим коштом», и отправила несчастных обратно. После долгого межведомственного торга Адмиралтейство изволило принять 15 человек, что стало с остальными – неизвестно[59]... Можно только сказать, что прибывавшие попадали как на тяжелые строительные работы в Рогервике, так и в несколько более мягкие условия – на «мануфактурных дворах» и «в домех у разных чинов людей в Москве и в Санкт-Питербурхе».

Сосланные провели в России несколько лет, пока в 1728 году им не разрешили вернуться – не без помощи В. В. Долгорукова, который привез с собой из Ирана прошения об «отпуске» от бакинских «старейшин». После переписки с Ямской канцелярией Коллегия иностранных дел снарядила в феврале 1729 года в обратный путь 88 бакинцев и гилянцев – среди них осталось только 36 человек бывших каторжников. На родину отправились Мешеди Шафий, Аджи Салим «с женою Асиею и с сыном Ибрагимом», Абильгасум «с женой Серверою», мулла Магомет Кули, безвестные Керем, Махти, Шарабан, Ханум Салтан и другие, по два человека на подводе,

[58] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1725. № 18. Л. 7–9; *Шереметев П. С.* Указ. соч. Т. 1. С. 305.

[59] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1725. № 18. Л. 29–30 об.

получая по две копейки в день, по ходатайству того же фельдмаршала Долгорукова[60].

Не всем невольным переселенцам удалось уехать – среди оставшихся оказались сосланные в 1724 году «по бунту в Баку» человек полковника Андрея Остафьева Филипп Воронов, находившийся у адъютанта Матюшкина К. Ушакова Никита Гаврилов (выучившийся было «паруки делать») и еще 86 человек. Все эти «бывшие персияне бакинские жители», в свое время, чтобы не отправляться на каторгу, предпочли принять крещение и остаться «в услужении», а потому теперь Сенат посчитал их православными русскими, которых невозможно отпустить, чтобы они «на свободе не могли оной веры нарушить»[61].

Одни из них сопротивлялись, как арестованный и высланный в 1725 году из Лагиджана «в подозрении» Мирза Назар Али; в 1726-м он крестился, а через два года попытался бежать и был схвачен уже в море недалеко от Астрахани[62]. Другие смирились. Задержанный «на море» в 1726 году без российского паспорта моряками Ф. Соймонова «торговый человек» Джафар сначала попал на работы в Астрахани, затем оказался «в услужении» у того же Соймонова, а после отбытия хозяина в Петербург служил конюхом и кучером у командира над портом З. Мишукова, обжился, крестился и уже как российский подданный Федор Захаров женился на вдове Анне Федоровой. На родину он возвращаться не думал и даже отказался от вольной[63].

Открытые выступления против русских утихли после 1725 года. Но растущие с 1729 года успехи войск шаха Тахмаспа стали вновь вызывать волнения и ставили верность местной администрации под сомнение. Против «бунтовщиков» направлялись военные «партии», о действиях которых речь шла в предыдущей главе. Те же карательные отряды оставляли по деревням прокламации с призывами к крестьянам не присоединяться к «бунтовщикам». В соответствии с официальной позицией правительства они разъясняли, что русские войска в 1722 году пришли на помощь Ирану, и благодаря им шах «сохранил свое дражайшее здравие, а поморские прилученные ко империи Российской провинции избавилися от неприятельского всеконечного разорения и запустения»; однако немногочисленные мятежники «для своей бездельной корысти бедным народом в покое жить препятствуют и оных обманывая, развращают и от подданства к ее императорского величества верности отвращают, от чего неразсудные во

[60] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/7. № 164. Л. 1–8.
[61] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. № 781. Л. 252–254 об.
[62] См.: Сенатский архив. СПб., 1893. Т. 6. С. 653.
[63] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. № 781. Л. 260–260 об.

укрощении мечь и огнь и пролитие крови претерпевают», и вопрошали: «И тако не лутче ли пребывать под высокою милостию и в покое, нежели под наказанием и разорением?»[64]

Приведем еще один образец колониального красноречия – воззвание Левашова от 23 марта 1731 года, распространенное в «Кергеруцкой и Дирикской махалах»:

«По указу ее величества императрицы всероссийской и протчая и протчая и протчая. Во всенародное известие всякого достоинства знатным, духовным и мирским и всякого звания людям объявляю.

Сожалею по немалу, как от злых возмутителей в разных местах бедной народ неразсудно разоряетца, а не могут познать, что возмутители и бунтовщики народы развращают и к ее императорскому величеству от верного подданства и от послушания отводят не для мирской пользы, но для своей бездельной корысти. И разными внушениями людей обманывают и воровски толкуют, будто бы басурманом под христианскими державами быть невозможно. А всему свету известно, таковых в свете примеров множество, о чем от меня и прежде в народ публиковано неоднократно, что как под христианскою российскою державою из древних лет басурманского закона и протчих вер народов множественное число имеетца, и в других христианских державах того немало. Но и под басурманскими державами, под персицкою и турецкою, христианских народов, грузинцов и армян, греков и протчих несколько есть. И в том знатно состоит воля Божеская; хто тому воспротивитца сможет?

Но даказательно и всем верно известно: когда возмутители чинят собрании, тогда коварно и ласкательно обнадеживают и являют себя быть добрыми и смелыми приводцами, а когда от российских партей в наказаниях быть случаютца, тогда тех бездельных бунтов начинатели народ бедной оставляют в смерть наказательного оружия, и в беду, и в разорение, а сами первыми бегунами бывают.

Удивительно, как бедной простой народ, видя от бунтовщиков возмутителей многократные обманы и смертные беды и разорении, а по се число от обманов их оберечися не могут! Верно же всем известно, что в высокой российской державе в поморских краях никаким бунтам и собраниям ко умножению время не допущаетца и всегда таковые злонамерении оружием и огнем и разорением наказываетца, как в недавних времянах в Кергеруцком и во Дирикском махалах бунтовщик Карабек с собранием разбиты, и многие из оных побиты и ранены, и переловленные смертию кажнены, и тех мест, где пристанищи имели, многие деревни, в том числе и Мусаханских несколько, выжжены и разорены. В Гиляне

[64] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1730. № 14. Л. 155.

мусулинской Мирзафыл, прежде к ее императорскому величеству пребывая в верности, увидел шахова величества против турок начинаемое сщастие, которое каково впредь будет, узнать не можно, чего рассудить не умел; и не на совершенство обнадежася и облехкомысляся, согласяся с протчими бунтовщиками, собрание отправил с своим свойственником Рустумом, и при нем были бунтовщики с собраниями Тагибек, Мелик, Насыр с товарищи, которые близ Мардагинского базару разбиты ж, и многие побиты и ранены, в том числе помянутой Рустум убит, и многие пойманные перекажнены»[65].

На российской службе

Эффективность воздействия подобных увещеваний на «бедной простой народ» (как и степень грамотности последнего) оценить трудно. Сам Левашов так и остался невысокого мнения о новых подданных «мухаметанского закону», хотя в отличие от утверждений собственных прокламаций полагал их «непослушание» естественным. «Народ безмерно ласкателен и каварственн и преизлихо обманывать любят и всячески ищут, какими бы ни есть возможностями ково обмануть и погубить. Но законная их к тому притчина побуждает, яко новоподанных людей, понеже известно есть, как всегда новые народы под новою державою высоковладеющих не скоро в покойных состояниях жить привыкают», – объяснял он в 1733 году ситуацию своему преемнику[66].

Вместе с тем Левашов многому научился, хотя и признался персидскому послу в 1732 году, что так и не сумел овладеть языком и «персицкой грамотой». «Главный командир» оказался способен разбираться в проблемах восточного общества и вынужден был признать, что у его армии нет надежной опоры среди местного населения, несмотря на религиозные разногласия мусульман – суннитов и шиитов.

Генерал понимал, что успокоить «новоподданных» одними репрессиями невозможно – надо так или иначе привлекать «обывателей» на свою сторону. Он не скупился на организацию зрелищ и в июне 1730 года отметил восшествие на престол Анны Иоанновны «палбой и элюминацией» с невиданным прежде фейерверком и торжественным принесением присяги, которая «в две книги персицкого манера построена»[67]. Еще в 1726 году Левашов предложил Долгорукову «принимать в годовую службу» местных жителей, поскольку требуемого количества солдат и нестроевых войска

[65] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. № 6. Л. 243–243 об.
[66] Там же. 1733. № 5. Л. 41 об. Этот же текст см.: Там же. 1723. № 20. Л. 17.
[67] Там же. 1730. № 13. Л. 189.

никогда не получали, а сам он резонно полагал, что таким путем «неисщерпаемые рекруцкие колодези не без оскудения быть могут, вместо которого истечения посторонними прибавками наполнитца могли». Командующий эту инициативу поддержал[68]. Так в числе российских военнослужащих оказались сначала армянские и грузинские части, а затем и курдская «команда» во главе с юзбаши Беграм-беком; курды служили «без жалования», но за успехи получили вознаграждение в 200 рублей.

Еще в 1723 году на русской службе появилась конная армянская команда из 50 человек, служивших сначала «на своем коште» под командованием Петра Сергеева (Петроса ди Саргиса Гиланенца)[69]. Год спустя на русской службе оказались и грузины-«милитинцы». С помощью этих частей весной и летом 1724 года войска громили «бунтовщиков» под Кескером и Лагиджаном. В том же году Петр Сергеев погиб «при атаке Рящя от кызылбаш», и «армянским конным шквадроном» стал командовать ротмистр Лазарь Христофоров (Агазар ди Хачик)[70]. В 1726-м «конные армяне» находились на службе в гарнизонах Решта, Баку и Дербента.

Их службой начальство было довольно, но на всякий случай за новыми служивыми присматривали. В одном из писем в Петербург в июле 1725 года командующий выражал свое неудовольствие: «Сего июля 5-го дня 1725 году, следуя от Баки к Дербени при грамоте ее величества государыни императрицы, отправленной из государственной коллегии иностранных дел под 22-м числом маия сего 725-го году, получил я копию с писма писанного к Минасу вартапеду от армянина Ивана из Гиляни, которой з другими армяны в службе ее императорского величества обретаетца, в котором пишет ни малого состоятельства и правды не находитца, а особливо якобы они наши защитители, а их армян только и всех семдесят четыре человека, и хотя в нынешнее время они там и потребны быть и служат верно, однакож за людми люди, а не защитители; також бутто мусальманские обычаи и обхождение так сильно, что, случаетца, сто человек две тысячи разобьют, чему верит не можно, ибо народ самохваловатой, к тому ж и лжи наполнен и имеют обычай басурманской, что ни говорят, верить не возможно, толко произыскивают, чтоб им прибыток получить». Но в то же время он сам «определил» необходимым им «денежного жалованья на год давать по предложенной табели о содержании генералитета и полков 1720-го году; а имянно, главным армяном ротмистру Лазарю Христофорову капитанское, Эйвасу Аврамову порутческое, також и грузинцам – дораге капитанское ж,

[68] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1728. № 8. Л. 93 об.

[69] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 63. Л. 402–403.

[70] Подробнее о службе этих лиц см.: *Арутюнян П. Т.* Указ. соч. С. 212–216; *Чекулаев Н. Д.* Армянские эскадроны в составе русских войск 1723–1764 гг. С. 76.

брату ево порутческое, а рядовым грузинцам и армянцам по пятнадцати рублев человеку»[71].

В декабре 1727 года 50 конных армян и грузин отличились в победном бою с афганцами. За боевые заслуги Долгоруков в том же году произвел Лазаря Христофорова в майоры, а в следующем – в подполковники. Во главе «грузинцов» в 1724–1727 годах стоял «дарага» Элизбербег, а в 1728-м – ротмистр Рафаил Парсандабеков. Эти части и их командиры состояли на жалованье, но служили «со своим оружием и лошадьми», не входили в состав регулярной армии и в рапортах учитывались отдельно. В мае 1727 года Долгоруков доносил в Верховный тайный совет, что Христофоров и его бойцы «охотно служат, и лошадей, ружье всем драгунам покупают на свои деньги; лошадей содержат на своем коште, что в Гиляне становятся большими цены». Командующий просил наградить храброго командира, который, «оставив свои товары и торговлю, в содержании конных драгун все свое имущество продал» и «к содержанию конных драгун безмочен находится», и отмечал, что по его, Долгорукова, указу армянам «с прочими находящими в службе по примеру с драгунами дается жалованье, мундир, ружья, лошади, седла, подковы и фураж».

В. Я. Левашов, в свою очередь, извещал: «...оным конным армянам дается только солдатский провиант, да порох и свинец, а ружья и на лошадей фураж и седел и прочих конский убор и подков не дается, а оные армяне в тамошних делах против персов очень нужды. Того ради определил генерал-фельдмаршал В. В. Долгоруков Лазарю Христофорову до получения указа из столицы 700 руб. в прибавку к его окладу для того, дабы тем не показать персам, когда в бессилие приходит такое иждивение на содержание тех конных драгун продолжать и якобы не в состоянии были собранных уже несколько человек армян содержать и прокормить, и что весьма нужно армянский народ привлекать на свою сторону».

Численность армянской и грузинской частей не была постоянной. В состав армянского эскадрона вливались другие армянские отряды. Павел Зиновьев (Погас Петросович Зенец) вступил в ряды русской армии еще в 1722 году, а спустя три года организовал в Астрахани отряд добровольцев и был отправлен в Баку, откуда поддерживал связь с карабахскими «сыгнахами». Он был удостоен чина подполковника. В 1725 году в Гиляне присоединился со своим отрядом к русским войскам Палабек Пасауров; в 1730-м – Авраам (Абрам) Салага-юзбаши и уроженец Карабаха Григорий Степанов[72].

---

[71] Цит. по: *Шереметев П. С.* Указ соч. Т. 1. С. 315.

[72] См.: *Чекулаев Н. Д.* Армянские эскадроны в составе русских войск 1723–1764 гг. С. 76–77.

В начале 1727 года в распоряжении Левашова в Гиляне имелось 76 армян и 18 грузин, а в конце следующего года на службе находилось уже 145 грузин и 247 армян; в декабре 1731 года командующий рапортовал о состоявших на службе 94 «грузинцах» и 341 армянине[73]. После сдачи Гиляна по Рештскому договору 1732 года часть из них служить перестали, но многие ушли вместе с русской армией за Куру и продолжали службу в ее рядах. В 1733 году под командованием Лазаря Христофорова, к тому времени уже полковника, состояли 167, а в отряде ротмистра Палабека Пасаурова – 38 конных армян; грузинскими частями командовали майоры Рафаил Парсандабеков (в его подчинении находились 89 человек) и Бадурбек Экалапашилов (72 человека). Их жалованье составляло 600 рублей у полковника, 300 рублей у майора, 15 рублей в год у рядовых.[74].

Армяне не только воевали – они служили переводчиками, гонцами, разведчиками. Уже в 1724 году Левашов писал канцлеру Головкину, что доставленные армянами «ведомости» о турецких военных приготовлениях и ходе военных действий верны[75]. Информация поступала к командующему от купцов, ходивших с караванами по всему Ирану. Так, в октябре 1727 года Хотча Иванов рассказал в канцелярии Левашова обо всем, что видел во время четырехмесячного перехода из «Вавилона» в Тебриз, а затем из Тебриза в Решт. Новости доставляли и доверенные люди из других городов Ирана. Сдавая дела преемнику в 1733 году, генерал передал ему связи и имена не раз «в верности опробованных» армян – Маска Захарова из Исфахана, Назарета Манукова и Ивана Танэсагулева из Шемахи, Ивана Сарапионова из Гянджи[76].

На русской службе оставались некоторые прежние персидские чиновники: ведавшие шахским имуществом везиры, отвечавшие за раскладку налогов «калантары», осуществлявшие судебно-полицейскую власть «дараги»[77]. В 1731 году «по доношению фуминского жителя дараги Мамадали-бека» с Мугима Мулажанова и Насира Алимзаева было взыскано 440 рублей. Командование поощряло их усердие: «старший мужик» одной из «волостей» и астаринский дарага получили в награду «изарбафной кафтан с травы золотыми»[78].

---

[73] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1727. № 13. Л. 1 об.; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 19. Л. 222; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1732. № 5. Л. 2–3.

[74] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. № 439. Л. 1010–1012.

[75] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1724. № 4. Л. 36.

[76] См.: Там же. 1733. № 5. Л. 52.

[77] О составе и функциях местной администрации см.: *Куция К. К.* Социально-экономическая структура и социальная борьба в городах сефевидского Ирана. Тбилиси, 1990. С. 105.

[78] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. № 7. Л. 139 об., 149.

У русских появились и добровольные помощники из числа «обывателей» в борьбе с «бунтовщиками». Среди них одним из самых усердных оказался в 1730 году представитель рештской администрации «калантар» Бабахан: он донес (за три батмана шелка) на «бунтовшика» из деревни Кисавадин Гамаду Мамтакыева, а затем указал на «бунтовские деньги» в деревне Дилигемен (было «сыскано» 150 рублей) и на хранившего «пожитки бунтовщика» Ризу Керимова из деревни Верзар – тот «запирался», но был «подлинными свидетельствами» изобличен и «за скорое освобождение из-под караулу» расстался не только с «пожитками», но и с собственными 30 рублями. Бабахан помогал «сыскивать» имущество и других «бунтовщиков», за что получал шестую часть конфискованного деньгами и шелком[79]. Кстати, упоминавшегося выше предводителя повстанцев Хаджи Мухаммеда выдали местные «обыватели» и притом даже «безденежно», хотя за его голову командованием была обещана награда.

На службу стали брать местных «толмачей» – они успешно заменяли выходивших из строя казанских татар (из присланных в 1724–1728 годах 40 человек умерли 25); последних к тому же приходилось учить местной грамоте – это делал рештский мулла из «Базарной слободы» Гусейн Кулейманов, имевший десять таких учеников[80]. «Толмачи» служили верно, часто одновременно собирая для командования полезную информацию, так что даже жаловались на тех, кто называл их «сабаками» и «российскими шпионами»[81]. В «канцелярии персидских дел» при командующем состоял доверенный «писарь» Ага Эмин, которого Левашов отправлял с миссией к правителю, будущему шаху Надиру.

Достижением Левашова стало создание местных «сил правопорядка» – «доброконных скороходов». Представители этой корпорации, традиционно обеспечивавшей в Иране почтовую и курьерскую службу, пошли со своими «старостами» на русскую службу и вместе с регулярными частями действовали против мятежников. В феврале 1731 года в составе «партии» капитана Бундова такой отряд из 100 человек в Фуминском уезде при «деревне Мардаге» атаковал три сотни «разбойников» во главе с их предводителем Рустумом. Левашов описал действия скороходов: «...по их обычаю во все голосы закрича «урус» и вынев сабли, на бунтовщиков смело поехали». В итоге «бунтовщики» были разгромлены, а их предводитель Рустум убит в бою и повешен за ноги «на Мусулинской дороге»[82]. Астаринские скороходы за службу были награждены красным сукном на кафтаны – по два с четвертью аршина на каждого.

---

[79] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. № 7. Л. 119 об., 121 об., 142.

[80] См.: Там же. Л. 141.

[81] См.: Там же. 1730. № 13. Л. 146.

[82] Там же. 1731. № 6. Л. 189 об.–190.

Из них же генерал организовал целую разведывательную сеть. «Повсюды шпионы от нас непрестанно отправляютца», – не без гордости докладывал он Анне Иоанновне в сентябре 1731 года[83]. Судя по донесениям Левашова, по крайней мере с 1726 года скороходы и прочие «шпионы» из местных регулярно направлялись из Решта в Ардебиль, Тебриз, Казвин, Исфахан, Хамадан, Мешхед, Кум, Кашан, Шемаху и другие города и через две-три недели возвращались с собранными сведениями и «слухами».

Приходно-расходные книги администрации за 1729–1731 годы содержат десятки имен этих людей; среди них «особо верные» армяне Мелкум Бежанов и Егорий Татунов, а также Шаин Иванишев и Хачатур Мечердисов; ардебильцы Кулекол Фагулиев, Ашур Ишанов и Гулям Калфигулиев, Алмамет Ханвердиев, Алагий Садыков и Мелик Халханов из Тебриза, казвинцы Фазлали Маметкулычев и Хамамет Алиев, уроженец Решта Ага Риза Хусейнов, прочие шпионы-«мухаметанцы»: скороходы Керим и Садыр, «крестьянин» Али Мурад, Угурлы Аллахвердиев, Шабмухамет Хамади, Шихмамет Ханмухаметев, Фарзалий Маметкулычев, Махмед Земанов, Кулакалиф Кулычев, Экбер Калилов, Салий Амирханов, Курбанкулы Алимугаметев, Билий Кодыров, Шах Мухамет Мухаметев, Реджеп Бабаев, Фарзали и Шабан Кулычевы, Халмагамет Хаджимаметев, Гулмухамет Хаджи и многие другие. Их работа оплачивалась из «неокладных сборов», и эти «безгласные деньги» оставляла от трех-четырех рублей в случае ближних «походов» до 14–15 рублей при возвращении из Исфахана и мест более отдаленных; в холода плата шла «для зимнего времени с излишеством». Отличившихся генерал награждал по персидской традиции дорогими «халатами».

Одним из лучших агентов Левашова стал уроженец Казвина «шпион Алмамет Акбердиев (он же Алквердиев), который в течение нескольких лет постоянно совершал опасные путешествия из Решта. В 1726 году он принес данные о турецком гарнизоне Ардебиля и поражении турок при Хамадане; в 1729-м в канцелярии Левашова информатор рассказывал о движении турецкой армии, о зверствах янычар «над жителями тевризскими» и о том, что «за Вавилоном арапы опять забунтовали». В 1730-м он побывал в лагере персидских войск и был очевидцем «при баталии с турками» под Тебризом; победе соотечественников Алмамет был, видимо, искренне рад – до такой степени, что начальнику «в нынешние персияном сщастливые случаи оной шпион сумнителен показался», однако продолжал служить верно и «доносить» ценные сведения[84].

Алмамет из Решта зимой 1726/27 года незаметно следовал по турецкой территории за официальным гонцом – российским подьячим Сенюковым

[83] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. № 7. Л. 15 об.

[84] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 77. Л. 1160–1162 об.; АВПРИ, Ф. 77. Оп. 77/1. 1730. № 13. Л. 10–10 об.; № 14. Л. 80–81, 151.

по маршруту Ардебиль – Тебриз, где жил в караван-сарае «в сабачьей конуре», но сумел через местных армян установить связь со слугой подьячего (подавая тому «кафейник с кофием»), и получил письмо для передачи Левашову; попутно он подробно расспросил турок о неудачных для них боях с афганской конницей под Хамаданом[85]. Надежный скороход Султан Мухамет Хусейнов не единожды отправлялся по маршрутам Решт–Казвин–Хамадан, Решт–Кум–Тегеран, Решт–Казвин–Исфахан и сам нанимал агентов в других городах, как хамаданца Багира. Сафар Аллакулычев стал «глазами и ушами» Левашова в афганском войске Эшрефа.

Армянин Мурад Аврамов присутствовал в лагере шаха Тахмаспа и доставил русским информацию о причинах поражения персидского войска 5 сентября 1731 года, когда по обыкновению нетрезвый шах не оценил сил противника и приказал своим отрядам атаковать готовую к бою турецкую армию. В это же время от имени Левашова другой его агент, Кулла Гамет Ходжимугаметев, прибыл в расположение турецкой армии Ахмеда-паши, предъявил ему печать генерала и получил сведения о том же сражении с другой стороны: шпионы могли и сотрудничать с временными союзниками там, где российские власти не желали делать это открыто[86].

Еще один агент, Хаджи Мухиб Мухаметов, в 1731 году под видом «индейского дервиша» сопровождал армию полководца и будущего правителя Ирана Надира в Афганистан и стал свидетелем осады Герата и сдачи города, когда голод и «смрад мертвых» стали невыносимыми для его защитников.

Жизнь «шпионов» была нелегкой – им случалось болеть, быть избитыми и ограбленными на дорогах охваченного войной Ирана. Но иногда, на ночлеге в караван-сарае, можно было отвести душу с коллегой. Так, в мае 1732 года посланец Левашова Мухаммед Эмин из Решта встретился в Мешхеде со «шпионом шаховых евнухов» и узнал от него, что полководец шаха Тахмасп кули-хан (будущий шах Надир) всех «министров ласкательствами и подарками победил и желает, чтоб государь их недействителен был и все дела государственные поручены были от него ему, хану». «И оной шпион, – рассказал по возвращении Мухаммед Эмин, – тех министров много лаял изменниками и предателями»[87].

Попутно шпионы решали и другие задачи: сообщали подробности о жизни бежавших из российских владений «изменников» (одни из них действовали активно, другие, как беглый астаринский Муса-хан, «жили в великой скудости и в раскаянии, что изменили») или разыскивали (а иногда и приводили) беглых русских и турецких солдат. Порой к Левашову попадали

[85] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 85. Л. 406–407.
[86] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. № 7. Л. 203 об., 220 об., 221 об.
[87] Там же. 1732. № 5. Л. 236.

соотечественники, которым выпало много лет скитаться по Востоку. Среди них однажды оказался бахмутский казак Иван Рудов, взятый в плен татарами в 1708 году, проданный в Стамбуле одному из янычар и оказавшийся вместе с хозяином в составе гарнизона Ардебиля. Иван был крепок и военное дело знал, так что генерал охотно принял его на службу в полк майора Юрлова[88]. В другой раз к нему в Рештскую канцелярию явился участник несчастливой хивинской экспедиции Черкасского 1717 года, бывший драгун Астраханского полка Тимофей Аверкиев, и рассказал захватывающую историю своих скитаний. Из Хивы он был продан в Балх, оттуда два раза неудачно бежал, а в третий раз из плена ушел – но не на север, а на юг, в Индию, куда добирался четыре месяца. В «индустанской земле» Тимофей «прокормление имел, переходя по розным местам», пока не отплыл с «пристани Лаубандир» в иранский порт Бендер-Аббас, а оттуда прошел с караваном через охваченный войной Иран на Исфахан, Кум и Кашан до Казвина.

Шпионы выявляли «бунтовщиков», рискуя при этом жизнью. В марте 1731 года они подали генералу коллективную челобитную на жителей деревни Эзыграк; тамошние непокорные «мужики» заявили им: «Чего ради ее императорскому величеству в верности пребываете и от россиян шпионами ходите, а ныне де и свой шах имеэтца, коему в верности пребывать надлежит», – после чего «звали их, шпионов, бежать в горы служить шаху; и как они, шпионы, так и протчие, в верности пребывающие, с подзывателями не пошли, тогда между ними учинилась ссора и драка, и одного из шпионов изрубили во многих местах, а других побили насмерть». Нападение на «пребывающих в верности» немедленно вызвало карательную экспедицию прапорщика Тутолмина, во время которой были захвачены три «бунтовщика», семь лошадей и четыре сабли[89].

Приходилось бороться и с вражескими агентами; «персияне» и турки использовали против русских в том числе и местных христиан – к примеру, «грузинца» Баэндура Евсеева, который был схвачен в Реште в 1730 году и отправлен в Астрахань[90].

«Вашего государя и командиров мы не боимся»

На Кавказе после подавления выступления шамхала Адиль-Гирея ситуация стала как будто спокойнее. Мятежный шамхал сдался и попал в почетное заключение в крепости Святого Креста. Прибывший туда в августе 1726 года новый командующий В. В. Долгоруков встретился с пленным Адиль-Гиреем

[88] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. № 7. Л. 8.
[89] См.: Там же. № 6. Л. 189.
[90] См.: Там же. 1730. № 14. Л. 137.

и сделал ему суровый выговор за «продерзости»; собеседник, по мнению генерала, вины своей не осознал и отвечал ему «с великими пыхами», а потому Долгоруков рекомендовал отправить его подальше в «крепкие места». Верховный тайный совет рекомендации внял и повелел отослать бывшего шамхала в Архангелогородскую губернию[91]. Вместе с находившимися при нем «служителями» Адиль-Гирей был доставлен сначала в Астрахань, а затем в Колу, где содержался под караулом на 15 копеек в день и умер, как сообщает доношение в Сенат из Архангелогородской губернской канцелярии от 27 января 1732 года, накануне, 26 января[92].

«Должность» шамхала в 1726 году была упразднена, и формальное исполнение верховной власти в Дагестане было возложено на главнокомандующего русскими войсками; но «когда родственникам шамхала было объявлено о высылке Адиль-Гирея, они, по словам генерала, «бес прекословности с великим удовольствием приняли» это известие, при этом унаследовали его владения: «...между тем большия деревни и из малых несколько вместе розданы сыновьям шамхальским и нескольким знатным людям дагистанского народу для содержания».

С двумя тысячами драгун и пятью тысячами казаков Долгоруков выступил на Дербент. Войска намеренно двигались «блиско самых гор», и демонстрация силы произвела впечатление: по словам Долгорукова в письме Макарову, в результате этого марша большие и малые владельцы и прочие «ветреные господа пришли в великой страх и в покорение» и выезжали навстречу российскому наместнику «с великою учтивостью»[93].

Утверждение России на Кавказе и достигнутое соглашение с Турцией увеличили число российских подданных. В том же 1726 году подданство принял кубинский хан Хусейн-Али[94], на верность присягнули вольные даргинские общества (Акуша-Дарго в среднем Дагестане). Их вхождение в состав империи было зафиксировано в «записи», которая была «заключена 12 декабря 1727 года, при деревне Мабуре... с турецким комиссаром Дервиш Магомет-агой, о размежевании на 18 часов езды, т е. 100 верст от Дербента... до старой деревни Юрт, таким образом, чтоб места, к морю по сей линии лежащие, доставались во владение российское», включая территории Акуша, Каракайтага и Табасарана[95].

«А ныне по милости всевышнего и ее императорского величества щастием здесь все суть состоит благополучно. И оной усмей прибыл под

[91] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 77. Л. 1128–1128 об.; Сборник РИО. Т. 69. С. 238–239.

[92] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. № 781. Л. 85–85 об.

[93] Там же. Ф. 9. Отд. II. № 77. Л. 1128 об.

[94] См.: Сборник РИО. Т. 56. С. 418.

[95] См.: *Алиев Б. Г.* Взаимоотношения Акуша-Дарго с Россией и вхождение его в состав Русского государства // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в. С. 56.

Дербент к садам, расстоянием от Дербента в 4 версты, и с ним дети ево и Салтамамут утемышевской и шемхальской брат Атачюкей, которой в подданстве не бывал, и другие старшины, и с ним владения ево около 4 тысяч человек. Которого я и детей и Салтамамута утемишевского и шемхальского брата Атачюку в подданство ее императорского величества привел и присягу учинил», – доложил Долгоруков вице-канцлеру А. И. Остерману в мае 1727 года. Результатом этих действий стала жалованная грамота, данная в августе того же года от имени императора Петра II Ахмед-хану на «чин усмея Кайтацкой провинции», предоставлявшая ему «правление над кайтацкими народы иметь и всякие дела по надлежательству исправлять во всем таким образом, как прежние усмеи кайтацкие тамо правление имели». Другая грамота, 1728 года, предоставляла его сыну «хану Мухамету, по смерти отца его, усмея Ахмет-хана, в провинции Кайтацкой быть усмеем и правление над кайтацкими народы иметь»[96].

Присягу на верность России повторили правители Табасарана и Кайтага; чеченские мурзы Казбулат и Метев и другие владетели и старшины Дагестана, Кабарды и Чечни; в 1727 году в крепости Святого Креста присягнул владетель Аварии Умма-хан с вручением грамоты «о верности Российскому государству». В сентябре 1731 года там же «андийцы, весь народ, добровольно пришли в подданство российское и в том присягнули»[97]. Разграничение новых российских и турецких владений в основном закончилось в 1727 году, и формально значительная часть нынешнего Дагестана оказалась в «подданстве».

Летом 1730 года дагестанские князья и «знатные старшины» присягнули новой императрице Анне Иоанновне. Среди оказавшихся в этом «реестре» – «шемхальские дети» Хазбулат и Будай, дербентский наиб Имам кули с братом, табасаранские Максум-бек (очевидно, так русские «писари» именовали майсума Махмуда) и кади Рустем-бек, уцмий Ахмед-хан с детьми, чеченские князья Булат и Айдемир-бек, кубинский хан Хусейн Али, брагунская княгиня Чжанат, «капыркумыкской князь», владельцы Верхних и Нижних Эрпелей, утемишские, туркалинские, кумтуркалинские, аксаевские, губденские, буйнацкие, акушинские, андреевские, ченгутайские, дергелинские и другие.

---

[96] См.: Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сборник документов. С. 56–58. Правда, в данной публикации обе грамоты, 1727 и 1728 годов, ошибочно называются выданными от имени Петра I.

[97] См.: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 416; *Сотавов Н. А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. С. 74; *Гасанов М. Р.* Каспийский поход Петра I – важный этап в истории русско-кавказских взаимоотношений // Россия и Кавказ: история и современность: Материалы научной конференции 11–12 ноября 2004 г. Владикавказ, 2005. С. 117.

Однако формальная декларация лояльности не влекла за собой никаких более существенных последствий. Составленный в 1732 году комендантом крепости Святого Креста Д. Ф. Еропкиным список перечисляет 33 больших и малых владения, чьи хозяева, в том числе и бывшие мятежники, остались на своих местах:

«...11. Деревня Верхние Казаныщи, владелец ее кумторкалинской Мурза Умулатов, ево ж владенья деревня Кумтор Калы, ростоянием от крепости 60 верст, ко оным деревням проезды весма свободные, Казаныщи поселены под горою при речке малой, кругом ее есть лес, Кумтор Калы поселены над рекою по яру, река небольшая, лесу нет, точию есть сады.

12. Бывшего Адилгирея шемхала дети: 1 Камбулат, 2 Буда, 3 Садат Кирей, да их же владенья деревни: 1 Тарки, 2 Казаныщ, 3 Арекень, 4 Булакен, 5 Щук, 6 Кадар, 7 Темерхан, 8 Шора, 9 Мерселев аул, 10 Алберу аул, 11 Атли бую, 12, Ак...жа, ростоянием от крепости 100 верст, протчие деревни поселены ат Казанищ в малом ростоянии, проезд ко всем свободной.

13. Деревня Нижние Эрпели, ею владеют два брата Муцал да Салтан бек Гиреев, да их же владения деревня Карана, а ростоянием от крепости до их жилища 90 верст, ко оным деревням проезд свободной, поселение имеют Эрпели на ровном месте, Карана в горах на чистом месте, лесу кругом в близости нет.

14. Деревня Верхние Эрпели, в ней владелец Будачи, да у него детей: 1 Бартехан, 2 Казыхан, 3 Мурза, 4 Салтан, 5 Магди, а растояние до их жилищ 100 верст, проезд свободной, поселена между гор на ровном месте, кругом ее лес большей.

15. Деревня Медигин, оною владеет Алихан, растоянием от крепости 100 верст, проезд свободной, кругом ее великие буяраки, поселена в горе, лесу довольно и место крепкое.

16. Деревня Капыр Кумык, в ней владелец Бакан Аксанов, ростоянием от крепости 80 верст, проезд свободной, поселена над рекою, на камне, сады по реке небольшие...»[98]

Генералы и офицеры Низового корпуса столкнулись с многообразием народов Дагестана и различными формами их социального устройства, где власть местных ханов и «князей» соседствовала и ограничивалась обычаями и «вольными» горскими обществами, которые даже своим признанным властям «мало послушны бывают». Коменданты крепостей, кроме своих прямых обязанностей, приходилось налаживать официальные отношения с дагестанскими князьями и «вольными» народами – и посы-

[98] Реестр горским владельцам 1732 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архивные материалы. С. 122.

лать своих «шпионов» в горские владения, чтобы быть в курсе замыслов их обитателей.

Развитый хозяйственный быт селений на побережье соседствовал с аульной жизнью суровых горцев: «...те, которые близ Дербеня живут, люди обходительные и мало вежливые, а те, далее к горам живущие, люди дикие и непотребные». Веками налаженные экономические связи сочетались с перманентными войнами, ставшими частью повседневной жизни. Воинственные горцы заметно отличались от гилянских крестьян и горожан: «дагистанцы люди храбрые и поспешны на конях, все оруженны оружием огненным, добрыми саблями и многие в панцерях»; «хаси-кумуки (лакцы. – *И. К.*) отважные люди или смелые воры и грабежники»; куралинцы – «вольные люди или, прямо сказать, вольные воры»[99]. По отбытии из крепости Святого Креста в Дербент князь Долгоруков, к своему огорчению, заметил: в то время как одни выражали ему покорность, другие «некоторые плуты из горских владельцов показали пакости и немалые противности в отгоне скота и во взятии несколько человек».

Лучше знакомый с кавказскими реалиями губернатор Волынский еще в январе 1724 года предупреждал Коллегию иностранных дел, что «горные люди» привыкли совершать набеги на грузин и других соседей «по прежнему обыкновению». «Мы к воровству родились, в сим состоят наши пашни и сохи и все наше богатство, которое деды и прадеды нам оставили и тому учили; сим оные сыты бывали, и мы также питаемся и сыти бываем; и что имеем, то все краденое. И иного промысла мы не имеем. И ежели нам от того отстать, то нам под российскою властию с голоду умереть, и мы в том присягать не станем и принуждены будем себя оборонять...» – по-восточному поэтично ответили куралинцы на требование «отстать» от набегов, отказались присягать и уехали[100]. Кайтагский уцмий и прочие владельцы, просились в набег (не на российские владения, а на сопредельных армян и грузин) и, кажется, искренне не могли понять, почему генерал запрещает им поход.

Походы за «ясырем» горцы рассматривали как свое естественное право и требовали выдавать им ушедших к русским пленных «грузинцов» и армян, которых называли «перебещиками». 26 июня 1727 года дербентскому коменданту поступил указ из астраханской губернской канцелярии, предписывавший беглых грузин и армян не возвращать их прежним хозяевам и дать им возможность вернуться на родину. Но за это приходилось компенсировать из казенных средств стоимость «ясырей»-христиан (по 25 рублей) владельцам – правда, только тем, кто признавал себя поддан-

[99] *Гербер И. Г.* Указ. соч. С. 71, 102, 105.
[100] Там же. С. 106.

ным империи; нехристиан же отдавали обратно. Если же беглые сами уплачивали хозяевам выкуп, их рекомендовалось безусловно принимать под защиту российского гарнизона[101].

Такие конфликты порой доходили до самых «верхов». В декабре 1726 года Верховный тайный совет рассматривал жалобу кайтагского Ахмед-хана на некоего «грузинца», уведшего у уцмия «девку, которая имелась у него за наложницу»[102]. Недовольство ограничением невольничьего «бизнеса» вызывало попытки его обойти. В начале 1727 года генерал-майор Кропотов получил информацию от «имеющих жительство в Брагунах» армян о вывозе партии грузин и армян в Крым через «Чечень», минуя русские крепости и городки. Посланный отряд капитана Зубова после настоящего боя остановил обоз, освободил 36 пленников и захватил турка, который подрядился доставить живой товар к месту назначения. Потеряв в бою семь человек, «торговой янычар» сам стал обвинять военных в нападении на крымских подданных, так что генералу пришлось проводить формальное следствие, чтобы доказать правомерность действий своих подчиненных[103].

Долгоруков рекомендовал столичным властям присылать на ответственные должности в Дагестан именно генералов, поскольку «где имя генералское помянетца, то и боятца, и ежели где полковник комендантом, хотя б он какого состояния не был, страху от него не имеют»[104]. «Страх» был необходим, чтобы пресекать «своевольство» в виде несанкционированных походов и усобиц или контактов с турками и их вассалами. Однако даже генералам приходилось не столько командовать, сколько (как было сказано в упомянутой жалованной грамоте уцмию Ахмед-хану) уповать, «что он, усмей, за вышеизложенную к нему нашего императорского величества высокую милость пребудет к нам всегда в неотменной верности и доброжелательных услугах и в прочем во всем поступать будет, как доброму верному подданному и честному человеку надлежит».

Наличие мощного «противовеса» русским в лице турок служило стимулом к «изменам», как и зафиксированные на бумаге, но на практике весьма относительные границы. К примеру, «барьер» между российской Астарой и турецким Ардебилем был намечен в 11 часах шести минутах езды «от моря до реки Карасу», а затем в трех часах 42 минутах езды от

---

[101] См.: *Чекулаев Н. Д.* Управление Дербентским гарнизоном. 1725–1735 гг. С. 161; *Гарунова Н. Н.* Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007. С. 56–57.

[102] См.: Сборник РИО. Т. 56. С. 417.

[103] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 85. Л. 628–630.

[104] Там же. № 77. Л. 1132 об.

этой реки[105]. Проведенные «по-живому» границы разрезали исторически сложившиеся области и хозяйственные комплексы, что провоцировало пограничные конфликты.

Одними из самых опасных соседей были назначенный турками правителем Ширвана Хаджи-Дауд и казикумухский Сурхай-хан. Первый, кажется, мечтал о создании обширного государства в границах от Дербента до Куры и был недоволен тем, что «хлебородные уезды» Шабран и Мушкур отходили к русским[106]. Крепость Денге в Кубинской провинции входила в зону российского влияния, но была занята Даудом; не желая ее отдавать, он «купил пашу, чтоб ныне границы не окончал», заплатив за это, как докладывал из Стамбула Неплюев, «12 тысяч туманов, что будет нашими деньгами 120 тысяч рублей». Сары Мустафа-паша отозвал своих комиссаров до весны 1727 года; тем временем Хаджи-Дауд и турки пытались переселить в свои владения жителей из российской «порции». Все эти усилия в целом не увенчались успехом, и А. И. Румянцев осадил Денге и выбил из крепости гарнизон Дауда[107].

Договор 1724 года отдавал русским часть территории, подвластной Сурхай-хану (на «6 часов езды» от побережья), но хан так и не допустил разграничения своих владений, «и турки ево к тому принуждать не хотят и не смеют и объявили Росии, что она вольна у Зурхая землю силою взять». (В феврале 1728 года А. И. Румянцев докладывал, что в «Сурхаевых владениях» разграничение еще не закончено[108].) Казикумухский правитель не признал назначенного турками владетелем Ширвана Хаджи Дауда, и одно время В. В. Долгоруков даже надеялся привести его в подданство. По свидетельству Гербера, «трудились как русские, так и турки, чтоб ево каждой в свою сторону привесть, а Сурхай обеим ласкал и смотрел, от которой стороны ему было прибыли больше. А как турки в 1727 году ему прислали пашинской чин и к тому на знак два года или бунчук и жалованье 3000 рублей на год и к тому же отдали уезд Кабалу, то он турецкую сторону принял»[109]. Сурхай-хан привел «в совершенное послушание» лакские сельские общества и распространил свою власть на значительное число кюринских обществ и на ряд магалов Табасарана, сделавшись крупнейшим владельцем на Северо-Восточном Кавказе.

В конце концов Сурхай показался в Стамбуле более эффективным правителем, чем Дауд, и, сообщал Долгоруков, «ныне пришел в протек-

[105] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1730. № 13. Л. 92 об.

[106] См.: *Бутаев А. А.* Указ. соч. С. 118.

[107] См.: *Сотавов Н. А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях. С. 75–76.

[108] Сборник РИО. Т. 101. С. 50.

[109] *Гербер И. Г.* Указ. соч. С. 102–103.

цию турецкую... на место даудханово, а Дауд-бека ищут, чтоб ему голову отсечь». В 1728 году Хаджи-Дауд был арестован, переведен в Эрзурум, а оттуда сослан на остров Родос – но спокойствия на границе это не прибавило, тем более что Сурхай располагал внушительными силами и не оставил своих претензий на земли «куралинцев» по реке Самур[110]. «Зурхай через свое богатство и частые подарки дагистанцам, куралинцам и протчих воровских народов к себе привлекал и оттого силен в почтении... Можно его богатство и из сего разсудить, что он в 1725 году зимою войско собрал в 6000 человек, с которым ходил он в Мушкур для раззорения деревни Дедели, только он не взял деревню, в которой находился Хаджи Дауда брат, и оную стеною укрепил. Сие войско Зурхай содержал до 4 месяцев и давал каждому человеку на день по абасе, или по 25 копеек, кроме других подарков, которые знатные люди оного войска получали, куралей и курей, которые Российской империи подлежат. Понеже оные главные воры, стал он своими подданными, как стали числить. Чего не бывало, только оных оставлять по себе отрешить не хочет; оные также за нево, как за главного вора, крепко держутся», – писал И. Гербер[111]. Во владениях Сурхая нашел убежище сальянский наиб Гусейн-бек, уничтоживший в 1724 году на Куре отряд полковника Зембулатова. В декабре 1728 года Сурхай-хан с войском вторгся в российские владения в современном Азербайджане; горцы «побрали в плен» кочевавшие по Муганской степи стада, разорили и «пожгли деревни сальянские». Больной «лихорадкой» А. И. Румянцев срочно выслал из Баку отряд пехоты и драгун под командованием подполковников Пушечникова и Маслова, но к тому времени Сурхай и его люди уже успели уйти с награбленным добром. Дядя Сурхая, Карат-бек, также вступил в российские владения в Дагестане и пленил около трех тысяч человек, «отвращая оных от подданства России, призывая в Сурхаеву службу».

Румянцев отправил в Гянджу и в Стамбул гонцов с протестом, но в ответ получил лишь «фальшивые оговорки», что границы еще «не окончаны», а казикумухский и ширванский ханы находятся «не в совершенном послушании». Командующий опасался, что ответные меры могут вызвать «генеральную войну» с турками (тем более что, по сведениям генерала, в набеге Сурхая участвовал турецкий Ибрагим-паша), но и оставить без последствий явный вызов не мог – это означало бы признать свое бессилие. В итоге Румянцев решился напасть на собственные владения хана и достиг успеха: бригадир Леонтий Соймонов с драгунами отогнали 15 тысяч «сурхаевых баранов»; еще 12 тысяч захватил со своими людьми дербентский наиб и 13 тысяч увели табасаранцы и куралинцы. Последние

[110] См.: *Сотавов Н. А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях. С. 76.

[111] *Гербер И. Г.* Указ. соч. С. 103.

принесли присягу, за что им был возвращен «полон», взятый в свое время «покойником бригадиром фон Лукеем»[112].

После удачной «акции» генерал все же попытался договориться с ханом и послал к нему «под претекстом покупки» капрала Суворова, однако посланец угодил под арест и был выпущен только после вмешательства турецкого паши. Румянцев начал длительную переписку с командующим в Гяндже Мустафой-пашой. В ответ на претензии по поводу нападения на турецкого вассала генерал выдвинул встречные обвинения: это хан, вопреки договору, «в куралинской народ вступаетца» – и приглашал турецких уполномоченных лично «освидетельствовать» последствия набега по составленному им «реестру»: «Деревня Арабляр Илюнчюк. Убито мужеска полу 22 человека, в полон взято из женска полу 13, раненых 10; еще ж в полон взято из рабят мужеска и женска полу 55, верблюдов 75, лошадей 52, волов 858, баранов 740...» В ходе рейда оказались разоренными 23 деревни (859 дворов); 280 человек были убиты, 351 взят «в полон», угнанно 10 тысяч лошадей, семь тысяч баранов, 4828 волов, 100 верблюдов и два ишака[113].

Рассерженный хан пожаловался султану, заявив, «что по ее же (Турции. – *И. К.*) указом был в Мугане и в Сальянах, за что же российские командиры не токмо моих, но и всего моего казыкумыцкого владения баранов отогнали, а Порта де к возвращению тех баранов нималого старания не имеет»[114].

Дело о «сурхаевых баранах» вышло на международный уровень и даже обсуждалось в Стамбуле российским резидентом Неплюевым с «секретарем» Магметом-эфенди. Под предлогом пограничных конфликтов турки выдвинули претензии на Астару и Кергеруд и собирались оказать помощь своему вассалу, однако вступать в настоящую войну с Россией Порта не считала необходимым и в конце концов показала «склонность к розводу» границ миром. Для умиротворения партнеров Неплюев написал Румянцеву, «чтоб баранов отдал», но при этом намекал: «Ежели б оные бараны побиты были или люди, то б лехче турки изнесли»[115].

---

[112] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1729. № 7. Л. 1–2 об.; *Сотавов Н. А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях. С. 79.

[113] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1729. . Л. 25, 60, 62 об. Другой «Реестр, какие в 1728 году владением Сурхай хана Шемахинского и Тевризского Ибрагим паши с войском в Сальянскую провинцию подданным его императорского величества всероссийского разорение причинило и сколько деревень разорено и дворов пожжено и людей побито и в плен взято и имения и скота пограблено», см.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1728. № 11. Л. 97– 100 об. О нем см.: *Алиев Ф. М.* Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. С. 85–86.

[114] Цит. по: *Алиев Ф. М.* Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. С. 89.

[115] АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1730. № 6. Л. 41 об.–42, 51, 53.

Кажется, намек был понят. Отправка турецких войск в Закавказье была отложена; хан вместо помощи получил выговор за «самовольную» отлучку из Шемахи и, обидевшись, даже заявил, что уйдет к себе в Казикумух[116]. Бараны между тем паслись в российских владениях под Дербентом и «у Низовой» и, несмотря на приплод, неуклонно уменьшались в количестве – в 1731 году их оставалось всего десять тысяч. Дербентский наиб докладывал, что из доверенных ему восьми тысяч баранов 455 были съедены, а 7324 «от стужи померли»[117]. В июне 1732 года царский рескрипт разъяснил Левашову, что на продолжавшиеся требования Оттоманской Порты «об отдаче баранов, отогнанных в нашу сторону от хана Сурхая», надлежит объявить, «что все те бараны померли», хотя на деле остатки стада были кому-то проданы за 2066 рублей[118].

В итоге хану пришлось со своими баранами проститься, но и он захваченный «полон» не вернул. В конце концов Румянцев потребовал от Порты заменить Сурхая, на что османы предложили заменить самого Румянцева, но тем не менее посоветовали хану не вмешиваться в дела России[119]. Но и позднее Сурхай с российскими властями держал себя гордо, делал им выговоры и подчеркивал свою независимость: «Над нами Бог, и вашего государя и командиров мы не боимся и не стыдимся, и ты не нашего государя ж», – писал он в 1732 году коменданту крепости Святого Креста М. Барятинскому, жалуясь на действия кубинского наиба[120]. Впрочем, хан так же считал незаконным и вмешательство турок в свои дела, что осложняло его отношения с Портой.

В отличие от городков и деревень прибрежного Гиляна, реально контролировать горные долины и селения ни в Иране, ни в Азербайджане, ни в Дагестане военные власти в принципе не могли. Вдали от побережья они не располагали ни необходимым количеством войск, ни знающими местные условия и языки администраторами, ни опорными пунктами. В Южном Дагестане, правда, имелась крепость Денге (или Тенге) «на речке Белбеле, как показано на карте, от моря верстах в 40». В. В. Долгоруков в 1727 году основал в десяти верстах от Низовой крепость Дедели; «но понеже там много людей померло, то перестали туда посылать других»[121].

---

[116] См.: *Сотавов Н. А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях. С. 79.

[117] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1732. № 5. Л. 82–82 об.

[118] Там же. № 4. Л. 73–74.

[119] См.: *Абакаров О. Г.* Казикумухское ханство в первой половине XVIII в. в русско-иранских и русско-турецких отношениях: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 2000. С. 20.

[120] Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сборник документов. С. 62–63.

[121] См.: *Бутков П. Г.* Указ. соч. Ч. 1. С. 93, 95.

Командующие и коменданты крепостей вступали с большими и малыми владельцами в сложные дипломатические отношения через «гражданскую канцелярию», расположенную в крепости Святого Креста, выдавали им жалованье и стремились урегулировать их конфликты; российские учреждения выдавали паспорта своим и приезжим торговцам[122]. Привычным средством хоть в какой-то мере обеспечить лояльность вольных горцев служило «аманатство», когда дети или другие младшие родственники местных владетелей на длительное время отправлялись в резиденции российских «командиров». Большинство аманатов находилось в крепости Святого Креста: в 1733 году там содержались 26 человек. Однако они жили и в Дербенте, как трое «знатных узденей» уцмия в 1730 году; иных отвозили в Москву и даже в Петербург – уже в 1725 году в столице жили Мусал Шавкалов, сын шамхальского брата Муртазы-Али и племянник уцмия Темир-хан Асанбеков[123].

Однако аманаты иногда уходили. Так, сумел сбежать один из сыновей астаринского Мусы-хана. Присяга и даже царские милости не удерживали горских предводителей от «измены» (за которой обычно следовало всемилостивейшее прощение); в традициях «вольной» службы и привычно номинального «подданства» эти «бунты» не представлялись ими преступлением, тем более по отношению к иноверцам. Относительно «верные» прямо говорили, что процедура присяги «бывших бунтовщиков не довольно укрепляет, ибо оную преступить без вреды совести со всеми можно»[124]. В 1731 году долго служивший на Кавказе генерал-майор Д. Ф. Еропкин подал Левашову мнение о том, что «нет пользы в аманатчиках»: во-первых, к ним постоянно приезжают родственники и «дядьки» со «съестными припасы», и о происходящем в крепости «в горах бывает ведомо»; во-вторых, содержание здесь аманатов не гарантирует верности их отцов и других старших родичей, а потому лучше отправлять заложников в Астрахань[125].

В июне 1730 года российские войска в Дагестане состояли из 11 627 драгунских и пехотных офицеров и солдат, 118 артиллеристов, 3500 казаков-донцов, 400 «компанейцев» и 540 человек поселенных по Аграхани, а также сборного отряда под командой кабардинского князя Эльмурзы Черкасского в 150 сабель («Черкесы» Эльмурзы боролись с «воровскими партиями» и располагались в составе 200–300 «фамилий» в особом

[122] См.: *Гарунова Н. Н.* Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. С. 172–173; *Чекулаев Н. Д.* Российские войска в Дагестане в контексте кавказской политики России (1722–1735 гг.). С. 123–125, 128.

[123] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1730. № 16. Л. 97, 100; Ф. 15. Оп. 15/3. № 19. Л. 32.

[124] Цит. по: *Гербер И. Г.* Указ. соч. С. 108.

[125] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. № 7. Л. 67–68.

«городке» у крепости Святого Креста[126]). За исключением «фортеции» Святого Креста, гарнизоны стояли только в Баку (две тысячи человек), в Дербенте (1500) и на пристани Низовой (три тысячи)[127]. Оставшийся на Куре небольшой отряд и гарнизоны Джильской крепости и Астары не в состоянии были обеспечить спокойствие в Муганской степи; Румянцев запрашивал Левашова, что «ежели тамошние народы возволнуются и малолюдством в тех краях мы удержать не возможем, то в крайнем случае куды нашим людям из тех мест реитираду иметь и что с протчими крепостьми чинить имеем».

Гербер, сочинявший в конце 1720-х годов свое описание подвластных кавказских провинций, прямо указывал, что формально российские владения – например, «уезд Алтипара» (союз сельских общин Ахтыпара) или «Куралинской уезд» (область Кюре) – на деле таковыми не являются, поскольку «в посессию не взято, а так оставлено»; приводить же в подданство их жителей «трудно и убыточно»[128].

Крупные горские владетели, как уцмий или казикмухский хан, были способны выставить для войны 8–12 тысяч, смелых, инициативных и приспособленных к местным условиям конных воинов. В случае их согласованных действий российские войска оказались бы запертыми и изолированными в нескольких прибрежных крепостях и могли рассчитывать только на снабжение по морю. Но этническая и социальная пестрота Дагестана и соперничество вождей подобную возможность практически исключала. К тому же даже самые влиятельные князья не были неограниченными государями и находились со своими подданными в достаточно сложных отношениях. Они могли свободно располагать лишь своей дружиной в 200–300 сабель; в случае же масштабных военных предприятий необходимо было получить одобрение со стороны влиятельных беков и формально подвластных магалов – союзов сельских обществ (джамаатов). Вопрос о степени подобных ограничений – дискуссионный в научной литературе; естественно, она зависела от конкретных условий и эпохи[129]. Одни подданные-общинники были обязаны платить подати и нести повинности; другие только выставляли воинов; третьи вообще не имели определенных обязательств.

---

[126] См.: *Гербер И. Г.* Указ. соч. С. 65.

[127] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1730. № 16. Л. 111–115.

[128] *Гербер И. Г.* Указ. соч. С. 77, 105.

[129] См.: *Гасанов М. Р.* Очерки истории Табасарана. С. 182; *Рашидов М. Р.* Кайтагское уцмийство во взаимоотношениях России, Ирана и Турции в первой половине XVIII в.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 2004. С. 19; *Алиев Б. Г.* Традиционные институты управления и власти Дагестана (XVIII – первая половина XIX в.). Махачкала, 2006. С. 235–236, 249.

«Народы бусурманские» не едины, а представляют собой «разделные и несогласные партии», заметил генерал-майор Г. С. Кропотов в апреле 1723 года в письме А. В. Макарову, сделав вывод: для проникновения в их замыслы нужны «шпионы» и деньги. Генерал в сентябре 1724 года жаловался государю, что отпущенные ему «на шпионов» 100 червонцев давно закончились и он вынужден был потратить собственные 500 рублей, поскольку соответствующей казенной статьи расходов не предусмотрено[130]. Он и в дальнейшем вынужден был платить «шпионам» из собственных средств; эти расходы составили к сентябрю 1726 года 416 рублей, о чем и было доложено в Военную коллегию[131]. На Кавказе военным не удалось создать столь масштабную разведывательную службу, как в Гиляне, но и здесь подобные кадры нашлись: в 1728 году такую миссию исполнял «татарин Бурахан Асман из Кумторкалинской деревни, получивший на расходы пять рублей[132]; в 1732-м Левашов посылал к уцмию «чеченского узденя» Арыка Утешева, а в 1734-м уздений Джетамбет и Кадыртун отправились на Тамань[133].

Неудовольствие российским присутствием не мешало попыткам «горских князей» увеличить с помощью пришельцев свои владения. В 1732 году, на пути из возвращенного Ирану Гиляна, Левашов жаловался, что «князья» непрестанно докучают ему «о спорных землях». Но здесь уже надо было использовать не кнут, а пряник; не случайно указы Петра I и инструкции Коллегии иностранных дел предписывали кавказским генералам и комендантам иметь «ласковое обхождение» с местными людьми, а «особливо владетелям и их детям показывать всякую учтивость и приласкание».

Отбывая на Кавказ, Долгоруков вез из Петербурга на юг «в раздачу» две тысячи червонцев и на три тысячи рублей мехов; в июне к нему была отправлена пушнина еще на три тысячи рублей[134]. Генерал-лейтенант Людвиг Гессен-Гомбургский вез с собой, подобно купцу, целый обоз с товарами; в ассортименте «презентов» имелись не только меха и деньги, но и разнообразные сукна (красные, «лазоревые», «фиолетовые с искрой»), серебряную парчу, камку, парадные сабли, золотые и серебряные часы, дорогие табакерки, золотые кружева и даже «колокольцы вызолоченные»[135].

---

[130] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 63. Л. 395–395 об.; № 67. Л. 248 об.

[131] См.: Там же. Ф. 248. Оп. 13. № 725. Л. 202 об.

[132] См.: *Гарунова Н. Н.* Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. С. 52.

[133] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1734. № 10. Л. 1–2.

[134] См.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. № 1716, 1792.

[135] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1733. № 5. Л. 9 и далее.

У того же Долгорукова дербентский Имам Кули-бек домогался «деревень шаховых», денег и хлеба – на сумму в десять тысяч рублей. Князь счел, что это будет слишком, но хорошо понимал, что поощрять надежных слуг – а наиб был одним из самых верных – надо. Денег ему генерал не дал (и объяснял Макарову, что местных владельцев надлежит «умеренно содержать»), но с почетом отправил в Петербург, где Имам-Кули-бек провел несколько месяцев, был несколько раз принят у Меншикова и вместе со светлейшим князем посетил императрицу в Зимнем дворце[136]. Получив по распоряжению Екатерины I немалое жалованье в три тысячи рублей, наиб оставался верным и дальше и скончался в чине российского генерал-майора в 1731 году, тогда его должность была передана его брату – полковнику Алла Кули-беку; преданно служила и дербентская милиция – за жалованье в общем размере 10 600 рублей в год[137]. Румянцев в своих донесениях отмечал преданность кубинского наиба, остававшегося фактическим правителем при малолетнем хане. Айдемир из Эндери в 1732 году застрелил «аксайского узденя» Атая за производимые разбои, а тело его было повешено за ноги «при дороге»[138].

В конце 1729 года в Москву прибыл «Муганской, Шегисевенской, Мазаригской степей хана Али Гулия сын ево Мухаммед Наби-бек», которому было выплачено вознаграждение в 230 рублей. Гость проживал на освобожденном для него дворе в Белом городе и получал «кормовые деньги»[139]. О представлении ко двору (а также и о жалованье в 12 тысяч рублей) просил и уцмий, «не показав свои службы». Потом он умерил аппетиты – согласился на тысячу (и еще 200 рублей сыну), но не меньше, поскольку ему «стыдно против своей братьи»: «А я ваше превосходительство, как душу, люблю», – завершал Ахмед-хан благодарственное письмо Румянцеву. Командующий в такую любовь не верил, но вынужден был признать: «Никак нельзя обойтитца, чтоб ему (уцмию. – *И. К.*) жалованья не дать». К началу 1728 года генерал уже понял, что все его усилия не могут помешать горцам нанести удар в любом месте на побережье и спокойно уйти от возмездия в «уские места»; даже мощная крепость Святого Креста с гарнизоном и казаками способна контролировать лишь пространство в 40 верст, а далее ничто не мешает «бешеным и ветреным народам» зате-

[136] См.: Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 гг. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2000. Вып. X. С. 473, 498, 501, 526.

[137] См.: *Чекулаев Н. Д.* Российские войска в Дагестане в контексте кавказской политики России (1722–1735 гг.). С. 157.

[138] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1732. № 6. Л. 232 об.

[139] См.: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. № 19. Ч. 2. Л. 309, 320.

вать «воровство и бунты»[140]. С начальником был согласен и Румянцев. «Я своих горских более опасен, нежели турок», – писал он из Баку в апреле 1729 года, привычно просил войск «в добавку» и сетовал, что его местные подданные «весьма безоружны и к войне не извычайны»[141].

Начальству ничего не оставалось, как платить. Сдавая командование, В. В. Долгоруков приказал: «Против неприятеля денег не жалеть», – чтобы привлекать на свою сторону и «жаловать» местных владельцев[142]. Составляя в 1730 году приведенный выше список «верных» ханов и султанов, он настоятельно рекомендовал дать им, «кроме жалованья, по шубу соболиную, здешне золотой материи, а мехи соболей до двухсот рублев, а протчим господинам таевые мехи, також и сукон; и те парчи и мехи и сукна послать генерал-лейтенанту Левашову и Румянцову»[143].

Румянцев был согласен с начальником: хоть денег и жалко, а платить надо, чтобы горцев «ни до каких противностей не допустить»[144]. Таким способом он надеялся обеспечить не только спокойствие в крае, но и поддержку со стороны дагестанских суннитов против возможных выступлений иранцев-шиитов. «Я еще малую надежду имею, ежели казылбаши возволнуются, то принужден буду искать способу усмея и шамхалского сына и протчих горских суницкого закона противу их употребить, дав им волю в разорении и в похищении их пожитков. Может быть, по лакомству к граблению также и по законной их ненависти на сие они поступят», – высказал предположение генерал-лейтенант в доношении в Коллегию иностранных дел в июле 1730 года[145].

Торжественная грамота Анны Иоанновны уцмию Ахмед-хану о награждении за верную службу подразумевала на деле лишь плату за относительную лояльность, ради чего «во знак к тебе нашей высокой милости… послан ныне от нас в Дербент к командиру нашему на дачу тебе халат, и шуба соболья, и сабля. И уповаем мы, что ты, видя к себе такую нашу высокую милость, и впредь к нам по присяге своей непременную верность и во всяких случаях радетельную службу продолжать будешь, за что ты, вящше нашей императорской милости и награждение ожидать можешь». В том же 1730 году «в знак милости» акушинскому кадию Аслубокеру было выплачено из царской казны 400 рублей, а двум старшинам, Магомету и

---

[140] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 77. Л. 1133 об.; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1728. № 4. Л. 9–9 об., 12.

[141] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1729. № 7. Л. 41, 42 об.

[142] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 19. Л. 218 об–219.

[143] Цит. по: *Алиев Ф. М.*. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. С. 93.

[144] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1730. № 16. Л. 19 об.

[145] Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сборник документов. С. 61.

Хагибушу, присланным акушинским кадием к дербентскому коменданту, выдано 40 рублей.

Судя по отчетно-финансовым документам Левашова за 1734 год, горским и азербайджанским владельцам доставались как скромные, так и довольно значительные суммы. Костековский «князь» довольствовался 70 рублями жалованья в год; табасаранский кадий и аксайский владелец получали по 200 рублей, буйнакский владелец – 100 рублей и еще 50 рублей для братьев; выплата наибу кубинского хана составляла 300 рублей. Но сын шамхала Казбулат уже получал жалованье в две тысячи рублей, а наиб Дербента со своими людьми – четыре тысячи. Осторожный «кайтацкий усмей» обошелся казне в 8860 рублей, пока не оказался «в бунте», а «мунгальских и шахсевенских и мазаригских народов хан» Али Гули получил 15 312 рублей. По подсчетам Н. Д. Чекулаева, уцмию в 1727–1732 годах было выплачено 13 620 рублей и еще 930 рублей – его сыну и «старшинам»[146]

Выплаты шли не только «князьям»; жалованье получали армянский и грузинский епископы в Дербенте, выехавшие из турецких владений армяне, «новокрещены из горцев»[147]. Кроме денежного содержания, дагестанским подданным выдавали и натуральное. До 1732 года брагунские владетели получали на год: Мудар Кучуков – 25 рублей, 25 четвертей муки и столько же овса; его брат Бамат – 20 рублей, по 20 четвертей муки и овса; 20 их узденей – 100 рублей и по 100 четвертей муки и овса. В 1732 году за особые заслуги им же было выделено: Мудару – 50 рублей, 25 четвертей муки, 25 четвертей овса; Бамату – 50 рублей, по 20 четвертей муки и овса; двадцати узденям – 100 рублей, по 100 четвертей муки и овса[148].

Платить приходилось не только самим владельцам, но и их родственникам и узденям, а также местным должностным лицам – например, «шебранскому судье» Кулы-беку и армянскому юзбаши – «мушкурского магала управителю». Кроме того, военным властям приходилось оплачивать визиты горцев в города и крепости – обеспечивать гостям и их свите «корм» (по 50 копеек на человека в крепости Святого Креста) в течение всего времени их пребывания и подарки из средств гарнизонной казны. Прибывшим в апреле 1728 года в крепость Святого Креста буйнакским владетелям Эльдару и Мехти Муртазалиевым выдавались кормовые деньги по полтине, а их 15 узденям – по два алтына в день, итого – 5 рублей

[146] См.: *Чекулаев Н. Д.* Российские войска в Дагестане в контексте кавказской политики России (1722–1735 гг.). С. 156.

[147] Сведения о выплатах жалованья и других расходах администрации «оприч регулярных войск» см.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. № 439. Л. 357–382 об.; № 440. Л. 24–36.

[148] См.: *Гарунова Н. Н.* Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. С. 53.

80 копеек. 8 февраля 1733 года другим дагестанским владетелям было выплачено кормовое жалованье в размере 21 рубля 31 копейки и поставлено ведро вина. 23 мая 1729 года в той же крепости «для некоторого его императорского величества интересу аксаевскому владетелю Алибеку Салтан-Мамутову сего числа на два дня по указанию коменданта выданы кормовые деньги по полтине на день, узденям его 20 человекам каждому по алтыну да эндиреевскому владетелю Айдемиру Хамзину на сей день выдано 50 копеек да узденям его 10 человекам по алтыну на каждого». Прибывшие на следующий день буйнакский владетель Эльдар Муртазалиев и десять его узденей получили три рубля.

Содержавшимся в крепости Святого Креста аманатам денежное жалованье выплачивалось в апреле 1729 года из бакинских доходов на сумму 186 рублей 48 копеек. В Дербенте аманаты получали деньги из местных доходов: в 1729 году – из пошлинных денег, а в 1732-м – из таможенных сборов. Содержание было различным, в зависимости от статуса невольного «гостя». Так, находившимся в 1733 году шестнадцати аманатам из «Табасаранской провинции» полагалось по три копейки в день, в то время как в 1729-м другим присланным заложникам давали в день по два рубля из местных доходов. В сентябре 1729 года в Дербенте в аманатах от уцмия находились дети «знатных узденей» «Алавердей Арухов сын», Нуршин Искандербек, сын Шамсудин-бека, получавшие денежное довольствие пять рублей в месяц. Там же содержавшемуся в заложниках племяннику майсума Темиру было положено шесть рублей в месяц[149].

Наконец, были еще выплаты хотя и нерегулярные, но необходимые. Айдемир из Эндери за то, что сохранил верность России (не присоединился в 1733 году к крымскому войску во время его прохода через Дагестан), указами от 6 и 7 ноября 1733 года был награжден жалованьем в 300 рублей, а брат его Алибек – в 100 рублей. 23 апреля 1730 года «в знак милости» акушинскому кадию было выдано 400 рублей, а неделей позже два старшины, Магомет и Хагибуг, присланные акушинским кадием к дербентскому коменданту, получили по 40 рублей.

Левашова, похоже, удручали невозможность пресечь «разбойничий промысел» и необходимость бесконечных выплат, которые рассматривались получателями отнюдь не как вознаграждение за реальную службу. Его раздражал «пакостной магометанской обычай», когда подданные требуют денег «не в оклад» и при этом «бесстыдно бессовестны и без всякого рассуждения о жаловании и о подарках нахально просительны»[150]. Приходилось учтиво отписываться в ответ на просьбы о выплатах

[149] См.: *Гарунова Н. Н.* Указ. соч. С. 54–55.

[150] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723. № 20. Л. 17 об.; 1733. № 5. Л. 42 об.

родственникам «знатных особ» или об увеличении содержания аманатов. «Сестре ж вашей, Хануме, и сыну ее о годовом жалованье после генерал-лейтенанта Румянцова во окладных книгах не явилося, но бывает, по монаршескому соизволению даются некоторым людям дачи, называемые в приказ, которые в оклад не считаются, тако и сестре вашей не такая ли дача была, нет известия, но за верности свои вашему высокоблагородию и все имеете пребывать в надежде высокие ее императорского величества милости», – писал Левашов уцмию Ахмед-хану в марте 1732 года, в свою очередь, укоряя его: «Вашего ведомства каракайтаки и акушинцы на табасаранцов чинили неоднократное нападение во многолюдстве, причем и собственных ваших несколько старшин было, где учинилося немало и смертного убийства. И отогнали у табасаранцов немалое число рогатова скота и баранов, чего ради от превосходительного господина генерал-маеора и кавалера Бутурлина к вашему высокоблагородию посылан был один офицер и неоднократно писано было, чтоб вы, почтеннейший, о помянутом разыскать и отогнанной скот табасаранцам возвратить и продерзателей наказать и все те происшедшие ссоры прекратить приказали».

Несколько более щедрым командующий оказался по отношению к сыну шамхала Казбулату: «...племяннику вашему, пребывающему во аманатах, по справке не нашлося боле, как по 8 рублев и по ведру вина на месяц, а визирю вашему Иташуке по отбытии генерал-лейтенанта Румянцева в окладных книгах дачи не явилося же, но может быть была дача в приказ, а не в годовой оклад; меньшому вашему брату Салтгирей-беку с матерью за вашу верность до будущего указу ее императорского величества приказал я 800 рублев отпустить из Баки, и людям вашим, приняв, отвезти к вашему благородию».

В этом же письме Левашов вежливо выговаривал адресату за то, что «ваше благородие с Сухраем дружбою обязаватися и освоиться, чтоб сестру свою за Сухраева сына выдать намерение воспринять изволили, что к высокой стороне ее императорского величества и интересам весьма противно и к верности вашей, буде бы то правда, подозрительно бы было, понеже Сухрай, хотя примирительно с Россиею в турецкой стороне пребывает, к высокой стороне ее императорского величества главной неприятель находится и, как вашему благородию известно, оной Сурхаев человек злостной и всякого добра развратник и коварственно ищет, чтоб и Россию с Портой в ссору привести. Я не надеялся бы, чтоб то в истине было, чтоб ваше благородие по своему известному состоянию с таким подозрительным человеком в дружбу и в свойство обязаться могли, и с какова человека, кроме зла, никакова добра ожидать неможно. Буде же бы от Сурхая, яко от коварного человека, к вашему благородию какие к

союзу подсылки имеются, от такого оного извольте отчуждение и отдаление иметь». Для большей убедительности к просьбе прилагался подарок в виде двух пар соболей, меха горностая, двух поставов сукна, четырех «изарбатов зазлотных» и двух конских чепраков[151].

В данном случае любезность вместе с обещанием «отцовского шамхальского наследства» как будто окупилась. Через некоторое время Казбулат «в ссоре» убил своего родного брата Будая, женатого на дочери Сурхая, что ослабило «Сурхаеву партию» и явилось «весьма полезно ее императорского величества интересам», как с удовлетворением отметил Левашов, сдавая дела в 1733 году, а сам Казбулат получил к «окладу» еще тысячу рублей[152]. Но, отбывая с Кавказа, Левашов все же был настроен скептически и указал преемнику, что горцы «в верности к российской стороне сумнительны и никогда на них обнадеживатца не возможно»; как только турки начнут действовать, горцы «по однозаконству» соединятся с ними и «против России неприятельски выступить не замедлят»[153].

Так и произошло, как только относительный мир между двумя державами был нарушен появлением крымских татар, которым султан приказал прибыть на помощь своим армиям в войне с шахом. В июне 1733 года крымское войско под командованием Фетхи-Гирея вышло на Терек. После упорного сражения отряда генерал-майора Д. Ф. Еропкина с татарами в урочище Герзель Людвиг Гессен-Гомбургский приказал ему отступить в крепость Святого Креста, и крымцы прорвались в приморский Дагестан.

Часть владельцев (аксайский Али-бек, Айдемир из Эндери) остались верными России. Казбулат предупредил командующего, что посланцы двигавшегося на юг Фетхи-Гирея явились к уцмию и он «присягался» на том, чтобы прибыть к крымцам «...и всех кумыков, и тавлинцов, и протчих усмею самому собрать на Дербент или на Сулак, со всеми им итти и окружить, и воды перекопать. И тогда на Дербент пойдут, тогда из Табасарана несколько людей, тако же из собранных несколько ж людей отправить на Мускур, и ограбить и разорить Мускуры и тех, которые к ним не пристанут, чтоб чрез то им правианту достать. И на сих пунктах договорились и условились». Однако сам Казбулат против татар выступать не стал даже вместе с русским отрядом, используя различные «отговорки»[154].

Другие же князья не только не мешали вторжению, но и имели с татарами «обхождение дружеское и пересылки». Шпионы доносили команду-

---

[151] Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сборник документов. С. 63–64.

[152] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1733. № 5. Л. 42 об.–43.

[153] Там же. Л. 42.

[154] Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сборник документов. С. 68; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1733. № 5. Л. 221 об.

ющему о соединении мушкурцев, табасаранцев, куралинцев и акушинцев во главе с табасаранским майсумом и «марагинским бабой» с целью ударить сзади готовящийся отражать нападение гарнизон Дербента[155]. В то же время старая вражда не забывалась, и казикумухский Сурхай так и не помирился с уцмием.

Бои под Дербентом начались 18 июля; татары понесли потери (жителям города платили по рублю за неприятельскую голову) и через несколько дней отошли от стен и двинулись на Шемаху в обход, «турецкою границею». Поход успеха не имел, тем более что в татарском войске было много больных. Российское же командование, получив пополнение, перешло к решительным действиям. В сентябре командующий отправил к Дербенту Еропкина с пятью тысячами драгунов и казаков наказать «бунтовщиков».

Генерал приступом взял окруженную стенами и укрепленную пушками столицу уцмия, «деревню Барашлы». В итоге сражения «с лишком 2000 дворов обывательских сожжены, башни и стена вконец разорены, огороды вырублены и сожжены, и множество хлеба, которой в той деревне в ямах находился, отчасти войском ее императорского величества травлен, а достальной весь сожжен»; на поле боя осталось 400 неприятельских тел, был взят только один пленный, поскольку горцы «по их варварскому обычаю и жестокосердию никогда живы не отдаютца». В ходе дальнейших действий «лучшие и славные ево (уцмия. – *И. К.*) деревни… разорены и сожжены», хлопковые поля «потоптаны» и захвачено две тысячи голов скота. Табасаранский «Максум-бек» сдался русским, «повалясь на землю», но Ахмед-хан даже после разгрома собственных владений «покаяние и покорение отлагал»[156].

Прибывшему на Кавказ Левашову вновь предстояло отлаживать систему отношений с владельцами. Пришедший к власти после смерти Аслубокера акушинский кадий Аджи-Айгун в январе 1735 года присягнул о вступлении в российское подданство с тридцатью деревнями, входившими в Акушинский, Цудахарский, Мекегинский, Мугинский и Усишинский союзы сельских общин. Тогда же Левашов принял очередную присягу от уцмия Ахмед-хана Кайтагского и взял в крепость Святого Креста в аманаты его племянника Заузана. Но к тому времени состоявшим под российской властью провинциям оставалось быть в составе империи всего год. Мечта же Петра I об эксплуатации природных богатств новых владений и о процветании восточной торговли оказалась неисполнимой, что стало ясно еще задолго до ухода его армии.

[155] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1733. № 5. Л. 260.
[156] Там же. Л. 456, 470–470 об.

Несбывшиеся надежды

Отправляясь в последний поход, Петр, можно полагать, надеялся реализовать на юге тот же план, что и на севере: «ногою твердой стать при море», обеспечить плацдарм для дальнейших действий на Кавказе или в Иране и «оседлать» стратегический перекресток древних торговых дорог Востока. Однако в отличие от Балтики здесь царь намеревался не ждать «все флаги в гости», а установить российское господство на море и перенаправить поток восточной торговли, идущий по караванным путям к портам турецкого Средиземноморья, на магистраль Каспий – Волга – Петербург.

Петр создавал не только военное производство – он мечтал о том, как на отечественных судах в другие страны поплывут продукты российского производства. В «новозавоеванных провинциях» он предполагал найти источники сырья для первых российских мануфактур, производивших цветные металлы, сукно, шерстяные и шелковые ткани, краски, сахар.

Вернувшись из похода, император стал по обыкновению энергично «понуждать» своих генералов и министров к освоению приобретенных территорий. Его внимание царя привлекали богатые земли и города Ширвана и Гиляна – хозяйственный император требовал присылки оттуда образцов нефти, овчин, фруктов. Горный Дагестан, кажется, интересовал его меньше – за исключением Дербента с его старинными, но мощными укреплениями, плантациями шафрана и виноградниками. В полюбившемся городе царь оставил «виноградного мастера», который приступил к работе по организации казенного виноградарства и виноделия вместе с местными «садовниками» и отряженными им в помощь сорока казаками; следом он прислал еще одного специалиста, Пастьяня, но тот скоропостижно скончался по прибытии, как доложил комендант Юнгер в январе 1723 года[157].

Главными пунктами новых владений Петр считал Баку с лучшей гаванью на побережье, где «суда от всех ветров стоять могут безопасно», и устье Куры, которое по указу царя от 2 ноября 1722 года Федор Соймонов осматривал дважды, в ноябре 1722-го и марте 1723-го, а затем лично докладывал о результатах в Петербурге. По мнению Соймонова, Петр «хотел при устье реки Куры заложить большой купеческий город, в котором бы торги грузинцев, армян, персиян, яко в центре, соединялись и оттуда бы продолжались до Астрахани»; в дальнейшем новому центру предстояло стать «первым купеческим городом для всего западного берега Каспийского моря». Оттуда российские купцы с товарами направлялись бы в Тифлис и сухим путем в Шемаху[158]. Страстно желавший как можно скорее видеть плоды своих уси-

[157] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 61. Л. 867–868; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723. № 8. Л. 14.
[158] См.: *Лысцов В. П.* Указ. соч. С. 84–87.

лий, царь, однако, был достаточно осторожен. Очевидно, результат осмотра побережья был не слишком благоприятным, и Петр приказал Матюшкину «строение крепости на Куре» отложить, а после консультаций с командующим и Соймоновым поручил первому «о Куре разведать, «до которых мест мочно судами мелкими идтить, чтоб подлинно верно было», а еще лучше – обследовать течение реки вплоть до Тифлиса[159].

Порт предстояло построить и в Дербенте – важнейшем стратегическом пункте, контролировавшем сухопутную дорогу вдоль побережья. Петр сам «изволил ездить по берегу морскому для осмотрения места, где строить гаван», а перед отъездом из Астрахани в Москву в ноябре 1722 года приказал Матюшкину делать «гавань по чертежу». Работы начались в следующем году.

Помимо водных и сухопутных путей царя интересовали всевозможные плоды земные. Еще в ноябре 1722 года он инструктировал Матюшкина, что после овладения Баку ему надлежит заняться экономическими вопросами: «...розведать о пошлинах и доходах, а особенно о нефти и шафрану, сколько было в доброе время и сколько ныне, и что шаху, а что по корманам»[160].

После занятия города генерал приказ исполнил и доложил, что в окрестностях Баку имеются 66 колодцев с «черной нефтью» и четыре с «белой», которую оттуда возят на верблюдах в «нефтяные анбары» и продают первую по четыре деньги за батман, а вторую, считавшуюся лечебным средством, по одному рублю две деньги за батман (1 батман оценивался в 14 фунтов. – *И.К.*) [161].

С состоянием финансов разбираться пришлось дольше: только в ноябре 1723 года Матюшкин отрапортовал, что бывший султан из полученных доходов бесконтрольно брал «себе в жалованье без указу» и на нем насчитана недоимка в 103 389 рублей и 14 алтын[162]. Следом летели новые указания. «Сахар освидетельствовать и прислать несколько, и какой может быть... 7. О меди тако ж подлинное свидетельство учинить, для того взять человека, который пробы умеет делать. 8. Белой нефти выслать тысячу пуд или сколько возможно. 9. Цитроны, сваря в сахаре, прислать, сего для поискать здесь мастера. Единым словом как владение, так сборы всякие денежные и всякую экономию в полное состояние привесть», – требовал Петр в мае 1724 года[163].

---

[159] См.: Приказы и инструкции императора Петра Великого генералу Матюшкину. С. 606–607.

[160] Там же. С. 598.

[161] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд.II. №63. Л. 596–598.

[162] См.: Там же. Л. 789–794.

[163] Цит. по: Приказы и инструкции императора Петра Великого генералу Матюшкину. С. 606. См. также: Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в. С. 52–53.

Столь же подробной информации он требовал и от Шипова, отправившегося в декабре 1722 года завоевывать Гилян: «...сколько шелку в свободное время бывало, на сколько денег, и что шаху пошлин бывало и другим по карманам, и сколько ныне, и отчего меньше, только ль от замешания внутреннего или в Гиляни от какого неосмотрения или какой препоны, равным образом и о прочих товарах, и что чего бывало и ныне есть, и куды идет, и на что меняют или на деньги все продают. Проведать про сахар, где родится. Также сколько возможно разведать о провинциях Маздеран и Астрабата, что там родится»[164]. Укрепившемуся в Реште В. Я. Левашову он писал в сентябре 1723 года: «Понеже в Гиляне всяких фруктов есть довольно, того для, ежели успеешь, сею осенью, то пришли к нам всяких сухих фруктов сколько возможно... Також пришлите ведомость всяким фруктам, какие там родятся и по чему там покупаются». Как и Матюшкину, Левашову предстояло «приняться за доходы, и оные как доброму и верному человеку надлежит сбирать». «А особливо, – призывал Петр, – изыскивай того, что по карманам шло». Ему же поручалось «розведывать о товарах... где что родится», а о некоторых царь уже имел сведения: «...объявил мне Аврамов (о сахаре. – *И. К.*), что в Мизандроне, также сам персидской посол объявил, что в Гиляне есть медь, а именно в Ардевильской провинции близ границы Гилянской, а свинец в Мусулае». Южные фрукты явно интересовали царя, и он разъяснял адресату: дело важное, «понеже немалой торг можешь от сего быть, не точию дома, но и в Польшу[165].

Заботиться о процветании новых владений должны были и генералы, и чиновники. Именной указ от 8 ноября 1723 года требовал от Коммерц-коллегии не только «умножения коммерции» в отношении европейских стран, но и проникновения ее «в нынешние уступленные нам от Персии места, где, кроме шелка, многие изрядные вещи обретаются, яко нефть, шафран, сухие и соленые фрукты, ореховые, кипарисные и пальмовые деревья и прочие», для чего надо было «строить компании» и посылать торговых людей за границу для обучения. Приметливый царь снова вспомнил про соседей-поляков, которые без фруктов и шафрана «и есть не варят»[166]. Еще один именной указ, российскому послу в Гааге Б. И. Куракину, призывал объявить голландцам о «весьма безопасном» шелковом торге в новых российских владениях[167].

Любознательность государя подогревалась полученным осенью 1723 года от посла Измаил-бека «Реестром доходов тех провинцей и городов,

---

[164] *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. Кн. 9. С. 371.

[165] Письма и указы государей... Василью Яковлевичу Левашову. С. 18–21.

[166] ПСЗРИ. Т. 7. № 4348.

[167] См.: Там же. № 4302.

которые уступлены быть имеют его императорскому величеству»; согласно этому документу общий доход казны с Ширвана, Гиляна, Мазандерана и Астрабада оценивался в огромную сумму – 2 миллиона 250 тысяч рублей, то есть равнялся почти трети дефицитного российского бюджета[168].

Подчиненные старались как могли, но их донесения выглядели не слишком утешительно. Левашов в январе 1724 года обрадовался было тому, что в Реште «купечество умножаетца» и прибыло три тысячи вьюков с караванами из Вавилона и Тебриза. Бригадир привел данные о рыночных ценах на шелк (батман шелка-сырца стоил от 10 до 16 рублей), «помаранцы», лимоны, оливки, грецкие орехи, рис, виноград, сливы; хвалил при этом местные груши и дыни, а арбузы считал некачественными. В соседнем Мазандеране главными товарами являлись сахар (от 10 до 40 копеек за батман), бумага (от 50 до 80 копеек) и медь (от 60 копеек до двух рублей); из Тебриза в Решт привозили сушеные абрикосы и миндаль, из Казвина – «гулявную водку», муку, кальянный табак, изюм[169]. Он же прислал сведения о торговом обороте за 1723 год: в Астрахань было отправлено 104 таи[170] шелка, 260 тай парчи, 162 – сафьяна, 15 – бязи, 41 – чернильных орешков и четыре таи кишмиша[171].

Последние данные превосходили результаты неудачного для российской торговли 1721 года, когда из Ирана было вывезено 79 тай шелка-сырца и пять тай «вареного», 168 тай парчи и 169 тай сафьяна[172]. Но поднявшаяся вслед за объявлением об «уступлении» провинций России волна неповиновения сделала перспективы их экономического освоения сомнительными. «Великая от правителей противность, а от обывателей замешение показалось», – докладывал Левашов в мае–июне 1724 года; труды по сбору налогов шли «с великою помехою» – местные жители-«бунтовщики» нападали на посланных с этой целью военных, а прежние сборщики податей и откупщики «разбежались». Отправляя царю подарок – «5 фонтанов белова камню» из рештского дворца – бригадир вынужден был доложить, что дороги «зарублены» и караваны больше в Решт не приходят[173]. Комендант Баку И. Ф. Барятинский сообщил в феврале 1724 года, что шелка и парчи из Шемахи не привезли и местных товаров «купить некому»[174].

---

[168] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 94. Л. 306–307. «Реестр» был составлен послом Измаил-беком 2 октября 1723 года для канцлера Г. И. Головкина и переведен переводчиком Тевкелевым.

[169] См.: Там же. Л. 411–412.

[170] Таи – тюк, кипа товара весом в восемь пудов.

[171] См.: Там же. № 67. Л. 398.

[172] См.: Там же. № 94. Л. 309–309 об.

[173] См.: Там же. № 67. Л. 417–418, 424, 442–443, 444, 468.

[174] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1724. № 4. Л. 63 об.

Армейские «партии» громили «бунтовщиков», но военные действия и гражданские смуты не способствовали развитию бизнеса, тем более что в 1723 году началось турецкое вторжение в Иран. Левашов все же старался: в июле он доложил, что предписанные ему поиски какого-то «эзенгоутова дерева» не увенчались успехом, зато обнаружен «шемшит» (самшит?) «пригодной толстоты», а также деревья «лиликан», «азад», «сима-карагач» и «нар или гранатное», о возможности использования которых в судостроении должно дать заключение Адмиралтейство[175]. Образцов же местного риса и мазандеранского сахара, интересовавших Мануфактур-коллегию, он в то время добыть так и не смог «за нынешними замешательствы и бунты» – только в июне 1726 года они были отправлены «для пробы». Судя по имеющимся в нашем распоряжении документам, эти изыскания практических последствий не имели.

Однако главным источником доходов Гиляна был шелк. В 1722 году Петр I в Астрахани беседовал с индийским купцом Абдураном Банианом и узнал от него, что до 1721 года из этой провинции вывозилось до девяти тысяч тай шелка; при продажной цене на западноевропейском рынке в 80 рублей за пуд, то есть 640 рублей за таю, такая масса товара могла приносить миллионы рублей прибыли[176]. Естественно, что хозяйственный государь стремился поставить под контроль производство столь ценной продукции. В этом отношении командование достигло определенных успехов, правда, сам Петр о них уже не узнал.

Летом 1725 года Матюшкин прислал в Петербург образцы продукции (четыре батмана шелка-сырца) с «новозаведенного ее императорского величества заводу» в Гиляне. Из Коллегии иностранных дел шелк был передан для «освидетельствования» в Мануфактур-коллегию, и ее специалисты признали: товар «может происходить в дело штофов», но годится и для изготовления чулок; согласно сделанным расчетам пуд тамошнего шелка должен был обходиться в 26 рублей 90 копеек, тогда как шелковые мануфактуры столицы покупали сырье по 40–50 рублей[177].

В апреле 1726 года Матюшкин получил указ «продолжать» работу шелкового «завода», поскольку пробы были признаны удачными[178]. Но оставшийся после отъезда командующего главным начальником в Гиляне Левашов в обстоятельном донесении от 18 мая 1727 года усомнился в перспективах российского шелководства. Генерал рассказал, что в «новозаведенном заводе» строения («сараи») были построены его солдатами,

[175] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1724. № 4. Л. 463–464 об.

[176] См.: *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. М., 1789. Ч. 7. С. 289.

[177] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1726. № 12. Л. 7 об.

[178] Там же. № 4. Л. 297.

кровли и солома взяты «с ызб бунтовских деревень», а тутовые листья для червей – из конфискованных «садов бунтовщиков».

Побывавший в плену в Средней Азии сержант Федор Ефремов подробно описал процесс получения шелка: «Когда черви появились, чтоб было великое тепло, когда ж заснули, чтоб малое тепло, после сна холодновато. При том любят они чистоту, сухость, и чтоб не было дыму, пыли, сырости и вони. Черви, когда черны, то голодны и много едят, белы мене едят, желты сыты. Смотрят прилежно, чтоб листья не были сухие, вонючие, мокрые, холодные, горячие; кормят червей на камышовых рогожах, постилают мелкое сено, сверху холст, чтоб червям было мягко, рогожки постилают, где не бывает сырых паров, наблюдают, чтоб червям не было тесно, а буде тесно, берут лопаточками и кладут на другие места. Когда черви созреют и начнут для свивания гнезд искать места, в то время берут лопаточками, кладут в клетки плетеные из таловых прутиков, во оных клетках черви вьют гнезды, кои становят на высокие места, где нет сырости и зною». Свитые шелкопрядами «гнезды будут с большой дубовый желудок: те гнезды, кои для шелку, кладут в корчагу и для заморивания, чтоб бабочки не родились, сыплют на них несколько соли, обертывают в тутовый лист, у корчаги горло замазывают глиной; потом морят 8 и 9 суток, и так сделается сверху плена, в средине желто; те гнезды, вынувши из корчаги, варят в котлах, а из котла вьют на колесо очень тонко, по 4 и по 6 человек, после варения будет серый из желта шелк, который потом варят в разных красках»[179].

Заготавливать корм для червей могли, очевидно, и солдаты. Но выведение шелкопрядов – работа сложная: начиналась она в Гиляне в марте, когда в «натопленной избе» без окон червячков начинали кормить, а в мае их выносили на воздух в специально построенные «шалаши»; полученные коконы надо было особым образом кипятить, затем осторожно разматывать и свивать несколько нитей в одну, чтобы получить пригодный для обработки шелк-сырец, или «грежу»; этот технологический процесс наблюдали путешественники и в XIX веке[180].

Следить за работой гусениц-шелкопрядов и уж тем более разматывать тончайшие шелковые нити из коконов служивым было не под силу – требовался многолетний опыт. Поэтому на «заводе» работали местные мастера-шелководы, которым по обычаю надо было отдавать половину готовой продукции или платить «по уговору» «на деньгах содержать», что было явно невыгодно, поскольку при запрошенной плате стоимость фунта шелка-сырца равнялась трем рублям, почти как в Петербурге, и дешевле было скупать товар у местных жителей по 12–18 рублей за батман. Первый

[179] *Ефремов Ф.* Девятилетнее странствование. М., 1952. С. 36–37.

[180] См.: *Огородников П.* На пути в Персию. СПб., 1872. С. 178.

способ оплаты оказался более выгодным (к тому же можно было отдавать работникам не половину выработанной ими продукции, а меньше) – себестоимость фунта шелка составляла всего 31 копейку с четвертью.

За три месяца работы, таким образом, было получено четыре с четвертью батмана (59,5 фунта) шелка-сырца. Однако, как докладывал Левашов, казенно-армейское шелководство могло быть успешным только «при своих работниках и при чюжих тутовых садах», то есть при использовании труда покладистых мастеров (которым можно было платить «с умалением», что и практиковал генерал), доставшемся даром корме для шелкопряда и конфискованном имуществе. Скоро начались проблемы: «преестественные жары» привели к тому, что шелкопряды перестали есть засохшие листья, а других деревьев в распоряжении командующего не было. Поэтому, начав свой рапорт за здравие, Левашов закончил его за упокой: шелковый «завод» при сложившихся обстоятельствах «никако содержать невозможно, понеже не прибыток, но великой убыток приносит»[181]. После этого известия о нем исчезают со страниц донесений.

Неудачей завершились и попытки заготовки шерсти для российских суконных «фабрик». Как известно, ни количество их продукции, ни ее качество не устраивали главного заказчика – казну, которой приходилось систематически делать крупные закупки сукна в Англии или Пруссии. В 1722 году Петр увез с собой из Дербента знающего секрет «мягчения шерсти и поташу» мастера-армянина Карапета Хачатурова; после соответствующих консультаций он за счет Кабинета был отправлен домой, но, кажется, его знания остались невостребованными. В бытность Матюшкина в 1724 году в Москве на коронации императрицы Екатерины Алексеевны он получил образцы качественной черной и белой шерсти с заданием «против оной приискивать» в подчиненных ему южных провинциях. Вместе с генералом в Дагестан направились два мастера «с суконной фабрики»; в Дербенте им удалось обнаружить удовлетворительный по качеству товар, но оказалось, что хотя нужная шерсть и имелась в условно российском владении – «в Кубачах», но «оттуда ее в привозе нет» и организовать систематические поставки невозможно[182].

В 1724 году Петр распорядился доставить ему партию «белой нефти»[183]. Как «белая», так и «черная» нефть рассматривались в то время не только как горючее вещество для обогрева, приготовления пищи и освещения, но и как лекарство. В Лечебнике XVII века говорилось: «Белая же нефть оти-

[181] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1727. № 13. Л. 32–34.

[182] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 72. Л. 671–672.

[183] См.: *Матвейчук А. А., Фукс И. Г.* Истоки российской нефти: Исторические очерки. М., 2008. С. 173.

мет болесть… коя была от студености»; черная нефть, считалось, «кашель отнимет» и «колотие во чреве»[184]. Прибывший из Гиляна в Баку Матюшкин в сентябре 1725-го отправил в Петербург 207 пудов «белой нефти» и подал более подробную, чем предыдущая, составленная двумя годами ранее, ведомость о нефтяных колодцах: были названы 89 «колодезей», которые способны были давать 4710 батманов нефти в сутки; самый большой источник у деревни Балаханы поставлял 1350 батманов; остальные – по 100–400. Четыре колодца считавшейся наиболее ценной «белой нефти» давали ее «помалу»[185]. Однако командующий вынужден был признать, что не в состоянии контролировать соляные промыслы и нефтяные колодцы в 20 верстах от города. Хозяйничавший там Хаджи-Дауд издевательски просил передать генералу, что источники нефти «не во владении у русских», а бакинская администрация исчезла, потому ему приходится пользоваться ими «безденежно»; «а как де вы будите нефтью и солью владеть, то ни одной посуды нефти и соли безденежно брать не будем»[186].

Судя по выросшим в дальнейшем поступлениям от нефти в числе «бакинских доходов», так вскоре и случилось. В. В. Долгоруков в апреле 1727 года рапортовал, что у колодцев выставлено «охранение», а для того, чтобы оно присутствовало постоянно, в десяти верстах от Баку построена крепость с гарнизоном в 150 человек и тремя пушками[187]. «Кроме доходов с уезду, сбираются немалыя деньги за нефть и за соль. Соль берется из нескольких озеров близ Баки, в которых она через жары солнечные поспевает, а нефть черпается из колодезей, которые имеются полдни езды от Баки в каменистом месте, из которых колодезей некоторые черную и некоторую белую нефть выбивают», – писал в 1728 году Гербер.

Для отечественной экономики азербайджанская нефть в ту пору оставалась товаром редким и экзотическим. В Россию она не вывозилась и большей частью потреблялась на месте как топливо и средство для освещения жилищ; при отсутствии дров приходилось ее использовать в этом качестве и российским солдатам. В Голландию, к давнему комиссионеру российского правительства, купцу И. Любсу, было отправлено три бочки нефти на предмет выяснения условий ее продажи; но спрос на нефть в Европе оказался незначительным: ее себестоимость и затраты на перевозку намного превышали цену на рынке[188].

---

[184] Цит. по: *Лукьянов П. М.* История химических промыслов и химической промышленности в России. М., 1948. Т. 1. С. 102.

[185] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 72. Л. 357–357 об., 711–712.

[186] Там же. Л. 695 об.

[187] См.: Там же. № 85. Л. 420–421.

[188] См.: *Матвейчук А. А., Фукс И. Г.* Указ. соч. С. 173–174.

Объемы же местной торговли нефтью (ее вывозили в бурдюках караванами в Шемаху и Ирак и морем в Гилян) упали из-за военных действий и политических неурядиц. В конце XVII века она давала казне доход от пошлин порядка семи тысяч туманов[189] в год; посол Измаил-бек оценивал его в шесть тысяч туманов, а реальные сборы давали российской администрации в Баку примерно 16 тысяч рублей (1600 туманов) в год. Военные власти были не в состоянии сами заниматься эксплуатацией нефтяных колодцев, а потому отдавали их на откуп; очевидцы свидетельствовали, что многие из них были заброшены, а нефтяные «хранилища-«анбары» разорены[190].

Более успешными оказались усилия Петра I по созданию в новых владениях виноделия и производства одной из самых дорогих пряностей – шафрана[191]. Последний поставлялся из Баку в качестве «подати с деревенских мужиков»: в сентябре 1725 года Матюшкин послал ко двору 29 фунтов пряности, а в апреле 1726-го бригадир Шипов оттуда же отправил 30 фунтов шафрана, «готовленного по-европейски», и 14 фунтов «в лепешках», то есть сделанного по местной технологии в смеси с воском или бараньим жиром (к этим дарам Левашов добавил «3 фантана вырезанные фигурами»)[192]. Из дербентского «огорода ее величества» в 1724 году ко двору поступило 119 фунтов шафрана «по-европейски», а также гранаты – 490 «дуль» больших и 100 малых[193]; еще 66 фунтов пряности были отправлены в 1726 году.

Основанное здесь государственное хозяйство находилось под присмотром коменданта и функционировало вплоть до самого конца российского присутствия в Закавказье в XVIII веке. Здешние виноградники были усовершенствованы трудами присланных мастеров и обученной ими «команды» (в 1732 году под началом главного винодела, майора Турколя, здесь трудились прапорщик, три капрала и 14 солдат[194]). «Чихирный завод» уже в 1724 году произвел 60 «больших и малых бочек» белого и красного вина, его продажа дала 1521 рубль[195].

Виноделие стало самой доходной отраслью колониального хозяйства, однако основным потребителем продукции оставалась сама российская

---

[189] Туман – денежная единица Ирана, в описываемое время приравнивалась к десяти российским рублям.

[190] См.: *Ашурбейли С. Б.* Указ. соч. С. 199–203.

[191] Шафран представляет собой тычинки растения семейства крокусовых (Crocus sativus). Тычинки собираются вручную, а затем высушиваются. Для получения полукилограмма пряности нужно 225 тысяч тычинок.

[192] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 78. Л. 718. О местной технологии приготовления шафрана см.: *Ашурбейли С. Б.* Указ. соч. С. 206.

[193] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 74. Л. 832.

[194] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1732. № 5. Л. 238 об.

[195] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 74. Л. 830–831, 838.

армия – мусульмане ее не оценили. Открытые в Дербенте и Баку «кружечные дворы» стали для командования источником экстренного финансирования при «неприсылке денежной казны». Но спрос был невысок вследствие традиционных вкусов служивых: они, кажется, предпочитали более привычный отечественный напиток, привозимый неутомимыми маркитантами – благо торговля им с 1724 года разрешалась всем по «вольной цене». Но после того как астраханец Федор Кобяков добился права держать откуп в крепости Святого Креста, с поставкой водки начались перебои, и командующий Людвиг Гессен-Гомбургский просил Сенат, чтобы ее продажу «иметь маркитентерам… по-прежнему»[196].

Остальные же проекты императора по освоению природных богатств прикаспийских провинций оказались свернутыми через год-другой после его смерти[197]. Конечно, охваченный мятежами и войнами Иран был не в состоянии поставлять на рынок нужное количество товаров, но и надежды Петра на превращение его новых владений в «зборищу для всего восточного купечества» не оправдались. Беспрерывные войны и утверждение в «турецкой порции» враждебных ханов перечеркнули перспективы расцвета торговых путей от моря на Шемаху и Тифлис. Военные власти оказались не лучшими хозяевами и часто предпочитали не возиться с хлопотным делом, а сдать ту или иную доходную статью на откуп. Кроме того, уже с 1727 года правительство (и, соответственно, командование корпуса) допускало уступку значительной части завоеванных территорий при заключении мира с шахом или с афганцами, и в этих условиях развитие экономики становилось излишней задачей.

Кроме того, планы Петра, как и во многих других случаях, опередили свое время. Страна еще не располагала экономическими возможностями для масштабного освоения заморских территорий, и призывы царя «строить компании» не нашли отклика; казаки и солдаты не могли заменить энергичных дельцов, моряков, торговцев, судохозяев, которых не хватало и в самой России.

Их не то чтобы совсем не было. Документы свидетельствуют, что и в тогдашних условиях находились искатели делового «интереса», которые, рискуя головой, отправлялись за море. Так, например, уже в 1722 году появился в Дагестане торговавший «от себя» астраханский посадский Петр Мясников. Весной 1725 года, в самый разгар «бунта» Адиль-Гирея,

[196] РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. № 841. Л. 362–363 об., 391.

[197] В специальной работе, посвященной развитию экономики Дагестана после Персидского похода, все указанные свидетельства о российских инновациях ограничиваются периодом 1722–1724 годов (см.: *Магомедов Н. А., Магомедов Д. М.* Меры русского правительства по экономическому развитию прикаспийской зоны Дагестана // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в. С. 88–95).

он оказался в резиденции шамхала Тарки с партией «хороших ружей», был там схвачен, потерял весь товар, посажен «под караул», но сумел уйти с помощью шамхальского брата, который спрятал незадачливого купца и вывез его из города. Мясников рисковал не один – в Тарки вместе с ним приехали 12 человек, и двое из них отважились забраться с товарами еще дальше в горы – к уцмию Ахмед-хану[198]. В апреле 1726 года «купецкий человек» Федор Фалеев не побоялся отправиться в Шемаху «для взятия долгов по писму де Дауд бека»[199].

Но для масштабной эксплуатации новых территорий требовались не только отчаянные головы, но и развитая промышленность, нуждавшаяся в заморском сырье, и располагавшие крупными капиталами торговые компании. Члены Комиссии о коммерции А. И. Остерман и А. М. Черкасский в 1727 году мечтали, чтобы «с новозаведенных российских фабрик товары шолковые, шерстяные и иные сами заводчики или русские купцы, и армяня, и иноземцы, купя, отпустят в Персию». Для таких пионеров они требовали свободного (со стороны местной администрации) проезда и даже освобождения от пошлин, чтобы «за отпуск и покупку и продажу нигде не брать»[200].

На деле же одним из главных потребителей в новых российских провинциях являлась сама армия, что доказывают прибывавшие в Аграханский «транжамент» и крепость Святого Креста партии муки, крупы, меда, лука, квашеной капусты, соленых огурцов, грибов, клюквы, чеснока. В 1725 году посадский человек Ф. Уранов повез в Баку 40 пудов мыла, А. Ильин вывез туда же в 1732 году 110 мехов солода, 25 мехов ржаной и 15 мехов пшеничной муки, всего на 97 рублей 50 копеек. Спустя два года он повез туда же 90 пудов мыла на 63 рубля. Купцов было немного: в 1725 году среди доставивших товары в крепость двенадцати негоциантов были шесть астраханских торговцев и три армейских маркитанта; в 1728-м 11 астраханских посадских людей доставили13 партий товара, а семь маркитантов – девять партий; еще одну привез казак Нежинского полка. В Гиляне в 1726–1727 годах военные закупали у обывателей Решта бумагу, вьючные мешки, торбы, мыло.

Для местного населения привозились сукна, холсты, зеркала, нитки, сундуки «московской работы» и различные металлические изделия – ножи, ножницы, котлы, сковороды, иглы. Но вывозились в основном не местные, а иранские и азербайджанские товары, шедшие транзитом через Дагестан в Россию. Можно указать лишь несколько таможенных «явок», перечис-

[198] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 72. Л. 229–229 об.
[199] Там же. № 78. Л. 713.
[200] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1727. № 3. Л. 5–6.

ляющих товары местного происхождения. Так, в 1733 году астраханский армянин Степан Васильев доставил в Астрахань 64 кошки, 50 лисиц, 12 оленьих кож и 12 «чекалок» (шакалов) всего на 27 рублей 20 копеек. В 1735 году монастырский крестьянин Суздальского уезда Анисим Трофимов вывез из крепости Святого Креста 20 пудов воска на 128 рублей, астраханский купец Ф. И. Смирнов – 20 пудов риса и 30 тысяч грецких орехов[201]. Но поток местных изделий был невелик: в 1729 году из Дербента привезли товары 37 торговцев – всего на сумму 9819 рублей. При крепости собирался большой конский базар, где счет шел на сотни голов, здесь же торговали крупным и мелким рогатым скотом; но военная база так и не стала узловым пунктом транзитной торговли России со странами Кавказа и Закавказьем. Согласно данным гражданской канцелярии крепости Святого Креста, в 1729 году подали прошение о разрешении выехать морем в Гилян, Шемаху, Баку и Решт 26 купцов и торговых людей; в Дербент – 32 человека, в Кабарду – 16, в гребенские городки для торговли и покупки рыбы – 23, в ногайские и другие аулы – 11, морским и сухим путем до Астрахани – 59 человек. Это были по преимуществу мелкие купцы; торговали также горцы-уздени, казаки и «маркитентеры»[202].

Один из немногих крупных дельцов, москвич Леонтий Симонов, взял на откуп питейный двор в крепости и в 1732 году привез туда 5080 ведер «вина простого» (низкоградусной водки), 260 кулей пшеничной муки и 40 кулей солода – на общую сумму 5044 рубля. Один из самых крупных астраханских «торговых людей» (он имел собственные морские суда), Тихон Лошкарев, в 1728 году привез в крепость Святого Креста 4682 пуда соли, 6570 вяленых сазанов, 521 мех солода и 254 пуда меда; в 1732-м его приказчики доставили туда же 5268 ведер «простого вина», 1969 ведер водки, 340 мехов пшеничной и 20 мехов ржаной муки, 100 мехов солода и 110 пудов меда – всего на 6699 рублей 50 копеек. Он же в 1724 году вывез в Дербент партию промышленных товаров (сукно, подошвы, писчая бумага, ножницы, иголки, булавки, хмель), в 1728-м отправил в Гилян муку, овес, мясо, рыбу, мед, соль, капусту, кожи, а в 1732 и 1734 годах привез в Баку и Гилян товаров на 2710 рублей (580 кож юфти, 828 кож сырых яловичных, 475 неких савров[203] «малой руки», пять тысяч аршин холста). В Гиляне приказчики Лошкарева в 1734 и 1735 годах закупили шелка и тканей на 508 рублей, а в Дербенте – рис и сухие фрукты[204].

---

[201] См.: *Юхт А. И.* Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (30–60-е годы XVIII в.). М., 1994. С. 21.

[202] См.: *Гарунова Н. Н.* Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. С. 169–170.

[203] Согласно словарю В. И. Даля, савры – кожаные подколенники у седла,

[204] См.: *Юхт А. И.* Указ. соч. С. 18–21, 23, 59, 61.

Не случилось и ожидаемого торгового подъема в иранских провинциях: в 1725 году за море с отечественными товарами выехали шесть человек, в 1728-м – 27, в 1732-м – 21 и в 1734-м – 10[205]. Крупных торговцев, подобно астраханцам Алексею Скворцову или Тихону Лошкареву, чьи обороты достигали нескольких тысяч рублей в год, можно пересчитать на пальцах. Богатые столичные купцы восточной торговлей не интересовались – в 1734 году в ней участвовали «московский армянин» Богдан Христофоров, Григорий Колобов и Данила Земской; последний пятью годами ранее основал и свою шелковую мануфактуру; есть сведения о закупке партий шелка-сырца владельцами предприятий Михаилом Евреиновым и Игнатием Францевым[206].

В 1727 году по данным Коммерц- и Мануфактур-коллегий, в России имелось 11 шелкоткацких и ленточных заведений. Однако не все они ориентировались на иранское сырье: казенный «шелковый завод» в Киеве получал личинки червей из Италии; основанная знатными «интересентами» (П. П. Шафировым, Ф. М. Апраксиным и П. А. Толстым) «штофная фабрика» использовала шелк из Италии и Китая.

Кроме того, возникали проблемы со сбытом товара и с качеством иранского шелка: специалисты указывали, что он «весма толст, а тонкого выбирают из оного самое малое число»; выделываемые штоф и бархат были заметно «плоше» западноевропейского[207]. При этом предприятия, несмотря на немалые затраты (в дело генерал-адмирала Апраксина и его коллег были вложены 36 672 рубля государственных субсидий и 57 579 рублей из средств самих «господ интересентов», приглашены французские директоры и мастера, закуплены во Франции инструменты и образцы тканей), оказались убыточными: деньги были растрачены впустую, при вступлении в бизнес Апраксина и его коллег в 1724 году группы купцов «налицо не явилось» отчетности о трате более чем 60 тысяч рублей. В итоге министры вышли из дела, а само предприятие было разделено оставшимися купцами-«компанейщиками» на три, а затем на четыре части. Но и вливание новых капиталов (в размере 28 тысяч рублей) не очень помогло: предприятия работали, но, как следует из предоставленных в 1734 году из Коммерц-коллегии в Сенат сведений, их продукция не пользовалась

---

[205] См.: *Юхт А. И.* Указ. соч. С. 54.

[206] См.: *Юхт А. И.* Указ. соч. С. 61–62, 68; *он же.* Торговые связи Астрахани с внутренним рынком (20-50-е гг. XVIII в.) // Исторические записки. М., 1990. Т. 118. С. 179; *Пажитнов К. А.* Очерки текстильной промышленности дореволюционной России. М., 1958. С. 309.

[207] См.: *Заозерская Е. И.* Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953. С. 303–309; Ведомость 1727 года о состоянии промышленных предприятий, находящихся в ведении Коммерц-коллегии и Мануфактур-коллегии // Материалы по истории СССР. М., 1957. Т. 5. С. 215–222.

спросом – «купецкие люди в ряды почти не покупают», так как импортные товары были качественнее и дешевле[208].

Основанная в 1714 году мануфактура Алексея Милютина работала более успешно – благодаря большим казенным заказам. Остальные же предприятия (Р. Воронина и Я. Лебедева, И. Тамеса, С. Павлова) выпускали не ткани, сложные в производстве, а ленты, и их мощности не были рассчитаны на экспорт. Эпидемия чумы и карантинные меры на Волге нарушали товаропоток, так что московским шелковым «фабриканам» приходилось в 1729 году закупать сырье в Италии[209]. Отмеченный в литературе рост числа шелкоткацких предприятий в стране не был связан непосредственно с российским присутствием в Азербайджане и Иране, тем более что имел место не до, а после отказа от заморских провинций: в 1747 году в России работали 29 таких мануфактур, а в 1763-м – 58, хотя высокие пошлины на ввоз импортных тканей, установленные тарифом 1724 года, были отменены еще во времена Анны Иоанновны[210].

Анализ торговых связей с Ираном в 1720–1760-х годах показал, что динамика как импорта, так и экспорта (основную часть его стоимости составлял шелк) также не имела отношения к завоеванию западного побережья Каспия: торговый оборот не сократился после ухода войск из Закавказья и Гиляна в 1735 году, а, наоборот, к 1740-му вырос в три с лишним раза по всем показателям[211]. При этом по-прежнему 90 процентов товарооборота находилось в руках армянских и индийских купцов, о чем однозначно говорят сохранившиеся книги астраханской портовой таможни[212]. Большинство отправившихся в апреле–сентябре 1725 года «за море» – в Гилян, Энзели, Дербент и Баку – составляли армяне («грузинские», «турецкие», «жулфинские», «шемахинские», «нахчеванские», «кубинские», «ардувильские», «гинжинские» и прочие) и индийские торговцы, индивидуальные и «конпанейщики»[213].

«Книга записная заморского привозу» 1733 года дает такую же картину: среди десятков армян и индийцев нам встретился лишь один крупный астраханский купец Алексей Скворцов, дважды привозивший относительно крупные партии тканей (на 786 рублей) и орехов и меди (на 1060 рублей).

---

[208] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. № 930. Л. 120 об.–139.

[209] См.: *Коган И. И.* Московская шелковая фабрика первой половины XVIII в. // Старая Москва. М., 1929. Вып. 1. С. 131.

[210] См.: *Пажитнов К. А.* Указ соч. С. 310.

[211] См.: *Куканова Н. Г.* Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII – первой половине XIX в. (по материалам русских архивов). Саранск, 1977. С. 140–142; *Юхт А. И.* Торговля с восточными странами и внутренний рынок России. С. 46–51.

[212] См.: *Куканова Н. Г.* Очерки по истории русско-иранских торговых отношений. С. 139; *Юхт А. И.* Торговля с восточными странами и внутренний рынок России. С. 53, 77.

[213] См.: РГАДА. Ф. 1361. Оп. 1. № 1. Л. 1–30.

Кроме него, с грецкими орехами, рисом и чихирем возвращались маркитанты Лаврентий Мухин и Василий Екимов, астраханский лоцман Федор Керженцев; с медным ломом и коврами – «малороссияне» Архип Карпов, Федор Моисеев и Василий Демьянов и «кулуженин» Прохор Дмитриев; их товары стоили от 30 до 300 рублей. Самым крупным «бизнесменом» в этой компании оказался переводчик генерала Левашова Муртаза Тевкелев, возвращавшийся из Баку на родину с нажитым нелегкой службой добром: миткалем, кумачом, изербафом, кисеей, коноватом[214] – всего на 1247 рублей. Оттуда же прибыли и казанские татары Даут Ахтуров и Ибраим Суюшев с платками общей стоимостью соответственно 271 и 200 рублей[215]. Данные Комиссии о торговле показывают, что в 1730 году сумма пошлин за вывезенные из Ирана товары с армянских купцов составила 8136 «ефимков», а с русских – 1238; в 1731-м – соответственно 9834 и 281; в 1732-м – 10 184 и 253 (за две партии шелка, вывезенные купцами Евреиновыми и Федором Мыльниковым)[216].

Все эти обстоятельства сделали затруднительным намеченное Петром I перемещение торговых потоков с малоазиатских караванных путей к Алеппо и Смирне (Измира) на магистраль Волга – Нева, хотя английские купцы в Петербурге считали, что здесь шелк стоит примерно на треть дешевле, чем в малоазийской Смирне[217]. Исследователи до сих пор не обнаружили свидетельств, подтверждающих существование якобы образованной по указу императора акционерной компании для торговли с Ираном[218].

Сложившийся же на Востоке шелковый бизнес явно не спешил навстречу российским государственным интересам, а скорее беспокоился о собственной выгоде. В июне 1726 года Левашов несколько обиженно докладывал П. А. Толстому, что «от ормян в камерции превеликие канфузии происходят»: ссылаясь на указ Коммерц-коллегии 1725 года, они стали требовать от генерала отменить взимание с них пошлин в Гиляне, где таковые всегда «и по древним персицким обычаям были». Левашов искренне полагал, что «помянутой указ армяня в Санкт Питербурхе купили,

---

[214] Миткаль – суровая тонкая хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения. В результате отделки из него получают ситец и бельевые ткани – мадаполам, муслин и др. Кумач – хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения, окрашенная в красный цвет. Кисея – легкая, редкая прозрачная хлопчатобумажная ткань с ткацким рисунком в крупную клетку и набивным цветочным орнаментом по белому или светлому фону. Коноват (коловат) – восточная шелковая ткань, иногда затканная золотой или серебряной нитью.

[215] См.: РГАДА. Ф. 1361. Оп. 1. № 4. Л. 3, 23, 48, 55 об.–56, 60, 86, 89, 148 об.

[216] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/5. 1727. № 3. Л. 32–37.

[217] См.: *Reading D.* The anglo-russian commercial treaty of 1734. L., 1938. P. 232.

[218] См.: *Куканова Н. Г.* Очерки по истории русско-иранских торговых отношений С. 132.

а ко мне такова указа не прислано», и вообще был недоволен восточными торговцами, которые не радеют о «государственном прибытке», а вместо того «коварственно и обманно собственные свои интересы ищут» и провозят «под своим протектом» чужие товары, а глядя на них, и прибывшие «с турецкой стороны» тоже платить не хотят[219]. Генерал отчасти был не прав: армянские бизнесмены не «покупали» царский указ; поминаемый ими документ Коммерц-коллегии от 8 июля 1725 года действительно предписывал «пропускать беспошлинно» шелк в Санкт-Петербург. Другое дело, что его действие распространялось только на территорию России и не касалось практики взимания пошлин в новых заморских провинциях[220]. Лукавые купцы желали использовать его, чтобы избежать уплаты пошлин в Реште, который формально являлся территорией империи, но в этом их упрекать трудно – кто же любит платить налоги? Но те же торговцы под видом собственных провозили партии импортных товаров, в том числе сукна[221].

По инициативе Комиссии о коммерции указом Верховного тайного совета от 29 мая 1727 года пошлины были снижены с трех до двух процентов при отпуске шелка из Санкт-Петербурга и Архангельска; при этом условии купцы не платили внутренних пошлин[222]. Объем транзитной торговли в 1730-е годы существенно вырос (в денежном исчислении с 62 642 рублей в 1733-м до 230 592 рублей в 1735-м); но он не сократился и после оставления заморских провинций и в 1739 году составил 190 248 рублей, в 1740-м – 240 268 рублей, а в 1741-м – 244 683 рубля. Таким образом, транзитный поток не зависел от прекращения российского военного присутствия в Закавказье: если в 1730-х годах из России направлялось на Запад примерно 1600 пудов шелка в год, то в 1740-х – четыре тысячи пудов. Этот рост не означал ожидаемого перемещения торговых путей с турецкого направления на российское: Петербург так и не стал главным перевалочным пунктом на пути восточного шелка в Европу, а торговля им по-прежнему осталась в руках армянских купцов, имевших в Венеции и Амстердаме свои колонии и обустроенные рынки[223].

По-видимому, и отечественный бизнес был еще не готов к масштабному освоению иранского рынка. Торговый баланс оставался пассивным; рос-

---

[219] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1726. № 6. Л. 42 об.–43.

[220] См.: Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Ереван, 1964. Т. 2. Ч. 1. С. 177–179.

[221] См.: *Никонов О. А.* Иран во внешнеполитической стратегии Российской империи в XVIII в. М., 2009. С. 130–131.

[222] См.: Сборник РИО. Т. 63. С. 604.

[223] См.: *Юхт А. И.* Торговля России с Закавказьем и Персией во второй четверти XVIII в. // История СССР. 1961. № 1. С. 144–145; *он же.* Торговля с восточными странами и внутренний рынок России. С. 84, 87–89.

сийский экспорт существенно уступал импорту: в 1734 году он исчислялся по стоимости всего 39 480 рублями, а в 1737-м – 72 335 рублями (против соответственно 106 181 и 260 006 рублей импорта). Значительную часть российского вывоза составляли реэкспортируемые краски и сукна западноевропейского производства; российские производители поставляли в основном кожи и небольшие партии полотна, мыла, галантереи, металлических изделий (ножниц, иголок, булавок)[224].

У купцов не было готовых кадров мастеров и приказчиков; отсутствовала соответствующая инфраструктура: перевалочные базы, дороги, суда, верфи, удобные порты. Рухнул план построения «зборища для всего восточнаго купечества» на Куре – местные условия оказались более губительными, чем болота Северной столицы. Не хватило сил на постройку новой гавани Дербента и пристани в Энзели. Протянувшийся на 350 верст южный берег Каспия имел только две пригодные гавани – Энзели и Астрабад. Однако последний так и не был занят русскими войсками. В Энзели же во второй половине 1720-х годов вход в бухту стало заносить песком. Левашов сообщал, что торговые суда не могут войти в мелкий пролив и вынуждены разгружаться в открытом море, не имея возможности укрыться от шторма[225]; во время такой разгрузки был утоплен багаж посла П. П. Шафирова, а посол С. Д. Голицын вынужден был пересаживаться с корабля на лодку в полутора милях от берега.

По имеющимся в литературе данным, даже в 1760–1770-х годах российские купцы имели на Каспии не более 20–30 собственных судов[226]. Возможно, по этой причине те же армянские купцы, которые стремились вывозить товары не через опасную из-за военных действий ирано-турецкую границу, а морем на Астрахань, не получили такой возможности, тем более что направлялись они не в Петербург, а в турецкий Азов[227]. В 1780-х годах количество торговых судов выросло до 57, но российские власти стали проводить политику «закрытого моря» и запрещали иранское судоходство у северных и западных берегов Каспийского моря[228].

Наконец, и действия властей не всегда способствовали деловому развитию. Боязнь эпидемий заставляла астраханское начальство топить прибывавшие из Ирана корабли, на которых находились «люди, одержимые

---

[224] См.: *Юхт А. И.* Торговля России с Закавказьем и Персией во второй четверти XVIII в. С. 135–136; *он же.* Торговля с восточными странами и внутренний рынок России. С. 42–43, 49, 50, 52.

[225] АВПРИ. Ф.77. Оп. 77/1. №13. Л. 2об.

[226] См.: *Рябцев А. Л.* Экономическое развитие Астраханского края в XVIII в. Астрахань, 2000. С. 36.

[227] Челобитные армянских купцов см.: Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Т. 2. Ч. 1. С. 180.

[228] См.: *Маркова О. П.* Указ. соч. С. 70–71.

опасной болезнью». Эта практика была отменена указом Верховного тайного совета от 4 июля 1728 года[229]. Борясь с контрабандой, моряки задерживали любые суда без российских «паспортов», что настолько затруднило прибрежную торговлю, что Сенат в 1730 году указал «имеющихся при Астраханском адмиралтействе, взятых в 725 и в 726 годах на Каспийском море, на прейсовых (призовых, захваченных как плавающих без разрешения. – *И. К.*) судах с товарами, пленников мужеска и женска пола всех свободить и взятые у них товары, оставшие за продажею и за расходами, тако ж хотя которые и проданы, а взятые за них деньги ныне налицо, а и расход никуда не употреблены, возвратить им, что у кого взято по-прежнему, для того на Каспийском море прейсам таким, какие на прочих морях, быть не мочно, и те взятые персидские суда, которые только что не имели от российских командиров пашпортов, как о том в справке Адмиралтейской коллегии объявлено, за прейсовые причитать не надлежит»[230].

Способный генерал и освоившийся на Востоке политик, Левашов в феврале 1732 года задержал в Реште двигавшийся из Бухары караван купцов Масиса Арутюнова, Андреяса Зурабова, Мамета Челубея и стамбульского грека Константина Алексеева с лалами (рубинами), яхонтами (сапфирами) и алмазами. Не желая столь ценный товар «в другие державы упустить», командующий скупил приглянувшиеся камни для отправки в Петербург. Купцы, по мнению командующего, должны были остаться довольны, поскольку получили за них вместо 6482 рублей семь тысяч; но неизвестно, насколько выгодным было для них в реальности генеральское предложение, от которого нельзя было отказаться[231].

А годом раньше в столицу полетела челобитная астраханских купцов Тихона Лошкарева и Андрея Ильина «с товарищи», в число которых входил и старшина астраханского «бухарского двора». Торговцы жаловались на то, что к началу навигации снарядили суда, взяли под векселя товары, а Коллегия иностранных дел запретила российским и иностранным подданным торговлю в заморских провинциях и в Бухаре, от чего они «пришли в крайнее разорение». На эти же запретительные меры обижались и маркитанты – крепостные мужики Иван Иванов, Иван Григорьев, Петр Антонов, Василий Цепенников, поскольку уже заготовили товары для «удовольствия армии», а теперь для нее разрешались лишь казенные поставки[232].

Однако смогла бы Россия действительно стать центром восточной «коммерции», если бы «начальство» и купечество прилагали больше усилий?

---

[229] См.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. № 3096.

[230] ПСЗРИ. Т. 8. № 5516. О борьбе с контрабандой см.: *Никонов О. А.* Указ соч. С. 139–140.

[231] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1732. № 5. Л.3 об.

[232] См.: Там же. 1731. № 6. Л. 20–21, 25–26.

Во всяком случае, ряд исследователей в этом сомневаются. Объем российского экспорта в страны Востока с середины XVIII века по середину XIX века практически не изменился и составлял примерно десять процентов от всего вывоза. А азиатская торговля (Индии, Китая, Ближнего и Среднего Востока) постепенно смещалась с сухопутного Великого шелкового пути с его средневековой инфраструктурой на океан благодаря развитию торгового мореплавания и муссонным ветрам, которые устойчиво дули в течение нескольких месяцев с северо- и юго-запада на восток, а затем, после небольшого перерыва, в обратном направлении. Поэтому уже в 30-е годы XVIII столетия в Петербург стали поступать китайские товары, шедшие через Индийский океан и далее вокруг Африки в европейские государства и затем доставляемые западными купцами в Россию. При тогдашних транспортных возможностях караванной торговли через труднопреодолимые окраины азиатского мира Российская империя едва ли могла стать посредником между Западом и Востоком[233].

Колониальные финанcы

Как уже говорилось, российское командование попыталось наладить в новых владениях сбор налогов. Согласно царским инструкциям, к сбору пошлин и податей следовало приступить немедленно: как только войска «оснуются», Матюшкин был обязан «в Баку пошлины сбирать, також и в Гилянь писать, дабы то ж чинили». Причем требовалось собирать не только текущие платежи, но и недоимки за прошедшие годы; с жителей Баку следовало взыскать шаховы пошлины «за те лета, за которыя они не посылали, а делили между себя».

Как только Измаил-бек подписал договор об уступке России прикаспийских провинций, военачальникам были даны подтвердительные указы о немедленном сборе налогов в царскую казну. Правителю Гиляна Левашову указ предписывал «приняться за доходы» и взимать их, «как доброму и верному человеку надлежит», а особенно изыскивать то, что «по карманам шло». Ему надлежало объявить жителям, чтобы они «подати и доходы попрежнему сбирали» и все сполна и без утайки ему отдавали. Матюшкину надлежало приступить к взиманию пошлин в Баку, а Юнгеру – начать «збирать пошлины со всяких товаров» в Дербенте[234].

Поначалу успехи были весьма скромными: в июне 1725 года М. А. Матюшкин доложил из Баку о доходе в 3969 рублей 39 копеек при расходах в

[233] См.: *Петров А. М.* Российская империя и внешняя торговля зарубежной Азии // Зарубежный Восток: вопросы истории торговли с Россией: Сборник статей. М., 2000. С. 9–14, 18.

[234] См.: *Лысцов В. П.* Указ. соч. С. 48.

6500 рублей, а в августе В. Я. Левашов поставил Петербург в известность о поступлении 1840 рублей и 369 связок шелка[235].

После того как армии удалось сбить волну партизанских выступлений, дела пошли лучше, тем более что Левашов смог организовать сбор податей при участии сотни местных сборщиков-«хожалых», которые не только обходили деревни, но и ловили «бунтовщиков»; инициатива генерала была «апробована» в Петербурге[236]. В начале 1726 года Матюшкин рапортовал, что, несмотря на «бунты», ему удалось собрать в прошлом году 43 607 рублей – 24 058 в Баку (почти треть этой суммы составили «опальных пожитки») и 19 039 в Гиляне; но 20 994 рубля пришлось потратить на месте на неотложные нужды[237].

На 1 ноября 1726 года у Левашова имелось в сборе 82 876 рублей «персицкой манеты», однако В. В. Долгоруков опять-таки должен был разрешить расходовать эти средства на покупку лекарств, вина и выплату военным задержанного жалованья[238]. Новый командующий в 1726 и 1727 годах собрал в виде пошлин и податей уже приличную сумму в 290 637 рублей и семь пудов серебра.

Серебро, а также 165 821 рубль «персицкой монетой» он привез с собой в Москву в 1728 году – остальное было истрачено на месте Низовым корпусом. Но и доставленные в Россию средства не пошли в бюджет: деньги были перечеканены на Монетном дворе, и полученные 187 729 рублей также отправлены обратно в Иран на содержание войск. При этом князь уверял, что в следующем году в казну поступит не менее 100 тысяч рублей из новых провинций[239]. (Общую сумму сборов с 1723 года и «в бытность мою» князь оценивал на 1 января 1728 года в 507 044 рубля, что разнится с приведенными ниже подсчетами Левашова за тот же период более чем на 100 тысяч рублей[240].) Но в следующем году командующий в докладной записке на имя Верховного тайного совета был уже менее оптимистичен: «Сколько времени прошло с начала вступления наших войск в Персию без всякой прибыли. И впредь не видим, чтоб могли убытки свои возвратить. Сколько денег, провианту, амуниции, адмиралтейство в Астрахани содержим, с начала вступления наших, сколько рекрут и солдат употреблено... без плода, а конца не видим и по человеческому рассуждению трудно конца ожидать – между такими азиатскими народами мы вмешались. Разве

[235] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 72. Л. 704–706; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1725. № 5. Л. 100–101.

[236] См.: Сборник РИО. Т. 56. С. 417.

[237] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1.1726. № 4. Л. 23–23 об.

[238] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 77. Л. 1177.

[239] См.: Сборник РИО. Т. 84. С. 50–51; РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. № 708. Л. 209–209 об., 232.

[240] См.: РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. № 21. Л. 1 об.

Всевышний силой своей божественной паче чаяния человеческого может... согласие или мир между басурманы сделает»[241].

В целом военным властям худо или бедно удалось наладить сбор податей, хотя и не сразу. В 1729 году Левашов в Гиляне и Астаре собрал 192 033 рубля в российской и персидской монете. Последняя была выше качеством, и правительство поначалу предпочитало получать подати именно ею. «Персидскую монету» привозили для перечеканки в Россию, как это сделал в 1728 году В. В. Долгоруков; в 1731-м генерал-майор Т. Венедиер привез с собой в Москву из Ирана еще 7473 рубля[242]. Есть упоминания о попытке организовать чеканку местных монет из серебряной руды, но сырье пришлось везти контрабандой из турецких владений, и это начинание заглохло[243].

Еще в 1729 году Долгоруков доказал, что налоги имеет смысл брать также и российскими деньгами, чтобы избежать «в басурманах возмущения»; к тому же в Иране при отсутствии твердой власти не было и нормальной чеканки, а «из дальних мест купечества не имеется»[244]. Генерал докладывал в Сенат о пресечении попыток вывоза из подконтрольных ему владений серебряной монеты путем обмена ее на персидские медные деньги – «казбики». В 1727 году глашатаи объявляли на базарах его указ: «Буде в провинции под высокою ее императорского величества державою состоящие хто медные денги, а из правинцей серебреные денги повезет, и за то те люди жестоко наказаны будут». Медные же «казбики» командующий не запрещал, но повелел их «вполы обдешевить» (то есть приравнять не к копейке, как прежде, а к половине копейки) и переклеймить ходячую монету «под росийской герб»[245] – только такие деньги разрешались к обращению. Казна получила от перечеканки поступивших от населения монет общим номиналом в 30 тысяч рублей доход в три тысячи, но насколько эффективной была эта реформа, неизвестно.

В январе 1730 года Левашов начал перепись податного населения. В изданном по этому поводу «всенародном объявлении» указывалось, что она проводится по просьбе «почтенных арбабов» для справедливого распределения тягот после всех прошедших потрясений – военных действий, наводнений, смерти многих налогоплательщиков. В Реште была образована комиссия из шести купцов – представителей трех городских «слобод»; в «уездах» же перепись проводили по махаллям избранные для этого в каждой из них шесть человек. Этим «описателям» предстояло учесть «обывателей», пашни, «шелковые сады и заводы» и прочие «подат-

[241] Цит. по: *Никонов О. А.* Указ. соч. С. 146.
[242] См.: Сборник РИО. Т. 104. С. 41.
[243] См.: *Никонов О. А.* Указ. соч. С. 117–118.
[244] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. № 703. Л. 684–685.
[245] Там же. Оп. 4. № 164. Л. 1087–1089.

ные жеребьи» и определить размер податей с них по «прежним окладам». Жители должны были предоставлять переписчикам «корм и фураж без излишества», а те – воздерживаться от попустительств налогоплательщикам и злоупотреблений: «Взятки и подарки отрешены и отрешаютца»[246].

Как именно проходила перепись, подводились и проверялись ее результаты, неизвестно; подобных данных среди сохранившихся документов нами не обнаружено. Не вполне понятно и то, насколько успешно российские офицеры и подьячие усваивали местные налоговые премудрости, ведь только на территории Ширвана действовали десятки различных податей и сборов[247]. Однако определенный результат перепись принесла, судя по увеличению налоговых поступлений. Согласно имевшимся в Коллегии иностранных дел подсчетам, за 1724–1728 годы Левашов в Гиляни и Астаре собрал 192 033 рубля при им же оцененной недоимке в 669 643 рубля[248]. Но сборы 1729 года принесли уже 202 931 рубль; в следующем году там же было получено 216 795 рублей, а общий доход казны с начала российского присутствия составил, как указывает приходно-расходная книга командующего за 1730 год, 457 530 рублей[249]. В июне 1730-го Левашов отправил в Россию 100 тысяч рублей персидской монетой в тринадцати ящиках[250].

Но эти несомненные успехи все же не соответствовали финансовым расчетам Петра I и его преемников. Приведенные в генеральских отчетах цифры были на порядок меньше ожидаемых; вспомним, что Волынский обещал Петру «доходов государственных, пошлин и откупных» по три миллиона рублей в год, а индиец Баниан – два миллиона 400 тысяч. А с 1732 года доходы еще уменьшились в связи с уходом российской армии из Гиляна по Рештскому договору с шахом.

По мнению Коллегии иностранных дел, общая сумма податей и пошлин с новых провинций составила к 1732 году 1 703 021 рубль[251]. По данным самого Левашова, докладывавшего в марте 1733-го обо всех полученных доходах и произведенных расходах во вверенных ему владениях, они составили несколько большую сумму:

годы	Доходы (в рублях)	Расходы (в рублях)
1723	834	90
1724	37 706	15 764

[246] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1730. № 13. Л. 77–82.

[247] См.: *Ашурбейли С. Б.* Указ. соч. С. 233–239.

[248] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723. № 20. Л. 7 об.–8.

[249] См.: Там же. 1731. № 6. Л. 402 об., 432, 439.

[250] См.: Там же. 1730. № 13. Л. 164.

[251] *См.: Зевакин Е. С.* Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации XVIII в. С. 129.

1725	44 578	6566
1726	100 612	32 552
1727	213 060	157 201
1728	256 302	219 732
1729	304 383	251 872
1730	301 330	192 174
1731	317 236	307 565
1732	135 476	203 919
	Итого: 1 711 523	Итого: 1 383 306[252]

Если прибавить к указанной командующим цифре доходов еще 46 225 рублей, поступивших в 1733 году[252], то получится 1 757 748 рублей. В эту сумму вошли поземельные подати, в том числе «оклад» с бывших шахских деревень («Деревни Тигамрая пять рублев; деревни Кахгир Калая пять рублев; деревни Кияку три рубли; деревни Гулярудбар пятнатцать рублев» – так выглядит этот оклад в приходно-расходной книге за 1727 год, составленной капитанами Соболевым и Кафтыревым в Рештской «провинциальной канцелярии»[253]); налоги «сверх окладу» («махта-эгдас») «поголовная подать» с «Жидовской слободы» Решта, доходы от откупов, караван-сараев, рыбных ловель, торговые пошлины (с продажи шелка, с наемных лавок, с весов при гостином дворе), от «чихирной продажи» дербентского винзавода, от торговли нефтью и солью, всевозможные мелкие сборы («с чюрешных пекарен», «с конской площатки», «с варения бараньих голов», с «продажи терьяку» и «зерновой игры» в караван-сараях), платы «кочевых обывателей» Муганской степи за «скоцкое пазбище».

Взимались они прежде всего с оседлых крестьян и горожан Ширвана и Гиляна, но далеко не в предполагаемых размерах; запущенные недоимки признавались безнадежными, поскольку их «никако собрать невозможно, понеже многие деревни за отдалением и за горами и доныне еще в подданство и в послушание не приходят и партиями оных за далностию к послушанию привести невозможно, а многие деревни от морового поветрия пусты учинилися», как сообщала та же приходно-расходная книга 1727 года[254].

А формально подданные горцы и обитатели приграничных с турками территорий, имеющие «пашни, также скотину и баранов», фискальных обязанностей не исполняли. Майор Гербер особо отмечал в своем описании Дагестана, что после низложения шамхала «надлежало бы доходы на государя сбирать. Токмо еще до дального определения доходы допущено

[252] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1734. № 10. Л. 82–82 об.
[253] РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. № 10. Л. 66.
[254] Там же. Л. 106 об.

брать сыновьям шамхальским и другим владельцам». Другие же жители присоединенных территорий, укрываясь за «непроходными горами», «доходов и податей никому не платят, но и впредь платить не будут и, надеясь на крепкую ситуацию их места, не опасаются, чтоб кто их в подданство привесть и принуждать может».

Только приморские земледельческие области близ Дербента (Мушкур, Низават, Шеспара, Бермяк) давали какие-то доходы казне, хотя и «в малом числе» по причине разорения жителей. Прочие же горские территории, кроме своих владельцев, «не платят податей никому и платить не будут»[255]. Вольные мастера знаменитого селения Кубачи, чьи старшины принесли присягу императрице Екатерине в 1725 году, чувствовали себя настолько свободными, что наладили выпуск турецких и персидских монет и удачно «начали испытовать и российские рублевики; однако ж все сии деньги имеют надлежащий свой вес и серебро, что оных везде берут»[256].

Разделение Ширвана на российскую и турецкую «порции» при наличии драчливых порубежных ханов также препятствовало развитию торговых связей и освоению по замыслу Петра «способного водяного хода от Тифлиса по реке Кура к Каспийскому морю». Не случайно тот же Гербер отмечал разоренные «через мятежников» деревни Мушкура, пустующую пристань в Низабаде (Низовой) и упадок Шемахи, которая стала «тенью прежде бывшего»[257].

Но еще больше удручали правительство непомерные издержки на содержание войск в заморских провинциях. Поначалу, кажется, никто толком не представлял общих цифр, поскольку многочисленные статьи расходов проходили по разным ведомствам и в совокупности никем не учитывались. Военная коллегия еще в октябре 1729 года подсчитала общую сумму затрат на содержание регулярных и нерегулярных войск корпуса с учетом выплаты повышенного жалованья, заготовки провианта, амуниции и мундиров; итог составил 1 005 059 рублей 41 копейку; с добавкой стоимости шести тысяч ведер вина и 41 795 рублей затрат на «артилериских служителей»[258] получалось примерно десять процентов российского бюджета. Однако на практике речь шла о существенно меньших суммах, и, например, та же коллегия в доношении Сенату от 22 ноября 1731 года за подписью В. В. Долгорукова считала необходимым потратить на следующий год 622 717 рублей – с тем расчетом, что остальное будет браться из местных доходов, о которых, впрочем, военное ведомство было «не известно»[259].

---

[255] *Гербер И. Г.* Указ. соч. С. 71, 77, 88, 90, 92, 101, 104, 105.

[256] Там же. С. 76.

[257] Там же. С. 87, 96.

[258] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. № 437. Л. 23 об.

[259] См.: Там же. № 437. Л. 234.

Предпринятые в 1729 году попытки военных подсчитать расходы на Низовой корпус оказались поверхностными и дали никак не соответствовавшую реальным затратам сумму в 1 535 825 рублей, включавшую (и то не полностью) лишь расходы на жалованье и провиант регулярным войскам[260]. Составленная в Военной коллегии в 1731 году ведомость дала уже иную цифру – 4 023 325 рублей, истраченных с 1723 по 1730 год на жалованье, мундиры, амуницию и лошадей (но без учета стоимости провианта). Тогда же и Штатс-контора подала сведения о своих расходах за 1722–1729 годы в размере 2 082 331 рубля, но и эти подсчеты оказались неполными[261].

Оно и неудивительно. Деньги собирались разными учреждениями (подушная подать – Военной коллегией; таможенные и кабацкие поступления – Камер-коллегией; доходы от продажи казенных товаров – Коммерц-коллегией и т. д.). «Окладные» расходы предусматривались из определенных для этого конкретных доходов; последние нередко не соответствовали первым, и тогда приходилось заимствовать средства из других источников, после чего начинались утомительные разборки между учреждениями, в которых найти крайнего было весьма сложно. «... велено вместо отпущенных из рентереи в Конюшенную канцелярию за Военную кантору денег толикое число 12 тысяч 679 рублев 16 копеек отпустить ныне из Военной канторы для отпуску на Низовой корпус в Генерал-крикс-камисариат, для того, что оные денги... велено было отпустить в Конюшенную канцелярию, но тогда за неимением в той канторе серебреной рублевой и полтиной манеты ис той канторы не отпущены. И вместо того толикое число рублевою манетою отпущено из Штатс канторы, которых и по се время из Военной канторы было не возвращено. А из Манетной канторы ныне за Военную кантору тех денег платить не надлежит», – гневался на военных Сенат в марте 1733 года[262].

Порой срочные расходы заставляли сенаторов и Камер-коллегию посылать гонцов в поисках денег, «где сколько во всех калегиях и канцеляриях и канторах есть». Военное начальство не имело представления о тратах, произведенных командующим на месте, а Левашов не ведал о расходах Военной коллегии, Генерал-кригс-комиссариата, Адмиралтейства, Артиллерийской канцелярии и Штатс-конторы. Последняя признала в ноябре 1731 года, что расходов на Низовой корпус не знает; о налоговых сборах провинций это ведомство также сведений не имело и объясняло Сенату, что «в тамошних местах зборов в равное привести никак невозможно, ибо в басурманах частые бывают перемены»[263].

---

[260] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. № 708. Л. 354–360.
[261] См.: Там же. Оп. 8. № 437. Л. 687–688, 699–701 об.
[262] Там же. № 439. Л. 78.
[263] См.: Там же. № 437. Л. 248 об., 252–252 об.

Подсчитать «стоимость» корпуса было тем более трудно, что финансирование пехотных полков, в отличие от драгунских, изначально не было «положено» за счет подушной подати. С 1724 года они содержались из доходов с Украины, но по указу Верховного тайного совета от 12 мая 1727 года эта практика была отменена[264], и средства на содержание частей брались из разных источников; документы Сената указывают среди них деньги Берг- и Мануфактур-коллегий, Монетной конторы, Синодальной камер-конторы, московской полиции, Белгородской, Московской, Воронежской, Нижегородской и Казанской губернских, Пензенской, Орловской, Севской и прочих провинциальных канцелярий, а также подушные сборы и «неположенные в штат» доходы вроде сборов с клеймения «винных кубов», с мельниц, домовых бань, рыбных ловель и т. п.[265]

В 1726 году осторожный А. И. Остерман впервые озвучил экономический аргумент в пользу отказа от завоеванных во время Персидского похода прикаспийских провинций. Вопреки надеждам Петра I на доходы от новых колоний, указал вице-канцлер, «время и искуство показали, что не токмо дальнейшия действа в Персии, но и содержание овладенных тамо уже провинций весьма трудное России становится», а «потребные на то иждивении и убытки весьма превосходят пользу, которую от тех провинций Россия имеет и в долгое время впредь уповать может». Однако, судя по протоколам заседаний Верховного тайного совета, эта тема тогда не стала предметом обсуждения. Очевидные издержки не оспаривались, но, видимо, были сочтены приемлемыми ради утверждения российского влияния в Иране и сдерживания турок.

Через пять лет фельдмаршал В. В. Долгоруков, в свое время энергично наводивший порядок в новых российских владениях, в поданной императрице Анне Иоанновне записке высказался уже намного более резко: «Вошли в персицкие дела – сколко людей потеряли, какую великую сумму, ежели положить в цену артилерию, амуницию, мундир, провиант, кроме многотысяшным щетом людей потеряно без всякой пользы... Например, персицких доходов в год от дву сот до трех сот, а из государства, ежели все изчислить: денги, хлеб, амуницию, мундир, лошадей – всего, например, милиона полтора. Сходственно ли содержать? Кроме людей потерки и разделения армеи и опасности государственной, убыток несносной несем, отчего государство в крайнее разорение приходит»[266].

Впрочем, точной цифры стоимости содержания своего корпуса Долгоруков не знал, но от истины был недалек. Новый президент Военной

[264] См.: ПСЗРИ. Т. 7. № 5073.
[265] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. № 439. Л. 4; Оп. 13. № 708. Л. 354–360.
[266] Там же. Оп. 113. № 215. Л. 105 об.

коллегии фельдмаршал Б. Х. Миних заставил-таки своих подчиненных заново пересчитать расходы по основным статьям (жалованье, амуниция, провиант, транспортировка). В докладе на имя государыни от 19 июня 1732 года он честно признал, что всех расходов за десять лет содержания корпуса из семи кавалерийских и 17 пехотных полков коллегия назвать не может (в частности, не знает размеров жалованья казакам), но предполагал их в размере «около осьми милионов» и предложил в связи с заключенным договором об уступке Гиляна вывести восемь полков[267].

К этим расходам следует приплюсовать и другие, также не учтенные военными. По мнению «от доктуров всего собрания» Медицинской канцелярии, на врачей и лекарства для Низового корпуса к 1731 году было потрачено 90 826 рублей. Строительство морских судов для каспийских перевозок только в 1728–1731 годах обошлось в 87 145 рублей; всего же за 1722–1730 годы было построено 324 корабля разных типов, стоимость которых Сенат точно установить так и не смог; однако Адмиралтейств-коллегия представила ведомость об отпуске для них различного снаряжения на 46 950 рублей. Кроме того, расходы на Астраханское адмиралтейство составили 286 658 рублей[268].

Видимо, названная Минихом сумма все же близка к действительности, однако экспедиционные войска обычно не получали содержание в полном объеме, почему и приходилось использовать собранные в прикаспийских провинциях средства. В итоге, по подсчетам самого Левашова, большая их часть (1 383 306 рублей, а с уточнением еще больше – 1 429 093 рубля, то есть 83 процента) шла на финансирование самих войск и администрации.

Сказочный Восток не только не приносил обещанной прибыли, но постоянно требовал все новых средств. В. Я. Левашов в доношении в Сенат от 24 ноября 1734 года подробно раскрыл статьи «чрезвычайных», но совершенно необходимых расходов «оприч регулярных войск», не предусмотренные бюджетными «окладами». В их числе были жалованье и провиант (мука, крупа, овес) служащим казакам, «грузинцам и армяном»; выплаты местным владетелям и их родственникам; расходы на прием персидских и турецких представителей с непременным «трактованием» и подарками и отправление российских миссий и гонцов; «дачи» шпионам; содержание армянских юзбашей, аманатов, каторжников и сверхкомплектных попов; отдельной статьей шло финансирование бывшего посла Измаил-бека – его заслуги перед империей оценивались в 300 рублей в месяц, то есть 3600 рублей в год. Всего же такие траты составили за год, по подсчетам гене-

[267] См.: ПСЗРИ. Т. 8. № 6097.
[268] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. № 437. Л. 702, 711, 719, 767.

рала, 115 866 рублей, 29 231 четверть муки, 6230 четвертей овса, 1631 четверть крупы, 3610 пудов соли и 376 ведер вина[269]. На следующий год денег у командующего уже не было – вывезенные из оставленного Гиляна средства подходили к концу.

Однако и в этих условиях нашлись энтузиасты, предлагавшие способы существенного поднятия в короткий срок доходности новых провинций. Составленные сразу по оставлении русскими Гиляна в 1732 году «Замечания, клонящиеся к истинной выгоде вашего величества в тех завоеванных персидских провинциях, которые по персидский трактатам остались за его величеством всероссийским» предусматривали целый комплекс таких мер.

Их анонимный автор (возможно, им являлся И. Г. Гербер) отмечал заброшенные около Баку караван-сараи и шафранные сады; «некоторые из бакинских комендантов принимались возделывать один-другой из таких садов, но польза от этого была небольшая, потому что солдаты не знают, как за это взяться, частью же потому, что культура шафрана очень кропотлива». Военные власти не могли взять на себя организацию бизнеса, требующего довольно высокой культуры. Генералы предпочитали вести хозяйство силами «нижних чинов» или отдавали его в аренду на невыгодных условиях, в результате чего часть доходов поступала не в казну, а в карманы начальников военных частей.

Автор считал необходимым «урегулировать таможенные сборы», среди прочих мер «расследовать, кто из командиров, комендантов и офицеров нажил сначала и до сих пор при взимании таможенных сборов больше богатства, и попридержать с них». Он призывал также «не пользоваться без крайней необходимости солдатами в хозяйственных предприятиях» и активно привлекать к делу местных жителей. Те же шафранные сады можно было бы разбить на участки и отдавать для обработки обывателям, сохранив за казной лишь монопольную продажу шафрана.

«Замечания» рекомендовали отказаться от откупов и передать торговлю нефтью и солью «доверенному лицу и контролеру, с правильною ежемесячною отчетностью», а также восстановить их сбыт, напоминая, что морские перевозки «в Гилян и Бухару, на маленьких персидских судах (киржим) были гораздо значительнее, чем в русское время». Местный хлопок и табак можно было бы, по его мнению, с успехом вывозить на российский рынок. Стоило также завести суконные «мануфактуры вашего величества», «исследовать рудники» на предмет драгоценных металлов и, наконец, «оборудовать для пользования тепловые и минеральные источники на Тенги и Сулаке».

[269] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. № 440. Л. 24–34.

Главная же идея автора – сделать Баку центром закавказской торговли; для этого необходимо «отстроить предместья и караван-сараи, вызвать обратно, обещая им прощение, местных жителей, которые остаются по деревням и вообще в разных местах в стране, и привлекать, представляя возможности выгодных льгот, армян и индийцев»[270].

Некоторые из указанных в «Замечаниях» предложений, пожалуй, могли бы быть реализованы, хотя создание новой инфраструктуры, требовавшее огромных затрат, остановилось после смерти Петра I. Но к тому времени Петербург уже взял курс на постепенное возвращение «новозавоеванных» территорий, и проект остался без последствий. Заканчивалось и пребывание на юге и Низового корпуса, однако оставлению провинций предшествовала долгая и упорная дипломатическая игра.

[270] Цит. по: *Полиевктов М. А.* Выход к морю. С. 527–534.

Глава 6
КАВКАЗСКИЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ УЗЕЛ

...с некоторою честию и безопасностию из сих персидских дел выйти.

А. И. Остерман

«Вспоможения войсками учинить не возможно»

Планируя свой поход на Каспий, император считал распад Ирана уже состоявшимся, а потому, по мнению ряда историков, допускал, что шах за помощь в сохранении его власти «добровольно откажется в пользу России от прибрежной полосы Западного Каспия и согласится на образование армяно-грузинского государственного объединения под протекторатом России. Может быть, Петр I намеревался создать таким образом «буфер», который мог бы обеспечить неуязвимость Закавказья и прикаспийских владений России для притязаний Турции[1]. Однако, несмотря на успехи русских, Иран даже в самой тяжелой ситуации сохранил свою государственность и не утратил амбиций. Активное вмешательство Турции еще больше разрушило существовавший в Закавказье баланс сил, и Россия, не решив проблемы Крыма и Азова, втянулась в сложные переплетения закавказской проблемы.

В последние месяцы царствования Петр I как будто отказался от идеи дальнейшего продвижения на Южном Кавказе, но верил, что под угрозой нашествия христиане будут переселяться с занятых турками территорий в «новополученные персицкие провинции». В ноябре 1724 года он повелел Матюшкину «склонять» армян и грузин к выходу, а Левашову поручил отвести им «удобные земли» в Гиляне, отдавать пустующие или конфискованные дома и обеспечить надлежащее «вспоможение и охранение»; подобные же указы были посланы комендантам крепости Святого Креста, Баку и Дербента[2].

---

[1] См.: *Иоаннисян А.* Историческое введение // Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Т. 2. Ч. 1. С. XXX; История внешней политики России. XVIII. С. 53; *Ананян Ж. А.* Указ. соч. С. 64, 67; *Кулагина Л. М., Дунаева Е. В.* Граница России с Ираном (история формирования). М., 1998. С. 17.

[2] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1725. № 3. Л. 3 об.; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 72. Л. 362–

Указы были получены адресатами уже после смерти императора, и об их исполнении Матюшкин докладывал его преемнице без оптимизма: в феврале 1726 года он писал в Петербург, что армяне переселяться в Баку не хотят, «понеже жалование малое»[3]. Неудачными в этом плане оказались и происходившие в 1725 году переговоры с выехавшим в Россию картлийским царем Вахтангом VI. Российские министры заявили картлийскому государю о желании Петра I поселить его со свитой в крепости Святого Креста, чтобы он смог привлечь грузин и армян для укоренения на Сулаке, у Дербента и Баку; эти «колонисты» могли бы составить войско в несколько тысяч человек, способное «действа чинить над неприятели, лезгинцы и дагестаны, и берег по Каспийскому морю в безопасное владение привесть». Вахтангу предлагали стать «над всеми тамошними месты главным владетелем», если бы он «изыскивал способы, каким образом лутчее и способнее перезвать как грузинцов, так и армян, и теми народы сильно укрепитца по берегу Каспийского моря». Когда же «в тех местах... укреплено и утверждено будет, то способ тогда может изобретен быть к доставлению ему (Вахтангу. – *И. К.*) по прежнему Грузии».

Сам же картлийский государь надеялся на скорое освобождение родины с помощью российских войск. Он предлагал построить на Северном Кавказе «близ чеченцов у теплых вод от Терека в двух днях расстоянием» крепость, где они могли сосредоточиться перед походом, и обещал, заняв престол, привлечь на свою сторону Имеретию, Кахетию и горные провинции, а также готовых выступить на его стороне армян. Он не хотел ни оставаться на Северном Кавказе (на Сулаке или в Эндери), ни переселять туда грузин. В ответ бывшему царю было сделано (на турецком языке и с упоминанием его мусульманского имени) заявление о том, что ему «не надлежит его императорскому величеству (Петру I. – *И. К.*) причитать, будто он от него государства своего лишился, но учинилось то от них самих» (Вахтанг с войском во время похода 1722 года бесцельно простоял в Гяндже, а по возвращения в Картли, поссорившись с царем Кахетии Константином, потерял свой престол и «отдался в турецкую протекцию». Явившись же по приглашению Петра в Россию, «не токмо никакого войска с собою не вывез, но и в том отказал, чтобы для такого поселения из его народу какие люди из Грузии вышли, но что они лутче под бусурманами останутся, нежели б для спасения совести своей на время отечество свое оставить»[4].)

---

362 об.; *Эзов Г. А.* Указ. соч. С. 394–397; Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Т. 2. Ч. 2. С. 209–213.

[3] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1726. № 4. Л. 212 об.

[4] См.: *Пайчадзе Г. Г.* Указ. соч. С. 96–101.

Бывшему царю назначили содержание (с 1727 по 1736 год ему выплачивалось ежегодно 26 800 рублей)[5], но помощи не предоставили; однако вскоре его опять призвали к деятельности. На состоявшемся в январе 1726 года «тайном совете» приближенные Екатерины I поначалу считали войну с Турцией неизбежной и были готовы расширять владения на Кавказе, о чем и подали соответствующие письменные «рассуждения». Канцлер Г. И. Головкин и его зять генерал-прокурор П. И. Ягужинский предложили овладеть Шемахой как бы «по прошению армян», отстроить крепость на Куре и послать на Кавказ царя Вахтанга, который соберет из армян и грузин «знатную армию» для действий против турок. П. А. Толстой признал, что война будет стоить дорого, но рассчитывал на помощь сорока или пятидесяти тысяч вооруженных армян под командованием бывшего грузинского царя. Только генерал-адмирал Ф. М. Апраксин настаивал на том, чтобы мир с турками «продолжать».

Эти настроения нашли отражение и в коллективном «мнении» министров (Д. М. Голицына и уже упомянутых Головкина, Толстого, Апраксина, и Ягужинского) – они считали реальной войну с Турцией в следующем году, поэтому было необходимо послать на юг подкрепления, строить крепость на Куре «ради коммуникации с Грузиею и с армяны», отправить царя Вахтанга в Баку и далее к восставшим армянам с «невеликим числом войска» и, в случае нарушения турками договора 1724 года, против них «с армяны иттить по их желанию к Шемахе и оною стараться овладеть». Вахтанг же должен был добиваться союза с шахом и «подать ему надежду, что когда турки от тех мест отдалены и отбиты будут, то из провинций персидских, которые во владении российском, ему возвращены будут»[6]. Похоже, российские правители действительно верили тогда, что под знамена Вахтанга VI соберется сорока- пятидесятитысячная христианская армия, «понеже его там любят».

Однако фактический руководитель внешней политики вице-канцлер Андрей Иванович Остерман подобных сантиментов не разделял. В январских «рассуждениях» он не участвовал, а 18 марта 1726 года на заседании только что образованного Верховного тайного совета в особой записке представил трезвый анализ внешнеполитических конъюнктур. Остерман успокоил присутствовавших насчет неминуемой войны с турками («Порта вдруг войны с Россиею не желает»), хотя и полагал, что и сохранение «дружбы» с ними не очень-то выгодно: требуя помощи в войне с афганцами, Турция тем самым «желает Россию глубже в те персидские дела обязать, дабы между тем с другой стороны от России безопасною остаться».

[5] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. № 1108. Л. 179 об.–180.

[6] Сборник РИО. Т. 55. С. 7–8, 10–12, 14, 15–16, 18–19.

Вице-канцлер ясно обозначил неутешительный итог Персидского похода: «1) Время и искусство показали, что не токмо дальнейшие действа в Персии, но и содержание овладенных тамо уже провинций весьма трудное России становится; 2) Что потребные на то иждивении и убытки весьма превосходят пользу, которую от тех провинций Россия имеет и в долгое время впредь уповать может». Он предлагал «подлинно себя определить, или к содержанию всех по трактату России принадлежащих провинций, или хотя токмо тех, которыми ныне владеем, несмотря на потребные на то иждивении и убытки, или что искать с некоторою честию и безопасностию из сих персидских дел выйти».

Ни о каких совместных с закавказскими христианами военных операциях в этих условиях барон даже не упоминал. По его мнению, Вахтанга VI надлежало отправить не в Баку, а в Гилян («в других местах при нынешних случаях от него такой пользы быть не может») – не воевать, а склонять шаха к признанию договоров 1723–1724 годов. Армяне же и «другие народы», считал Остерман, призваны также способствовать «усилению шаха Тахмасиба против его бунтовщиков» и в будущем «под его владением останутся»; пока же они «могут служить для поселения в приморских местах и берегах». Их тем не менее стоит «утверждать» в верности и «в свою сторону удержать надобно для всякого случая»[7]. К тому времени в Петербург уже прибыл армянский посланец Кевга-челеби с просьбой карабахских меликов об оказании им поддержки. Патриархи и «главные начальники армянские» отмечали, что просили у Петра I военной помощи, а не «перехода их на житье» в российские владения, «и того учинить им не возможно для того, что где они ныне живут, места крепкие и провинции немалые: Генжа, Карабах, Калан, Капан, Сисиян и многия другие уезды обретаются с жителями, которых они собрали и держат в крепких местах, а кругом их со всех сторон неприятели турки и персияне, и естли они, армяне, токмо из своих крепких мест выйдут, то неприятели могут их совсем разорить»[8].

Записку Остермана члены Верховного тайного совета слушали дважды – 18 и 28 марта 1726 года. Возражений у них не нашлось – против всех обозначенных пунктов стоит короткая резолюция: «Быть по сему». Вахтанг VI еще 10 февраля 1726 года представил свой план действий, согласно которому русским войскам следовало занять Шемаху и затем овладеть всем Ширваном; из Кахетии, Картли, Армении и Карабаха потекли бы добровольцы, а русские войска не испытывали бы нужды в лошадях и провианте и могли действовать в любом направлении. Для реализации

[7] Сборник РИО. Т. 55. С. 111–114.

[8] Цит. по: Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Т. 2. Ч. 2. С. 251–252.

своего замысла царь пполагал достаточной посылку одного полка регулярных войск и тысячи казаков и калмыков, к которым присоединились бы грузинские войска для действий против турок[9]. Однако все его предложения остались без ответа.

На крайний случай Вахтанг просил у Совета разрешения отправиться в Баку для «ободрения» армян и грузин, а «оттуду в Шемаху, чем армяном надежда подастся ко утверждению верности и к соединению с российскими войсками»; он считал, что шах «бессилен и доходов и войска зело мало имеет, и для того невозможно на него большой надежды иметь, понеже де хотя б он, шах, на престол над остальною частию Персии произведен был, то турки, которые никогда не обыкли трактатов твердо содерживать, могут его, шаха, яко бессильного разорить, или он, шах, сам, усмотря слабость свою, в турецкую сторону предастся»[10]. Он был готов формально возглавить российские полки, объединенные «с армяны, грузинцы и с другими христианскими народы». Но его просьбы были отвергнуты, и бывший царь отправился в Гилян «шаха Тахмасиба склонить к стране его императорского величества, такожде армян и грузинцов и прочих христиан чрез пересылки в верности утверждать».

Дипломатическая миссия Вахтанга (о ней еще пойдет речь ниже) завершилась безрезультатно. Могла ли быть успешной военная операция, сказать трудно. Во всяком случае, командование Низового корпуса не разделяло надежд министров на объединение закавказских христиан вокруг бывшего царя. «Никоторые народы между собою так в ненависти не пребывают, как армяня с грузинцами», – докладывал Левашов весной 1726 года и выражал опасение, как бы в случае отправления к ним Вахтанга армянские «командиры» и патриарх «не вознегодовали»[11]. Посылая к армянским повстанцам «сагнака»[12] «скорохода» Эскендера Ахназарова с вестью о прибытии русских войск и нового командующего, генерал рискнул не исполнить царский указ – не объявил, как ему было предписано, о посылке на Кавказ Вахтанга, поскольку «армяне с грузинцами антипатию имеют». Тем не менее Левашов полагал, что от полученного известия «армяне великою радостию исполнены быть могут и х куражу возобновятца»[13].

Прибывший на юг В. В. Долгоруков в ноябре 1726 года докладывал в столицу, что действия турок «в слабость приходят», их солдаты бегут из армии «компаниями и в рознь». Командующий страдал из-за вынужденного

[9] См.: *Пайчадзе Г. Г.* Указ соч. С. 112–113.

[10] Сборник РИО. Т. 55. С. 124–126.

[11] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1726. № 4. Л. 374.

[12] Сагнаки (согнаки, сыгнахи) или «армянское собрание», «армянское войско» – горные укрепленные районы в Карабахе.

[13] Там же. № 6. Л. 33 об.–34.

бездействия и писал министрам: армяне успешно бьют султанские войска и просят помощи, а ему «того чинить нельзя для озлобления турок». Если соединиться с ними, то, «с помощию Божиею, мошно б надеетца, што действа наши силныя могли быть». В официальном доношении царице звучала неподдельная обида старого боевого генерала: «Сколько могу армян обнадеживаю, чтоб с терпеливостию ожидали несколко времяни, однако ж видят они, что от нас им никакой ползы и надежды нет; и сколко могут, с великою отвагою против турок мужественно поступают». Покидать же родные края они не желали: «...о том и слышать не хотят, и правда, великой резон есть: первое, покиня купечество свое; другое, такие места избранные и угодные оставя, итти в такие места безплодные, что никакой ползы к пропитанию своему не сыщут»[14]. Об этом же генерал доносил и А. Д. Меншикову[15].

На протяжении 1726 года с письмами о помощи к российским властям обращались патриарх Есаи, карабахский Аван-юзбаши и другие командиры повстанцев; о том же просили армяне соседнего Сюника – их предводитель Мхитар-бек указывал, что турки «со всех четырех сторон наши крепкие места обступили»[16]. В январе 1727-го к российскому командующему в Реште явились армянские юзбаши с очередным прошением, «чтоб для охранения их бедных душ ее императорское величество пожаловала им в помощь войска своего за помощью». Генералу нечего было им ответить: «...просят помощи и обещают быть в вечном подданстве ее императорского величества и при том подали ему доношение, и он их у себя задержал, и едут при нем, понеже их отпустить не с чем, не имея указу обещать им протекцию, а ежели б им отказать, то вовсе их от себя отогнать». Командующий мог только обещать мир с Тахмаспом и возможность «выбить» турок в будущем. Пока же армянам предлагалось «обождать», а прибывшим в русские владения – поселиться в Мушкуре, где Долгоруков сам показал пригодные места[17].

В этих условиях Петр Андреевич Толстой в январе 1727 года предложил «учинить сношение с Ешрефом» и, «соединясь с армяны и грузинцы, турок из Персии выбить»[18], но последняя мера не нашла поддержки в российских верхах. В ситуации, когда потерпевшие поражение от афганцев турки перестали грозить войной, Петербург на разрыв с ними идти не желал. К тому

[14] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 77. Л. 1152–1153.

[15] См.: Там же. Ф. 15. Оп. 1. № 38. Л. 3–6.

[16] См.: Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Т. 2. Ч. 2. С. 275–277, 284, 286–287, 289–290.

[17] См.: Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Т. 2. Ч. 2. С. 293; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1728. № 4. Л. 104–105.

[18] Сборник РИО. Т. 63. С. 67.

же и сами повстанцы не были едины. Патриарх Есаи Хасан-Джалалян и военачальники трех карабахских сагнаков (Хачен, Шош, Дизак) ожидали помощи от России, а патриарх Нерсес, его брат Саркис-юзбаши и Абрам-юзбаши намеревались подчиниться туркам; еще один предводитель, мелик Багыр, заявил о своей преданности шаху. Прибывший в Карабах посланец Петра I Иван Карапет в 1724 году обнаружил, что «в здешних местах христиане Исайя патриарха желают, а Нерсеса не желают того ради, что Нерсес патриарх и его брат Серкес и юзбаши Абрам и Есаи юзбаши турок желают, а коли они время излучат, и ездят в армянския деревни и разоряют».

О раздорах в сагнаках и переходе на сторону турок патриарха Есаи писал в ноябре 1726 года и один из наиболее известных армянских командиров Аван-юзбаши: «Когда сараскер (турецкий военачальник. – *И. К.*) прибыл из Шемахи в Парта, патриарх Есаи со всеми карабахскими меликами и кедхуда отправился в Парта к сараскеру, совместно с ним они стали наступать на крепость Авана-юзбаши и Огана-юзбаши – Шош. <В течение> 8 дней <они> вели бой с помощью пушек и ружей; часть укреплений взяли, <но> дальше продвинуться не могли... Патриарх Есаи, собрав всех меликов Карабаха, а также кедхуда, создал войска, которые, действительно, воюют против нас...»[19]

Сам командующий к маю 1727 года уже не считал нужным призывать армян «в службу вашего величества», поскольку самостоятельно они едва ли «от такова сильного неприятеля могут еще себя содержать». «Да и нам в войске их, – полагал генерал, – никакой нужды нет, и пользы из них не будет: сухим путем никуды, на Астрабад и в другие тому подобные места, не годны, водою и давно не надобны. Например, хотя бы армянского войска было у нас до пяти тысяч: кроме великой и несносной суммы денег помянутым на заплату, не стоят оные одного полку нашего пехотного или драгунского; к тому ж повелеваете ваше величество мне, хотя с терпеливостью с турками надлежит нам себя содержать и обходитца дружески, а коли армян в службу примем, кои по трактату надлежат в порцию Порте, кажетца, не без опасности к нарушению трактата: коли бы турки из наших, кои в нашей порции, в службу свою призывать хотели, не без сумнения б мы были. Не способнее ли армян, сколько можно, другим способом удерживать? По моему слабому мнению, первое обнадеживание им, показывая слабость состояния турецкого, что час от часу турки слабеют и Эшреф силеется, и свою всякую помочь им показывать. Хотя до времяни с турками нет нам причины разрывать, однакож другие способы им представлять, что надеетца мошно в разграничении между Россиею с турками земель, и в те поры к реке Араксу свободно нам будет послать часть своего войска

[19] Цит. по: *Арутюнян П. Т.* Указ. соч. С. 228, 233.

с Куры, где надлежит нам делать крепость, при котором случае армяне, ежели похотят, безопасно могут выйтить во владение вашего величества, куда похотят, что я им уже об этом и представлял, на что оные, кажетца, имеют склонность. Однако ж я по их непостоянным нравам вовсе не верю, а иного способу к продолжению, чем бы армян удержать от подданства турецкого, я не нахожу»[20].

Долгоруков отпустил армянских посланцев Багы-юзбаши и Кевгу-челеби в Москву, а сам получил указание придерживаться прежней тактики: «...армян вам всякими способы укреплять, чтоб они против турок твердо стояли и оным не поддавались, чиня им представления и обнадеживания» – на тот случай, если придется «им с нашей стороны сильно вспомогать и обще с ними действовать»[21]. Неосторожные «укрепления» могли обернуться конфликтом – в 1730 году Неплюеву в Стамбуле пришлось выслушивать «многие выговоры» по поводу обнаружения у пленных армян русских «знамен» и переписки некоего Абрама из свиты Румянцева со священником Киркором Степаничем. Резиденту пришлось все эти неудобные свидетельства объявить поддельными[22].

Случай воевать так и не «пришел», и в начале 1729 года Аван-юзбаши и еще несколько командиров с их людьми (больше 200 человек) выехали в российские владения. А. И. Румянцев их встретил и «приласкал», отправил брата Авана, Тархан-юзбашу, в столицу, но насчет перспектив массового переселения не заблуждался: «Ежели ево, Тархана-юзбаши, прошение будет, чтоб весь народ перевесть из Сагнак в российскую порцию, то мнит он, Румянцов, что статца тому не возможно, понеже подлой народ никто оттуда не пойдут, разве знатные одни переедут; что они сами ему отзывались, что подлой народ домов своих не покинут, ибо им опасности от турок никакой не будет; а ежели все знатные в российскую сторону переедут, то никакого плода от них не надлежит ждать, понеже будут требовать себе великого жалованья, также которые имеютца в порции российской армянские деревни, то ими их удовольствовать будет не возможно: еще станут просить и бусурманских деревень, которых, по ево мнению, отдавать им не возможно».

Знатным командирам назначили неплохое жалованье (150 рублей в месяц), но отдавать им во владение находившиеся под Дербентом армянские селения Румянцев не стал, поскольку «весьма армяня под командою их быть не желают, ибо от них ему, Румянцову, пропозиция о том была, и ежели отданы будут, то все разойдутся»[23]. В августе того же года к Румян-

[20] Цит. по: Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Т. 2. Ч. 2. С. 294–295.

[21] Цит. по: *Эзов Г. А.* Указ. соч. С. 440–441.

[22] См.: *Кочубинский А. А.* Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Из истории восточного вопроса. Война пяти лет (1735–1739). Одесса, 1899. Приложение. С. IX–X.

[23] Цит. по: Там же. С. 441–444.

цеву прибыли 20 человек «из Согнака», которым предложили поселиться у Тарков, в Мушкуре и Шабране[24]. Через год в Баку появились еще 157 выходцев из Карабаха во главе с юзбаши Аврамом, Селаганом, Алаверды, Багыром и Семеном, а также епископом Петросом; последние заявили, что ушли, «опасаясь своего народу, дабы их не предали туркам». Пришедшие не захотели жить на границе в «пустом городке Дедили», а потому им выдали «пропитание» и направили на жительство в армянские деревни[25].

Планы Петра I по заселению «новополученных» провинций русскими и закавказскими христианами так и остались неосуществленными. О каких-либо переселенцах из России известные нам документы не упоминают. Какая-то часть армян и грузин (в том числе освобожденные из плена в горах) оставались жить и служить в российской «порции», но точное число таких поселенцев назвать вряд ли удастся – российское командование такого учета не вело, тем более что не все явившиеся в прикаспийские провинции там же и оставались, а в Дербенте и других местах армянское население было и раньше.

Мы располагаем на сей счет только обрывочными данными. Так, например, бывший комендант крепости Святого Креста бригадир Леонтий Соймонов в своем прошении о «перемене ранга», поданном в 1736 году, говоря о своих заслугах, упомянул и о том, что вывел к крепости «из-за границы басурман и армян жилых и кочевых мужеска полу (кроме женска) тысяча пятьсот тритцать два человека, от которых и плод имелся немалой»[26]. В 1726 году в Дербенте были основаны грузинская церковь и монастырь, а в 1735-м епископ Иоанн сообщал, что он «в приход неимущих и вдовиц имеет при себе на пропитание мужеска и женска со 160 человек, також которые собрались из полону и из гор, а иные из Грузии, верующие во Христа, и таких у него при пустыне имеетца больше 400 человек мужеска и женска полу, которые обещались быть в подданстве ее императорского величества»[27].

Прибывший в Москву в начале 1730 года российский агент в Карабахе Иван Карапет докладывал, что не желавшие терпеть турецкое иго армяне из сагнаков, «видя, что с российской стороны помощи по се время получить по многим обещаниям не могли, многие разошлись кругом оных же мест по лесам и по горам и живут скрытно». Другие же не могли переселиться по экономическим причинам: для заведения на новом и непривычном месте

[24] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1729. № 7. Л. 117 об.

[25] См.: Там же. 1730. № 16. Л. 155–155 об.

[26] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. № 402. Л. 875.

[27] Цит. по: *Пайчадзе Г. Г.* Указ. соч. С. 95–96. Отсутствие источников не позволило и другим исследователям прояснить вопрос о количестве армянских и грузинских переселенцев (см.: *Гарунова Н. Н.* Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. С. 130–135).

жилья и хозяйства «немалое иждивение потребно»[28]. Те же, кто прибыл в российские владения, и руководство Низового корпуса были не очень довольны друг другом. Многие армянские выходцы считали новое место жительства временным. «Селитца они, армяня, в завоеванных в Персии российских провинциях ни в которых местах не желают и не могут, а желают возвратитца паки в Сагнаки, с помощными его императорского величества войски», – заявил в Коллегии иностранных дел Тархан-юзбаши в октябре 1729 года. Прибывшие в 1728 году группой армяне из Польши также не пожелали остаться в русских владениях, и Верховный тайный совет дал разрешение отправить их в Карабах[29].

Другие же командиры настойчиво просили русских войск в помощь против турок, ожидали себе «деревень» и достойного жалованья, которого, по мнению Румянцева, не заслуживали: «...токмо для единого христианства, как в указе резоны показаны, а чтоб от них пользы надеятца, то одним словом... видя их состояние, впредь надежды не имеет»[30]. Аван и Тархан-юзбаши в 1731 году жили в Баку. Левашов сообщал, что уменьшать жалованье Авана с 1200 до 1000 рублей нецелесообразно, поскольку «произойдут канфузии и зависти, и многие дакуки будут, или в противной интерес развратятца»; желающим же отъехать обратно в сагнаки он российских паспортов не дает, чтобы не беспокоить турок, и предлагает отправляться «своевольно»[31].

Оставшийся командующим корпуса Левашов высоко ценил своих армянских агентов – разведчиков и информаторов, как и действия армянского и грузинского «шквадронов» на русской службе, но опытных и обходительных армянских купцов не жаловал. В памятной записке, оставленной в 1733 году своему преемнику в должности, генерал писал, что коммерсанты «подходы чинить умеют», но заботятся прежде всего о собственной выгоде, а не об увеличении казенных доходов: не платят положенных пошлин и провозят чужие товары. Не слишком высокого мнения он был и об обретавшихся на российской территории армянских «командирах», на которых тратилось немалое денежное и хлебное жалованье без всякой пользы; к тому же они требовали передачи им «бусурманских деревень», чего сделать было нельзя по причине возможного возмущения населения[32].

Деятельность царя Вахтанга Левашов считал неудачной, хотя и признавал его «человеком совести доброй и к нам верным»[33]. Но, на свою беду, царь оказался лишним в сложной дипломатической игре. Все просьбы

[28] Цит. по: *Эзов Г. А.* Указ. соч. С. 447–448.

[29] См.: Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Т. 2. Ч. 2. С. 304; Сборник РИО. Т. 84. С. 233.

[30] Цит. по: Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Т. 2. Ч. 2. С. 318–319.

[31] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. № 7. Л. 5 об.

[32] См.: Там же. 1733. № 5. Л. 47–50 об.; 1723. № 20. Л. 18–19 об.

[33] Там же. 1727. № 8. Л. 30 об., 42 об.

его и армянских делегаций о военной помощи были безрезультатны. Дважды (в мае и августе 1730 года) заседавшие «тайные советы» новой императрицы Анны Иоанновны вынесли однозначное решение: «Ныне им армяном с российской стороны вспоможение войсками учинить не возможно, понеже чрез то нарушен будет имеющейся у России с Портою мир». Закавказским христианам, уже прибывшим в российскую «порцию», обещалось жалованье, а оставшимся предлагалось «по-прежнему против нападений от турков твердо себя содержать»; в утешение Тархан и Аванюзбаши получили от императрицы по собольей шубе[34]. К тому времени правительство уже приняло принципиальное решение об оставлении занятых в 1722–1723 годах территорий.

В поисках союзника

Ставя в 1726 году задачу «выхода» из «персидских дел», вице-канцлер Остерман понимал, что «вдруг оные дела бросить и оставить невозможно»: и вывозить целую армию не на чем, и оставленные прикаспийские земли будут немедленно заняты турками, что лишит Россию какого-либо влияния в Иране. А потому, писал он, «потребно будет в том поступать градусами и исподоволь, смотря по конъюнктурам, сие намерение в действо и совершенство привесть». Однако передать обременительные завоевания можно было только Ирану – в случае, если в нем появится «какой основательный владетель».

Единственным претендентом на эту роль представлялся легитимный представитель династии Сефевидов Тахмасп, «ибо с Ешрефом коммуникации не имеется и он от турков уже неприятелем объявлен». Наследник был настолько же упрям, насколько слаб и ненадежен; но, по мнению Остермана, «главнейшее дело как для России самой, так и для обхождения российского с турками, ныне в том состоит, чтоб какими ни есть образы и способы шаха к принятию того с турками заключенного трактата склонить», в чем и должна была состоять «комиссия» грузинского «принца», то есть Вахтанга VI.

Предложения вице-канцлера были приняты, и 31 марта императрица утвердила мнение Совета о том, как «по малу из тех персидских дел выйти». Но еще раньше, 5 ноября 1725 года, собравшиеся министры, утвердили инструкцию Семену Аврамову. «Ориентальных дел секретарю» предписывалось вновь ехать к Тахмаспу и уговаривать его ратифицировать договор 1723 года. Молодому принцу опять надо было объяснять: император Петр I вступил в иранские владения только для того, чтобы они «в руки тех бунтовщиков не впали»; договор же с турками был заключен для «препятствования всеконечного опровержения персицкого государства»,

[34] См.: *Эзов Г. А.* Указ. соч. С. 449–450.

поскольку султан признал Тахмаспа законным правителем, а наличие договора не допускает дальнейших турецких «прогрессов». Если шах утвердит Петербургский договор, Россия готова выступить посредником на переговорах с Турцией и предоставить военную помощь против «бунтовщиков». Если же он имеет неблагоразумие отказаться, то надлежит ему напомнить, что соседняя империя может подумать и «об уставлении другого правительства в Персии». Аврамову были вручены грамота к шаху (с «дружеским требованием» признать договоры 1723–724 годов) и задержанное за два года жалованье в размере 577 рублей 15 копеек[35].

Остававшийся за начальника в Гиляне В. Я. Левашов был предупрежден о необходимости срочной отправки к шаху Аврамова и сопровождавшего его грузинского князя Амилахора из свиты Вахтанга VI. На месте ситуация была более тревожной, чем виделась из Петербурга: турки не намерены были прекращать свои «прогрессы». К тому же среди завоевателей-афганцев вспыхнул конфликт: в результате заговора в апреле 1725 года Махмуд был убит своим двоюродным братом Эшрефом. Турки продолжили наступление на западе Ирана: после неудачной осады Тебриза в феврале 1725 года они все же взяли город в июле, в декабре пал Ардебиль, а в начале следующего года турецкие отряды появились в российской «порции» – Астаринской провинции, где были поначалу «по однозаконству приятно приняты»[36].

Матюшкин просил подкреплений, а остававшийся на месте с несколькими ослабленными от болезней полками Левашов был вынужден вступить в контакт с турецким командующим Абдуллой-пашой Кепрюлю; турок надо было остановить, но не доводить дело до войны, несмотря на явное нарушение ими договора 1724 года. Официальная же дипломатия запаздывала: посланные в Петербург извещения вызвали демарши Неплюева при султанском дворе только в сентябре 1726 года, а весной и летом резидент решал другие важные задачи – искал на берегах Босфора по заказу императрицы Екатерины I «балсаму белека белого», лучшее розовое масло, каракатицу, «зженого кофе» и толкового турка-«кафеджия». Последнее поручение приводило дипломата в отчаяние – где было найти такого специалиста кофейных дел, который согласился бы отправиться в Россию[37]? Он же отослал в Петербург турецкое предложение о совместном выступлении против Эшрефа с последующим разделом Ирана между союзниками[38].

Абдулла-паша сообщил в письме российскому коллеге, что его войска заняли Ардебиль на законных основаниях: сам Тахмасп якобы обещал его отдать, но «в своем слове не устоял». Но на русские владения, обещал

[35] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1725. № 16. Л. 19–24 об., 36 об.
[36] См.: Там же. 1726. № 4. Л. 167–168.
[37] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 78. Л. 1163 об., 1165.
[38] См.: Там же. Ф. 15. Оп. 1. № 37. Ч. 3. Л. 217–217 об.

командующий, турецкая «рука не простреться», а если кто из турок туда по неведению и заходил, то ему, паше, об этом ничего не известно. Русского генерала Абдулла-паша просил не принимать персидских ханов и султанов, которые «в ваших сторонах засели», и разрешить свободный проезд купцам. Левашов ответил на письмо учтиво, но не забыл упомянуть, что «подле моря Каспийского прилученные вечно ко империи Российской провинции ее императорского величества войсками без мало не все заступлены и крепостьми умножены»[39].

Конфликт был исчерпан, тем более что в Астаре против турок выступили местные жители. Но ситуация оставалась опасной. Начавшееся было разграничение русских и турецких владений было прервано из-за крепости Денге, которая, как писал Румянцев, «досталась в нашу сторону», но вопрос не был решен окончательно по причине противодействия Сурхай-хана. Прибывший в октябре через турецкие владения гонец от Неплюева подьячий Федор Синюков рассказал Левашову, что турецкая ставка в Тебризе информирована о слабости российских войск в Гиляне. В распоряжении Абдуллы-паши находилось 12 тысяч янычар и семь тысяч конницы спаги[40], которых он готов был вести к морю, и султан одобрил намерение своего командующего. Эти сведения Синюков получил от принявшего ислам «немчина»-офицера турецкого войска в Тебризе[41]. Официально же стороны оставались союзниками, и Левашов принимал присланного из Тебриза турецкого офицера Али-агу по восточному обычаю – с фруктами, «конфектами», кофе и кальяном (этот прием обошелся ему в 479 рублей тех самых, не предусмотренных никакими «окладами», расходов[42]).

Переменчивые турецкие «конъектуры» были связаны с общим раскладом сил в Европе. Российская дипломатическая служба искала оптимального союзника в условиях существования в европейской политике сложившихся в 1724–1725 годах двух лагерей (Ганноверский союз Англии, Франции и Пруссии против Венского союза Австрии и Испании). Для России главной задачей будущего союза являлось получение международных гарантий сохранения ее владений в Прибалтике и содействие российской политике по отношению к Польше и Турции, в то время как Османская империя была главным стратегическим партнером Франции в борьбе с другой великой европейской державой – империей Габсбургов. Переговоры с Австрией и Францией велись российскими дипломатами параллельно: в

[39] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1726. № 4. Л. 190 об., 194; № 6. Л. 17, 21–21 об., 23.

[40] Сипахи (спахи, спахии, спаги, от *перс.* воин, солдат) – в Османской империи воины кавалерийских отрядов, входивших в XV–XVIII веках в состав регулярного войска, состоявшего на жалованье у турецкого правительства.

[41] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1726. № 6. Л. 102 об.–103 об.

[42] См.: Там же. № 4. Л. 271 об., 275 об.

1725 году Б. И. Куракин старался в Париже договориться о союзе с Францией, а русский посол в Вене Л. Ланчинский беседовал с австрийскими министрами, при этом глава французской дипломатии граф Морвиль об этом знал. В свою очередь, австрийская сторона, по сведениям Ланчинского, вела свои переговоры с Англией и Францией, не ставя в известность Россию[43]. В итоге французы отказались не только предоставлять помощь против Турции и «эквивалентное» возмещение голштинскому герцогу за потерянный Шлезвиг, но даже гарантировать признание присоединения Украины; в то же время они настаивали на российской гарантии соблюдения договоров Франции с другими европейскими странами[44].

В такой ситуации для России единственно возможным партнером в европейском «концерте» оставалась империя Габсбургов; противоречия между российскими министрами, о которых нередко сообщали дипломаты, ничего не могли изменить. Французский посол Жан Кампредон в ноябре 1725 года докладывал: именно австрийцы «одни только могут помочь ей (России. – *И. К.*) и в самом деле выполнить то, что с другой стороны обещается». Его коллега в Стамбуле как мог пугал турок русско-австрийским сближением (Неплюев был информирован о действиях французского дипломата и просил выделять на подкуп его переводчика тысячу левков в год[45]). Однако в Петербурге выбор был сделан: в сентябре того же года русский посол в Вене Людвик Ланчинский получил полномочия на заключение договора, а разгоревшийся было дипломатический конфликт (в марте 1725 года венский двор отказался принять грамоту с императорским титулом Екатерины I, и официальная грамота о ее вступлении на престол с полным титулом так и осталась в делах посольства) был потушен принятием австрийской стороной «частного» письма от «вашего цесарского величества доброй сестры Екатерины»[46].

Итогом стало заключение в августе 1726 года русско-австрийского союзного договора, определявшего взаимные гарантии европейских границ, условия совместных действий против Турции и сохранение статус-кво государственного строя Речи Посполитой. В отечественной литературе целесообразность сделанного выбора не раз подвергалась сомнению, ведь он не смог сдержать турецкое наступление в Иране и вовлек Россию в участие

---

[43] См.: АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1725. № 5. Ч. 2. Л. 403 об.–404; Оп. 32/1. 1725. № 5. Л. 20 об. К сожалению, эта проблема не нашла отражения в последних работах по истории внешней политики России (см.: *Черкасов П. П.* Двуглавый орел и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII в. 1700–1775. М., 1995. С. 23–24; История внешней политики России. XVIII век. С. 62–66.

[44] См.: АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1725. № 5. Ч. 2. Л. 402–406 (реляция Б. И. Куракина от 29 октября 1725 года).

[45] См.: РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. № 37. Ч. 3. Л. 226 об.

[46] См.: АВПРИ. Ф. 32. Оп. 32/1. 1725. № 5. Л. 70 об., 75, 79; № 10. Л. 24, 93, 131.

в европейских конфликтах на стороне своего нового союзника[47]. Союз на самом деле был небезупречен, но политика, как известно, есть искусство возможного. Однако применительно к ситуации в Закавказье «дружба» с Австрией дивидендов России не принесла: расчет на «воздержание» турок от активных действий в Иране не оправдался.

Теперь надо было найти более или менее надежного союзника на Востоке, тем более что удача отвернулась от турок. Возвратившиеся шпионы в сентябре–ноябре 1726 года докладывали Левашову о выступлении Эшрефа из Исфахана с четырьмя тысячами персидской и армянской пехоты и десятью тысячами афганской конницы и о «битых» и раненых турецких воинах, стекавшихся в Тебриз (в тяжелых боях под Хамаданом турки терпели поражения)[48].

Тем не менее российские министры уже стремились не к осложнениям отношений на Кавказе с турками, а к достижению формального соглашения с шахом. Вместе с новым командующим В. В. Долгоруковым в Гилян уговаривать упрямого Тахмаспа прибыл бывший царь Вахтанг. Данная ему инструкция предусматривала прямой укор в адрес шаха: Петр I ради сохранения Иранского государства заключил в 1723 году договор, по которому к России отошли прикаспийские провинции, необходимые для коммуникации с Грузией и другими христианскими народами, а признанный Россией иранский монарх отказался от его ратификации, с «руганием» отослал от себя русского резидента и «везде неприятельски поступал» против русских войск. В таких условиях император не мог помочь Тахмаспу. Турки же, пользуясь случаем, приступили к новым завоеваниям и намеревались овладеть Ираном. Но и тогда царь Петр не согласился на турецкие предложения о разделе Ирана. Поскольку Тахмасп враждовал с Россией, царь вынужден был заключить договор с султаном для «содержания персидского государства» и позаботился о Тахмаспе, включив в трактат условие о возвращении его общими силами на шахский престол при условии признания им русско-турецкого договора.

Вахтанг, как и Аврамов, должен был разъяснить Тахмаспу, что принять унизительный трактат в его же интересах: «1) чтоб тем де турков от дальнейших прогрессов удержать; 2) И он бы, шах, время получил склонных к себе народов собрать, Ешрефа опровергнуть, и тако по малу к возвращению прочего себе путь предуготовить». «Оному принцу» (царю Вахтангу) разрешалось в виде «пряника» ««шаху надежду учинить против заплаты некоторой суммы денег или иным образом (и безденежно) к

[47] Оценки договора см.: *Герье В. И.* Борьба за польский престол в 1733 г. М., 1862. С. 46; *Маркова О. П.* Указ. соч. С. 42–43.

[48] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 77. Л. 1160, 1162–1162 об.

некоторому уступлению из наших провинций, или смотря по случаям и действительно нечто, например, сперва Мезандрон, Астрабат уступить. Гилянь шаху уступить, а, не описываясь, войск не отводить, а суды б тамо иметь в готовности»[49]. В случае же отказа шаха принять предложения России надлежало объявить, что Екатерина признает его противником и совместно с Турцией, согласно договору 1724 года, утвердит в Иране другого государя. Кроме того, царю предстояла еще одна нелегкая задача: «...содержать как християн, армян, грузинцев и прочих доброжелательных народов, так и самих персиян на нашей стороне, обнадеживая их нашею помощию».

21 апреля 1726 года императрица подписала грамоту Вахтангу VI, а также инструкцию и «секретные пункты» В. В. Долгорукову. Документы, адресованные командующему, в отличие от тех, что были выданы грузинскому «принцу», ставили перед Долгоруковым ясную цель: «...помалу искать из персицких дел выйти... на таком основании... ежели какое надежное правительство в Персии восстановлено быть может, чтоб турки не могли при Каспийском море и в соседстве от Российской империи в тех странах утвердиться». Вопрос об освобождении христианских народов Закавказья в них не поднимался; можно было только (если бы при заключении договора с Тахмаспом территория Армении признавалась подвластной Турции) предусмотреть пункт о переселении армян в Мазандеран, Астрабад и Гилян, и то при согласии турок.

Принимать советы картлийского царя командующему следовало, «когда оной... во всем с интересами ея императорского величества сходно поступать станет, а ежели б он иногда что учинить предвосприять похотел, еже б с теми интересами не сходно было, то надлежит ему... генералу оного пристойным образом от того удержать, и для того на все его, царя, поступки искусно смотреть и приличными представлениями его к тому привесть, дабы он один без совету и согласия с ним, генералом, ничего не учинил и не предвоспринял»; но обращаться с ним «со всякою учтивостию и повелеть отдавать ему везде пристойное почтение, дабы он причин к какому озлоблению не имел»[50].

Пока Долгоруков, путешествуя верхом «калмыцким манером», наводил порядок и принимал в подданство «ханов и салтанов», подал о себе весть и шах Тахмасп. Сначала объявился его посланец – Хулеф Мирза Мухаммед Кафи, который прибыл в Решт в марте 1726 года и потребовал отпустить к шахскому двору бывшего посла Измаил-бека. Последний возвращаться «к целованию стоп» повелителя категорически не желал («...ибо живу

[49] Сборник РИО. Т. 55. С. 111–113.

[50] Цит. по: *Пайчадзе Г. Г.* Указ. соч. С. 120–121.

быть мне не можно») и в беседе с генералом Левашовым настаивал: пусть сначала шах ратифицирует привезенный им договор – «тогда умереть уже не отрекуся»[51].

Беседы ни к чему не привели. Матюшкин «усмотрел из вышереченных от корчи баши писем, також и из шаховых указов, пишут пустые отповеди»: «Хотя оные уже сами себя видят в конечном падении, но непреодолимая их гордость и состояние ни до какого порядку не допущает. И присылка и приезд помянутого Мирза Кафия токмо чтоб как возможно выманить посла Исмаил бека и живота лишить и данные ему в посольство указы и протчие письма обобрать и от всего отперетца». Левашов же не только сообщил Макарову, но и осмелился довести до Коллегии иностранных дел свои опасения: хотя бунта и нет, но «развраты и суеверные обнадеживании приближением своим карчи баши чинит»[52].

Указ императрицы разрешал уступить шаху не занятые русскими войсками Мазандеран и Астрабад. Однако освоившийся на Востоке Левашов призывал Матюшкина (указывать более высокому начальству он еще не смел), несмотря на инструкции из Петербурга, на переговорах ни в коем случае не вести разговор об уступке каких-либо территорий «от Дербеня до Астрабада». По мнению Левашова, здешний народ «к бунтам развратен и склонен, и неискоренимая всегда ребелия быть может под таким разглашениям, что ныне по желанию их исполнилось»; то есть генерал не верил в лояльность новых подданных и полагал, что уступки вызовут еще большие требования.

Мирза Кафи уехал ни с чем в сопровождении Семена Аврамова. В июле шахский корчибаши Мухаммед Реза прислал на имя «верховного визиря» Г. И. Головкина письмо, содержавшее не только упреки в учиненном «разорении гилянским и протчим провинциям», но и обещания прислать посла. Однако в ноябре с участием царя Вахтанга начались переговоры с тем же Мирзой Кафи, явившимся от имени корчибаши. Посланец заявил, что Тахмаспу не были известны условия договора, заключенного Исмаил-беком в 1723 году, так как посол к нему не возвратился. Левашов – в который раз – внушал, что Россия начала военные действия из-за смут в Иране, выступила против общих врагов, а если бы каспийское побережье не было занято русскими войсками, им овладели бы турки, так как шах не мог им воспрепятствовать; поэтому «пристойнее оным провинциям быть в приятельских руках, от которого всегда можно пользы ожидать». Он же терпеливо напоминал о письмах Головкина к рештскому везиру и миссии резидента Мещерского (тот вручил шахским министрам всю информацию

[51] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1726. № 4. Л. 332–332 об., 390 об.–391 об.

[52] См.: *Пайчадзе Г. Г.* Указ соч. С. 124–125; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 78. Л. 334.

о договоре, но был неподобающим образом отослан). Предусмотрительный генерал выдал три рубля 58 копеек подпрапорщику Рештского полка Сергею Телешову и его сослуживцу, фурьеру Юрию Михайлову: служивым надлежало «с посланниковыми людьми иметь обхождение, с ними пить для выведывания всяких ведомостей».

Затем Вахтанг встретился и с самим вельможей. Корчибаши согласился с доводами Вахтанга, обещал оказать влияние на шаха и воспрепятствовать проведению конференции с турками, подготавливаемой при дворе Тахмаспа, но «требовал «в случае нужды протекции» для себя. По мнению царя, «он, корчи баша, ко древней ко мне отца своего дружбе зело показал себя склонна и дал... клятвенное обещание, чтоб как возможно о показанном стараться».

В итоге посланник и переводчик, «казанской слободцкой татарин Абдул Шигаев», отбыли с грамотами к пребывавшему где-то «за Астрабадом» шаху. Туда же отправились и представители Вахтанга с письмами, в которых шаху давался совет прибыть в Гилян для заключения договора или прислать своего посла. После этого связь с Тахмаспом прервалась – на российские «дружеские требования» ответа не последовало. 23 декабря 1726 года Долгоруков доложил А. В. Макарову, что шах со своими сторонниками («всего три тысячи с мужиками») обретается в провинции Мазандеран, а его войско под командой двадцатилетнего корчибаши было вновь разгромлено афганцами[53].

Вахтанг надеялся на успех переговоров, тем более что в полученном им от шаха письме говорилось о желании заключить союз с Россией и отмечалась его роль: «...тому назад года два или три не имели такого верного человека, который бы мог между нами обоими государи дружбу и союз утвердить, ныне же о прибытии вашего высочества... нам донесено». В марте 1727 года в деревне Куч-Испогань недалеко от Решта состоялись встречи Левашова с бывшим корчибаши, а ныне спасаларом (главнокомандующим) Мухаммедом Резой; картлийский царь принимал в них участие в качестве «медиатора» (посредника). Левашов просил утвердить Петербургский договор 1723 года, а спасалар отвечал, что во владении шаха «земель и мест не оставалось» и ратификация возможна лишь после того, как Тахмасп получит помощь в борьбе с Эшрефом, освободит от афганцев территорию Ирана и утвердится на престоле.

После долгих переговоров Мухаммед Реза согласился на присоединение Россией прикаспийских провинций с условием возвращения Мазандерана, Астрабада и Лагиджана в Гиляне. Однако до подписания соглашения дело не дошло. Левашов стал затягивать время, упрекал персидского

[53] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 77. Л. 1153, 1192–1192 об.

военачальника в подстрекательстве гилянцев к борьбе против России, и в результате переговоры были прерваны. В апреле 1727 года Вахтанг известил обо всем Г. И. Головкина и П. А. Толстого, обвинив Левашова в срыве переговоров; тот же ссылался на изменение обстановки и новые указания русского правительства.

Подробно рассмотревший этот вопрос Г. Г. Пайчадзе объяснил неудачный исход переговоров «натянутыми отношениями» Вахтанга VI и Левашова, который «был противником каких-либо территориальных уступок Тахмаспу», «проявлял излишнюю подозрительность» и «с недоверием относился к деятельности Вахтанга VI и вообще грузин»[54]. Похоже, что так оно и было: Верховный тайный совет поначалу вообще не собирался предоставлять Вахтангу полномочий на переговорах, поскольку он «первее всего пожелает получить себе Грузию»[55]. Инструкция Долгорукову не предусматривала защиту интересов грузинского государя (который в беседах с шахскими дипломатами ставил вопрос об освобождении Грузии от турок и возвращении ему картлийского престола) и санкционировала только те действия Вахтанга, которые совпадали с «интересами ея императорского величества». Левашов вскрывал почту Вахтанга, а Семен Аврамов подозревал людей царя в сокрытии от него информации.

Но этот же исследователь указал и на более существенные причины дипломатической неудачи – изменение политического курса российского правительства. Потерпевшие поражение турки начали переговоры с Эшрефом, и перспектива турецко-афганского альянса казалась в Москве реальной угрозой, противовесом которой не мог служить союз с бессильным шахом. Еще в январе 1727 года П. А. Толстой предложил «учинить сношение с Ешрефом». 20 февраля Верховный тайный совет известил Долгорукова, что в Европе может начаться война «против цесаря и Гишпании, против нас или всех вдруг», и поручил ему «персицкую войну как наискорее возможно к надежному и безопасному окончанию привесть». Для этого следовало не допустить «примирения» и союза турок с Эшрефом и предложить последнему начать переговоры. В этих условиях дальнейшие отношения с безвластным шахом Тахмаспом казались излишними, и генералу давалось право в случае необходимости прервать их: «...что до Тахмаспа принадлежит, то мало по слабому его состоянию о том уважать надлежит».

2 июня Верховный тайный совет, рассмотрев письма Вахтанга VI, остался при прежнем мнении – не счел целесообразным поддерживать Тахмаспа. В случае, если бы шах стал требовать помощи в борьбе с Эшрефом, следовало заявить, что «...потребно также прежде с турками снестися

[54] См.: *Пайчадзе Г. Г.* Указ соч. С. 128–131.
[55] Сборник РИО. Т. 55. С. 108.

и оных к тому привесть, дабы они трактат, имеющий с Россиею, с ним, шахом, также утвердили, чтоб таким образом вспоможение ему, шаху, как с российской, так и с турецкой стороны обще и в одно время сильно и в лутчей пользе его, шаха, учинено быть могло»[56].

9 августа 1727 года министры постановили: 1) «склонить» Эшрефа к миру и не допустить его возможного примирения с турками; 2) ввести войска «в даль Персии» для давления на афганского вождя и «обнадежить» в очередной раз армян Карабаха, поскольку «вскоре случай придет нам им сильно вспомогать и обще с ними действовать»[57]. При этом начинать войну с Турцией Россия не собиралась, и «верховники» еще в феврале 1727 года разъяснили Долгорукову: «...хотя мы с цесарем союз заключили и цесарь нам против всех и, следовательно, и против турок помогать обязался, однакож только в таком случае, когда турки первые нападатели на нас, а не мы на турков будем, и потому ежели мы, согласясь с армянами в Персии против турок какое предвосприятие учиним и оттого между нами и Портою до явного разрыву дойдет, то цесарь нам вспомогать не должен»[58].

Лишним на политической сцене оказался не только шах, но и сам царь Вахтанг. Неплюев в июле 1727 года сообщил, что турки просили убрать картлийского правителя из приграничных территорий[59]. Уже 16 августа Совет решил отозвать его из Гиляна в Астрахань – формально по причине «морового поветрия»[60]. Его попытка установления самостоятельных отношений с султаном как формальным союзником России была вежливо отклонена в Москве. Вахтангу сначала предложили действовать только через Неплюева, а затем министры сочли его миссию в Иране законченной и указали ехать в Астрахань. Отправившегося морем из Астрабада в Астару царя изрядно испугала непогода. «Корма у судна стала худа, а от великого штурма водяной вал чрез судно лило; к тому ж и дожжик, и от того провиант пропал, а которой шхербот с нами поехал, и от того штурму занесло неведомо куды», – описал Вахтанг свое морское путешествие в письме командующему[61]. Но на этом его злоключения не закончились: бывшего царя сначала задержали в карантине, а потом оставили на жительстве в Царицыне. Когда же в 1730 году Вахтангу наконец разрешили прибыть ко двору, то здесь его ждал отказ и в получении военной помощи, и в разрешении вернуться в Грузию[62].

---

[56] Цит. по: *Пайчадзе Г. Г.* Указ соч. С. 136–138.
[57] Сборник РИО. Т. 69. С. 227–228.
[58] Цит. по: *Пайчадзе Г. Г.* Указ соч. С. 137.
[59] См.: Сборник РИО. Т. 69. С. 97.
[60] См.: Там же. С. 240.
[61] АВПРИ. Ф. 77. Оп.77/1. 1727. № 13. Л. 25–25 об.
[62] См.: *Пайчадзе Г. Г.* Указ соч. С. 156–158.

Пока корабль неудачливого грузинского царя трепал шторм, Левашов успел установить связь с наместником Эшрефа в Казвине Сайдал-ханом. Генерал поддержал план мира с афганцами, которых считал меньшим злом, чем «мнимых приятелей» – турок. Возможным союзникам он демонстрировал (на всякий случай «без заглавия и без окончания») попавшие в его руки турецкие письма с жалобами на «слабость» и призывами о помощи, но предупреждал начальство: «Турки у авганцов с великим аппетитом миру ищут». Сам же Левашов воевать с ними не стремился и напоминал в своих рапортах о «нездоровом воздухе», слабости своих войск и о том обстоятельстве, что в случае похода придется брать с местного населения провиант и подводы, отчего иранские обыватели «всеконечно оскорбительно озлобятца»[63].

Очевидно, на министров повлияли известия о больших потерях Низового корпуса в 1727 году на Куре и в других местах. Указ от 16 августа 1727 года предписывал командующему добиться признания Эшрефом присоединения к России прикаспийских провинций в обмен на Мазандеран и Астрабад; в случае, если бы афганский шах успел вступить в союз с Турцией, ему «для большей склонности» следовало обещать уступку Гиляна и других территорий, вплоть до устья Куры[64]. 19 октября Совет постановил уступить не только Гилян, но и Ширван с Баку – вплоть до Дербента[65], о чем в корпус был послан соответствующий указ. Отголоском мнений министров можно считать «рассуждение» на заседании Совета 17 ноября юного императора Петра II о том, что «в Гиляни никакой прибыли нет, лишь превеликой убыток в людях и казне от той войны»[66].

Но это распоряжение запоздало – турецко-афганский мир был уже заключен. Хамаданский договор был подписан 15 октября 1727 года «на авантажных кондициях» для Порты: Эшреф признавал султана Ахмеда III халифом всех мусульман-суннитов, в том числе и афганцев, а тот, в свою очередь, признавал Эшрефа законным шахом Ирана. Власть турок распространялась на Тебриз, Ардебиль, Ереван, Хамадан, Керманшах, Султания, а также земли между Багдадом и Басрой; с учетом доставшихся Турции по договору 1724 года провинций к ней отходила значительная часть территории Ирана. К находившемуся в Реште Левашову в ноябре прибыл посол афганского наместника Казвина. «Како павлин надувшийся», он объявил о победах своего повелителя Эшрефа, недавно разгромившего турок под Хамаданом, и о мире с Портой. На ехидный вопрос, как же

[63] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1727. № 13. Л. 36–38; № 14. Л. 7–10, 39.
[64] См.: *Пайчадзе Г.Г.* Указ соч. С. 140.
[65] См.: Сборник РИО. Т. 69. С. 530.
[66] Там же. С. 773.

афганский вождь согласился попасть в «вечное подданство» к султану вместо сохранения «высокой шаховой славы», посланец, не владевший тонкостями восточного этикета, «противу турок по натуралной ненависти и ко авганцам по горячести… в великое бешенство вступил», и переговоры приобрели не вполне дипломатический характер. Тем не менее Левашов сумел выяснить условия заключенного мира[67], послав в Казвин поручика Мякишева, который за деньги сумел добыть копию договора[68]. Тогда же он узнал о смерти в заточении бывшего шаха Султан-Хусейна, который был, «сказывают, отравлен».

Сам факт турецко-афганского договора был огорчителен, но не являлся безусловным проигрышем России. Демонстрируя поддержку Эшрефу, турки вели сложную игру: стремились направить афганцев против русских владений, но в то же время склоняли на свою сторону Тахмаспа, к которому был направлен Сулейман-эфенди, «дабы его состояние высмотреть и... помянутого шаха Дагмасиба в тесную дружбу с его императорским величеством не допустить» и использовать против афганцев и русских – своих партнеров по договорам. Поначалу так оно и вышло (Неплюев не случайно предупреждал, что «у Эшрефа по заключении мира с турками гордости прибыло»), но в декабре русские успешно разгромили панцирную афганскую конницу Сайдал-хана. Однако служить орудием в руках турок ни Эшреф, ни Тахмасп не собирались.

Долгоруков также был удручен потерями, договор с афганцами считал полезным, но категорически не соглашался с уступкой территорий без боя и без выгоды. В доношении от 25 января 1728 года командующий сообщил, что считает невозможной сдачу Баку как «крепкого города» и лучшей гавани на Каспии, и назвал подобное решение «весьма вредительным и бедственным». Владея Баку, объяснял министрам Долгоруков, мы всегда можем держать под контролем побережье Гиляна, а приморская полоса Дагестана и сам Дербент значения не имеют и дохода не приносят: «…кроме одной славы, никакой пользы от них нет»[69]. В будущем же он видел необходимость договориться с Тахмаспом, «для того, что ево, Тахмасиба, все здешния народы – кызылбаше, персияне, армяне и грузинцы – все сердечно любят, которых в те поры можно к своей партии присовокупить».

Демарш командующего, очевидно, был в столице услышан, и его инструкция Левашову при отъезде требовала ни в коем случае не уступать Баку, не рвать отношений с Тахмаспом и внимательно следить за турецкими действиями. В апреле 1728 года Левашов докладывал императору о прибы-

[67] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1727. № 14. Л. 44–44 об., 48 об.
[68] См.: Там же. 1728. № 4. Л. 24.
[69] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1728. № 4. Л. 6–7 об.

тии от Сайдал-хана посланника, юзбаши Ахмед-бека, который потребовал уступки Астрабада и Мазандерана, где русских войск никогда не было. Генерал счел предложение умеренным и уже сам предложил начальству вывести вверенные ему войска из гиблого Гиляна в Астару и возложить управление в Реште на избранных «из здешних народов с присягою и с аманатами управителей»[70].

О том же, но более подробно генерал написал в Коллегию иностранных дел – рассказывал о переговорах с афганскими представителями, убеждал начальство: «Содержание поморских оставших провинцей неудобь сносное дело, а особливо Гилянь, гроб людской», – и опять предлагал вывести оттуда войска в Астару, «понеже там воздух здоровой». Он не осмелился выступить против предписанного ему очередным указом (от 30 марта 1728 года) заключения мира с Эшрефом, но считал, что войска завоевателей находятся «в слабости», и дал сбывшийся вскоре прогноз: «...уповаю и во авганцах не весьма замедленному быть падению, а Тахмасибу притом усилитца признаваю». Такой вывод был не случаен: начав войну, афганцы и турки оставили в покое шаха Тахмаспа, а захвативший исфаханский престол Эшреф рассорился с владевшим Кандагаром братом убитого им Махмуда Хусейном и тем самым лишил себя подкреплений из Афганистана.

Левашов считал ситуацию выгодной для России, поскольку она давала надежду официально передать шаху Гилян и таким образом «назазорным и непоносительным образом от оных провинцей избавитца»[71]. Упорный генерал еще раз повторил свои аргументы в доношениях, отправленных 25 мая в Верховный тайный совет и Коллегию иностранных дел. Он доложил о подготовке договора, но вновь высказал свое «слабое мнение» о ненадежности мира: «Авганская сторона ныне слаба и Персиею всею ненавидима»; Эшреф и его люди не только не имеют «кредита» у населения, но и не поддерживаются турками. Заключая мир «по указу», Левашов уже по свой инициативе старался установить отношения с Тахмаспом, для чего приютил в Реште каким-то образом освободившегося из афганского плена бывшего эхтима-девлета Мирзу Абдул Керима, а после отправил его к шаху[72].

Апрельские письма Левашова были получены в Москве только в июне. К тому времени генерал выполнил данное ему указание – сочинил «трактат» с афганцами и отправил его текст на утверждение в Казвин и Исфахан с капитаном Белавиным и своим переводчиком Муртазой Тевкелевым; его люди заодно должны были разведать, много ли сил у Эшрефа и находится

[70] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1728. № 4. Л. 57 об.–58.
[71] Там же. № 8. Л. 1–5.
[72] См.: Там же. Л. 15–20 об.

ли у него «в послушании» Кандагар[73]. Параллельно Левашов продолжал «пересылки» с шахом и так любезно «трактовал» его посланцев, что «пристойными способами» изъял у них письма людей из окружения Тахмаспа туркам. В Москве его позицию одобрили и указали, что «за уступление какой провинции тамошней отдаленной не стоим, хотя б оное учинилось Эшрефу или Тахмасибу, только б оные достались такому владетелю, который совершенно может оные содержать, чтоб туркам каким случаем в руки не пришли».

Министры оценили службу своего генерала и положились на его «благоразсуждение»: в августе 1728 года Левашов получил орден Александра Невского и полномочия на ратификацию договора. С последним, однако, пришлось подождать: со «степнозверским авганским варварским непостоянством» советники Эшрефа стали исправлять статьи договора «по своим надобностям» и требовали себе Гилян, который уступать было никак нельзя – Левашов был уверен, что афганцы его «потеряют»[74]. Тот же Гилян – или хотя бы его часть – Лагиджан – просили отдать и прибывшие в Решт послы Тахмаспа. В доставленном ими велеречивом письме шах сообщал, что прочие отошедшие по договору 1723 года владения «вашими признаваем», но взамен требовал немедленной помощи для освобождения Исфахана. Левашов выслушал послов, узнал о новых поражениях войск Тахмаспа от афганцев – и решил, что шах еще не «созрел» для подписания соглашения: «Оную сторону ко истинному союзу не блиску вижу»[75].

В ноябре 1728 года русские посланцы вернулись в Решт с афганскими представителями Мирзой Исмаилом и Умар-салтаном. После недолгих переговоров «в Гиляни над войски российскими главный командир и при море Каспийском в Даримарсе над провинциями верховный правитель благородный и превосходительный господин генерал-лейтенант и ордена Святого Александра кавалер Василий Левашов с стороны многосчастливого Испаганью и землями обладателя и прочая, и прочая, и прочая, высоковерный и высокопочтенный наместник над войски сапасалар Мугамет Сайдал-хан и беглербеги и почтеннейшие благородные Мустеф Фиель Хаси Мирза Мухамет Измаил, да Омар-султан, да Хаджи-Ибрагим, между высокими дворами и государствами, землями, подданными, купно предвосприняв к полезному делу истинный, безопасный, постоянный и вечно пребывающий дружеский трактат учинили».

Эшреф признал российскими прикаспийские провинции, за исключением Мазандерана и Астрабада, которые Россия «к Персии оставлять

[73] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1728. № 4. Л. 118.
[74] См.: Там же. № 8. Л. 107.
[75] См.: Там же. Л. 139, 178–185 об.

соизволит, но под таковым крепким обязательным договором, дабы оные провинции ни в какие другие державы ни под каким образом отданы бы не были». Третья статья договора подробно фиксировала границу в Гиляне, шестая и седьмая определяли порядок решения пограничных конфликтов и взаимную выдачу беглых, а восьмая предусматривала свободу «коммерции» в Иране для купцов обоих государств: «жительство, свободной торг и переезд», в том числе и транзит[76]. «Размен» трактатами состоялся 13 февраля 1729 года, и Левашов немедленно «заступил» войсками отходившую к России Кутумскую «провинцию» и оставил гарнизон в Кутуме. Договор оказался полезным – но недолговечным.

Приключения при шахском дворе

Предсказания Левашова оказались верными: уже через несколько месяцев он сообщал в Москву, что афганцы «ослабевать начинают». Войска шаха Тахмаспа освободили Тегеран и захватили Казвин, афганский гарнизон которого был заперт в цитадели; главным же героем этих побед генерал назвал шахского полководца Тахмасп Кули-хана[77], вскоре ставшего владыкой Ирана[78].

В то время владения Тахмаспа ограничивались провинцией Мазандеран, да и здесь его власть не была устойчивой. При кочевавшем из города в город дворе за влияние на капризного и слабовольного «принца» боролись представители различных группировок. Сначала удача улыбнулась правителю Астрабада Фетх Али-хану Каджару. В выборе способов снискать расположение Тахмаспа он был не слишком щепетилен – в мае 1726 года просто разгромил войска шаха, так что тот вынужден был просить помощи у кочевников-«туркменцов»; тогда Фетх Али-хан явился с повинной, отговорил шаха от борьбы – и в награду за видимую покорность получил реальную власть. «Аудиенцию имел мая 29 дня, – сообщил Аврамов в пись-

[76] См.: Договоры России с Востоком политические и торговые. М., 2005. С. 194–199.

[77] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1729. № 7. Л. 113–115.

[78] Будущий шах Надир происходил из туркменского племени афшар в Северной Персии. Его предки вместе с представителями других туркменских племен (каджаров, румлу, шамлу) когда-то составляли основу армии сефевидских шахов и, поселившись в иранских провинциях, сохраняли кочевой образ жизни. Надир Кули родился в ноябре 1688 года в бедной семье, занимавшейся выделкой овчин, в детстве был угнан в рабство узбеками Хорезма, но бежал из неволи и вернулся в родной Хорасан, где несколько лет служил местному вождю Баба Али-беку Ахмадлу. Отважный и энергичный воин быстро выдвинулся и стал его зятем, командиром собственного отряда и начальником крепости Абиверд. После смерти своего благодетеля в годы охватившей Иран смуты он подался на службу к мешхедскому Мелик-Махмуду, затем изменил ему и стал лихим «полевым командиром», подчинявшим своей власти города Хорасана. Позднее он говорил, что в то время ему было откровение освободить страну от власти иноземцев, но до этого было еще далеко.

ме от 1 июня 1726 года из Астрабада, – шаха видел как пленника, грамоты из рук у меня вырвали и положили подле шаха, говорить мне много не допустили». Астрабадский губернатор был назначен правителем государства: «Июля 3 дня (1726 года. – *И. К.*) шах волею или неволею пожаловал Фатали-хана в векили[79*] и дал ему во всем полную мочь и власть»[80].

Новый векиль вместе с шахом и находившимся при нем Аврамове двинулся покорять соседний Хорасан, где воевали друг с другом владетель Туна Мелик-Махмуд и Надир. Последний был разбит Мелик-Махмудом, бежал и в конце концов примкнул со своим пятитысячным отрядом к Мухаммед-хану, назначенному губернатором Хорасана. Довольный шах ему «ранг переменил» и назвал Тахмасп Кули-ханом – «рабом Тахмаспа». Объединив силы, Фетх Али-хан и Надир выступили против Мелик-Махмуда, владевшего Мешхедом, и осенью того же года осадили город. Надир быстро разобрался в том, кто являлся его главным соперником, и перед шахом уличил его в переписке с Мелик-Махмудом. «...приказал ево шах Тахмас Кулы-хану взять под караул; потом фаворитов ево взял под караул и пожитки отписали... того ж числа в вечеру Фатали хану голову отрубили», – поведал об этом перевороте Семен Аврамов.

Вскоре с помощью измены Надир овладел священным городом шиитов Мешхедом и казнил Мелик-Махмуда. В качестве шахского военачальника-корчибаши он успешно подавлял восстания курдов и туркмен, подчинил Астрабад и Мазандеран.

В это же время постоянно находившийся при шахе Аврамов пытался убедить его в необходимости подписать договор с Россией и находиться с ней в дружбе. Однако последний представитель славной династии, исполненный сознания собственного величия, на деле являлся игрушкой в руках окружавших его вельмож и больше всего интересовался не самыми достойными его положения развлечениями. Аврамов поведал, как во время осады Мешхеда «потребовал шах у грузинца князя Усейн Кули-бека чихирю, который сказал, что чихирю не имеетца. Шах приказал сыскать, и помянутой князь сказал: имеетца де чихирь у российского посланника, да не дает. И за то шах, осердяся, послал, чтобы мою голову принести. Потом сам с грузинцами пришел и велел россиян всех рубить и грабить, которых гренадеров саблями порубили. Потом прибежал куллар-агасы, шаху в ноги, и доносил: что ваше величество изволите делать? Шах ему говорить не

[79] В е к и л ь (*араб.*) – уполномоченный, поверенный, заместитель.

[80] Цит. по: *Миклухо-Маклай Н. Д.* «Записки» С. Аврамова об Иране как исторический источник // Ученые записки Ленинградского университета. Л., 1952. Вып. 128. С. 91–92. О возвышении Надира см. также: *Lockhart L.* Nadir shah. A critical study based mainly upon contemporary sources. L., 1938. P. 16–26.

велел, – знаю де, что хочешь говорить, я де пришел посла к себе звать; и потом меня вытащили из палатки босова и в одной рубашке».

«В гостях» испуганный резидент пал «шаху в ноги и просил милосердия»: «Шах сказал: бойся де ты меня. Я говорил: как вашего величества не боятца? Когда де боишся, для чего чихирю не прислал? И как пришли к палатам, осмотрясь шах, что весь в грязи, понеже идучи дорогою в канал упал, и сказал: весь де я от тебя вымарался; и приказал другое платье принести. Потом сказал мне, вели де и ты себе другое платье прислати (а думал, что и <я> вымарался) и чихирю». На пиру подобревший государь «приказал музыкантам играть на балалайке и сам в ладоши бил и других заставлял», а «разговоры шах имел все блудные и про грех содомской», потом стал сетовать на свою горькую участь: «...от тебя де да от Измаилбека мое государство пропало, от чего я пришол в великой ужас». Аврамов попытался было привести политические аргументы, но такая беседа была Тахмаспу не под силу: «Шах говорил, полно де о деле говорить... станем веселитца, приказал играть музыкам и сам чихирь подносил и закуску, резал яблоки да подавал; а как бутылка с чихирем опросталась, спросил шах меня, есть ли де еще чихир; я сказал, что есть; послать велел налить еще; бутыль была больше четверти. Еще спросил, много ли де бутылок чихирю у тебя имеется?»

Избежав царственного гнева, резидент приобрел доверие шаха – в том смысле, что стал производителем «разных водок» и поставщиком двора по части горячительных напитков: «Приходили ко мне от шаха за водкою, с которыми отослана бутыль», «Отпущены к шаху вотки три бутылки» – такие записи часто встречаются в его «журнале». Задержка очередной «посылки» была чревата политическими осложнениями: однажды декабрьской полночью 1728 года «приходил ко мне рекинторбаши, с которым было человек с дватцать, и сам был пьян, которого на двор ко мне не пустили, и помянутый рекинтор говорил с криком: шахово де величество гневаетца, приказал де прислать водки, от чего я пришол в великой страх: не так же бы учинил, как под Машатью (Мешхедом. – *И.К.*) – за чихирь велел голову отсечь»[81].

Именно по этой важной причине посланника долгое время не отпускали, о чем он узнал от одного из придворных: «...был у меня мигмандар-баши, которому я говорил, зачем меня еще держат? Мигмандар-баши говорил, слышал де, что шах водки еще требует, и как де еще водки изготовит, потом де отпущу». Реальная же власть постепенно переходила в руки Тахмасп Кули-хана, а он считал какие-либо уступки русским излишними. В январе 1727 года грузинский князь, состоявший в свите шаха Тахмаспа, рассказал

[81] Цит. по: *Миклухо-Маклай Н. Д.* Указ. соч. С. 96–97.

Аврамову: «...вчерашнего де числа ночью у шаха был консилиум о вашем деле, на что де Тахмас Кулы-хан сказал: хто де таковы русские, и прикажи де мне, я де пошед всех их вырублю».

Пока шах развлекался («..всегда де пьян, и никто не смеет ни о чем доложить», – жаловался Аврамову шахский михмандарбаши), осмелевший Надир рассылал от его имени указы, брал знатных придворных «за караул», ссылал и конфисковывал их имущество, заменял лиц «шаховой стороны» на своих людей. В октябре 1727 года шах устроил настоящий бунт против незваного опекуна, но тот быстро отреагировал: «...пришед с войском и немалою артиллерию, шахово войско разбил и самово шаха в полон взял, и шах ночью тайным образом, взявши рукомойник якобы для управления, убежал пеш с милю, и Тахмас де Кулы-хан вскоре хватился, пеш за шахом погнался один, и как шаха нагнал, шах с великой печали едва сам себя ножом не убил, ежели бы не отнял. Потом де Тахмас Кулы-хан, взявши шаха, посадя на самую худую клячу, под крепким караулом послал в Машать, оставя при шахе двух малых хлопцов, а протчих... всех из Хорасанской губернии выгнал».

Летом 1728 года, отправляясь в поход на Герат, Надир на просьбу Аврамова отпустить его ответил: «Я де тебе всю правду скажу, зачем ты задержан... идем де мы на пятьдесят тысяч авганцов абдалинцов и, ежели учинимся победителями, тогда тебя как проповедника и всему делу самовидца отпустим, а по прибытии скажи нашим братьям русским, чтоб садилися в суда и отъезжали, а ежели мы побеждены будем, то ведай, что персидскому государству кончина, и тогда ты о себе сам помышляй, о чем де при тебе же брату моему приказываю, чтоб тебя не держать... Потом, опомятуяся и спохватяся, говорил, воистинну де русские нам приятели и за что де ссоритца, а Гилянь лет с триста была за нашими государями, а ныне несколько лет пускай будет за русскими»[82].

Только в январе 1729 года Аврамов получил наконец отпуск и отправился с иранским послом в Россию. От имени шаха он доставил Левашову «аки солнце сияющий халат», «платье монаршеское» и письмо с высокой оценкой своей высокополезной деятельности «при стреме нашего высокощастия»[83]. Пока шел обмен любезностями, Тахмасп Кули-хан совершил второй поход на Герат, посадил там шахского наместника, после чего двинулся на Исфахан. По пути он выиграл два тяжелых сражения с Эшрефом у реки Михмандуст, а затем разгромил афганцев недалеко от столицы. Шахские войска вступили в город, оставленный побежденными без боя. Эшреф продолжал сопротивляться, но, потерпев окончательное поражение

[82] Цит. по: *Миклухо-Маклай Н. Д.* Указ. соч. С. 101.

[83] См.: Письма и указы государей... Василью Яковлевичу Левашову. С. 98–100.

под Ширазом, бежал в Белуджистан, где в начале следующего года был убит одним из местных вождей.

В январе 1730 года русский агент, «султанеец Касым вали», рассказал в канцелярии Левашова о «троумфальном» въезде шаха в Исфахан. Вернувшийся из Тебриза другой проверенный шпион, Алмомет Акбердиев, доложил о «конфузии» турок и о зверствах янычар, «оклеветая жителей тевризских» в измене; в турецких владениях носились «эха» то о скором прибытии султанского войска из Багдада, то о появлении иранского посла с предложением мира[84].

Посланные с грамотой к шаху российские толмачи передавали из Исфахана, что Тахмасп Кули-хан выдвинулся на первое место, а шаха «яко невольника за арестом содерживает». Долгожданный монарх же, «между бабами сидя, ими токмо забавляетца, ни на что не смотрит, и никто ево не почитает, и ни в чем воли не имеет, а действует всеми делами тахмаскулиханов векиль». Их же, толмачей, находящихся на российской службе, называли «шпионами» и «собаками»[85]. Эти сообщения подтверждали и другие побывавшие в столице агенты. Сафар Аллакулиев доложил, что шах «злобится» на своего полководца, а его воины «озлобляют» исфаханцев; горожане протестуют и «перед двором шаховым кричат, но никто на них не смотрит». Гулмухамет-хаджи узнал, что у шаха была отнята печать[86]. Прибывший с последними вестями в Решт Угурлы Аллахвердеев сообщил о новом поражении Эшрефа в сражении 20 февраля; генерал передал новость в Москву, но указал, что на этот раз «самовидцов нет» (к тому времени российское командование уже привыкло получать известия из рук своих агентов, находившихся непосредственно в войсках враждующих сторон)[87].

Скоро и от победителя прибыл к русским властям его тюфенгчи-агасы Ахмет-хан, по характеристике Левашова, данной в докладе от 15 февраля в Коллегию иностранных дел, «человек посредственной, а у шаха в милости и Бахуса любит». Посланец объявил о том, что «проклятая нация авганская», наконец, разбита, а потому русским пора вернуть Ирану отторгнутые провинции[88].

Полученные известия все больше убеждали Левашова в том, что в Иране «многие конъюктуры переменилися»: в 1730 году турецкие войска были вынуждены оставить Хамадан, Ардаган, Керманшах и Тебриз. Наблюдательный генерал отметил изменение настроений в подвластных

[84] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1730. № 13. Л. 3, 10–10 об.
[85] См.: Там же. Л. 17, 146.
[86] См.: Там же. Л. 16–25.
[87] См.: Там же. Л. 43–43 об., 45.
[88] См.: Там же. Л. 51 об.

ему областях и с явным неудовольствием писал в Москву в мае 1730 года: «Изо всех ведомостей персицкое состояние негодное и народ суеверной и величавой, и неблагодарной». Местные обыватели так и не привыкли считать себя подданными Российской империи. О том же докладывал в феврале и Румянцев из Дербента; он опасался, что в случае дальнейших успехов персов и взятия Тебриза местных владельцев в подданстве «удержать весьма трудно»; пока же они отдают ему полученные от «шпионов шаховых» письма, а он надеется на торжественное приведение их к присяге новой императрице с одновременной раздачей денег, «ибо их горские народы более всех любят». Так же действовал и Левашов, устроивший в Реште празднование «с палбой и элюминацией» и фейерверком «на лугу» перед российскими казармами[89].

Для установления контакта с новой политической силой в лице влиятельного Тахмасп Кули-хана к шахскому двору в Казвин были отправлены подполковник Иван Юрлов и неизменный Семен Аврамов. Они везли от имени Левашова письмо к его новому «высокопочтеннейшему другу» с сообщением о смерти Петра II и восшествии на престол Анны Иоанновны. Дальнейшие события описал сам Аврамов в посольском «журнале».

Представители российского командования перевалили Эльбурс ранней весной «великими горами и ущельями». В Казвине они долго ожидали шаха и тоже отметили изменения в настроениях иранцев: солдаты местного гарнизона недипломатично заявляли им прямо на рынке, что скоро пойдут в Гилян «российское войско все вырубить и в море побрасать». Официальные власти приказали им ехать в лагерь Тахмасп Кули-хана лишь втроем и едва не выслали силой. Но стороны все же сумели договориться, и посольство из 15 человек «не без малова страху» прибыло в лагерь Надира под Хамаданом и 5 июля были приняты полководцем в его шатре.

Оказанный прием не сулил ничего доброго – идущих по лагерю послов «без всякого почтения» и попросту «нечестно» задирали солдаты. Сам же Надир начал беседу «велми зверообразно и сурово, яко фараон», с вопроса: «Ежели вы друзья, почему вы Гилян не отдаете?» Ответ с изложением истории российско-иранских отношений с 1722 года его не интересовал; раз его войска уже взяли Исфахан, необходимо все занятое русскими вернуть. Возражения послов (в том смысле, что никто не обещал возвратить провинции по взятии Исфахана) окончательно разгневали победителя. «Я во всем имею полную мочь и власть в персицком государстве», – величался Надир и обещал, что 20 тысяч его «панцирных» воинов устроят русским побоище: «Кровью вашей реки пропущу!»

[89] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1730. № 13. Л. 145, 189; № 16. Л. 8 об.–9.

После чего Надир разошелся и «перешел на личности»: про Левашова сказал, что повелит «рященским мужикам живова к себе привести»; Аврамова обозвал обманывающим персидских министров «цыганом» и проявил вызывающее непочтение к всероссийской императрице: «Хто де ваш государь? Жена! Что ее боятца?» Окончательно распалившись, он пообещал взять Астрахань и даже Москву. На восклицания русских, возмущенных оскорблением «чести коронованной особы», Надир ответил совсем уж издевательски: «А боитесь де жены государя своего?», – затем повелел послам убираться, а не «отговариваться», и аудиенция была прекращена[90]. К шаху прибывших не допустили.

На следующий день полководец отбыл на фронт, а послов без всяких переговоров отправили обратно. Хорошо еще, что врученная им грамота от имени Тахмасп Кули-хана оказалась неожиданно любезной – ее вместо оскорбительного письма подсунули грозному корчибаши вельможи, более знакомые с дипломатическим протоколом, и неграмотный Надир припечатал послание.

Юрлов и Аврамов вернулись в Решт без всякого ответа, но вслед за ними прибыл посланец Тахмасп Кули-хана Мирза Мухаммед Али. На приеме у Левашова он от имени своего господина вновь потребовал вернуть прикаспийские земли, на что генерал твердо ответил: «Провинции от России к Персии возвращены не будут, к чему шахово величество надежды не имел бы». На угрозы войной он напомнил, что Россия может и турок «в общение принять». Далее уже в другом тоне командующий пояснил: столь важные проблемы «краткими терминами не делаютца», а являются предметом переговоров «уполномоченных особ»; после чего намекнул о цене вопроса в «несколких миллионах».

Стороны договорились продолжить переговоры. Командующий продемонстрировал стойкость, но понимал, что надежного тыла у него нет. Как доносил Левашов в Коллегию иностранных дел в августе 1730 года, относительно местных шиитов он был уверен, что они «против шаха верны при нас не будут»; на «сунинцев» же, хотя и против первых «великую ненависть имеют», «надеятца сумнительно»[91]. Румянцеву он писал еще более откровенно, искренне удивляясь патриотизму иранцев, верных своему негодному шаху: «...хотя нынешний без всякой государственной пользы человек и хотя от непорятков вся Персия обтехчена, а все до самова разорения терпят и от любви не отступают»[92].

[90] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1730. № 14. Л. 36–48.
[91] Там же. Л. 82.
[92] Там же. Л. 75–75 об.

В Москве же в обсуждении «персидских дел» была взята долгая пауза в связи с сопровождавшими воцарение Анны Иоанновны обстоятельствами – попыткой ограничения власти императрицы «кондициями» с последующим возвращением ей «самодержавства» и роспуском Верховного тайного совета. Однако, утвердившись на троне, царица проявила интерес к проблеме (полученные из Решта доношения имеют помету о «слушании» их Анной в 1730 году), а сохранивший свой пост и монаршее доверие вице-канцлер Остерман не изменил свою прежнюю позицию.

В начале 1730 года в Москве появился шахский посол Мирза Ибрагим с предложениями: если Россия поможет очистить территорию Ирана от турецких оккупантов, то шах уступит ей как уже занятые русскими войсками области, так и обещанные по заключенному в 1723 году с Петром I договору. В противном же случае все прикаспийские области подлежат возвращению Ирану.

Коллегия иностранных дел представила императрице «рассуждение» о том, что «война персидская ее императорскому величеству очень убыточна становится, а содержание завоеванных персидских провинций очень трудно, и едва ли когда могут быть получены от них выгоды, каких сначала ожидали; с другой стороны, турки не желают расширения и утверждения русского владычества в Персии точно так, как и усиление турок там противно русским интересам, и Россия никаким образом не может допустить их до Каспийского моря». На этом основании в свое время Долгорукову и Левашову были даны указы о заключении мира с уступкой территорий, если они усмотрят, что в Персии утвердится «такой владетель, который в силах поддержать себя». Теперь же на турок полагаться нельзя, а тем более допустить их примирение с шахом в ущерб империи. А потому следует стараться заключить договор с Тахмаспом и употреблять все способы для отклонения его от союза с Портой. Если шах не согласится на договор без уступок, то они могут быть обещаны; но действительно делать их опасно до тех пор, пока шах не утвердится на престоле и не окончит свои дела с турками, ибо они могут овладеть уступленными областями. Следовательно, надо поторопить Левашова, чтобы он старался как можно скорее заключить договор с шахом.

Императрица одобрила этот план. Указ Левашову от 7 июня 1730 года констатировал, что победы Тахмаспа стали свидетельством объединения вокруг него «персицкого народа», и разрешал командующему заключить с ним договор «по силе прежних форм», тут же предусматривая

возможность уступки прикаспийских провинций. Более того, Левашов был извещен о том, что прибывший в Москву посол шаха сам предложил навсегда отдать русским Гилян и прочие владения за помощь в войне с турками, но получил отказ. В итоге генералу предписывалось на переговорах сначала «стоять» на прежних позициях, а затем можно отдать шаху сначала Мазандеран и Астрабад, затем Гилян и, наконец, прочие земли «до Куры реки, а не далее» – при единственном условии: Иран никому, в том числе туркам, не должен их уступать. Оставшиеся провинции также могли стать предметом торга, и генерал имел право пообещать «еще нечто уступить»[93].

В декабре к Левашову дошла грамота Анны Иоанновны от 7 октября 1730 года на имя шаха. Она содержала поздравления «доброго нашего соседа» с победами над «бунтовщиками» и турками и извещала об искреннем желании «к востановлению Персидского государства и ко утверждению всегдашней между Нами древней дружбы», ради чего и был отправлен указ «к вышеупомянутому нашему генералу Левашову, дабы он как Гилянь, так Астару и прочие провинции, по самую реку Куру, во владение вашего величества не токмо уступил, но и действительно отдал, и тамо обретающиеся наши российские войска вывел, и шел бы к Куре и тамо с войском остановился, и то до времени и до тех мест, пока турки из вашего величества владения войски вашими выгнаны будут». О том же речь шла и в другой грамоте, от имени канцлера Г. И. Головкина, адресованной «верховному министру и поверенному векилю» Тахмасп Кули-хану[94].

Эти документы ни в коем случае не должны были попасть «в турецкие руки», и Левашову разрешалось не спешить с их отправкой, а о содержании известить адресатов «на словах», что он и сделал. Поступившие новости о вызывающе неприличном приеме Тахмасп Кули-ханом российских представителей вызвали тревогу. Новые указы повелевали Левашову в случае вторжения защищать Гилян; в крайнем случае отступить до Куры и далее, но оборонять Баку. 5 ноября императрица указала «все провинции отдать» (и не на словах, а «действительно учинить») за «волности в торговле» и при обещании персов не творить «отмщения» бывшим подданным за службу русским. Если же шах такого обещания не даст, то и тогда заключение договора нельзя «останавливать», а построенные крепости следует «разорить»[95]. Анна собралась было заменить Левашова генералом Вейсбахом, однако передумала и произвела Василия Яковлевича в генерал-аншефы и «главные командиры» Низового корпуса, но направила к нему «вторым

[93] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1730. № 12. Л. 5–17 об.

[94] См.: Письма и указы государей: … Василью Яковлевичу Левашову. С. 50–55.

[95] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1730. № 12. Л. 192 об., 203 об.–204 об.

полномочным министром» старого и полуопального петровского дипломата П. П. Шафирова с теми же инструкциями.

Пока Шафиров неспешно собирался (от Коллегии иностранных дел он требовал обеспечить его лучшими собольими и горностаевыми мехами, ибо в Персии иных, как уверял барон, «не употребляют»), Левашов принял и с честью отпустил прибывшего из России посла Мирзу Ибрагима и требовал в добавку к шести с половиной тысячам своих солдат и офицеров (из которых 1463 были больны) еще 10 806 человек. Муртаза Тевкелев так и не сумел получить аудиенцию у шаха, и генерал всерьез опасался, что Тахмасп Кули-хан может выполнить свои угрозы – вторгнуться в Гилян. Только поздней осенью он смог вздохнуть с облегчением. В доношении от 22 ноября Левашов доложил, что «страх миновал»: отступавшие на зимние квартиры иранские войска прошли мимо и двинулись на Астрабад; со слов своих шпионов генерал передавал, что «оной зверь» Надир якобы «убит параличем и руки лишился»[96]. 6 декабря командующий известил, что решил царские грамоты к шаху с объявлением об отдаче земель до Куры пока не отсылать, «чтоб прежде времени не подать робостново образа»[97].

Целью сознававшего слабость российских позиций Левашова было поддержание дипломатическими средствами «баланса» между Османской империей и восстанавливавшим силы Ираном. Но как раз в 1730–1731 годах к военным поражениям турок добавилась серия восстаний в Стамбуле после известий о поражениях турецких войск и сдаче Тебриза. Восставшие во главе с матросом Халилом по прозвищу Патрона в сентябре 1730 года вынудили власти казнить великого везира Ибрагима-пашу, низложили султана Ахмеда III и добились отмены ранее введенных налогов и пошлин. Раскол в среде повстанцев позволил новому султану Махмуду I (1730–1754) убить Халила, но в начале 1731 года Стамбул потрясло новое восстание городских низов, к которому примкнула часть янычар.

Командующему пришлось даже приходить на помощь «мнимым друзьям»: сдавший город гарнизон Ардебиля во главе с Али-пашой нашел убежище на российской территории в Астаре, куда его впустил генерал Фаминцын[98]. 1730 год прошел в бесплодных переговорах с прибывшим в Решт эхтима-девлетом Мирзой Рехимом. Вновь с иранской стороны звучали требования о возвращении провинций, а генерал в очередной раз приводил прежние аргументы: договоры 1723–1724 годов заключены в интересах самого Ирана; о возврате территорий «обещания не имелось»,

[96] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1730. № 14. Л. 334 об.

[97] Там же. Л. 335.

[98] См.: Там же. 1731. № 6. Л. 30 об.; *Абдурахманов А.* Указ. соч. С 53 (фамилия генерала в тексте ошибочно указана как «Фамильщин»).

да и сделать это трудно, пока идет война с сильным неприятелем. Стороны, судя по доношениям генерала, не «слышали» друг друга, и Левашов не скрывал своего раздражения в адрес шахского двора в Хамадане, где столь же бесплодно трудился Тевкелев: «Исполнены гордости и суеверия и ничево слышать не хотят, и по беспутной онбиции всего света умняе себя признавают»[99].

Его начальник В. В. Долгоруков былые амбиции к тому времени уже утратил и в составленном в начале 1731 года для императрицы Анны Иоанновны «всеподданнейшем доношении» предложил даже, «не заключа миру, выйти из персицких дел без стыда». «Сильнея и богатея нас Порта, – указывал он, – с стыдом и уроном великим выбита, и какие бедства и канфузию от персицкой войны понесла, о том всему свету уже известно». Однако фельдмаршал представлял себе турецкий потенциал, и думал, что немногочисленным российским войскам в Астаре и Ленкорани удержать турок не удастся: «И хотя бы мы что имеем в Персии провинции от порции своей, хотели за собою удержать, то никак не можно: или от турок, или от персиян, а выбита будем, со стыдом и с убытком принуждены будем ретироватца и зело будем сожалеть сего благополучного времяни. Персицкой хомут с шеи снять случай без стыда есть».

Чтобы не пропустить этот случай, остается одно – отступить до Баку. Тогда, по мнению Долгорукова, «поморские провинции, кои нашей порции были, все с шахом противу турок будут, а нашему генералу под рукою саганацких армян, муганского хана и других тому подобных противу турок возбудить, и тако можно надеется, чтоб далних прогрессов Порта в Персии учинить не может». Конечно, завершал он свою записку, лучше было бы сначала подписать с шахом договор и выступить из Гиляна к Баку, «токмо я не надеюсь по глупой спеси и суеверию персицкому учинить с нами трактат»[100].

Переговоры с представителем шаха вновь закончились безрезультатно, и он отбыл восвояси. Между тем Тахмасп Кули-хан требовал прибытия русских послов в Тебриз. Там оставался Аврамов, а в феврале 1731 года Левашов вновь отправил к нему подполковника Юрлова – с официальной грамотой о вступлении на престол Анны Иоанновны и наказом побудить шаха не мириться с турками. Присланные из Москвы инструкции он по-прежнему не оглашал, опасаясь утечки информации. В марте 1731 года командующий писал Остерману , что «хотя и не имеет подозрения на свою канцелярию», но «здесь подкопателей безмерно много», и хранил указы и

[99] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. № 6. Л. 29 об., 35 об.

[100] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. № 215. Л. 104–105; *Петрухинцев Н. Н.* Указ. соч. С. 36–37.

царские грамоты в своей личной шкатулке , чтобы никто не узнал о предстоящей «сдаче» провинций[101]. Создатель шпионской сети в Северном Иране хорошо знал, как «добываются» даже самые секретные документы...

Одно за другим весной 1731 года вспыхивали восстания: в Фуминском уезде, в Кергеруцкой провинции, в Лагиджане, под Кескером. Они, как и прежде, подавлялись «оружием, огнем и разорением», но командующего беспокоили разглашения «будто бы басурманом под христианскими державами быть невозможно». Генерала Венедиера в Баку Левашов предупреждал: если наши «мирные препозиции» не будут приняты, то следует с «персицкой стороны ожидать с сильною войною; и усмей и протчие все горские владельцы чаятельно против нас все восстанут, понеже, как мне известно, всем горским народам персицкая сторона приятнее, нежели российская», тем более что при шахе они «великую сумму денег повсягодно отбирали»[102].

2 апреля 1731 года в Решт прибыл задержавшийся в пути Шафиров – он уже успел известить императрицу о поразивших его видах пустынных пространств Нижнего Поволжья и трудностях «коммуникации» с новыми российскими владениями на Кавказе и в Иране. Также приехавший в Решт Мирза Ибрагим поначалу заявил, что имеет лишь инструкцию принять у русских провинции без всякого договора, а затем все же согласился на переговоры. Они пошли успешно: согласно представленному российской стороной проекту империя ради «вечной соседственной дружбы» уступала шаху Гилян и Астару «по Куру реку» и обещала отдать оставшиеся территории, когда западные земли Ирана будут освобождены от турок[103]. Естественно, не все шло гладко. Шах и его посланец требовали немедленного очищения провинций, что трудно было сделать даже технически (эвакуация корпуса должна была занять несколько месяцев), а российские представители надеялись на некоторую денежную компенсацию за уступленные земли.

Посовещавшись, оба полномочных российских представителя в июне доложили: время для заключения трактата кажется подходящим, так как персы к миру склонны, а шахские войска с отъездом Надира в Герат утратили наступательный порыв и не смогли взять Ереван. Однако денежной компенсации за возвращаемые территории требовать не стоит – иранская казна пуста. Как боевой генерал Левашов рапортовал императрице об успешном подавлении «бунтов» во вверенных ему провинциях: «...везде по-прежнему усмирело», – но как дипломат и человек государственный

[101] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. № 6. Л. 154.
[102] Там же. Л. 232.
[103] См.: Там же. Л. 311–321.

предупреждал: если шах помирится с турками – удержать прикаспийские земли едва ли удастся[104].

Мирза Ибрагим отбыл к шаху с российским проектом; переговоры продолжились в Тебризе, куда был направлен капитан Кутузов с подарками для шаха – ловчими птицами (ястребами, кречетами и соколами); правда, в августе 1731 года он до шаха так и не доехал – вынужден был повернуть назад от Ардебиля[105]. В Москве Коллегия иностранных дел подготовила для императрицы «всеподданнейшее мнение о персицких делах»: дипломаты взвесили «резоны» за и против уступки территорий и в итоге решили их отдать, так как восемь лет Россия держала их «не для чего иного, толко для опасности от турок и чтоб оных к тем местам не допустить». Коллегия признала: «Сия персицкая война весьма тягостна, и от тамошнего воздуху в людех великой упадок», затраты не окупаются ни «купечеством», ни «гилянскими доходами». Но Андрей Иванович Остерман оставался дипломатом – предлагал с реальным «уступлением» медлить, пока «от турков опасения больше не будет». Обязательство отдать Баку и Дербент можно сделать не письменно, а «на словах»; если же такое обещание уже было дано официально – можно «паки от того отрещись»[106].

Дипломаты колебались не случайно: преждевременная «сдача» с таким трудом удерживаемых провинций означала односторонний выход из договора с турками 1724 года и могла привести к их захвату, а в глазах шаха и его окружения выглядела бы проявлением слабости. Предугадать же из Москвы, как будут развиваться «персидские конъектуры», было невозможно.

Осложнения возникли и в других местах. Крымский хан Каплан-Гирей решил поддержать своих сторонников в Кабарде, куда послал семитысячное войско калги (наследника) Арслан-Гирея. В ответ летом 1731 года отряд под командованием князя Волконского вступил в гребенские городки. Этот демарш русского командования вынудил калгу отступить. В сражении на Тереке кабардинцы из пророссийской «баксанской партии» нанесли противнику поражение. Комендант крепости Святого Креста генерал Д. Ф. Еропкин предупредил хана, что в случае вступления его войск в Кабарду он примет меры «в защищение подданных ее императорского величества». В июле 1732 года петербургский двор принял решение принять князей пророссийской ориентации во главе с Ислам-беком Мисостовым под покровительство империи[107]. Полгодом ранее началась усобица

[104] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. № 6. Л. 363 об.–370 об.

[105] См.: Там же. № 7. Л. 67–68, 215 об.

[106] См.: Там же. № 3. Л. 1–4 об.

[107] См.: *Сотавов Н. А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях. С. 82–83.

среди калмыков. Внук хана Аюки Дондук-Омбо разгромил своего дядю хана Церен-Дондука и, опасаясь российских войск, отступил со своими кочевьями за Кубань во владения крымского хана.

Похоже, что императрица была настроена решительно и поступила так, как подсказывал ей в записке фельдмаршал В. В. Долгоруков. Рескрипт от 6 апреля 1731 года «апробовал» представленный проект договора и приказывал Левашову и Шафирову в случае, если части в Гиляне могут быть отрезаны от других российских владений, покинуть Решт даже при отсутствии ратификации трактата и уходить «от Куры реки к Баке и далее... по особливому нашему к персицкому государству имеющему доброжелательству»[108]. Долгожданное известие о ратификации было воспринято в столице с облегчением; новый указ, посланный в сопровождении ратификационных грамот, повелевал командующему уходить из Гиляна без всяких осложнений «и тамошних людей в неволю не брать и не вывозить»[109].

Но Левашов в Реште не спешил. 30 апреля 1731 года от Аврамова поступили сведения о том, что иранцы «не в бодроство приходят, но более слабеют от своего непорядочного состояния, а впредь надежды их никакой подаваемой не имеется»: «Сурхай из Шемахи к Гяндже прибыл с войски своими немалыми и держит турецкую сторону, слышно, что шах убирается в Исфаган или Казбин, все оставляя в Тебризе и прочие места в своей слабости и бессилии». Переговоры продолжились, поскольку в Решт в июле вернулся Мирза Ибрагим вместе с Юрловым и Аврамовым.

Обстоятельства, однако, изменились. Во-первых, шах Тахмасп ратифицировал трактат, но включил в него пункт о предварительной «отдаче» Лагиджана и вычеркнул упоминание о пятимесячном сроке передачи провинций и седьмую статью об амнистии для служивших русским гилянцев («прощение» провозглашалось отдельным указом, который можно было отменить или трактовать в нужном смысле) и не желал возвращать этот «артикул» в текст договора. После представлений по этому поводу Мирза Ибрагим впал в «великую конфузию». Во время очередной неформальной «подсылки» переводчик Муртаза Тевкелев уговорил его отступиться от немедленной передачи Лагиджана и Кутума; но посол откровенно боялся возвращаться с новым текстом договора к своему повелителю, тем более что российские дипломаты устранили из текста упоминание о турках как общих «неприятелях»[110]. Шафиров же нервничал и в своих донесениях высказывал опасения, что твердость его коллеги грозит «всеконечным

[108] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1732. № 4. Л. 27–27 об.

[109] См.: Там же. Л. 53 об.

[110] Доношение Левашова и Шафирова Анне Иоанновне от 8 сентября 1731 г. см.: Там же. 1731. № 7. Л. 162–173 об.

разрывом всех у нас чинимых с шахом трактатов, и впредь можем у них весь кредит потерять»[111].

Во-вторых, изменилось положение самого шаха. Пока Надир был занят осадой упорно сопротивлявшегося Герата, Тахмасп начал военные действия против турок. Он хотел сам отвоевать у них Ереван и Нахичевань, однако в апреле 1731 года иранские войска были разбиты под Ереваном и отступили к Тебризу; другая турецкая армия в это время двигалась на Хамадан. В начале сентября Тахмасп поспешил туда, покинув Тебриз, но в сражении 5 сентября был разгромлен и с остатками своего воинства отступил к Казвину. Жители лишенного укреплений Тебриза оставили город, и он был занят турками.

Левашов не зря платил своим агентам – он отмечал в доношениях, что «повсюды шпионы от нас непрестанно отправляютца». Армянин Мурад Аврамов сообщал из ставки шаха, что в поражении виноват сам монарх, который с перепоя («от шумства») бросил несколько отрядов на все турецкое войско. Официальное извещение о победе, присланное Ахмед-пашой из Багдада, командующий сверил с донесением другого своего шпиона из турецкого лагеря. Кулла Гамет Хаджимугаметев сообщал, что нетрезвый шах скакал по лагерю и велел палить из пушек, радуясь скорому миру, а турки приняли эту канонаду за начало военных действий и пошли в атаку[112].

Разночтения в деталях не отменяли главного – войска шаха были разбиты, и турки вновь заняли Хамадан, Керманшах, Тебриз. От посланных в Тебриз подполковника Юрлова и Аврамова поступили ведения о том, что иранцы «не в бодроство приходят, но более слабеют от своего непорядочного состояния, а впредь надежды их никакой подаваемой не имеется». Переговоры замерли, но Левашов и Шафиров делали все от них зависящее, чтобы побудить министров Тахмаспа (к ним был отправлен Аврамов) не допустить мира с турками и вновь поставить Тахмасп Кули-хана во главе персидской армии, несмотря на его недавние угрозы. Шахские придворные боялись Надира и именовали «большим дияволом»; Левашов в донесениях называл его «степным зверем», но срочно послал в его лагерь муллу Хасана и рештского «писаря» Агу Эмина. Мулла официально должен был «обнадежить» выскочку в «склонности» к нему российской государыни как к единственному в Иране «доброму воину и благонамеренному оборонителю своего отечества», а неофициально – выяснить, намерен ли тот «вступаться за шаха или искать своих выгод»[113].

---

[111] РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. № 41. Л. 13.

[112] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. № 7. Л. 203 об., 221 об.

[113] См.: *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. Кн. 10. С. 269–270.

К тому времени командующий от посланного к Надиру под видом «индейского дервиша» агента Хаджи Мухиба Мугаметева уже знал о сдаче Герата. Следил он и за передвижениями шаха, прибывшего сначала в Тегеран, а затем в Исфахан. Потерпев поражение, неудачливый полководец пытался обвинить своих же ханов, которых посадил под арест, а одного из них даже велел казнить – но тот, в свою очередь, упрекал повелителя, что он первым бежал с поля боя.

Мирзу Ибрагима уговорили «возобновить негоциацию». 5 февраля Левашов сообщил: исправленный трактат, наконец, «окончен» 21 января ценой немедленной уступки Лагиджана и передачи налогов за те месяцы, пока войска еще будут находиться в Гиляне (генерал резонно полагал, что собрать их все равно не удастся); незавоеванный Астрабад и Гилян «по Куру реку» в течение пяти месяцев после ратификации трактата должны быть переданы Россией иранским властям «с единого великодушия своего, невзирая на толь многие миллионы, на воинские иждивения употребленных своих денег и на урон войск своих, от начала вступления в Персию понесенный».

Оставшиеся прикаспийские провинции были «додержаны» – российская императрица обещала «их тако ж возвратить во владение его шахова величества, сколь скоро в том безопасность усмотрится, а именно: когда шахово величество неприятелей своих, которые ныне имеются, из своих наследных провинций выгонит и в спокойное владение государство свое приведет» (что могло продолжаться довольно долго) и при условии, чтобы эти территории «ни под каким образом в другие державы отданы не были».

Российское правительство освобождало от пошлин вывозимые из России в Иран товары, если таковые покупались персидскими купцами «про обиход шаха; остальные же товары пошлиной облагались. Шах, в свою очередь, обязался предоставить российским купцам право беспошлинной торговли как на территории Ирана, так и при транзитной торговле с Индией и другими странами; гарантировал неприкосновенность имущества и личности торговцев (в том числе запрещал грабежи и хищения с их разбитых на море судов) и выделение мест для строительства их караван-сараев, складов и лавок. Кроме того, он обязывался «учинить правосудие» пострадавшим во время погрома Шемахи в 1721 году, возместить ущерб и, «доправя на тех, которые той обиде российских подданных виновны, или на наследниках их, из движимых и недвижимых имений оным учинить награждение». Наконец, отдельная седьмая статья договора гарантировала права тех местных жителей, которые «во время вступления и пребывания войск всероссийских в провинциях и городах персидских в услугах и управлении чинов и в подданстве их императорского величества всероссий-

ского были; не имеет то от страны его шахова величества причтено быть в неверности, и не имеют оные по выступлении войск всероссийских за то претерпеть в персонах своих и имениях никакого повреждения, наказания и разорения»[114].

Своей государыне командующий в знак радостного события преподнес «рабской мой дар»: три «лала червчатые» (рубина) (самый крупный весом в 21 золотник и два по пять золотников) общей ценой в семь тысяч рублей[115] – кажется, те самые, ради которых он задержал караван из Бухары. Однако «упредить турецкой мир с персиянами» Левашову не удалось. Согласно подписанному в январе 1732 года договору, шах Тахмасп уступал султану Тбилиси, Ереван, Гянджу, Шемаху с Ширванской областью и Дагестан – в том числе и земли, являвшиеся «российской порцией». Тебриз и Керманшах возвращались Ирану, а река Аракс признавалась границей двух держав в Закавказье. Этот акт можно считать направленным против России, поскольку он предполагал совместные усилия примирившихся сторон, чтобы «принудить россиян к отдаче взятых ими у персиян земель»[116].

22 марта 1732 года в Решт прибыла новая ратификационная грамота Тахмаспа, на этот раз не содержавшая каких-либо неожиданностей. Еще некоторое время ушло на отправку трактата в Петербург, пока, наконец, Левашов 9 июня не сообщил о состоявшейся «отдаче» российской ратификации. Торжественная церемония состоялась 13 мая: Левашов вручил присланную из Петербурга грамоту послу Мирзе Ибрагиму, а тот ее «на голову подняв и целовав, отдал секретарю своему». От имени шаха Шафирову и Левашову были вручены «милостивое письмо» и роскошные халаты «з завоем на чалму и серебреными парчевыми кушаками». В ответ шаху доставили обещанные подарки, хотя и в сильно уменьшившемся количестве: из 43 птиц к персидскому двору довезли только семь – остальные погибли в дороге и во время зимовки в Гиляне. Отслужив благодарственный молебен с пушечной пальбой и беглым ружейным огнем, командование устроило «трактование» иранским дипломатам и офицерам корпуса с надлежащими тостами и фейерверком. Празднование завершилось музыкой; «танцы отправлялись чрез обретающихся здесь кавалеров и дам, к немалому удивлению сего, не знающего таких веселий, народу»[117].

Сообщая о торжествах, командующий не забыл напомнить начальству, что реальная власть в Иране теперь принадлежит не пребывающему в

[114] См.: Договоры России с Востоком политические и торговые. М., 2005. С. 199–206.

[115] См.: РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 159. Л. 2 об.–3.

[116] См.: *Сотавов Н. А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях. С. 84.

[117] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1732. № 5. Л. 93–97, 167 об., 175–175 об.; РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 159. Л. 4–7 об.

«превеликом пьянстве» шаху, а «наместнику государственному» Надиру или Тахмасп Кули-хану. Он уже объявил туркам войну, и именно его «народ персицкий» желает видеть государем. Скоро Надир им и стал, а пока обещал «все персицкие провинции от неприятелей очистить». Но именно такой человек нужен для войны, а посему, по мнению Левашова, его и надо было «обнадежить».

«Великие прогрессы» Надира

В России 29 мая 1732 года по случаю мира был обнародован царский манифест, разъяснявший подданным, что в свое время Петр I «принужден был с войском своим в Персию вступить», чтобы спасти ее от «возмутителей»; теперь же, когда «замешания успокоены», а «шах Тахмасп нашим доброжелательным старанием на престоле своем утвердился», русские войска покидают провинции, которые вынуждены были «не без великого убытку и тягости содержать»[118]. Теперь русским осталось «сдать» Гилян.

14 июня 1732 года морем отбыл на родину Шафиров – он уже давно жаловался на опухшие ноги, на то, что сделался «в здешнем тяжком воздухе весма дряхл» и «четырежды был при смерти болен». Однако перед отъездом барон явно решил досадить своему коллеге – доложил, что Левашов постоянно отвергал его советы и уходить из Решта не хочет «знатно для какой корысти», а потому во главе корпуса желательно поставить нового «главного командира». Тем не менее оба, не сговариваясь, предложили в случае новой и неминуемой ирано-турецкой войны взять Шемаху и «всю знатную Ширванскую провинцию, тако ж и Малой Армении, что ныне сангаками называется», с помощью местных армян, даже если шах и не будет просить поддержки. Шафиров предполагал, что Надир может «весма шаха лишить короны», но усматривал из переворота скорее пользу «высоким интересам» своей государыни[119].

За свои труды Павел Петрович был вознагражден: именным указом императрицы от 6 июля 1732 года Сенату было повелено выдать ему за заслуги «в персидских делах» 15 тысяч рублей[120]. Кажется, это был единственный платеж, последовавший после договора с шахом. В интерпретации армянского современника событий и историка Абраама Ереванци, «Москов» был готов вернуть шаху Гилян, «если все те расходы, какие ради него учинены, ты возместишь и, помимо того, дополнительно еще заплатишь

[118] ПСЗРИ. Т. 8. № 6077.

[119] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1732. № 5. Л. 318; РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. № 41. Л. 28 об.–29.

[120] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. № 841. Л. 12.

проценты за каждый год по 80 000 туманов». Шах якобы согласился; но когда покинувшие Гилян простодушные русские потребовали по договору денег, новый правитель Ирана Надир заявил их «великому послу»: шах «был человек глупый, занятый лишь мыслью о вине... знай же, что мы ничего не дадим тебе»[121].

Левашову же еще предстояла долгая служба. 15 июня командующий двинулся на Кескер; в его «квартире» в Реште расположился Мирза Ибрагим. Одновременно выводились гарнизоны Лашемадана, Булгуса, Новой крепости, Кесмы, не нанося обывателям «ни малого озлобления и никаких обид», что, по свидетельству генерала, вызывало у местных жителей «великое удивление». Едва ли служивые горевали, покидая заморскую землю, ведь только за январь – март 1732 года в Гиляне умерло 1476 солдат и офицеров[122]. Построенные укрепления «разорялись»; ослабевших и больных солдат, как и полковые «тягости», отправляли на судах в Баку; здоровые во главе с командующим отступали вдоль берега. 22 августа Левашов с войсками переправился через Куру. Вскоре он был уже в Баку, откуда рапортовал, что готов сдать командование генерал-лейтенанту Лефорту, а пока отправляет в Россию более ненужные на Кавказе полки.

Оставшиеся части генерал переименовал по просьбе персидского посла, который «якобы по дружбе спрашивать велел, многие де российские бывшие в Персии полки и до ныне званиями персидских провинций именуются, которые де провинции по трактату по Куру реку в персидской стороне оставлены и по званию де тех полков не имеется ли с российской стороны в персидские провинции, в Гилян и в прочие места, вновь ко вступлению намерения». Посла успокоили, а полки, «чтоб шах персидской и по легкомыслию вся Персия в том не сомневалися и не конфузилися», получили новые имена: Астаринский полк стал теперь называться Низовским, Кергеруцкий – Сальянским, Ленкоранский – Нашебургским, Ранокуцкий – Кабардинским, Аджеруцкий – Навагинским, Рященский – Каспийским, Астрабадский – Апшеронским, Мизандронский – Ставропольским, Зинзилийский – Аграханским, а Кескерский – Кавказским[123].

В октябре Левашова ожидало неприятное объяснение с прибывшим в Баку представителем Надира Мирзой Мухаммед Казымом, который требовал оставить всех находившихся у русских «в услужении» иранских подданных и предоставить обещанную помощь против турок. Левашов же ничего подобного не обещал – это сделал в письме полководцу Шафиров, о чем командующий и доложил в Петербург. Амбиции же персов

[121] *Ереванци А.* Указ. соч. С. 45, 75, 76–77.
[122] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1732. № 5. Л. 288–292.
[123] См.: Там же. № 6. Л. 44; *Зиссерман А. Л.* Указ соч. С. 19–20.

росли в соответствии с успехами Тахмасп Кули-хана; на базарах Шемахи и Баку разглашались народные «эхи» о его победах и возвышении. Как сообщал в свих донесениях Шафиров, весной 1732 года Надир заставил шаха объявить его «во всей Персии полномочным векилем» и завладел шахской печатью.

Отправившийся по заданию Левашова в лагерь Надира под Гератом мулла Хасан Алей был принят ласково; на сей раз хозяин не изрыгал угроз в адрес подданных царя, хотя интересовался налоговыми сборами в Гиляне и спрашивал, почему русские «в неволю людей берут». Грозный полководец полюбопытствовал, не овладел ли его коллега Левашов персидским языком (ответ был отрицательным), и клятвенно уверял посланца, что не имеет никаких «намерений к суверенству»[124].

Между тем его беспробудно веселившийся «суверен» доживал в этом качестве последние месяцы. Временами его охватывала тревога: летом 1732 года Тахмасп II сообщил турецким властям, что Надир отказался ему подчиняться и вооружается против турок, и призвал османский двор общими усилиями обуздать «возмутителя спокойствия». Однако турецкое правительство такой дипломатии не поверило, полагая, что шах ведет двойную игру, чтобы в случае неудачи Надира сохранить мир[125]. Перед отъездом Левашов направил в Исфахан неутомимого Семена Аврамова в качестве официального представителя при шахском дворе; неофициально он должен был присматривать за победоносным Надиром (не «приискивает» ли тот место своего повелителя) и «побуждать» его против турок. Для выполнения столь сложной миссии посланец получил достойное содержание в три тысячи рублей в год и еще тысячу «на подъем» и обязательные собольи меха.

Прибыв в августе 1732 года в столицу возрожденной державы, Аврамов стал свидетелем окончательного падения дома Сефевидов. Армия Надира возвратилась в Исфахан, но не была допущена в город, так как шах начал опасаться своего полководца, завоевавшего огромную популярность. Тахмасп согласился принять лишь самого Надира, но обошелся с ним весьма холодно. Вернувшись в лагерь, уязвленный «раб Тахмаспа» без усилий привлек на свою сторону командиров, чтобы свергнуть неспособного к правлению и малодушного монарха.

21 августа ничего не подозревавший шах прибыл к Надиру в окружении министров. Полководец встретил его «как раб» и вскоре удалился, чтобы ему нечто «секретно объявить», после чего Тахмасп II был арестован и

---

[124] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1732. № 5. Л. 209–210, 212–212 об.

[125] См.: *Мустафазаде Т. Т.* Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. С. 189.

посажен под караул, как провинившийся слуга. Наутро Тахмасп Кули-хан объявил, что бывший шах есть «пребезмерно пьяница беспутной и никуды не годной», и продемонстрировал публике вдребезги пьяного государя, которого сам же напоил. Но, продолжил «азиатской герой», к счастью, у шаха имеется законный наследник, а он, Надир, по-прежнему будет векилем. Переворот не вызвал осуждения – народ был «весьма склонен» к победителю и сомневался в достоинствах «фамилии сафавинской».

Начались аресты вельмож и собутыльников шаха, на места которых Надир назначал собственных «командиров». Уцелевшие были готовы служить победителю; вскоре, как указывал Аврамов, «шаховой партии никово не осталось». Новый владыка не терял времени и демонстрировал решительный стиль управления. У английских и голландских купцов он потребовал денег за право сохранить их привилегии. Неудачливый Тахмасп был выслан в одну из хорасанских крепостей. 26 августа Надир женился на сестре бывшего шаха Султан-Хусейна, а 28-го провозгласил воцарение нового шаха – сына Тахмаспа, младенца Аббаса III (1732–1736)[126]. 7 сентября векиль милостиво принял российского представителя, недипломатических выражений на аудиенции не допускал, но характер все же продемонстрировал: на любезное предложение помощи гордо отказался, заявив, что сил у него достаточно; при этом его министры на последующей конференции весьма этим вопросом интересовались. Аврамов высказался в том смысле, что возможна посылка военных инструкторов «под видом грузинцов и армян в персицком платье»[127].

В конце 1732 года персидская армия выступила против турок. Заняв Хамадан и Керманшах, Надир разбил войска губернатора Ахмед-паши, перешел Тигр и блокировал Багдад. Подоспевшие две турецкие армии сераскира Топал Османа в упорном сражении на берегу реки в июле 1733-го отбросили противника – Надир потерял 30 тысяч воинов и сам был сшиблен с коня и; во время бегства множество его солдат утонуло в Тигре. Надир отступил в Хамадан и в течение нескольких месяцев собрал и вооружил новое войско. Восстановив силы, он опять двинулся на врага. 9 ноября 1733 года в сражении по Киркуком турки были разгромлены и бежали; Топал Осман пал в бою, и его отрезанная голова доставлена победителю. В декабре губернатор Ахмед-паша подписал мир на условиях возвращения всех иранских территорий, захваченных турками в течение последних десяти лет. Однако Порта отказалась утвердить договор, и в следующем году военные действия возобновились.

Казалось, усилия российской дипломатии достигли желаемого: Иран и Турция вели тяжелую войну, но безопасность российских владений

[126] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1732. № 6. Л. 186–186 об.
[127] См.: Там же. Л. 196, 199; *Lockhart L.* Nadir shah. P. 62.

была обеспечена заключенными с каждой из воюющих держав договорами. Однако покидавший Кавказ Василий Яковлевич Левашов в записке своему преемнику на посту «главного командира» оценивал перспективы российского присутствия в этом регионе без энтузиазма. Ни иранцы, ни турки, ни местные жители его доверия не вызывали: «Каковы бы звания и чести хто не был, никому мухаметанского народу людем верить не надлежит». Кажется, петровский генерал и администратор почувствовал, что его победоносное оружие бессильно: даже принеся присягу, эти народы подданными империи являться на деле не собираются, да и не могут по причине наличия прочных собственных государственных и социокультурных традиций, что резко отличало их от более привычных «безгосударных» инородцев Поволжья и Сибири.

Еще более опасными казались вольные «горские народы»: Левашов был уверен, что все они «в верности сомнительны и никогда на них обнадеживатца не возможно»; при первом удобном случае они соединятся с турками «по однозаконству» и «против России неприятельски выступать не замедлят». Даже оседлых христиан, прежде всего армян, генерал не считал надежной опорой, так как сами они «обычаи и нравы и состояние азиацкое имеют, ни в чем умерения не знают и весма легкомысленны», и в итоге их поселение в крае находил «бесполезным», поскольку приходилось выдавать прибывшим «корм» и жалованье; передавать же им во владение мусульманские деревни Левашов признавал опасным. Наиболее реальным способом управления при ограниченных возможностях администрации он полагал использование противоречий между местными владельцами – кайтагским уцмием Ахмед-ханом, кубинским ханом, сыновьями шамхала, что «весьма полезно ее императорского величества интересам»[128].

Последующие события как будто подтвердили опасения командующего. Спокойствия и стабильности в прикаспийских провинциях не прибавилось – скорее наоборот: Дагестан стал театром масштабных военных действий, когда летом 1733 года в его пределы вошла крымская орда Фетхи Гирея-султана, о чем шла речь в предыдущей главе. Новый командир, принц Гессен-Гомбургский, не проявил решительности и после тяжелого, хотя и победного боя укрылся в крепости Святого Креста, беспрестанно просил подкреплений и обвинял предшественника в «худом состоянии» войск. Татары же двинулись вглубь страны; на их сторону перешли уцмий и табасаранский майсум, все сухопутные коммуникации были прерваны. Начальник двухтысячного Дербентского гарнизона генерал-майор А. Б. Бутурлин успешно отражал натиск, но с городских стен наблюдал, как горели «хлеб и сады» в округе. В итоге татары ушли «турецкой границей» к

[128] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1733. № 5. Л. 42–43.

Шемахе; карательная экспедиция генерала Еропкина разорила «столицу» владений уцмия и еще 13 деревень, и «изменники» вновь вступили в «покаяние и покорение» – столь же легко, как из него вышли.

Спешно возвращенный на прежнее место Левашов (он прибыл в крепость Святого Креста уже 14 октября 1733 года) относительно быстро восстановил спокойствие: «В прибытии моем в Дербент, – сообщил генерал в одном из донесений, – куралинцы, которые пребывали в бунте, в подданство России пришли и присягою обязались, уцмий о приеме его в подданство присылать начал»; даже в отношении давнего противника, казикумухского правителя, генерал отметил, что «от него, Сурхая, явных ссор не является».

От генералитета Левашов потребовал мнений о дальнейших действиях. Самым воинственным оказался готовившийся отбыть в Петербург Людвиг Гессен-Гомбургский: он предложил вернуть царя Вахтанга в Грузию, сделать шамхальского сына Казбулата шамхалом и дать ему «деревень», чтобы он с российской помощью, отрядами «храбрых армянских христиан», курдами и калмыками двинулся на Шемаху. Более знакомые с местными условиями генерал-майоры Михаил Леонтьев, Андреян де Брильи, Дмитрий Еропкин, Иван Бибиков и Александр Бутурлин, возлагая решение о походе в Грузию и на Шемаху «на соизволение ее императорского величества», сочли, что шамхальский сын и другие владельцы «в верности сомнительны», их подданные в поход по воле русских генералов могут и не пойти, народ, живуший по пути, «непостоянной», а армянские повстанцы к полевой войне с турками без регулярных войск непригодны.

Командующий подвел не слишком оптимистичный итог. Местные владельцы «верности не показали», и объединять их не стоит: «собрание азиацких войск» без регулярных частей пользы не принесет, да еще и «готовых неприятелей» получим, ибо они «всегда сильной стороны смотрят и по неблагодарствию ни на какие обдолжении не взирают; даже на верных слуг, как Али Гули-хана и «муганцев», полагаться сейчас нельзя. Шемаху взять можно, но удержание ее потребует «великих иждивений». Поход в Грузию нереален по причине отсутствия «магазинов» и неминуемой войны с турками. Армянские командиры ссорятся между собой, вернувшиеся домой из Баку Аврам-юзбаши и Челаган «побиты своими»; даже Петр Великий «в неудобоностные и, можно сказать, всячески невозможные дела армянские и в труды вдаватца не изволил». Безопаснее будет лишь сохранять в оставшихся российских владениях статус-кво проверенным способом: «в Дагистанах сильных в силу не допущать»[129].

[129] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1734. № 10. Л. 33–38, 41–43, 44 об.–46, 48–49, 50–53, 54–64.

Командующий тем не менее не сидел сложа руки. Он собирал налоги, заложил в апреле 1734 года Буйнакский ретраншемент «в самом крепком месте» на реке Карасу Тегинек, принял в подданство Ахмед-хана Дженгутайского и взял в аманаты его внука. Новый подданный сразу стал просить о жалованье, и Левашов счел нужным его заплатить, пояснив: хан, конечно, служить не будет, но хотя бы, «чаятельно, противности не чинил»[130]. Казбулат не получил шамхальский «чин», но генерал успешно «склонил» его напасть на уцмия и отогнать несколько тысяч баранов «усмеева ведомства», а потом подарил морское судно «для купечества». Императрице он подыскал «самых добрых парчей» (16 штук на 1416 рублей) и добывал для двора «самые хорошие» персидские ковры[131]. Под началом генерала оставался боеспособный корпус из 19,5 тысячи человек регулярных и нерегулярных войск; его шпионы отправлялись в Крым, на Кубань, в Азов, в Гянджу, в Шираз, в Мазандеран; они докладывали о находящемся «в великой бедности» и совершавшем прогулки под конвоем свергнутом шахе, а из лагеря Надира доставляли сведения о ходе войны в Ираке. Даже сам Надир просил направить его шпионов к туркам по каналам Левашова[132]. Но в апреле 1734 года он прислал письмо, где сообщил о заключенном с турками мире и вновь потребовал возвращения провинций. Командующий отправил правителю Ирана учтивый ответ с приглашением вступить в переговоры через уполномоченных особ, а земли обещал вернуть, «когда в Персии безопасность будет»[133].

Однако генерал к тому времени уже встретил прибывшего на Кавказ полномочного российского посланника, сына «верховника» и тайного советника Сергея Дмитриевича Голицына. Он направлялся в Иран для поздравления с «восшествием» на престол шаха Аббаса III, но его главной задачей было заключение антитурецкого союза с Ираном: «Понеже по всем турецким поступкам едва ли наиявной войны с ними миновать будет возможно, и для того весьма потребно не токмо персов и Тахмас Кулы хана к продолжению сильных операций против турок побуждать, но и оных в крепчайшей с ними дружбе и союзе содержать, дабы при случае такой с турками войны в пользу интересов наших и для сильного развращения турецких сил служить могли».

В Петербурге поначалу, кажется, надеялись удержаться на Кавказе. Рескрипт кабинет-министров на имя Левашова от 14 сентября 1733 года сообщал о посылке дополнительных частей и казаков; после получения

[130] См.: Сборник РИО. Т. 108. С. 322–323.

[131] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1734. № 10. Л. 82–82 об., 137–137 об., 138 об., 255, 256 об., 274 об.; Сборник РИО. Т. 108. С. 350.

[132] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1734. № 10. Л. 279; Сборник РИО. Т. 108. С. 323.

[133] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1734. № 10. Л. 155–155 об., 163 об.–164.

известий о поражении Надира под Багдадом правители рассчитывали на затяжную войну, для чего рекомендовали командующему «персов ободрить», чтобы они «к миру с турками не склонились». Но планируемый трактат предусматривал помощь иранцам только против татарских походов через Северный Кавказ[134]. Однако со временем стало понятно, что уступка оставшихся владений будет лишь минимальной ценой такого сотрудничества. Русское правительство было согласно отдать Баку и Дербент на следующих условиях: Иран не должен вступать в торговые или какие-либо другие отношения с Турцией и без согласия России не станет заключать какие-либо договоры. Если дело все же дойдет до ирано-турецкого договора, то в него должна быть включена и Россия, а в случае русско-турецкой войны Иран выступит на ее стороне[135]. О скорой «отдаче» провинций министры весной 1734 года заявили персидским послам и сообщили в указе Левашову[136].

Срочное отправление посольства с обязательными подарками обошлось в 13 759 рублей, и Коллегия иностранных дел просила компенсировать ей эти не предусмотренные бюджетом расходы[137]. Представительное посольство (Голицына сопровождала свита с конвоем из сорока солдат и офицеров, трубачами, пажами, камердинером и четырнадцатью лакеями; тягот пути не выдержали пять из шести кречетов – царских подарков) было в марте 1734 года доставлено из Баку в Энзели и торжественно вступило в Решт, а через месяц с лишним добралось до Исфахана. Голицын встречал повсюду следы недавней войны – «несказанную пустоту». Посланник с неудовольствием отметил несоблюдение условий Рештского договора: вопреки его статьям, «градцкие командиры» драли пошлины с российских купцов.

Этот вопрос, впрочем, удалось урегулировать быстро, но скоро трудности стали нарастать. На торжественной аудиенции «высокородный и высокоповеренный векиль и высокощастливый вали и сипахсаляр иранской» заявил, что ему все равно, будет ли с турками мир или война, а на «конференции» его представитель Мирза Кафи сделал весьма обрадовавшее посланника предложение о совместной войне с Портой («...весьма разрыв с турками нужен», – доложил Голицын в Петербург), но тут же выдвинул целый ряд условий. По мнению иранской стороны, русские должны были выдать «изменников» – бакинского Дергах Кули-бека и шахсевенского Мусу-бека, совместно «искоренить лезгинцов», засылать к туркам иранских шпионов «чрез российский канал» и возвратить все отнятые провинции.

---

[134] См.: Сборник РИО. Т. 106. С. 445–446.

[135] См.: *Нагорная А.* Русско-иранские договоры 1732 и 1735 гг. // Арабские страны. Турция. Иран. Афганистан. История, экономика. М., 1973. С. 119–120.

[136] См.: Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1868. Т. 2. С. 1098.

[137] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. № 841. Л. 232.

Голицын пустил в ход свое дипломатическое искусство: на засылку шпионов согласился сразу, от выдачи учтиво отговаривался, дело с «лезгинцами» предлагал отсрочить, а провинции обещал вернуть, как только в Иране «от неприятеля успокоено будет». Стороны уже составили соглашение о союзе, по которому Иран обещал вести войну с турками в случае их нападения на Россию «всеми силами», а Россия – в обратном случае – обязывалась оказать «всякую помощь»; шах не должен был заключать мир без согласия союзника; Россия же выдавала «беглецов», но получала подтверждение свободы торговли для своих купцов; относительно провинций повторялась соответствующая статья Рештского договора[138].

Однако всемогущий векиль не утвердил выгодный для России договор и желал, чтобы прикаспийские земли «и прежде времяни персицкому престолу по прежнему возвращены быть могли» до выполнения условий Рештского договора. Он взял с собой посланника в поход на север. Пока Голицын гадал о целях марша (на турок или на «лезгинцов»), Надир усиливал давление – то заявлял о возможном «совокуплении» с турками против русских, то ограничивал переписку посланника, который хотя и содержался «аки под честным караулом», но все же находил возможность информировать Левашова. Иранские представители на переговорах вели себя все более уверенно и выступали, как жаловался российский дипломат, «скоропостижными и бесстыдными в переменах».

Голицын с беспокойством отмечал «великие прогрессы» Надира: в августе иранское войско перешло Куру недалеко от русской границы и без боя заняло Шемаху. Генерал-майор де Брильи в донесении Левашову выражал опасение по поводу иранского вторжения и указывал, что «без всякие притчины изо всех мест подданства ее императорского величества старшины к Тахмас-хану с пешкеши (подарками. – *И. К.*) являютца, а после якобы и раскаяваютца, но оное их раскаяние... видно есть не без подозрения». Даже в городе, докладывал генерал, «из здешнего бакинского народа ныне в верности никого не нахожу». Рассерженный таким «ветробешенством», де Брильи собирался выпороть 33 старшин кнутом, но в конце концов перестал горячиться и ограничился «репримандом»[139].

Встревоженный Левашов прибыл в Дербент, где застал Вахтанга VI и его сына Бакара; царя прислали на случай возможного возвращения в Грузию и установления связи с армянами. Инструкция Вахтангу и Бакару требовала от них установить «с патриархом армянским и начальниками того армянского народа... секретную корреспонденцию» с целью поднять

[138] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1734. № 7. Л. 114 об., 123–123 об., 169 об.–170, 206–209.

[139] См.: Там же. № 10. Л. 390–390 об.

«того народа оружие против бусурман» и с их помощью овладеть Шемахой. Видимо, Петербургу какое-то время казалось, что в тяжелой войне Турция и Иран обессилят друг друга и откроется возможность «христианские народы» Закавказья «от турецкой власти свободить»[140]. Но в изменившихся условиях ни то ни другое не сочтено было уместным, чтобы не осложнять и без того неопределенные отношения с Ираном. Вопреки своему желанию, Левашов выслал Дергах Кули-бека и Муса-бека, хотя и просил Надира о прощении обоих, которое и было ими получено.

К тому же Надир развивал свои «прогрессы»: в сентябре 1734 года он двинулся на отступавшего Сурхай-хана и нанес ему поражение между Шемахой и Кабалой. Как докладывал Левашов, «от великой пушечной стрельбы Сурхай устоять не мог и с войски своим ретировался». Хан ушел в Аварию, а войска векиля разорили его столицу. В ставку полководца прибыли российские подданные – кубинский хан и Казбулат, который был пожалован «над всем горским дагистанским народом камандиром». К прочим горским владельцам Надир отправил указы, чтобы, доносил Голицын, «оные все готовились, ежели по трех месяцев с российской стороны завоеванные городы в персицкую возвращены не будут, то соединяться с ним Тахмас-ханом и отбирать их сильно». В октябре Надир расположился под стенами Гянджи и начал осаду города. Пятитысячный гарнизон янычар держался стойко, а у осаждавших не было квалифицированных артиллеристов и гранат; не помогло даже разрушение водопровода – жители выкопали достаточное количество колодцев.

В опасной ситуации С. Д. Голицын счел нужным положиться на «резолюцию» императрицы и отправил Аврамова в Петербург ко двору вместе с персидским послом Хусейн-ханом. В надежде на нужный союз против турок русский посланник предложил помощь; в начале декабря Левашов прислал к Надиру инженера и четырех опытных бомбардиров с двумя мортирами, пятью сотнями бомб и шестью сотнями ручных гранат. Бравые артиллеристы, которых сразу же переодели в «кызылбашское платье», подорвали пороховой погреб в Гяндже; но генералы и дипломаты больше всего боялись, чтобы о виновниках этого события не узнали турки[141].

Надир был благодарен за поддержку, но от своих условий отказываться не думал и как будто не сомневался в успехе. В ноябре он уже «разглашал», что русские совсем скоро отдадут прикаспийские земли, и требовал от «горских народов» соединяться с ним в случае их промедления. От посла Голицына он добивался помощи в создании собственного транспортного

[140] ПСЗРИ. Т. 9. № 6572.

[141] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1734. № 10. Л. 651 об.; № 7. Л. 571; 1735. № 12. Л. 69 об.

флота на Каспии. Вопрос обсуждался в Петербурге осенью 1734 года: если указ Левашову от 23 сентября еще предполагал возвращение Баку и Дербента «по восстановлении в Персии спокойствия», то 29 октября императрица сообщила ему о решении «от понесенных по ныне персидских тягостей единожды освободиться».

Во исполнение царской воли Левашову следовало «все наше войско от самой Куры реки, из Баки, из Низовой и из прочих мест до самого Дербентского уезда немедленно вывесть, и все те места отдать Тахмас Кули-хану, как скоро вы от князя Голицына известие получите, что кто для принятия оных определен». «Хлебные магазейны» надлежало продать, крепости – сдать «без всякого раззорения», требуемых Надиром людей – выдать, хотя и с условием не наказывать их за службу русским. Затем надо было оставить и Дербент, «как скоро только годовое время выход оттуда нашего войска допустит». Желательно, гласил указ, осуществить эвакуацию уже зимой по причине начавшейся осенним походом генерала Леонтьева на Крым войны с Турцией, «и для того нам те, под вашею командою обретающиеся, войска на Дону и далее будут потребны»[142].

Те же инструкции получил и Голицын. В обмен на российские уступки послу предстояло закрепить в договоре, что «те от нас Персии возвращаемые провинции никогда в какие чужие руки достатся не могли б и чтоб по содержанию того трактата он (Надир. – *И. К.*) обязался быть неприятелем нашим неприятелям»; это обязательство должно было быть включено в условия будущего мира Ирана с Турцией. Наконец, векиль должен был подтвердить прочие статьи Рештского договора, касающиеся прав российских подданных. На аудиенции 16 декабря князь объявил о передаче Ирану всех ранее уступленных России провинций. О том же было заявлено и прибывшему в Петербург послу Хусейн-хану[143]. Надир был «безмерно удовольствован» и на радостях пообещал вести с Турцией «вечную войну»[144]. Поскольку к этому и стремились в Петербурге, судьба прикаспийских владений была решена. Оставалось уходить.

---

[142] См.: Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 2. С. 1100; Письма и указы государей… Василью Яковлевичу Левашову. С. 60–63.

[143] См.: *Абдурахманов А. А.* Указ. соч. С. 67.

[144] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1735. № 12. Л. 5; 1734. № 7. Л. 655 об.

Эпилог
РУССКИЕ УХОДЯТ И ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Гянджинский мир

Новый 1735 год Левашов встретил в Баку. Указ об оставлении всех петровских завоеваний он получил совсем недавно и теперь вынужден был начинать эвакуацию корпуса в самое неподходящее время. 2 января командующий приказал генерал-майору де Брильи вывозить артиллерию и амуницию в Дербент[1]; реально же отправка людей и грузов началась в конце января. Судов не хватало: в Баку имелось лишь четыре гекбота, а из Астрахани корабли прибыть зимой не могли. Теплая зима заставила переправлять морем и пехотные полки, поскольку «тягости» невозможно было везти «степью» на санях.

Петербург же требовал осуществлять вывод корпуса как можно скорее. Левашову даже приходилось оправдываться – его подозревали в нежелании уступать российские приобретения и отправлять персидских послов в столицу[2]. С другой стороны наседал «союзник» – Тахмасп Кули-хан, который теперь стал именоваться Надир Кули-ханом. 23 марта в Баку для принятия города прибыл Муса-хан, а эвакуация еще не была завершена. Генерал, похоже, рассчитывал сохранить какие-то позиции на Кавказе и просил Остермана, чтобы в будущем договоре с Ираном «о прежних границах отнюдь бы не писать»[3], – но безуспешно: крепость Святого Креста предстояло «разорить». Получив инструкции из Петербурга, Голицын боялся даже поднимать вопрос о крепости Святого Креста, чтобы «все трактование не пресеклось»[4].

Левашову же, помимо эвакуации, надо было уделять время и текущим делам, чтобы местные владельцы до времени не почувствовали себя полными хозяевами края. В очередной раз он простил и принял в подданство уцмия Ахмед-хана. Генерал рассылал надежных шпионов, в том числе в ту-

[1] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1735. № 12. Л. 2.
[2] См.: Там же. 1734. № 10. Л. 694–695.
[3] Там же. 1735. № 12. Л. 25 об.
[4] См.: *Маркова О. П.* Указ. соч. С. 122.

рецкую армию Абдуллы-паши Кепрюлю, который «непроворно» двигался к Еревану. Он предложил немедленно назначить поручика Семена Арапова консулом в Гилян – там в начале года скончался, казалось, неутомимый Аврамов; решал вопрос с бывшим картлийским царем. (Вахтанг опять оказался лишним: он прибыл в Дербент, чтобы в случае затянувшейся ирано-турецкой войны возглавить еще готовых сопротивляться туркам армян и при удаче вернуть себе престол, но опоздал.) Приведенный выше указ Левашову от 29 октября 1734 года об этой миссии вообще не упоминал, а январский рескрипт Голицыну предписывал бывшего государя и его сына никуда не посылать до подписания договора, а затем смотреть на него «яко к Персии принадлежащего». Главной же задачей посла являлось скорейшее заключение союза, чтобы «освободиться от тамошних продолжаемых тягостей» и растущих «запросов» Надира. Последнего же надо было «побуждать… всякими удоб возможными способы» к войне против турок[5].

В условиях начавшейся в Европе войны за «польское наследство» (1733–1735) и в видах будущей большой войны с Турцией правительство Анны Иоанновны желало любой ценой предотвратить ирано-турецкий мир на Востоке и сделать Надира своим союзником. 10 марта 1735 года в лагере под Гянджой союзный договор с Ираном был подписан. Его текст гласил, что российская императрица «токмо от единого своего монаршеского великодушия и многой милости соизволяет прежде времени отдать и возвратить города Баку и Дербент и с подлежащими землями, деревнями по-прежнему Иранскому государству и очистить, как скоро время допустить может вывод войск российских из оных» вплоть до «старой его границы, в два месяца, счисляя от заключения сего трактата; а ежели случай допустит, и ближе того срока оные очистить; а Дагестан и прочие места, к шамхалу и усмею подлежащие, по древнему пребудет в стороне Иранского государства». Всем бывшим на русской службе местным жителям объявлялась амнистия.

За такую «милость» иранская сторона обязалась названные территории «ни под каким видом в руки других держав, а паче общих неприятелей не отдавать»; с Россией же «вечно… пребыть в союзной дружбе, и крепко содержать российских приятелей за приятелей, а неприятелей российских за неприятелей иметь; и кто против сих двух высоких дворов войну начнет, то оба высоких двора против того неприятеля войну начать».

При этом вторая статья трактата содержала лишь обязательство иранской стороны вести войну с Турцией до возвращения всех «не токмо в нынешнее время, но и прежде сего от Иранского государства отторгнутых и

[5] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1735. № 4. Л. 1–5.

завоеванных провинций», но не предусматривала российской помощи. Обе стороны обещали «ни в какие негоциации с турками, с предосуждением друг другу, не вступать». При заключении мира, «ежели к тому дойдет или способом оружие принудимо будет», Иран обязывался «включить в оный мир и Российскую империю, с таким изъяснением, что Иранское государство имеет с Россией трактат, по которому оное обязано всех российских неприятелей иметь за своих неприятелей»; такие же обязательства брала на себя и Россия.

Заключительные статьи подтверждали неотмененные условия Рештского договора 1732 года и особо выделяли право российских купцов на беспрепятственную и беспошлинную торговлю с отменой всех препятствовавших такому порядку распоряжений. Шестая статья по «представительству» самого Надира требовала взаимного возвращения «Иранского государства подданных» и «всех подданных и обывателей Российской империи, сколько где в Персии сыщутся»; «а которые и впредь с обеих сторон уходить станут, оных на обе стороны, поймав, отдавать»[6].

29 мая 1735 года в Петербурге министры хотя и отметили в иранском экземпляре договора «в экспрессиях некоторые разности», но сочли их несущественными, а сам договор необходимым, чтобы Надира «крепче к своей стороне привязать». Категорически была отвергнута только просьба векиля о предоставлении кораблей для доставки иранских войск по Черному морю прямо к Стамбулу – как по причине отсутствия флота и гаваней, так и вследствие невозможности вступить в настоящее время в войну с Турцией. Последнего «интересы ее императорского величества» не допускали, пока ее войска были заняты на территории Речи Посполитой, утверждая на польском престоле саксонского курфюрста Августа III[7].

7 июня Гянджинский договор был ратифицирован Анной Иоанновной; в отличие от договора 1732 года никаких манифестов по этому поводу не последовало. Но уже девять дней спустя министры Кабинета, Бирон, П. П. Шафиров и М. Г. Головкин обсуждали будущую войну с Турцией, предполагая тактику «усыпления» противника с последующим «незапным нападением на Крым»[8]. Участники совещания полагали, что возможен и мирный исход конфликта, если турки будут долго и тяжело воевать с Ираном[9]. Но еще до ратификации Петербург торопил Левашова. Драгунские

[6] Договоры России с Востоком политические и торговые. М., 2005. С. 206–211.

[7] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1735. № 16. Л. 17–22.

[8] См.: *Кочубинский А. А.* Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Из истории восточного вопроса. Война пяти лет (1735–1739). Одесса, 1899. С. 110; *Шульман Е. Б.* О позиции России в конфликте с Турцией в 1735–1736 гг. // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1973. Т. 3. С. 25–26.

[9] См.: *Шульман Е. Б.* Указ. соч. С. 30.

Московский, Астраханский и Рязанский полки в конце марта были посланы на север «к Дону» посуху, но из-за малого числа лошадей двигались «пехотою»[10]. Вслед за ними отправились к Астрахани и Царицыну казаки. 20 апреля де Брильи сдал Мусе-хану Баку, и в тот же день Вахтанг VI выехал в Астрахань. Надир настойчиво звал царя к себе, но тот «за опасностью» отказался. С. Д. Голицын писал Левашову о возможности «восставления» Вахтанга на троне, но генерал отвечал, что старый государь уже «того не желает», а принудительно отправлять его в Иран нет смысла[11]. 27 апреля Еропкин вручил Мурад-султану ключи от Дербента, хотя в обоих городах еще оставались российские части и их обозы; эвакуация шла медленно, поскольку астраханском порту из-за льдов навигация еще не началась[12].

За дипломатическими формулировками скрывались человеческие судьбы и трагедии. Донесения Левашова лишь отчасти отражают бедствия тех жителей и поселенцев, которым предстояло вновь стать иранскими подданными. Кто-то уходил с насиженных мест подльше в горы; другие слезно просили, чтобы их «на персицкую сторону не отдавать для того, что персияном натолковано, что они и против их досады чинили, за что не токмо их ограбят, но и удавить велят»[13]. Надир требовал возвращения уехавших из Ирана после 1722 года, и его чиновники представили списки беженцев. Голицын, с трудом добившийся заключения Гянджинского договора, настаивал на выдаче эмигрантов. Левашов же 12 июня и 22 июля 1735 года доносил императрице, что выселяемые все равно уйдут к горцам, но к персам не пойдут из-за их «безмерного грабительства и тиранства»; когда же ему пришлось отдавать шахским властям грузин и армян из крепости Святого Креста, то «многую жалость и нарекание видеть прилучилося, что их издревле обещанная протекция не защитила»[14].

3 июня генерал сообщил о роспуске грузинского и армянского эскадронов; часть их личного состава вернулась в Иран, другие возвращаться не желали и остались на русской службе – сначала в крепости Святого Креста, а затем в Кизляре. Из крепости Святого Креста отпускались аманаты: «шевкальцы», «андреевцы», чеченцы, аксайцы, дети владетелей Большой и Малой Кабарды, знатные уздени и «узденские дети» – всего 31 человек. Приходилось отдавать и находившихся у русских «в услужении» иранских подданных; таковых к лету обнаружилось 162 человека, в том числе у самого генерала имелось 18 мужчин и три женщины[15]. Возврату

[10] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1735. № 12. Л. 59–60.
[11] См.: Там же. Л. 16 об.
[12] См.: Там же. Л. 2 об., 147 об.–148, 170–171.
[13] Цит. по: *Арутюнян П. Т.* Указ. соч. С. 216.
[14] Цит. по: *Маркова О. П.* Указ. соч. С. 123.
[15] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1735. № 12. Л. 293 об.

подлежали только «нехристи» – крещеных не отпускали, согласно указу Коллегии иностранных дел от 23 сентября 1734 года, что для некоторых «персиян» обернулось трагедией. Так, задержанный в 1728 году за попытку побега на родину Александр Михайлов (он же Мирза Назар Али), «чтобы благочестие поругано не было» был посажен «под тайный арест» в Самаре, где и находился аж до 1746 года. Видимо, и по прошествии этих лет его «благочестие» было сомнительным, поскольку затем он был под конвоем препровожден в Соловки на жительство «безисходно»[16].

Проблемы иного свойства возникали с российскими подданными в Иране. Туда бежали в основном разбойничавшие на море пираты; тех, кого удавалось поймать, иранские власти предпочитали казнить, а не выдавать; таким образом, по всей вероятности, закончили свою жизнь 11 схваченных в 1736 году в Шемахе «воров». С другой стороны, иранские «командиры» сами сманивали для строительства судов моряков и работных людей, которые не стремились возвращаться в отечество[17].

Всего к концу лета в Россию были выведены три драгунских и пять пехотных полков: Бакинский, Ширванский, Куринский, Низовской и Навагинский; в пути они понесли свои последние потери – от болезней скончались 55 человек[18]. К сентябрю 1735 года на юге еще оставались Казанский, Нижегородский и Псковский драгунские и Апшеронский, Дербентский, Дагестанский, Кабардинский, Нашебургский и Тенгинский пехотные полки и 2500 казаков[19]. В июле войска стали «разрывать» бастионы и куртины стоившей стольких трудов и жизней крепости Святого Креста; «...только знак крепости остался», – доложил Левашов 12 августа 1735 года[20]. Войска покидали Дагестан под аккомпанемент побед Надира. Не дождавшись падения Гянджи, он с основными силами двинулся навстречу турецкой армии.

Летом 1735 года между Эчмиадзином и Карсом 70-тысячная армия Надира разбила 80-тысячное турецкое войско. Иранцы укрепились на вершине горы Ах-тепе. Абдулла-паша Кепрюлю, не подозревая о близости противника, вышел к этой позиции и попал под обстрел иранской артиллерии. Турки превосходили армию Надира по численности, но находились в теснине и не имели возможности развернуться и должным образом отвечать на огонь персидских пушек. В течение двух часов они выдерживали артиллерийский обстрел, но к вечеру солдаты Надира

[16] См.: Сенатский архив. Т. 6. С. 653–654.

[17] См.: *Уляницкий В. А.* Русские консульства за границей в XVIII в. М., 1899. Ч. 2. С. 320–321.

[18] См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 97. Л. 20 об.

[19] См.: Там же. № 62. Л. 172 об.

[20] РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 31. Л. 14.

пошли в атаку и сломили сопротивление янычар. Согласно сообщению находившегося при Надире русского капитана Полозова, сражение произошло 8 июля. Абдулла-паша, Сары Мустафа-паша и Теймур-паша с 40-тысячным войском остановились в четырех верстах от лагеря Надира на реке Зенги. Надир, несмотря на упорное сопротивление турок, перешел в наступление по всему фронту и, разгромив османскую армию, захватил всю ее артиллерию (до 32 орудий и много пороха), а также обоз, после чего турки стали отступать; османские войска потеряли около 15 тысяч человек убитыми и несколько сотен пленными[21]. На поле боя осталось и тело командующего Абдулла-паши: «И стеснили полководца их Кеприлу-оглу. И пока он хотел спуститься с каменистого берега в ущелье по какой-то узкой и каменистой тропе, не удержался на коне и упал с коня на камни, и сильно поранил себе голову, и был близок к смерти. Посему некий презренный перс обезглавил его и принес хану его голову. И когда он узнал от оставшихся в живых пленных турок, что это действительно голова сараскяра Абдулла-паши, сразу же облачил в халат принесшего голову, обещал еще халаты, если доставят и тело»[22]. В июле 1735 года Али-паша сдал Гянджу, в августе турецкий гарнизон оставил Тбилиси, в октябре открыл ворота персам Ереван.

Победный ход войны не мог изменить начавшийся в августе поход на Кавказ крымского хана Каплан-Гирея. 30-тысячное татарское войско двинулось через Кабарду и Чечню в Дагестан. Левашов хотя и отправил к хану майора Бунина с «предостережением» против недружественного акта, но на этот раз в бой не вступал. Крымцы тоже не спешили – только 6 октября они перешли Сунжу и в середине ноября достигли Тарков. Хан созывал к себе горских владельцев и объявлял, что русские уступили ему Дагестан. Но «лазутчики» докладывали Левашову, что Каплан-Гирей намерен выжидать и зимовать под Дербентом. В военном отношении Крымский поход оказался безрезультатным, но он стал поводом для начала большой русско-турецкой войны. Осенью корпус генерал-лейтенанта М. И. Леонтьева двинулся на Крым. Эта экспедиция также была неудачной и вызвала большие потери, но хан вынужден был увести орду назад.

Русские войска покинули Дагестан еще раньше. 25 сентября Левашов оставил бывшую крепость Святого Креста, где «все строения огнем выжег»[23]; был «разорен» и Аграханский ретраншемент, а его гарнизон и

---

[21] См.: *Мустафазаде Т. Т.* Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. С. 197.

[22] Цит. по: *Кретаци А.* Краткое повествование о начале <царствования> Надир-шаха, сочиненное патриархом нашим Абрамом Текирдагци // www.vostlit.info/Texts/rus2/Kretaci/text2.phtml?id=757.

[23] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1735. № 12. Л. 391, 395.

работные люди вывезены на судах в Астрахань. Дальнейшие донесения командующий отправлял из полевого лагеря, на месте которого основал новую пограничную крепость и будущий город Кизляр. 19 октября он вышел с войсками в Астрахань, оставив в Кизляре Тенгинский полк под началом полковника Красногородцева и 200 драгун, снабдив их провиантом и фуражом. На месте и в казачьих городках были оставлены сотни пушек, 30 тысяч гранат, 200 бочек пороха, свинец, ядра, картечь; часть вооружений (24 пушки, три мортиры, 1258 бомб, 90 пудов пороха) достались иранцам[24]. 28 октября последний поход командира Низового корпуса завершился в Астрахани.

Пора прощаться и с главными героями персидской эпопеи. Старый фельдмаршал Василий Владимирович Долгоруков в царствование Анны Иоанновны возглавил Военную коллегию, несмотря на опалу своего клана. Очередь фельдмаршала настала в конце 1731 года, когда он по случаю новой присяги «дерзнул не токмо наши государству полезные учреждения непристойным образом толковать, но и собственную нашу императорскую персону поносительными словами оскорблять». За не названные вслух «жестокие государственные преступления» князь был приговорен к смертной казни, замененной заключением в Шлиссельбургской крепости, а затем в Ивангороде. Из заточения он вышел уже после смерти Анны, вернул ордена и вотчины и закончил карьеру президентом Военной коллегии.

Генерал-аншеф Василий Яковлевич Левашов напрасно надеялся «пресветлое вашего императорского величества лице видеть» и отдохнуть по причине «бедного моего здоровья». Старого боевого генерала немедленно отправили на новую войну, под Азов. В мае 1740 года он вновь – и опять безуспешно – просил у Остермана «за долговременную мою службу и за старость и за слабое здоровье» увольнения в отставку. При вступлении на престол Елизаветы Левашов был пожалован орденом Андрея Первозванного и стал следователем по делу своих бывших начальников Миниха и Остермана. Но при дворе он не задержался, успел еще раз повоевать со шведами в 1742–1743 годах и вместо заслуженной отставки получил посты московского главнокомандующего и первого члена Сенатской конторы в Москве. «Всю же службу более 50 лет беспорочно продолжал, наконец от утеснения старостью слаб весьма был и от молодых генералов, которые от Бога такого таланта не сподобились, а зависти ради, презираем был. Жизнь имел от молодых лет воздержную и весьма всегда трезв был, и в сущей старости достиг последних дней и с тихостию умре», – отметил его кончину современник. 84-летний петровский воин покинул сей мир

[24] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1735. № 12. Л. 446.

в Пасхальное воскресенье 7 апреля 1751 года и был похоронен в церкви Воздвижения честного креста на Арбате[25].

Надир же после триумфа в Индии и Средней Азии вознамерился сделать то, на что не претендовали ни султан, ни прежние шахи, ни российские генералы: реально покорить горцев Дагестана. Сменивший Аврамова на посту российского резидента в Иране Иван Калушкин передавал из ставки Надира, что грозный завоеватель движется к российским границам и то провозглашает, что собирается дойти до Царицына, то заявляет, что «ис такого завоевания пользы не будет, понеже во всей России более казны расходится, нежели сбирается»[26]. Подобные притязания заставили Кабинет и Военную коллегию готовить к обороне Астрахань и Кизлярскую крепость, к октябрю 1741 года на южных границах «в персидской экспедиции» находился 10-тысячный корпус[27]; но принять под покровительство просивших об этом горских владетелей Дагестана Петербург так и не решился[28].

Поход в Аварию осенью 1741 года завершился небывалым поражением: шах потерял половину своей армии. Российский резидент был свидетелем того, как в октябре под Дербентом Надир плакал от злости и «в шатре не умолкая кричал», что «счастье от него начинает отступать»[29]. И впрямь, шах еще несколько лез безуспешно пытался покорить Ширван и Дагестан, в 1743–1746 годах опять воевал с Турцией, но былых успехов повторить не смог. По подозрению в покушении на свою жизнь он ослепил наследника, а раскаявшись, стал казнить своих сподвижников, которые не удержали его от рокового решения. Непрерывные походы вызвали резкий рост податей, взыскивавшихся с беспримерной жестокостью; в разных областях страны вспыхивали восстания, за которые население целых городов подвергалось сплошным казням. В конце концов подозрительность и зверства Надира вызвали заговор, и летом 1747 года, как писал в докладе 1762 года глава русской дипломатии граф М. И. Воронцов, шах «за его тиранство был умерщвлен». В том же документе было указано, что с тех пор у России «дел с Персией никаких нет» из-за войн, «которым еще не видно конца»[30]. В огне усобиц сгинула династия Афшаров, хотя волею судьбы один из ее представителей оказался в России. В 1762 году из Оренбурга был прислан в

[25] См.: Империя после Петра. 1725–1765. С. 279; *Мартынов А.* Надгробная летопись Москвы. М., 1895. С. 102.

[26] АВПР. Ф. 77. Оп. 77/1. 1741. № 7. Л. 230, 285 об.

[27] См.: Там же. № 19. Л. 5–5 об.

[28] См.: *Сотавов Н. А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. С. 101; РГВИА. Ф. 20. Оп. 2. № 42. Л. 38 об.–41, 60 об.–61 об., 68.

[29] АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1741. № 7. Л. 409.

[30] Там же. Ф. 2. Оп. 2/1. 1754–1763. № 29. Л. 110–110 об.

столицу вышедший «ис киргис кайсацкого полону» и принявший крещение Василий Ильин, который оказался «персианином отродия афшарского» и племянником Надира Мухаммедом Сафи Мамет Алиевым. Неожиданному гостю выдали паспорт и по его просьбе отправили на родину[31].

Аван-юзбаши остался в России и у мер в 1734 году в Астрахани. Здесь же через несколько лет скончался отчаявшийся вернуться в Грузию царь Вахтанг. Армянский и грузинский эскадроны вошли в состав Кизлярского гарнизона и просуществовали до 1764 года, когда в результате гарнизонной реформы императорской армии они были расформированы по указу Сената от 5 августа 1736 года «О принятии бывших в российской службе, во время Персидской войны, армян и грузин снова в службу и о поселении у Кизляра, и о даче им жалованья и единовременно подъемных денег для обзаведения»[32].

Гуляка-шах Тахмасп был ослеплен и умер в заточении вместе со своим несчастным сыном. Самым удачливым в этой истории оказался полюбившийся Петру I посол Измаил-бек, который благополучно жил в Астрахани в звании посла на немалое жалованье в 3779 рублей в год[33]. На родину он так и не вернулся и в 1742 году просил губернатора В. Н. Татищева «принять на руки» его сына Фет Али-бека для обучения «европейским наукам» и «вступления в подданство ее императорского величества». «Словесно ж оной посол, – доложил Татищев, – просит, дабы оного его сына высочайшей вашего императорского величества милости произведен был обер-офицером»[34].

Завершение затянувшегося похода и вывод русских войск с Кавказа вызывают различные оценки. Одни историки считают договор 1735 года «актом жестокой несправедливости в отношении народов, населявших эти территории»[35]. Другие находят его неоправданной уступкой с точки зрения задержки вхождения этого края в состав России или по причине его последующего «экономического и культурного регресса» в рамках иранской «феодальной деспотии»[36]. Третьи винят «немецкую партию» или

---

[31] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 101. № 8061. Л. 43.

[32] См.: *Чекулаев Н. Д.* Армянские эскадроны в составе русских войск 1723–1764 гг. С. 77. О смерти царя Вахтанга см.: *Просянов Т. Н.* «Для сохранения требовал караулу, понеже де оной город пограничной». Грузинский царь Вахтанг VI и его семья в Астрахани. 1735–1737 // Исторический архив. 2005. № 5. С. 174–185.

[33] См.: РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. № 6. Л. 106, 290 об.

[34] Цит. по: *Астраханский В. С.* «Всемилостивейшей государыни всеподанейший раб...»: Донесение В. Н. Татищева о просьбе бывшего посла в Персии в России Измаил-бека 1742 г. // Исторический архив. 2003. № 6. С. 208–209.

[35] *Маркова О. П.* Указ соч. С. 123.

[36] *Абдурахманов А. А.* Указ. соч. С. 67; *Алиев Ф. М.* Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. С. 117.

«онемеченных» правителей России в отказе от петровской политики «покровительства народам Кавказа», в отсутствии «интереса к прикаспийским провинциям» и в действиях «вопреки стратегическим интересам России»[37], вплоть до утверждения, что по чьей-то злой воле российские «войска, почти брошенные на произвол судьбы, терпели страшные лишения»[38].

С другой стороны, в научной литературе можно встретить оценки принятых в 1734–1735 годах решений как «успеха российской дипломатии»[39] или, более скромно, как реализации долгосрочной стратегии сдерживания Турции в Закавказье[40], хотя стоит признать, что Гянджинский договор, скорее, обострил ситуацию в регионе, куда устремилась Турция, объявив себя защитницей единоверных мусульман-суннитов Кавказа от «еретиков-шиитов».

С высоты наших нынешних знаний о прошлом упрекать государственных людей XVIII столетия в том или ином просчете легко, но стоит ли это делать? Они принимали решения с точки зрения тех политических «видов», которые тогда казались наиболее важными, исходя из наличной и доступной им в то время информации, и о последующем им знать было не дано. Учитывая это, можно оценивать не слишком славное окончание «персидских дел», по крайней мере как рациональный выход (хотя бы и с ущербом для престижа страны) из сложившейся ситуации с наименьшими потерями, чтобы превратить Иран из потенциального противника в союзника[41].

Видимо, тогда, в 1735 году, министры российского Кабинета могли считать комбинацию выгодной: страна избавилась от труднодоступных, не приносивших никаких выгод и постоянно поглощавших людские, денежные и материальные ресурсы и заморских провинций, но при этом не допустила на Каспий турок, получила привилегии в торговле и приобрела мощного союзника, военные обязательства которого были прописаны в долгосрочном договоре. 15 июня Кабинет министров, обсуждая известия из Стамбула о предстоящем походе татар в Азербайджан, полагал нужным всячески «ободрять» союзника, но не оказывать ему реальной помощи.

---

[37] См.: *Пайчадзе Г. Г.* Указ. соч. С. 152; *Сотавов Н. А., Хадисова Р. С.* Прикаспийские области в международной политике эпохи Петра I и Надир-шаха Афшара // Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала, 2005. № 2. С. 62; *Салимова Н. А.* Кавказская проблема и Крымское ханство в русско-турецких отношениях от Рештского договора до Гянджинского трактата // Омский научный вестник. 2007. № 2. С. 13; *Чекулаев Н. Д.* Российские войска в Дагестане в контексте кавказской политики России (1722–1735 гг.). С. 142–143.

[38] На пути к регулярной армии: армия и флот в эпоху Петра Великого. С. 203.

[39] См.: *Никонов О. А.* Указ. соч. С. 165–166.

[40] См.: *Ананян Ж. А.* Указ. соч. С. 68–69.

[41] См.: *Сотавов Н. А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях. С. 88–89.

Зато ситуация позволяла провести «диверсию» в Крым – уже согласно военным планам российских генералов. Надир же, по мнению министров, мог бы наказать, помимо турок и татар, также «непорядочные дикие народы» Дагестана, а заодно своими силами установить «коммуникацию» с союзником[42]. А в августе они же извещали С. Д. Голицына о приближении турецкой армии и желательном продолжении войны векилем, поскольку именно для этого «Бог его инструментом изобрал»[43]. У самого Надира были решительные намерения. Его послы просили выделить суда для перевозки войск по Черному морю, а также настаивали на немедленном разрыве России с Османской империей. В связи с этим императрица поручила Голицыну передать векилю, что такое большое количество судов отправить невозможно, тем более что Россия на Черном море не имеет ни одной гавани, где можно было бы их построить. Голицын должен был посоветовать Надиру захватить другие крупные города Турции, лежащие на пути к Стамбулу, а потом подойти к столице. Кроме того, следовало разъяснить ему, что в случае если Россия объявит войну Османской империи, военные действия развернутся не на Черном море, а со стороны Киева[44].

Дипломатическая история помнит немало «вечных миров» и союзнических клятв, не выдержавших испытания временем из-за несовпадения интересов партнеров. Так случилось и на этот раз – удалой полководец не собирался оставаться «инструментом» ни в чьих руках. В феврале 1736 года посреди Муганской степи Надир принял корону шахиншахов Ирана. Его воцарение отнюдь не принесло стране покоя, однако Иран и Турция начали мирные переговоры. Прибывший в Петербург посол нового шаха, уже знакомый нам Хулеф Мирза Мухаммед Кафи, привез императрице восточные подарки (910 зерен лучшего жемчуга, 177 штук «парчей и изарбафов» и девять «арапов и арапок») и на приеме 18 апреля заверил ее в «имеющемся твердом намерении к ненарушимому содержанию и крепчайшему утверждению» вечной дружбы и союза между двумя державами.

Вице-канцлер Остерман как раз несколько дней назад отправил визирю Оттоманской Порты ноту с формальным объявлением войны, поэтому на конференции с послом 4 мая поинтересовался намерениями союзника на предмет заключения военной конвенции. Мирза Кафи, в свою очередь, спросил «премудрейшего и великого везиря» о российских планах «искоренения» общего противника. Осторожнейший Андрей Иванович славился

[42] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1735. № 4. Л. 17–19 об.

[43] См.: Там же. Л. 24 об.

[44] См.: *Мустафазаде Т. Т.* Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. С. 198.

умением говорить, ничего не сказав по сути: он заверил собеседника, что «действа со всею силою со стороны всероссийской без остоновки продолжены будут», но не назвал, как и где, то есть «по ситуации границ и земель».

Мирза Кафи тоже оказался не прост и просил указать конкретную «диспозицию», а от заключения конвенции отговаривался отсутствием полномочий и нужного «обыкновения», зато заверил, что его повелитель на уже идущих переговорах не заключит мира без участия России (Остерману пришлось заявить, что в условиях объявленной войны «о мире уже ныне более упоминать не подобно»). 17 июня 1736 года , когда армия фельдмаршала Миниха уже ворвалась в Крым, Мирза Кафи объявил, что Порта на переговорах утвердила условия его повелителя, «кроме одного российского мира» (то есть турки отказались включить в договор Россию как воюющую сторону), но шах «в слове своем крепко стоит» и без союзника мир не заключит. Объявлена была и грамота шаха, в коей Надир предлагал: если русские идут на Стамбул, то он готов к походу; если же нет – он заключает мир[45]. Последующие встречи ничего нового не принесли: посол обещал писать шаху, но больше интересовался российской помощью в строительстве современных кораблей на Каспийском море, в том числе присылкой российских мастеров, что никак не входило в планы Петербурга.

Когда российский резидент в Иране Иван Калушкин получил из Петербурга указ передать Надиру, что Россия объявила войну Порте, осадила Азов и ожидает действий союзника, шах заявил, что «турками мутит и их миром проводит и обманывает», но сейчас отправляется в поход «на бунтовщиков-бахтиарцев». Упрек, что шах своими домогательствами поднял Россию против турок, а теперь оставляет ее воевать одну, «шахово величество» повелел парировать: «Осада русскими Азова, взятие трех крепостей турецких, отправление войска в Крым и на Кубань – все это дело ничтожное; Персии в Азове никакой нужды нет, точно так как России в Багдаде», – и недипломатично потребовал ответа на вопрос, согласны ли русские двинуться вместе с ним в Царьград, причем императрица должна была сама отправиться в этот поход или по крайней мере послать верховного министра[46].

Безрезультатные переговоры не были изощренным коварством со стороны Надира – истощенным многолетней войной Ирану и Порте нужна была хотя бы временная передышка. К тому же у шаха имелись свои планы создания великой империи, и борьба с турками была только одним из

[45] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1736. № 17. Л. 329, 374–382, 444–453.

[46] См.: *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. Кн. 10. С. 408.

направлений его внешней политики. Кстати, в своих обязательствах шах отчасти «устоял»: заключенный в сентябре 1736 года в Эрзеруме мирный договор с султаном он не ратифицировал – правда, не из уважения к России, а по причине отказа турецких министров и богословов признать шиитский джафаритский мазхаб (школу мусульманского права)[47]. Но воевать он стал в другом месте – иранская армия обрушилась на Афганистан, а затем ворвалась в Индию. Надир разгромил армию Великого Могола Мухаммад-шаха и разграбил имперскую столицу. «Победоносное войско, сразу в числе ста тысяч человек с оружием в руках атаковало кварталы, улицы, базары и дома жителей той местности и занялось убийством. Детей и взрослых, юных и старых, кого бы ни находили, не стеснялись убивать и лишать жизни; луноликих девушек и целомудренных женщин пленили рукою предопределения и пустили дым бесчестья из имущества каждого богатого человека», – описал эти события историк деяний шаха[48]. После этого похода новый персидский посол в России поднес регентше Анне Леопольдовне роскошные дары из захваченной в Индии добычи, в том числе девять слонов[49]. На аудиенциях у Остермана 9 и 13 октября посол Мухаммед Хусейн-хан сообщил об успешном походе в Индию и беседовал «о некоторых делах, заключающих пользу обеих высочайших держав»; однако содержание этих бесед в архивном деле о посольстве не раскрывается.

Затем настал черед Средней Азии. Иранские войска подчинили Хиву и Бухару. Шах-завоеватель не забыл о союзнике – его приход принес свободу многим русским пленникам, в том числе оставшимся в живых участникам похода Бековича-Черкасского 1717 года. Консул в Реште Семен Арапов докладывал в апреле 1741 года, что к нему по приказу Надира доставили 107 бывших рабов из Хивы: солдат, матросов, торговцев, рыбаков, донских и яицких казаков, захваченных на рыбных промыслах и в степи калмыками, кайсаками и «воровскими казаками» или занесенных штормами на восточный «трухменский» берег моря. Каждому из них от имени шаха было выдано по пять рублей, два кафтана, две пары сапог, две рубахи, две шапки и еда на дорогу[50]. Правда, «дружба» с шахом стоила российской казне недешево: прием иранских посольств в 1736–1739 годах обошелся в 110 тысяч рублей; на обслуживание вторичного прибытия и «отпуск» Хулефа Мирзы Кафи в 1740 году ушло еще 28 500 рублей[51].

---

[47] См.: *Абдурахманов А. А.* Указ соч. С. 72–73.

[48] *Мухаммад-Казим.* Поход Надир-шаха в Индию. М., 1961. С. 162–163.

[49] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1741. № 18. Л. 574.

[50] См.: Там же. № 25. Л. 1 об. и далее.

[51] См.: Сборник РИО. Т. 146. С. 108–109, 347, 432.

К тому времени Россия уже вышла из победной, но крайне тяжелой для нее войны на безлюдных степных пространствах Северного Причерноморья. Союзники действовали несогласованно, русские армии два года подряд совершали изнурительные марши в Крым, откуда были вынуждены уходить из-за жары, болезней и отсутствия провианта и фуража. Только в 1739 году главнокомандующий Миних наметил оправдавший себя впоследствии маршрут через Молдавию прямо в турецкие владения на Балканах и даже заключил с молдавским господарем договор о переходе в русское подданство.

Однако наметившийся в 1739 году после сражения при Ставучанах успех развить не удалось: как раз в это время союзники-австрийцы были разбиты под стенами Белграда и вынуждены были заключить мир ценой потери всех территорий, завоеванных ими к 1718 году. По Белградскому договору 1739 года Российская империя не получила ни выхода к Черному морю, ни права держать там свой флот; вся торговля могла осуществляться лишь на турецких кораблях. В качестве трофеев ей достались только Азов без права строить там укрепления и полоса степного пространства к югу вдоль среднего течения Днепра; русским паломникам гарантировалось свободное посещение Иерусалима.

Условия ведения наступательной войны на огромных пространствах, необходимость координации действий на разных фронтах, учет международной ситуации и состояния противника – все это требовало известного опыта, приобретение которого подготавливало почву для будущих успехов времен Екатерины II. Только цена этого опыта оказалась очень высока: по современным оценкам, походы 1735–1739 годов унесли жизни не менее 120 тысяч человек, то есть примерно половины штатного состава армии; причем не более десяти процентов от этого числа пали в боях, а остальные погибли от жары, голода и болезней. Слава же великих побед досталась уже следующим поколениям русских солдат и полководцев.

В этой «незнаменитой» войне участвовали командиры и полки бывшего Низового корпуса. Некоторые из выведенных полков были расформированы, прочие размещены на юге России – на Украине, в Харькове, Царицыне, Воронеже, Белгороде, Изюме, Коротояке, Острогожске, укомплектованы людьми и лошадьми. Часть их в том же 1735 году поступила «в команду» фельдмаршала Миниха[52]. Другие соединения вошли в состав армии фельдмаршала П. П. Ласси и гребной флотилии П. П. Бредаля и воевали на Азовском море.

Проблемы содержания «не положенных в штат» полков не прекратились и после вывода их из Ирана. В феврале 1737 года Военная коллегия в оче-

[52] См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. № 62. Л. 27, 153 об., 322.

редной раз пожаловалась на Штатс-контору, которая не перечислила средства. Кабинет распорядился деньги выплатить. Но в ответ Штатс-контора разъяснила: сами кабинет-министры велели содержать эти части за счет «таможенных доходов», а также поступлений с Украины, средств Коллегии экономии и других «остаточных» статей, но теперь «вышеписанных доходов деньги в Статс-контору не приходят». Далее контора напоминала, что по прежним указам доходы от продажи казенных железа и меди остаются в Коммерц-коллегии, от торговли ревенем – у Медицинской канцелярии; к тому же командующие армиями Миних и Ласси постоянно требуют денег, и все свободные средства уходят на «турецкий фронт». Министры хотя и обиделись на такое разъяснение («из того ничего подлинного выразуметь невозможно»), но смогли только порекомендовать конторе «изыскать способы» найти деньги совместно с Сенатом. Опытные сенаторы, постоянно сталкивавшиеся с подобными заданиями, выход нашли. В Петербурге обнаружили 15 тысяч рублей, из московских канцелярий и контор выгребли 35 тысяч, а затем взяли «заимообразно» из Монетной конторы еще 50 тысяч и в итоге обеспечили необходимые выплаты[53].

Такая ситуация сохранялась до начала царствования Елизаветы Петровны, когда одни сохранившиеся полки бывшего Низового корпуса (Апшеронский, Кабардинский, Куринский, Навагинский, Нашебургский, Низовской, Тенгинский, Ширванский) были введены в штат армии, а личный состав других (Бакинского, Дагестанского, Дербентского, Сальянского) пошел на пополнение команд кораблей Балтийского флота[54].

Персидские миражи

После вывода войск в 1735 году российская дипломатия долгое время решала задачу утверждения империи в Черноморском бассейне. В Закавказье Петербург предпочитал поддерживать более или менее устойчивый баланс сил – сначала с помощью Ирана, потом в более сложной комбинации с участием Картли-Кахетинского царства Ираклия II (1762–1798) и азербайджанского Кубинского ханства во главе с Фатали-ханом (1758–1789). Военное вмешательство осуществлялось выборочно и дозированно – например, посылкой отряда генерала Г. К. Тотлебена в Грузию в 1769 году на помощь Ираклию против турок или рейдом войск генерала И. Ф. Медема в 1775 году против правителя Каракайтага Амира Хамзы, осадившего Фатали-хана в Дербенте.

---

[53] См.: Сборник РИО. Т. 117. С. 118, 121, 137–138, 219–221.

[54] См.: *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Регулярная пехота: 1698–1801. М., 1995. С. 262–281.

Правда, в конце 1779-го – начале 1780 года тогдашний правитель Юга России Г. А. Потемкин планировал «персидскую экспедицию» в ослабленный внутренней борьбой Иран, где как раз скончался сумевший на время объединить страну влиятельный правитель Керим-хан Зенд. Секретный ордер от 11 января 1780 года прибывшему в Петербург и принятому императрицей А. В. Суворову гласил: «Часто повторяемые дерзости ханов, владеющих по берегам Каспийского моря, решили, наконец, ее императорское величество усмирить оных силою своего победоносного оружия. Усердная ваша служба, искусство военное и успехи, всегда приобетаемые, побудили монаршее благоволение избрать вас исполнителем сего дела».

Согласно этому указанию прибывший в Астрахань полководец стал готовить флот, установил переписку с Ираклием II и прикаспийскими ханами, одного из которых – правителя Гиляна Гедает-хана – пытался склонить на сторону России. Через свою агентуру, большую часть которой составляли выходцы из Армении, он получал информацию о положении в Персии; составлял карты и описания мест, в которых должна разворачиваться вверенная ему экспедиция – сухопутный марш от Кизляра в сочетании с морским походом на Решт с целью создания на южном берегу Каспия укрепленной «пристани для коммуникации» и торговли со странами Востока[55].

Еще в Петербурге Суворов встречался с поборниками освобождения Армении от персидского ига. «Генерал-поручик Александр Васильевич Суворов приехал к нам на свидание, – записал армянский церковный и политический деятель, архиепископ (с 1800-го – католикос всех армян) Иосиф Аргутинский в своем дневнике, – и в течение двух часов... задавал много вопросов по тому же предмету и о наших краях. Подробно распрашивал о состоянии престола нашего святого Эчмиадзина и сильно обнадеживал нас, что намерены восстановить наше государство. Выйдя от нас, он поехал к светлейшему князю Григорию Александровичу Потемкину и передал ему все сказанное нами о городах». Однако Суворов так и не дождался команды начинать поход: пока шла его подготовка, Россия заключила принципиально важный союз с Австрией, направленный против турок, и приступила к присоединению Крыма.

В этих условиях каспийская экспедиция отступила на второй план: вместо масштабного похода в 1781 году была сделана осторожная попытка вновь закрепиться на южном берегу Каспия. Летом этого года капитан Марко Войнович привел свою эскадру к берегам Мазандерана и договорился с губернатором Фетх Али-ханом об устройстве фактории. Моряки и солдаты успели выстроить батареи, дома, госпиталь, казармы, пристань.

[55] См.: *Нерсисян М. Г.* А. В. Суворов и русско-армянские отношения в 1770–1780 гг. Ереван, 1981. С. 44–45, 62–63.

Однако появление русских вызвало тревогу дяди Фетх Али-хана, могущественного хозяина Астрабада Ага Мухаммед-хана Каджара. В декабре 1781 года Фетх Али-хан пригласил Войновича и его офицеров в гости и захватил их в плен. В результате капитан вынужден был отдать приказ об уничтожении поселения и его укреплений[56]. Когда все было исполнено, Ага-Мухаммед любезно извинился за рвение подчиненных и отпустил пленников домой.

Российского влияние закреплялось прежде всего дипломатическими средствами в условиях соперничества наиболее крупных закавказских владетелей. 24 июля 1783 года в крепости Георгиевск командующий Кавказской линией генерал-лейтенант Павел Потемкин и представители Ираклия II подписали Георгиевский трактат. Россия принимала царя «со всеми его наследниками и преемниками... в монаршее покровительство ее величества» и гарантировала целостность его «настоящих владений». Петербург брал на себя защиту грузинских интересов перед Ираном и Турцией. Грузии предоставлялась внутренняя автономия, но ее внешнеполитические дела контролировались русскими властями на Кавказе. Секретными статьями предусматривались размещение в Грузии двух российских батальонов и обязательство России добиваться возвращения отторгнутых прежде от Грузии земель. России требовалась в качестве союзника сильная Грузия – но не настолько, чтобы она могла осуществлять великодержавные планы Ираклия, в том числе его претензии на Ереванское и Гянджинское ханства, Карс и Ахалцих. С началом новой Русско-турецкой войны (1787–1791) русские батальоны были выведены из Грузии, а сам Ираклий в 1788 году заключил мирный договор с турками.

Одновременно Россия поддерживала отношения с Фатали-ханом, имевшим собственные гегемонистские замыслы в Закавказье. Когда тот в 1785 году собрался присоединить к своим владениям земли Южного Азербайджана, переправился через Аракс и без боя овладел Ардебилем, Г. А. Потемкин потребовал от него распустить войска и возвратиться в Ширван. Не была Петербургом удовлетворена и просьба Фатали-хана «о принятии меня со всем подвластным мне народом и провинциями в высочайшую зависимость». Однако переговоры с кубинским ханом, стремившимся объединить под своей эгидой азербайджанские ханства и при возможности занять шахский престол в Иране, продолжались. С трудом удалось российской дипломатии в 1789 году добиться заключения союза между Ираклием II и Фатали-ханом, но смерть последнего разрушила эту комбинацию. У России искал поддержки и карабахский Ибрагим Халил-

[56] См.: *Алексеев В. В.* Экспедиция графа Войновича к персидским берегам // Военно-исторический сборник. 1914. № 3. С. 57–60.

хан, просивший в 1785 году принять его в подданство, но не вмешиваться во внутренние дела ханства.

Через несколько лет Ага-Мухаммед сумел объединить Иран под своей властью и восстановить влияние державы в Закавказье. В 1795 году он разгромил войска Ираклия и взял Тбилиси. В условиях ослабления Турции империя не могла оставить действия шаха без последствий. Указ Екатерины II от 19 февраля 1796 года предписывал генерал-лейтенанту Валериану Зубову (брату императрицыного фаворита) обеспечить «восстановление спокойствия и порядка» в Иране; речь шла о «ниспровержении власти хищника» Ага-Мухаммеда, утверждении на престоле его брата Муртазы Кули с последующим дроблением страны – отделением южных провинций и восстановлением независимости ориентирующихся на Россию азербайджанских ханств; империи же этот поход должен был «открыть путь в Индию»[57].

30-тысячная армия вновь появилась в Закавказье. Ее командующий повторил поход Петра I более успешно: летом и осенью 1796 года его войска заняли Дербент, Баку, Шемаху и Гянджу, вышли на Куру и расположились на зимовку в Муганской степи. В будущем Зубов собирался занять Гилян и Астрабад, двинуться на Казвин и новую столицу шаха Тегеран, чтобы нанести «конечное сокрушение» неприятелю[58]. Как и 70 лет назад, к победителю присоединились тарковский шамхал Мухаммад-хан, кайтагский Рустам-хан и табасаранский кади. Державин воспел поход Зубова и красоты Кавказа в оде:

О юный вождь! сверша походы,
Прошел ты с воинством Кавказ,
Зрел ужасы, красы природы;
Как с ребр там страшных гор лиясь,
Ревут в мрак бездн сердиты реки;
Как с чел их с грохотом снега
Падут, лежавши целы веки;
Как серны, вниз склонив рога,
Зрят в мгле спокойно под собою
Рожденье молний и громов…

Однако так же быстро сказались и трудности войны на Востоке, не предусмотренные в петербургских кабинетах. В тех же письмах, в которых

[57] См.: *Дубровин Н. Ф.* Поход графа В. А. Зубова в Персию в 1796 году // Военный сборник. 1874. № 2. С. 222.

[58] См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/7. № 159. Л. 70, 72, 115.

Валериан Зубов сообщал брату-фаворитуо победах и планах дальнейшего наступления, он просил о подкреплениях и сетовал на отсутствие фуража и тягловых волов, сообщал о не подвезенном вовремя провианте и «дождях денно и нощно», превращающих дороги в топь. Молодой генерал, как и его предшественники 70 лет назад, обнаружил, что горцы «к корысти только привязаны и ни малейшего доверия не достойны», но не мог отказать им «в знатной степени дерзости и храбрости»; их «разбойничьи партии» нападали на русские отряды; воевать по правилам не желали, «а хотя бы и открылись где, то их выжить трудно».

Чем могла бы закончиться широко задуманная экспедиция, сказать трудно; его история еще нуждается в исследовании. Прямых экономических целей поход Зубова как будто не ставил, однако надо сказать, что и в конце XVIII – начале XIX века победы российского оружия порождали мечты о легких путях к несметным богатствам Востока. В. А. Зубов перед походом на Персию ознакомился с сочинением греческого священника Хрисанфа, чье описание Средней Азии, Афганистана и Кашмира изобиловало фантастическими суждениями: «Бухария уподобляется саду удивительной красоты... превосходит самую Индию в богатстве и изобилии во всех жизненных припасах»; при продвижении вглубь Средней Азии россиянам «встречаться будут народы, владеющие, поистине можно сказать, землею обетованною, недра коей преисполнены злата, сребра и других драгоценностей...»

Даже после столкновения с кавказской действительностью тот же Зубов, уже в 1801 году, подал императору Александру записку, посвященную торговле с Азией. Под влиянием мыслей Екатерины II о том, что «направить торговлю Китая и Ост-Индии через Туркестан это значило бы возвысить эту (Российскую. – *И. К.*) империю на степень могущества выше всех остальных империй Азии и Европы», он обещал в будущем России поток товаров из Индии через Астрабадский порт, «стоит только правительству обратить на оную деятельность внимание». Вслед за ним подобные проекты о «проложении путей к богатствам всех народов Азии» подавали и другие государственные мужи, в том числе министр финансов Д. А. Гурьев и член Государственного совета адмирал Н. Н. Мордвинов. Реальная же картина торговли была иной. Менее возвышенные купцы и приказчики Оренбурга даже в середине XIX века отмечали «жалкое общественное, экономическое и нравственное состояние Бухарского, Хивинского и Кокандского владений в наше время...»[59].

[59] См.: *Сопленков С. В.* «Златая стезя в Азию», или Российские планы XVIII – середины XIX в. относительно сухопутной торговли с зарубежной Азией // Зарубежный Восток: вопросы истории торговли с Россией. С. 63–66, 70–81.

Но после смерти Екатерины Великой ее сын и наследник Павел приказал немедленно вернуть войска. Новый император полагал, что пока «время и обстоятельства» не позволяют России прочно утвердиться в Закавказье и «подробно» обустроить «тамошний край», нужно «составить» из благоволящих к России тамошних владетелей «федеративное государство», номинально зависимое от Петербурга и способное бороться с врагами без российской поддержки.

В 1798 году скончался Ираклий II, а против его наследника Георгия XII выступили братья; в начавшейся междоусобной войне обиженные царевичи призвали на помощь отряды горцев и войска аварского хана. Царь обратился в Петербург с просьбой о присоединении к России Картли и Кахетии, наместниками в которых стали бы его потомки. Не дождавшись решения, Георгий XII умер, а изданный в январе 1801 года манифест Павла I провозгласил, что Россия согласилась на присоединение Грузии по просьбе грузинского народа для защиты страны от «несчастливых войн» и по причине «несогласия в доме царском».

После смерти Павла I вопрос о Грузии дважды обсуждался Непременным советом нового императора Александра I. Выбор был трудным: попытаться создать в Закавказье федеративное государство из грузинских княжеств, как это предполагал Павел I, либо наследственное наместничество в составе России, как просил Георгий XII, – или упразднить царскую власть в Грузии и превратить страну в российскую губернию. Грузия в качестве полусамостоятельного государства с враждующими членами династии и воюющими между собой большими и малыми владетелями едва ли могла быть надежным тылом. Решив, что страна «не может ни противостоять властолюбивым притязаниям Персии, ни отразить набеги горских народов»», император в манифесте от 12 сентября подтвердил решение о включении Восточной Грузии в состав Российской империи. Династия Багратионов лишилась прав на грузинский престол, а Картли и Кахетия стали Грузинской губернией.

Имеретия потеряла автономию в 1810 году, Гурия – в 1840-м, Мингрелия – в 1857-м и, наконец, Абхазия вошла в состав империи только в 1866 году. Присоединение Грузии не принесло России выгод . Его следствием стала серия войн в Закавказье с Ираном и Турцией. Необходимость противодействия набегам горцев и установления надежных коммуникаций с Грузией через Большой Кавказский хребет способствовала втягиванию в войну в горах: империя не могла оставить между собой и христианским Закавказьем непокоренный Кавказ. Первым же полководцем, который вел постоянные боевые действия на Кавказе, стал главноуправляющий Грузией и командующий Кавказским корпусом генерал князь Павел Цицианов.

В целом относительно добровольное и условное «вхождение» народов Северного Кавказа в состав России происходило вплоть до Гюлистанского договора с Ираном (1813) и Андрианопольского с Турцией (1828), когда эти державы признали присоединение к России Дагестана и Черноморского побережья Кавказа. Империя, в свою очередь, не имела сил и возможностей установить на окраинах новое административное устройство, и реальная власть оставалась у местных ханов и горских «вольных обществ».

Правительство пыталось «употреблять всевозможные средства привлекать к нам различных владельцев... возбуждая в одних любочестие к желанию быть удостоенным от руки нашей, а другим внушая, какое обогащение, пользы и выгоды последовать могут им и подданным их от спокойного владения и от торговли с россиянами». С этой целью им присваивались чины, назначалось жалованье, гарантировалось наследственное владение их ханствами. Так, в Дагестане тарковский шамхал Мухаммед после принятия подданства России в 1793 году был произведен в тайные советники с назначением жалованья в шесть тысяч рублей в год. Аварский хан имел чин генерал-майора, а табасаранский кадий – полковника российской армии. В дальнейшем продвижение на этом направлении даже после двух успешных русско-иранских войн (1804–1813 и 1826–1828 годов) ограничилось Дагестаном и Северным Азербайджаном. Власть местных ханов постепенно заменялась управлением российских «комендантов» с подчиненными им «наибами» из местных беков. Общероссийская администрация появилась здесь только в 40-х годах XIX века; при этом Петербург торжественно подтвердил права тамошней знати и не допускал введения русского дворянского землевладения.

Восточный мираж периодически еще вставал перед глазами. Так, например, в январе 1856 года (еще не завершилась неудачная Крымская война) герой Севастополя генерал-лейтенант Степан Хрулев в записке на имя военного министра предложил организовать через Иран поход на Индию. По его замыслу, высадившийся в Астрабаде 30-тысячный корпус должен был заложить там мощную военную базу и двинуться маршем через Мешхед–Герат–Кандагар в индийские владения британской короны. Генерал полагал, что Иран будет счастлив, получив обещание русских отдать ему турецкие Кербелу и Неджеф (каким образом это предполагалось осуществить, он не сообщал), а прочие «туземцы» легко склонятся на нашу сторону и даже «ждут наше желанное войско» в Индии; таким образом, «власть англичан на материке совершенно уничтожится»[60]. Правда, никакой коммерческой выгоды в этом проекте Хрулев не предлагал.

[60] О походе в Афганистан для уничтожения владычества англичан в Индии // Древняя и новая Россия. 1878. № 4. С. 343–345.

В 1878 году, во время Русско-турецкой войны, в обстановке весьма напряженных отношений с Англией русское правительство приняло решение об организации марша частей Туркестанского военного округа на юг в сторону Индии – но это уже была чистая демонстрация силы: войска получили приказ ни в коем случае не пересекать границу[61].

С середины XIX века проникновение в Иран шло уже более цивилизованными методами: путем получения концессий, основания банков, предоставления займов с получением контроля над таможнями – в результате чего к началу следующего столетия Гилян на деле стал «торговым рынком России», а на южном берегу Каспия в Астрабадской морской станции базировались русские военные корабли[62]. Однако новая эпоха советской истории, начавшаяся под лозунгом мировой революции, привела к возрождению натиска на Восток: созданию эфемерной Гилянской советской республики в 1920 году и уже откровенной попытке аннексии Южного Азербайджана в 1945–1946 годах.

[61] См.: *Загородникова Т. Н.* Предисловие // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии. М., 2005. С. 29.

[62] *Гурьев Б.* Торговля России с Персией и проект Великого Индийского пути // Восточный сборник. Пг., 1916. Кн. 2. С. 95; *Кулагина Л. М., Дунаева Е. В.* Указ. соч. С. 43.

Указатель

А

Аббас I, шах 15, 20–21
Аббас III, шах 338, 341
Абдулла-паша Кепрюлю 305–306, 350–351
Абул-Фейз, хан Бухары 29
Аван юзбаши 299–301, 304, 354
Аврамов Семён, резидент 31, 33, 42, 46, 57, 82, 86, 88, 90–91, 97, 101, 110, 116, 121, 125, 138, 267, 304, 310, 312, 318–324, 328, 331–332, 338, 344, 347, 353
Ага Мухаммед-хан Каджар, шах 362, 363
Ага (Мухаммед) Эмин, писарь 242, 244, 332
Аджи-Будай 121, 123
Аджи-Айгун, акушинский кадий 264
Адиль-Гирей, шамхал 11, 42–43, 47, 64, 73–75, 85, 119–123, 139, 141–144, 150, 154–158, 245–246, 274
Айдемир, владелец Эндери 45, 52, 62, 115, 140–141, 156, 158, 258, 261, 263
Акбердиев Алмамет, шпион 243, 322
Аллакулычев (Аллакулиев) Сафар шпион 244, 322
Албанез Иван, майор 172
Александр I, император 364–365
Али-паша 327, 351
Али Кули (Гули), хан 221, 226, 231, 258, 260, 340
Алла Кули-бек 258
Аллахвердеев Угурлы, шпион 243, 322
Алыпкаш, брат шамхала 140
Анна Иоанновна, императрица 59, 175, 218, 326
Апраксин Ф. М., генерал-адмирал 50, 52, 54, 58–59, 60–68, 70, 88, 162, 221, 277, 296
Арапов Семён, поручик, консул в Гиляне 347, 358
Аракчеев, полковник 146
Арслан-Гирей, калга 330
Ахмед III, султан 314, 327
Ахмед-паша 332, 338
Ахмед-хан, уцмий Кайтага 43, 47, 67, 71–72, 115, 120, 129, 158, 247, 249, 250, 256, 258–259, 262, 264, 275, 339–340, 346
Аюка, хан калмыков 74, 84, 116

Б

Бабахан, калантар 242
Бакар Багратиони, царевич 107–108, 343
Барятинский И. Ф., бригадир 51, 54, 70, 78, 109, 115–116, 128, 175, 179–180
Барятинский Михаил, полковник 179–180, 254
Баскаков Алексей, капитан 42, 108
Беневени Флорио, посол в Бухару 28–30, 36–38
Бибиков И. И., генерал-майор 176, 340
Бирон Э. И., обер-камергер 219–220, 348
Бонак де, Жан Луи д'Юссон, маркиз, французский посол в Турции 53, 104–109, 111, 162
Бриньи (Брильи) де Андреян, генерал-майор 94, 117, 158, 164, 176, 178, 340, 343, 346, 349
Бриньи де Петр, полковник 158, 164, 176
Брюс Генри, капитан 65–67, 73
Бундов, капитан 189–190, 242
Бутурлин А. Б., генерал-майор 32, 40, 46, 48, 58, 62, 68–69, 176, 180, 229, 262, 340

В

Вахтанг VI, царь Картли 76, 81, 84–85, 106–108, 113, 129, 150, 160, 166, 170–171, 295–298, 303–313, 340, 343, 347, 349
Вахушти Багратиони, царевич 69, 108
Венедиер Т., генерал-майор 176, 179, 285, 329
Верден К. П., капитан флота 39–40
Веселовский И. П., секретарь 220
Ветерани Андрей, бригадир 54, 61–63
Вильбоа Франц, капитан флота 61, 70
Войнович М. И., капитан-лейтенант флота 361–362
Волынский А. П., посол в Иране 11, 23, 30–41, 43–48, 54, 59, 62, 77–78, 80, 83, 93–94, 97, 108, 179, 190, 192, 249, 286
Воронцов М. И., канцлер 353
Вульф, майор 188, 189

Г

Гедает-хан, губернатор Гиляна 361
Гербер И. Г., майор 7, 12, 43–44, 56, 76, 128, 170, 178, 196, 225, 232–233, 249, 251–252, 255–256, 272, 287–288, 292
Гессен-Гомбургский Л., генерал-лейтенант 176, 218, 257, 263, 274, 339–340

Глазатой Борис, майор 141, 146, 151–152, 178
Голицын М. М., генерал-фельдмаршал 48, 106, 168, 212
Голицын С. Д., тайный советник, посол в Иране 281, 341–347, 349, 356
Головкин Г. И., канцлер 28, 36, 104, 106, 129–130, 161–162, 217, 241, 268, 296, 310–312, 326, 348
Грязнов Иван, гардемарин 182
Гулмухамет-хаджи, шпион 243, 322
Гуссейн-бек 96, 127

Д

Д'Андрезиль 162
Дамад Ибрагим-паша Невшехирли, визирь 102, 104–105, 109, 327
Дергах Кули-бек юзбаши 95–96, 127–128, 226, 232–233, 342, 344
Джафар, султан 188, 225–226
Дмитриев-Мамонов И. И., генерал-майор 60
Долгоруков В. В., генерал-аншеф 164, 168–172, 174–179, 183–185, 187–188, 193, 197, 203–205, 207–221, 225, 308–313, 315, 325
Дуглас Г. О., генерал-майор 174–176, 179

Е

Екатерина I, императрица 14, 100, 159, 161, 163, 164, 168, 169, 182, 217, 230, 231, 258, 271, 288, 296, 305, 307. 309
Екатерина II, императрица 359, 364, 365
Еропкин Д. Ф., генерал-майор 94, 154, 156, 158, 176, 248, 255, 263–264, 330, 340, 349
Ефремов Даниил, полковник. 75, 171

З

Загряжский А. Г., генерал-майор 170, 175–176
Зембулатов, полковник 96, 127, 132, 233, 252
Зубов В. А., генерал-аншеф 250, 363–364

И

Измаил-бек, посол шаха в России 82, 88, 90, 94, 97–98, 100–101,124–126, 130, 135, 160, 267–268, 273, 283, 291, 309, 320, 354
Измаил («шахович»), самозванец 186, 231
Имам Кули-бек, наиб Дербента 67, 71, 110, 120, 226, 247, 258
Имам-верди, визирь шамхала 121
Ираклий II, царь Картли и Кахети 360–363, 365
Исайя (Есан Хасан Джалалян), патриарх 69, 300

К

Казбулат, сын шамхала 123, 247, 260, 262–263, 340–341, 344
Кайтукин Арслан-бек, кабардинский князь 47–48, 110
Кампредон Жан, французский посол в России 48, 52–53, 162, 164, 307
Кантемир Дмитрий, сенатор 58, 60, 70
Каплан-Гирей, крымский хан 330, 351
Капрев, подполковник 125
Кара-бек, «бунтовщик» 188–189, 237
Каравак Луи, художник 60
Карапет Иван 107, 116, 271, 300, 302
Келбеали, султан 226
Киселев Богдан, полковник 118, 224
Колюбакин, подполковник 137, 174
Константин (Мухаммед Кули-хан) Багратиони, царь Кахети 69, 116, 319
Корчмин В. Д., генерал-майор 60
Котов Фёдор, купец 14, 17
Кошелев Фёдор, капитан-командор 181, 183
Краснощеков И. М., атаман 75, 104, 171, 208, 213
Кропотов Г. С., генерал-майор 54, 61, 64, 72, 78, 94, 117, 119, 121–123, 129–130, 139–140, 142–144, 153–156, 159, 169–170, 191, 250, 257
Кулейманов Гусейн, мулла 242
Куракин Б. И., русский посол в Голландии 101, 161–162, 267, 307

Л

Левашов В. Я., генерал-аншеф 11, 51, 54, 78, 89–92, 94, 123–127, 134, 137–138, 160, 165, 175–176, 179, 183–184, 187–190, 193, 196–197, 204, 206–209, 212–220, 222–223, 237–238, 240–244, 254–257, 259–264, 267–269, 271, 273, 279, 281–286, 289, 291, 294, 298, 303, 305–306, 308, 310–312, 314–318, 321–322, 324–329, 331–337, 339–352
Леонтьев М. И., генерал-майор 143, 176, 340, 345, 351
Лизогуб Семён 143
Лицкин Андрей, полковник 171, 129
Лошкарев Тихон, купец 276–277, 282
Лукей фон, полковник 143, 158, 170, 172–173, 178–179, 181, 253
Лунин Осип, лейтенант флота 68, 70, 92, 182

М

Макаров А. В., кабинет-секретарь 59, 68, 79, 117, 119, 122, 139, 169, 180, 184, 197, 246, 257–258, 310–311
Маленький Семён, купец 24–25

Мамадали-бек, дарага 241
Мамед Али-бек, рештский визирь 86–87, 90, 123, 133, 136
Маркович Андрей 93, 119
Маркович Яков 13, 154–155, 159–160, 169, 190–191, 196–197
Мартирос, епископ 129, 230
Мас Ефим, лекарь 190, 198
Маслов Александр, полковник 72, 141, 172–173, 178–179, 252
Матюшкин М. А., генерал-лейтенант 6–7, 52, 54, 60, 78–79, 82–83, 87, 92–96, 107–108, 115, 117, 120–132, 136–138, 141–142, 144, 154, 159–160, 163–165, 169, 181, 190–191, 208, 210, 266–267, 269, 271–273, 283–284, 294–295, 305, 310
Махмуд, сын Мир-Вейса, шах 43, 81, 82, 87, 89, 100, 105, 111–112, 162, 305, 316
Махмуд I, султан 47, 65, 72, 327
Махмуд, табасаранский майсум 68, 158, 195, 247, 339
Мелик-Махмуд, губернатор Туна 81, 318, 319
Мелик Магамет, «бунтовщик» 189
Меншиков А. Д., генерал-фельдмаршал 98, 162, 165, 168, 175, 180, 212, 217, 220, 258, 299
Мещерский Борис, унтер-лейтенант флота 116, 121, 125–126, 131, 310
Милорадович Михаил, гадячский полковник 119, 208
Миних Б. Х., генерал-фельдмаршал 211, 291, 352, 357, 359–360
Мир Аббас-бек, талышский владелец 96, 133
Мир Азис, кескерский визирь 123, 133, 226
Мир-Вейс 43, 81
Мирза Ибрагим, посол шаха в России 325, 327, 329–331, 333–334
Мирза-Рехим, «эхтима-девлет» 327
Михаил Фёдорович, царь 15
Михайлов Пётр, атаман 193, 213
Мишуков Захар, капитан-командор 170, 181, 183, 236
Мугаметев (Мухаметев) Хаджи Мухиб, шпион 244, 233
Муртаза-Али (Муртуза-Али), брат шамхала 73, 75, 220
Муса-хан астаринский 225–226, 228, 234, 244, 255, 346
Муса-бек (юзбаши), наиб 226, 342, 344
Мустафа-паша 251, 351
Мухаммед Реза, корчи-баши 310–311
Мухаммед Юсуф-бек 110
Мухаммед-Гуссейн, бакинский султан 70, 94–95
Мхитар-бек, армянский полководец 299
Мясников Пётр, посадский человек 140, 274–275
Мятлев Василий, капитан-лейтенант флота 90, 183

Н

Надир (Тахмасп Кули-хан), шах 80, 242, 244, 318–324, 326–328, 332–333, 335, 336–338, 341–343, 345–351, 353–358
Неплюев И. И., русский резидент в Турции 53, 57, 84, 97, 101–103, 105–109, 111, 117, 218–219, 251, 253, 301, 305–307, 313, 315
Нерсес, патриарх 116, 300
Нишли Мехмет-ага (Мехмед-ага), турецкий посол в России 102–103

О

Осман-ага 103
Остерман А. И., вице-канцлер 138, 162, 165–166, 216, 222, 247, 275, 290, 294, 296–297, 301, 304, 325, 328, 339, 348, 352, 356, 358
Остафьев, полковник 127–129, 236

П

Павел I, император 365
Пальчиков Филипп, корабельный мастер 70
Парсандабеков Рафаил, майор 240–241
Пасауров Палабек, ротмистр 240–241
Пётр I, император 5–6, 8, 9, 22, 25–32, 38–43, 45–49, 51–72, 74–77, 80, 82–85, 87–89, 91–94, 96–112, 115–118, 124–131, 136–137, 140, 159–164, 170, 175–176, 205, 220–221, 247, 257, 264–267, 269, 271, 273–274, 279, 286, 288, 290, 293–295, 297, 300, 302, 304, 308, 325, 335, 340, 354, 363
Пётр II, император 212, 217, 220, 247, 314, 323
Пётр Сергеев (Петрос ди Саргис Гиланенц) 91, 239
Потёмкин Г. А., генерал-аншеф, генерал-губернатор Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний 361–362
Потёмкин П. С., генерал-лейтенант, командующий Кавказской линией 362
Пушкин П. К., капитан-лейтенант флота 94, 182

Р

Разин Степан 18, 22, 90, 195, 231
Румянцев А. И., генерал-лейтенант 71, 78, 82, 160–162, 170, 175–176, 179–180, 183, 212–214, 218, 221, 233, 251–254, 256, 258–259, 262, 301, 303, 306, 323–324
Рустем-бек, табасаранский кади 68, 247
Рустум, мятежник 238, 242

С

Саадет-Гирей, крымский хан 47

Сайдал-хан 186, 314–317
Сенявин И. А., контр-адмирал 181
Сефи I, шах 16
Скворцов Алексей, купец 277–278
Соймонов Леонтий, бригадир 171, 180, 252, 302
Соймонов Ф. И., капитан флота 39–40, 63, 68, 85–86, 88–89, 94–95, 97, 132, 150, 182–183, 236, 265–266
Солдатов Андрей, капитан 128
Соловьев Иван, капитан 178
Стралон Яков, полковник 152, 178
Ступишин Никита, полковник 173, 179, 188–189
Суворов А. В. 253, 361
Султан Магмут, аксайский владелец 52, 123
Султан Махмуд, утемышский владелец 47, 65, 72, 75, 100, 112, 120, 158, 247, 327
Султан Хусейн, шах 32, 79–80, 186, 231, 315, 338
Сурхай, хан Казикумухский 43–44, 46–47, 71, 110, 115, 129, 157, 251–254, 262–264, 306, 331, 340, 344

Т

Тараканов А. И., генерал-майор 93, 171
Тархан-юзбаши 301, 303–304
Тахмасп, шах 9, 76, 82, 86–87, 97, 99–100, 105, 111–112, 125, 127, 130, 139, 162, 165, 221, 233, 236, 244, 299, 304–305, 308–312, 315–320, 325, 331–332, 334–335, 337–338, 354
Тевкелев Алексей, переводчик 220–221, 268, 328
Тевкелев Муртаза, переводчик 220–221, 268, 316, 327, 331
Телс Антоний, штаб-лекарь 197
Толстой П. А. 28, 60, 62, 74, 76, 85, 129, 162–163, 277, 279, 296, 299, 312
Топал Осман-паша 338
Трубецкой Ю. Ю., генерал-майор 54, 78

У

Умма-хан аварский 247
Уразаев Ибрагим, переводчик 221
Урусов В. А., капитан-лейтенант флота 30, 39–40, 94, 183

Ф

Фаминцын Ю. И., генерал-майор 176, 180, 226, 234, 327
Фатали-хан, правитель Кубинского ханства 319, 360, 362

Фатх Али-хан Дагестани, «эхтима-девлет» шаха 32
Феофан Прокопович, епископ 60, 83, 114
Фетх Али-хан, губернатор Мазандерана 361–362
Фетх Али-хан Каджар, губернатор Астрабада 318–319
Фетхи-Гирей, царевич 263, 339

Х

Хаджи Мухаммед, «бунтовщик» 231, 242, 244, 333
Хаджи-Дауд (Дауд-бек) 43–47, 69–71, 82, 90, 93, 95, 104, 105, 110, 115, 120, 127–128, 232–233, 251–252, 272, 275
Хаджимугаметев Кулла Гамет, шпион 244, 332
Ханенко Николай 72
Христофоров Лазарь, подполковник 239–241
Хулеф мирза Мухаммед Кафи (мирза Кафи) 309–310, 342, 356–358
Хусейн Али, кубинский хан 226, 246–247
Хусейн-хан, посол шаха в России 344–345, 358

Ц

Цицианов П. Д., главноначальствующий в Грузии и астраханский генерал-губернатор 365

Ч

Черкасов И. А., подьячий 65, 320
Черкасский Александр (Бекович), капитан гвардии 25–30, 61–62, 245, 358
Черкасский Эльмурза 61, 255
Чернцов Иван, полковник 138, 171
Чириков Тимофей, полковник 149, 171

Ш

Шафиров П. П., вице-канцлер 11, 192, 219, 221–224, 277, 327, 329, 331–332, 334–335, 337, 348
Шван, полковник 190, 211
Шепелян, дарага 226, 234
Шереметев В. П., генерал-майор 5, 143, 156, 158
Шипов Никита, генерал-майор 175, 181, 205, 273
Шипов П. М., полковник 85–90, 125, 175, 267
Ширгазы, хан Хивы 27–28, 30
Штаф, генерал-лейтенант 171, 175, 205
Штершанц Иоганн, генерал-майор 175, 178, 205, 227–228

Э

Экалапашилов Бадурбек 241
Эшреф, шах 162, 221, 244, 299, 300, 304, 305, 308, 311–317, 321–322

Ю

Юнгер А. Т., бригадир 52, 71, 82–83, 115, 129, 141, 170
Юрлов Иван, подполковник 186, 245, 323–324, 328, 331–332
Юсупов Г. Д., генерал-майор 51, 54, 60, 78, 82

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

Глава 1. МОСКОВСКИЙ ПУТЬ НА ВОСТОК 14
Восточный бизнес 14
Шелковый поток 19
Путь в Индию: пропавший «Бекович» и удачливый секретарь 23
«Персида давно пропадает»: посольство Артемия Волынского 30
Накануне похода 39

Глава 2. «НА СТЕЗЯХ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО»: ПЕРСИДСКИЙ ПОХОД 1722–1723 ГОДОВ 50
От Москвы до Астрахани 50
Марш на Дербент 63
Победное отступление 69
Падение Исфахана 79
«Счастливой приход»: гилянская экспедиция 85
Завершение кампании: взятие Баку и Петербургский договор 1723 года 92
Дипломатическая пауза: мир с Турцией 1724 года 101

Глава 3. «С ВЯЩЕЮ СИЛОЮ В ПЕРСИИ ДЕЙСТВОВАТЬ…» 114
«Новозавоёванные провинции», год 1724-й 114
«В полное владение и состояние привести трудно» 132
Начало Кавказской войны 139
Столичные сомнения 160

Глава 4. «ДЕЙСТВА» И ЖИЗНЬ НИЗОВОГО КОРПУСА: АРМИЯ НА ВОСТОКЕ 168
Командиры и подчинённые 168
«Работы великие, партии непрестанные» 184
Гарнизонная жизнь 190
Цена побед 197

Глава 5. БУДНИ КОЛОНИАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ 215
Генерал, курьеры и канцеляристы 215
Правосудие по-персидски: судьи и «бунтовщики» 225
На российской службе 238

«Вашего государя и командиров мы не боимся» ... 245
Несбывшиеся надежды ... 265
Колониальные финансы ... 283

Глава 6. КАВКАЗСКИЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ УЗЕЛ ... 294
«Вспоможения войсками учинить не возможно» ... 294
В поисках союзника ... 304
Приключения при шахском дворе ... 318
На пути к Рештскому договору ... 325
«Великие прогрессы» Надира ... 335

Эпилог. РУССКИЕ УХОДЯТ И ВОЗВРАЩАЮТСЯ ... 346
Гянджинский мир ... 346
Персидские миражи ... 360

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН ... 368

Игорь Владимирович Курукин

Персидский поход Петра Великого

Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735)

Ответственный за выпуск *И. А. Тихонюк*
Художественный редактор *А. Ю. Никулин*
Редактор *Е. А. Никулина*
Корректоры *М. Г. Смирнова, Л. С. Барышникова*
Верстка *Н. А. Шакиров*

Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «TimesNewRoman». Усл. печ. л. 23,81. Тираж 1000
Заказ 3550.

Издательство «Квадрига»
123001, Москва, ул. Большая Садовая, дом 2/46.
Тел.: (499) 766-74-57. E-mail: kvadriga.izdat@mail.ru

Объединенная редакция МВД России
123434, Москва, Ивановский проезд, дом 18.
Тел. (495) 977-31-16. E-mail: otdel-r-mvd@mail.ru

ISBN 978-5-91791-046-8
ISBN 978-5-8129-0086-1

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, wwwoaompk.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ГУ "ОБЪЕДИНЕННАЯ РЕДАКЦИЯ" МВД РОССИИ ИЗДАЕТ СЕРИЮ ПОПУЛЯРНОЙ КНИЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОДГОТОВЛЕННОЙ НА ОСНОВЕ УНИКАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ О РОЛИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

1. История органов правопорядка России в точных датах.
2. НКВД РСФСР 1917-1923 г.г..
3. Губернии Российской империи.
4. Полтавская баталия: крепости и герои.
5. Полтавская битва.
6. Северная война 1700-1721 г.г.. Сборник документов.

Вы можете заказать книжную продукцию по тел.: 977-31-16, otdel-r-mvd@mail.ru

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «КВАДРИГА»
ВЫШЛА В СВЕТ:

М. М. Кром

Меж Русью и Литвой

Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в.

320 с. + илл

Книга посвящена истории вхождения в состав России княжеств верхней Оки, Брянска, Смоленска и других земель, находившихся в конце XV – начале XVI в. на русско-литовском пограничье. В центре внимания автора – позиция местного населения (князей, бояр, горожан, православного духовенства), по-своему решавшего непростую задачу выбора между двумя противоборствующими державами – великими княжествами Московским и Литовским.

Работа основана на широком круге источников, часть из которых впервые введена автором в научный оборот. Первое издание книги (1995) вызвало широкий научный резонанс и явилось наиболее серьезным обобщающим трудом по истории отношений России и Великого княжества Литовского за последние десятилетия. Во втором издании текст книги существенно переработан и дополнен, а также снабжен картами.

* * *

Получить информацию и сделать заказы можно
на сайте: www.militaryhistory.ru, по e-mail: kvadriga.izdat@mail.ru
или телефону (499) 766-74-57

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «КВАДРИГА»
ВЫШЛА В СВЕТ:

Ю. В. Лунева

Босфор и Дарданеллы

Тайные провокации накаиуне Первой мировой войны (1908–1914)

256 с. + илл

В ночь с 25 на 26 октября (с 7 на 8 ноября) 1912 г. русский морской министр И. К. Григорович срочно телеграфировал Николаю II: «Всеподданнейше испрашиваю соизволения вашего императорского величества разрешить командующему морскими силами Черного моря иметь непосредственное сношение с нашим послом в Турции для высылки неограниченного числа боевых судов или даже всей эскадры...» Утром 26 октября (8 ноября) Николай II ответил: «С самого начала следовало применить испрашиваемую меру, на которую согласен». Однако Первая мировая война началась спустя два года. Какую роль играли Босфор и Дарданеллы для России и кто подтолкнул царское правительство вступить в Великую войну?

На основании неопубликованных архивных материалов, советских и иностранных публикаций дипломатических документов автор рассмотрел проблему Черноморских проливов в контексте англо-российского соглашения 1907 г., Боснийского кризиса, итало-турецкой войны, Балканских войн, миссии Лимана фон Сандерса в Константинополе и подготовки Первой мировой войны.

* * *

Получить информацию и сделать заказы можно
на сайте: www.militaryhistory.ru, по e-mail: kvadriga.izdat@mail.ru
или телефону (499) 766-74-57

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «КВАДРИГА»
ВЫШЛА В СВЕТ:

И. В. Курукин, А. Б. Плотников

19 января – 25 февраля 1730 года:

события, люди, документы

280 с. + илл

События 19 января – 25 февраля 1730 г. имеют особое значение в российской истории: утвержденная Петром I императорская власть была ограничена, что могло бы в случае успеха попытки стать важным фактором дальнейшей истории. В науке и в общественной мысли оценки этого эпизода полярны: от решительного осуждения «олигархического переворота» до признания его прогрессивным конституционным движением.

Важность изучения политических представлений дворянства и их конкретных проявлений определяется востребованностью исторического опыта проведения реформ в России, соотношением насильственных и ненасильственных методов.

Авторами обнаружены новые архивные материалы, предложены новое прочтение и датировка комплекса имеющихся документов Верховного тайного совета и дворянских «мнений», – что важно для понимания хода событий, выявления уровней политической культуры российского дворянства, раскрытия механизма политической борьбы, завершившейся восстановлением самодержавия, и ее последствий для дальнейшего развития общества.

Впервые комплексно публикуется весь документальный материал о перевороте 1730 г. В приложении помещены данные об участниках событий по группам, что позволило создать их «коллективный портрет».

* * *

Получить информацию и сделать заказы можно
на сайте: www.militaryhistory.ru, по e-mail: kvadriga.izdat@mail.ru
или телефону (499) 766-74-57

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «КВАДРИГА»
В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ВЫЙДЕТ В СВЕТ:

С. Г. Нелипович

Союз двуглавых орлов

русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в.

408 с. + илл

Смерть Петра Великого стала заключительным актом бурной эпохи развития России в первой четверти XVIII в. Во внешней политике наступило время выбора ориентации в Европе: радикально изменилась не только страна, но и ее место в системе европейских государств.

Оказавшись в международной изоляции после Петра, Россия нашла союзника в лице Австрии. Стороны не имели территориальных взаимных претензий и неразрешимых противоречий, их связывала общность внешнеполитических интересов. Для России результатами союза стали международная гарантия результатов Северной войны, органическое вхождение в политическую систему Европы, укрепление ее роли в качестве великой державы. При помощи союза с Австрией были решены польская и восточная проблемы: обеспечена безопасность южных и западных границ. Альянс явился важным фактором европейской стабильности.

Монография С. Г. Нелиповича впервые комплексно освещает сотрудничество двух держав во второй четверти XVIII в. на основе изучения большого массива как опубликованных, так и неопубликованных документов.

* * *

Получить информацию и сделать заказы можно
на сайте: www.militaryhistory.ru, по e-mail: kvadriga.izdat@mail.ru
или телефону (499) 766-74-57

Автор на новом архивном материале освещает поход
Петра 1722–1723 гг. на Западный Каспий и Кавказ